

ARCHAEOLOGICA VARIA

Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль

**БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ
АДЖИНА-ТЕПА
(ТАДЖИКИСТАН)**

РАСКОПКИ. АРХИТЕКТУРА. ИСКУССТВО

Санкт-Петербург
2010

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
STATE HERMITAGE
ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
FACULTY OF PHILOLOGY

THE BUDDHIST MONASTERY OF AJINA-TEPA (Tajikistan) Excavations. Architecture. Art

by
Boris A. Litvinskij and Tamara I. Zeimal'

3rd, revised and supplemented, edition
Edited by Tigran K. Mkrtichev

Nestor–Historia
St. Petersburg
2010

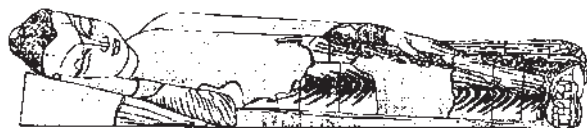
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль

**БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ
АДЖИНА-ТЕПА (Таджикистан)
Раскопки. Архитектура. Искусство**

Издание 3-е,
исправленное и дополненное

Под редакцией Т. К. Мкртычева

Нестор–История
Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3(0)31
Л64

Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.

Л64 Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан): Раскопки. Архитектура. Искусство. Изд. 3-е, испр. и доп. / Под ред. Т. К. Мкртычева. — СПб.: Нестор-История, 2010. — 324 с., ил. (Серия «Archaeologica Varia»).

ISBN 978-5-98187-690-4

Это третье издание (и второе на русском языке) материалов раскопок Аджина-тепа — буддийского монастыря VII в. н. э., развалины которого находятся на юге Таджикистана (древней Бактрии/Тохаристана). По сравнению с первым русским изданием (1971 г.), в котором были учтены результаты работ на этом важном религиозном памятнике в 1960–1966 гг., эта книга, как и ее второе, итальянское издание (на английском языке, 2004 г.), включает в себя данные, добытые в ходе исследований в 1967–1975 гг. Специальная глава монографии посвящена истории буддизма в Средней Азии.

Книга рассчитана как на специалистов в области археологии Средней и Центральной Азии, так и на всех тех, кто интересуется материальной и духовной культурой древнего Среднего Востока.

ББК 63.3(0)31

Litvinsky B. A., Zeimal' T. I

The Buddhist Monastery of Ajina-Tepa (Tajikistan): Excavations. Architecture. Art. 3rd ed., rev. and suppl. / Ed. by Tigran K. Mkrtychev. — St. Petersburg: Nestor-Historia, 2010. — 324 с., ill. (Archaeologica Varia).

ISBN 978-5-98187-690-4

This is the third edition (and the second one in Russian) of the materials excavated at Ajina-Tepa, the Buddhist monastery that existed in the 7th century A.D. in the south of Tajikistan (ancient Bactria/Tokharistan). In comparison with the first Russian edition (1971), which comprised the results of works at this important religious site in 1960–1966, this book includes, like its second, Italian, edition (in English, 2004), the data obtained in the course of investigations there in 1967–1975. A special chapter is devoted to the history of Buddhism in western Central Asia.

The book is addressed both to experts in the field of Central Asian archaeology and to all those who are interested in material and spiritual culture of the ancient Middle East.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-01-16112д)*

ISBN 978-5-98187-690-4

© Наследники Б. А. Литвинского, 2010
© Наследники Т. И. Зеймаль, 2010
© Т. К. Мкртычев (предисловие и научная редакция), 2010
© С. В. Лебединский, оформление, 2010
© Издательство «Нестор-История», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Недавно ушедшие от нас Борис Анатольевич Литвинский (17.04.1923 — 20.08.2010) и Тамара Ивановна Зеймаль (30.12.1929 — 18.03.2009) хорошо известны в научном мире и как выдающиеся исследователи Центральной Азии, и как соавторы. В 1971 году в издательстве «Искусство» они выпустили книгу «Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура», которая еще со временем моей студенческой юности поражала не только уникальным материалом, но и энциклопедическим подходом к изучению истории буддизма в Средней Азии. Знаю, что для многих среднеазиатских археологов данная книга была своеобразным пособием по истории религий дому-сульманской Средней Азии, с успехом заменявшая, как правило, недоступные в те годы библиотеки.

Настоящая книга представляет собой не просто переиздание оригинального труда 1971 г., она его существенно дополняет. Так случилось, что Южно-Таджикистанский археологический отряд под руководством Б. А. Литвинского начал раскопки Аджина-тепа в 1960 году, и в монографию 1971 года вошли материалы работ экспедиции 1960–1966 гг. Между тем изучение памятника было продолжено, и в 1975 году раскопки на нем были завершены. Отдельные материалы, полученные за время работ с 1967 по 1975 годы, уже были опубликованы соавторами в ряде статей. Так, полный план Аджина-тепа был напечатан в их совместной статье «Некоторые аспекты иерархии и семантики ступа в Средней Азии и Индии»¹. Однако, очевидно, что полностью раскопанный объект такого класса как Аджина-тепа, явление не столь частое в археологии Средней Азии. Для введения в научный оборот всего полученного на Аджина-тепа материала необходима была большая итоговая монография. Как мне известно, рукопись новой книги была готова к публикации уже более пятнадцати лет тому назад. К сожалению, ни одно отечественное издательство не смогло тогда взять на себя расходы по ее публикации. Это оказалось под силу только нашим итальянским коллегам. После долгих лет подготовки Итальянский Институт Африки и Востока опубликовал монографию на английском языке², которая включает не только публикацию нового материала по Аджина-тепа, не вошедшего в первое издание книги, но и значительно расширенную аналитическую часть, посвященную истории буддизма в Средней Азии. И вот теперь обновленный вариант монографии «Аджина-тепа» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда появился, наконец, на русском языке, выполняя, таким образом, волю ее авторов.

Буддизм как религиозное учение и как культурный феномен сыграл важную роль в истории Средней Азии. Богатая письменная традиция учения; детально регламентированная монастырская организация, составной частью которой было хорошо поставленное обучение; культовая архитектура с установленными типами сооружений и

¹ См.: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 164–186.

² *Litvinskij B. A., Zeimal' T. I. The Buddhist Monastery of Ajina Tepa, Tajikistan: History and Art of Buddhism in Central Asia. Rome, 2004.*

своеобразным институтом архитекторов; разнообразная пропаганда; яркое конфессиональное искусство с канонической иконографией — все это делало буддизм мощным фактором, оказавшим влияния на различные стороны жизни народов, населяющих Среднюю Азию на протяжении всего первого тысячелетия нашей эры.

Одна из сторон специфики изучения истории буддизма в Средней Азии заключается в том, что основными источниками по данной проблеме являются памятники археологии.

Уже во время первых археологических экспедиций в Среднюю Азию здесь были выявлены буддийские памятники. Так, А. С. Стрелков — участник Термезской экспедиции Государственного музея Востока, проводивший изучение городища Старый Термез в 1926–1928 гг., интерпретировал несколько холмов как остатки буддийских сооружений («башня Зурмала», пещеры на холме Кара-тепе). Кроме того, на городище им была собрана коллекция фрагментов каменной буддийской скульптуры³.

На сегодняшний день в результате археологических работ и случайных находок на территории Средней Азии⁴ открыто около 30 объектов, которые в научной литературе принято относить к буддизму⁵. Выявленные памятники представляют различные категории буддийских сооружений (ступы, монастыри, храмы), и датируются в широком хронологическом диапазоне с I по X вв. н. э.

Существует обширная литература по различным вопросам среднеазиатского буддизма. Она включает, как публикации отдельных вещей или памятников, так и обобщающие работы, посвященные определенным категориям буддийских памятников, процессу распространения буддизма в Среднюю Азию⁶. Несмотря на проблемы с финансированием археологических раскопок, изучение буддийских памятников Средней Азии продолжается⁷; выявляются случайные находки, связанные с буддизмом; выходят новые публикации. Значительно увеличивающийся объем материала по истории буддизма в Средней Азии позволяет не только подходить к решению спорных вопросов, но и, что немало важно для дальнейшего развития науки, ставить новые.

Многолетние исследования показали, что наибольшая концентрация буддийских памятников в Средней Азии приходится на Бактрию-Тохаристан — историко-культурный регион, который в настоящее время занимает территорию юга Узбекистана, большей части Таджикистана и севера Афганистана. Данная монография посвящена раскопкам ключевого памятника раннесредневекового буддизма в этом регионе — монастырю Аджина-тепа, который расположен недалеко от современного города Курган-Тюбе в Таджикистане.

Монография состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и альбома цветных иллюстраций. Во введении (Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль)

³ Стрелков А. С. Зурмала или Катта-Тюбе около Термеза // Культура Востока. Сборник музея Восточных культур. Вып. 1. М., 1927. С. 27–30; Стрелков А. С. Доисламские памятники Древнего Термеза // Культура Востока. Вып. 2. М., 1928. С. 41–47

⁴ Следует оговориться, что, как правило, речь идет о территории бывших советских республик Средней Азии — Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении, отчасти Казахстана.

⁵ Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). М., 1998. С. 13–22. Рис. 1.

⁶ Назовем только основные работы последних лет: Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. Указ. соч.; Rhie M. Early Buddhist Art in China and Central Asia. Handbuch der Orientalistik. Leiden; Boston; Köln, 1999; Мкртычев Т. К. Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М., 2002.

⁷ Пидяев Ш. Р., Катто К. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане — 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004. С. 147–158

дается краткий географический очерк Вахшской долины, где расположен памятник Аджина-тепа, а также подробно приводится история археологического изучения данного района Тохаристана.

Первая глава «Аджина-тепа. Раскопки и хронология» (Т. И. Зеймаль) содержит описание памятника, его планировки и архитектуры, предлагается общая датировка и периодизация его существования. До начала раскопок памятник представлял прямоугольную возвышенность, размером 50 × 100 м, который состоял из двух холмов квадратной планировки — юго-восточного с понижением в центре; северо-западного — с повышением в центре. В результате работ памятник был вскрыт полностью, что показало наличие двух самостоятельных частей — монастырской, ядром которой являлся квадратный двор (юго-восточная часть); и храмовой — во дворе которой располагалась монументальная ступа (северо-западная часть). Обе части связывались между собой проходным помещением. Сооружение было возведено из пахсовых блоков и прямоугольных сырцовых кирпичей, характерных для ранне-средневекового среднеазиатского строительства.

Судя по многочисленным монетным находкам, удалось установить, что монастырь был построен примерно в середине VII в. и окончательно покинут в середине VIII в.

На основании стратиграфии исследователи выделили следующие периоды существования памятника: а) период сооружения; б) I период (когда сооружение функционировало как буддийский монастырь); 3) период запустения; 4) II период (вторичное обживание; в это время сооружение уже не было буддийским монастырем и лишь частично обживались разрушающиеся помещения) (с. 20).

Очевидно, что в первый период — период функционирования в качестве буддийского монастыря — памятник довольно интенсивно обживался. В разных частях сооружения зафиксированы следы ремонтных работ (обмазки ганчем, покраска, закладка проходов и пр.), однако синхронизировать их между собой не представляется возможным.

Культовая специфика памятника определила незначительный объем находок, большая часть которых концентрировалась в монастырской части сооружения. Это касается и самого массового археологического материала среднеазиатских памятников — керамики.

Керамический комплекс первого периода представлен в основном чирагами (светильниками) и небольшим количеством столовой посуды хорошего качества (фрагменты тонкостенных чаш с красным ангобом, кувшинов с яйцевидным туловом). Керамика, соответствующая второму периоду, представлена фрагментами толстостенных горшков, крышек, жаровен, крупных чаш (с. 28). Вместе с тем, к сожалению, в данное издание не вошли таблицы керамики, а также стекла, которые содержались в первой публикации⁸. Мне кажется, что было бы уместно и в этом издании показать керамический материал памятника, датировка которого считается эталонной; тем более, что именно на основе керамики, как правило, датируются изучаемые в Средней Азии археологические объекты.

Глава вторая «Архитектурная композиция. Оформление. Конструктивные методы» (Б. А. Литвинский) посвящена анализу архитектуры памятника и некоторых находок.

Планировка Аджина-тепа состоит из двух частей, каждая из которых строится вокруг центрального двора с четырьмя айванами, расположенными на центральных осях. Геометрическая точность каждой из частей планировки сочетается с их зеркальной симметрией и конгруэнтной симметрией внутри планировки каждой час-

⁸ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971. С. 24–25.

ти. Соответственно, монументальная ступа в центре храмовой части представляет собой конгруэнтную ось, вокруг которой может бесконечно осуществляться обряд обхода ступы — прадакшана (с. 45–46).

Не меньшую роль в планировке Аджина-тепа играют малые ступы, зафиксированные в нескольких помещениях храмовой части. Они также отмечают различные оси симметрии внутри отдельных участков сооружения (с. 46).

Наряду с монументальными ступами разных масштабов на Аджина-тепа были найдены миниатюрные штампованные глиняные ступы. Со свойственным ему энциклопедическим охватом, Б. А. Литвинский подробно рассматривает аналогии этим ступам и их символику в буддийском учении (с. 46–52).

Кроме того, в главе содержится экскурс о генезисе и развитии четырех айванной дворовой планировки, которая появляется на Аджина-тепа и становится необычайно популярной в средневековой мусульманской архитектуре. Б. А. Литвинский полагает, что процесс формирования четырех айванной дворовой композиции в планировке Аджина-тепа отражает совмещение двух традиций: индийской, где издавна существовали ограды вокруг ступы с четырьмя воротами (*torana*), и среднеазиатской, где айван, как зал-пронаос, являлся распространенной частью культовой архитектуры (с. 68).

Анализируя функциональное назначение памятника с канонической терминологией культовых буддийских сооружений, Б. А. Литвинский приходит к выводу, что Аджина-тепа представляет типичный буддийский монастырь, в котором существовало обязательное сочетание двух частей — храмовой (двор *so stupa*) и монастырской (*vihara*) (с. 70).

Отдельные конструктивные детали, материалы строительства ясно указывают, что Аджина-тепа был построен местными строителями, которые действовали по каноническим правилам буддийской архитектуры, выработанными в Индии. Точное следование канонам буддийской архитектуры вдали от мест ее формирования не представляется чем-то невероятным. Как отмечает Б. А. Литвинский, в письменных источниках говорится и о существовании специальных людей в сангхе, призванных осуществлять контроль за строительством культовых объектов, и о моделях буддийских культовых сооружений, которые служили образцом при возведении памятников, и могли перевозиться на огромные расстояния — от Индии до Китая (с. 72).

В третьей главе «Живопись и скульптура» (Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль) подробно рассматривается художественное оформление Аджина-тепа. Глава включает два раздела, в которых анализируются разные виды искусства.

Первый раздел посвящен настенной живописи. Авторы приводят описание найденных живописных фрагментов по помещениям, которые они украшали. В некоторых местах живопись сохранилась на стенах *in situ*; в большинстве случаев — извлечена из завалов. Суммируя полученные данные, авторы реконструируют технико-технологические особенности настенной живописи Аджина-тепа и сравнивают их как с синхронными произведениями буддийской живописи региона (Кала-и Кафирниган), так более ранними образцами (Халчаян, Фаяз-тепе, Дильберджин). Среди приведенного сравнительного материала, большой интерес представляют наблюдения Б. А. Литвинского о технологии живописи Какрака, сделанные им во время работы в Кабульском музее (с. 86).

Одной из особенностей живописи Аджина-тепа было полное отсутствие попыток передачи объема при помощи света и тени (с. 87).

Рассмотрев весь объем росписей, авторы полагают, что в живописном оформлении принимали участие несколько художников, придерживающихся одних методов письма, но сохраняющих свою индивидуальность (с. 87).

Несмотря на фрагментарность живописных изображений Б. А. Литвинскому и Т. Е. Зеймаль удалось интерпретировать несколько сцен. В частности, фрагмент, на котором запечатлены ряды сидящих Будд, украшавший свод коридора. По мнению авторов, это изображение воспроизводит эпизод появления в небе тысячи Будд во время чтения Лотосовой сутры, что в целом отражает и распространенное тождество свода и неба (с. 87–88).

Наряду с сюжетной живописью в оформлении Аджина-тепа присутствует и орнаментальная живопись, для которой авторы выделяют две группы. Первая группа включает виды орнамента, в основе которого было ритмичное повторение определенного изображения. Он мог быть и геометрическим, и растительным, и комбинировать эти два вида. Как правило, такой орнамент служил для росписи больших площадей и отбивки бордюров. Вторая группа включает изобразительный орнамент, входивший в сюжетную картину в виде фона или декоративных элементов. Орнамент покрывал значительно меньшие площади (с. 91–92). На мой взгляд, к подробному описанию орнаментов Аджина-тепа не достает небольшой таблицы, в которой они все были бы наглядно представлены.

Единственным случаем, когда в качестве рапорта орнамента использовались изобразительные элементы, является орнамент, составленный из фазанов, на подушке в изголовье Будды. Хотелось бы обратить внимание, что подобные фазаны в перлах украшают подушку в изголовье Будды в сцене нирваны в настенной живописи пещеры № 158 в Дуньхуане, датирующейся серединой правления династии Тан⁹.

Очень важной для понимания специфики существования буддийской общины монастыря Аджина-тепа представляется следующая характеристика настенной живописи, на которую авторы обратили внимание. Речь идет о том, что с момента строительства, когда было выполнено живописное оформление памятника, несмотря на многочисленные ремонты, повторные живописные работы, связанные с изобразительностью, отмечены только в помещении 1 (святителище). При этом они характеризуются более низким профессиональным исполнением (с. 84). Таким образом, очевидно, что на определенном этапе существования монастыря (когда потребовалось провести очередной ремонт) община не смогла найти средства для привлечения художников, которые профессионально выполнили бы поновление живописи.

Второй раздел главы посвящен скульптуре. Также как и с настенной живописью, описание скульптурных фрагментов дается по помещениям, где они были зафиксированы.

Авторы уделяют большое внимание технико-технологическим характеристикам аджинатепинской скульптуры. Основным материалом аджинатепинской скульптуры служила глина. Традиция глино-ганчевой скульптуры Средней Азии в общих чертах сформировалась в греко-бактрийское время и сохранилась вплоть до арабского времени. При этом с кушанского времени можно говорить о том, что глино-ганчевая скульптура стала обязательным элементом оформления буддийских памятников Средней Азии, а буддийское искусство являлось основным хранителем ее технологических принципов.

Обычно, при изготовлении скульптуры применялся каркас (дерево, камыш и пр.), на котором крепилась глиняная основа. На основе путем наложения большого коли-

⁹ Duan Weinjie. Dunhuang Art. New Delhi, 1994. Ill.40. Очевидно, что мотив медальонов в перлах был заимствован Китаем из иранского мира (см.: Лубо-Лесниченко Е. И. “Сасанидские” перлы в Китае // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 83–94). Однако, неисключено, что в данном случае мы имеем уже пример обратного влияния — китайские детали иконографии в сцене нирваны (“иранская” подушка под головой Учителя) входят в оформление монастыря в Тохаристане.

чества тонких слоев создавался объем. Верхний лицевой слой, как правило, делался из скульптурной глины: на Аджина-тепа это была желто-коричневая или зеленая глина, в ряде случаев — тонкий слой ганча. Моделировка монументальной аджинатепинской скульптуры производилась вручную. Анализ скульптуры с Аджина-тепа, размеры которой не превышают натуральной величины, дает основание говорить об использовании матриц для изготовления лицевых частей с последующей подправкой. Помимо этого путем штамповки формовались мелкие детали — завитки волос, розетки, лепестки лотоса и т. п. Вследствие не очень хорошей сохранности найденных фрагментов, вопрос о методах крепления различных частей скульптуры между собой не был решен. Наиболее примечательной технологической особенностью аджинатепинской скульптуры является отсутствие каркаса (с. 126–129).

Как уже отмечалось, за время существования памятника как буддийского монастыря неоднократно проводились ремонтные работы, которые включали и поновление скульптуры. Очень показательно этот процесс был отслежен на монументальной скульптуре Будды в нирване (с. 128).

Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль подробно рассмотрели репертуар и иконографию образов скульптуры, украшавших буддийский монастырь.

Анализируя иконографию аджинатепинской скульптуры, авторы выделяют два фактора, оказавших воздействие на ее формирование. Во-первых, влияние гандхарской скульптуры; причем, в глиняной скульптуре Аджина-тепа в наибольшей степени прослеживается традиция каменной гандхарской скульптуры. И, во-вторых, влияние скульптуры эпохи Гуптов, которое отразилось в драпировках и одеянии аджинатепинских Будд и бодхисаттв (с. 131–132).

Реконструкция иконографической программы монастыря показывает, что центральное место в ней занимал образ Будды. Среди найденных фрагментов по своим размерам выделяются две колоссальные скульптуры — сидящая фигура Будды, высота которой реконструируется около 4 м (помещение 1, т. н. «святотелище»); и Будда в нирване, достигающий 12 м (коридор 23) (с. 130–136).

По наблюдениям исследователей, уже в конце IV — начале V вв. в скульптуре намечается тенденция к значительному увеличению размеров Будды по сравнению с окружающими персонажами. По существу, эта тенденция отражает формирование одной из концепций Махаяны — «космического тела Будды» (*Lokottara*), которая в полной мере проявилась в гигантских скульптурах Будды, хорошо известных на ряде буддийских памятников от Афганистана до Северного Китая (с. 135–136).

Наряду с образом Будды в репертуар аджинатепинской скульптуры входили образы бодхисаттв, деватов, светских персонажей, монстров и демонических существ.

Подводя итог анализу памятников искусства, найденных на Аджина-тепа, авторы отмечают высокий профессиональный уровень исполнения мастеров, украшавших этот буддийский монастырь в Тохаристане; а, кроме того, широкие связи, соединяющие их с художественными традициями и Восточного Туркестана (памятники Турфана) и Южного Афганистана (Тапа Сардар в Газни).

Глава четвертая «Аджина-тепа и история буддизма в Средней Азии» (Б. А. Литвинский) представляет собой наиболее полный свод данных, как об основных археологических буддийских памятниках Средней Азии, так и письменных источников, так или иначе касающихся среднеазиатского буддизма. Надо отметить, что автор данной главы уже много сделал для ее написания¹⁰.

¹⁰ По существу Б. А. Литвинским был первым, кто собрал и сопоставил письменные источники по истории буддизма Средней Азии с археологическими данными этого региона см.: *Litvinsky B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968; Литвинский Б. А. Распространение буддизма в Средней Азии // Центральная Азия*

Изучение истории буддизма в Средней Азии начинается с блока вопросов, связанных с датировкой начала распространения буддийского учения и особенностями этого процесса.

Исследователи этой проблематики единодушны в том, что первым среднеазиатским регионом, куда проник буддизм, была Бактрия.

Исключая крайние мнения, согласно которым буддийские миссионеры могли достичь Бактрии еще во времена Ашоки¹¹, Б. А. Литвинский приводит ряд свидетельств о присутствии буддизма в Восточном Иране уже в первые века до нашей эры (с. 144–145). Однако самые ранние материальные свидетельства буддийского существования в Бактрии, которыми мы пока располагаем, относятся к I в. н. э.¹² Буддийская традиция считает приверженцем учения самого известного кушанского правителя Канишку. Между тем, в рабатакской надписи среди богов, которым поклоняются кушанские цари, Будда не упомянут¹³. Б. А. Литвинский предлагает не отвергать категорически принадлежность Канишки к буддизму, резонно говоря о том, что его обращение могло произойти уже после создания рабатакской надписи (с. 147).

Пытаясь объяснить причину распространения буддизма в Средней Азии в первые века нашей эры, автор сомневается в том, что привлекательные лозунги о социальном равенстве буддийской общины побуждали местное население обращаться к учению. Совершенно справедливо Б. А. Литвинский указывает на специфику буддийской пропаганды этого времени, которая была в основном направлена на правящие круги. Следствием этого являлась поддержка буддийской общины со стороны местной элиты, что обеспечивало процветание буддизма в регионе в кушанское время (с. 161–162). Это положение хорошо иллюстрируют данные эпиграфики, полученные на одном из буддийских памятников региона — Кара-тепе. Среди донаторов перечислены правитель, сын правителя, казначей, военачальник (?), должностное лицо¹⁴.

Еще один вопрос, который имеет принципиальное значение при изучении особенностей буддизма в Бактрии-Тохаристане: представители каких этносов входили в состав местной монашеской общины? Не останавливаясь на этой теме подробно, Б. А. Литвинский, приводит данные источников, где говорится о значительной роли местных жителей в распространении и разработке буддийского учения в регионе (с. 147).

Письменные источники и данные эпиграфики свидетельствуют, что в кушанское время в Бактрии-Тохаристане получили распространение несколько буддийских школ — Вайбхашика (Vaibhasika), Махасангхика (Mahasamghika), Самматия (Sammatiya), Сарвастивада (Sarvastivada) и Дхармагуптака (Dharmaguptaka) (с. 148). Не-

в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975. С. 191–199; Литвинский Б. А. Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // *Азия — диалог цивилизаций*. СПб., 1996. С. 154–193; Литвинский Б. А. Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность) // *Московское востоковедение*. М., 1997. С. 55–77; Litvinsky B. A. Die Geschichte des Buddhismus in Ostturkistan. Wiesbaden, 1997. Подробный перечень работ автора по буддизму и буддийской культуре см. Лейва Д. С., Мейтарчиян М. Б. Библиография печатных работ Б. А. Литвинского // *Древние цивилизации Евразии. История и культура*. М., 2001. С. 8–44.

¹¹ Bagchi Pr. Ch. India and Central Asia. Calcutta, 1955. P. 32.

¹² Речь идет о находках монет «сотер мегаса» на ранних полах ряда буддийских сооружений Бактрии — см.: Мкртычев Т. К. Еще раз об особенностях буддизма в Бактрии // *Transoxiana*. Ташкент, 2004. С. 292.

¹³ Sims-Williams N., Cribb J. New Bactrian Inscription // *Silk Road Art and Archaeology*. IV. 1995/96. P. 107–109.

¹⁴ Вертоградова В. В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1995. С. 44–48.

смотря на принадлежность перечисленных школ к Хинаяне, они разрабатывали ряд концепций, которые получили дальнейшее развитие в Махаяне, в частности, культ бодхисаттв, поклонение ступе и пр. Помимо того, что данные о буддийских школах демонстрируют связи Бактрии с другими частями буддийского мира, сопоставление археологического материала с теоретическими буддийскими концепциями позволяет лучше понять специфику устройства и оформления буддийских памятников региона.

Выстраивая картину истории буддизма в Средней Азии, автор приводит краткий обзор основных буддийских памятников и их характеристики. В этой части работы мне хотелось бы сделать несколько уточнений и высказать свою точку зрения на некоторые вопросы. На протяжении многих лет мне довелось участвовать в работах Совместной археологической экспедиции учреждений культуры СССР на Кара-тепе. Последний год работы велся осенью 1994 года¹⁵, после чего российская сторона более не участвовала в изучении этого памятника. В дальнейшем раскопки осуществлялись и продолжают осуществляться совместной узбекско-японской экспедицией (руководители Ш. Р. Пидаев и К. Като)¹⁶. Что касается датировки, Кара-тепе, то на сегодняшний день мы располагаем данными, согласно которым строительство первых сооружений относится ко второй половине — концу I века нашей эры. Расцвет Кара-тепе, который, несомненно, был крупным буддийским центром в Северной Бактрии, приходится на кушанское время II—III вв. Вместе с тем, несмотря на то, что позднее большинство сооружений на Кара-тепе забрасывается, и размеры центра значительно сокращаются, отдельные сооружения продолжают выполнять роль буддийских культовых объектов еще и в IV—VI вв.¹⁷. Однако для VII века¹⁸ имеется единственная посетительская надпись индийца-паломника на стене пещеры, в то время как весь памятник был уже в запустении¹⁹.

Другой важнейший памятник буддизма кушанского времени Фаяз-тепе был раскопан Л. И. Альбаумом²⁰. Здесь получена большая коллекция скульптуры и настенной живописи. Наряду со знаменитой скульптурой Будды с предстоящими монахами²¹, не меньшую известность имеет фрагмент настенной живописи, содержащий изображение персонажа, над головой которого нанесена надпись бактрийским письмом имени Фарро. Обычно, этот фрагмент рассматривается как пример поклонения местных богов (в частности, иранского бога Фарро) Будде (с. 155). Вместе с тем, осенью 2004 года мне довелось общаться с Н. Симс-Уильямсом, который изучал эту надпись в Музее истории Узбекистана в Ташкенте. По его мнению, на фрагменте сохранилась только часть теоморфного имени. Следовательно, перед

¹⁵ Не 1997 год, как указано в данном издании см. с. 154. Библиография по памятнику см.: *Ставиский Б. Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии. Указ. Соч. С. 236. Прим. 44; а также основные итоги изучения Кара-тепе за 1961—1994 гг. содержатся в статье Ставиского Б. Я. и Мкртычева Т. К. — *Stavisky B., Mkrtychev T.* Qara-Tepe in Old Termez: On the History of the Monument // *Bulletin of the Asia Institute.* Vol. 10. 1996. P. 219—232.

¹⁶ *Пидаев Ш. Р., Като К.* Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане — 2003 год. Вып. 4. Ташкент, 2004. С. 147—158.

¹⁷ *Stavisky B., Mkrtychev T.* Qara-Tepe in Old Termez: On the History of the Monument // *Bulletin of the Asia Institute.* Vol. 10. 1996. P. 219—232

¹⁸ Б. А. Литвинский приводит датировку Кара-тепе II—VII вв. на с. 166.

¹⁹ *Вертоградова В. В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе: проблемы дешифровки и интерпретации. М., 1995. С. 46, 39.

²⁰ Библиография по Фаяз-тепе см.: *Ставиский Б. Я.* Судьбы буддизма. С. 44—50. Прим. 24.

²¹ *Альбаум Л. И.* Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе // Древняя Бактрия. Л., 1974. Рис. на с. 56.

Буддой предстоит не сам бактрийский бог, а бактриец-донатор. Хочется напомнить, что кушанская иконография Фарро достаточно хорошо известна, в частности, по монетам²² и, конечно же, она отличается от иконографии персонажа в живописи Фаяз-тепе.

Обращаясь к не менее известному буддийскому памятнику Айртаму, Б. А. Литвинский пишет о знаменитом Айртамском фризе. Следует отметить, что, по существу, именно Айртамский фриз стал отправной точкой для рассмотрения проблемы природы буддийского искусства Бактрии и его соотношения с искусством Гандхары²³. Не останавливаясь на деталях полемики по этому вопросу, автор, также как итальянский исследователь Ч. Ло Муцио²⁴, приходит к выводу о том, что буддийская скульптура Бактрии была школой буддийского искусства Гандхары (с. 156). С моей точки зрения, имело бы смысл расширенно аргументировать это мнение. Тем более, что Б. А. Литвинский обстоятельно рассмотрел вопрос соотношения искусства Бактрии и Гандхары в статье для «Иранской энциклопедии»²⁵.

Говоря о других памятниках буддизма в регионе, автор высказывает критические замечания, касающиеся планировок (святилище на Зартепе, загородный (Дт-1) и городской (Дт-25) храмы на Дальверзинтепе) и хронологии (Дт-25 на Дальверзинтепе) (с. 156–157). Так, например, Б. А. Литвинский справедливо отметил, что планировка Первого буддийского храма (Дт-1), расположенного в пригороде, не сопоставляется ни с одним из известных типов буддийских сооружений. Непонятно, на каком основании авторы раскопок назвали платформой для ступы останец, вокруг части которого раскопаны помещения, содержащие большое количество буддийской скульптуры?²⁶

Помимо Бактрии-Тохаристана, буддизм получил распространение и в других среднеазиатских историко-культурных регионах — Согде, Фергане, Семиречье, Уструшане, Мерве (Маргиане). Учитывая наличие региональных и хронологических различий, Б. А. Литвинский рассматривает положение буддийского учения в каждом конкретном историко-культурном регионе. Суммируя свидетельства письменных источников с археологическими данными, исследователь реконструирует в целом сложную картину распространения буддизма в Средней Азии (с. 174–185).

Очевидно, что новые материалы и новые исследователи будут вносить в эту картину определенные коррективы. Иногда появляется возможность по-новому взглянуть и переосмыслить уже хорошо известные данные. Это касается, в частности, фрагмента бронзовой фигурки льва, найденной на месте предполагаемого буддийского памятника в Саназаре (Согд), который, судя по аналогиям, может датироваться в широком диапазоне III–VI вв.²⁷

²² См. подборку иконографии Фарро на реверсе кушанских золотых монет: *Tanabe K. King Huvishka and the emergence of Vaisravana images in Gandharan art // Silk Road Art and Archaeology. 6. 1999/2000. P. 119–120.*

²³ *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940. С. 149–158. Следует отметить, что С. Хантингтон, говоря о взаимовлиянии Бактрии и Гандхары, предлагает называть этот регион Бактрийско-Гандхарским (*Huntington S. Ancient India. Buddhist, Hindu, Jain. New York; Tokio, 1982. P. 109–110.*

²⁴ *Lo Muzio C.* On the Musicians of the Airtam Capitals // *In the Land of Griffon. P. ??*

²⁵ *Litvinsky B.* Gandharan Art: Iranian Contribution and Iranian Connections // *Encyclopaedia Iranica.*

²⁶ *Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А.* Буддийское святилище в загородной зоне // *Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. Рис. 60. С. 90.* Позднее Г. А. Пугаченкова очень осторожно предположила, что данный останец мог служить не только основанием для ступы, но и играть роль «платформы статуй» по аналогии с Сурх-Коталом (*Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. С. 62.*

²⁷ *Мкртычев Т. К.* Буддийское искусство Средней Азии. Указ. соч. С. 160–161.

Надо сказать, что помимо слов восхищения, возникающих при прочтении этой части главы, у меня появилось и вполне конкретное пожелание. В таком полном обобщении, где упомянуто незначительное влияние буддизма на культуру Хорезма (с. 159), наверное, следовало бы как-то оговорить и практически полное отсутствие следов буддизма в Чаче, где, судя по последним материалам, было типичное для Средней Азии религиозное многообразие. Почему же Чач остался в стороне от буддийского учения? Уверен, что у Бориса Анатольевича существовало мнение на этот счет.

Второй большой блок вопросов, который часто поднимается при анализе истории среднеазиатского буддизма, касается времени и процесса распространения буддизма в Китай.

Суммируя высказанные точки зрения, Б. А. Литвинский поддерживает предположения Э. Цюрхера и З. Цукамото о том, что процесс проникновения буддийского учения в Китай мог иметь место уже в середине I в. до н.э. Между тем как документальные свидетельства о буддизме в Китае и появление некоторого количества последователей относятся к середине I в. н. э. (с. 149). В этой связи Б. А. Литвинский напоминает, что многие китайские источники в той или иной мере связывают появление в Китае буддизма с юэджями. По мнению исследователя, движение буддийских миссионеров на Восток отражает политические претензии Кушанского государства в Восточном Туркестане.

Китайские источники сообщают, что среди переводчиков буддийского учения на китайский язык было много выходцев из разных регионов Средней Азии, которые своей деятельностью внесли большой вклад в распространение учения (с. 150–151). Среди них, несомненно, знаковой фигурой, споры о которой касаются не только распространения буддизма в Китае, но и судьбы буддизма в Маргиане, был парфянин Ань Шигао. К аргументам, которые приводит Б. А. Литвинский, отвергая его принадлежность к правящей в Парфии Аршакидской династии (с. 151, прим. 72), можно добавить и работу А. Форте, относящего происхождение Ань Шигао к индо-парфянам²⁸.

Еще одна тема, тесно связанная с буддизмом, Средней Азией и Китаем это распространение буддийской пещерной архитектуры. Автор рассматривает возникновение традиции сооружения пещерной буддийской архитектуры с анализа наиболее ранних известных нам примеров — пещерных храмов Западной Индии маурийского времени (Судамы и Ламасы Риши в Барабарских горах Бихара). В последующем развитие пещерной архитектуры привело к возникновению сооружений, которые соединяли в себе монастырскую (vihara) и храмовые (caitya) части²⁹. Очевидно, примерно в первые века нашей эры пещерная архитектура получила распространение в Гандхаре и Бактрии. Отмечая существование множества аналогичных характеристик между буддийскими пещерными памятниками разных регионов, Б. А. Литвинский точно выстраивает линию распространения буддийской пещерной архитектуры: Бактрия — Восточный Туркестан — Северный Китай (с. 162–166).

Как справедливо отмечает Б. А. Литвинский, буддизм был не единственной религией, существовавшей в Средней Азии на протяжении первого тысячелетия нашей эры. Исследователь приводит многочисленные примеры взаимодействия буддизма с местной разновидностью зороастризма, манихейством, христианством

²⁸ Forte A. The Hostage An Shigao and his offspring. Kyoto, 1995. P. 69. № 13.

²⁹ Кроме литературы, указанной Б. А. Литвинским (с. 164–165), о формировании пещерных буддийских монастырей см.: Dhavalikar M. K. The Buddhist rock-cut shrines of Western India // International Encyclopaedia of Buddhism. V. 24. New Delhi, 1997. P. 1825–1833.

(с. 153, 170—173). Кроме того, в процессе распространения буддизму пришлось иметь дело с разными этносами и разными государствами. Каждый из вышеперечисленных вопросов, по существу, может стать темой самостоятельных исследований. Поэтому остается только восхищаться, как Б. А. Литвинскому удалось затронуть основные аспекты этих сложнейших тем и сделать из них выводы, характеризующие общие процессы в истории буддизма в Средней Азии.

В значительной степени, судьбу буддизма в Средней Азии решило арабское завоевание. Но, как пишет Б. А. Литвинский, появление ислама в конце VII в. не поставило точку в истории буддизма в этом регионе. Целый ряд буддийских памятников продолжал функционировать. Кроме того, в Семиречье, находившемся вне контроля арабов, в VIII—IX вв. ведется строительство новых буддийских сооружений. И, несмотря на то, что уже примерно к концу IX в. буддизм остается практически без социальной базы и финансовой поддержки, он, как комплексный феномен культуры, продолжал оказывать влияние на культуру и искусство Средней Азии (с. 185—190). Следы буддийского влияния прослеживаются в системе образования, в архитектуре, в изобразительном искусстве, в теологии раннеисламского времени. Именно этот буддийский вклад способствовал формированию суфизма как неортодоксального направления в исламе.

Подводя итог своего пространного предисловия, с уверенностью могу сказать, что данная книга не просто публикация материалов одного из классических памятников среднеазиатского буддизма — раннесредневекового монастыря Аджина-тепа, но и краткая энциклопедия по истории буддизма в Средней Азии. Учитывая огромный интерес к среднеазиатскому буддизму и постоянное появление новых исследований по этой теме в мировой науке, следует признать крайнюю актуальность выхода данного издания именно на английском языке. Хорошо известно, что недостаточное знание нашими зарубежными коллегами материалов раскопок среднеазиатских памятников советского времени и основных идей наших исследователей, как правило, изданных по-русски, служит причиной ошибок, заблуждений и «новых открытий». В этой связи итальянское издание 2004 г. на английском языке в известной степени заполнило этот пробел. Однако по целому ряду причин оно оказалось малодоступным у нас в стране. И вот теперь с удовлетворением можно сказать, что и отечественные исследователи, а также широкий круг читателей, интересующихся историей буддизма, смогут прочитать эту книгу на русском языке.

Очевидно, что авторы монографии полностью выполнили стоящими перед ними огромные задачи. Во-первых, дополнили фактологическую базу по истории буддизма в Средней Азии публикацией великолепного материала. Во-вторых, Б. А. Литвинский в очередной раз дал концептуальное видение процесса распространения буддизма в Средней Азии. В-третьих, он обобщил сведения о взаимоотношениях буддизма с иными конфессиями, существовавшими в этом регионе в I тысячелетии. И, наконец, в четвертых, продемонстрировал влияние буддизма на формирование культуры Средней Азии как в домусульманское время, так и в эпоху ислама.

И немного личного. Прочтение монографии Бориса Анатольевича и Тамары Ивановны, уже, к огромному сожалению, ушедших из жизни, вызвало у меня ностальгию по среднеазиатской археологии прошлых лет. Впрочем, была и ответная реакция на грустные мысли — чувство ответственности за то, чтобы традиция, переданная нам старшим поколением, не прервалась.

*Т. К. Мкртычев,
доктор искусствоведения,
Государственный музей искусства народов Востока, Москва*

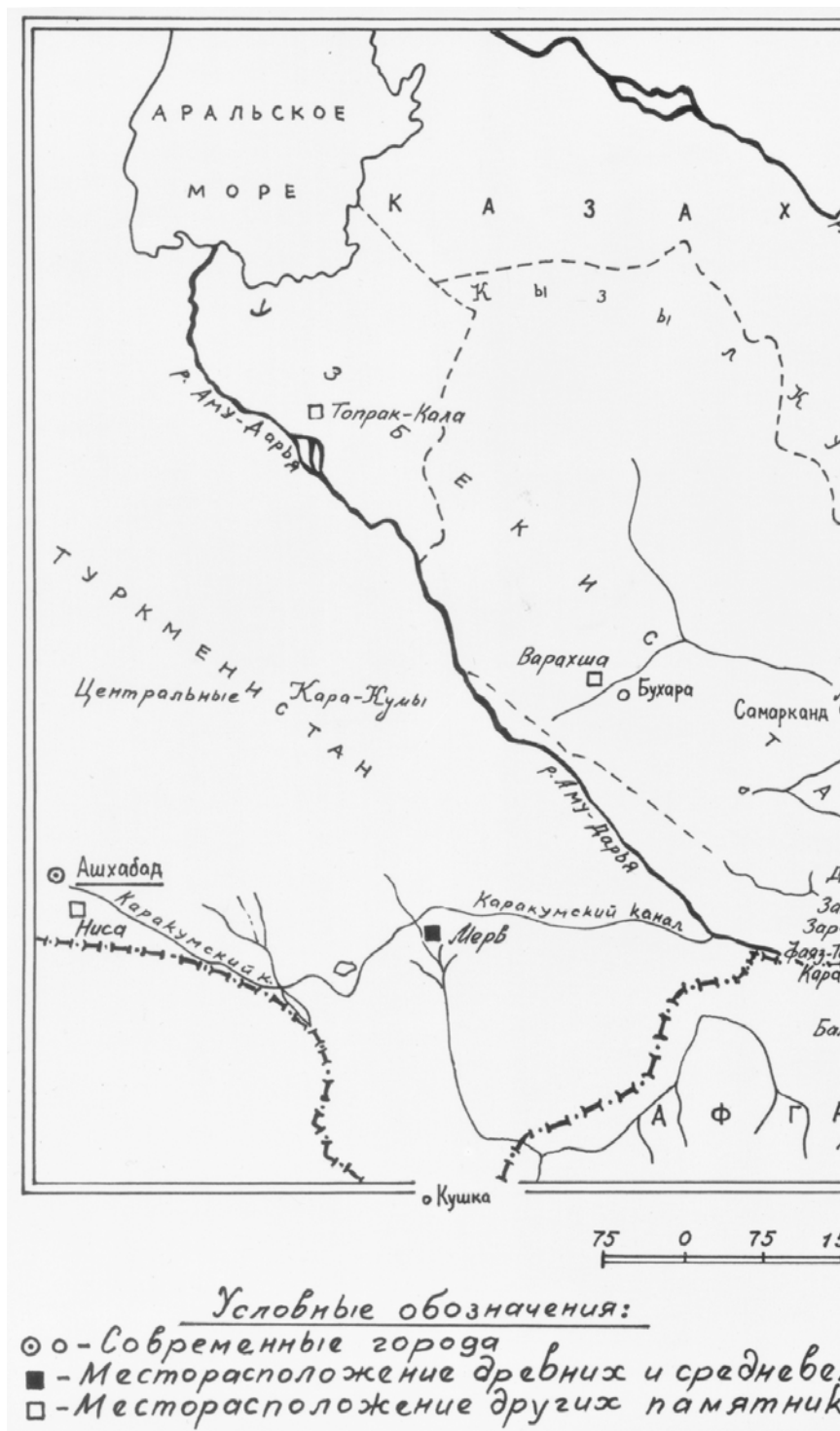
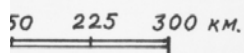

Рис. 1. Буддийские памятники

ов
коввых буддийских памятников

на территории Средней Азии

ВВЕДЕНИЕ

Аджина-тепа — буддийский монастырь VII в., развалины его находятся в Таджикистане, в 12,5 км к востоку от гор. Курган-Тюбе. Это территория Вахшской долины, самый юг современного Таджикистана. Вахшская долина расположена в нижней части реки Вахш, одного из основных притоков Пянджа. С запада, севера и востока долину окружают невысокие хребты гор Арук-Тау и Терекли, с юга ее омывает река Пяндж, по которой проходит в этом районе государственная граница Таджикистана и Афганистана. Вырвавшись из тесного ущелья в межгорную долину, Вахш течет 18 км с запада на восток. Затем за селением Кзыл-Кала он поворачивает на юго-запад и дальше сохраняет это направление на всем протяжении до устья. Долина вытянута с севера на юг (более 100 км). В северной части Вахш принимает справа два притока — реки Яван-су и Оби-Киик. Долины этих рек, как бы сливаясь в Вахшскую, составляют наиболее удобные для заселения массивы земель в правобережной части Вахшской долины. Ниже по течению реки заселено левобережье, у правого берега — бесплодные увалы.

За десятки тысячелетий своей истории Вахшская долина сильно изменила свой облик. Прежние уровни ее сохранились в виде террас, которых насчитывают пять. Первобытные люди жили на уровнях, которые соответствуют нынешним пятой и четвертой (самым верхним) террасам. Позже, в эпоху орошаемого земледелия, основная жизнь сосредоточивалась на третьей террасе. Максимальной ширины она достигает в районе города Курган-Тюбе — до 18–20 км; именно на этой террасе стоит и Аджина-Тева.

Почвы орошаемых земель Вахшской долины (типа сероземов) очень плодородны. Долина лежит в сухой субтропической зоне, похожей в климатическом отношении на сухие орошаемые области Африки (Египет, Алжир, Марокко), Америки (юго-западные штаты США) и некоторые области Индии. Средняя годовая температура 15–16. Лето очень жаркое — средняя температура июля 30–31, средняя зимняя температура обычно также положительная (1–3). За год выпадает в среднем около 260 мм осадков¹. В этих условиях в основной части долины земледелие могло быть только орошаемым. Головы древних (и современных) каналов были расположены на реке Вахш, там, где она выходит из горного ущелья. Сейчас в долине засеваются большие площади хлопчатником, причем здесь возделывается чрезвычайно ценный тонковолокнистый его сорт. Развито, кроме того, садоводство, виноградарство и огородничество; здесь даже выращивают (траншейным способом) великолепные лимоны и другие субтропические фрукты. Из субтропических культур следует также отметить герань. У населения долины много высокопродуктивного скота. В Вахшской долине расположено значительное количество энергетических и промышленных предприятий. Среди них немало крупных, таких, как Головная ГЭС и Перепадная ГЭС, трансформаторный завод, азотнотуковый ком-

¹ Почвы Вахшской долины и их мелиорация / Под ред. И. Н. Антипова-Каратаева и А. в. Жигачева. Душанбе, 1957. С. 9–65.

бинат и др. В этническом отношении основная часть местного населения Вахшской долины — таджики и узбеки, много русских и представителей других национальностей.

Путешественники конца XIX — начала XX в., описывая Вахшскую долину, сообщали о бесконечных тугаях (камышово-кустарниковых зарослях), о встречах с тиграми, о громадном количестве диких кабанов и другого зверья, о тысячах десятин пустующих засоленных земель, о маленьких селениях с полуголодными неграмотными жителями, о примитивных глинобитных домах — «кибитках». Сейчас ландшафт долины коренным образом изменился. Курган-Тюбе превратился в современный город, в долине десятки и сотни благоустроенных населенных пунктов. Там, где раньше пролегали узкие тропы, тянутся ленты асфальтовых дорог. И над зеленью полей — серые или черные громады мачт высоковольтных передач, трубы промышленных предприятий. События 1992 г., к сожалению, привели к значительным разрушениям, уничтожению больших групп населения и миграции других за пределы долины.

Дореволюционные путешественники с удивлением отмечали также заброшенные русла старых каналов и большое количество холмов искусственного происхождения (тепа), находки старинных жженных кирпичей и других предметов. Кто и когда прокладывал здесь каналы, возводил здания? Ответы на эти вопросы были получены в результате археологических исследований.

Вахшская долина, как и другие районы Южного Таджикистана, входила в XIX веке в состав Восточной Бухары, наиболее далекой и редко посещавшейся области Бухарского ханства. После присоединения Средней Азии к России в Вахшской долине побывали некоторые русские экспедиции и отдельные путешественники. Известный деятель дореволюционного Туркестана, редактор «Туркестанских ведомостей» Н. А. Маев в 1875–1879 гг. несколько раз побывал в Южном Таджикистане, в том числе в Вахшской долине. Он подробно описал один из крупнейших археологических памятников ее — городище Лягман (близ населенного пункта Узун), — как выяснилось впоследствии, это был средневековый центр области Вахш — город Хелаверд. Уже в 80-х гг. XIX в. участник экспедиции А. Э. Регеля топограф П. Е. Косяков отметил наряду с городищем Лягман также крепость в Курган-Тюбе и некоторые другие археологические объекты, в том числе остатки старых каналов. Позже старые оросительные каналы в долине были отмечены русским офицером Н. Февралевым. В 1915 г. изучением Вахшской долины в экономико-географическом плане занимался П. И. Гаевский. Он довольно подробно описал древнюю ирригационную сеть долины. Ценные материалы по истории и исторической географии этого района были приведены в трудах выдающихся востоковедов В. В. Бартольда и И. Маркварта.

Подлинно научное исследование археологических памятников Таджикистана, как и других республик Средней Азии, началось сравнительно недавно. Уже в 20-е и особенно в 30-е гг. проводилось рекогносцировочное обследование отдельных памятников². Детальное изучение Вахшской долины начинается с 1947 г., когда А. М. Беленицкий тщательно обследовал целый ряд важнейших археологических памятников. Его отчет об этой поездке и труд по исторической географии Хутталя³,

² Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Сталинабад, 1954 (Труды АН Тадж. ССР. Т. XXVI). С. 23–24.

³ Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // МИА. 1950. № 15. С. 140–147; его же. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // МИА. 1950. № 15. С. 100–127.

в состав которого в средние века входила область Вахш, заложили основы историко-археологического изучения Вахшской долины. С 1953 г. вновь основанный сектор археологии и нумизматики Академии наук Таджикской ССР развертывает широкие и систематические археологические исследования в Вахшской долине, которыми руководил заведующий тогда сектором Б. А. Литвинский. С 1971 г. археологические работы в долине осуществляли отряды объединенной Южнотаджикской экспедиции, в которой участвовали Институт востоковедения АН СССР, АН Тадж.ССР и Гос. Эрмитаж (начальник экспедиции — Б. А. Литвинский, заместитель — Т. И. Зеймаль). Остановимся вкратце на этих исследованиях.

В 1953–1954 гг. проводились большие раскопки (Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович) двух памятников античного времени — Кухна-Кала и Кум-Тепе⁴. В последующие годы наряду с продолжением раскопок (Кафыр-Кала в Колхозабаде) было организовано сплошное археологическое обследование Вахшской долины и изучение ее древней ирригации (Т. И. Зеймаль)⁵. Среди вновь открытых при этих работах памятников в 1959 г. был и небольшой холм с необычной планировкой — Аджина-Тепа. Два шурфа, заложенные на нем в 1960 г., показали, что здания, остатки которых образуют холм, существовали в VII–VIII вв. Небольшие фрагменты штукатурок со следами росписи, попавшимися в шурфе, вызвали специальный интерес к этому памятнику. При рассмотрении вопроса об организации стационарных раскопок в Вахшской долине предстоял выбор между Кафыр-Калой и Аджина-Тепа. Предпочтение было отдано Аджина-Тепе, и с 1961 г. по 1975 г., т. е. на протяжении 15 лет, этот объект являлся главным стационаром Южно-Таджикистанского археологического отряда (начальник отряда Б. А. Литвинский, заместитель — Т. И. Зеймаль)⁶. Стационарные раскопки производились и на Кафыр-Кале, причем в отдельные годы в очень большом объеме. Эти раскопки продолжаются и в настоящее время. (См. о Кафыр-Кале ниже). Все историко-археологические материалы по Вахшской долине были проанализированы и обобщены в диссертации Т. И. Зеймаль «Вахшская долина в древности и раннем средневековье» (1969 г.). В этой работе были разработаны вопросы стратиграфии, хронологии, истории ирригации и материальной культуры, а также ряд общеисторических проблем⁷. Одновременно отряд проводил исследование других памятников — от эпохи бронзы до развитого

⁴ Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. // Доклады АН Тадж. ССР. 1954. № II. С. 39–60; Литвинский Б. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. // АРТ. II. Сталинабад, 1956 (Труды АН Тадж. ССР. Т. XXXVII). С. 77–88; Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе) // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 68–74.

⁵ Гулямова Э., Зеймаль Т. И. Находки в районе Иерепадной ГЭС // АРТ. III. 1955 год. Сталинабад, 1956 (Труды АН Тадж. ССР. Т. XIII). С. 98–100; Зеймаль Т. И. Средневековая гончарная печь в Октябрьском районе // там же. С. 95–98; Литвинский Б. А., Гулямова Э., Зеймаль Т. И. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.) // АРТ. IV. 1956 год. Душанбе, 1959 (Труды АН Тадж. ССР. Т. XCI). С. 131–133, 145–152; Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. // АРТ. V. 1957 год. Сталинабад, 1959 (Труды АН Тадж. ССР. Т. CII); Зеймаль Т. И. Античное поселение в урочище Халкаджар // АРТ. VI. 1958 год. Сталинабад, 1961 (Труды Ин-та истории АН Тадж. ССР. Т. XXVI). С. 159–166; Зеймаль Т. И. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г. // АРТ. VII. 1959 год. Душанбе, 1961 (Труды Ин-та истории АН Тадж. ССР. Т. XXI). С. 143–152; Зеймаль Т. И. Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г. // АРТ. VIII. 1960 год. Душанбе, 1962 (Труды Ин-та истории АН Тадж. ССР. Т. XXXIV). С. 35–47.

⁶ О первых раскопках — см.: Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. // АРТ. IX. Душанбе, 1964 (Труды Ин-та истории АН Тадж. ССР. Т. XII). С. 76–86.

⁷ Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье: Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1969.

средневековья (работ этого отряда на других территориях, помимо Вахшской долины, мы здесь совершенно не касаемся). Параллельно с работами Южно-Таджикистанского отряда в Вахшской долине проводились работы отряда по изучению памятников каменного века (А. П. Окладников и В. А. Ранов)⁸.

Сейчас Вахшская долина весьма детально обследована в археологическом отношении: достаточно сказать, что здесь зафиксировано свыше сотни археологических памятников. Чрезвычайно важные результаты дала систематическая регистрация монетных находок на территории Вахшской долины и изучение связанного с Южным Таджикистаном мусульманского монетного чекана, осуществлявшиеся Е. А. Давидович, и до-мусульманского, проводимое Е. В. Зеймалем⁹.

Заселение Вахшской долины человеком, как показали находки А. П. Окладниковым каменных орудий в обрыве берега Вахта у поселка Кзыл-Кала, началось по крайней мере в конце нижнего палеолита¹⁰. Свидетельством мустьерского времени на территории Вахшской долины является такой первоклассный памятник, как Кара-Бура (близ Джиликуля). Открывший и исследовавший этот памятник В. А. Ранов считает, что материал с Кара-Буры позволяет установить южное и восточное направление культурных связей мустьерского населения юга Таджикистана (особенно с соанской культурой Индии)¹¹. В Вахшской долине известны и находки оружия верхнего палеолита¹².

В эпоху бронзы на территории долины существовало несколько групп населения. Первую составляли носители культуры, генетически связанной с земледельческими культурами. Расширение ареала расселения южно-туркменистанских племен эпохи бронзы на восток, на территорию Бактрии, привело к появлению здесь поселений первобытных земледельцев и «протогородов». Дальнейшее продвижение их в регионы, мало приспособленные к первобытному земледелию, в специфических экологических условиях, вызвало переход части этих племен к скотоводческому образу жизни, причем формирование их культуры, которую Б. А. Литвинский предложил называть «вахшской», происходило под влиянием степных культур. Могильники жителей этой культуры расположены, главным образом, на правом берегу

⁸ Окладников А. П. Исследование памятников каменного века Таджикистана // МИА. 1958. № 66. С. 41–48; Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965 (здесь же библиографические указания). Вып. 1 (палеолит).

⁹ Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. // Доклады АН Тадж.ССР. 1954. № II. С. 70–76; *ее же*. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г. // АРТ. II. Сталинабад, 1956 (Труды АН Тадж. ССР. Т. XXXV). С. 102; *ее же*. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г. // АРТ. IV. Сталинабад, 1959 (Труды АН Тадж. ССР. Т. XCI). С. 175–176; *ее же*. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1957 г. // АРТ. V. Сталинабад, 1956 (Труды АН Тадж.ССР. Т. CIII). С. 153–154, 158; *ее же*. Новые нумизматические материалы для характеристики товарно-денежных отношений на территории Южного Таджикистана в XV в. // Сб.: Абдурахман Джами. Эпоха, жизнь и творчество. Душанбе, 1965. С. 31–50 сл.; *ее же*. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1970 г. // АРТ. X. 1973; *ее же*. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979; *ее же*. О локальных вариантах развития товарно-денежных отношений в IX–XVI вв. (на примере Южного Таджикистана) // В сб.: Товарно-денежные отношения на Ближнем Востоке в эпоху средневековья. М., 1980; Зеймаль Е. В. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Тадж.ССР // Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР. № I. Душанбе, 1960. С. 115; *он же*. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока, Древность и раннее средневековье. Л., 1978; *он же*. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1984.

¹⁰ Окладников А. П. Исследование памятников каменного века Таджикистана // МИА. № 66. С. 46–48.

¹¹ Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965. Вып. 1. Палеолит. С. 50–80.

¹² Окладников А. П., Ранов В. А. Каменный век // История таджикского народа. М., 1963. Т. I (под ред. Б. Г. Гафурова, Б. А. Литвинского). С. 67.

Вахша, в нижнем его течении, а также в среднем, а именно в северном устье Вахшской долины, кроме того в среднем течении р. Кафирниган. Вполне вероятно, что возникновение племен вахшской культуры связано с движениями племен, населявших Южную Бактрию. Нам представляется вероятной связь населения этой культуры с передвижениями арийцев, сыгравших столь важную роль в истории Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии, именно они и составили субстрат всего последующего этно-лингвистического развития. Племена вахшской культуры обитали на границах Вахшской долины и в прилегающих районах. Наряду с этим в Вахшской долине имеются памятники населения степной бронзы: на территории совхоза имени Кирова, в километре от Аджина-тепа, открыто двухслойное поселение эпохи бронзы с керамикой и литейными формами, относящимися к какой-то андронидной культуре¹³.

В примыкающем с юго-востока к Вахшской долине Пянджском районе в местности Байтудашт открыты постройки VI—IV вв. до н. э. (раскопки А. Абдуллаева, не опубликованы). В самой Вахшской долине к IV—III вв. до н. э. относятся нижние слои Болдай-тепе — одного из немногих поселений этого раннего времени, выявленных в Таджикистане¹⁴.

На правом берегу р. Вахш, т. е. вне собственно и Вахшской долины, у впадения этой реки в р. Пяндж (ниже этого места река получает название Аму-Дарья), расположен Тахти-Сангин — крупное укрепленное городище с цитаделью. Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция (начальник Б. А. Литвинский) с 1975 г. осуществляет на этом городище планомерные раскопки (начальник отряда Р. Пичилян). На цитадели практически вскрыт «Храм Окса», сооруженный в конце IV в. до н. э., вскоре после похода Александра Македонского. Ядром здания является четырехколонный зал, с трех сторон окруженный двумя рядами Г-образных коридоров. Главный вход в зал обращен на восток, где находится портик, имеющий два ряда колонн, с 4 колоннами в каждом ряду. Портик ограничен двумя боковыми выступами, в каждом по три помещения, одно из которых имеет алтарь огня. На восток от здания располагался храмовый двор, окруженный могучей стеной. Храм сооружен по схеме иранского храма огня. Это был храм огня и храм реки Оке (так греки огласовывали бактрийское название Вахш). В архитектуре храма наличествуют бактрийские и эллинистические элементы; то же самое следует сказать об огромном собрании предметов, обнаруженных в храмовых сокровищницах, в том числе о шедеврах искусства из слоновой кости, бронзы, глины, алебаstra. Где-то здесь был обнаружен в 1877 г. и знаменитый «Амударьинский клад» с золотыми и серебряными изделиями и монетами VI—III вв. до н. э.¹⁵

¹³ См.: Литвинский Б. А. Бронзовый век // История таджикского народа. Т. 1. С. 127—131; *его же*. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Сб.: Индия и древности. М., 1964. С. 157—158; *его же*. Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1967. № 4. С. 121—127; *его же*. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). М., 1981; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА. Л., 1972. В. I; Ньянкова Л. Т. Могильник эпохи бронзы Тигровая Балка // СА. 1974. № 3; Пьянкова Л. Т. Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1981. Вып. 1; Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника «Тигровая Балка». Душанбе, 1989.

¹⁴ Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдай-Тепе // Сб.: История материальной культуры Таджикистана. Душанбе, 1977. В. II.

¹⁵ Литвинский Б. А., Пичилян И. Р. Археологические открытия на юге Таджикистана // Вестник АН СССР. 1980. № 7; Litvinsky B. A., Pitchikjan I. R. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane

К эпохе III—II вв. до н. э. относится основной комплекс Тамошо-Тепе (Яванская долина)¹⁶. Вообще же поселения античного времени на территории Вахшской долины (она тогда входила в состав Бактрии) весьма многочисленны. Выше уже упоминались Кухна-Кала и Кум-Тепе, представляющие исключительный интерес для истории градостроительства, архитектуры и фортификации. Производилось вскрытие слоев позднекушанского времени, перекрывающих слои IV—III вв. до н. э., на Болдай-Тепе. Изучен ряд других античных памятников. На протяжении четырех лет велись большие раскопочные работы на Яванском городище близ селения Горав (второй стационар Южно-Таджикистанского отряда). Обильный вещественный материал, полученный при этих раскопках, позволяет по-новому осветить историю материальной культуры Южного Таджикистана в I—IV вв. н. э. В Вахш-ской долине сделаны находки фрагментов каменной архитектуры кушанского времени¹⁷.

Из памятников эпохи раннего средневековья следует упомянуть столицу долины — огромное сильно укрепленное городище Кафыр-Кала, замок Урта-Боз¹⁸ и др. К этому времени также относится Аджина-Тепе.

Городище Кафыр-кала является одним из наиболее крупных археологических памятников Вахшской долины. Оно расположено на западной окраине нынешнего районного центра Колхозабад. Местное население связывало это городище с мифическим Золи Зардом. Согласно преданиям, Кафыр-кала была резиденцией его дочери, в цитадели же, якобы, располагалась подземная тюрьма — зиндон (записано Б. А. Литвинским в 1956 г.). Впервые памятник был обследован в 1947 г. Вахшским отрядом во главе с А. М. Беленицким во время рекогносцировки Вахшской долины¹⁹. В 1954 г. городище было осмотрено Б. А. Литвинским и Е. А. Давидович. Тогда же Б. А. Литвинский, перечисляя памятники Вахшской долины, представляющие значительный интерес, назвал и Кафыр-калу²⁰. В 1956—1957 гг. Т. И. Зеймаль осуществила на территории Кафыр-калы первые раскопки. В большом раскопе (150 м²) было вскрыто три культурных слоя, соответствующие трем периодам жизни на городище «Кафыр-кала I» (КФ-I), «Кафыр-кала II» (КФ-II), «Кафыр-кала III» (КФ-III), причем был вскрыт в слое КФ-II большой парадный зал. Слои были датированы: КФ-I — вторая пол. VII—VIII вв., КФ-II — VI — сер. VII вв., КФ-III — II—III вв. н. э.²¹. Раскопки были возобновлены в несравненно более широких мас-

Septentrionale // *Revue archéologique*. 1981. N 2; *Litvinsky B. A., Pitchikjan I. R.* The temple of the Oxus // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1981. N 2; *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.) // *Культура и искусство древнего Хорезма*. М., 1981; *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Ножны акинака из Бактрии. // *ВДИ*. 1981. № 3; *Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.* Вотив Антросока из храма Окса в Северной Бактрии // *ВДИ*. 1985. № 4; *Пичикян И. Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1992.

¹⁶ *Абдулаев А.* Раскопки городища Тамошотепе в 1974 г. // *АРТ*. Душанбе, 1979 (со ссылками на другие публикации). В. XIV.

¹⁷ *Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И.* Каменные базы колонн из Вахшской долины // *Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР*. 1960. № I. С. 73—79.

¹⁸ *Зеймаль Т. И., Соловьев В. С.* Работы Урбабозского отряда // *АРТ*. Душанбе, 1983. В. XVII (1977 год).

¹⁹ *Беленицкий А. М.* Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // *МИА*. 1950. № 15. С. 143. Табл. 71/2.

²⁰ *Литвинский Б. А.* Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (археологический очерк). Сталинабад, 1954. С. 38.

²¹ *Зеймаль Т. И.* Работы Вахшской группы Хутталевского отряда в 1957 г. // *АРТ*. 1959. Вып. 5. С. 83—93; *Зеймаль Т. И.* Вахшская долина в древности и раннем средневековье. АКД. Л., 1969. С. 10—11; *Зеймаль Т. И.* Древние и средневековые каналы Вахшской долины // *Страны и народы Востока*. Д., 1971. В. 10. С. 46—47; *Литвинский Б. А., Гулямова Э. Г., Зеймаль Т. И.* Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.) // *АФТ*. 1959. Вып. 4. С. 133—134. Рис. 3.

штабах в 1968—1971 гг., они проводились Б. А. Литвинским. Эти работы были продолжены В. С. Соловьевым (под общим руководством Б. А. Литвинского), который почти ежегодно проводил раскопки до 1990 г.²²

Городище Кафыр-кала делится на три обособленные части: цитадель, город, пригород. Город с цитаделью образует правильный четырехугольник со сторонами длиной 360 м, которые ориентированы по сторонам света. Со всех сторон он окружен мощным рвом шириной 50—60 м, глубиной 5 м и оборонительными стенами с башнями.

Цитадель располагается в северо-восточном углу города. Она квадратная в плане (70 × 70 м), над окружающей местностью возвышается на 12 м. До раскопок были видны валы оплывших стен и выступы угловых башен. В юго-западной части цитадели находилась впадина глубиной до 6 м. С западной и южной стороны (т. е. внутри города и к юго-востоку от него) цитадель отделена от города рвом.

Городские постройки, имеющие сейчас вид холмов и впадин различной величины, занимали основную часть городища — около 12 га. Они имеют отметки над уровнем окружающей местности порядка 6—8 м. С запада на восток через весь город, разделяя его на две равные части — северную и южную, тянется главная городская магистраль, которая упирается своими концами в ворота — восточные и западные. К главной магистрали со всех сторон подходят улочки, связывающие между собой отдельные постройки или целые строительные массивы.

Городская стена в виде широкого 5—10 метрового вала видна совершенно отчетливо. Через определенные интервалы вал резко уширяется и повышается — это башни. На восточном отрезке как-будто было шесть башен, причем две из них, близ юго-восточного угла, располагались очень близко друг от друга, на расстоянии 20—25 м. Возможно, они прикрывали дополнительный проход в городской стене. На южном фасае было семь башен с интервалом (между центрами) 55—60 м. То же можно сказать про западный фас. Угловые башни были, очевидно, значительно более крупными.

Постройки пригорода начинаются сразу за городским рвом. Они хорошо прослеживаются к северу, западу и югу от города. В 100 м к югу от юго-восточного угла города находится почти полностью сохранившаяся загородная усадьба. Некрополь находился к востоку от городища.

Раскопки на Кафыр-кале велись одновременно на территории собственно города и цитадели. В городе, в частности, было раскопано сооружение периода КФ-II, состоящее из упомянутого выше зала и окружающих его вспомогательных сооружений. Прямоугольный зал (17 × 7 м) вытянут с запада на восток. Вдоль длинных сторон и западной узкой — суфы, в западной стене — глубокая ниша, фланкированная трехчетвертными глиняными колоннами. Сохранились следы живописи. Вход был перекрыт аркой, за ним располагалось вестибюльное помещение. В. С. Соловьев раскопал в городе большой жилой массив, начал раскопки общественного здания (храм?).

Раскопано примерно 2/3 площади цитадели. Выяснилось, что внизу находится естественная лессовая платформа высотой 2 м. На ней во II—III вв. были возведены постройки, они были затем разрушены и включены в новую платформу высотой до 6 м. На этой платформе в период КФ-II появилась целая система по-

²² Детальный отчет об этих раскопках (до нач. 80-х гг.) опубликован: Литвинский Б. А., Соловьев В. И. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985 (с перечнем предварительных публикаций Е. П. Денисова, Т. И. Зеймаль, Б. А. Литвинского и наиболее многочисленных — В. И. Соловьева).

строек, в том числе стены и башни цитадели. Тогда же были построены дворец, центром которого являлся зал площадью около 200 м². В состав дворца входило также круглое помещение диаметром 7,95–7,98 м, перекрытое ложным куполом. Кроме того, тогда же была возведена буддийская часовня (ее описание см. ниже, в IV главе).

Период КФ-I характеризуется кардинальной перестройкой дворца. Часть построек предыдущего периода сносится почти до основания. На их месте возводятся новые постройки, планировка которых совсем непохожа на планировку предшествующих построек. Другая часть — неразрушенные помещения — перестраиваются. На протяжении периода КФ-I постройки нового дворца также пережили свою историю, некоторые меняли свои функции, ремонтировались и т. д., а накануне арабского завоевания часть помещений стала разрушаться, само завоевание и сопутствующий ему пожар лишь довершили разрушение дворца. Некоторое время его вновь использовали под жилье, затем новый пожар окончательно оборвал его существование.

Дворец периода КФ-I изучен наиболее полно. Для его строений использовался весь полигон, обнесенный крепостными стенами. Композиционно дворцовые постройки как бы делятся на две группы — северную (главную) и южную, включавшую продолжавший функционировать буддийскую часовню и двор. Вдоль трех стен цитадели вскрыты помещения, образованные парными приставными пилонами, некоторыми из них были перегорожены устроенные в предыдущий период коридоры, расположенные вдоль фортификационных стен.

В северной группе помещений важнейшим являлось тройное помещение 3. Оно прямоугольное (19 × 10 м), вытянутое с севера на юг. Стены его, сложенные из пахсы, сохранились на высоту до 1,5 м. Вход находится в юго-восточном углу. Вдоль всех стен зала лентой тянутся суфы, обрываясь только у прохода. В середине каждой из длинных стен зала внутрь зала выступают, выходя далеко за плоскость суф, две трапециoidalные в плане площадки. Площадка, примыкающая к восточной стене, ниже прилегающих суф. В центре ее стоит большой пристенный очаг-алтарь. Рядом с очагом найден глиняный рельефный валик дугообразной формы. Он, видимо, входил в декоративное оформление очага. Вторая площадка, расположенная напротив, имеет длину 6,20 м, ширину 3,95 м. На площадку из помещения вел двухступенчатый подъем.

При раскопках зала было найдено большое количество сторевших деталей деревянного перекрытия. В проходе найдены фрагменты бересты со следами надписи брахми. Здесь же найден черепок с арабской надписью.

Тронный зал огибал с юга и запада коридор. Из него можно было попасть в два других зала 11 и 13. Помещение 11 было почти квадратным (7,3 × 8,1 м). Вдоль всех стен шла лента суф, которые у одной стены образуют «эстраду» — выступающую площадку, более высокую, чем суфы. Помещение 13 — прямоугольное (15,2 × 6,3 м), вытянутое с севера на юг. Вдоль всех стен — суфы. Суфа у южной стены имеет двухчастную «эстраду». В стене, к которой она примыкает, — неглубокая ниша, фланкированная двумя глиняными полуколоннами.

В южной группе имеются крупные помещения, например, помещение 5—11,2 × 14,5 м. Это большой зал, как и частично раскопанное помещение 35. Однако наибольший интерес здесь представляет уже упоминавшаяся буддийская часовня, где найдены и некоторые памятники буддийского искусства.

Раскопки значительно обогатили представления о строительном деле и архитектура Северного Тохаристана и дали некоторое, хотя и далеко не полное, представление о раннесредневековом городе Северного Тохаристана.

Кроме того, получен обильный комплекс предметов материальной культуры, искусства, а также монет²³.

Чтобы понять значение Кафыр-калы, надо обратиться к истории Вахшской долины, находившейся в те времена на территории Тохаристана — обширной страны, включавшей часть Северного Афганистана, Южный Узбекистан и Южный Таджикистан.

Самое раннее сообщение, касающееся непосредственно владения Вахш, принадлежит паломнику-буддисту Сюань-цзану (около 633–645 гг.). Согласно этому сообщению, государство Хоша (Вахш) являлось одним из 27 владений Тохаристана и располагалось к западу от владения Хо-то-ло (Хутталь). «Эта страна, — пишет про Хошо Сюань-цзань, — простирается примерно на 300 ли (120 км) с востока на запад и на примерно, 500 ли (200 км) с севера на юг. Столица имеет 16 или 17 ли (25 км) в окружности». Следовательно, если верить этим цифрам, владение Вахш по длине, т. е. с севера на юг, занимало всю Вахшскую долину, а по ширине, т. е. с запада на восток, выходило за ее пределы (максимальная ширина долины — 25 км). Размеры столицы владения Хоша и столицы владения Тами (Термез) одинаковые (16–17 ли в окружности, что составляет около 6,4–6,8 км)²⁴.

Хроника «Синь-Тан-шу» также сообщает о владении Хоша, занимающем территорию шириной в 300 ли и длиной в 500 ли. В хронике упоминается также город Воша, что является другой транскрипцией того же топонима²⁵.

Бывший в 726 г. в Средней Азии другой буддийский паломник, Хуэй-чао, описывая Тохаристан, не упоминает Вахш, но рассказывает о Хуттале, в состав которого нередко входил и Вахш. Поэтому приведем эти сведения. Тохаристаном овладели арабы. Царь бежал от них и находится в Бадахшане. В стране живет много тюрок. Царь Хутталь является потомком тюрок. В Хуттале они составляют половину населения, вторая половина — жители местного происхождения. Как царь Тохаристана, так и хуттальский царь, знать и народ почитают учение Будды хинаянистского толка. Во всем Тохаристане и, в частности, в Хуттале имеется много буддийских монастырей и монахов. Существует полиандрия. Выращивается хлопок, виноград. Есть верблюды, мулы, лошади, ослы, крупный рогатый скот. В Хуттале изготавливаются хлопчатобумажные ткани и шерстяные ковры. Излюбленная еда — высушенные изделия из теста. Жители носят одежды из хлопчатобумажных тканей и меховые шубы²⁶.

Археологические и нумизматические материалы с территорий, входящих в Тохаристан, позволили во многом конкретизировать представление об их истории и культуре. Примерно в VII в. был прорыт канал Кафыр, с помощью которого специально подвели воду к городищу Нафыркала. Этот город стал центром долины. Т. И. Зеймаль отождествила его с упоминаемой Сюань-цзаном столицей области

²³ Литвинский Б. А., Соловьев В. И. Ук. соч. С. 8–118.

²⁴ Beal S. Buddhist records of the Western world. London, 1906. Vol. 1. P. 38–41. Ли, мера длины, значительно варьировала в разные эпохи. В VI в., согласно расчетам Р. Стейна, размер ли составлял 0,4 км — см.: Accounts of Western nations in the history of the Northern Chou Dynasty. Transl. by K. A. Miller. Berkeley; Los Angeles, 1959. P. 4.

²⁵ Chavannes E. Documents sur les Toukiue (Turcs) occidentaux. Recueilles et commentés par E. Chavannes. St.-Pbg., 1902 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. 6). P. 276–277; Малавкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989. С. 84. Прим. 664 на с. 273–274.

²⁶ Fuchs V. Huei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwesten Indien und Zentralasien um 726 // SPAW. Phil.-Hist. Klasse. Berlin, 1938. S. 449, 452–453; The Hye-Ch'o diary. Memoir of the pilgrimage to the five regions of India. Transl. by Yang, Hansung; Jan, Yün-hua; Iida, Shataro; W. Lawrence. Preston, 1985 (Religions of Asia series. 2). P. 52, 54–55.

Хоша (Вахш). Цифры, приведенные Сюань-цзаном относительно размеров столицы, кажутся преувеличенными. Однако следует учесть, что, во-первых, Сюань-цзан не видел города, он пользовался сообщением информатора, во-вторых, не исключено, что размеры города давались по внешнему обводу пригорода.

Идентификация Кафыр-калы со столицей владения Вахш основывается на том, что городище Кафыр-кала по своим размерам значительно превосходило другие городища VII–VIII вв., находящиеся в долине. Кроме того, городище расположено в самом центре долины, что облегчало осуществление административного управления владением. Это, наконец, подтвердили и раскопки цитадели, где находился большой дворец, в котором жил правитель владения Вахш.

В. А. Лившиц при расчистке остатков рукописи на бересте, найденных в тронном зале, нашел черепок с арабской надписью, на котором он прочел слово «хелаверд». В связи с этим представляется вероятным, что раннесредневековая столица Вахш, известная сейчас как городище Кафыркала, называлась Хелавердом. После арабского завоевания столица владения была перенесена на 12 км к северо-западу от Кафыркалы, на берег р. Вахш, где сейчас располагается крупное городище Лягман.

Доарабская столица владения Вахш скорее являлась средним, чем крупным городом, она значительно уступала не только таким городам, как Мерв, Балх, Самарканд, но и столицам ряда других областей Тохаристана (Термез, Будрач и др.). Она была сопоставима со средними не-столичными городами. Приведем в качестве примера городище Кафыр-тепе близ селения Бешкапа (Вахшская долина). Это квадратное, обнесенное валом городище (305 × 305 м), площадь его несколько более 9 га. Посредине западного края городища — бугор-цитадель. Имелось двое ворот. Вокруг городища был ров. В 1961 г. Т. И. Зеймаль заложила здесь стратиграфический шурф, который вскрыл остатки сооружения. Его стены сложены из паховых блоков и сырцо-вого кирпича. Здание и городище относятся к VII–VIII вв.²⁷

Значительно больше было в Тохаристане мелких городов («городков»). Одним из них являлось расположенное в соседней долине р. Кафирниган городище Кафирниган-кала (3,5 га), раскопки которого осуществлялись отрядом под руководством Б. А. Литвинского в 1974–1980 гг.²⁸

В VII–VIII вв. в Вахшской долине ирригационная сеть достигает, как установила Т. И. Зеймаль, максимального развития. Окрестности монастыря Аджина-тепа, а также столицы получали воду из канала Кафыр, пересекавшего всю долину²⁹.

Раннее средневековье для Вахшской долины, как и Тохаристана в целом — эпоха зрелой урбанизации, высокоразвитого ремесленного производства, интенсивных культурных и экономических связей.

Как повествуют письменные источники и как следует из изученных нами археологических памятников, в средние века, особенно в домонгольское время, Вахшская долина продолжала жить полноценной и кипучей жизнью. Столица находилась на

²⁷ Беленицкий А. М. Ук. соч. С. 142–143. Табл. 71/1; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Разведки и раскопки в Южном Таджикистане в 1961 г. // АРТ. 1964. В. 9. С. 87–88; Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы... С. 45; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Соч. С. 120–121.

²⁸ Литвинский Б. А. Древний и раннесредневековый Калаи Кафирниган // АО—77. М., 1978; он же. Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.). // АРТ. Душанбе, 1979. Вып. 14; он же. Настенная живопись Калаи Кафирнигана // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М., 1981; он же. буддийский храм Калаи Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории и культуры Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983; он же. Kalai-Kafirniyan. Problems in the religion and art of early mediaeval Tokharestan // EW. 1981. Vol. 30.

²⁹ Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы... С. 37–47.

месте современного городища Лягман, находящегося на берегу Вахта и частично смытого им. Длина сохранившейся части городища 900 × 640 м, площадь собственно города — около 60 га. Его с трех сторон опоясывают оборонительные стены с башнями и рвами. Имелась ли стена со стороны реки, установить сейчас невозможно. Раскопы и сборы дали обильный вещественный материал, клады бронзовых изделий и монет.

Е. А. Давидович удалось установить, что в конце XI в. и в конце XII — начале XIII в. функционировал монетный двор «Вахш», где чеканилась золотая и серебряная монета³⁰. После монгольского погрома жизнь в Вахшской долине постепенно возобновляется. Во всяком случае, XV в. характеризуется интенсивной работой монетных дворов Южного Таджикистана, выпускавших новые монеты или надчеканивавших старые. Среди этих дворов фигурирует и монетный двор «Вахш»³¹. В это время и позже функционируют и подвергаются ремонту отдельные оросительные системы.

Но вернемся к Аджина-Тепе. Он находится в сфере действия древнего канала Кафыр. Ниже Аджина-Тепе по течению канала, километром южнее, сохранились остатки небольшого раннесредневекового городища Чоргуль-Тепе и примыкавшей к нему сельскохозяйственной округи. Чоргуль-Тепе — квадратное в плане городище (230 × 230 м), ориентировано почти правильно по странам света. В юго-западном углу находится цитадель. Площадь ее внутреннего двора слегка всхолмлена, вход находился в северной стене, ближе к северо-восточному углу. Максимальная высота стен цитадели — 7 м. У городища высота сохранившихся стен около 5 м, четко видны два въезда. Городище, видимо, было окружено рвом. Шурфы показали, что оно существовало в VI—VIII вв., какая-то его часть, скорее всего цитадель, была вторично обжита, впрочем, непродолжительно, в XI—XII вв. Между Чоргуль-Тепе и Аджина-Тепе и особенно к югу и юго-западу от Чоргуль-Тепе много небольших тепа, некоторые из них — типа усадеб. Подъемный материал и шурфы позволили датировать некоторые из них VII—VIII вв. и XI—XII вв. Такова археологическая ситуация, характеризующая ближайшие окрестности Аджина-Тепе.

Раскопки Аджина-Тепе проводились большим коллективом археологов сектора археологии и нумизматики Института истории имени А. Дониша АН Таджикистана под руководством Б. А. Литвинского, заместителем которого была Т. И. Зеймаль. Раскопки отдельных участков осуществляли археологи Т. Атаханов, Е. В. Антонова, А. Бабаев, М. А. Бубнова, Т. И. Зеймаль, Е. В. Зеймаль, Б. А. Литвинский, И. Н. Медведская, Х. Мухитдинов, А. Юсупов, а также лаборанты-археологи В. С. Соловьев и другие. Особые условия Аджина-Тепе (высокий уровень стояния грунтовых вод и их большая засоленность, плотность завалов и обилие в них памятников искусства) порождали большие сложности. Съемка топографических и археологических планов, разрезов и иные обмеры производились Б. А. Литвинским при участии Т. И. Зеймаль; архитектурные рисунки и аксонометрии — архитектором экспедиции С. Б. Неумывакиным. Графическая и живописная фиксация осуществлялась художниками Н. А. Винниченко, Ю. П. Гремяченской, А. К. Лиминим, С. Б. Неумывакиным и Г. Ф. Ушаковым; фотофиксация — А. Набиуллиным и Н. Ясаковым.

³⁰ Давидович Е. А. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1965. Т. V. С. 232–233.

³¹ Давидович Е. А. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1965. Т. V. С. 232–233; *ее же*. Новые нумизматические материалы для характеристики денежных отношений на территории Южного Таджикистана в XV в. С. 44–45.

В процессе раскопок было найдено большое количество произведений скульптуры и живописи. Их консервация и извлечение были с большим искусством проведены группой реставраторов Гос. Эрмитажа под руководством П. И. Кострова. В его отсутствие реставрационные работы возглавляла реставратор М. П. Винокурова. В составе реставрационной группы были реставраторы Н. Ростовцева, В. М. Соколовский, Г. И. Тер-Оганьян, Р. М. Цыпина и реставраторы-практиканты Института истории имени А. Дониша — Л. П. Новикова и М. П. Страдомская. В последние годы раскопок реставрационные работы самостоятельно проводились вышеупомянутыми душанбинскими реставраторами. Некоторая часть произведений искусства была первично закреплена и успешно извлечена самими археологами. Длительная и сложная окончательная обработка скульптуры и настенной живописи из Аджина-Тепе проводилась в реставрационных мастерских Гос. Эрмитажа под руководством П. И. Кострова, которому принадлежит и методика как полевой, так и камеральной обработки этих материалов в Гос. Эрмитаже, а впоследствии она была принесена, модифицирована и развита в реставрационно-технологической лаборатории Института истории им. А. Дониша (под руководством Л. П. Новиковой).

Археологические раскопки на Аджина-Тепе осуществлялись в два сезона, весенне-летний и осенне-зимний и протекали в чрезвычайно-сложных климатических условиях. В конце весенне-летнего сезона ртутный столбик достигал 45° в тени; осенне-зимний сезон заканчивался лишь после начала постоянных дождей или выпадения снега, продолжаясь иногда до второй половины декабря. В этих трудных условиях участники экспедиции проявляли подлинную самоотверженность, работая порой на пределе человеческих возможностей. Успеху работ способствовали большие, практически не лимитированные ассигнования, ежегодно отпускавшие на эти работы.

Ход раскопок освещался нами в археологических отчетах; отдельным объектам и проблемам были посвящены специальные публикации³². В 1968 г. Б. А. Литвинский выпустил книгу «Outline History of Buddhism in Central Asia», в которой дал краткое описание Аджина-тепе в свете истории буддизма в Средней Азии³³. В 1971 г. увидела свет книга Б. А. Литвинского и Т. И. Зеймаль, содержащая публикацию и анализ раскопанной в 1960—1966 г. части памятника. Книга встретила весьма благожелательный прием³⁴.

³² Зеймаль Т. И. Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г. // АРТ. VIII. 1962; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Разведки и раскопки в Южном Таджикистане // АРТ. IX. 1964; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (к интерпретации сцены дароносцев из Аджина-тепе) // ОЭ. 1968. № 3; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки на Аджина-тепе и Кафыркале в 1970 г. // АРТ. X. 1973; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопочные работы на Аджина-тепе // АРТ. 1975; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Медведская И. Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. // АРТ. XIII. 1977; Зеймаль Т. И., Литвинский Б. А. Первые глиняные модели ступы из Средней Азии (Аджина-тепе) // В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. Т. 1. М., 1979; Зеймаль Т. И. Раскопки на Аджина-тепе в 1975 г. // АКТ. XV. 1960; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии и семантики ступы в Средней Азии // В кн.: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, а также многочисленные статьи в душанбинских и московских газетах.

³³ Litvinskij B. A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Dushanbe, 1968; репринты: *Id.* Outline History of Buddhism in Central Asia // *Kushan Studies in USSR*. Calcutta, 1970. P. 53—132; *Id.* [Buddhism in] Central Asia // *Encyclopaedia of Buddhism* / ed. by J. Dhirasekera. Vol. IV. Fasc. I. Sri Lanka, 1979. P. 21—52.

³⁴ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджинатепе. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., «Искусство», 1971. Рецензии: В. Brentjes — *Bibliotheca Orientalis*. 1973. Jg. 30. N 1—2; G. Fussman — *Arts Asiatique*. 1973. Vol. 28; G. Glaesser — *East and West*. 1975 u. a. Vol. 25/1.2. Частичный перевод: Litvinsky B. A., Zeimal T. I. Buddhist monastery VII—VIII c. A.D. in South Tadjikistan // In: *Kushan culture and history*. Kabul, 1971. P. 83, 31 ills.

Однако последующие вслед за 1967 годом раскопки не были отражены в первой публикации, лишь в настоящее издание впервые включены материалы последних восьми лет раскопок. Изменена также структура книги, в нее добавлены новые разделы. Таким образом, это не второе, а новое, полное издание и исследование Аджина-Тепе.

Наш труд является попыткой рассказать о раскопках памятника и более подробно осветить характер его интереснейшей архитектуры и замечательных памятников искусства — скульптуры и живописи. Мы концентрируем свое внимание на историко-культурной интерпретации издаваемых памятников. Именно поэтому памятники с Аджина-Тепе рассматриваются в широком историческом и историко-культурном контексте, с привлечением для сопоставления, помимо среднеазиатского, также индийского, афганистанского и восточнотуркестанского материала. Нашей целью при этом являлось выявить, с одной стороны, то общее, что их связывало, с другой стороны, анализ показал, сколь много специфически местного, самобытного было в искусстве и еще больше — в архитектуре Аджина-Тепе, что дало возможность постулировать существование особой тохаристанско-буддийской школы искусства.

Глава I

АДЖИНА-ТЕПА. РАСКОПКИ. ХРОНОЛОГИЯ

Среди возделанных полей Вахшской долины возвышается небольшой продолговатый холм. Еще лет пятьдесят-шестьдесят тому назад на этом холме стояли глинобитные лачуги небольшого кишлака. Следы его видны на поверхности и сегодня, но жители давно оставили это место. У здешних стариков оно пользуется дурной славой. Отсюда и название холма — Аджина-Тепа («Чертов холм»).

Археологи впервые побывали на Аджина-Тепе, как указывалось выше, только в 1959 г., да и раньше, видимо, случайные посетители не часто заглядывали сюда, хотя расположен этот холм в довольно людном месте — на самой окраине центральной усадьбы совхоза имени Кирова, у автомобильной дороги, по которой ежедневно проезжают десятки машин. Причина этого, конечно, не только в суевериях, но и в том, что холм с трех сторон окружен сбросовыми арыками и выглядит с дороги местом малопривлекательным — бесформенные бугры, какие-то ямы, густо заросшие колючкой. Только поднявшись на поверхность холма, можно понять, что Аджина-Тепа — это остатки сложного комплекса построек. То, что с дороги выглядит делом как бесформенное нагромождение земли, при взгляде сверху приобретает довольно правильные очертания прямоугольника (50 × 100 м), состоящего из двух равных по величине квадратов, разделенных перемычкой-валом. В центре более высокого юго-восточного квадрата — большое чашевидное углубление. В центре северо-западной половины — холм с крутыми склонами (высота около 3 м, диаметр — около 20 м), подножие которого окаймлено узкой полосой впадины.

В 1959 г. памятник был только осмотрен, в 1960 г. здесь были заложены два пробных шурфа, а с 1961 г. по 1975 г. на Аджина-Тепе велись основные раскопочные работы Южно-Таджикистанского отряда Таджикской археологической экспедиции. До 1963 г. раскапывалась в основном юго-восточная половина, затем работы были перенесены главным образом на северо-западную часть памятника. К 1966 г. было расчищено примерно две трети помещений, скрытых под оплывами холма (рис. 2).

Затем раскопки были продолжены (рис. 3–4). В процессе этих, последующих раскопок, были вскрыты помещения северо-восточного и северо-западного фаса юго-восточной половины, большого отрезка северо-восточного фаса северо-западной части памятника. Очень трудоемким, но плодотворным оказалось вскрытие дворов обеих половин памятника. В процессе этих работ во дворе северо-западного двора была раскопана огромная Главная ступа и находившиеся в углах двора миниатюрные ступы. Кроме того, были обнажены участки внешнего фаса памятника. В результате памятник был *раскопан полностью*.

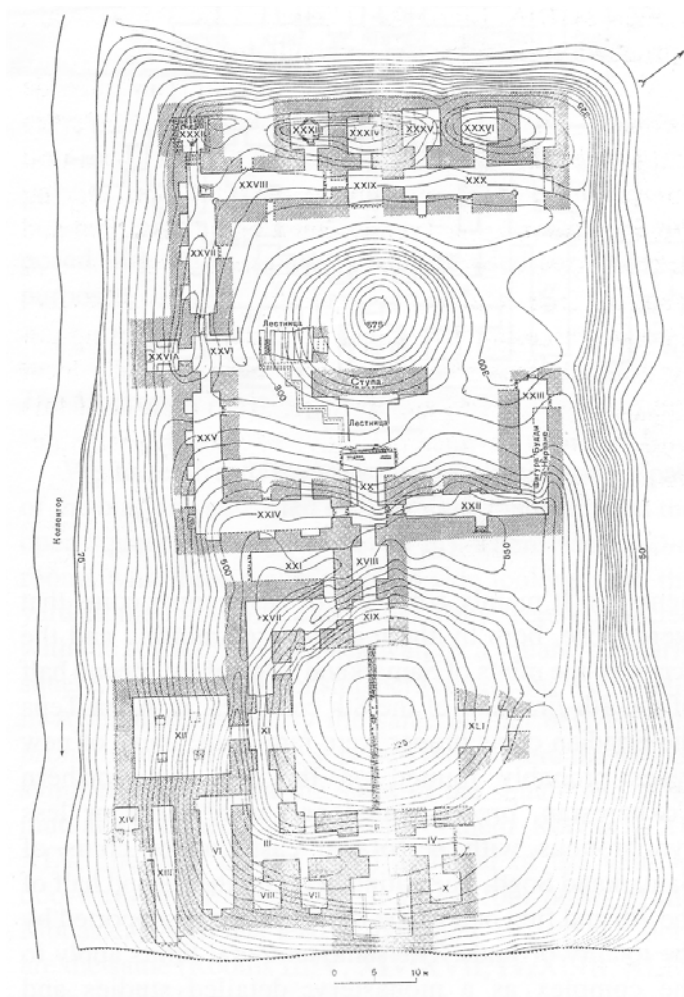

Рис. 2. Аджина-тепа. Топографический план холма и план здания (1966)

Выявленные раскопками архитектурно-планировочные особенности и найденные в разных частях здания остатки живописи и скульптуры показывают, что развалины Аджина-Тепе — это остатки единого ансамбля жилых и культовых помещений буддийского монастыря. Юго-восточная половина памятника и есть собственно монастырская часть, состоявшая из каре построек вокруг квадратного двора (19×19 м), который выглядел до раскопок как чашевидное понижение. В центре двора северо-западной половины была сооружена ступа, а окружавшие ее помещения имели преимущественно культовое назначение. В пределах каждой из половин здание было построено по единому плану. Интервал во времени между возведением построек монастырской половины и помещений вокруг ступы, если он и существовал, вряд ли был продолжительным. Об этом свидетельствует, в частности, одинаковый уровень полов в помещениях обеих половин комплекса.

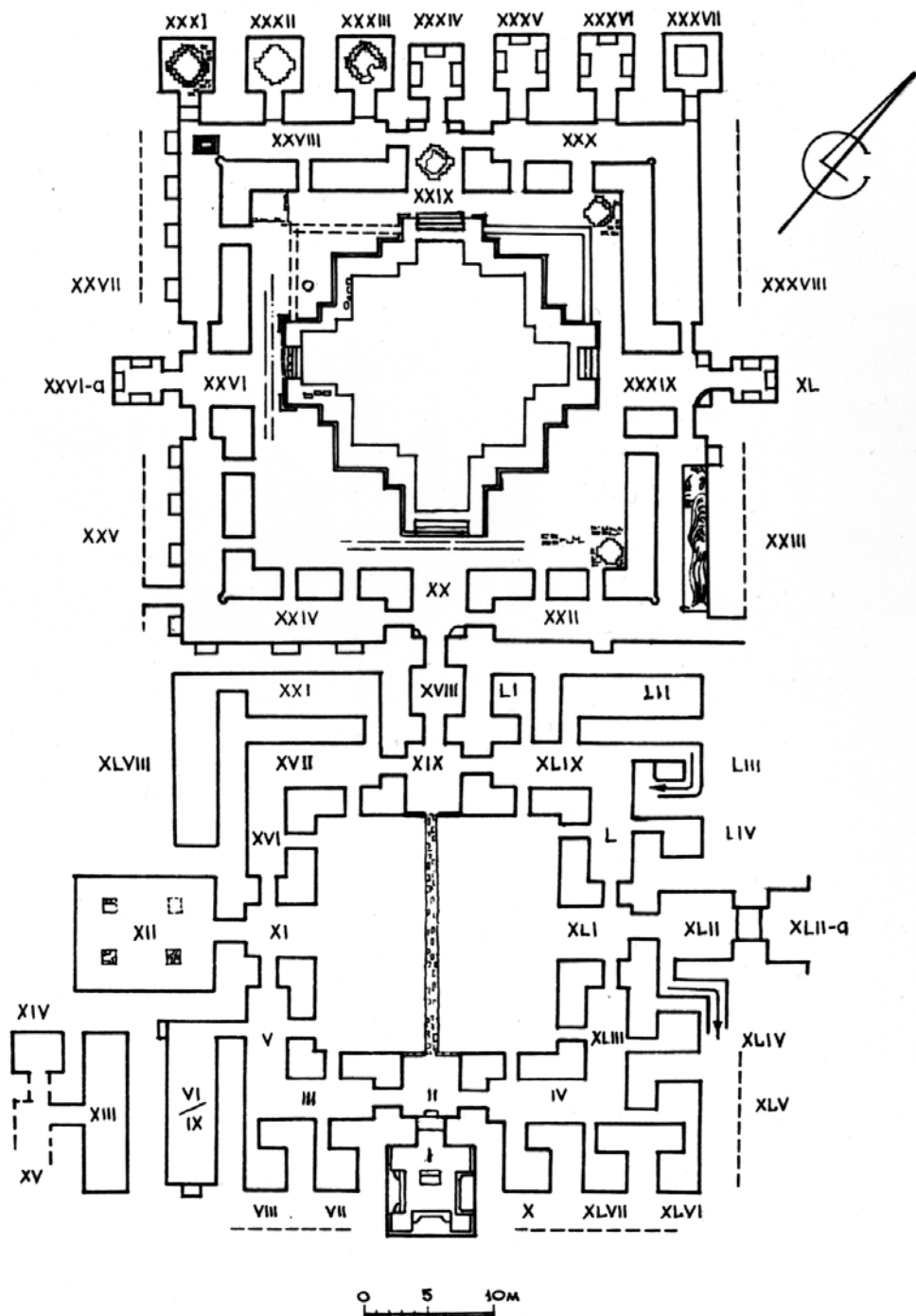

Рис. 3. Аджина-тепа. План здания (1975)

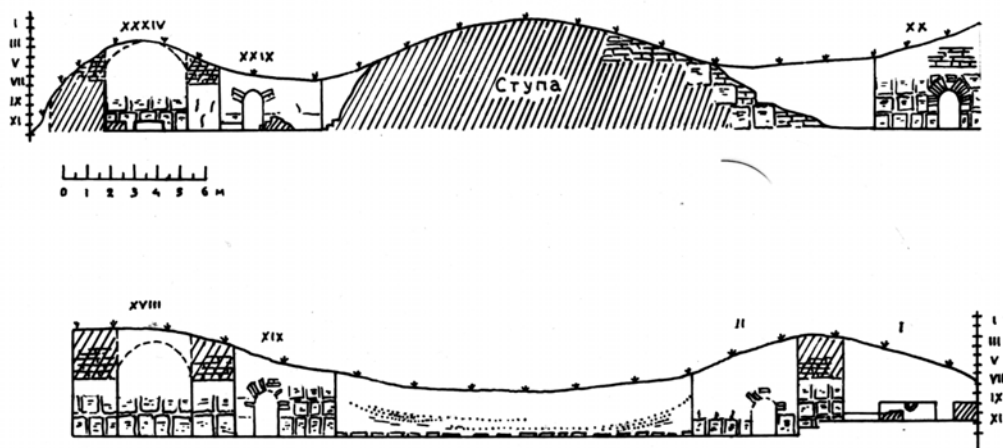

Рис. 4. Аджина-тепа. Разрез по продольной оси здания

В основу археологической датировки Аджина-Тепа могут быть положены монетные находки. Всего за время раскопок здесь была собрана большая нумизматическая коллекция (около 300 экз.)¹, состоящая в основном из литых медных монет, весьма близких как по технике изготовления и по фактуре, так и по почерку легенд к монетным выпускам самаркандского Согда второй половины VII — первой половины VIII в. Однако собственно согдийские монеты представлены на Аджина-Тепе единичными экземплярами: подавляющее большинство находок составляют монеты новых типов, по-видимому, выпускавшиеся здесь, в Северном Тохаристане, примерно в то же время, что и литые медные монеты с отверстиями самаркандского Согда — с середины VII в. до середины VIII в. (эта датировка подкрепляется всей совокупностью археологического материала). В этих же хронологических рамках может быть датировано и функционирование комплекса построек Аджина-Тепа как монастыря. После более детального изучения и определения монет, видимо, возможно будет уточнить и датировку разных этапов истории здания, так как часть монет была обнаружена в выгодных для этого стратиграфических условиях (в штукатурке, в кладке стен, в обмазках полов и т. п.).

Уже по результатам первых раскопочных работ на Аджина-Тепа наметилась наиболее общая схема истории здания:

- период возведения
- первый период жизни («монастырский»)
- период запустения

второй период жизни (обживание развалин). Последующие раскопки не только подтвердили правильность этой схемы, но и позволили детализировать ее. Хуже других периодов улавливается пока археологически период первоначального возведения

¹ Над изданием этих монет работают В. А. Лившиц и Е. В. Зеймаль, см.: *Лившиц В. А.* Клад медных анэпиграфных монет последней четверти VII — первой четверти VIII в. // В кн.: *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979. С. 79—80; *Давидович Е. А., Зеймаль Е. В.* Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма. — В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 73—74.

здания; предположительной остается и его дата — в пределах VII в.; нет пока никаких определенных данных, которые позволили бы судить о его продолжительности.

Первый, или «монастырский», период жизни здания — наиболее продолжительный. Он длился, видимо, около ста лет, то есть все то время, когда комплекс построек Аджины-Тепы был населен буддийскими монахами и использовался в соответствии с тем культовым назначением, ради которого был возведен. На протяжении этого периода в разных частях здания производились ремонтные работы и перестройки, вызванные разными причинами (пожары, обвалы сырцовых сводов в помещениях с большим пролетом перекрытия, разрушение стен, испытывавших повышенную нагрузку). Но синхронность ремонтных работ в разных частях здания установить иногда трудно. Поэтому ниже наиболее значительные из ремонтов будут отмечены не в связи с историей всего здания, а по отдельным его частям (или помещениям). На протяжении первого периода производились не только архитектурно-строительные ремонты, но и «косметические» — помещения заново оштукатуривались и окрашивались. При этом если стены помещения были первоначально покрыты сюжетными или орнаментальными росписями, то после ремонта росписи не возобновлялись. Не восстанавливались, как правило, и разрушившиеся скульптурные изображения; иногда обломки статуй вмуровывались в заложенные проемы или ремонтные стены. В целом все ремонтно-перестроечные работы в течение монастырского периода выполнялись на значительно более низком техническом и художественном уровне по сравнению с периодом первоначального возведения здания и его декоративного оформления. Период запустения наступил не одновременно для всего здания. Часть помещений, в частности, в результате разрушений сводчатых перекрытий, была заброшена, когда монастырь в целом продолжал существовать и функционировать. Прослойка периода запустения, перекрывающая полы первого периода, неодинакова в разных помещениях и составляет от 50 до 75 см толщины.

Окончательное запустение с прекращением функционирования комплекса как буддийского культового сооружения — сангхарамы явилось возможно последствием арабского завоевания этой территории. Как известно из письменных источников, уже с рубежа VII и VIII вв. начинаются набеги арабов на территорию Хутталя, а затем попытки захватить его. Неоднократно арабские войска изгонялись из страны. Но силы были неравные. Лишь в 737 г. арабам удалось захватить Хутталь; по словам Табари, арабский предводитель «рассеял свои конные отряды по дорогам Хутталя». Однако окончательно Хутталь был покорен арабами лишь в середине VIII в., когда, по сообщению того же Табари, один арабский военачальник прошел из области Вахш, то есть из Вахшской долины, в Хутталь (в данном случае, видимо, в район современного Куляба). Этот поход, имевший место в 750 г., знаменовал завершение покорения Хутталя арабами².

Над верхней границей прослойки периода запустения лежат полы второго периода жизни здания (в тех помещениях, где она продолжалась). Слои второго периода насыщены золой, углем, обгорелыми комьями глины, фрагментами керамики и плохо сохранившихся железных изделий, мелкими обломками стеклянных сосудов. Со вторым периодом не связано сколько-нибудь значительных перестроек. Планировка здания оставалась прежней. Показательно, что слой второго периода присутствует только в тех помещениях, где перекрытия и стены после периода запустения не разрушились. Но этим и ограничивается «преемственность» обита-

² История ат-Табари. Пер. В. И. Беляева с дополнениями О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент, 1957. С. 241–250, 339, 347. См. также: *Беленицкий А. М.* Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // МИА. М.; Л., 1950. № 15. С. 114–118.

телей второго периода по отношению к тем, кто возводил здание и населял его на протяжении монастырского периода. Зброшенный монастырь использовался какими-то ремесленниками главным образом для производственных целей, без учета первоначального назначения помещений. Разного вида тануры и печи (одиночные, двойные, тройные, в один и в два яруса, небольших размеров и крупные), шлаки, мощные горелые слои остались от второго периода жизни здания и в коленчатых коридорах «монастырской» половины, и в святилищах «храмовой» части, и во дворе. Без малейшего почтения две вотивные ступы были прорезаны такими тонурами, а отвалы золы и шлака заполнили вестибюльное помещение основного храма монастырской половины и перекрыли скульптурный завал в святилище.

Со слоем второго периода («обживание развалин») связаны находки арабских дирхемов (741/2 г., 751/2 г., 779/780 г., — определение Е. А. Давидович), что позволяет датировать его вплоть до конца VIII в. Таким образом, комплекс построек Аджина-Тепы, сооруженный примерно в середине VI в., просуществовал как буддийский монастырь около ста лет, к середине VII в. пришел в запустение, и во второй половине VIII в. (или только в последней его четверти) полуразвалившееся здание время от времени использовалось для производственных целей. Раскопками установлено, что деление здания на две части определялось разными функциями каждой из половин. Такое соединение в одном ансамбле монастыря (вихары) и святилища (сангхарамы), как будет показано ниже, закономерно для буддийского памятника VII–VIII вв. Несмотря на одинаковую для каждой из половин четырехайванно-дворовую планировочную схему, различие в назначении монастырской и храмовой частей здания было заложено уже в архитектурном замысле строителей Аджина-Тепы.

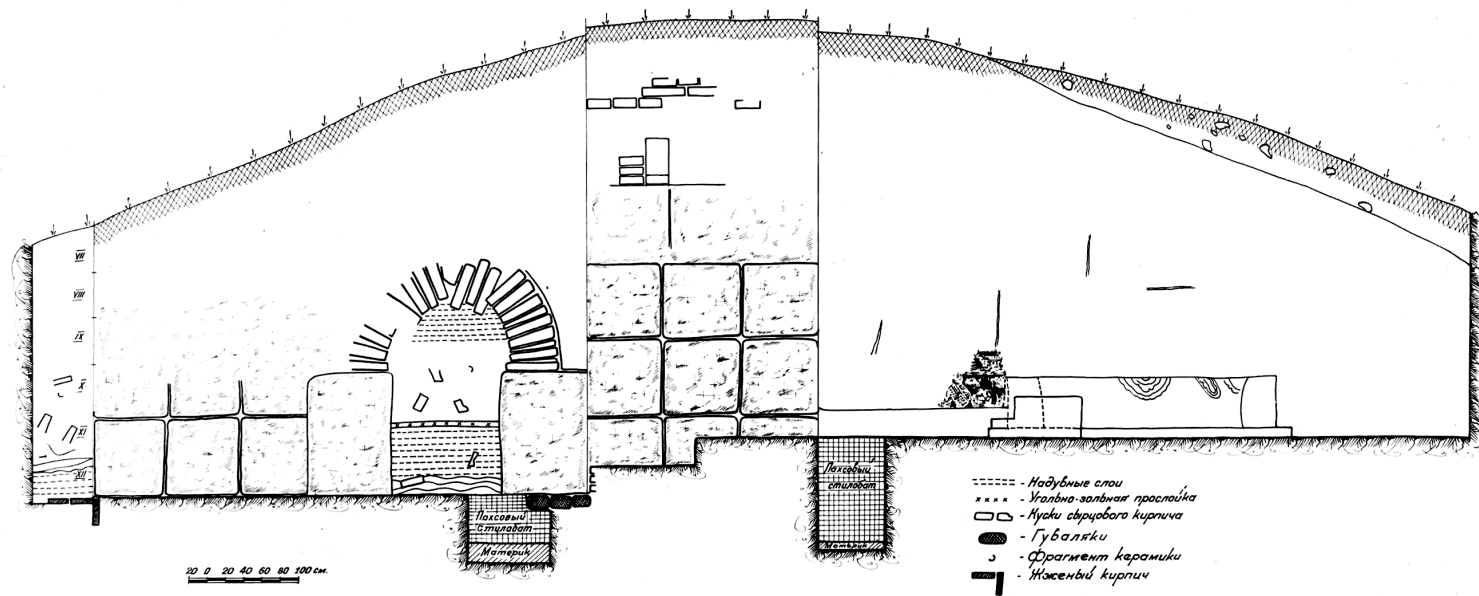
Монастырская половина

Как уже отмечалось выше, юго-восточная часть здания состоит из помещений, окружающих оставшийся незастроенным квадратный (19×19 м) двор. В середине каждой стороны этого квадрата — айван (помещение с тремя стенами, обращенное открытой стороной во двор), соединенный проходом в задней стене с квадратной (или подквадратной) «целлой» (соотношение между айваном и «целлой» в Аджина-Тепы примерно такое же, как между пронаосом и наосом). Эти парные помещения являются осью симметрии каждой из сторон квадрата и симметрично расположены по отношению друг к другу. Совпадают и ширина осевых айвановых помещений (см. на плане помещения II, XI, XIX и XLI) и расположенные в боковых стенах всех четырех айванов монастырской половины арочных проемов, ведущих в коленчатые коридоры (см. на плане помещения III/V, XIV/XVII, IV/XIII, X IX). Однако полной симметрии каждой из сторон здания не было: осевые помещения, расположенные непосредственно за айванами, различаются и размерами, и устройством, и назначением (см. на плане помещения I, XII, XVIII, X II).

Помещение I, квадратное в плане (7×7 м), — осевое для юго-восточного фаса монастырской половины. Выступы-пилоны, фланкирующие проход в айван — помещения II, поставлены совершенно симметрично в отношении длинной оси помещения (рис. 5). Между пилонами расположен ступенчатый подъем, так как пол в помещении I на 0,6 м выше пола в айване; перекрытие проема — сводчатое.

Внутреннее устройство помещения I и, в особенности, его художественное убранство было сложным и полностью реконструировано быть не может. Вдоль боковых и задней стен были устроены двухступенчатые фигурные постаменты, ниж-

Разрез по линии Б-Б.

Составил археолог Б. Литвинский.

Рис. 5. Аджина-тепа. Разрез через помещения I и II

ную ступень которых составлял невысокий выступающий плинт, а верхняя (основная) ступень имела вид параллелепипеда с врезанными четвертькуполками на внешних углах. Первоначальную высоту постаментов определить точно невозможно, так как верхние части были сбиты на протяжении второго периода, но, судя по сохранившейся штукатурке, она превышала 0,9 м. Еще больше разрушен двухчастный постамент в центре помещения, прямоугольный в плане, возможно, представляющий собой остатки вотивной ступы.

У боковых стен помещения, в пространстве между передними торцами постаментов и пилонами проема, находились узкие и невысокие суфы. Нижние части стен, а также поверхности суф и постаментов сохранили остатки росписей, в том числе — сюжетных. Фасадные стенки боковых постаментов были украшены рельефными налечами — это нижние части складчатых одеяний крупных скульптур, располагавшихся на постаментах. Остатки горельефных орнаментов, встреченные в завале южного и восточного углов помещения, скорее всего, занимали пространство стен между постаментами. О скульптурах, занимавших постаменты, можно судить только по фрагментам, составлявшим завал над полом первого периода. Наиболее крупные фрагменты принадлежат статуе высотой около 4 м, сидящей на постаменте против входа (диаметр головы — около 95 см). Головы и другие фрагменты фигур, занимавших боковые постаменты, выполнены в натуральную величину и в половину ее.

Остатки второго периода перекрывают в помещении I скульптурный завал в виде выклинивающихся зольников, заходящих сюда из помещения II и переслоенных натечно-надувными прослойками.

Помещение I, расположенное по длинной оси всего здания, судя по обнаруженным в нем остаткам, служило единственным святилищем в монастырской половине.

Помещение XII, расположенное за айваном юго-западного фаса двора, представляет собой большой прямоугольный четырехколонный зал (10,25 × 9,5 м). Его стены, сложенные из блоков пахсы, сохранились на высоту до 6 м. Сохранились и «утопленные» в пол основания колонн из жженого кирпича. Стволы колонн были, видимо, как и перекрытие помещения XII, деревянными и погибли в результате пожара. Стены зала обожжены бушевавшим здесь огнем настолько, что даже сейчас, через двадцать веков, имеют красновато-коричневый цвет. Однако после пожара жизнь в помещении XII не прекратилась: остатки рухнувшей кровли и колонн были убраны, стены, прилегающие к айвану, были утолщены своеобразными пилонами — мощными отрезками кирпичных стен небрежной кладки. Большое количество сырцового кирпича в заполнении помещения XII, видимо, связано с обрушением верхних частей стен, надстроенных после пожара. Но все эти ремонтные работы не остановили разрушение зала: вход в него был закрыт окончательно глухой стеной, возведенной со стороны айвана (рис. 6). Тогда же приставной стеной был заложен и другой выход из айвана XI — в коленчатый коридор XVI–XVII.

Пожар и сравнительно быстрое — еще на протяжении I периода разрушение помещения XII привели к тому, что оно было все же заброшено обитателями монастыря. О первоначальном облике и художественном убранстве этого зала судить поэтому трудно. Неясно, например, принадлежат ли помещению XII скульптурные фигуры, остатки которых (фрагменты ног и прически крупной головы) найдены в зале. Размеры помещения и его первоначальная планировка (четырехколонный зал) позволяют с уверенностью считать, что именно здесь был обычный для буддийских вихара зал для собраний общины.

Помещение XVIII (за айваном XIX), осевое для северо-западного фаса двора, расположенное, как и святилище I, на длинной оси всего здания, небольшое по

Рис. 6. Аджина-тепа. Арочное перекрытие проема из зала XII в айван XI

размерам — $3,8 \times 4,1$ м. Задняя (по отношению к двору) стена, которая в двух других целлах является глухой, в описываемой имеет высокий арочный проем, ведущий в айван XX, относящийся уже ко второй, северо-западной половине комплекса.

Функционально эта трехчастная анфилада являлась своеобразными пропилеями, связывающими две половины памятника. Следует добавить, что посетитель, пройдя эти «пропилеи», вступал в квадратный двор, и если он направлялся к помещениям I—II, то он мог идти по пересекающей двор дорожке, тщательно выложенной из жженого кирпича. По сторонам дорожку ограничивали две ленты врытых вертикально (широкой стороной) кирпичных плиток, внутри один кирпич клался ложком, другой тычком, общая ширина дорожки — $0,75\text{--}0,8$ м. Постепенно дорожка пришла в ветхость, многие кирпичи поломались или рассыпались. На каком-то этапе первого периода ее присыпали гравием. Траншея (ширина $1,75$ м), первоначально проложенная нами оси двора, вдоль дорожки, дала представление о заполнении культурными накоплениями двора: вблизи помещений имеются заплывшие куски строительного развала, образовавшиеся при обрушении зданий, над ними натечно-надувные слои, уровень которых понижается к центру двора.

Подквадратное в плане помещение XVIII было, очевидно, перекрыто куполом. В айване XIX найдены фрагменты лепных рельефов, украшавших его стены первоначально. В обоих помещениях четко прослеживаются остатки второго периода обживания здания.

Внутренний обвод двора образуют совершенно одинаковые коленчатые коридоры, в торцовых стенах которых имелись проходы в прилегающие айванные помещения в центре каждого фаса (рис. 7). Коридор III—V (южный угол двора) соединяет айваны II и XI, коридор XVI/XVII (западный угол) — айваны XI и XIX, коридор IV—XLIII (восточный угол) — айваны: II и XLI, а коридор XLIX в северном углу двора — айваны XIX и X I.

В помещении III/V (как и в других коридорах монастырской половины) длина каждого колена составляет около 11 м, ширина — $3,25$ м. В наружной стене каждого из колен — арочный проход во двор. Во внутренней стене помещения III — два

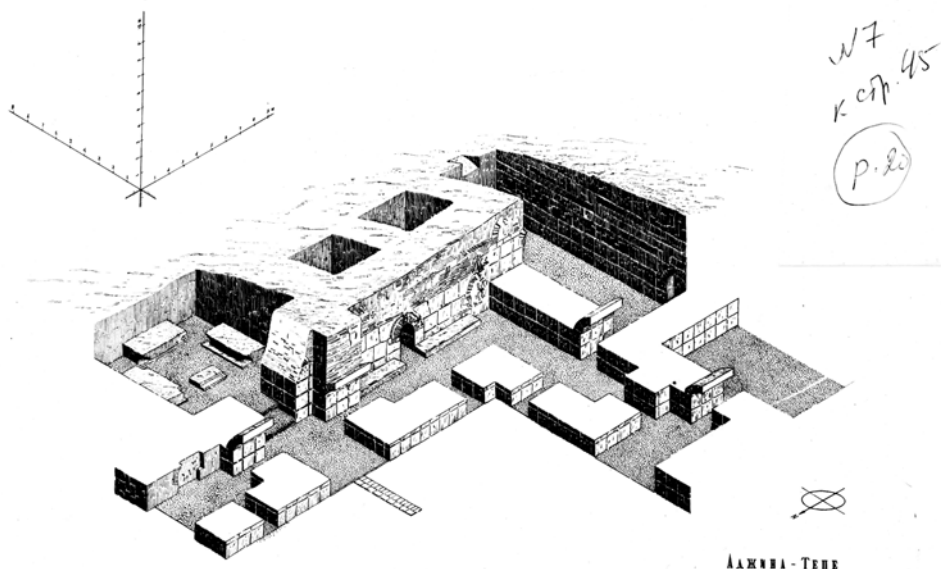

Рис. 7. Аджина-тепа. План и аксонометрия южного угла здания (помещения I, II, коридор III/V, кельи VII–VIII, помещ. VI/IX и XI–XII)

проема (в том числе — один в углу), во внутренней стене помещения V — один проем. В торцовых стенах — уже упоминавшиеся выше проходы в айваны II (из помещения III) и XI (из помещения V).

Стены коридоров (рис. 8–9) сложены из трех рядов пахсы, выше идет кирпичная полочка (5–6 рядов кирпича), над полочкой — свод наклонными отрезками. Нижние части стен сохранили следы ремонта: в разрушенные участки вмазаны сырцовые кирпичи, поставленные на ребро. Первоначально стены были украшены рельефной орнаментацией и полихромной росписью, сохранившимися на небольших участках. У внутренней стены помещения III была устроена суфа, делившаяся проемом на две части. На протяжении первого периода коленчатый коридор III/V ремонтировался: вдоль внутренней стены колена V была поставлена подпорная пахсовая стенка (закрывшая арочный проем в помещении VI, прекратившее после этого ремонта функционировать); еще раньше был переложен торец колена V; на каком-то этапе первого периода был заложен и проход из помещения III в айван II.

Не связаны с первоначальным назначением коридора III и обнаруженные в нем остатки производственной деятельности обитателей. Здесь было сооружено возвышение, в которое были вмазаны крупные хумы, напоминающие современные тонуры. Для них использовались специально изготовленные сосуды без дна (высота около 70 см), стенки которых равномерно расширяются книзу от венчика-закраины. «Сосуды» были заключены в «кожухи» из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Верхняя площадка кожуха облицована обломками жженого кирпича. У основания «сосудов» имелись квадратные отверстия (15×15 мм) — поддувала. В «кожухе» против отверстия положен кирпич с вырезанным в нем квадратным отверстием. В одном случае в тонуре был найден почти целый кувшин.

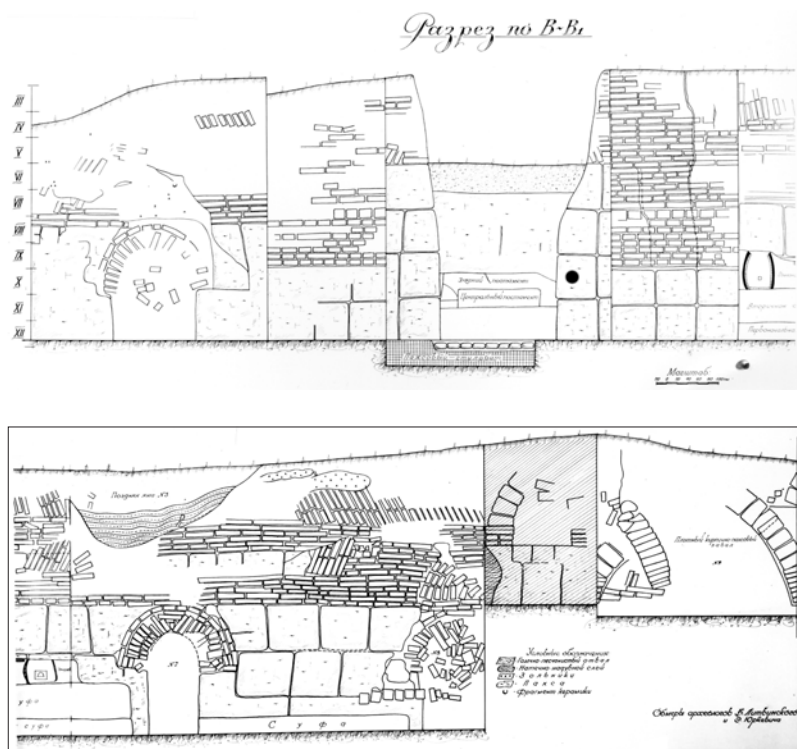

Рис. 8. Аджина-тепа. Разрез через юго-восточную часть строения (помещения IV, II, III, VI/IX)

Коленчатый коридор XVI–XVII отличается от помещения III/V числом проемов в стенах, а также деталями выкладки арок, устройством стен и полочки, кладкой сводчатого перекрытия. Подпорная стена в помещении XVI сооружена одновременно с ремонтной стеной в помещении V; на последнем этапе первого периода угол, в котором соединялись оба колена коридора, был заложен, и проходное помещение превратилось в две обособленные удлиненные комнаты с самостоятельными входами во двор.

Симметрично расположенные и соединенные айванами (II, XI, XIX и XLI), коленчатые коридоры III/V, XVI–XVII, XLIX/L и IV/XLIII выполняют организующую роль в планировочном решении монастырской половины. В наружной стене каждого из колен — арочный проход во двор, в торцовых стенах — проходы в айваны. Но единообразие и симметрия характерны только для помещений, составляющих внутренний обвод двора. Внешние ряды помещений, хотя они и образованы из повторяющихся планировочных элементов (кельи с купольным перекрытием — VII, VIII, X, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, LI, LIV; одноколенчатые коридоры — VI/IX, LII и т. д.), дают для каждого из четырех фасов свой, оригинальный вариант. Это своеобразие как бы заодно различающимися и функционально и планировочно осевыми помещениями, расположенными в центральной части внешнего ряда помещений каждого фаса (I — святилище, XII — зал для собраний общины, XVIII — купольные «пропилеи», ведущие в храмовую половину, XLII — купольные «пропилеи» входа в монастырскую половину). Но центральными помещениями эти различия в планировке не ограничиваются; ка-

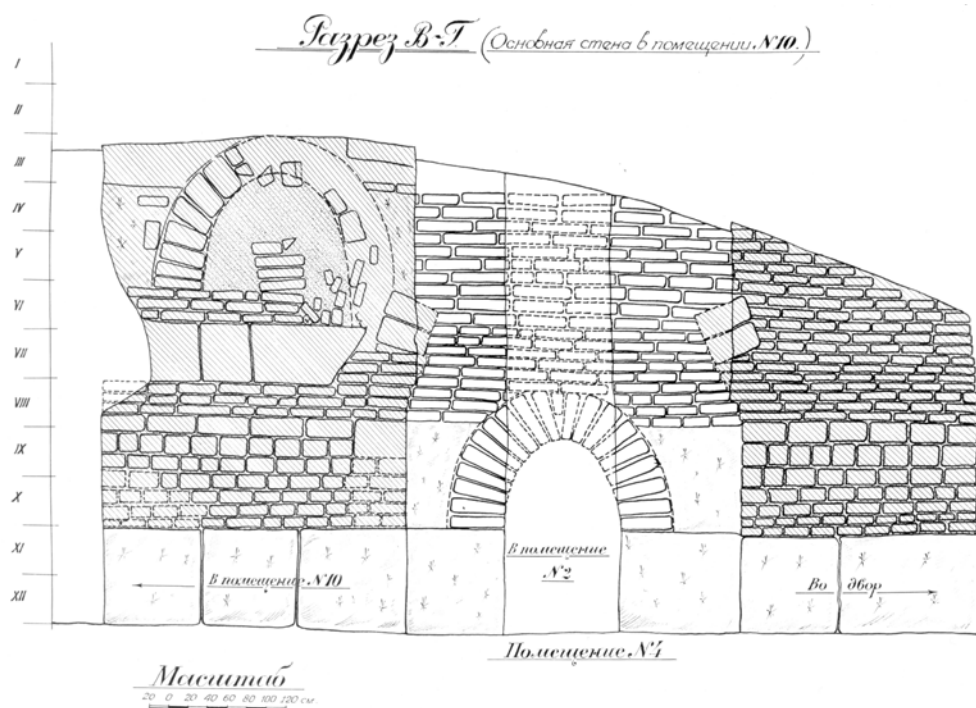

Рис. 9. Аджина-тепа. Разрез через коридор IV

ждый из углов монастырской половины (по второму ряду помещений) — это новый вариант композиционно-планировочного решения.

К коленчатому коридору III/V примыкают две кельи (помещ. VII и VIII) и длинный сводчатый коридор VI/IX (южный угол монастырской половины). Второй ряд помещений в западном углу монастырского каре составляют коридоры XXI и XLVIII, соединявшиеся проемами с коленчатым коридором XVI/XVII. В восточном углу монастырской половины к коридору IV/XLIII снаружи примыкало пять келий (X, XLIV–XLVII), соединенных с ним проемами. Внешний ряд помещений в северном углу (коленчатый коридор XLIX/L) составляли две кельи (LI и LIV), коридор (LII) и пандусное устройство (LIII), которое вело на второй этаж монастырской половины (или на крышу).

Эти планировочные и конструктивные различия в значительной степени определяют и различия в судьбе разных участков монастырской половины в процессе их функционирования и последующего разрушения. Дело в том, что оползание стен под тяжестью массивных сырцовых перекрытий (купольных или сводчатых) — не редкость на Аджина-Тепе. Как правило, такие случаи засвидетельствованы только в монастырской половине комплекса (а в храмовой — тех помещениях, которые граничили с монастырской половиной) и лишь тогда, когда два длинных коридора шли параллельно. Если же второй ряд помещений (параллельный коленчатому коридору) состоял из купольных келий или святилища (т. е. длинная стена коридора имела как бы дополнительные «контрфорсы» — массивные поперечные перегородки), стены справлялись с нагрузкой от перекрытий. Видимо, это было резуль-

татом серьезного просчета строителей монастыря, не соразмеривших силу давления тяжелых сводов с протяженностью и шириной помещений и толщиной стен.

В южном углу монастырской половины в результате такого просчета обрушился свод большого одноколенчатого коридора VI(IX), в котором первоначально, видимо, находились мастерские монастыря. Вход в мастерские со стороны коленчатого коридора III/V заложили пахсовыми блоками, а стену укрепили дополнительно приставной кирпичной стеной. Чтобы компенсировать потери в площади, пришлось пристраивать к внешнему фасаду здания, уже по другую сторону от засыпанного коридора VI(IX), несколько дополнительных комнат (XIII, XIV, XV).

В западном углу монастырского каре аналогичные ремонты, усиливавшие первоначальные стены, а также частичные или сплошные закладки помещений пришлось делать в помещениях XVI и XLVIII, и в параллельно расположенных трех сводчатых помещениях — XVII, XXI и XXIV (т. е. в обходном коридоре храмовой половины).

В северном углу, в помещении III, обрушился не только свод, но и стены почти на полную их высоту (внутри помещения реальные поверхности стен зачищались лишь на отдельных участках — у самого пола). Просел и частично был переложен свод соседнего коленчатого коридора XLIX/L (в месте его поворота), а также арка свода пандусного марша (помещ. LIII). Со стороны храмовой половины комплекса, в том месте, где к ней примыкал северный угол монастырской половины (т. е. в помещ. XXII), по всей длине «стыка» с разрушавшимися помещениями вначале была поставлена подпорная стена, а позднее часть этого коридора заложили сплошной кирпичной кладкой.

Следов усиления стен и ремонта свода в коленчатом коридоре не обнаружено в восточном углу монастырской половины, где к коленчатому коридору IV/XLIII примыкали снаружи 5 купольных келий (XLIV—XLVII). Свод здесь сохранился и после того, как монастырь был заброшен. Именно поэтому в восточном углу монастырской половины всюду прослеживаются слои активного вторичного обживания: их мощность в коленчатом коридоре IV/XLIII составляет 0,5—0,6 м. Со слоем второго периода здесь связано несколько разрушенных печей производственного назначения одинаковой конструкции — хум, обложенный поставленными вокруг него на ребро сырцовыми кирпичами, с отверстием — поддувалом в передней стенке. Ко второму периоду относится и кирпичная вымостка вдоль внутренней стены коридора VLIII (слева от входа в келью XLIV) — правильных очертаний, скругленная по внешнему краю так, чтобы не закрывать доступ в келью XLIV и в айван XLI, и вымощенная аккуратно положенными (плашмя и вплотную друг к другу), плитками жженого кирпича. Эту вымостку подстилал мощный слой обгорелой глины, золы и органических остатков, сильно попортивший поверхности стен коридора и проемов в нем. Он четко прослеживается по всей площади коридора IV/XLIII, «языками» заходит в кельи, айванные вестибюли (помещ. LI и XLI), перекрывает завал из обломков скульптуры в помещении святилища I и толстым слоем лежит в восточном углу двора. Только на этом участке монастырской половины с такой определенностью прослеживаются два этапа вторичного обживания заброшенного монастыря: основная толща наслоений второго периода уже покрывала коридор IV—XLIII, когда сооружалась упоминавшаяся выше вымостка. Одновременно с существованием этой вымостки кельи — XLIV и XLVII (т. е. на втором этапе второго периода) были использованы в качестве хлева. Расположенные рядом сдвоенные кельи XLV и XLVI, видимо, на протяжении всего второго периода использовались временными обитателями развалин монастыря под жилье. Следует отметить, что в планировке Аджины-Тепы — это единственный случай

сдвоения такого рода помещений (все кельи одинаковы по размеру — со сторонами 3,20—3,40). В келье XLV удалось расчистить сохранившийся большой участок купольного перекрытия. В одном случае удалось зафиксировать остатки поперечного разгрузочного свода, выложенного над стеной между купольной кельей и соседним с ней коридорообразным помещением LII. Образовавшееся полое пространство было заполнено рыхлой землей, комьями керамического шлака и фрагментами лепного сосуда.

Определенная часть помещений монастырской половины — в результате отмеченных выше разрушений — прекратила функционировать уже на протяжении первого (монастырского) периода жизни здания. Это не могло не увеличить значения второго этажа. Оба пандусных хода на второй этаж монастырской половины (помещения XLII и LIII) сохранились хорошо — ими постоянно пользовались и поддерживали в «рабочем» состоянии. Один из них вел наверх из центрального помещения второго ряда северо-восточного фаса — проходного помещения анфилады главного входа в монастырь (помещ. XLII), другой начинался в углу коленчатого коридора XLIX/ широким (1,3 м) арочным проемом и на его клинчатую арку, как на исходный торец, опиралась кладка свода, положенного наклонными отрезками. Свод опирался на полочку из одного ряда кирпича, положенного плашмя на кирпичную кладку стены, высота которой повышалась параллельно наклонному уровню поверхности пандуса; на повороте (в 4,5 м от входа) кладка свода заканчивалась, а второе колено-марш пандуса было, видимо, перекрыто самостоятельным сводом, выведенным выше свода первого марша. Второй марш пандуса короче (1,75 м) и имеет более крутой угол подъема (около 30°); делая плавный поворот, пандус далее переходит в третье колено (его длина 2,45 м) и выходит на современную дневную поверхность. Четвертое колено (от него сохранился только самый угол поворота), вероятнее всего, уже не имело подъема, будучи просто проходом по стене здания — к помещениям верхнего этажа. В помещении LIII мы имеем, таким образом, типичный и широко распространенный в раннесредневековой архитектуре Средней Азии вариант пандусного бесступенчатого подъемного устройства, идущего по спирали вокруг прямоугольного столба.

Менее типичен коленчатый пандус, начинавшийся в южном углу помещения XLII — центрального проходного зала в трехчастной анфиладе главного входа в монастырь — сводчатым проемом, шириной в 1,25 м. Пандус имел три марша: нижний (самый короткий) начинался с пола помещения XLII до первого поворота, его длина — 2 м, длина второго колена 405 см, сохранившаяся длина третьего — 240 см.

Поверхность пола нижнего колена сильно пострадала от зольника II периода и танура, но, судя по остаткам его первоначальной поверхности возле стен, угол подъема на этом участке был незначительным. Зато во втором и третьем коленах угол наклона плоскости пола был 35—40°. Стены сложены из блоков пахсы (размер блоков 70×78×80 см), пол в основе также пахсовый, сложен ступенями, которые сглажены слоем обмазки из глины, смешанной с рубленой соломой.

Пандус перекрыт сводом, кирпичи которого положены по принципу кладки «наклонными отрезками». В своем исходе в нижнем колене сводчатое перекрытие опиралось на клинчатую арку, перекинутую над проемом в южном углу помещ. XLII. В обресе стены, отделяющей помещение XLII от помещения XLI, четко видна кладка кирпичей этой арки: 5 горизонтально лежащих рядов составляют пятую арку. Начиная с 6-го ряда кирпичи разворачиваются на арку. Глубина арки — 130 см. Примыкание кирпичей свода к торцу-арке осуществлено обычным для Аджина-Тепе способом — путем наращивания отрезков дуги. На повороте кладка свода

становилась веерной. Выходящий угол имел трюп из вписанных друг в друга 3-х арок, на который «наползала» кирпичная горизонтальная кладка из 5 рядов кирпича, скругляя угол и создавая опору для дуг веерной кладки поворота. В отличие от сводов, перекрывающих коридоры на Аджина-Тепе, свод в пандусе опирался на полочку из кирпичей, а непосредственно на пахсовые блоки.

Кладка свода 1 и 2-го колен идет горизонтально, тогда как пол прохода поднимается и, тем самым, высота самого прохода по мере подъема сокращается. Поэтому на повороте третьего колена кладка свода обрывается, достигнув минимальной предельно допустимой высоты. О том, каким было перекрытие третьего колена, можно говорить только предположительно. Скорее всего, его тоже перекрывал свод, но он был выведен выше и проходил на уровне разгрузочных сводов здания.

В обоих случаях пандусные клетки не совсем четко «вписываются» в планировочную схему всего здания, несколько нарушая ее стройность. В частности, следует отметить некоторое отступление от стандартных для Аджина-Тепе размеров толщины стен: там, где стены примыкают к пандусной клетке, они тоньше на 70–80 см. Вероятно, пандусные устройства не были предусмотрены в первоначальном плане строителями и их сооружение — результат корректирования плана в процессе строительства (пандус из вестибюля XLII) и эксплуатация здания (пандус LIII). Отсюда и некоторые сбои в размерах и четко разработанных строительных приемах.

Остатки второго этажа на Аджина-Тепе не сохранились. Можно лишь предполагать, что это были — по сравнению с первым этажом — менее монументальные сооружения.

И безусловно, что активное использование для жилья верхней части монастырской половины было вызвано тем, что часть помещений I этажа разрушалась и обитателям монастыря приходилось осваивать завалившиеся помещения сверху. (Так было, например, с пом. VI/IX и LII), или пристраивать новые (пом. XIII, XIV, XV). В последнем случае помещения были пристроены к внешней покатой стене монастырской половины здания во время одного из капитальных ремонтов первого периода. Строители удачно использовали ломаную линию внешнего фасада здания, пристроив новые помещения к апсидальному выступу зала XII. Для того чтобы перекрыть сводом коридоробразное помещение XIII, пришлось врубать в толщу прежней внешней стены здания полочку из 1–2 рядов кирпича (а не из 5–7 рядов, как обычно); в результате пята свода оказалась почти на ярус ниже, чем в соседних помещениях.

В помещении XIII расчищены остатки двойной печи типа танура: два хума (горлом вниз) были поставлены в отсеки, образованные тремя узкими (в один кирпич) стенками, приставленными перпендикулярно к стене. Культурные остатки над полом перекрыты рухнувшим сводом, над завалом которого вплоть до дернового слоя лежали обильные гумусно-золевые слои, содержавшие керамические фрагменты, кости животных и обломки кирпича. Видимо, пристроенный к внешней стене монастырской половины комплекс функционировал недолго: построенный спустя значительное время после сооружения монастыря, он оказался заброшенным уже к концу первого периода жизни здания. Кратковременность его существования можно объяснить прежде всего тем, что вся пристройка была выполнена небрежно (по сравнению с остальным зданием) и оказалась непрочной. В этом отношении работы по возведению помещений с внешней стороны южного угла здания прямо сопоставимы с качеством ремонтно-строительных работ внутри остального здания, выполнявшихся на протяжении первого периода его жизни.

Хотя в этом кратком обзоре помещений монастырской половины здания нет возможности дать описание всех находок керамики, металлических и стеклянных

изделий, необходимо отметить, что подавляющее большинство их происходит именно из юго-восточной половины здания. Такая концентрация бытовых предметов, связанных с повседневной жизнью монастырской общины, — еще одно подтверждение того, что собственно монастырь (вихара) занимал юго-восточную часть здания. В качестве жилых помещений использовались, видимо, не только кельи, но и ставшие (после перестроек) глухими отрезки коленчатых коридоров.

В целом же находки так называемого «рядового» археологического материала (то есть остатков бытовых предметов) немногочисленны, что находит объяснение и в специфическом характере памятника, и в малолюдности монастыря, и, наконец, в постепенном его запустении. Практически в обвалившихся помещениях найдено только то, что или не представляло ценности в глазах монахов, или просто не могло быть унесено ими по разным причинам (в том числе и глиняная скульптура). Так, внезапный обвал перекрытия сделал недоступным для обитателей монастыря помещение-келью VIII еще на протяжении первого периода. Под просевшим куполом оказались погребенными 179 светильников-плошек. В завале над полом (X и XI ярусы) найдены два целых стеклянных сосуда и обломки еще нескольких флаконов, возможно, упавших из ниши в стене кельи, и 13 монет. Остальные монеты, бронзовые бубенчики, пряжка и серьга-подвеска были обнаружены на полу комнаты (граница XII и XIII ярусов).

Сходная стратиграфическая картина устанавливается и для соседней кельи (помещение XII), где под обвалившимся перекрытием были найдены чирог, изделия из бронзы и монеты. Под обрушившимся купольным перекрытием здесь не встречено никаких следов периода запустения и периода вторичного обживания здания. Найденная в помещении VII арабская серебряная монета — дирхем 730/731 гг. — указывает на дату, после которой мог рухнуть купол в этой келье. Предположительно тем же временем можно датировать и обвал перекрытия в соседней келье VIII. В целом же несмотря на сравнительно ясную картину истории здания, распределение находок по периодам связано с серьезными трудностями, так как предметы в слое вторичного обживания (в том числе и монеты) могут быть переотложены из основного (монастырского) слоя.

К первому периоду относятся все немногочисленные находки из зала XII, заложеного со стороны айвана приставной стеной еще во время существования монастыря. Керамика представлена здесь фрагментами хумов, тонкостенных кувшинов и мисок, покрытых красным пачкающим ангобом. Столь же уверенно к концу монастырского периода можно отнести предметы из помещения XVII, найденные под кирпичной закладкой середины коленчатого коридора. Среди них — железный наконечник сохи с листовидной вогнутой лопастью и несомкнутой обоймой для насадки на деревянную часть (общая длина наконечника 31 см, наибольшая ширина — 14,5 см), а также два железных ножа с притуплённой спинкой и слегка вогнутым лезвием длиной 19,6—19,8 см (у одного острый конец и тонкий стержень для насадки деревянной рукоятки; у другого — округленный конец, лезвие, почти переходящее в рукоять).

Некоторые вещи, найденные в спорных стратиграфических условиях, могут быть отнесены к первому периоду предположительно. Таково бронзовое литое танское зеркало из помещения XIX, имеющее фестончатый край, маленький выступ в центре и украшенное на оборотной стороне выпуклыми изображениями двух пар птиц, расположенных крест-накрест по отношению друг к другу. Скорее с первым периодом, чем со вторым, связаны вещи, обнаруженные в проеме из айвана II в коридор IV (в том числе — бронзовые изделия: полусферическая чашечка, часть ложки, наременная бляшка в виде птичьей головы). Остается неясным, к какому периоду

относятся найденные в завале помещения XVII, XVIII и XIX железные стрелы и дротик. Три наконечника — трехлопастные, с основанием лопастей, которое расположено под тупым углом к черешку. Один наконечник — вильчатый, уплощенный, с фигурными вырезами и уступом при переходе к черешку.

Керамика двух периодов, представленная главным образом во фрагментах, различается как техническими особенностями, так и набором форм. Посуда первого периода формована, как правило, на круге; тесто более тонкой отмучки, обжиг высокотемпературный. Кухонной посуды первого периода в раскопанных помещениях монастырской половины почти не встречено. Несколько хумов было вкопано в полы помещений VI и XXI. Количественно явно преобладают светильники и остатки столовой посуды. Наряду с наиболее массовой формой чирого-плошки с приостренным «сливом» найден светильник на высокой полой конической ножке (на полу коридора III). Столовая посуда представлена фрагментами тонкостенных чаш (диаметром 18–28 см) с переломом стенки недалеко от края и красным пачкающим ангобом внутри; фрагментами тонкостенных кувшинов с вытянутым яйцевидным туловом, желобчатой ручкой, идущей от венчика к покату плечу; фрагментами тонкостенных кувшинов с воронкообразным горлом.

Среди керамики, бесспорно принадлежащей второму периоду, преобладают изделия ручной формовки, из грубого теста; обжиг их часто неравномерный. Набор форм иной: котлы, крышки, жаровни-сковороды, крупные миски-тагора. Светильники сохраняют форму чирогов первого периода, но выполнены намного грубее. На протяжении второго периода в качестве светильников, видимо, использовались и донные части небольших сосудов.

Храмовая половина

Как и монастырская половина, северо-западная часть здания построена по четыхайванно-дворовой планировочной схеме. В центре каждой из сторон квадратного двора расположены айваны (см. на плане помещения XX, XXIX, XXVI и XXXIX), соединенные, как и в монастырской половине, коленчатыми коридорами (см. на плане помещения XXIV/XXV, XXVII/XXVIII, XXII/XXIII и XXX/XXXVIII), которые вместе образуют ограду вокруг Большой Ступы.

Ограда.

С монастырской половиной храмовую связывает анфилада из трех проходных помещений — XX, XVIII и XIX.

Айван XX, открытый в сторону Ступы, симметричный и близкий по размеру айвану монастырской половины, имеет глубину 6,4 м при ширине 4,3 м. Судя по характеру заполнявшего его завала, он был перекрыт сводом. В торцовой стене большой арочный проем, ведущий в среднее помещение анфилады; в боковых, ближе к торцу — по арочному проходу в коленчатые коридоры. Торцовая стена была украшена: с одной стороны от прохода находился скругленный угловой постамент высотой в 37 см, покрытый росписью, с другой (в южном углу) — стояла миниатюрная трехчетвертная колонка, ствол которой сохранился на высоту 0,5 м (диаметр внизу 14 см, сверху — 10 см). На одной из продольных стен айвана обнаружены участки полихромной росписи. Впоследствии помещение было сужено: вдоль продольных стен, на участках от проходов в коридоры до двора, были поставлены дополнительные стены-контрфорсы, они были затем повернуты под прямым углом и заходили на фасадную сторону.

Айванные помещения как бы членили на четыре прогона квадрат обходного коридора. Образовавшиеся коленчатые помещения можно без преувеличения назвать гигантскими: длина каждого «колена» равна 16–16,5 м, при ширине 3,2–3,4 м. До своей длины эти помещения намного превосходят вышеописанные коленчатые коридоры юго-восточной половины.

Коридор XXIV/XXV на входящем углу имеет трехчетвертную глиняную колонну с сохранившейся колоколовидной капителью. В каждом «колене» имелось по два арочных проема во двор к ступе. Противоположная же стена коридора XXIV была глухой арочной аркадой: здесь первоначально были три несимметрично расположенные глубокие ниши, внутри которых находились статуи — от них сохранились лишь налепленные на шипцовую стенку круглые, украшенные штампованными налепами и полихромной росписью нимбы и примыкающие к ним снизу овальные мандорлы. Помещение XXIV, как и все коридоры этой половины Аджина-Тепе, по характеру устройства стен резко отличается от монастырской части. Здесь основанием стен служат 5–7 рядов горизонтальной кирпичной кладки, выше следуют три блока пахсы, над ней начиналась горизонтальная полочка. История помещения XXIV довольно сложная. На каком-то этапе его существования стена с нишами, не выдержав давления сводчатого перекрытия, дала просадку. В ремонтных целях была пристроена подпорная стенка, ниши оказались заложеными, а находившаяся в них скульптура убрана. Поперечные разрезы показали, что подпорная стена сложена не очень аккуратно, но с попыткой перевязать новую кирпичную кладку с кладкой первоначальной стены. Ремонтная приставная стена сооружена после длительного периода нормального функционирования помещения: об этом свидетельствует многочисленность штукатурок, покрывавших первоначальные стены помещения, по крайней мере четыре, может быть, пять раз подвергалось ремонту. Однако подпорная стена, достаточно небрежно построенная, сама впоследствии деформировалась и оползла. В связи с невозможностью использовать помещение XXIV при церемониях обхода Ступы дверной проем в вестибюльное помещение XX был заложен, хотя проходы, ведущие в Ступе, все еще оставались открытыми. Наконец, последний этап жизни помещения завершился его полной закладкой до линии входящего угла коридора.

Непосредственным продолжением помещения XXIV, вторым «коленом», входящим в состав юго-западного фаса ограды, является помещение XXV. Оно очень хорошей сохранности, прямоугольное в плане, своим единственным торцом граничит с вестибюлем XXVI, в который через торец ведет сводчатый проем. На стене, обращенной ко двору, как обычно, два проема. Плоскость наружной стены расчленена пятью часто поставленными арками, четыре из которых являются нишами (глубина их 1–1,1 м, ширина 1,5–1,7 м), а одна — проемом. Полностью сохранилась арка центральной ниши. Следующая за ней арка перекрывает узкий (1,1 м) проем (калитку), ведущий наружу, за пределы комплекса. В нише I (счет ниш ведется от южного угла стены) найдена скульптура сидящего на прямоугольном блоковом постаменте (в *dhyāna-mudrā*) Будды (в полторы натуры), лишь ноги которого сохранились *in situ* (рис. 10). В этой же нише находилась сопровождающая фигура бодисатвы в половину натуральной величины. Здесь также обнаружены части нимбы с лепниной, многочисленные горельефы, украшавшие нишу. Фрагменты скульптуры и горельефов оказались также и около других ниш.

Это помещение, в отличие от XXIV, не подвергалось перестройке. Как явствует из характера заполняющего помещение культурного слоя, после периода основного функционирования оно уже не ремонтировалось и постепенно заполнялось натеками и материалами частичных обрушений. Такого рода рыхлый завал просле-

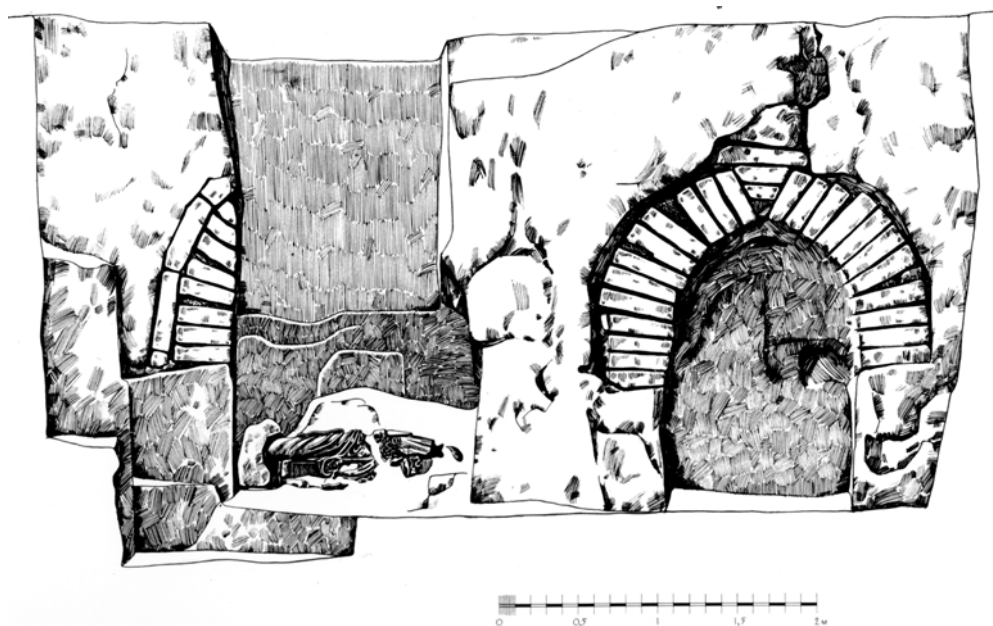

Рис. 10. Аджина-тепа. Коридор XXV, ниша I с остатками фигуры спящего Будды и проем наружу здания

живается на высоту 1,0–1,25 м над уровнем пола. Затем произошло обрушение свода, отчетливо видимое в разрезе (IX и X яруса от единого репера).

Центральное место на юго-западном фасаде ограды занимают айван и лежащая за ним целла. Помещение XXVI-а — почти квадратная (3,65×3,80 м) купольная целла. Внутренняя поверхность купола была покрыта полихромной росписью, многочисленные фрагменты которой встречены в завале. Стены плохой сохранности, особенно та, что расположена против входа, — она размыта почти до основания. В помещении было три прямоугольных постаментов, на которых первоначально находились скульптуры, зафиксированные лишь в виде фрагмента. Среди фигур были и крупные, судя по размеру найденных ступней ног, рук и голов (не менее натуральной величины). Интересны фрагменты скульптурных украшений, нимбов и т. д.

Помещение XXVI — айван, расположенный на 25 см ниже, чем несколько приподнятая целла. Он обычного типа: по длинным сторонам были приставные (ремонтные) стены; особенно хорошо прослеживается такая стенка на стороне, обращенной к помещению XXVII, она частично закрывает ведущий туда проход. Над полом помещения XXVII был слой второго периода, насыщенный золой, углем, гумусными образованиями. Ниже его лежали куски упавшей со / стен живописи. Айван XXVI открывается на лестницу Ступы, ось которой не совпадает с осью помещения. Во дворе, между торцами стен помещения XXVI и Ступой — остатки какого-то крупного пожара на высоте около 1 м над уровнем пола помещения. Под ним натечные слои, что свидетельствует о хронологическом разрыве между временем функционирования помещения и этими зольниками, очевидно относящимися ко второму периоду.

Как указывалось, один из проходов ведет из этого айвана в коленчатый коридор XXVII/XXVIII — симметричный помещениям XXIV/XXV, расположенный в западном углу ограды. В помещении XXVII тоже четыре ниши. Основание стен образует шесть рядов кирпичной кладки (общей высотой 0,9 м). Входящий угол на повороте в помещении XXVII (рис. 11) оформлен трехчетвертной колонной. На повороте обнаружено основание постамента. Оно сделано из сырцового кирпича, прямоугольное в плане, трехступенчатое (1,3×0,9 м в основании, при сохранившейся высоте 1,1 м). Две нижние ступеньки-плинты, очень узкие, соединены выкружками. Поверхность оштукатурена и покрыта белым алебастром. Стороны этого постамента параллельны стенам помещения, но он сам смещен к трехчетвертной колонке. На стене помещения XXVIII, в том месте, где она примыкает к стене с аркатурой помещения XXVII, — проход, ведущий в угловую квадратную клетку внешнего обвода. В этом проходе (ширина его 1,5 м) найден большой фрагмент живописи с фигурами дароносцев. Стены помещений XXVII/XXVIII сохранили следы живописи. Ею целиком была покрыта и внутренняя поверхность свода, отсюда извлечено большое количество крупных по размеру фрагментов росписи с сидящими буддами.

Ниши коридора XXVII были предназначены для крупных скульптур. Однако сами скульптуры *in situ* в нишах не сохранились. Лишь в нише № 1 найдены скрещенные ступни ног крупной скульптуры, остатки мандорлы и рельеф с изображением Будды. Для истории функционирования этих помещений существенны данные наблюдений над стратиграфией. Так, в помещении XXVII, у ниши № 2, самый нижний слой завала кусков живописи лежал «лицом» вверх на высоте 15 см над полом. Над ними — двух-трехсантиметровый слой натека, а затем выброшенные (или выпавшие из ниши) части крупной скульптуры Будды. Выше на 0,5 м — новый слой завала из крупных кусков потолковой росписи.

Иным является заполнение коридора XXVIII, который продолжал использоваться для жилых (или хозяйственных) целей и после того, как здание перестало функционировать в качестве монастыря. Сначала над полом идут рыхлый завал и натеки. Затем, на высоте 0,4–0,45 м, начинаются угольно-золистые прослойки, которые становятся все более интенсивными. На высоте 0,8 м идут почти сплошные черные углистые линзы толщиной 15–25 см. На высоту около 1 м над полом у стены, обращенной во двор, глиняный «толур». Свод над западной частью помещения XXVIII держался очень долго (что не способствовало сохранению живописи на нем), и впоследствии, в связи с тем, что внутренность помещения в значительной части оказалась заполненной, свод довольно аккуратно «сполз». Коридор XXVIII в течение I периода подвергался неоднократным ремонтам, во время которых приходившую в негодное состояние скульптуру убирали в обмазку пола или стен, а для крупных кусков делали специальные подбой в толще стены или в щеках проема.

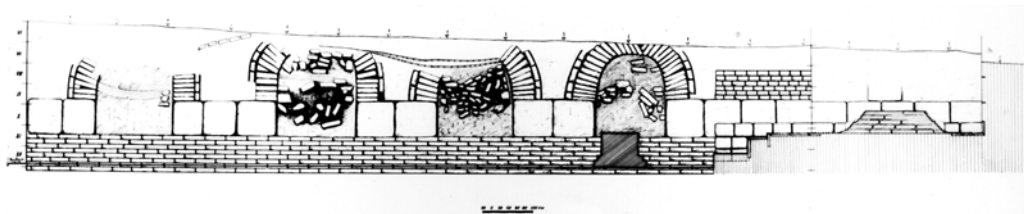

Рис. 11. Аджина-тепа. Разрез вдоль коридора (с нишами) и через святилище XXXI

Коленчатый коридор XXX/XXXVIII огибает северный угол двора Ступы. Колено (XXX длина 16,2 м) имело два прохода во двор и три проема, ведущие в целлы внешнего ряда помещений по северозападному фасу здания. Помещение активно использовалось во втором периоде: танур в углу, большая печь в простенке между входами в целлы XXXV и XXXVI, слои угля и золы с обломками стенок хумов и комьев обгорелой глины толстым слоем лежали по всей площади помещения. Поверхности стен сильно повреждена зольниками. Такая же картина наблюдалась и в колене XXXVIII, где сохранность стен еще хуже. Тем не менее удалось получить убедительные доказательства того, что входящий угол коридора был также оформлен выступающей трехчетвертной колонкой, основание которой сохранилось ниже уровня пола II периода.

Коридор XXII/XXIII занимает восточный угол храмовой половины. Колено XXII имело два выхода во двор и один — в айван XX. Примерно по середине юго-восточной продольной стены находилась глубокая ниша, в которой были обнаружены остатки скульптуры Будды, сидящего в dharmasakra-mudra на консольном постаменте (длина 1,15 м, ширина 0,45 м). На противоположной от ниши стене сохранились остатки росписи (фрагмент XXII/p-I). Помещение неоднократно ремонтировалось, сначала вдоль основной стены его соорудили кирпичную подпорную стенку, которая сократила до 2,60 м ширину коридора и «углубила» до 1,75 м нишу. Позже значительную часть помещения заложили кирпичом. Закладка была начата на расстоянии 2,5 м от проема (рис. 12), ведущего в айван XX, и доведена до поворота в помещение XXIII. Таким образом вместо длинного коридора осталось небольшое помещение (2,5 × 2,6 м) с одним выходом во двор (проем в айван XX был заложен раньше).

Коридор XXIII (рис. 13) является другой частью коленчатого коридора. Угол поворота также оформлен трехчетвертной колонкой. Особенностью помещения XXIII является наличие очень крупного постамента, который тянется вдоль внешней стены. На постаменте — скульптурный колосс, лежащая фигура Будды в Нирване, длиной около 12 м. В 1966 г. скульптура была снята с постамента. Расчистка завала вокруг постамента, разборка его самого позволили сделать заключение, что первоначальное назначение коридора и скульптурное оформление его были иными, и что фигура Будды в Нирване сооружена на одном из последних этапов монастырского периода. Так, головная часть постамента заслоняла собой нишу, шириной в 140 см и глубиной 110 см, которую аккуратно заложили кирпичом, когда воздвигали постамент. В свою очередь, и ниша не была изначальной, а была сделана из прохода, который был здесь задуман по первоначальному

Рис. 12. Аджина-тепа.
Арка в торце коридора XXII

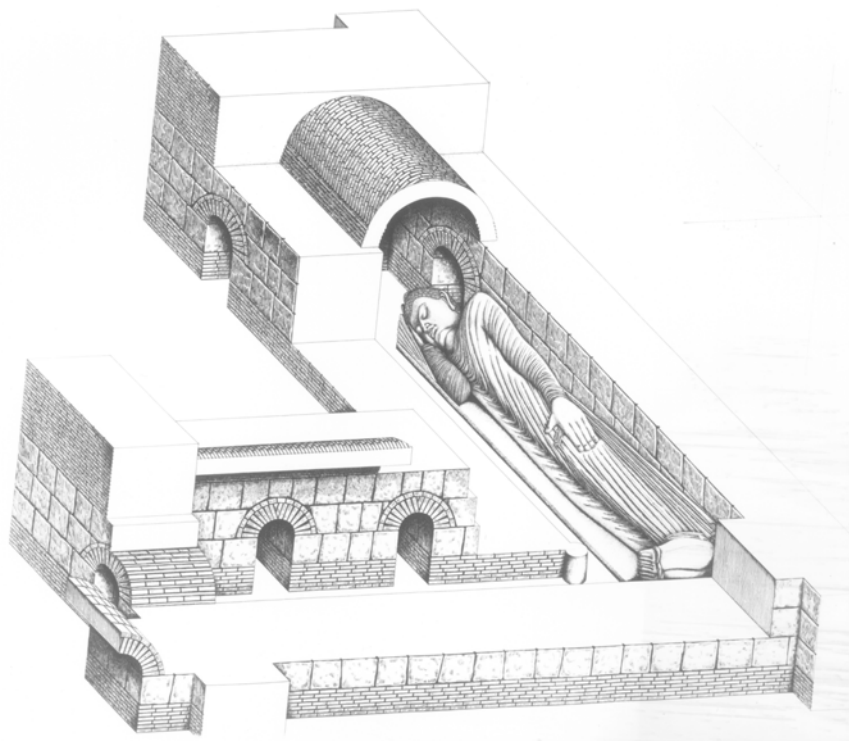

Рис. 13. Аджина-тепа. Аксонометрическая реконструкция коридоров XXII–XXIII

плану и функционировал, о чем наглядно свидетельствовал зольник, толщиной в 15–18 см (с керамикой, костями животных и монетами), подстилавший кирпичную закладку прохода и заходивший в него с наружной стороны. Удалось установить толщину наружной стены этой половины здания, она равнялась 3,5 метрам.

При сооружении постамента под Будду в его кладку заложили обломки глиняной скульптуры от прежнего убранства помещения. Вполне вероятно, что сооружение подпорной продольной стены в коридоре XXII и постамента произошло одновременно. А когда позже пришлось закладывать колено XXII почти на всю его длину и, тем самым проходной коридор становился тупиковым, то в толще наружной стены за постаментом пробили проход наружу. Какое-то время им пользовались, но потом (и это уже в самом конце монастырского периода) его небрежно заложили с двух сторон кирпичом, спрятав внутрь обломки скульптуры и строительный мусор. История помещения заканчивается обрушением свода, прикрывшего фигуру Будды на 3/4 ее длины. Изголовье постамента и голова Будды значительно пострадали и их обломки образовали завал в торцевой части помещения, перекрытый мощным зольником II периода, который проник в коридор через проем со двора.

В середине северо-восточного фасада ограды расположена пара помещений — XXXIX и XL, симметричные XXVI и XXVI-a, на противоположной стороне, близкие им по размеру и, по-видимому, по назначению.

Помещение XL являлось небольшой квадратной целлой-святилищем, размером 3,30 × 3,35 м. Судя по завалу, помещение было перекрыто куполом, который

обрушился, видимо, во второй период. Кирпичи купола с остатками росписи по штукатурке лежали в верхней части завала.

В отличие от помещения XXVI-а, целла XL не имела приподнятого пола, не обнаружены и пристенные постаменты (может быть они были позже срублены?). Четко фиксируются два уровня пола, разделенные прослойкой серого песка (толщиной в 5 см). При зачистке нижнего пола и завала над верхним полом найдены мелкие обломки глиняной скульптуры, а вблизи стен — куски штукатурки с орнаментом, выполненным в глубоком рельефе. Широкий (150 см) проем соединяет целлу с айваном XXXIX, обращенным к северо-восточному фасу Большой Ступы. Айван имеет ширину 4,40 и глубину 5,60 м. Боковые стороны его прорезаны сводчатыми проемами, которые ведут в прилегающие коридоры ограды. В помещении четко фиксируются уровни двух периодов. На протяжении первого периода проводились неоднократные ремонты, которые особенно очевидны по переделкам угловых постаментов со скульптурой.

Так в левом от входа углу первоначально соорудили прямоугольный постамент, выступающий угол которого был срезан вогнутой плоскостью. В основание постамент положены плитки из обожженной глины, его вертикальные поверхности покрыты толстым слоем белого ганча. В более позднем варианте постамент имел прямоугольную цокольную часть (95 × 76 см при высоте 25 см), на которую опиралась вторая ступень, высотой 30–31 см, которая заполняла собой угол и по внешней стороне была украшена шестью округло-вогнутыми ячейками. На верхней плоскости этой ступени стояла какая-то скульптурная фигура, от которой сохранились складки одежды, переходящие на стену и ступня левой ноги.

Постамент в правом углу айвана был иной формы. От его первоначального варианта сохранилась *in situ* небольшая часть (около 70 см) в виде толстого витого жгута белого цвета с красной подкраской в углубленных местах. Судя по фрагменту, постамент был округлых очертаний. При более позднем ремонте этот постамент обстроили большим по диаметру и так, что он закрывал проход в коридор с Буддой в Нирване. Внутри постамента была замурована разрушенная скульптура (голова Будды, фрагмент XXXIX/с-I).

В помещении четко прослеживается слой II периода. Ему соответствует зольник на высоте 60–70 см от первоначального пола, обломки обожженных облицовочных плиток, остатки танура на левом постаменте.

Северо-западный внешний фас ограды составлял ряд одинаковых по площади квадратных святилищ, из которых шесть имели самостоятельные выходы в коридоры XXVIII, а центральное — седьмое святилище — п о м е щ е н и е XXXIX — через айван XXIX, открывалось в сторону Главной Ступы. Размеры помещения 4,35 × 4,25 м. Плотный кирпичный завал сверху чрезвычайно затруднял расчистку поверхности стен, расположение же кирпичей в завале убеждало в том, что перекрытие помещения было купольным.

Вдоль трех стен святилищ расположены небольшие прямоугольные одноступенчатые постаменты. Их размеры почти одинаковы: длина по фронтальной стороне 1,5 м, ширина — 0,85 м (средний) и 1,1 м (боковые), сохранившаяся высота от пола — 0,5–0,6 м. Пол и стенки постаментов покрыты слоем зеленой глины, смешанной с песком. Все пространство между постаментами буквально забито сброшенной с постаментов скульптурой и осыпавшимися на пол рельефными украшениями. Именно отсюда извлечена значительная часть аджина-тепинской коллекции скульптуры.

Айван XXIX, размером 4,30 × 5,70 м, имел по обе стороны прохода в святилище XXXIV угловые постаменты — суфы, неоднократно ремонтировавшиеся и перестраивавшиеся.

Левый от прохода небольшой постамент (80×75, высота 30 см) прямоугольный в плане, в раннем своем варианте был основанием для стоящей скульптуры, от которой сохранились ступня левой ноги и часть правой, а также складки красной одежды в углу у стены помещения. Поверхность постамента и ноги фигуры (судя по ступням, ее размеры близки к натуральной величине) покрыты толстым слоем ганчевой обмазки, а углубления между пальцами ног и ногтевые лунки подкрашены красной краской.

После разрушения стоящей фигуры, постамент с остатками ног был включен внутрь чуть большей по размеру суфы, также обмазанной белым ганчем.

Справа от входа в помещение XXXIV, начиная от линии щеки проема и до угла айвана находилась суфа, той же высоты (около 30 см), но большая по размерам (190×90 см). По всей вероятности на ранних этапах она тоже служила постаментом для какой-то скульптуры или сооружения, которое не сохранилось. Об этом говорит слой белой ганчевой обмазки, который лежит горизонтально на краях суфы и делает выкружку вверх ближе к ее середине.

В центре помещения были обнаружены и расчищены остатки небольшой вотивной ступы, точнее двух, расположенных одна внутри другой. Сооружение ступы, тем самым, меняло назначение этого помещения как вестибюльного, поскольку загораживало свободный выход в Главной Ступе. С другой стороны, сооружение ступы перед святилищем не мешало его сакральному назначению и даже, наоборот, усиливало его: во время церемониального обхода Главной Ступы верующие могли видеть центральное святилище на фоне вотивной ступы. Скорее всего, идея соорудить вотивную ступу в айване возникла на одном из поздних этапов I периода, возможно во время ремонта юго-западной стены помещения, когда ее пришлось укреплять подпорной стеной.

От внутренней ступы сохранился участок северного и частично западного фаса, примерно 1/4—1/5 ее бывшего объема. Особенно пострадал от разрушения фасад, обращенный к Большой Ступе. Тем не менее расчистка остатков ступы позволила сделать ряд интересных наблюдений и замеров.

Первоначально ступа была сооружена на вымостке из обломков плит жженого кирпича, положенного на поверхность нижнего пола помещения. Тело ступы было сделано из сырцового кирпича, промазанного слоем мраморовидной глины. Для большей прочности внутрь кладки были впущены обломки жженого кирпича. Ступа была крестообразной в плане (реконструируемый диаметр ее основания 230—240 см) с двумя террасами-ступенями разной высоты. Нижняя терраса имела высоту 18—20 см, вторая 30—32 см. Третьим ярусом ступы был круглый в плане барабан, от которого сохранился значительный участок (чуть меньше четверти его плана) на высоту до начала карниза (15 см). Диаметр барабана 100—110 см.

Все три яруса имели ступенчатый плинтус. Он слабо выражен в основании ступы, в виде двух массивных валиков, проходит вдоль второй террасы (его высота от 4 до 7 см), опоясывает барабан. Вторая терраса и барабан имели карнизы.

По середине каждого фаса ступы шел лестничный подъем на ступени-террасы. Лестничные марши сохранились фрагментарно. Нижний марш был сделан внутри осевого прямоугольного выступа (шириною 58 см). От него сохранились три верхние ступени, высотой 3—6,5 см, шириной 3—3,2 см, и часть большого пилона шириной в 14 см.

Второй марш лестницы (его ширина 29,5 см) имел перильца. Ступени длиной 19,5—20 см при одинаковой ширине (4,5 см) имели разную высоту — от 4,5 до 7 см. Разделяющий широкой площадки между двумя маршами не было и лестница была как бы единой.

Особый интерес представляют остатки третьего яруса ступы: барабана-основания полусферы. Это единственный случай на Аджина-Тепе, когда барабан ступы сохранился *in situ*. Появилась возможность с большей, чем раньше, уверенностью говорить о пропорциях ступ и делать их реконструкции.

Как показывает подсчет абсолютных высот двух террас (18–20 и 30–32 см), барабана (15+3/?) см, высота карниза и полусферы (половина диаметра барабана, т. е. 50 см) общая высота ступы получается равной половине ее диаметра по основанию (т. е. соотношение размеров 1:2).

Осталось неясным: был ли третий лестничный марш к основанию полусферы. На сохранившейся части барабана по северо-восточному фасау на оси лестничных маршей имеются остатки выступа, шириной в 26 см. По обе стороны от него прямоугольные пилоны с чуть намеченными колонками на выступающем углу. (Такой же слабовыраженный колонкой был оформлен угол больших выступов второй террасы). Остатки осевых выступов на барабане могут быть приняты за лестничные марши, хотя возможно и иное толкование: это остатки арочной ниши с изображением сидящего Будды.

Кирпичная основа ступы была покрыта слоем штукатурки из глины, смешанной с рубленой соломой и древесным углем. Из этой массы выполнены все мелкие детали ступы (ступеньки лестниц, пилоны, плинтусы, карнизы). Снаружи ступу покрывал толстый слой белой ганчевой обмазки.

При сооружении внешней ступы меньшую использовали в качестве ядра-основы, сместив центр новой ступы к юго-западу. Новая ступа была не только больше размером (диаметр ее основания около 3 м), но и значительно отличалась от ранней. У нее было три ступени-террасы, одинаковые по высоте (32–34 см). Широкий четырехступенчатый плинтус, высотой от 7 до 11 см, огибал основание ступы.

Заполнение помещения XXIX вблизи пола состояло из обломков рухнувшего перекрытия, верхних частей стен и разрушенной ступы. На полу проходной части помещения и на большой угловой суфе найдены куски штукатурки с остатками многоцветной росписи, изображающей ряды сидящих будд, разделенных волнистыми растительными побегами и цветами (фрагмент XXIX/p-I). Поверх завала на высоте 60–30 см от пола помещения четко фиксируется уровень обживания развала помещения во II период (зольник и горелый слой, толщиной около 20 см, остатки основания печи-тонура и скопление обгорелой мелкой гальки у юго-западной стены, очажное пятно в центре помещения).

Целла XXXI — квадратное (4,05–4,10 м) купольное помещение. Это угловая целла северо-западного фаса. В нее ведет широкий проход (1,5 м), одна сторона которого — продолжение стенки коридора XXVII. Особенностью прохода является ступенчатый подъем (пол целлы лежит на 0,85 м выше пола коридора), который состоял из трех ступеней, облицованных жженым кирпичом. Пол целлы и основания стен облицованы примазанными плашмя кирпичными плитками, сверху покрытыми слоем обычной саманной штукатурки. Стены благодаря кирпичной обкладке внизу очень хорошей сохранности. Выше сохранность их хуже. Здесь кое-где они подвергались ремонту кусками вмазанного жженого кирпича. Центральную часть целлы занимает миниатюрная кирпично-глиняная ступа (рис. 14–15) крестовидно-звездчатая в плане, многоярусная, с тремя сохранившимися фасадами (размер ее — 2,37 м при высоте 0,55 м). Верхняя часть ее разрушена слоем второго периода. Все три фасада ступы оформлены совершенно одинаково как двухъярусное основание. Центральную часть каждой стороны занимает двухмаршевая массивная лестница. Лестничные подъемы выносные, нижний марш лестницы заключен между двумя массивными пилонами, высота которых соот-

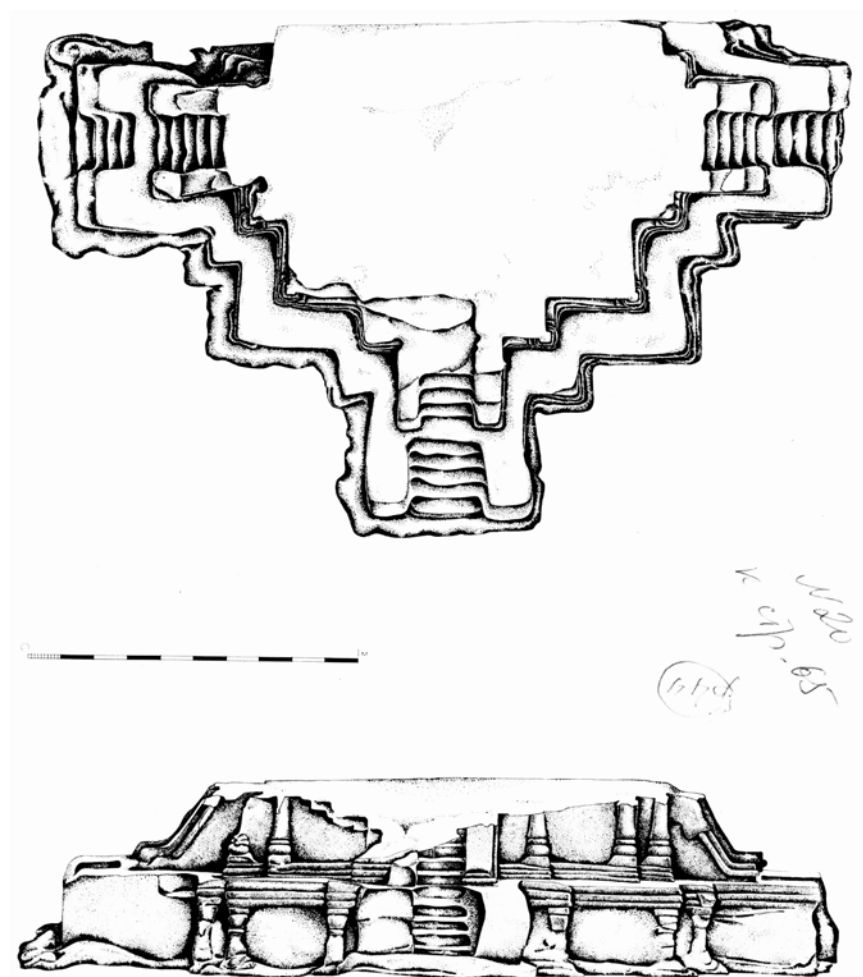

Рис. 14. Аджина-тепа. Ступа в помещении XXXI. План и северо-восточный фасад

ветствует общей высоте нижнего яруса. В верхней части стенок пилонов (боковых и фасадных) трех- или двухваликовый карниз (при ремонте валики были замазаны). Пилоны боковой стороны не параллельные, как на других сторонах, а расходящиеся, в результате ступени сверху уже (нижняя ступень — 24 см, верхняя — 16 см). Лестничная площадка имеет глубину 8,6–7,9 см. В середине ее начинаются перила верхнего марша лестницы, по наружному фасу их тянется параллельно краю рельефный округлый жгут. На одном фасаде лестница второго яруса суживается вверх, на других, напротив, расширяется. Высота ступенек — 4–5 см, ширина — 3,5–5 см. Каждая сторона (фасад) ступы имеет как в первом, так и во втором ярусах по пять вертикальных членений. Центральное — это лестница, по сторонам от нее, в глубине — небольшие уступообразные части, еще глубже — плоские стенки. На углах уступов первого и второго ярусов, а также на углах сторон имеются трехчетвертные колонки. Если считать нижний ярус цокольным, то он со-

Рис. 15. Аджина-тепа. Ступа в помещении XXXI. Фото после расчистки

стоит из трех горизонтальных членений: плинтуса, «стула» и карниза. Плинтус имел вид округленного вала неаккуратной формы шириной 3–4 см, высотой 3–6 см, в некоторых местах он как будто двухчастный. Плоскость стены — «стул» совершенно гладкая, ее высота — 17,2–18 см. Над нею тянется лента трехчастного сложно профилированного карниза, общая его высота 8,4 см, из них 3,8 см падают на средний жгут, верхний и нижний уже. Верхняя часть карниза имеет вид обратной выкружки, средняя и нижняя части — представляют собой валики. Максимальное нависание карниза — 2 см. Карниз опирается на трехчетвертные колонки первого яруса.

Второй ярус был устроен аналогичным образом. Отличие его состоит в том, что плинт здесь трехчастный. Общая высота плинта — 5,5–6 см, ширина — 3,7–4 см. Стена над ними гладкая. В углах — трехчетвертные колонки. Над стеной и в этом ярусе был карниз, но лишь на одном участке высота стены достаточна, чтобы переход к карнизу сохранился. Судя по этому участку, высота нижнего яруса (с цоколем) до основания карниза — 22,2 см, верхнего — 24,8 см. Если это не случайное колебание, верхний ярус был выше первого. Вопрос не может быть решен с определенностью, но это предположение кажется весьма вероятным, если еще учесть, что и колонки верхнего яруса были несколько крупнее.

В завале был найден фрагмент верхней части колонки, судя по всему относящийся ко второму ярусу. Над абакой — трехчастный карниз с сохранившимся участком верхней плоскости. Поверхность ступы была покрыта белой алебастровой штукатуркой, верхние членения карнизов, перильца и вал капителей колонок окрашены в красный цвет. Судя по вышеупомянутому фрагменту, красным были окрашены оба вала капителей второго яруса и нижняя тяга венчающего его карни-

за. Кое-где имеются следы красной краски на ступеньках, вероятно, они были первоначально целиком окрашены в красный цвет.

Пол вокруг ступы поверх саманной штукатурки неоднократно покрывался слоем белого ганча. Последний во времени обмазочный слой был расписан крупными красными цветами, разбросанными по белому фону пола без определенного порядка.

Ступа была закреплена, разрезана на несколько частей и снята для дальнейшей обработки в лабораторных условиях. Яри этом удалось установить, что она сооружена после значительной перестройки помещения, во время которой первоначально вытянутое помещение (возможно служившее вначале проходом Ограды) было превращено в квадратное купольное. Для этого пришлось подрубать изнутри паховую кладку юго-западной наружной стены, соорудить заднюю стену, перекрыть помещение куполом, приподнять прежний пол на 30 см. Под ступу был подведен основательный фундамент из крупной гальки больших кусков керамического шлака, обломков сырцового кирпича и жженных плит на всю толщину приподнятого пола. Остальные части помещения забили плотно утрамбованной землей, пол выстлали обожженными плитками и соорудили ступу. Она сложена из сырцового кирпича, внутри забутована комьями глины, обломками хумов и жженных плиток. В ответственных местах (на углах ступы, внутри перилец и ступенек) строители часто использовали обломки жженных плиток. По крайней мере, дважды ступа основательно ремонтировалась.

В завале помещения найдены небольшие куски штукатурки (с остатками двух слоев росписи: на нижнем слое по темно-синему фону нанесены маленькие многолучевые золотые звездочки, верхний слой (более поздний) был темно-красного цвета).

Слой II периода фиксируется на высоте около 60 см от поверхности пола помещения.

Целла XXXII (размер 4,3×4,2 м). Сводчатым проемом с невысоким порогом соединяется с коридором XXVIII. Помещение актив но обживалось во II (монастырский) период. Гумусно-зольные слои этого периода толстым пластом (до 45 см) заходили из коридора на всю глубину прохода и более тонким слоем располагались по всей площади помещения. В завале над зольником II периода встречались куски штукатурки с отпечатками желтой и синей краски очень плохой сохранности, что позволило предполагать позднее обрушение купольного перекрытия. Лучшие по сохранности куски штукатурки с живописью были найдены в завале восточного угла помещения ниже уровня II периода. Два из них (фрагменты XXXII/п-1,2) с остатками сюжетной росписи, один — с изображением крупного лотоса с розовыми лепестками и желтым пестиком и тычинками.

В центре помещения расчищены остатки крестообразной террасовидной ступы. От нее сохранилась (не на всю высоту) нижняя ступень-терраса, в плане передающая очертания многоугольного креста (максимальные размеры 270×282 см), все углы которого украшены чуть выступающими за плоскость стен колонками, с массивными прямоугольными базами, гранеными фустами, чуть сужающимися кверху. Колонки выступают за линию стены примерно на 1 см. Базы опираются на прямоугольный в сечении плинтус, шириной в 2,5 см и высотой в 2—2,5 см, который сохранился по всему контуру ступы.

Ступа сооружена на вымостке из плит жженого кирпича, которая является как бы подиумом под ступу, тоже крестообразным в плане, но менее дробных очертаний и больших размеров (3×3,2 м). Подиум сложен из одного ряда плашмя лежащих кирпичей, обмазанных сверху слоем ганча.

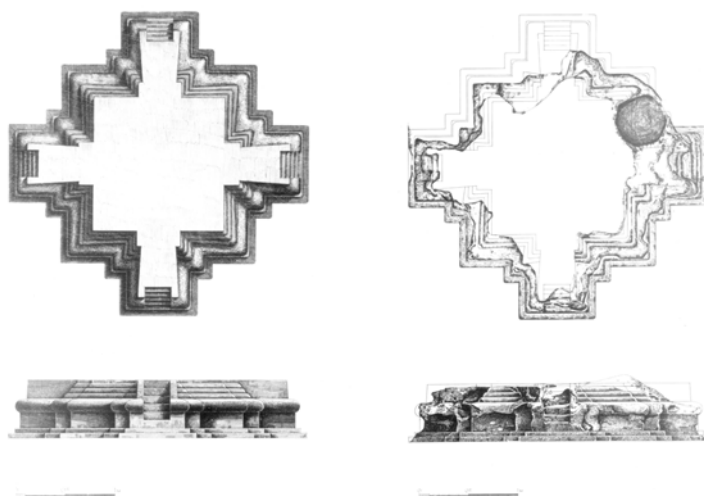

Рис. 16. Аджина-тепа. Ступа в помещении XXXIII после расчистки и рисунок-реконструкция

Сама ступа сложена из сырцовых кирпичей. Кладку сверху покрывал слой саманной штукатурки и обмазки скульптурной глиной коричневого цвета толщиной около 1 см. В этой глиняной массе вылеплены колонки, базы и плинтус. Сверху ступа была покрыта тонким слоем ганчевой обмазки.

В завале около ступы попадались куски несохранившихся верхних ярусов-ступеней. Среди них есть обломки карниза (возможно, от верха I террасы), перильца от лестниц второй ступени (шириной в 10 см). Незадолго перед тем, как ступа была разрушена, ее ремонтировали: почти до всей сохранившейся поверхности видны следы шпаклевочных работ, выполненных зеленой глиной, однако побелки после этого ремонта не сделали.

Целла XXXIII открывается арочным проемом в коридор XXVIII. Кирпичный завал в верхней части помещения имел тот характер, который бывает при обрушении купола; и содержал куски штукатурки с цветной покраской (красный, синий, зеленовато-желтый). Под зольником второго периода (на границе IX и X ярусов) расчищена миниатюрная ступа, занимавшая центральную часть целлы. Ступа — звездчатая в плане, террасовидная, сложно-профилированная в сечении. Сохранились все четыре фасада. Размеры ступы: $2,9 \times 2,9$ м, при высоте сохранившейся части 0,5–0,6 м (верх срезан зольником). Поверхность ступы (рис. 16) покрыта ганчевой обмазкой, поверх которой кое-где сохранились следы красной окраски. В один из углов ступы с уровня зольника был впущен танур. После обмеров и описания ступа была разрезана пополам по оси помещения, проходящей через проем. Это позволило судить о внутренней ее структуре. Оказалось, что она выложена, притом довольно небрежно, из обычного сырцового кирпича. Основание ступы — это ряд кирпичей, положенных ложком. Над ними пять рядов кладки тычком, с перевязкой швов. Профилировка образована выступанием кирпича, покрытого снаружи толстым слоем штукатурки.

Нижняя терраса ступы (высота ее около 35 см) в основании украшена двухступенчатым плинтусом, а сверху ее окаймляет широкий вал-карниз. В толщу широких прямоугольных осевых выступав врезаны ступеньки лестничных маршей.

От второй террасы сохранился только ступенчатый плинтус и начало вертикали стены (на общую высоту 15 см).

В помещении заложено два шурфа. Оказалось, что в помещении два пола, разделенных промежутком в 10 см. Ступа возведена с уровня верхнего пола. Из находок на верхнем полу следует особо отметить крупные куски (до 60 × 40 см) штукатурки с многоцветной росписью (в одном случае, по-видимому, нимб).

Целлы XXXV–XXXVII расположены по другую сторону от осевого святилища XXXIV, все имеют ступенчатые выходы в коридор XXX. Поскольку эта часть здания усиленно обживалась во второй период, то о былом убранстве святилищ можно сказать очень немного. Так, в святилищах XXV и XXXVI вдоль стен обнаружены остатки постаментов под скульптуру, а в угловой целле XXXVII — цокольная часть вотивной ступы. Небольшие зондажи в полах свидетельствовали о том, что и постаменты и ступа сооружены только на поздних приподнятых полах, которые выстилались жжеными плитками (целыми и обломками) и галькой, с последующей обмазкой толстым слоем глины с саманом. Уровень первоначального пола соответствовал основному полу коленчатого коридора.

Пристенные постаменты (142–152 × 98–106 см) сохранились на высоту до 35 см. Они сложены из сырцового кирпича, оштукатурены и сверху покрыты слоем зеленой глины и песком. В завалах на полу между постаментами в углах помещений найдены остатки сильно разрушенной глиняной скульптуры.

От вотивной ступы в пом. XXXVII сохранился лишь квадратный в плане цоколь (размером 260 × 276 см), сложенный из двух рядов сырцового кирпича с использованием в кладке угловых частей плиток жженого кирпича. Кладку сверху покрывал толстый слой саманной штукатурки и ганчевая обмазка. Цоколь был частично раскрашен: средняя треть каждого из четырех фасадов была окрашена в красный цвет. Очевидно, такая раскраска цоколя подчеркивала центральное расположение лестничных маршей верхних несохранившихся ступеней-террас. О том, что ступа в помещении XXXVII была крестовидной с лестничными маршами на каждом фасе свидетельствуют остатки ганчевой обмазки на поверхности цоколя, сохранившие крестовидный контур разрушенной второй ступени, а также обломки ступеней, перилец, лежавшие в завале вокруг цоколя ступы.

Судя по фрагментам, эта ступа тоже ремонтировалась и тоже, как в помещении XXXII, починочную шпаклевку не успели закрыть новым слоем ганчевой обмазки.

Большая Ступа и ее двор

Центральную часть двора храмовой половины занимает Большая Ступа. Это монолитное сооружение из пахсы и сырцового кирпича. Максимальный диаметр ее по основанию 26–28 м, сохранившаяся высота несколько больше 6 м. Ступа террасовидная крестообразная в плане, ориентирована углами по сторонам света.

Каждый из четырех ее фасадов по середине имел лестничные марши. Полностью сохранились две террасы — ступени и частично кирпичная кладка барабана полушферы. Наилучшую сохранность имеет нижняя терраса, поскольку ее прикрывал развал верхней части Ступы, и ее обмер дал наиболее полные данные. Хуже сохранность второй террасы, а кладка барабана выглядит оплывшей массой, составляющей верх холма. Наглядную картину разрушения верха Ступы дал обрез завала — заполнение в восточной стороне двора: огромный массив кирпичной кладки сполз вниз, прикрыв собой угол Ступы.

Работы на Большой Ступе начались в первый же год раскопок на Аджина-Тепе. Еще в 1960 году один из пробных турфов пришелся на тело Ступы, тогда же был расчищен участок вертикальной поверхности второй террасы с юго-восточной стороны, околонушена грабительская яма, вырытая на южном склоне макушки холма.

Работы возле Большой Ступы возобновлялись неоднократно в последующие годы, по мере того как разворачивались раскопочные работы в храмовой половине (рис. 3, 17).

Завершение работ на Ступе и вокруг нее дало возможность сделать полный архитектурный обмер и получить данные для частичной реконструкции. Существенную помощь для последней оказывают обмеры малых вотивных ступ, особенно расположенной в северном углу двора и внутренней ступы из айвана XXIX.

Прежде всего обращает на себя внимание факт несовпадения осей Большой Ступы с осями северо-западной половины монастыря. Ступа оказывается несколько смещенной к северо-северо-востоку и это особенно бросается в глаза при сопоставлении широких айванных проемов с расположенными напротив них лестничными подъемами Ступы.

Асимметричное относительно центра двора расположение Ступы заставило ее строителей значительно укоротить (почти на 2 м) северо-западный осевой прямоугольный выступ нижней ступени-террасы, чтобы оставить необходимое для обхода Ступы пространство между ней и помещениями северо-западного фаса огады.

Смещение центра Ступы на северо-запад представляется намеренным, чтобы сделать большим пространство перед ее главным фасадом, обращенным к монастырской половине. У этого фаса Ступы могло скапливаться наибольшее количество верующих, т. к. здесь находился проход в монастырскую половину и выходы-калитки за пределы здания, отсюда начиналась церемония обхода вокруг Ступы.

Что же касается несовпадения оси Ступы с продольной осью здания в целом, то его можно объяснить, с одной стороны, некоторым просчетом строителей, начавшим возведение Ступы со строительства ее пахового ядра с примыкающими к нему основами лестничных маршей. Отклонение стало заметным, когда основной массив Ступы обвели кладкой нижней ступени. С другой стороны, Ступа на протяжении своего существования многократно чинилась. Во время ремонтов не только подновлялись обмазки, но и перекладывались лестничные ступени, при-

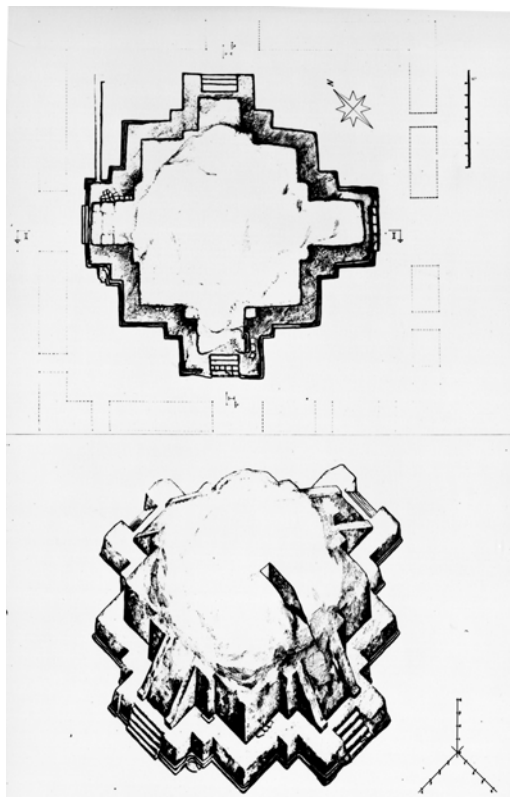

Рис. 17. Аджина-тепа. Главная ступа.
План и аксонометрический рисунок

страивались небольшие пилоны. Особенно часто приходилось подправлять основание нижней террасы, в результате чего Ступа со временем несколько изменила свои первоначальные размеры, а каждый фас ее приобрел индивидуальное «лицо».

Вот таким путем могло получиться, что юго-восточный лестничный подъем на Ступу оказался смещенным вправо от оси проходных помещений XIX–XVIII–XX.

В плане нижняя терраса Ступы представляет собой почти правильный квадрат с длиной стороны 16,5–17 м, высотой 125–132 см. К середине каждого фаса примыкает лестничный марш шириной от 6 до 7,5 м, выступающий за фасад нижней террасы на расстояние 3,3 м с северо-западной стороны, на 4,15–4,20 м — с юго-западной и северо-восточной сторон и на 4,7–5,1 м с юго-восточной стороны. Каждый лестничный марш по обе стороны фланкировали прямоугольные пилоны. Вполне вероятно, что первоначально они были одинаковы по величине, но в результате многочисленных ремонтов стали довольно значительно отличаться размерами: 110–120 × 150–160 см. Крестообразно-звездчатое в плане основание Ступы со всех сторон огибает ступенчатый плинтус. Он многократно ремонтировался, меняя при этом свои размеры и очертания. В последнем варианте он имел 2–3 ступени. Необходимость частых ремонтов вызывала такую конструктивную особенность, как создание жесткой основы для плинтуса. С этой целью в тело Ступы у ее основания местами вмазывались плиты жженого кирпича, поставленные под прямым углом друг к другу, а в слое покрывавшей кирпич штукатурки лепился профилированный плинтус. После каждого ремонта починенные места покрывали слоем белого ганча. (На южном углу удалось насчитать II слоев ганчевого покрытия плинтуса!).

Лестничные марши нижней ступени каждого из фасадов Ступы различались не только размерами, но и количеством ступеней. Так юго-западная и юго-восточная лестницы имели по четыре ступени, а северо-западная и северо-восточная — по три ступени впущенные во внутрь и выносные ступеньки-приступки.

Ступени некогда были полностью облицованы жжеными плитками, тщательно подогнанными друг к другу и обмазаны толстым слоем ганчевой обмазки. Высота и ширина таких ступеней 30–34 см.

Северо-западный лестничный марш, по сравнению с остальными, был самым широким (7,50 м) и самым коротким (2,10 м). В свое время его прикрывал деревянный навес, который проходил вдоль внутреннего фасада двора. Когда после пожара в конце I периода навес рухнул, то его развал прикрыв Ступу на высоту чуть ниже уровня первой террасы.

Хорошо сохранились обгорелые поверхности двух нижних выносных ступеней лестницы. Их длина 2,30 м, ширина 28 и 32 см. Две верхние ступени (сохранилась одна) были той же длины и впущены в тело террасы. С двух сторон к выносным ступеням подходил широкий плинтус, упирившийся другим своим концом в пилястры, которыми были украшены углы этого лестничного марша. Пилястры (их длина по основанию 82 и 85 см) выступали за вертикальную плоскость террасы на 10 см, имели двухступенчатую базу-основание. По-видимому, первоначально так были оформлены все лестничные марши нижней террасы. Во всяком случае намеки на угловые пилоны были замечены на юго-западном и юго-восточном фасадах Ступы.

Горизонтальная поверхность нижней террасы Ступы была выстлана обломками жженных плит, вплотную подогнанных друг к другу и сверху обмазана толстым слоем (до 10 см) ганча. И выкладка, и обмазка сохранились *in situ* на нескольких участках террасы.

От второй террасы сохранился общий объем ее пахсового монолита, размером 14×14 м при высоте около 4 м. Он имеет чуть наклонную поверхность всех своих четырех граней. Основу выносного лестничного марша составляют пахсовые блоки, приложенные ступенькой к середине фаса. Удалось расчистить лишь боковые щеки лестничных маршей, их ширина 407–420 см. По обе стороны лестничного марша имелись прямоугольные кирпичные пилоны размером $100\text{--}110 \times 106\text{--}125$ см. Хорошо сохранившийся ступенчатый плинтус на восточном фасаде Ступы позволяет предполагать, что он огибал основание второй террасы со всех сторон ее основного тела и выносных лестничных маршей. На этом же фасаде *in situ* сохранился значительный участок поверхностной обмазки тела Ступы саманной штукатуркой и ганчем.

Верхний слой пахсового куба второй террасы был укреплен специально врезанными в толщу Ступы сырцовыми кирпичами. При очередных ремонтах их легко было заменять новыми, не тревожа пахсовую кладку.

Остатки барабана в виде бесформенного оплыва сохранились в верхней части холма Ступы на высоту восьми рядов кирпича. Барабан клался с небольшим отступанием (около 70 см) от края пахсовой кладки второй террасы и вокруг своего основания имел двухступенчатый кирпичный плинтус. (Зафиксирован на юго-восточном фасаде).

Реконструируемый диаметр барабана около 12 м. Для реконструкции верхней не сохранившейся части Ступы можно воспользоваться (с оговорками и в порядке предположительном) примерами и общими наблюдениями, которые были сделаны на малых вотивных ступах. Наибольший интерес в этом отношении представляет внутренняя меньшая ступа из помещения 29. Она единственная из всех ступ Аджина-Тепе сохранила подлинную высоту барабана *in situ*, которая оказалась равной высоте нижней первой террасы. Второе важное наблюдение, которое удалось сделать, — это установить, что общая высота вотивной ступы (от основания до реконструируемой верхушки полусферы) равнялась половине ее максимального диаметра по основанию.

Если перенести эти два наблюдения на Большую Ступу и допустить, что высота барабана была 1,3 м, а высота полусферы 6 м (половина диаметра барабана), то общая реконструируемая высота Ступы будет складываться из 1,3 м (высота нижней террасы), 4 м (высота второй террасы), 1,3 м (барабана) и 6 м (полусфера), что составляет 12,6 м, т. е. половину меньшего диаметра Ступы по основанию (26 м).

Таким образом можно с большой долей уверенности говорить об определенных и устойчивых пропорциях, соблюдаемых строителями при сооружении Большой Ступы и малых вотивных, расположенных в святилище и во дворе. Что касается соотношения размеров малых ступ с Большой, то несмотря на некоторую разницу в величине малых ступ между собой, они все примерно в 10 раз меньше Большой.

Квадратный (32×32 м) двор храмовой половины монастыря имел по внутреннему периметру деревянные навесы, обгорелые остатки которых в виде рухнувших деревянных столбов-опор, продольных балок и маленьких круглых поперечных балочек были обнаружены в западном, северном и восточном углах двора. В завале над уровнем «пола» двора, особенно в северо-западной его половине в большом количестве попадались комья обгорелой глиняной обмазки крыши навесов.

В северном углу двора деревянные стойки навесов опирались на специально сооруженную стенку-барьер высотой 45–50 см, шириной 70 см, которая шла вдоль стен двора на расстоянии 2,5–2,65 м от них. Одним концом стенка-барьер упиралась в северо-западный лестничный марш Ступы, другим — в лестницу северо-восточного фаса Ступы.

Навес и стенка-барьер были сооружены для прикрытия небольшой вотивной ступы в северном углу двора, сооруженной на одном из поздних этапов жизни монастыря.

О том, что навес сооружен позднее, говорит то, что обмазка пола под навесом содержит обломки штукатурки с росписью, а при строительстве барьера пришлось тщательно заделать бывшее ранее в этой части двора дренажное устройство для стока воды в виде углубления овальной формы, облицованного жжеными плитками. Чтобы не было просадки пола в этом месте поверх дренажной ямки положили кусок большого мельничного жернова размером 50 × 65 см и сверху покрыли слоем глины, смешанной с рубленой соломой. Тогда же в углу двора соорудили специальную вымостку размером 350 × 310 см из жженных плит, положенных под обмазку пола, а на этом месте построили вотивную ступу на расстоянии 65 см от стен помещений двора (рис. 18–19).

Ступа была террасовидная, крестообразная в плане с лестничными маршами по каждому фасу. Сохранились полностью два ее фасада и частично третий на высоту двух террас. От воздействия пожара глиняная поверхность ступы местами сильно прокалилась и приобрела твердость черепка.

Максимальный диаметр ступы по основанию 2,45 м. Первая терраса (ее высота 21 см) не имела опоясывающего основание плинтуса (во всяком случае в конце своей истории). Широкий нависающий карниз (общая ширина 9 см) имеет три ступени, причем на одних участках ступени карниза нависают друг над другом, а на других ступени обозначаются продольными желобками. Лестничный марш врезан в лопасть «креста» нижней террасы, имеет четыре ступени разной высоты и ширины. Общая ширина лестницы у каждого фаса своя — 19, 20 и 22 см. Большие выступающие углы имеют прямоугольные очертания, малые углы из-за небрежности исполнения весьма отличаются друг от друга.

Вторая терраса сохранилась почти на полную высоту (29 см), отсутствует лишь карниз. Если он был таким же как у нижней террасы, то реконструируемая высота второй ступени была 35–38 см.

В последнем варианте своего оформления II терраса имела широкий трехступенчатый плинтус (шириной в 5–9 см) высотой от 5 до 8,5 см. Он шел не по всему периметру яруса ступы, а только вдоль больших и малых выступающих углов, упираясь в выносные лестничные марши. Наиболее сохранившийся фасад — северо-восточный. Его выносная лестница имеет 6 ступеней, она заметно расширяется книзу (27 см сверху и 33 см внизу). Широкие (6–6,5 см) перильца обрамляют лесенку и имеют перегиб на уровне второй снизу ступени. Ступени второй террасы выглядят как бы продолжением лестницы нижней террасы, но сама лестница круче.

Выступающие углы (большие и малые) в целом прямоугольных очертаний с небольшими отклонениями в ту или иную сторону.

Как показал маленький зондаж возле лестничного марша на северо-восточном фасаде, ступа основательно ремонтировалась: под слоем поздней штукатурки оказалась более ранняя поверхность ступы, покрытая толстым слоем белого ганча со следами красной подкраски. Во время последнего ремонта ступа была только побелена.

Остатки большого деревянного навеса были обнаружены при расчистке западного угла двора Большой Ступы. Крупные обломки круглых столбов-опор, плоских деревянных плах, коротких поперечных круглых в сечении балочек лежали на «полу» двора. Пожар опалил поверхность стен помещений ограды двора и основание северо-западного фаса Ступы. В углу двора под защитой навеса некогда находилась вотивная ступа, которая оказалась почти полностью разрушенной *in situ*.

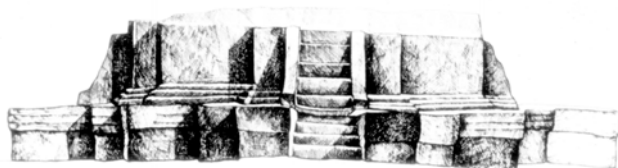
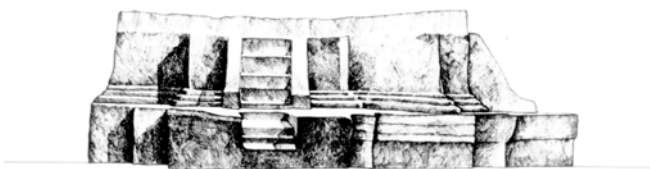

Рис. 18. Аджина-тепа.
План и разрезы ступы
в северном углу двора
Главной Ступы

От нее сохранился галечно-песочный фундамент, занимающий западный угол двора, размером 350×310 см. На него опиралась прямоугольная в плане цокольная часть ступы, размеры которой были те же, что у фундамента, а высота, судя по сохранившемуся участку, примыкающему к наружной стене коридора XXVIII, около 40 см. В кладке цоколя использовалась крупная галька, а также обломки жженого кирпича, с помощью которого выкладывались края и выступающий угол. В связующей массе ганча содержится большой процент примеси крупного песка. Галечно-кирпичная кладка на ганчевом растворе образует как бы кожух ступы (толщиной 35–45 см), заполненный внутри обломками сырцового кирпича, галькой, речным песком серого цвета.

При расчистке завала в западном углу двора найдено большое количество алебастровых обломков от этой ступы, анализ которых позволяет в какой-то мере реконструировать былой облик и размеры этого сооружения. Так, крупный кусок от выступающего восточного угла цоколя ступы дал точную высоту его — 40 см, а фрагмент от барабана — высоту верхнего яруса ступы, равную — 22 см.

Судя по встреченным в завале обломкам, наружная поверхность ступы была украшена карнизами (рис. 20–21), ступенчатыми плинтусами; гладкие поверхности были рассечены пилястрами, а выступающие углы оформлены трехчетвертными колонками. Ассортимент этих украшений говорит о том, что ступа имела не менее

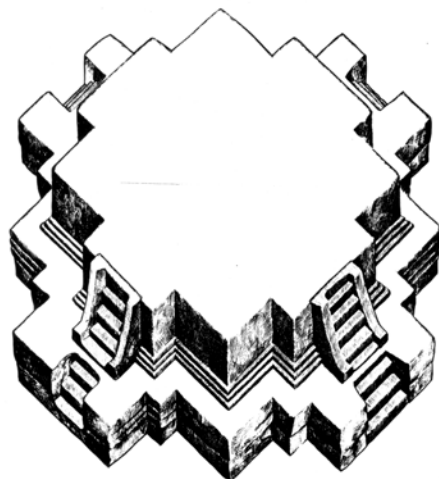

Рис. 19. Аджина-тепа. Аксонометрический рисунок-реконструкция ступы
в северном углу двора Главной Ступы

двух террас-ступеней (кроме цоколя и барабана). Выступающие углы одной из них украшали трехчетвертные колонки с граненым сужающимся кверху фустом (подробнее описание колонок и пилястров этой ступы — см. главу II).

Реконструируемая высота террасы, украшенной на выступающих углах такими колонками, около 40 см (30–32 см колонка и 8–10 см карниз и плинтус).

Другая ступень-терраса имела на выступающих углах колонки меньшего размера и более простого очертания. Их граненый фуст опирался на двухступенчатую базу. Капители этих колонок не сохранилось, что затрудняет реконструкцию высоты этой ступени. Но эти колонки очень близки по форме и размерам пилястрам барабана этой же ступы. Пилястры имеют тоже двухступенчатую базу, высотой 2,3 см и шириной 6,5 см по основанию. Слегка зауженный в середине граненый фуст высотой 8 см заканчивается двухступенчатой капителью (зеркально повторяющей очертания и размеры базы), на которую опирается трехступенчатый карниз (шириной 4 см). Видимо, такую же примерно высоту (т. е. около 22 см) имела терраса-ступень с описанными выше колонками.

Представляется наиболее вероятным следующее чередование ступеней-террас: цоколь (высотой 40 см), ступень с простыми гранеными колонками (высота около 20 см), ступень-терраса с колонками на «яблоках» (высота около 40 см), барабан с пилястрами (высотой 22 см). Если исходить из пропорций меньшей ступы из помещения 29, то предполагаемая высота полусферического завершения этой ступы должна быть около 50 см, т. е. общая высота сооружения примерно равна половине диаметра его основания.

План ступы не вызывает сомнения: он был крестовидным. Доказательством тому являются фрагменты выступающих углов с колонками.

В четырех случаях удалось сделать точные промеры «выступания» углов — 13,5–14 см (для ступени с колонками на «яблоках») и 13,7 см для нижней террасы.

Остается до конца не ясным вопрос о лестничных маршах. Их ступеньки и отдельно перильца (фрагменты) есть, но они дают мало промеров. Ширина и высота ступеней около 4 см, ширина перилец — 4,5 см. Перильца с внешней стороны имели продольные желобки. Была ли лестница единой для обеих террас или каждая

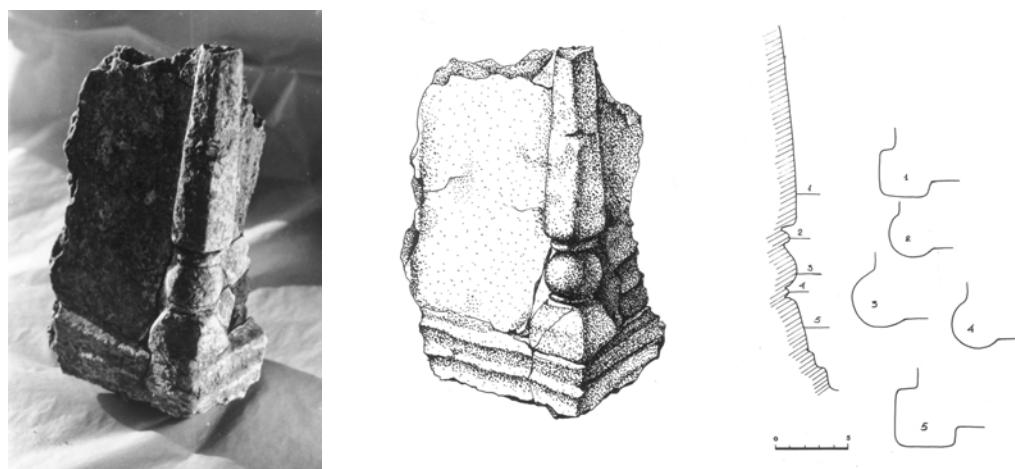

Рис. 20. Аджина-тепа. Фрагмент угловой колонки от ганчевой ступы в западном углу двора (декор 2-го яруса)

имела свой марш? Имелся ли лестничный подъем в цоколе или его назначение быть только основанием под собственно ступу?

Как показывают обломки фрагментов от облицовки, лепка плинтусов, карнизов, колонок, пилястров производилась из качественно иной ганчевой массы, без грубых включений крупнозернистого песка. Отдельные детали ступы подкрашивались красной краской (желобки перилец, углубления ступеней, карнизы и плинтусы, возможно клонки). На некоторых фрагментах видны следы ремонта и повторного покрытия ганчем.

Еще в первые годы работ на Аджина-тепе было высказано вполне обоснованное предположение о существовании навеса по обе стороны от проходного айвана XX, который был сооружен для защиты росписи на стене, обращенной к Ступе. Позже, когда была закончена расчистка восточного угла двора Ступы, это предположение получило дальнейшее подтверждение: в юго-восточном углу двора находилась еще одна небольшая в плане ступа (рис. 22). Это крестообразная ступа, стоящая на вымостке из жженого кирпича. Вымостка в два положенных плашмя кирпича. Она в плане прямоугольная, лишь в северо-западном углу — прямоугольный вырез. Размер вымостки около 291 см (восток-запад) × 380 см (север-юг), вырезанный угол — 75 × 120 см.

Плитки положены на глиняном растворе. Высота двух рядов: 10–11 см, толщина плитки — 3–3,5 см. Размер плиток (все они ломанные) в целой стороне — 32 см. Один кирпич, как будто, 32 × 40 см. Из таких половинок — плиток, целой стороной наружу, выложен край. Внутри же — разнокалиберные куски и кусочки плиток. Вымостка была покрыта слоем обмазки толщиной 5 см. Над нею, высотой 12–13 см — основание ступы, сохранившееся на высоту одной (неполной) ступеньки. В плане крестовидная, причем выступы «креста» — это пилоны (длина 19–27 см, ширина — 18–19 см). Между каждым из 4 пилонов, в углах — трехчастная раскреповка, причем средний выступ самый крупный. Внутри пилонов — лестница со ступеньками высотой 4–5,5 см, шириной 5–10 см. На поверхности ступы и частично сбоку — следы угля, горения. Так как боковой венчающий карниз отсутствует, можно думать, что нижняя ступенька сохранилась не на всю высоту, и что ступеньки были частично (или полностью?) разрушены при горении айвана. Кругом — следы горевшего дерева. Размеры ступы 219 × 220 см. Она сильно несимметрична по форме, по форме похожа на северо-восточную ступу.

От вымостки в сторону айвана XX на расстоянии 1,8 м от внешней стены коридора XXII, параллельно ему шла выложенная из обломков жженных плиток дорожка,

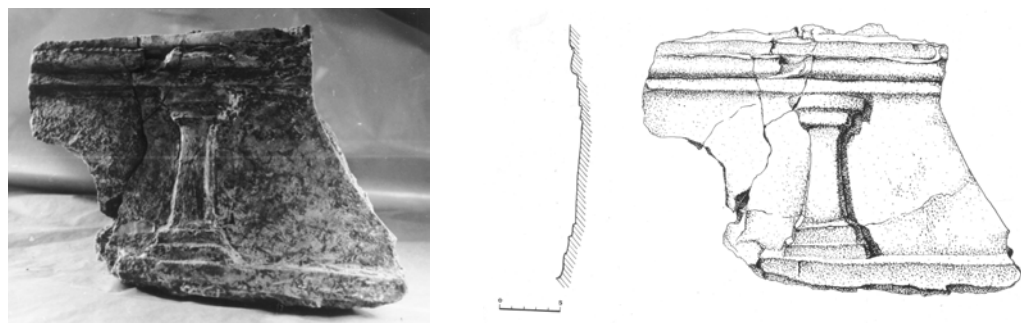

Рис. 21. Аджина-тепа. Фрагмент барабана от ганчевой ступы в западном углу двора (декор 3-го яруса)

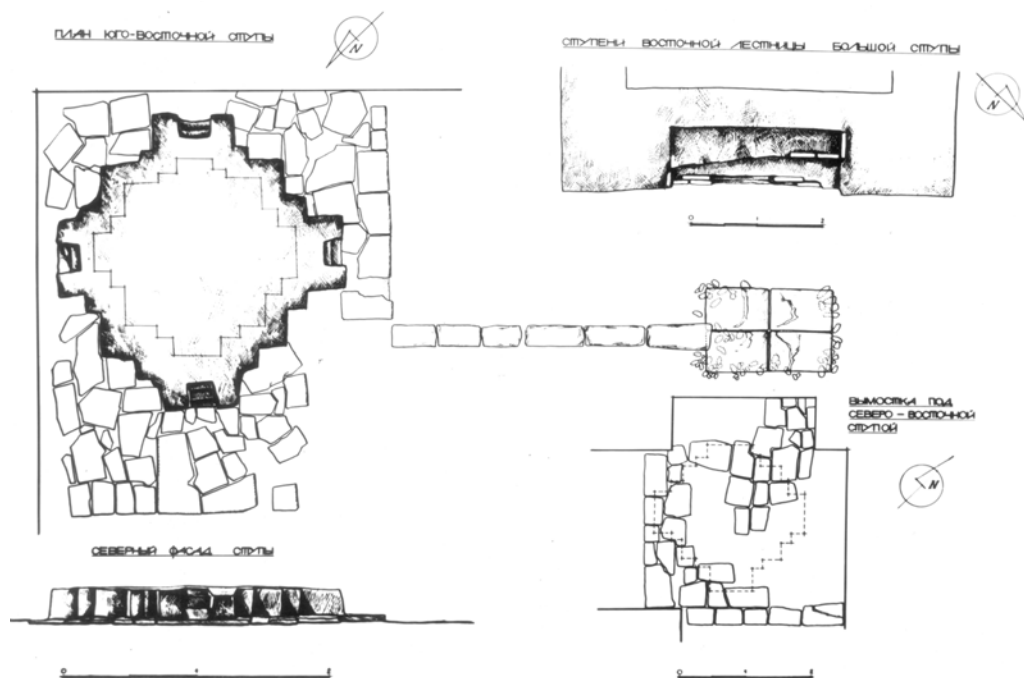

Рис. 22. Аджина-тепа. План и разрезы ступы в северном углу двора Главной Ступы

шириною в 32 см. Ее удалось проследить на протяжении около двух метров. Далее ее продолжением являлась полоса насыпанной гальки и четыре кирпича размером 30×47 см. По всей вероятности это остатки опоры для столбов навеса, что шел вдоль юго-восточной стены двора.

Что касается вотивной ступы в углу двора, то от нее сохранилась лишь часть нижней ступени-террасы на высоту 12–13 см, а остальное было разрушено пожаром и рухнувшим навесом.

Судя по сохранившимся остаткам, ступа была чуть меньше остальных, ее фасады были не совсем симметричны друг другу, но в целом она весьма похожа на ту, что находилась в северном углу, и, вероятно, одновременна ей.

Логично было бы ожидать найти ступу и в четвертом, южном углу двора, однако там ее не оказалось, так же как не было и деревянного навеса.

Поскольку значительная часть двора оставалась открытой, то в дождливую пору зимой во дворе могла скапливаться вода. Для ее отвода была сделана дренажная система, состоящая из керамических желобов, положенных вдоль юго-восточного и юго-западного фасадов на галечную подсыпку, ямы-стоки, выстланные керамической плиткой. Возможно для сбора скапливавшейся во дворе влаги служили вкопанные по верхний край венчика 3 хума в западном секторе двора возле Ступы.

Культурные напластования на территории двора составляли толщу до 40 см. Особенно мощными они были в юго-восточной половине и вблизи Ступы. При их вскрытии обнаружены обломки различной скульптуры.

Глава II

АРХИТЕКТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ. КОНСТРУКЦИИ. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ

Общая композиционная схема сооружения предельно четкая. Каждая из двух частей комплекса выполнена по схеме четырехайванно-дваровой композиции. Разумеется, между этими частями есть различие, причем весьма существенное: в храмовой части в центре двора возвышался объем ступы, в монастырской его не было. Все членения строго симметричны. Характерна в этом отношении и геометрическая правильность многих помещений, где не только стороны, но и углы разбиты абсолютно точно. Особенно показательно в этом отношении квадратное (7 × 7 м) помещение № I, где обе диагонали не отличаются друг от друга. По-видимому, при разбивке на местности использовались соответствующие приемы и мерительные инструменты.

Итак, обе части комплекса Аджина-тепе построены по одинаковой планировочной схеме, но с учетом назначения каждой. Остановимся на описании этой схемы подробнее, суммируя то, что было можно в предыдущей главе, а также добавляя новый материал.

Монастырская часть имела в середине двор (19 × 19 м), куда выходили четыре глубоких айванных помещения одинакового размера, расположенные в центре каждого фаса двора. Все айваны связаны между собой длинными коленчатыми коридорами, из которых имеются самостоятельные выходы во двор. Айваны ведут в помещения внутреннего ряда, отличающиеся одно от другого размером, устройством и назначением. В одном случае это квадратное святилище (пом. I), стены которого были покрыты росписью, а на пристенных постаментах располагались различные по величине и характеру фигуры из глины — буддийские по содержанию скульптурные композиции. В другом случае айван вел в огромный зал (пом. XII) размером 10,25 × 9,5 м, плоскую крышу которого поддерживали четыре колонны. Размер зала и его расположение позволяют считать его местом для собраний буддийской общины обитателей монастыря.

Два других айвана являются частью анфилады проходных помещений. Одно из них вело в небольшое проходное купольное помещение, через которое попадали в айван второй, храмовой половины здания, обращенной к ступе. Из четвертого айвана через большое помещение — вестибюль и расположенный за ним айван, обращенный наружу, — можно было выйти за пределы монастыря.

Коленчатые коридоры связывают все помещения монастырской части. Сводчатые проемы ведут из них в различные помещения, расположенные в глубине здания:

кельи для монахов и хозяйственные помещения. Хозяйственным целям также служило несколько помещений, пристроенных к наружному фасаду. Монастырская часть была, по-видимому, двухэтажной.

Вторая (храмовая или культовая) часть комплекса построена по той же четырех-айванной планировочной схеме. Центр двора занимает главная ступа, в его углах находились малые вотивные ступы (см. ниже).

Ограда вокруг главной ступы состоит из одного или двух рядов помещений. В центре каждого фаса, как и в монастырской части, — айван, открытый в сторону двора и обращенный к главной ступе, к одному из ее четырех лестничных маршей. В задней стене каждого айвана имеется арочный проем, ведущий в небольшое купольное святилище. Только в одном случае за айваном расположено не святилище, а купольное проходное помещение в пропилях, ведущих в монастырскую половину здания.

Айваны храмовой половины соединены длинными коленчатыми коридорами, в стенах которых устроены ниши, обращенные к ступе (в нишах были крупные скульптурные фигуры Будды в различных мудрах), или — по северо-западному фасаду — сводчатые проемы, ведущие в семь маленьких святилищ — целл. Внутри последних находились постаменты со скульптурой или малые вотивные ступы. Особенно обильно была украшена скульптурой центральная (расположенная на продольной оси) целла, а в ее вестибюле находилась малая вотивная ступа, трижды перестраивавшаяся. Каждое колено коридора имело выходы во двор, служившие одновременно и для освещения полутемных помещений. Стены и своды коридоров были украшены настенной живописью буддийского содержания, здесь же было много скульптур, в том числе 12-метровая скульптура Будды в нирване.

Такова вкратце структура комплекса. Значительную роль в ней играли ступы¹.

Центральную часть двора храмовой половины Аджина-тепа, как указывалось, занимала Главная ступа, представляющая монолитное сооружение из пахсы и сырцового кирпича. Ступа террасовидная, крестообразно-звездчатая в плане, ориентированная углами по сторонам света. Каждый из четырех фасадов имеет лестничные марши. В толщу нижней террасы врезаны три ступени, а четвертая (нижняя) была выносной. Ступени некогда были облицованы обожженными керамическими плитками, обмазанными сверху толстым слоем ганча.

Основание главной ступы украшал уступчатый плинт, многократно реконструированный.

От второй террасы главной ступы сохранился общий объем пахсового монолита. Он имеет чуть наклонную поверхность всех четырех граней. Основу лестничного марша составляют пахсовые блоки, приложенные ступеньками к середине фаса. Вдоль щек лестничного марша шел ступенчатый плинт, упирившийся в угловые пилоны по обеим сторонам. Сами пилоны были сложены из сырцового кирпича и оштукатурены.

Выявлены и остатки барабана, состоящие из восьми рядов горизонтальной кладки кирпича. Барабан имел вокруг основания ступенчатый плинт.

В углах двора, под навесом, находились малые вотивные ступы (обнаружены три ступы: две — кирпично-глиняные, одна — с облицовкой из алебаstra). В трех целлах, связанных с обходным коридором, центральную часть занимали такие же ступы. Наконец, в вестибюльном помещении XXIX, обращенном к северо-восточной ле-

¹ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии и семантики stupa в Средней Азии и Индии // Древняя Индия. М., 1982. С. 164–173.

стнице Главной ступы, находилась малая вотивная ступа, при исследовании которой выяснилось, что внутри нее замурована меньшая по размеру ступа.

Все малые вотивные ступы примерно одной величины (2,5–3,5 м в основании), крестообразно-звездчатого плана (рис.), подобного тому, что у главной ступы, но отличаются большим разнообразием внешнего декора, а также количеством ступеней-террас (две или три) и, следовательно, варьируют по высоте. Основное тело ступы выкладывалось из сырцового кирпича с забутовкой внутрь крупных галек и обломков жженных плит. Снаружи такое ядро покрывалось слоем саманной штукатурки и тонкой ганчевой обмазкой. В некоторых местах, главным образом для придания большей выразительности отдельным деталям внешнего убранства ступы, наносилась красная (реже — синяя) краска. Так, краской прорабатывались ступени лестничных подъемов, перильца, карнизы и плинтусы; подкрашивались также базы и капители маленьких колонок на выступающих углах ступ².

Ганчевая ступа имела высокий цоколь, под которым был насыпан слой мелкого щебня и гальки; само тело ступы состояло из крупного галечника и сырцового кирпича, сцементированных грубым ганчевым раствором. Ступа была обмазана двумя-тремя слоями более тонкого ганча, в верхнем слое которого и был вылеплен декор ступы: плинтусы, карнизы, колонки первого и второго ярусов и пилястры барабана. Возможно, этой ганчевой ступе принадлежат найденные ранее в южной части двора кусочки аркады и отштампованные в ганче медальоны с изображениями Будды, сидящего в позе медитации. Эта малая ступа (размеры по основанию — 3,1 × 3,5 м) обнаружена во фрагментах.

Неподалеку от Главной ступы был найден овальный комочек необожженной глины, на котором были оттиснуты пять строчек надписи брахми. Надпись прочтена М. И. Воробьевой-Десятовской, и ею же сделано заключение, что по своим палеографическим особенностям печать, которой сделан оттиск, может быть датирована VII–VIII вв. Перевод надписи следующий: «Ради этих дхарм, ради места рождения тех Татхагата ска...» Подобный текст неоднократно встречался на так называемых глиняных таблетках при раскопках в Северной Индии и Афганистане. Наиболее близкой аналогией, по авторитетному мнению М. И. Воробьевой-Десятовской, является оттиск печати на таблетке типа 9, найденной в Афганистане при раскопках близ Газни и опубликованной М. Таддеем³.

Кроме того, при раскопках на Аджина-тепа были найдены три глиняные модели ступ⁴.

Первая модель (рис. 23) частично фрагментирована (отсутствуют два фаса корпуса и основная часть купола), но может быть почти полностью реставрирована. Над небрежно изготовленной подставкой, нижняя плоскость которой незначительно вогнута (высота ее — 1,0 см), — трехъярусный пирамидальный корпус. Высота ярусов (снизу вверх) — 0,7–1,0 см, т. е. средняя часть наиболее крупная. Пирамида корпуса ступенчатая: ярусы отделены небольшими (по 0,2 см) горизонтальными уступами.

В середине каждого из двух сохранившихся фасадов — вертикальная лестница с перильцами: на нижнем ярусе — в виде гладкой пластинки (имитация пандуса?), на верхних двух — со ступеньками. Пролет лестницы значительно суживается вверх.

² Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971. С. 33.

³ Taddei M. Inscribed clay tablets and miniature stupas from Gazni // EW. N. S., 1970. Vol. 20/1–2. P. 74–77. Fig. 24–25.

⁴ О двух из них см.: Зеймаль Т. И., Литвинский Б. А. Первые глиняные модели ступа из Средней Азии (Аджина-тепа) // Санскрит и древнеиндийская культура. М., 1979. I.

Рис. 23. Аджина-тепа. Миниатюрные модели ступ. Монастырский двор, возле айвана XI

Лестница не врезанная, а рельефная. Верхняя ступенька выводит на квадратную (собственно, крестообразную за счет верхних ступенек лестницы) площадку корпуса, на которой имеется круглый барабан, малозаметным уступчиком переходивший в отсутствующий сейчас купол.

Модель изготовлена из серой необожженной глины, работа не тщательная. По-видимому, модель делалась лепкой с последующим подрезанием, лестницы сделаны вдавливанием. Размеры: сторона основания — 6,0–6,3 см, высота корпуса с подставкой — 4,0 см, общая высота сохранившейся части — 5,0 см.

Вторая ступа такой же формы, но крупнее. Здесь основание с разных фасов неодинаковой высоты (2,0 и 2,6 см), его периметр образует как бы валик, середина нижней поверхности резко вогнута. Размеры ярусов собственно корпуса — 1,0–1,5–

1,2 см, т. е. и здесь доминирует средний ярус. Лестница резко суживается кверху. Материал — красновато-коричневая необожженная глина, работа значительно более небрежная, чем у первой модели. Размеры: сторона основания — 6,5 см, высота до начала барабана — 5,7 см, общая высота сохранившейся части — 6,6 см.

Третья, также фрагментированная модель (най-
дена в пом. XXXШМ, рис. 24) имеет определенные отличия. Ее основание округлое в плане и снизу выпуклое. В верхней части подставки, по кругу, — крупные вытянутые рельефные «горошины» (13–17 мм) над ними — низкий (2–3 мм) плоский постамент из восьми сомкнутых сегментов.

Рис. 24. Аджина-тепа. Таблетка-булла с оттиском начальных слов молитвы и комок глины с отпечатком. В обмазке пола, двор Главной Ступы

Пирамидальный корпус ступы двухчастный. Нижняя терраса - трехступенчатый плинт (высота — 16 см) с низкими нижней и верхней ступенями и более высокой средней. Верхняя терраса — гладкий пирамидальный блок (высота — 199 мм), завершающийся лентой рельефного горизонтального карниза.

В середине каждой стороны корпуса ступы — выносная лестница, нижняя ее часть пятиступенчатая, причем ступени суживаются кверху (ширина по фасаду нижней — 21 мм, верхней — 8 мм). Верхний марш на одной из сохранившихся сторон — гладкое, суживающееся вверх рельефное панно с боковыми перильцами, на другой — с лесенкой.

Над верхней квадратной плоскостью корпуса начинается барабан купола, горизонтально-рифленый в основании (сохранившаяся высота барабана — 14 мм).

Общая высота сохранившейся части модели — 91 мм, в том числе высота корпуса — 32 мм, размер корпуса (по основанию) — 63×63 мм.

Внутри корпуса модели, на высоте 14 мм от основания, при изготовлении была вмазана круглая линзовидная таблетка диаметром 41 мм и толщиной около 11 мм, располагавшаяся горизонтально, но не по центру модели, а несколько сдвинута. На таблетке (рис. 25) оказалась надпись брахми, которая, согласно чтению М. А. Воробьевой-Десятовской, содержит текст той же молитвенной формулы (*ye dharmā*), что и на упоминавшейся выше таблетке⁵.

Через двадцать лет после обнаружения глиняной модели ступ на Аджина-Тепе была сделана их новая находка на территории Таджикистана. При раскопках буддийского монастыря Хишт-тепе (о нем см. ниже, стр.) была обнаружена целая серия глиняных моделей (одних целых экземпляров — более шести десятков). Все они с крестообразно-звездчатым в плане основанием, но значительно отличаются по другим характеристикам. Выделяется два варианта. Первый вариант с выпуклой и округлой подставкой — цоколем. Корпус двухчастный, он состоит из трехступенчатого плинта, иногда — из пирамидального блока. На верхней площадке — цилиндрический барабан, переходящий в полусферу, на поверхности — вертикальные канелюры. На вершине помещался штырь с зонтиками. В середине каждого из четырех фасов — лестница с перильцами. Ступеньки суживаются снизу вверх. Основание имеет размеры 7,8×8,6 см. Второй вариант: с плоской квадратной подставкой — цоколем. Корпус пирамидальный, двухчастный, части разделены горизонтальным уступом, иногда же корпус одночастный, в виде пирамидального блока. На каждом из четырех фасов — лестница с перильцами. Более четко выражена хармика, в центре верхней плоскости которой крепится штырь с зонтиками. Размер основания 5,0×6,5 см.

В нижнюю часть моделей ступ были вмазаны глиняные таблетки с молитвами. Надписи на них были прочитаны В. В. Вертоградовой, которая выявила три вари-

Рис. 25. Аджина-тепа. Таблетка-булла. Из заполнения помещения I

⁵ Воробьева-Десятовская М. А. Находки санскритских рукописей письмом брахми на территории советской Средней Азии // Санскрит и древнеиндийская культура. I.

анта текста. Они отличаются от текстов, найденных в моделях из Аджина-тепе. По заключению В. В. Вертоградовой, таблички из Хишт-тепе, несмотря на варианты различия «воспроизводят один и тот же ритуальный текст *dharma-paryaya* — провозглашение буддийского учения, написанный письмом брахми»⁶.

Выше уже говорилось о различии размеров ступ на Аджина-тепе и о трехчастной иерархии их по величине. Но является ли эта иерархия лишь количественной? Представляется, что можно говорить и о архитектурно-композиционной иерархии, особенно в части Главной и малых ступ. Роль Главной ступы в архитектурно-композиционном построении Аджина-тепа была исключительно велика. Симметрия в целом гармонирует с симметрией отдельных частей, особенно ступ. Каждая ступа имеет горизонтальную симметрию вокруг центральной точки и другую, вокруг вертикальной оси (А. Снодграсс). Кроме того, можно считать, что Аджина-тепа была создана на основе единой пропорциональной системы с последовательной гармонизацией всех частей⁷. Для этого ансамбля характерна четкая ритмо-метрическая композиционная структура (повторяемость калий, коридоров, их пересечением с выполненными в другом ритме айванными помещениями, вместе с целлами являющимися доминантными элементами композиции, и др.). Четко выявлена масштабная соподчиненность отдельных элементов композиции. Статическим центром масс храмовой части является Главная ступа с концентрическим расположением других сооружений вокруг неё. Контрастное решение — в замкнутом и незаполненном пространстве двора монастырской части.

Сложное сочетание горизонтальных и вертикальных членений, контраст между прямыми линиями основания и криволинейными поверхностями полусферы и зонтиков, крупные членения ярусов и мелкий ритм ступенек — все это создавало чрезвычайно усложненный, хотя и вполне рациональный архитектурный силуэт. Дробность членений его нижней части была усилена контрастом между гладью крупных поверхностей и рельефным выступом трехчетвертных колонн и сложнопрофилированных горизонтальных плит, а также полихромией цветных штукатурок.

Архитектурный анализ показывает наличие в композиции комплекса зеркальной симметрии. Продольная ось соответствует зеркальной проекции оси симметрии. Она «зримо» закреплена при помощи кирпичной дорожки, пересекающей двор монастырской части. Зеркальная симметрия сочетается с конгруэнтной, которой следует каждая из частей комплекса (с элементарным углом поворота в 90° и четырехкратным порядком оси).

В этом построении особое место занимает Главная ступа с концентрическим расположением других сооружений вокруг нее. В целом — это центрическая объемно-пространственная композиция. Иное и контрастное решение — в замкнутом и незаполненном пространстве двора монастырской половины. Расположенная (хотя не абсолютно точно) на оси симметрии, эта ступа поставлена так, что ее центр совмещен с точкой на оси, отстоящей от ее концов соответственно на 1/4 и 3/4 ее

⁶ Муллокандов М. Раннесредневековый буддийский монастырь Хишт-тепа в Ховарингском районе Таджикистана // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1990. Вып. 17; Вертоградова В. В. Глиняные таблички с индийскими текстами из Хишт-тепа // Там же.

⁷ М. С. Булатов (Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв.. М., 1978) детально изучил проблему геометрической гармонизации в архитектуре Средней Азии IX–XV вв., сделав при этом много важных открытий. Однако он не вскрыл генетические истоки средневековой геометрической гармонизации. Как показывают материалы Аджина-тепа и других памятников, в средневековье получили развитие принципы, многие из которых восходят к домусульманской эпохе. См. также: Snodgrass A. The symbolism of the stupa. Ithaca; New York, 1985. P. 12.

длины. Это не случайно, ибо центр ступы соответствует центру конгруэнтной симметрии храмовой части, в ритуальном плане сопоставляются с бесконечно повторяющейся церемонией ритуально кругового обхода — *pradaṣiṇa*.

Иной была композиционная роль малых вотивных ступ. Одна из них, а именно упоминавшаяся выше ступа — «матрешка» — (пом. XXIX) как бы закрепляла ось зеркальной симметрии. Ступы, расположенные в углах двора, фиксируют точки конгруэнтной симметрии двора также с элементарным углом поворота в 90°, но с иным направлением осей, и эти два рисунка конгруэнтной симметрии накладывались один на другой, обогащая гармонизацию комплекса. Каждая из малых ступ в углах двора имеет, таким образом, важное, но частное значение, причем они обрели это значение, лишь выступая в совокупности. Малые же ступы внутри помещений в миниатюре выполняли ту же роль, каждая для соответствующего помещения, что и Главная ступа для храмовой части комплекса в целом.

Модели ступ не были архитектурно-планировочно фиксированными деталями и не были закреплены в какой-либо части Аджина-тепа или другого архитектурного комплекса. Верующий, имевший такую переносную модель, обретал тем самым возможность представлять себя как бы перенесенным в любую из кардинальных точек буддийского монастыря — сангхарамы. Следовательно, модели ступ в этом смысле обладали определенным универсализмом.

Таким образом, три вида ступ Аджина-тепа в композиционно-планировочном отношении оказались подчиненными определенной иерархии, что отражает их иерархию в сакральном пространстве.

Различные виды ступ имеются и в огромном количестве буддийских комплексов Индии и Афганистана. Приведем несколько примеров. Так, в Шахи-ки-Дхери вокруг Главной ступы (там, где был найден знаменитый реликварий Канишки) имеется множество малых ступ. Главная ступа крестообразная в плане; среди малых, круглых и квадратных в плане, есть и крестообразная, ступенчатая⁸. Эти малые вотивные ступы часто помещались в специальные небольшие целлы. Так, в монастыре в Джамал-Гархи (область Гандхары) Каннингэм на-считал 10 целл, в которых были миниатюрные ступы⁹. В монастыре в Бодх-Гаи в двух соединенных одна с другой целлах располагалось по миниатюрной ступе: одна из них (В.29) — квадратная в основании со стороной 2 м, другая (В.30) — круглая, диаметром 2,35 м. Малые ступы в этом комплексе помещались также в центральной целле вихары (В.51 и В.55), причем их размер был еще меньше (В.55 — 1,46 м в стороне)¹⁰.

В Ратнагири в комплексе УШ — X вв. кроме крупных ступ было много малых вотивных (*in situ* сохранилось около ста двадцати пяти)¹¹.

В Гуммадитуру к северу от Главной ступы расположены две малые ступы, датировка — около II—III вв. н. э.¹²

В центральной части комплекса Тепаи-Калан не только Главная ступа окружена множеством миниатюрных¹³, но миниатюрная ступа имеется и почти в каждой из многочисленных целл, составляющих ограду этой ступы. Аналогичное положение

⁸ Hargreaves H. Excavations at Shah-ji-ki Dheri // ARASI. 1910–1911. Calcutta, 1914. Pl. XIV/b.

⁹ Cunningham A. Report for the year 1972–73. Calcutta, 1875 (Archaeological Survey of India. Vol. V). P. 49. Pl. XIV.

¹⁰ Bartoux J. Les fouilles de Hadda. I. Stupas et sites. Paris, 1933 (MDAFA. Vol. IV). P. 156–197.

¹¹ Indian Archaeology 1960–61 — A review. Ed. by A. Ghosh. New Delhi, 1961. P. 29–30. Pl. XXXVIII.

¹² Kuraishi M. N. Trial excavations at Alluru, Gummadidurru and Nagarjunikonda // ARASI. 1926–1927, 1930. P. 153.

¹³ Faccena D. Saidu Sharif I (Swat, Pakistan), 2. The Buddhist Sacred Area. The Stūpa Terrace // IsMEO. Reports and Memoirs. Series Maior. XXII. 2. Roma, 1995. P. 407–408.

и в оградах двух других ступ. То же самое можно наблюдать и в других комплексах Хадды. Это перечисление можно было бы продолжить, но оно не представляется необходимым.

Композиционно-планировочная роль ступ и их иерархия в буддийских сооружениях Индии еще недостаточно изучены. Тем не менее можно полагать, что наблюдения относительно Аджина-тепа (с теми или иными коррективами) могут быть распространены и на индийский материал, начиная со ступы в Санчи.

Еще более сложен вопрос об иерархии культово-семантических представлений, связанных с этими видами ступ. На наш взгляд, при всей универсальности этих представлений определенные акценты были и здесь. Так как представления, которыми наделялась ступа, детально и глубоко изучены многими исследователями¹⁴, мы не будем их излагать, сосредоточив в дальнейшем свое внимание на некоторых специфических вопросах, связанных с миниатюрными ступами и ступами, «вставленными» одна в другую.

Модели ступ из Аджина-тепа — это первые в Средней Азии скульптурные воспроизведения буддийских культовых сооружений, выполненные в виде глиняных моделей¹⁵. Они воспроизводят крестовидно-звездчатый ступенчатый прототип, развитие которого можно проследить уже с гандхарского времени¹⁶.

Известны многочисленные находки моделей ступ в других областях и странах, где буддизм был некогда распространен или же продолжает существовать до сих пор, особенно в Индии, Афганистане, Тибете, Восточном Туркестане.

Во время работ Итальянской археологической миссии в Афганистане на Гудули и Ахангаран, вблизи цитадели Газни, были найдены глиняные миниатюрные модели ступ. М. Таддей, опубликовавший находки вместе с прекрасным исследовани-

¹⁴ См., в частности: *Foucher A.* L'art Gréco-Bouddhique du Gandhara. I. Paris, 1905; *Govinda A. B.* Some aspects of stupa symbolism. Calcutta, 1935 (The International Buddhist University Association. Bulletin, n. 2); *Przyłuski J.* The Harmikā and the origin of the Buddhist stupa // *IQ.* XI. 1935; *Coomaraswamy A.* Symbolism of the dome // *IQ.* XIV. 1938; *Bureau A.* La construction et le culte des stupa d'après les Vinayapitaka // *BEFEO.* T. L. Fasc. 2. Paris, 1952; *Coomaraswamy A.* La sculpture de Bharhut. Paris, 1956 (*Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'art.* N. S., VI). P. 11–19; *Benisti M.* Étude sur le stupa de l'Inde ancienne // *BEFEO.* T. L/1, Paris, 1960; *Hirakawa A.* The rise of Mahayana Buddhism and its relationship to the worship of stupas // *MRTB.* Tokyo, 1963. N 22; *Irwin J.* The stupa and cosmic axis: the archaeological evidence // *South Asian Archaeology.* Vol. 11. 1977. Naples, 1979 (Istituto Universitario Orientale. Seminario di Studi Asiatici. Series Minor. VI); The stupa: its religious, historical and architectural significance. Ed. by A. L. Dallapiccola, in collab. with S. Zingel — Ave Lallemand. Wiesbaden, 1980 (*Beiträge zur südasiatischen Institut. Universität Heidelberg.* Bd. 55); *Snodgrass A.* The symbolism of the stupa. Ithaca; New York, 1985.

¹⁵ Глиняные модели ступ появляются в Средней Азии в кушанское время. На Зар-тепе найдено четыре экземпляра таких моделей. Наиболее целый экземпляр имеет одноступенчатый квадратный плинт (II×II×2 см), непосредственно над которым поднимался торовидный элемент (купол), его в вершине венчает круг лый в плане выступ (фрагментирован) — чатра. Общая высота — 9 см. Изнутри модель полая. Другие модели имели двух- и трехступенчатый плинт. В это время существовали и каменные модели ступ. Они известны в Айртаме, Кара-тепе, Уштур-мулло. Каменные модели (их иногда называют реликвариями) значительно крупнее. Они обычно воспроизводят квадратную в плане ступу со всеми ее членениями. Таким образом, существовало два варианта миниатюрной модели: условно-обобщенная и реалистическая. Именно последняя послужила отправной точкой для раннесредневековой традиции миниатюрных моделей, но они стали изготавливаться не из камня, а из глины. *Пуганченко Г. А.* Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. — Труды Термезской археологической комплексной экспедиции. Ташкент, 1945. Т. II. С. 76. Рис. 5; *Тургунов Б. А.* К изучению Айр-тама // В сб.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 56–57. Рис. 46; *Ставиский Б. Я.* Итоги раскопок Кара-тепе в 1965–1969 гг. // В кн.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972. С. 41–42. Табл. XIV; *Зеймаль Т. И.* Буддийская ступа у Верблюжьей горки (к типологии ступ правобережного Тохаристана) // В сб.: Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 74–75. Рис. 1; *Абдуллаев К. А., Завьялов В. А.* Ук. соч. С. 114–116.

¹⁶ Так по классификации Г. Франца (подробнее см. ниже).

ем, подразделил эти модели на семь типов. Характерным для всех является сильной развитое основание в виде обращенного вниз усеченного конуса, по высоте превышающего собственно ступу, причем сделаны они при помощи штампа. Размер собственно корпуса ступы — 3,3–9,2 см, корпус двух-четырёхъярусный, причем нижняя ступень может состоять из лотосов. Над наклонным корпусом ступы, на барабане, — купол, окруженный в отдельных случаях колоннами или же вспомогательными куполами. М. Таддей также отмечает, что конусообразное основание — специфическая черта газнийских моделей — прослеживается также на тибетских, но обычно (за отдельными исключениями) отсутствует на индийских и центральноазиатских моделях¹⁷.

Довольно близки аджинатепинские миниатюрные ступы к глиняной модели ступы из Сринагара, хранящейся в Sri Pratap Singh Museum¹⁸. Отличия все же есть и здесь. Сринагарская ступа — на выпуклом основании, над которым круглый плоский диск. Корпус ступы — двухъярусный, основание каждого яруса — в виде трех плин-тов. Лестницы не врезаны, а имеют значительный «вынос». В местах сочленения лестниц с корпусом углы раскрепованы в нижнем ярусе двумя пилястрами, в верхнем — одним. Сказанное выше об отличиях аджинатепинской и сринагарской моделей в значительной мере относится и к глиняной (кстати, из красной глины) модели ступы из Восточного Туркестана, найденной на правом берегу р. Мартук. Размеры основания корпуса — 5,5 см, высота корпуса — 2,2 см. Барабан переходит в высокий купол¹⁹. Укажем также, что в некоторых моделях ступы, найденных на Гудал-и-Ахан-гаран, имелись глиняные таблетки с буддийскими формулами, помещенные с целью «освятить» эти миниатюрные модели²⁰.

А. Стейн нашел в Хадалыке в одном из помещений скопление одинаковых по форме миниатюрных глиняных ступ, и среди них — ступа из мягкой белой глины с круглым в плане основанием диаметром около 8 см, высотой около 7 см, вокруг барабана восемь пилястров, имеющих, в свою очередь, форму ступы²¹. На поселении вблизи Ch' iao-tzu А. Стейн раскопал крошечное помещение, собственно камеру, где были две маленькие ступы, и, как он пишет, in the case of two stupas this was found to have been filled with hundreds of miniature clay stupas²². Миниатюрные модели очень похожи, хотя и сделаны в нескольких формах. Все они стоят на округло-выпуклом основании. Двухъярусный корпус резко суживается вверх, имеются лестницы, над корпусом — барабан и затем — низкий купол. На некоторых — надписи. До мнению А. Стейна, это votivные подношения²².

В Джамал-Гархи пространство между центральной ступой и кольцом окружающих целл (ок. 3–4 м) было заполнено, как пишет А. Каннингэм, бесчисленными кусками маленьких votivных ступ и каменными зонтиками, варьирующими в размере от 75 см до фактически «игрушек» величиной 10–12,5 см²³, маленькие votivные ступы были найдены также при раскопках в Сарнатхе²⁴.

¹⁷ *Taddei M.* Inscribed clay tablets...

¹⁸ *Franz H. G.* Die Ausgrabungen in Nalandä und die Kunst des spä ten Buddhismus in Indien // Indologentagung 1959. Göttingen, 1959. P. 93. Pl. 20.

¹⁹ *Le Coq A.* Chotscho. Facsimile-Wiedergaben der wichtigeren Funde der ersten K. Preussischen Expedition nach Turfan in Ost-Turkestan. Berlin, 1913 (Ergebnisse der Kgl. Preussischen Turfan-Expeditionen). P. 59. Pl. 59 b.

²⁰ *Taddei M.* Inscribed clay tablets... P. 80.

²¹ *Stein A.* Serindia. Oxford, 1921. Vol. I. P. 161, 194. Vol. IV. Pl. IX–Kha. VII. 0010.

²² Там же. Vol. IV. So. a. 006–008–009.

²³ *Cunningham A.* Report for the year 1872–73. P. 48.

²⁴ *Marshall J. H., Konov S.* Sarnāth // ARASI. 1906–1907, 1909. P. 72, 94. Pl. XIX/9.

В Раджагрихе вблизи от ступ при раскопках найдены миниатюрные глиняные вотивные ступы около 5 см высотой и 2,5 см в диаметре. По определению Д. Маршалла, эти миниатюрные ступы входили в состав внутреннего заполнения ныне разрушенной большой ступы. Внутри миниатюрных ступ — тонкие таблетки с буддийской формулой. Надписи по палеографическим признакам датируются VIII или IX в.²⁵

Миниатюрные глиняные ступы разного типа (размер по основанию — 3,3–10,3 см), в том числе с усеченным округло-коническим основанием и с вложенными внутрь таблетками с надписями, были найдены в Сравасти²⁶. Миниатюрные модели ступ найдены также в Сахетх-Махетхе²⁷, в Мартуке, Кичик Асса-Шехри²⁸, Тибете²⁹ и др.

Глиняные модели иногда раскрашивались; так, на модели из Кичик Асса-Шехри сохранились остатки белой краски³⁰.

Но модели были не только из необожженной глины: в публикациях раскопок упоминаются миниатюрные терракотовые модели³¹, более крупные каменные модели, например ступа высотой 28 см, найденная в Сарнатхе³²; большое число каменных моделей хранится в европейских музеях³³. Известны также бронзовые модели ступы³⁴. Можно упомянуть и о золотых; так в Амаравати в керамическом сосуде был найден золотой реликварий в виде миниатюрной (высота — ок. 8,8 см) дагобы с зонтиком³⁵.

Другой разряд — это глиняные вотивные таблетки с оттиснутыми на них рельефными изображениями ступ. Такого рода таблички найдены, в частности, при раскопках буддийского комплекса в Харване (Кашмир, район Сринагара). Размер ступы: длина основания — 3,7 см, высота основания — около 2,7 см, высота с куполом — 5,1–5,3 см, высота с зонтиками — 12,3–12,7 см. Основание трехъярусное, резко суживающееся кверху, со значительно уменьшающимися кверху лестничными проемами, по краям ограниченными широкими полосками — перилами. Высокий барабан декорирован. Над куполом — очень высокий и стройный семичастный зонтик, размер его приближается к половине общей высоты ступы. Датировка — около V в. н. э.³⁶

В коллекции Музея изящных искусств в Бостоне хранится ладанка из обожженной глины. На ней оттиснуто изображение четырехъярусной ступы со сферой и двенадцатью зонтиками, помешавшейся на лотосовидном троне; есть надпись. Размер

²⁵ Marshall J. H. Rajagrha and its remains // ARASI. 1905–1906, 1909. P. 96–97.

²⁶ Cunningham A. Report of tours in the Gangetic provinces from Badaon to Bihar in 1875–76 and 1877–78. Calcutta, 1880 (Archaeological Survey of India. Vol. XI). P. 89–90. Pl. XXVIII/4–5.

²⁷ Vogel J. Ph. Excavations at Sahēth — Mahēth // ARASI. 1907–1908, 1911. P. 128.

²⁸ Le Coq A. Chotscho... P. 59. Taf. 59/g, r. См. также: Central Asian objects brought back by the Otani Mission, Tokyo, 1971 (Illustrated catalogues of Tokyo National Museum). P. 56. Fig. 154.

²⁹ Tucci G. Indo-Tibetica. I. Roma, 1932 (Reale Accademia d'Italia. Studi e documenti, 1). P. 106–108. Taf. XLI, XLII/a.

³⁰ Le Coq A. Chotscho... P. 59.

³¹ Rea A. A Buddhist monastery of the Sankaram Hills, Vizagapatam dist // ARASI. 1907–1908. 1911. P. 170; Vogel J. Ph. Excavations at Kasiā // ARASI. 1906–1907, 1909. P. 57.

³² Marshall J. H., Konov S. Excavations at Sarnāth, 1908 // ARASI. 1907–1908, 1911. P. 72.

³³ Franz H. G. Des Stupa mit Kultnische // ArOs. 1955. Vol. XXIII/3–4. P. 251. Abb. 12.

³⁴ Franz H. G. Die Ausgrabungen in Nalandā und die Baukunst des späten Buddhismus in Indien // ArOr. 1961. Vol. IV. Abb. 7.

³⁵ Rea A. Excavations at Amarāvati // ARASI. 1908–1909, 1912. P. 88. Pl. XXVII/b, d.

³⁶ Kak R. Ch. Ancient monuments of Kashmir. London, 1933. P. 107–108. Pl. XVII.

ладанки — 10,3×9,3×3,74 см. Согласно А. К. Кумарасвами, это Непал, XV в. (все под вопросом)³⁷.

В Мирпур Хаш (Синд) найдены маленькие овальные глиняные таблетки (их длина — от 3,7 до 16,5 см) с вытянутыми изображениями ступ, похожих на ступы бирманского типа. Раскопки в Hwawza (Бирма) также дали много терракотовых таблеток с изображением ступы аналогичного типа. В Индии и Бирме они часто встречаются в слоях VI–IX вв.³⁸

Согласно некоторым исследованиям, глиняные вотивные таблетки с надписями изготовлялись в Бихаре и Бенгалии в постгуптское время в большом количестве и с пилигримами проникали на Цейлон и в Бирму. Так же было и с миниатюрной скульптурой; например, оттуда же на Цейлон попала каменная таблетка (высота — 9 см) с изображением сцен «Великого чуда»³⁹.

По-видимому, именно объекты такого рода (найденные им самим в Лехе) А. Г. Франке называет «cremation tablets of the “miniature stupa” type»⁴⁰. Действительно, тибетцы делают такие изображения и в связи с кремацией. В тот день, когда тело покойника сжигается, изготавливается его изображение: на кусок дерева надевается его одежда, на месте лица — лист бумаги, где печатным способом оттиснут рисунок — «дух умершего». К истукану ставят еду и питье, производятся различные обряды на протяжении типный со среднеазиатскими обычаями типа тул (что, кстати, не было отмечено его исследователями), завершается церемониальным сжиганием упомянутого листа бумаги с изображением. Зола тщательно собирается, смешивается с глиной, и отформовывается одно или более миниатюрных изображений чайты. Одно из них остается на домашнем алтаре, другое относится на один из ближайших холмов, где прячется под какой-либо скалой⁴¹.

Таблетки с изображением ступ найдены также в Касиа⁴², Сравасти⁴³, Сарнатхе⁴⁴, во многих других местах Индии, а также за ее пределами, в частности в Тибете⁴⁵ и Восточном Туркестане, например в Хочо⁴⁶. Найдены они и в Средней Азии — на Аджина-тепа и на Памире.

На одной аджинатепинской таблетке с сидящим Буддой, рядом с ним — фронтальное условное изображение одной из сторон ступы. Ее основание — ступенчатое (4 ступени). Нижняя — самая высокая — это нечетко отформованный уступ, выше имеются 2 более низких и нависающий четвертый уступ. Над уступчатой частью — корпус в виде квадрата, заметно сужающегося вверх и увенчанного карнизом. В цен-

³⁷ Coomaraswamy A. K. Catalogue of the Indian collections in the Museum of Fine Arts. Boston. 1. P. 2. Boston, 1923. P. 134. Pl. XXXIX/21, 1668.

³⁸ Das S. R. Discovery of a unique terracota mould // Yearbook of the Asiatic Society for 1970 (vol. XIII). Calcutta, 1971. P. 123–124.

³⁹ Primatilleke I. A miniature sculpture from Ceylon depicting the Eight Great Miracles of the Buddha // ArAs. 1972. Vol. 34. N 2–3. P. 162. См. также: Luce Q. Old Burma — Early Pagan. Vol. III. Ascona, 1970 (Artibus Asia Supplementum. XXV. Pl. 400–405).

⁴⁰ Francke A. H. Antiquities of Indian Tibet. P. 1. Calcutta, 1914 (Archaeological Survey of India. New Imperial Series. Vol. XXXVII). P. 82.

⁴¹ Waddell L. A. The Buddhism of Tibet or Lamaism. Ed. 2. Reprinted 1958. Cambridge, 1958. P. 329–330, 495–498.

⁴² Vogel J. Ph. Excavations at Kasiä // ARASI. 1905–1906, 1909. P. 81; Vogel J. Ph. Excavations at Kasiä // ARASI. 1906–1907, 1911. P. 66.

⁴³ Cunningham A. Report of tours in the Gangetic provinces... P. 90.

⁴⁴ Marshall J. H., Konow S. Excavations... P. 72–73.

⁴⁵ Tucci G. Indo-Tibetica. I. Tab. VII–XIV.

⁴⁶ Le Coq A. Chotscho... P. 59. Taf. 59/h.

тре — резко суживающаяся вверх лестница. Она начинается над второй ступенью и доходит до карниза корпуса. Над карнизом — тонкое кольцо (барабан), затем массивное кольцо (купол). Еще выше, непосредственно над куполом — зонтик, нижний более толстый, следующие — меньшего диаметра и более тонкие, в целом же эта часть имеет пирамидальные основания. Общая высота ступы — 88, ширина по основанию — ок. 27 мм.

Согласно тибетским источникам, как выяснил Д. Туччи, миниатюрные ступы-модельки и буддийские глиняные таблетки входят в класс *ts'a ts'a*. Этот термин он производит от праkritского *sachhaya* или *saccaha*, санскритского *sat-chaya* — первоначально «изображать», «воспроизводить»⁴⁷, причем эти предметы, в частности в виде *mc'od rten* (т. е. ступ), часто клались на большие ступы или стенки. Судя по письменным источникам, изготовление *ts'a ts'a* включало несколько практических операций и несколько операций по освящению. Непосредственно к миниатюрным моделям ступ относились из описанных в текстах следующие операции: 1) *nnrtikagrahana* — приготовление глины; 2) *bimbabalana* — придание формы; 3) возможно, *tailanmaksama* — смазывание маслом; 4) *mudraksepana* — помещение в форму; 5) *akotana* — сильное нажатие штамповой формой на ком глины⁴⁸.

Мы можем присоединиться к мнению М. Таддеи, что даже в тех случаях, когда миниатюрные модели ступ не были снабжены религиозными формулами — на поверхности или внутри, они тем не менее воспринимались как сакральные объекты, как «дар Закону»⁴⁹.

Очень вероятным представляется и другой вывод этого исследователя, что обычно эти модели употреблялись в той местности, где они производились, но в некоторых случаях могли путешествовать вместе с паломниками⁵⁰.

По мнению Г. Франца, миниатюрные модели из глины служили в качестве «памятных сувениров» пилигримов или votивных даров, и находят их как в Индии, так и в Центральной Азии. Он полагает, что нельзя установить, какие конкретные памятники они воспроизводили. Вместе с тем он проводит мысль, что терракотовые и глиняные таблетки с изображением ступы, равно как и глиняные модели миниатюрных ступ, находимые более всего в Тибете и Центральной Азии, по-видимому, доставлялись из Индии буддийскими пилигримами⁵¹.

Современный индийский ученый С. Дас пишет, что для буддистов было обычным жертвовать глиняные модели ступы буддийским святыням. Богатые имели обычай жертвовать каменные или металлические модели, а бедные должны были довольствоваться более доступными дешевыми глиняными моделями. Назначение этих подношений двойное: получить религиозные «заслуги» и способствовать мирскому процветанию. И соответственно в каждом буддийском религиозном центре был большой спрос на глиняные votивные ступы-модели⁵².

«Богоугодность» изготовления моделей ступ именно из столь дешевого и распространенного материала, как глина, получила и богословское обоснование. Известна история о ступе Будды Кашьяпы. Будда путешествовав по стране Касала, Брахман приветствовал его, а затем Кашьяпа изрек: «Не сравнить сто тысяч мер золота, принесенного как дар, с одним комком грязи, использованным с благочес-

⁴⁷ Tucci G. Indo-Tibetica. I. P. 53–57.

⁴⁸ Taddei M. Inscribed clay tablets... P. 79–80; Tucci G. Indo-Tibetica. I. P. 57–60.

⁴⁹ Taddei M. Inscribed clay tablets... P. 82.

⁵⁰ Там же. С. 85.

⁵¹ Franz H. G. Die Ausgrabungen in Nālandā... P. 197.

⁵² Das S. R. Discovery... P. 124.

тивными мыслями для постройки ступы для Будды»⁵³. В наиболее древнем рассказе о Будде Кашьяпе, в «Винайе» Махасангхиков (чье учение было распространено и в Средней Азии), содержатся следующие слова: «Сто тысяч мер чистого золота не стоят одного комка глины, употребленного для постройки ступы»⁵⁴. Эти представления сохранялись и в позднем буддизме. Так, в тибетском трактате Цхонхавы «Ясное восприятие тридцати пяти будд» (начало XV в.) говорится, что те, кто построит ступу из любого материала, в том числе из земли, кирпича, кучки пыли, станут просветленными⁵⁵.

Археологические наблюдения подкрепляются сведениями письменных источников, согласно которым далеко за пределами Индии вывозились модели культовых построек, в частности монастырей в Налан-де⁵⁶.

При раскопках упоминавшейся ступы в Ратнагири была открыта выстроенная из жженого кирпича квадратная в плане (14,3 × 14,3 м) ступа, каждая сторона с шестью выступами — пилястрами. Вокруг Главной ступы — много малых ступ, некоторые из них, судя по уровню, предшествуют, другие одновременны, третьи позже Главной. На одной из последних — надпись, палеографически относящаяся к концу VIII—IX в., так что главная ступа должна быть более ранней. На большом участке к юго-западу от Главной ступы — огромное количество (несколько сотен) лежащих беспорядочно миниатюрных монолитных моделей ступы. Авторами раскопок высказаны два предположения: первое — это участок, специально выделенный для помещения вотивных миниатюрных ступ, и второе — это мастерская-лавочка для продажи таких миниатюрных ступ⁵⁷.

Еще более существенно, что в Раджбадиданга (Западная Бенгалия), где находилась в VII в. знаменитая Рактамрит Тика-вихара, найдена терракотовая форма для производства глиняных моделей ступ (размер — 7 × 13,4 см). Она с полной бесспорностью подтверждает, что производство миниатюрных ступ действительно осуществлялось в монастырских центрах⁵⁸.

Что же касается вопроса о назначении этих моделей, то решающее значение имеют письменные источники. Д. Фогель, Д. Маршалл и М. Таддеи уже приводили сведения И Цина и Сюань Цзяня, которые могут быть связаны с этими предметами. И Цин писал: «/Буддийские/ жрецы и миряне в Индии делают чайтья или изображения из глины или же оттискивают изображение Будды на шелке и бумаге, почитая их, когда путешествуют». Иногда эти изображения были очень маленькими, как ячменное зерно⁵⁹. Относящееся к этому сюжету сообщение Сюань Цзяня сводится к следующему: «Индийский обычай — делать маленькие ступы из пахучего пастообразного вещества; их высота — около 6 или 7 дюймов; внутри их помещают какие-либо отрывки из сутр; они называют их *dharma-sarira*. Когда таких миниатюрных ступ становится много, они строят большую ступу и помещают все

⁵³ *Bureau A.* La construction... P. 257–258.

⁵⁴ Там же. С. 232.

⁵⁵ Авторы благодарны Е. Д. Огневой за любезно предоставленный перевод этого трактата, выполненный ею.

⁵⁶ *Schafer E. H.* The golden peaches of Samarkand. A study of T'ang exotics. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 265. Известны каменные модели буддийских храмов башенного типа с культовыми нишами из Наланды (VI–VII вв.) — *Franz H. G.* Der indische Turmtempel und seine Vorstufen // *Forschungen und Fortschritte*. 1958. Bd. 32/8. P. 245. Abb. 11.

⁵⁷ *Indian Archaeology 1957–1958 — A review*. Ed. by A. Ghosh. New Delhi, 1958. P. 39–40. Pl. LI.

⁵⁸ *Das S. R.* Discovery... P. 122–125.

⁵⁹ *I—Tsing.* A record of the Buddhist religion as practised in India and Malay Archipelago (A.D. 671–695). Transl. by J. Takakusu. Oxford, 1896. P. 150–151.

другие внутри нее и приносят длительное время религиозные жертвы». Некий jayasena все то время, когда он «своим ртом проповедовал /буддийский/ закон, занимался и вдохновлял своих последователей, руками изготовлял эти ступы». В результате за тридцать лет он сделал семь koti (т. е. бесчисленное множество) этих dharmasārīra stupas, и каждый koti он поместил в одну из семи выстроенных им больших ступ⁶⁰. Разумеется, koti — плод литературного преувеличения, но А. Стейн, как указывалось, лично видел сотни миниатюрных моделей ступ внутри или вблизи крупной ступы.

Как сообщает Д. Маршалл, в Индии во многих местах миниатюрные ступы встречаются внутри больших⁶¹. Так, в Сарнатхе в 1908 г. маленькая вотивная ступа была найдена внутри одной из крупных 60 ступ, у ее вершины⁶². Этот обычай является отражением почтительного отношения к буддийским сакральным сооружениям и более общего представления об увеличении сакрального могущества таких сооружений путем помещения одного над или внутри другого. История индийской архитектуры знает несколько вариантов. Среди них — использование ранней ступы в качестве платформы для более поздней, например, в Сравасти⁶³. Нередко же ступа буддийского сооружения в разрезе — нечто вроде вложенных в другую «матрешек», причем самая внутренняя является и более ранней.

Приведем всего несколько примеров. Уже в 1822 г. было установлено, что большая ступа в Санчи имеет внутри монолитное кирпичное ядро⁶⁴. Позже, в 40-е годы XIX в., иижджар Д. Каннингэм в результате своего обследования высказал мнение, что возведение ступы было единовременным актом, но сначала выкладывалось кирпичное ядро, которое служило, вероятно, основанием купола, затем оно было обведено каменной оболочкой, а пазуха (это обозначено на составленном им разрезе) была засыпана щебнем. Судя по разрезу, кирпичное ядро занимает примерно половину нижнего диаметра ступы. Вслед за тем Д. Каннингэм, проведя раскопки, присоединился к мнению своих предшественников о том, что ядро и внешняя оболочка одновременны. Однако научное исследование, осуществленное перед первой мировой войной Д. Маршаллом, привело совсем к другим заключениям. Д. Маршалл задался вопросом: если оболочка и ядро одновременны, то почему они сделаны из разных материалов, а не целиком из камня, который должен был служить по крайней мере так же хорошо, как кирпич, и был в этой местности легкодоступен, к тому же другие ранние ступы в этой местности сделаны из камня, без кирпичного ядра. Дело также и в том, что в памятниках эпохи Маурья, напротив, широко применялся кирпич и кирпич ядра ступы в Санчи примерно того же размера (41 × 25,5 × 7,6 см). Если признать, что первоначальная ступа — это кирпичное ядро, то становится объяснимым местоположение колонны Ашоки. Позже первоначальная ступа («кирпичное ядро») была обведена толстой каменной стеной, как бы заключена в значительно больший по размерам кожух, а пространство между кожухом и первоначальной ступой было забутовано щебнем⁶⁵.

Укажем также на Джагат Сингх Ступа в Сарнатхе, где первоначальный объем — кирпичный монолит, возможно восходящий ко времени Ашоки, — обстраи-

⁶⁰ Hiuen Tsiang. Si-yu-ki. Buddhist records of the Western world. Transl. by S. Beal. London, n. s. Vol. 11. P. 146–147.

⁶¹ Marshall J. H. Rajagira... P. 97.

⁶² Marshall J. H., Konow S. Excavations... P. 68. Можно также привести слова А. Реа: «Stupas within stupas have been found in other well known sites...» (A Buddhist monastery... P. 157).

⁶³ Cunningham A. Report of tours in the Gangetic provinces... P. 88. Pl. XXVII.

⁶⁴ Spilsbury B. Note regarding the Bhilsa monument // JASB. 1835. Vol. IV. P. 712.

⁶⁵ Marshall J. The monuments of Sanchi. Their exploration and conservation // ARASI. 1913–1914, 1917. P. 4–5.

вался, увеличиваясь в размере по крайней мере в четыре раза (вообще-то перестроек было больше), так что высота ступы достигла вдвое большего размера по сравнению с исходной⁶⁶.

Еще более сложна история ступы № 3 в монастыре № I Наланды. Первоначальная ступа была очень небольшой: квадрат основания имел размеры около 1,7 м. Это своего рода ядро всех последующих ступ. Вторая, включившая в себя первую, имеет размер стороны основания около 3 м, причем уровень основания на 0,3 м выше, чем у первой. Третья, приподнятая на 1,2 м над уровнем второй, уже достигает размера 3,5 × 3,5 м; четвертая, с размером сторон 3,8 × 3,8 м, включает в себя предыдущие, будучи приподнятой над третьей (на уровне оснований) на 0,3 м. Все эти четыре «вложенные» одна в другую малые ступы были, в свою очередь, включены в состав боль-шой ступы № 3⁶⁷.

Перечисление других примеров из Индии⁶⁸ потребовало бы слишком много места, да в нем и нет в данной связи необходимости. Отметим лишь, что подобная практика применялась и в Средней Азии. При расчистке остатков вотивной ступы в помещении XXVI Аджина-тепа удалось установить, что и здесь как бы вставлены одна в другую маленькие ступы.

Другой пример дает Фаяз-тепе в Термезе. Здесь первоначальная ступа монолитная, круглая в плане (диаметр — ок. 3 м). По словам Л. И. Альбаума, «цилиндрическое тулово покоится на слегка выступающем профилированном цоколе, имеющем контур типа аттической базы. Примерно такова и профилировка карниза. Его верхняя выступающая полочка сложена из жженого кирпича. Одновременно она является основанием для колоколообразного купола. На куползе сохранились следы квадратного реликвария. В центре купола — круглое отверстие диаметром 10 см, в которое вставлялся стержень от зонтика». Эта ступа была замурована в более позднюю, которая «как бы футляром закрыла раннее архитектурное сооружение»⁶⁹, такая же картина наблюдается в Мерве (см. главу IV) и др.

В письменных источниках содержатся исторические, полуполюгендарные и легендарные сведения об увеличении размеров ступ. По-видимому, наиболее раннее бесспорное сообщение — в тексте эдикта Ашоки на колонне в Нигали Сагар. На четырнадцатом году своего правления (т. е. ок. 250 г. до н. э.) ступу, воздвигнутую в честь Будды Конакамани, Ашока «увеличил вдвое (по сравнению с ее первоначальной величиной)»⁷⁰. К сожалению, ступа эта пока еще не найдена⁷¹. Другие источники сообщают, что царь Касалы, узнав, что Будда построил ступу, явился к нему с 700 колесницами, наполненными кирпичом, и попросил разрешения увеличить эту ступу. Будда дал свое согласие⁷².

Еще важнее для всего этого ряда верований следующее сообщение. В «Винайе» (версия *dharma-guptaka*) есть такой рассказ. Жил некогда сын короля, Гопали (*Gopali*), пожелавший идти походом на Запад, дабы покарать мятежников. Он за-

⁶⁶ Marshall J. H., Honov S. Excavations... P. 65. Pl. XVIII/b.

⁶⁷ Page J. A. Nalanda // ARASI. 1926—1927, 1930. P. 130.

⁶⁸ Irvin J. The stupa... P. 817—818, 836—838. Fig. 12, 26; Stein M. A. Ancient Khotan. Oxford, 1907. Vol. 1. P. 77.

⁶⁹ Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968—1972 гг.) // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 55. Такая практика была распространена и в Восточном Туркестане; см., например, ступу Курган-тим близ Кашгара (Stein M. A. Ancient Khotan. Vol. 1. P. 76—77. Fig. 14).

⁷⁰ Текст и перевод: Hultzsch E. Inscriptions of Asoka. New ed. Oxford, 1925 (Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. 1). P. 165. Об этой надписи см.: Бонгард-Левин Г. М. Индия эпохи Маурьев. М., 1973. С. 14; Thapar R. Asoka and the decline of Mauryas. Oxford, 1961. P. 233.

⁷¹ Thapar R. Asoka... P. 233.

⁷² Bareau A. La construction... P. 258.

хотел получить несколько волос из бороды Блаженного. Получив их, Гопали не знал, куда их поместить. И тогда Будда повелел хранить их в ступе из золота или серебра. Это принесло Гопали победу. Отсюда явствует, что существовали ступы-реликварии, они были маленьких размеров и являлись талисманами, охранявшими владельцев.

Продолжение рассказа показывает связь между ступой-реликварием и ступой-монументом. В том же источнике рассказывается, что Гопали, вернувшись, воздвиг ступу для волос Блаженного. Этот и другие тексты показывают, что маленькая первоначальная ступа была помещена в большую ступу-монумент, которая служила защитной оболочкой для ступы-реликвария, предохраняя заключенное в ступе-реликварии сокровище с его магической ценностью от злонамеренных посягательств⁷³.

Но не все ступы включались в новые (и неоднократные оболочки): очевидно, лишь наиболее священные из них заслуживали такой «участи». Она определялась наличием у этих ступ особой сакральной силы, связанной с (подлинными или мнимыми) реликтами, в них заключенными, или же с их местоположением и ролью в сакральном пространстве⁷⁴. Так, в частности, неоднократно обстраивались и увеличивались главные ступы. Не случайны и многократные обстраивания ступы в помещении XXVI Аджина-тепа: она находилась на главной продольной оси, в вестибуле одного из двух святых монастыря.

Ритуальная практика помещения одной ступы внутрь другой и соответствующие верования восходят к более общим представлениям. В. В. Иванов и В. Н. Топоров вскрыли общеиндоевропейское представление о вложении одного в другой ритуальных символов, связанных с мировым (или священным) древом, причем в начале цепочки находится мировое древо, в конце — смерть⁷⁵. Как уже выше отмечалось, вставление в позднюю оболочку более ранней святыни, несомненно, имело целью способствовать умножению ее сакрального могущества. В этом ряду также стоит и неоднократно отмеченное на Аджина-тепа «захоронение» остатков развалившейся религиозной скульптуры внутри замкнутых пределов религиозного сооружения или даже вмазывание их в массивы его стен.

Итак, сакральный характер модели ступы проистекал из нескольких религиозно-мифологических структур, лежащих на разном иерархическом уровне, и соответственно имел несколько аспектов.

Попытаемся сжато охарактеризовать некоторые из этих аспектов.

1. Миниатюрная модель ступы — иконический знак большой ступы, воплощающий все присущие ей сакральные качества. Поэтому она может выступать в качестве объекта пожертвования (субституция сооружения ступы) и в качестве сопутствующей верующему перемещаемой в пространстве личной святыни.

2. Модель ступы особенно благоприятна для странника (пилигрима) благодаря заключенному в ней магическо-охранительному комплексу — проявлению ее святости, а также связанному со ступой якши — духу-охранителю⁷⁶.

⁷³ Там же. С. 231. Согласно трактату Цзонхавы (см. выше, примеч. 53), среди самых больших религиозных заслуг — восстановление и ремонт разрушенных ступ.

⁷⁴ Д. Ирвин пишет, что ни один ученый еще «не пытался объяснить религиозные основания практики увеличения (размеров) ступ», и обещал (1979 г.) обсудить в будущем этот вопрос в специальной статье — см. *Irvin J. The stupa...* С. 837, примеч. 38.

⁷⁵ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 35.

⁷⁶ Показательно в этом отношении положение трактата Цзонхавы (см. выше, примеч. 53), что создание ступы величиной хотя бы со сливовую косточку — великая религиозная заслуга. О святости ступы и ее духах-охранителях см.: *Bureau A. La construction...* P. 253, 255.

3. Специфическое значение модели ступы в направлении путника, в руководстве им в дороге определяется пространственно-космогонической концептуальной символикой ступы.

4. Модель ступы в религиозном сознании воспроизводит модель мирового древа, вместе с тем человеческое тело также символизирует мировое дерево. Ношение с собой модели ступы отражает гомогенность и изофункциональность двух рядов, связанных соответственно с микро- и макрокосмом.

Такова религиозно-семантическая и композиционно-архитектурная роль ступ Аджина-тепа. Следует сказать также несколько слов и о ее типологической принадлежности, тем более, что аналогичные (или близкие по своему облику) ступы были достаточно обычны в Северном Тохаристане. Так, на втором этапе своего существования (не ранее VI в. н. э.) ступа у Верблюжьей горки была перестроена: на первом этапе она имела один лестничный подъем, на втором этапе лестничные марши, фланкированные пилонами на нижней ступени, были устроены и у трех других сторон. Такой же, как аджинатепинские, была и миниатюрная ступа монастыря Хишт-тепе. Эти ступы, согласно типологии ступ, разработанной австрийским ученым Г.Францем, относятся к типу «звездчатых террасовидных» («der sternformige Terrasenstupa»). К ним близки терра-совидные крестовидные типы ступы у Верблюжьей горки (прототипом таких ступ в Северном Тохаристане является поздняя ступа Фаяз-тепе). Звездчатые террасовидные ступы возникают в области Ганд-хара в позднекушанское время. Таковы гандхарские ступы Бахмала в Таксиле, Шахи-ки-Дхери в Пешаваре и др. В Афганистане этот тип представлен вотивными ступами в Тепе-Сардар в Газни. Яркий пример для Восточного Туркестана — ступа Равак в Хочане. Остановимся на ней подробнее. Ее размеры в основании — $23,8 \times 23,8$ м. Нижняя ступень основания состоит из четырех сомкнутых полуовальных в сечении валов, затем следует вертикальная плоскость, увенчанная карнизом сложного профиля (высота этой части — 2,3 м). В основании второго яруса — невысокий четвертьвал. Высота второго яруса 2,74 м. На верхней площадке этого яруса ($13,9 \times 13,9$ м) покоится круглый в плане двухчастный барабан; его основание (высота 0,9 м) суживается кверху, переходя в цилиндрическую часть (диаметр 9,75 м), сохранившуюся на высоту 2,3 м. Общая сохранившаяся часть — 9,45 м, но с учетом отсутствующего завершения барабана и купола она должна была быть значительно больше. На каждой из четырех сторон сооружение было снабжено лестницей, основание которой образует выступ нижней ступени. Ступа была покрыта штукатуром.

Равакская ступа находится в центре прямоугольного двора (43×50 м), стены которого снаружи и внутри украшены скульптурами и живописью. Сейчас склоняются к датировке памятника в Раваке VI в. н. э. В Восточном Туркестане были и другие ступы этого типа, например, миниатюрная ступа в Фархад-бек-айлаки.

Миниатюрные ступы вотивного характера совершенно обычны в буддийской архитектуре, причем они часто воспроизводят форму монументальных сооружений. Не является особенностью Аджина-тепа и то, что эти ступы расположены внутри помещений. Так, вокруг главной ступы в Шах-и-ки-дхери (именно здесь был найден знаменитый реликварий Канишки) имеется множество миниатюрный ступ. Главная ступа звездчатая в плане, среди миниатюрных ступ, круглых и квадратных в плане, есть и одна крестообразная модель большой ступы. Эта модель имеет размер 2 м в длину, она ступенчатая. При вскрытии пяти из этих ступ ничего не было найдено (предполагается, что первоначально там имелись какие-то реликвии). Эти миниатюрные вотивные ступы часто помещались в специальные маленькие целлы. Так, в монастыре в Джамал-Гархи (область Гандхары) А.Каннинггэм насчитал 10 целл, в каждой из которых была миниатюрная ступа.

В монастыре в Багх-гаи в двух соединенных друг с другом цел-лах располагалось по миниатюрной ступе. Одна из них (В.29) — квадратная в основании со стороной 2 м, другая (В.30) — круглая, диаметром 2,35 м. Миниатюрные ступы в этом комплексе помещались также в центральной целле вихары (В.51 и В.45), причем их размер был тут еще меньше (В.55—1,46 м в стороне).

В центральной части комплекса Тепаи-Калон не только главная ступа окружена множеством миниатюрных, но по миниатюрной ступе имеется и почти в каждой из многочисленных целл, составляющих ограду этой ступы. Аналогичное положение и в оградах двух других ступ, также состоящих из камер, размер сторон миниатюрных ступ здесь 1,2—1,4 м. То же самое можно наблюдать и в других комплексах Хадды⁷⁷.

Мы ограничимся этими примерами, хотя число их можно было бы увеличить бесконечно. Характерно вместе с тем, что Аджина-Тепа состоит в ряду тех сооружений, где ступы помещались внутри целл ограды.

Кроме того, ступа сыграла важную роль в генезисе некоторых форм среднеазиатского мавзолея раннемусульманского времени. Центрический характер одного из типов раннего среднеазиатско-хорасанского мавзолея и верхних обходных галерей таких мавзолеев, как мы считаем, также в значительной степени обязаны влиянию ступы.

Судя по сложной, но четкой планировке Аджина-тепа и Кафыр-калы, строители перед началом работ имели, видимо, эскизные планы построек и делали разбивку контуров помещений на местности. Это вытекает, в частности, из строгой геометрической формы многих, особенно ключевых, помещений. Так, например, помещение 20 («Круглый зал») Кафыр-калы имеет в плане вид абсолютно точного круга с диаметром 7,95—7,98 м. Колебания в 3 см находятся в данном случае в пределах точности измерений, если учесть, что на некоторых участках отсутствует штукатурка. Круг, прямоугольник, квадрат — таковы геометрические фигуры, которые легли в основу планировочных схем кафыркалинских построек. Причем эти фигуры почти всегда имеют правильную форму: помещение I — 3,5×3,6 м; помещение 26—3,4×3,4 м; помещение 33—6×6 м; помещение 3 — 10×19,05 м и т. д. Точно так же обстояло дело и на Аджина-тепа. В качестве примера можно привести центральное помещение Аджина-тепа, где помещение было точным квадратом (7×7 м), с совершенно одинаковыми (колебания в пределах 1—2 см) диагоналями. Очень четкой и строго геометрической является планировка Балалык-тепе: квадратный дом на первом этапе (14,5×14,5 м), квадратное помещение 14 (4,85×4,85 м) и т. д. (по данным Л. И. Альбаума и В. А. Нильсена).

Основания стен, плоскости суф, карнизы часто строго горизонтальные. Этого можно было добиться лишь при постоянном осуществлении в процессе строительства нивелировочных работ, реальное подтверждение чему найдено при раскопках Кафыр-калы. Здесь, в помещении 3, после снятия пристроенной суфы на восточной

⁷⁷ Franz H. G. Ein unbekannter Stupa der Sammlung Gai und die Entwicklung der Stupa im Gebiet des alten Gandhara // ZDLIG. 1959. Bd.109/1. S. 145—147; Franz H. G. Buddhistische Kunst Indiens. Leipzig, 1965. S. 97—102; Franz H. G. Die Ausgrabungen in Naländā und die Kunst der spähten Buddhismus in Indien // Sonderdruck aus Indologen-Tagung. 1959. S. 92—93. Abb. 2; Franz H. G. Die Ausgrabungen in Naländā und die Baukunst des spähten Buddhismus in Indien // ArS Orientalis. IV. S. 197—198. Abb. 8—12; Franz H. G. Die buddhistische Stupa in Afghanistan // Afghanistan Journal. 1978. V/1. P. 31—36; Franz H. G. Von Gandhara bis Pagan. Kultbauten des Buddhismus und Hinduismus in Süd- und Zentralasien. Graz, 1979; Franz H. G. Von Gandhara bis Pagan. Graz, 1979 (Рец. Б. А. Литвинского на две последние книги — см.: Народы Азии и Африки. 1981. № I. С. 227—231). Описание ступы в Раваке: Stein A. Ancient Khotan. Oxford, 1907. Vol. 1. P. 434—486. Vol. 11. Pl. XXXIX; Stein A. Serindia. Oxford, 1921. Vol. 1. P. 128; Gropp G. Archäologische Funde aus Khotan. Chinesisch-Ostturkestan. Bremen, 1974. S. 59—60, 71—73, 97—101, 208—211, 221—242.

стене были обнаружены две строго параллельные горизонтальные линии толщиной 0,8 см, проведенные углем. Одна из них служила отметкой для верха пахсовой подушки, другая показывала уровень верхней поверхности суф.

Некоторые закономерности выявляются и при анализе размеров строительных материалов. Представляется, что сырцовый кирпич употреблялся строителями Кафыр-калы в качестве модуля (см. ниже).

Открытие на стенах пенджикентских построек настоящих чертежей, один из которых является разметкой мест опирания деревянного перекрытия, а другой — сложным геометрическим построением⁷⁸, окончательно подтверждает предположение о том, что раннесредневековая Средняя Азия знала архитектурное проектирование и проведение разбивки на местности, что подразумевает наличие профессиональных архитекторов и строителей и, вероятно, серии основанных на вековой практике правил (установлений).

Так как мы не располагаем местными письменными источниками, характеризующими архитектурное искусство и приемы раннесредневековых зодчих Средней Азии, полезно рассмотреть раннесредневековые индийские источники по этому вопросу. Одним из таких источников является «Манасара», время создания которой, согласно Д. К. Очарья, падает на период между 500–700 гг.» но в которой, однако, есть и более поздние интерполяции.

Согласно «Манасаре», строительство осуществляется под руководством четырех лиц: 1) *sthapati* (стхapati) — мастер-строитель, являющийся главным архитектором; он должен был глубоко и всесторонне знать шастры; 2, *sutragrahin* (сутраграхин) — проектировщик, чертежник, хорошо знающий шастры; 3) *vardhakin* (вардхакин) — рисовальщик, художник; 4) *taksaka* (такшака) — плотник, столяр (Manasara II, 17–35). На основании других источников В. В. Вертоградова установила, что такшака занимался и обработкой строительных материалов, а вардхакин — собственно строительством. Существовала и иная (в других письменных источниках) классификация: *стхapati* — главный архитектор по сооружению гражданских построек; *стхапака* — архитектор-жрец, специалист по культовым постройкам⁷⁹.

Эти термины встречаются в надписях догуптского времени. Позже терминология надписей меняется. В пещере 16 Аджанты есть надпись (по палеографическим данным — конца V в.), сообщающая имя художника, для обозначения которого применен термин «*sudradhara*» («сутрадхара»). Судя по другим надписям, сутрадхара были знакомы с искусством живописи, скульптуры; они были превосходными писцами и строителями различных сооружений. Один из сутрадхара носил такой эпитет: «прародитель нескольких городов и построек». В поэзии этот термин начиная с VII в. обозначает и руководителя сценического действия и архитектора — строителя храма. Согласно М. К. Дхаваликару, начиная с гуптского времени сутрадхара — это главный художник и архитектор, руководитель и координатор строительных работ⁸⁰.

⁷⁸ Гуревич Л. Л. Архитектура Пенджикента в свете новых открытий // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (тезисы). Душанбе, 1977. С. 60; Абдуллаев Д., Гуревич Я. Л. Чертежи строителей Древнего Ненджикента // УСА. Л., 1979. Вып. 4.

⁷⁹ Acharya P. K. A. Indian architecture according Mānāsara-Silpasāstra. London; New York; Calcutta; Madras, 1927. P. 198; Architecture of Mānāsara. Transl. by P. K. Acharya. London; New York; Bombay; Calcutta; Madras, 1932 (Hindu architecture. Vol. III). P. 6–7; Shukla D. N. Vāstusāstra. Vol. 1. Hindu science of architecture. Chandigarh, 1961 (Bharatiya vastu-sāstra series. Vol. 8). P. 44; Вертоградова В. В. Архитектура // Культура Древней Индии. М., 1975. С. 313–314; В. В. Вертоградова, занимающаяся исследованием древнеиндийских трактатов по искусству, обратила наше внимание на наличие в тексте «Манасары» поздних интерполяций.

⁸⁰ Dhavalikar M. K. Sri Yugadhara a master-artist of Ajanta // Artibus Asiae. Ascona, 1969. Vol. 31/4. P. 301–309. См. точку зрения С. Крампи — Crainish S. K. Editor note // Artibus Asiae. Ascona, 1969. Vol. 31/4. P. 308.

«Манасара» содержит следующие положения: «В этой /работе по возведению зданий/ никто в мире не может достигнуть успеха без помощи архитектора и без его руководства. Поэтому она (работа по строительству) должна проводиться с помощью этих архитекторов» (Мапайага II, 36–37)⁸¹.

Близкий, практически параллельный ряд сообщений содержат раннесредневековые среднеперсидские источники. Термины «gaz» «gaz-kir-gog» обозначают в них «строитель», «архитектор». Была и более дробная классификация строителей. В одном из текстов есть следующие слова: «Когда человек решает выстроить дом, он выбирает троих людей, один из которых лучше /обучен/ кладке фундаментов, другой — возведению стен, третий — сооружению крыши». Для последнего применен термин askob-kardar — букв. «делатель крыши»⁸². Такая специализация, по-видимому, существовала в древней и средневековой Средней Азии, во всяком случае, в одном из согдийских документов с горы Муг говорится, что некоему лицу было уплачено 100 драхм «за /возведение/ крыши»⁸³. Кроме того, в среднеперсидских документах фигурирует еще и nigaygaу «живописец», тот, кто «благодаря своему искусству делает картину из различных красок»⁸⁴. Плотник (durgay, поздняя форма drudgar) «делает дерево гладким и прямым». Одна из его специфических обязанностей «изготовление тахт'ов и дверей (dar) из дерева». Со строительством связана также профессия сагуаг — «работающий со строительным раствором»⁸⁵. Разумеется, на практике были случаи, когда одно лицо владело несколькими профессиями. В надписи на здании в Хатре сообщается о некоем Bar-nanai сыне Yahbush, который был и архитектором, и каменщиком, и скульптором⁸⁶. О высоком статусе архитектора, о понимании его определяющей роли в строительстве свидетельствуют слова среднеперсидского источника: «Созидание без созидателя, решение без решающего столь же невозможны, как написание без пишущего или же сооружение дома без архитектора и строителя»⁸⁷. Именно таким, судя по всему, было отношение к архитектору и в Тохаристане и в Средней Азии в целом. Мы уже высказывали предположение, что раннесредневековый зодчий вначале создавал проект монументального сооружения (хотя бы эскизный), затем уже производилась разбивка на местности⁸⁸; причем делать это должен был специалист, аналогичный индийскому сутраграхин.

Индийские источники сообщают подробные правила, которые следовало соблюдать при выборе места для строительства, в них говорится о процедуре подготовки и освящения строительной площадки.

По «Манасаре», перед строительством в центре площадки укреплялся вертикальный шест — гномон (заики), затем сутраграхин измерял его длину и с помощью шнура, который был в два раза длиннее, чем гномон, из точки, куда он вставлялся, описывал круг.

Главный архитектор, наблюдая за тенью, отбрасываемой гномоном, дважды — до полудня и после полудня — отмечал точки пересечения тени с окружностью. Отрезок, соединяющий эти точки, давал направление В-З. С концов этого отрезка проводились две дуги, которые пересекались, линия, проведенная через эти точки,

⁸¹ Architecture of Manasara. P. 7.

⁸² Tafazzoli A. A list of trades and crafts in the Sassanian period // AMI. (1974). Bd. 7. Berlin, 1975. P. 193, 195.

⁸³ Лившиц В. А. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М., 1962 (Согдийские документы с горы Муг). С. 182–183.

⁸⁴ Tafazzoli A. Op. cit. P. 195.

⁸⁵ Tafazzoli A. Op. cit. P. 193–196.

⁸⁶ Fuad Safar. Inscriptions of Hatra // Sumer. 1953. Vol. 9. N 1. P. 8.

⁸⁷ Geiger B. Aus mittelpersischen Materialien // Archiv Orientalni. Praha, 1938. Vol. 10. N 1–2. P. 210.

⁸⁸ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепа. С. 55.

давала направление С-Ю (Manasara VI, 19–28; VI, 40–47)⁸⁹. Существовали правила ориентировки различных сооружений.

Разбивка самой постройки осуществлялась очень тщательно — с помощью измерительного шнура и стержня. Измерительный шнур делался из хлопка или джута (впрочем, иногда встречаются указания и на другие материалы). Упоминается и измерительный стержень, но предпочтение отдается шнуру (Manasara VI, 95). Колышки должны были быть деревянными (например, из дерева акации); длина колышков примерно 21–25 angula (т. е. 40–48 см), причем «основание колышка должно быть сделано подобно веретену, а от основания к вершине колышек должен утолщаться». Колышки загоняются в грунт восемью ударами молотка (Manasara VI, 114–116)⁹⁰.

Перед началом строительства архитектор намечал и закреплял с помощью двух колышков центральную линию, с помощью четырех колышков отмечались четыре угла, колышки соединялись шнуром. «Это должно быть сделано, ибо от этого — большая польза» (Manasara, 105–108). Применение деревянных колышков для разбивки плана будущего здания в Средней Азии засвидетельствовано находками, сделанными в Пенджикенте⁹¹ и на других памятниках.

Учитывая, что в Средней Азии XIX — начала XX в. в строительстве соблюдались строгие установления, связанные с ориентацией, можно предположить, что так было и в древности и в раннем средневековье.

М. С. Булатову удалось показать, что в IX–XII вв. среднеазиатский зодчий при разбивке здания на строительной площадке оперировал шнуром и колышком. Математические закономерности выражаются в это время производными квадрата. Разбивку плана построек на местности с помощью колышков и бечевы делали строители Ферганы в XIX — начале XX в.⁹² Очевидно, с момента разбивки площадки велись и нивелировочные работы, которые продолжались на протяжении всего строительства. Характер и устройство разного рода нивелировочных приспособлений хорошо известны для Средней Азии и Переднего Востока IX–XII вв. — это отвесы, сосуды с жидкостью, прямоугольная пластина с ушками на короткой стороне и нитью-отвесом, подвешенным вдоль продольной оси, таким же образом устроенная пластина в виде равнобедренного треугольника с нитью-отвесом, закрепленным в середине основания, снабженного крючками для подвешивания, и др.⁹³ В XIX — начале XX в. народные строители применяли для нивелировки несколько видов приспособлений, часть из которых была аналогична средневековым⁹⁴.

Математические трактаты домусульманской Средней Азии не сохранились. Об уровне математических знаний в Средней Азии того времени могут в какой-то мере

⁸⁹ Architecture of Mānasāra. P. 24–26. В других текстах описываются подобные им, несколько отличные способы работы с гномоном — см.: Shukla D. N. Op. cit. P. 180–182.

⁹⁰ Architecture of Mānasāra. P. 31.

⁹¹ Доклад Б. И. Маршака на заседании Ленинградского отделения Института археологии 31 марта 1984 г.

⁹² Булатов М. С. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии // ИООН АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1953. № 3; Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М., 1978. С. 62 сл.; Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в. // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954 (Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 21). Вып. 1. С. 251.

⁹³ Wiedemann E. Technik bei den Arabern // Beiträge zur Geschichte Naturwissenschaften. 1.10. Erlangen, 1907 (Sitzungsberichte der Physikalisch-medizinischen Sozietät in Erlangen. Bd. 38). S. 310; Рожанская М. М. Механика на средневековом Востоке. М., 1976. С. 133–136.

⁹⁴ Писарчик А. К. Ук. соч. С. 252.

дать представления математические сочинения древних индусов, а также «Шульба-сутры» (sulba-sutra) — трактаты о правилах измерений и построений жертвенных алтарей. Слово «sulba» (или «sulva») означает «веревка», «шнур» или «тетива», а его корень — «sulb» означает «измеряющий» или «измерять», поэтому буквальный перевод названия — «Правила веревки (шнура)».

Действительно, шнур применялся при всех измерениях. Он должен был быть тонким, одинаковой толщины, без узлов (см., в частности; Manasara, II, 69–74). Есть специальные термины для «диагонального шнура», «шнура для измерения длинной стороны» и др. Применялись два способа измерения: с помощью одного и двух шнуров. При измерении использовались центральный круглый колышек и колышек в виде конического штыря для нанесения линий на местности.

Производились различные операции со сторонами квадрата и его диагональю, деление отрезков прямой и т. д. В индийских трактатах даются и многочисленные предписания по построению геометрических фигур, в частности, говорится, как построить квадрат с помощью одного шнура — проводя линии и окружности⁹⁵. Все эти операции легко можно было осуществить и на местности.

Архитектурно-строительные приемы и решения, использованные строителями Аджина-Тепы, неразрывно связаны со среднеазиатским зодчеством VI–VIII вв. Однако их нельзя отождествить с применявшимися в согдийско-уструшанской, ферганской, хорезмской или северо-хорасанской архитектурных школах. Своеобразие прослеживается как в отношении планировочно-композиционных решений, так и в части отдельных конкретных архитектурно-строительных приемов. Рассмотрим сначала отдельные архитектурно-строительные приемы, характеризующие уровень и специфику строительного искусства Тохаристана, как они отражены в Аджина-Тепе. Речь пойдет именно об Аджина-Тепе, дабы показать то, что дает именно этот памятник для истории тохаристанской архитектуры. Не меньший, а может быть даже более обильный материал дали раскопки на Кафыр-кале и Калаи-Кафирнигане, но мы его используем, даже для сопоставлений, предельно скупко, отсылая к соответствующим публикациям одного из авторов этой книги⁹⁶.

Основания выступают в очень неразвитом виде. В большинстве случаев под стенами ниже уровня пола лежит слой пахсы толщиной 15–20 см. В помещениях I–II, с их разными уровнями, основания были более солидными. На материковую глину положена прослойка глины красноватого цвета, затем прослойка пахсы, причем в целле пах-совый стилобат на 55 см выше, чем в вестибюле. Под порогом, ведущим из вестибюля в целлу, над пахсой — слой гуваяков.

Все помещения построены из пахсы и сырцового кирпича. Массивные стены (толщина внутренних 2,2 м, наружных — 2,4 м) в монастырской части⁹⁷ имеют пахсовые основания — три ряда блоков с четкой вертикальной перевязкой швов.

⁹⁵ Bag A. K. The knowledge of geometrical figures, instruments and units in the Sulbasutras // EW. 1971. Vol. 21/1–2; Bose D. M., Sen S. N., Subbarayappa B. Y. A concise history of science in India. New Delhi, 1971. P. 138–147; Володарский А. И. Очерки истории средневековой индийской математики. М., 1977. С. 16, 136–139.

⁹⁶ Литвинский Б. А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979; Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблема истории культуры Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983; Litvinskij B. A. Kalai-Kafimigan. Problems in the religion and art of early mediaeval Tokharistan // EW. 1981. Vol. 30; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М., 1985.

⁹⁷ В нефортификационных постройках этого времени стены были, как правило, тоньше. См.: Нильсен В. И. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V–VIII вв.). Ташкент, 1966. С. 231.

Высота блока — 0,85–0,9 м, ширина — 0,75–0,95 м. Общая высота этих стен — 2,5–2,6 м. Иначе устроены коридоры храмовой части. Здесь в основании было положено пять-восемь рядов кирпича, выше же шли три слоя блоков пахсы (высота стены до кирпичной полочки — 3,4 м; на западном фасе храмовой половины, где стены коридоров изнутри рассечены глубокими нишами, толщина внешней стены достигает 3,8 м). В нише № 2 помещения XXV в пахсовой (со стороны помещения) стене в глубине прослеживается комбинированная пахсово-кирпичная кладка.

Кое-что из этого необычно не только для Аджина-Тепа, но и для всей раннесредневековой архитектуры Средней Азии. Кирпич в основании стен? Но в это время в основании стен клалась пахса даже в тех случаях, когда применялась комбинированная — пахсово-кирпичная кладка⁹⁸. Единственное до сих пор известное исключение — замок в Шахристане, где отмечен случай, когда в основании стен находятся двенадцать рядов комбинированной «пунктирной» кладки, на которые поставлены два ряда блоков пахсы. Однако в Шахристане речь идет все же о кирпично-пахсовом монолите. Строители Аджина-Тепа рискнули сделать еще более смелый шаг — они водрузили пахсовые блоки на кирпичное основание. Разумеется, они меньше всего думали об экспериментах и поисках, а руководствовались весьма практическими побуждениями: им нужно было сооружать стены с аркатурами, и употребление при этом для возведения стен пахсовых блоков обедняло возможности зодчего. Размеры же арок и постаментов не всегда совпадали с обычными модулями пахсовых блоков. Поэтому рискнули обратиться к кирпичу, но не исключительно, было принято половинчатое решение: в основании — кирпич, выше — пахса (хотя в это время отдельные постройки целиком возводились из кирпича).

Иногда пишут, что «в древней архитектуре Средней Азии пахса, как более тяжелый материал, обычно употреблялась в качестве основания для сырца». Однако все обстояло не так просто. В Средней Азии, во всяком случае в Бактрии — Тохаристане, существовала и иная, хотя и не очень сильная традиция. Можно указать на такие памятники, как Карабаг-тепа и «западный дом» Ханака-Тепа, где именно на кирпичном основании клались пахсовые или пахсово-кирпичные стены⁹⁹. Отрывать Аджина-Тепа и замок в Шахристане от этой традиции нельзя. Мы рассматриваем кирпичные основания Аджина-Тепа как одно из проявлений этой традиции. Исследуя же это в плане общих линий развития раннесредневекового и средневекового строительства монументальных сооружений, нельзя отвлечься от мысли, что аджинатепинский опыт и другие сооружения V–VIII вв., в которых порой в одном и том же помещении сочетались стены из пахсы, кирпича и выложенные комбинированной кладкой¹⁰⁰, — своего рода разведка, предшествовавшая (через ряд промежуточных звеньев) победоносной реконкисте кирпича в качестве универсального стенового материала, уже в ином виде — в виде жженого кирпича.

На Аджина-Тепа жженный кирпич еще не употреблялся для кладки стен. Его массовое изготовление было в то время еще делом отдаленного будущего; производились сравнительно небольшое количество прямоугольных плиток жженого кирпича, причем не было даже твердо установившегося стандартного размера (от 26 × 40 до 31 × 54,5 см, при толщине 3,5–6 см). Но ценные качества этого строительного материала были уже хорошо известны и его применяли в следующих случаях: 1) для

⁹⁸ См.: Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан (материальная культура Уструшанью Вып. 1). Душанбе, 1966. С. 118–119. Рис. 25.

⁹⁹ См.: Путаенкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966. С. 89. Рис. 58. Стр. 102. Рис. 68–69. С. 128.

¹⁰⁰ См.: Нильсен В. И. Указ. соч. С. 224–225.

устройства оснований колонн или столбов (помещение XII; 2) для выстилки полов (помещения XXXI, XXXV); 3) для выстилки ступеней и дорожек; 4) для облицовки нижних частей стен небольших помещений, а также проходов; 5) как основание под, ступа; 6) для починочных целей и для придания большей прочности. На Аджина-Тепа, в дорожке из кирпичных плиток, пересекающей двор монастырской части, представлен едва ли не наиболее ранний в Средней Азии образец фигурной кладки из жженого кирпича — прием, сыгравший столь важную роль в истории архитектурно-декоративного искусства Средней Азии.

Стены помещений здесь, как правило, вертикальные, в некоторых случаях — незначительно наклоненные внутрь. Так, например, в помещении XVII на внутренней стене блоки нависают друг над другом, образуя наклон стены. Такой прием встречается в это время в памятниках Средней Азии (и сасанидского Ирана) нередко. Основное назначение его — сузить пролет свода и противостоять силам распора. В купольных помещениях стены несколько отклоняются от вертикали наружу. Впрочем, так было не всегда — в центральном помещении буддийского монастыря Калаи-Кафирниган стены центрального помещения, квадратного в плане, имели наклон внутрь.

Стены Аджина-Тепа были оштукатурены саманной штукатуркой иногда многократно, в результате общая толщина штукатурки достигала 10–15 см, иногда — 20 см (помещение XVIII). Над пахсовыми (или кирпично-пахсовыми) стенами в коридорообразных помещениях было положено несколько рядов горизонтальной кирпичной кладки (сырцовый кирпич размером 50 × 25 × 10/12 см). На эту ленту горизонтальной кладки, состоящую из пяти-семи рядов кирпича, положенного в перевязку, поставлен свод. Иногда здесь можно наблюдать расclinку кирпичей полочки (например, в помещении XVIII), в результате чего облегчается переход к своду — пяточный кирпич его уже не горизонтальный, а наклонный. Для того чтобы сократить пролет, каждый вышележащий слой кирпичной кладки выступает над предыдущим. Общее «нависание» достигает 9–12 см с каждой стороны (такой способ сокращения пролета свода чрезвычайно распространен в среднеазиатском зодчестве VI–VII вв.)¹⁰¹.

Выше начинается свод, выложенный способом наклонных отрезков. Сам свод лучше всего сохранился в помещениях VI и XXI. Свод помещения VI (рис. 26) выложен из трапециевидного кирпича. Продольная сторона этого кирпича — 50 см, торцовые стороны — длинная 28–29 см, короткая 21–22 см. Свод опирается на северо-западную щипцовую стену. Примыкание осуществлено постепенным наращиванием отрезков дуги. Первый отрезок состоит из двух, второй из трех, третий из пяти кирпичей. Полный отрезок был пятым или шестым. Устройство самого свода хорошо прослеживается в юго-восточной трети помещения. Трапециевидные кирпичи положены в своде так, что они обращены внутрь помещения то широкой, то узкой торцовой стороной. Кладка велась таким образом, что каждая пара смежных трапециевидных кирпичей образовывала прямоугольный блок. На этом участке свод обмазан двойным слоем глиняной штукатурки общей толщиной в 3,5–4 см (внутренний слой — коричневый, внешний — зеленоватый, снаружи — закопченный).

По вопросу о примыкании свода к противоположному, юго-восточному, щипцу можно отметить следующее. Щипцовая стенка здесь сохранилась на незначительную высоту, ненамного превышающую основание свода, поэтому можно судить лишь о нижней части этого сопряжения. Не доходя около 2 м до торца, полочка резко, уступами, опускается (почти на полметра), вместе с тем ее вынос внутрь помещения значительно увеличивается, так что пролет сокращается. На расстоянии около 1,5 м

¹⁰¹ См.: Шишкин В. А. Варахша. М., 1963. С. 92; Нильсен В. И. Указ. соч. С. 248.

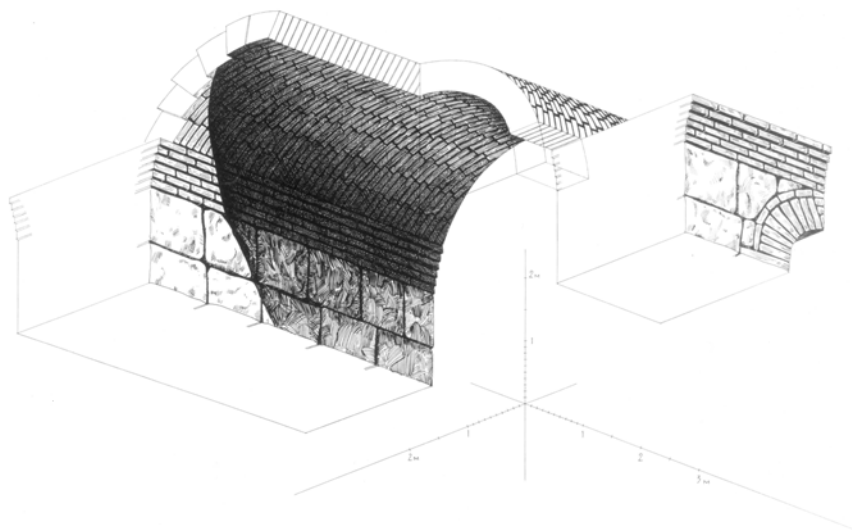

Рис. 26. Аджина-тепа. Свод в помещении VI, реконструкция

от щипцовой стены наклон отрезков начинает резко уменьшаться, причем у самой торцевой стенки он становится минимальным, приближаясь к вертикали. Нижняя часть последнего отрезка «впущена» в плоскость щипцовой стенки. При минимальном наклоне вершина этого отрезка должна была отклоняться от вертикальной плоскости сравнительно незначительно. Однако щель должна была образовываться. Верхняя часть торца, как показывает помещение XVII выкладывалась с таким нависанием, чтобы закрыть эту щель, — такой прием обычно применялся в среднеазиатских памятниках VI–VIII вв. Не исключено, однако, что в некоторых случаях вводили дополнительные (неполные) дуги отрезков (так было, например, на Кафыр-кале).

Свод в помещении XXI (рис. 27) устроен иначе. Он сложен почти исключительно из обычного прямоугольного кирпича, изредка пускался в дело и трапециевидный ($50 \times 20 \times 5$ см) или треугольный. В замковой части, где был применен прямоугольный кирпич, для расклиню верхних частей в очень широкие швы были вставлены крупные куски кирпича. По-видимому, с деформацией, а не с первоначальной формой связан вертикальный изгиб отрезков свода. Само по себе перекрытие коридорообразных помещений являлось, при их относительно больших пролетах (до 3,4 м), довольно сложным делом, требовавшим от строителя большого мастерства и умения. Еще более сложные проблемы возникали перед ним при устройстве перекрытия над Г-образными помещениями.

В Средней Азии, по данным В. Л. Ворониной, в постройках рассматриваемой эпохи применялись несколько вариантов поворотов. Более примитивное решение применено в Ак-Тепе, где «поворот галереи срезан, ширина ее значительно уменьшена и углы закруглены»¹⁰². Одновременно применялся и другой прием: устройство трюма на выходящем углу, пересечение оболочек свода «в елочку» и др.

¹⁰² Воронина В. Д. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. М., 1953. Вып. 3. С. 20–21.

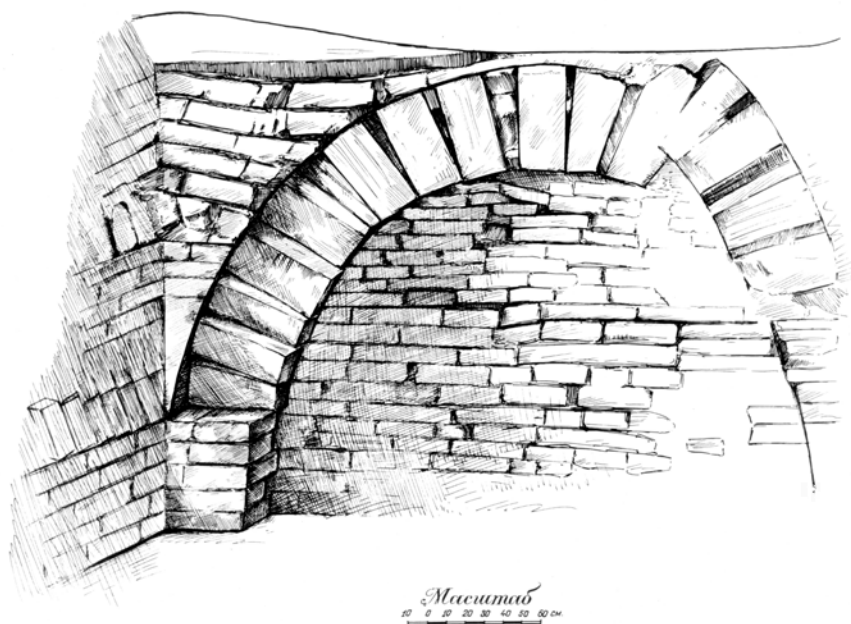

Рис. 27. Аджина-тепа. Свод в помещении XXI

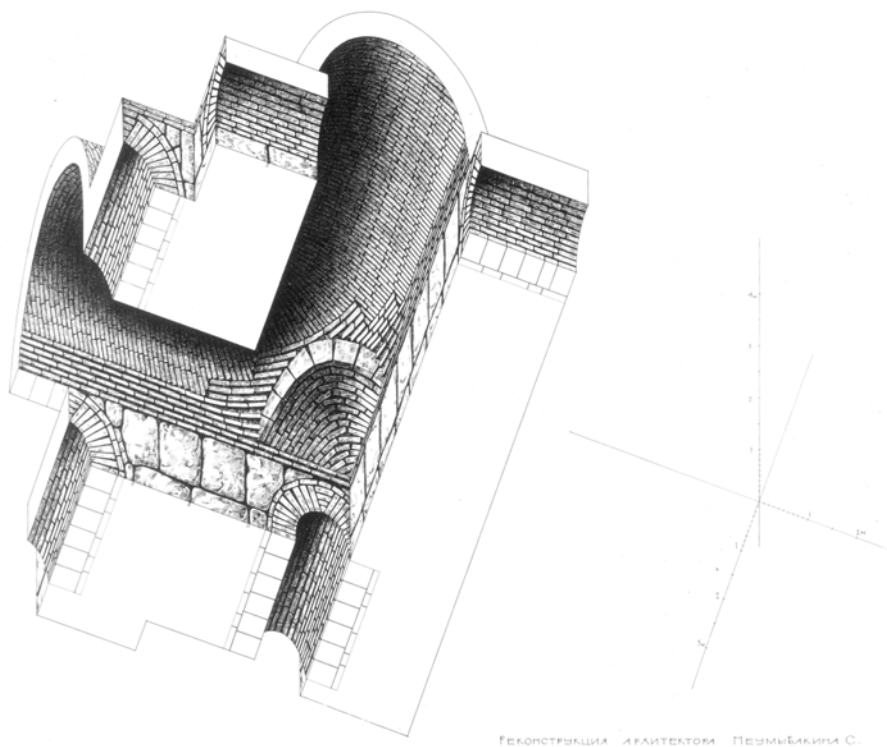
Как же был осуществлен этот поворот на Аджина-Тепе? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нами была тщательно расчищена кирпичная кладка полочек и сводов не только со стороны помещений III и V, но и сверху, так сказать, «в плане». Наши наблюдения и соображения можно суммировать следующим образом:

1. На выходящем углу располагался тропп. Сохранилась лишь та его часть, которая находится на юго-восточной стене помещения III, точно над проемом, ведущим в комнату VIII. Над аркой проема здесь два ряда горизонтальной кирпичной кладки. На них пять—семь вписанных друг в друга концентрических арочек. Внутренняя арочка состоит из трех кирпичей, начиная от нее наружу крылья арок становятся все более пологими. Кирпичи, образующие арки, положены тычком, что давало возможность большого выступления за плоскость стены. Длина троппа около 1,25–1,3 м, высота — 0,75–0,9 м.

2. На хорошо сохранившейся стене помещения III основание свода на расстоянии 1,1 м от троппа исчезает. Пространство между сводом и троппом заполнено несколькими рядами горизонтальной кладки, положенной с нависанием, причем, судя по сохранившимся остаткам, свод, по-видимому, здесь имел «ступенчатый» характер, наднимаясь на тропп.

3. При расчистке кирпичей свода сбоку и в плане выяснилось, что последние отрезки свода близ троппа, там, где начинается горизонтальная кладка, положены не по нормали к стене, а под некоторым углом. Еще более убедительно это удалось проследить при параллельной расчистке сверху и сбоку сводов, покоящихся на входящем углу. Сначала основания отрезков выложены там по нормали к стенкам, по мере же приближения к углу кладка приобретает веерообразный характер.

Сопоставляя все эти наблюдения, можно предложить следующий вариант реконструкции свода. Соседние с троппом кирпичи горизонтальной кладки по мере

применить здесь ту же методику реконструкции. Однако именно здесь участок свода в помещении XXVIII, на расстоянии метра от угловой колонки, оказался просевшим. Зачистка кирпичей просевшего свода показала, что их плоскости не перпендикулярны стенам коридора, а отклоняются под углом 30–40° в сторону выходящего угла помещений XXVII/XXVIII. Кроме того, именно в коридоре XXVII отмечено сокращение ширины коридора и соответственно пролета от торца к углу на 10–15 см.

Иначе был осуществлен поворот свода в помещении XVI/XVII, где кладка свода осуществлялась одновременно от двух шипцовых стен коленчатого помещения, оба отрезка свода имели наклон в противоположные стороны, и близ поворота (еще в пом. XVI) должен был осуществляться их стык.

Высота стен сводчатых помещений (вместе с полочкой) — 3–3,1 м, высота до шельги свода — около 5 м. Многие небольшие квадратные помещения, в том числе кельи монастырской части и целлы храмовой половины, имевшие сторону от 3 до 4,5 м, были перекрыты куполами.

Так, в помещениях VII и VIII стена состояла из трех рядов пахсовых блоков. Над ними идет полочка из трех-четырёх рядов горизонтально положенного кирпича. В углах были небольшие кирпичные тромпы. Лучшее сохранился троп в северном углу помещения VIII. По каждой из стен троп занимает 0,85 м. В центре несколько горизонтальных кирпичей, на них опирались три вписанные друг в друга арочки. На уровне этих арок начинается кладка свода горизонтальными кольцами кирпича (возможно, кирпича и пахсы). Сами купола на Аджина-Тепе сколько-либо в полном виде не сохранились. Лишь в келье XV удалось расчистить сохранившийся большой участок купольного перекрытия — основание купола на участке 1,7 м в ширину и 0,85 м в высоту. Изнутри купол был покрыт саманной штукатуркой (толщина 0,02 м). Оболочка купола была сложена из одного ряда кирпича, положенного тычком, веером, с небольшим наклоном к горизонтали. В нижних венцах кирпичная кладка, видимо, была целиком запущена в толщу стены и опиралась на полочку-карниз из двух рядов кирпича; выше кладка каждого яруса выступала над нижним с увеличивающимся наклоном по отношению к горизонтали. Полностью сохранившийся купол над квадратным помещением такого же размера, как келья Аджина-Тепа, имеется в угловой башне (3,6 × 3,5 м) Кафыр-Калы в Колхозабаде (рис. 29). Эта башня почти синхронна Аджина-Тепе и расположена сравнительно недалеко, ее конструкция и облик важны для восстановления куполов Аджина-Тепе. На Кафыр-Кале известно и круглое в плане купольное помещение, в конструкциях которого сочетаются принципы ложного купола (в основании) и истинного купола (в верхней части).

Калаи-Кафирниган позволил выяснить конструктивные особенности нескольких вариантов куполов, некоторые из них явно однотипны аджина-тепинским (рис. 30).

Между сводами параллельных коридоров, между сводом коридора и куполами келий располагались сводчатые карликовые коридорообразные галереи, образовавшиеся как бы второй, верхний ярус. Эти галереи располагались также вдоль внешнего края сводов наружных помещений. Пяты сводов галерей около метра, пролет — 1,20–1,40 м. Кладка велась из трапециевидного, реже — обычного кирпича.

Образовавшиеся между внешним обводом основных сводов и сводиков галереи пазухи заполнялись рыхлой землей, кирпичами, иногда — кирпичной кладкой. Выше делалась обычно двухслойная глиняная промазка, над которой шел ряд сырцового кирпича, над ним толстый выравнивающий слой глины.

Что касается пространства между соседними куполами, то оно иногда закладывалось рядами сырцового кирпича или же комьями пахсы, положенными так,

чтобы между ними были пустоты — для уменьшения статической нагрузки на купола и стены. Вместе с тем, в ряде случаев между двумя соседними купольными помещениями сооружались небольшие поперечные разгрузочные сводики, перпендикулярные идущим вдоль стен коридоров вышеописанным продольным разгрузочным сводом. Поперечные разгрузочные сводики и продольные сооружались на разных уровнях и взаимно не пересекались. Дело в том, что кладка купольных перекрытий в кельях начиналась значительно ниже свода в обводных коленчатых коридорах. В кладке свода поперечных коридорчиков были свои особенности. Так, в одном случае ширина поперечного коридорчика у стены коленчатого коридора 1 м, в замыкающей части он сужается до 0,72 м, высота же сохраняется одинаковой — 1 м. Сам сводик сложен в широкой части с помощью наклонных отрезков, в суженной же части эта кладка заменяется комбинированной: дугу сво-

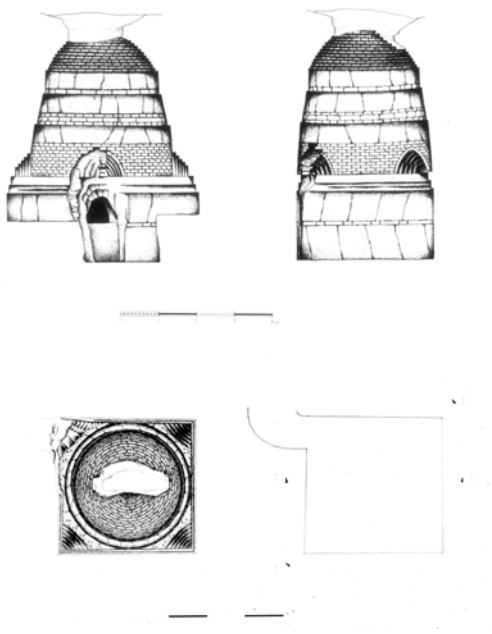

Рис. 29. Кафыр-кала. Купольное перекрытие угловой башни

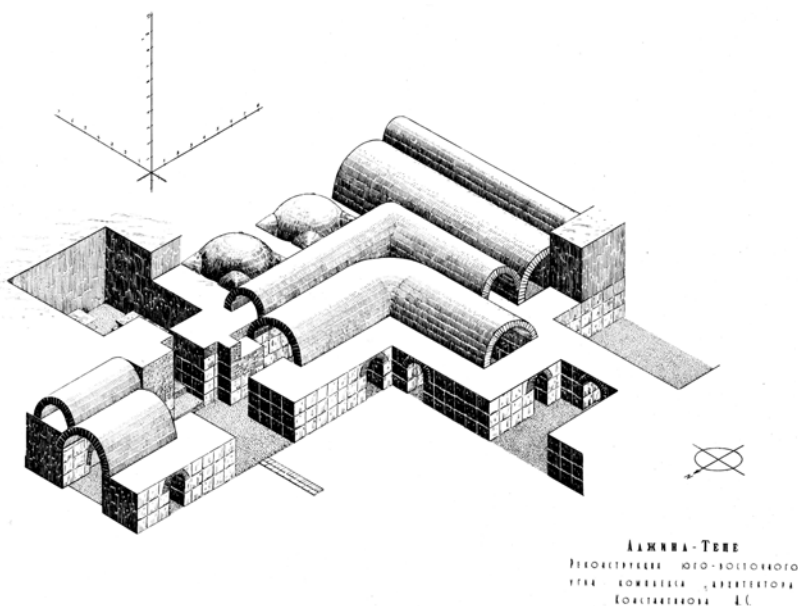

Рис. 30. Аджина-тепа. Реконструкция системы сводов и куполов южного угла здания (до заполнения пазух)

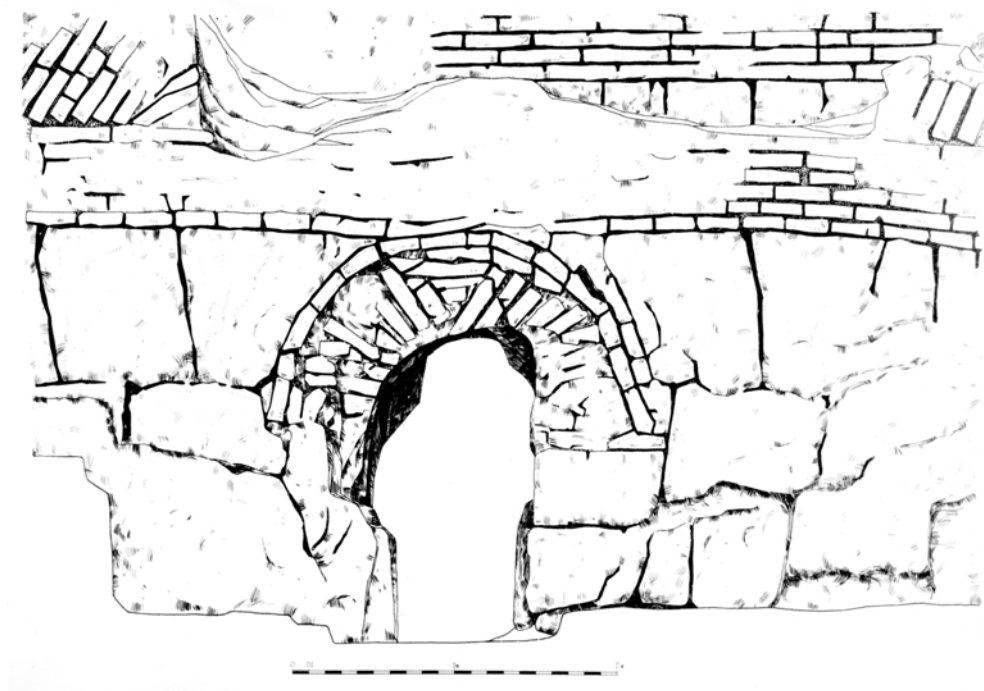

Рис. 31. Аджина-тепа. Арочный проем из коридора III в келью VII

да составляли положенные с обеих сторон горизонтально кирпичи с напуском (по три кирпича с каждой стороны), а замковая часть выкладывалась из кирпичей, положенных плашмя в два ряда с перевязкой между собой.

Помещения связывались друг с другом арочными проходами, арочными же являлись проемы, открывавшиеся во двор (рис. 31). Как правило, проем располагался посередине стены, реже — в углу. В этом случае одна ветвь арки впускалась во врубленное внутри стены пространство. У арок, расположенных внутри помещения, пяты, как правило, находятся на одинаковом уровне. На пахсовый блок кладется нижний — пяточный кирпич, который является горизонтальным. Кирпичи лежат ложком по радиусам кривизны. Кривая образуется за счет треугольных швов, очень часто между первыми кирпичами помещается кирпичный клин. Замок обычно выполнен «в елочку», иногда в центре помещается клинчатый кирпич. Есть еще несколько вариантов: 1) треугольник замкового клина, образованный касающимися крайними верхними кирпичами ветвей арки, заполнен уменьшающимися (тремя или четырьмя) кусками кирпича, положенными параллельно одному из крайних кирпичей; 2) этот треугольник заполнен горизонтальными кусками кирпича (двумя или тремя).

Снаружи архивольт обведен одним-двумя рядами плашмя (ложком, очень редко — тычком) положенных кирпичей, иногда около замка — в три ряда. Впрочем, встречаются и арки, где этого обвода нет или же он существует лишь частично в верхней половине архивольта, а в нижней вплотную к архивольту подходит косо или фигурно срезанный блок пахсы. Пролет этих арочных проемов чаще всего 1,1–1,2 м, иногда достигает 1,5 м.

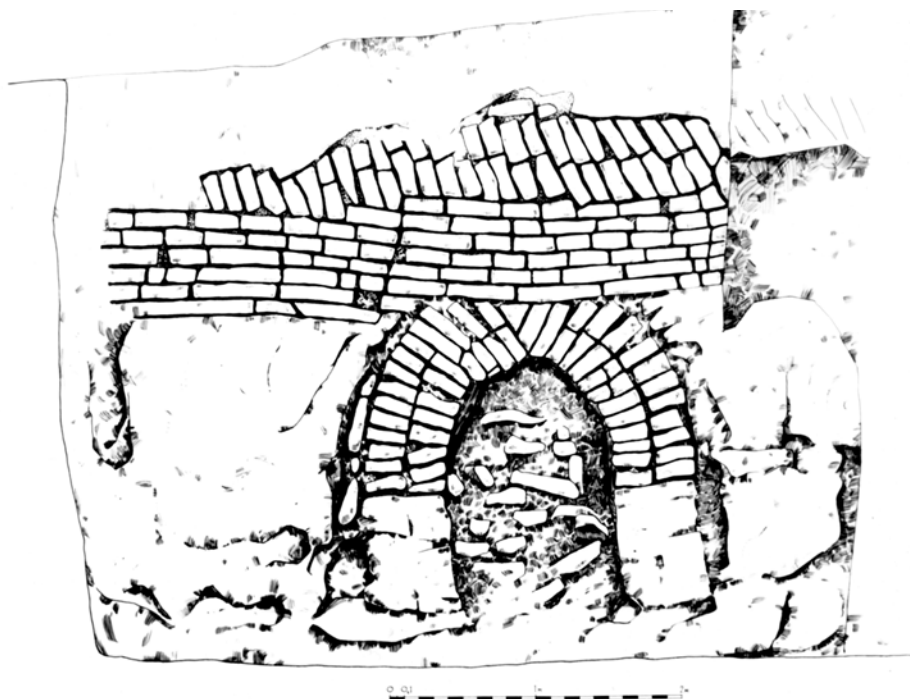

Рис. 32. Аджина-тепа. Арка из коридора XVII во двор

Особый случай — арки проходов двухчастных помещений, ведущие из вестибюля в целлу. Это наиболее крупные арки из числа примененных в комплексе. При их возведении строитель сталкивался с наибольшими трудностями, ибо пролеты их были весьма значительны. Лучше, хотя и не полностью, сохранились арки, ведущие из помещения XLI в XLII и из помещения XI в XII. Пролет первой из них равен 1,85 м. Высота пяты от пола 2,2 м. Арка клинчатая, замок выполнен из кирпичей, положенных «в елочку», имеется обвод из плашмя положенных кирпичей. Замок находится на уровне 3,4 м от пола. Самой большой была арка, перекрывавшая проход из помещения II. в помещение 1, от нее сохранились лишь несколько кирпичей у пят. Пролет был равен 2,2 м, высота пяты над полом 3,35 м, реконструируемая высота замка арки — около 4,5 м; она имела двойной обвод из плашмя положенных кирпичей.

Арками были также перекрыты ниши в коридорах храмовой части. Так, аркатура в помещении XXVII (рис. 32) была устроена следующим образом. Нижняя часть стен состояла из восьми рядов кирпича (высота кладки — 0,9 м). Основанием для арок служат поставленные на определенных интервалах спаренные или строенные по фронту блоки пахсы (высота блока — 0,8–0,9 м, длина 0,85–1,05 м). Интервал между блоками — это и есть ниша (ширина их 1,7–1,8, но иногда до 2,35 м). На блоки положены пяты арок, на них же опирается внешний обвод. Простенки между внешними контурами арок заполнены блоком пахсы фигурных очертаний: узким внизу, расширяющимся вверх и следующим контурам арок. Благодаря монолитности пахсы кронштейны-выступы этих блоков оказывали на арку незначительное давление,

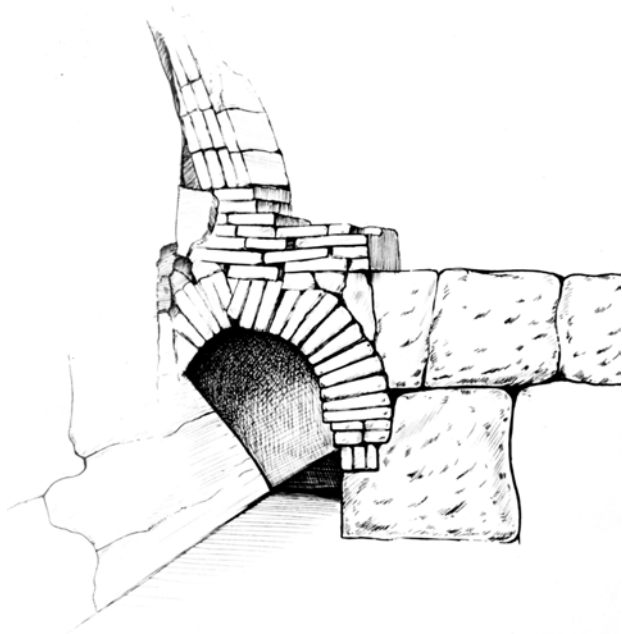

Рис. 33. Аджина-тепа.
Арочный проем из коридора V
в помещение VI

что, безусловно, способствовало сохранности арочных перекрытий ниш. Можно отметить несколько деталей. Кирпичи пяты арок (и, соответственно вышележащие) значительно (на 5–10 м) выступают над блоком пахсы.

Однако этот выступ сглаживался толстым (до 15 см) слоем штукатурки. У арок ниш помещения XXV кирпичи, образующие архивольт, утоплены в глубь стены, благодаря этому плашмя положенные кирпичи обвода как бы образуют рельефную рамку, в которую впи-

сана арка. Очертания арок различные: от стрельчатых¹⁰³ до почти полуциркульных. Однако наименее деформированные арки являются эллиптическими трехцентровыми (своды такой же формы). Специфическим является устройство угловых арочных проемов. Так, угловой арочный проем связывает помещение VI/IX с помещением V. Опишем вид его арки со стороны помещения VI/IX. Ширина проема — 1,2 м, высота — 1,82 м, стрелка — 0,84 м. Арка «ползучая», резко несимметричная: пята расположена внутри помещения на 30 см ниже, чем врезанная в шипец, замок арки резко сдвинут к шипцу (рис. 33). Блок пахсы, на который внутри помещения опирается правая пята, имеет двухступчатый вырез, нижний заполнен положенными тычком на ребро двумя кирпичами, на верхнем начинается кладка с расшивными швами. Над третьим кирпичом — клинчатый кирпич, благодаря которому смежные кирпичи сразу разводятся на 11 см. Замок образуют два кирпича, положенные «в елочку», пространство между ними заполнено треугольным замковым кирпичом (основание треугольника 10 см, высота — 13 см). Левый устой арки также вначале горизонтален, затем кирпичи разворачиваются по кривой. К правой ветви арки примыкает фигурно вырезанный блок пахсы.

Что касается освещения, то в двухчастных помещениях оно осуществлялось через вестибюльный айван. В коридорообразные помещения свет частично попадал через многочисленные дверные проемы. Кроме того, в торцовых стенках внешних коридоров (помещение VI/IX) устраивались специальные оконные проемы в виде высоко посаженной сквозной ниши с резко наклонным основанием, совершенно аналогичные тем, что имеются на Чиль-Худжре (Уструшана).

¹⁰³ Как известно, в преарабское время стрельчатые арки появляются и в других областях Средней Азии — от Чада до Северного Хорасана. См.: Путаенкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958 // Труды ЮТАКЭ. Т. VI. С. 184. О стрельчатых арках в сасанидском строительстве см.: Reuther O. Sāsānian architecture, a history // SPA. London; New York, 1938. Vol. 1. P. 512–513.

В Аджина-Тепе вытянутые прямоугольные помещения перекрыты сводами, выложенными наклонными отрезками¹⁰⁴ — прием, известный уже в античной Бактрии¹⁰⁵. Перефразируя известные слова О. Шуази¹⁰⁶, можно сказать, что своды наклонными отрезками нигде не были так распространены, как в Средней Азии: руины полны их остатков, повсюду своды, выполненные из сырцового кирпича и глиняного раствора, смело переброшенные над пространством, перекрывают раннесредневековые помещения или по крайней мере над поверхностью стен они сохранились как свидетели первоначальной конструкции и обнаруживают нам характер сводов, разрушенных временем. Однако эти своды отнюдь не являются стандартными. В Хорезме они выводились из специального трапециевидного кирпича, причем примыкание к исходной щипцовой стене осуществлялось путем постепенного наращивания наклонных частей дуги¹⁰⁷. В Чаче для выкладки сводов применялся обычный кирпич прямоугольного формата¹⁰⁸, но в некоторых случаях у вершины кривой он отесан до клинчатых очертаний¹⁰⁹. На Мунчак-Тепе своды выложены из такого же кирпича, что и стены¹¹⁰, аналогичную картину дают и шахристанские памятники¹¹¹, причем на Мунчак-Тепе отрезки у щипцовой стены наращиваются постепенно¹¹². На Афрасиабе зарегистрировано перекрытие помещения сводами, сложенными из подтесанного кирпича¹¹³, имевшего слегка клиновидную форму; в Пенджикенте же «у шельги впереву с прямоугольным шел в кладку и трапецеидальный кирпич», причем к исходной щипцовой стене здесь примыкает сразу полный отрезок свода¹¹⁴. Конструкция сводов VI–VIII вв. в памятниках Южного Туркменистана в интересующем нас отношении в литературе детального отражения не получила¹¹⁵. Таким образом, встречающиеся в Аджиуа-Тепе сочетания в сводах трапецеидальных кирпичей и примыкания свода к щипцовой стене наращиванием отрезков до сих пор не были отмечены не только в Тохаристане, но и ни в одной из других областей Средней Азии, кроме Хорезма.

¹⁰⁴ О процессе выкладки таких сводов в Средней Азии см.: Засыпкин Б. Н. Своды в архитектуре Узбекистана // Архитектурное наследство. М., 1961. Вып. 13. С. 147–148. Рис. 4.

¹⁰⁵ См.: Пугаченкова Г. А. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана (по раскопкам в Халчае) // СА. 1963. № 4. С. 77, 81–83.

¹⁰⁶ Шуази О. Строительное искусство древних римлян. М., 1938. С. 28.

¹⁰⁷ См.: Воронина В. Л. Строительная техника Древнего Хорезма // Труды ХАЭЭ. М., 1952. Т. 1. С. 94 сл.; Воронина В. Л. Древняя строительная техника. С. 18–19.

¹⁰⁸ См.: Нильсен В. А. Указ. соч. С. 250.

¹⁰⁹ См.: Воронина В. Л. Архитектура замка Ак-Тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. // ТИИА АН УзССР. Ташкент, 1948. Т. 1. С. 148.

¹¹⁰ См.: Воронина В. Л. Древняя строительная техника. С. 19.

¹¹¹ См.: Негматов Н. Н. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 г. // АРТ. V. 1957 год, Сталинабад, 1959 (Труды АН Тадж. ССР. Т. СШ). С. 104.

¹¹² См.: Воронина В. Л. Архитектурные памятники Древнего Пенджикента // МИА. 1953. № 37. С. 121–122.

¹¹³ См.: Шишкин В. А. Из археологических работ на Афрасиабе. (Раскопки В. Д. Вяткина в мае–июле 1925 г.) // Известия УзФАН СССР. 1940. № 12. С. 66. Рис. 4.

¹¹⁴ Воронина В. Л. Древняя строительная техника. С. 19. Рис. 18. См. также: Воронина В. Л. Архитектурные памятники Древнего Пенджикента // МИА. № 37. С. 121. «Трапецеидальный кирпич в небольших количествах наряду с обычным прямоугольным кирпичом применен в кладке согдийского здания под Кафыр-Калой» — см.: Нильсен В. И. Указ. соч. С. 250.

¹¹⁵ См.: Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана. С. 125; *ее же*. Своды в архитектуре Южного Туркменистана // Труды ЮТАКЭ. 1958. Т. VIII. С. 224–225. В памятниках сасанидского Ирана очень близкие среднеазиатским своды наклонными отрезками, по крайней мере в некоторых случаях, выкладывались путем постепенного наращивания отрезков у щипцовой стены. — См.: Reuther O. Sāsānian architecture. A history. P. 499–500. Fig. 129.

Еще более существенная особенность Аджина-Тепы — наличие сводчатых карликовых галерей, до сих пор не известных ни для одного из среднеазиатских памятников VI—VIII вв.¹¹⁶ Назначение их абсолютно ясно — это пазушно-разгрузочные своды. Дело в том, что пространство между смежными сводами и куполами должно было обязательно заполняться, иначе в эти пазухи попадала бы и застаивалась вода. Прием заполнения пазух комьями глины, кирпичом или пахсой, как это широко практиковалось в раннесредневековом строительстве Средней Азии, был в общем целесообразен, при его помощи, помимо прочего, достигалась большая жесткость конструкции¹¹⁷. Но нельзя не учитывать и другой стороны дела — давления забутовки на свод и его разрушительного эффекта. Как известно, это давление в нижних частях свода приближается к весу нависающей части забутованного объема, причем оно могло быть довольно значительным. Такое давление должно было приводить к деформации свода. Поэтому строители Аджина-Тепы стремились облегчить работу сводов, сделав большую часть пазушного пространства полым (оставшиеся при этом с двух сторон небольшие пазушные пространства заполнялись кирпичом или пахсой). Последствия устройства разгрузочных галерей для устойчивости сводчатых конструкций Аджина-Тепы, вопреки замыслам строителей, нередко оказывались отрицательными. Ветви сводов, на которые опирались пятки сводов разгрузочных галерей, иногда не выдерживали их давления. Однако это объясняется лишь отсутствием у строителей соответствующего опыта¹¹⁸. Открытие арочных пазушно-разгрузочных галерей существенно в том отношении, что дает дополнительные

¹¹⁶ Такого рода галереи отсутствуют в других, кроме Аджина-Тепы, памятниках Таджикистана. Как нам любезно сообщили Г. А. Путаченкова и В. И. Нильсен, нет их и в памятниках Узбекистана и Туркмении. Г. А. Путаченкова обратила в этой связи наше внимание на раннесасанидский дворец в Фирузабаде (см. его реконструкцию в кн.: Шуази О. История архитектуры. М., 1935. Т. 1. С. 129–130. Рис. 97). В 1966 г. Д. Хуфф детально исследовал верхний этаж Фирузабадского дворца. Основание этого этажа находится на высоте более метра над основанием купола. Купол центрального помещения с четырех сторон, боковых — с трех сторон охватывали сводчатые коридорообразные помещения. В центре стен, разделяющих смежные помещения, были маленькие купольные комнаты, членившие коридоры на отрезки и связанные с ними проходами. Кроме того, с ними были связаны и угловые сводчатые камеры. В стенах этих помещений второго этажа — недекорированные, явно утилитарные ниши. Эта система жилых помещений — частная резиденция царской семьи. Однако все это не было спецификой Фирузабадского дворца. Д. Хуфф пишет, что в тех случаях, когда сохранность это позволяет, можно в сооружениях сасанидской дворцовой архитектуры выявить наличие мелких групп помещений в зоне свода (купола) зала. Он указывает в этой связи помимо Фирузабадского дворца также на Калаи-Духтар у Фирузабада и Таки-Кисра в Ктешфоне. Кроме этих помещений, имелись примерно одинаковые по высоте сводчатые коридоры рядом с куполом — в большом дворце в Фирузабаде, а также в раннесредневековом Охейдире, которые служили для облегчения конструкции и для улучшения теплоизоляции, по мнению других исследователей — для вентиляции (*Huff D. Qal'a-ye Dukhtar bei Firuzabad. Ein Beitrag zur sasanidischen Palastarchitektur* // AMI. Berlin, 1971. N. F. Bd. IV; *Huff D. Survey and excavation in Qal'eh Dextar-Firuzabad: archaeological research and preparation before restoration* // *Proceedings of the IV-th annual symposium on archaeological research in Iran*. Tehran, 1976).

Нам представляется, что большие группы сводчатых помещений и ходов вместо аморфной очень тяжелой конструкции создавали целую систему более легких сводов, упруго гасящих часть распорного усилия. Позже, в Аджина-Тепе, связанные с куполами и сводами сводчатые коридоры полностью исчерпали свое жилое назначение, сохранилась лишь та часть их, что имела конструктивное назначение.

¹¹⁷ Известно, что в римских сводах по каркасу из кирпичей, уложенных плашмя, боковые части свода—каркаса надо было забутовать, иначе из-за недостаточной жесткости получался изгиб свода и его разрушение под влиянием собственного веса (см.: Шуази О. Строительное искусство древних римлян. С. 52. Рис. 28–29). Хотя и в значительно меньшей степени, однако этот фактор действовал и в сводах типа возведенных на Аджина-тепы.

¹¹⁸ Как указывалось выше, разгрузочные галереи устраивались не только между сводами смежных помещений, но и между сводами и куполами, а также вдоль внешнего фаса, где Дна ветвь сводика галереи

данные для решения вопроса о генезисе карликовых галерей некоторых средневековых памятников Средней Азии и Ирана. В трудах архитекторов сейчас обычно излагается теория, где эти карликовые галереи выводятся из обходных галерей доисламских культовых сооружений Средней Азии¹¹⁹. Слабое место этой гипотезы в том, что она предусматривает и вместе с тем не объясняет «вознесение» галереи на верх здания.

Другие исследователи убеждены, что верхние обходные галереи следует выводить из расположенных в верхней части жилых укрепленных замков боевых обходных галерей, трансформировавшихся в открытую аркаду в архитектуре крупных дворцовых зданий, у которых оборонные функции исчезли. В качестве основного довода используется изображение на Аниковском блюде. Эта гипотеза послужила даже основанием для архитектурных реконструкций¹²⁰. Следует отметить, что отнесение Аниковского блюда к периоду раннего средневековья уже вызывало сомнения в литературе, сейчас предложено датировать его X–XI вв. н. э.¹²¹ Мы считаем, что в выявлении генезиса рассматриваемой формы наличие верхних обходных галерей (боевых или разгрузочных, как на Аджина-Тепе) безусловно имеет определенное значение. Однако нетрудно видеть принципиальную грань между замкнутым объемом глухой сводчатой галереи, даже рассеченной узкими щелями бойниц, и открытой наружу аркадой средневековых зданий. О какой «трансформации» может идти речь? Ведь это совсем различные формы, единственное сходство между которыми то, что они проходят по периметру верхнего яруса здания. Боевые и разгрузочные галереи лишь документируют появление верхних обходных систем. Нам представляется, что решение этой проблемы следует искать в другом направлении. В трудах по истории среднеазиатской архитектуры не замечается или не принимается во внимание гипотеза Э. Дица¹²², предположительно выведившего средневековые галереи из аркад некоторых ступ. С. Г. Хмельницкий назвал эту гипотезу «формалистической»¹²³, но, собственно, почему? Рассмотрим эту проблему так, как мы ее понимаем. Аркады ступ Хадды и других областей чрезвычайно ясно показывают на возможный источник карликовых галерей средневековья — в этом Э. Диц, как нам кажется, совершенно прав. Такие галереи появляются в X в. в мавзолее Саманидов, а затем в X–XII вв. мы их видим в мавзолеях Мерва, Серахса, Мехне, Туса, то есть они вначале обнаруживаются на территории Средней Азии и Хорасана. По-видимому, возникновение этой формы нельзя отрывать от генезиса типа

опиралась на свод помещения, другая — на стену помещения VI/IX. В последнем случае не потребовалось никаких стен — контрфорсов — соответствующие стены помещения и его свод полностью сохранились.

¹¹⁹ См.: Ремпель Л. И. Мавзолей Исмаила Саманида // Академия архитектуры. М., 1936. № 5. С. 31–32; Воронина В. Л. К характеристике архитектуры Средней Азии эпохи Саманидов // Труды АН Тадж. ССР. 1954. Т. XXVII. С. 45; Нутаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана. С. 320–322; Нутаченкова Г. А. Мавзолей Араб-та (из истории архитектуры Мавераннахра IX–X вв.). Ташкент, 1963 (Искусство зодчих Узбекистана. Т. II). С. 68–74. Эта теория повторяется, без дополнительной аргументации, в других работах. Не представляется нам убедительной интересная «астрономическая» гипотеза М. С. Булатова. См.: Булатов М. С. К вопросу о генезисе архитектуры мавзолея Саманидов // Обществ. науки в Узбекистане. 1964. № 2. С. 39–45.

¹²⁰ См.: Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Указ. соч. С. 134–139. Табл. 11, а также: Нильсен В. А. Сельские постройки эпохи раннего феодализма в Узбекистане // Архитектурное наследство. М., 1964. Вып. 17. С. 181–184.

¹²¹ См.: Маршак Б. И. Аниковское блюдо // Сб.: Секция археологии Средней Азии (тезисы докладов). М., 1966 (АН СССР, Ин-т археологии, Пленум Ин-та археологии. 1966 г.). С. 23–24.

¹²² Diez E. Islamic architecture. The principles and types // SPA. London; New York, 1939. Vol. 11. P. 924.

¹²³ Негматов Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан (материальная культура Уструшаны. Вып. 1). Душанбе, 1966. С. 136.

среднеазиатского мавзолея и механически присоединять к нему формы, свойственные совсем другим типам архитектурных сооружений.

Проблема происхождения мавзолея оживленно дискутируется историками архитектуры, и в ней еще далеко не сказано последнее слово. Мы считаем, что существенное влияние на формирование среднеазиатско-хорасанского «мусульманского» мавзолея оказала афганистанско-среднеазиатская ступа. Семантика ступы и мавзолея хотя не идентичны, но близко родственны. Остановимся на этом подробнее. В каноническо-буддийском представлении ступа рассматривалась как памятник особого, наиболее благородного характера, посвящаемый особой группе смертных, которые заслуживали такое почитание. Это не обязательно было связано с религией, такие ступы могли посвящаться и «праведным» царям. Позже, особенно в народно-представлении, произошла эволюция. Ступа, в которую помещаются мощи Будды (dhatu), рассматривается как религиозный памятник, как символ присутствия Будды, который предполагается присутствующим в священном холме, осеняющим свои мощи¹²⁴.

С другой стороны, в буддизме был исключительно сильно распространен культ ступы. Первоначально он ограничивался ритуальным пожертвованием гирлянд цветов и курильниц — это называлось *cittopasada*. Позже культ ступы все больше приобретает самостоятельное значение; совершающий обход и поклонение ступе делает столь благочестивое дело, что последствия его будут сказываться вплоть до достижения нирваны. В это время почитание ступы включает не только перечисленные выше жертвования, но и церемонию обхода — *pradaksina*, почитание складыванием рук, жертвованием цветов, гирлянд, курильниц, одежд, одеял, шелковых и хлопчатобумажных материй, зажженных светильников, игрой на музыкальных инструментах, разбрызгиванием благовоний и особенно жертвованием *chatra* — зонтиков, служащих для увенчания ступы¹²⁵. *Pradaksina*, объясняется так: «совершать обход вокруг почитаемого объекта таким образом, чтобы он оставался справа»¹²⁶. Многие элементы вышеописанного церемониала сохранились в Средней Азии до современного времени и вошли как органическая часть в столь распространенный до недавнего времени культ мусульманских мазаров¹²⁷.

В свете всего вышесказанного перенос и включение (в видоизмененном виде) аркад ступа в архитектуру средневекового среднеазиатского мавзолея можно рассматривать как вполне закономерное явление. При этом следует предполагать, что галереи мавзолея Саманидов (как и архитектура этого сооружения в целом) — конечный результат сложного и длительного процесса¹²⁸.

¹²⁴ Разбор соответствующих гипотез о назначении и эволюции ступы — см.: *Foucher A. L'art gréco-bouddhique du Gandhāra*. I. Paris, 1905. P. 47–62; *Marshall J. Taxila*. Vol. 1. Cambridge. P. 232–233. Культ ступы начинается со времен Ашоки и необычайно возрастает к рубежу нашей эры. См. также: *Hirakawa A. The rise of Mahāyāna Buddhism and its relationship to the worship of stupas* // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library)*. Tokyo, 1963. N 22. P. 103; *Dutt S. Buddhist monks and monasteries of India. Their history and their contribution to Indian culture*. London, 1962. P. 108–109, 184–195 (указанием на последнюю книгу мы обязаны любезности Б. Я. Ставиского).

Другую литературу — см. прим.

¹²⁵ *Dutt S. Op. cit.* P. 184–186; *Hirakawa A. Op. cit.* P. 93.

¹²⁶ *Dutt S. Op. cit.* P. 187.

¹²⁷ *Сухарева О. И. Ислам в Узбекистане*. Ташкент, 1960; *Foucher A. Op. cit.* P. 58.

¹²⁸ Эти аркады могли в Средней Азии быть использованы и в функционально иных сооружениях, например, в храмах солнца, о которых мы располагаем прямыми упоминаниями в источниках. В зороастрийских представлениях о солнце, как они отразились в пехлевийском «Риваяте», на востоке и западе имели по 180 окон, из которых день за днем выглядывает солнце. Следует напомнить также, что в Центральной Азии были найдены среднеперсидские манихейские рукописи с фрагментами из «Книги Еноха» (вообще

Центрический характер одного из типов раннего среднеазиатско-хорасанского мавзолея также в значительной мере объясняется распространением в Афганистане и Средней Азии одинаково с четырех сторон оформленной ступы. К сожалению, мы не знаем, какой была верхняя часть аджина-тепинских ступ, но представления об аркадах имеем — по изображениям на оссуариях, а теперь по аркадам в коридорах храмовой части Аджина-Тепа¹²⁹.

Дополнительные аргументы принесли раскопки буддийских храмов на Калаи-Кафирнигане и Кафыр-кале. В одном из помещений калаи-кафирниганского храма представлена в абсолютно развитом виде система перехода от четвертика стен к куполу, состоящая из троппов на углах и ниш между ними. Этим устанавливается домусульманское происхождение этой системы¹³⁰, блестящее воплощение которой известно по мавзолею Саманидов. Колонны на углах калаи-кафирниганского храма огня (?) подтверждают генезис угловых колонн мавзолея Саманидов от таких угловых столбов, обнаруженных и на других домусульманских памятниках — Аджина-Тепа и Пенджикент (см. ниже).

Сооружения Калаи-Кафирнигана, как и буддийская кумирни на Кафыр-кале, демонстрируют строго центрическую композицию, что развеивает сомнения¹³¹ о наличии такого рода композиции в домусул манских культовых сооружениях.

Итак, материалы показывают, что все основные структурные элементы средневекового центрического мавзолея, как в части архитектурной композиции, так и конструкции и декорации, восходят к домусульманскому времени¹³².

Остановимся на одной важной архитектурно-конструктивной форме — на глиняных колоннах. В углах коридоров храмовой части комплекса имелись трехчетвертные колонны. Общая высота угловой колонны аджина-тепинского помещения XXIV/XXV — 3,60 м, первоначально она была, очевидно, несколько больше, так как капитель сверху срезана современной дневной поверхностью. Диаметр колонны у основания — 0,52 м, вверху — 0,25 м, то есть она суживается очень резко, в два раза. Фуст имеет ярко выраженный энтазис. Переход к капители оформлен в виде глу-

известной манихеем). В ней говорится: «И я увидел шесть “порталов”, в которых солнце поднималось, и шесть, в которых оно садится». Далее сообщается, что с этими «порталами» связано и движение луны и звезд, причем справа и слева от этих порталов находится несколько окон (*Bailey H. W. Zoroastrian problems in the ninth-century books. Oxford, 1943. P. 138–139.* Но вопреки М. С. Булатову, мы не считаем вероятным (реконструируемое на основании письменных источников) использование аркад в среднеазиатских храмах, связанных с культом звезд или небесных светил, исходным для применения аркад в мавзолеях. Здесь речь могла бы идти, скорее, о параллелизме.

¹²⁹ Следует, разумеется, иметь в виду и то, что средневековые карликовые галереи имели, как и аджина-тепинские, разгрузочные, также некоторое конструктивное значение, частично погашая распор купольной конструкции здания (*Засылкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948. С. 40; Прибыткова А. М. Памятники архитектуры XI века в Туркмении. М., 1955. С. 36; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана. С. 322.*

При рассмотрении вопроса о галереях, следует иметь в виду и особые случаи, например, аркаду второго яруса в Кухи-Ходжа второго коридора (по Э.Херцфельду — III в. н. э.) — *Herzfeld E. Iran in the ancient East. London; New York, 1941. P. 293. Pl. XCVI, XCVIII.*

¹³⁰ В литературе высказывалось мнение, что сначала возникают отдельно стоящие купольно-центрические сооружения, «арочные проемы на осях превращаются затем частью в ниши» (*Дугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965. С. 175*). Фактическое формирование шло параллельно. Оказалось ошибочным широко распространенное представление (*Rosenthal J., Schröder E. Squinches, pendants and stalactites // SPA. Tehran; London; New York, 1967, reprint. Vol. 111. P. 125,* что ниши между троппами были введены якобы в послесаманидское время.

¹³¹ *Дугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-Ага. С. 69.*

¹³² Детальнее — *Литвинский Б. А. Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса // В сб.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 65–70.*

бокого желобка. Сама капитель (в сохранившейся части) — граненоромбическая; каждая сторона ее имеет вид расширяющегося вверх неправильного ромба, с подрезанным основанием. Высота ромба 0,42 м, ширина внизу — 0,13,верху — 0,25 м. Не исключено, что это лишь нижняя половина капители. Угловые колонны в этом и других Г-образных помещениях Аджина-Тепа являются в полном смысле слова декоративными. Ствол и катар питель этих колонн врезаны в угол пахсовой стены¹³³, их боковые границы подчеркнуты глубокими и широкими желобками. Округлость фуста и капители достигнута накладыванием толстого слоя штукатурки, особенно у основания, в результате этого образовалось значительное выступление колонки за плоскость стены. Баз не было, основание фуста поставлено прямо на пол. Напомним в этой связи, что в Пенджикенте отмечено крепление входящего угла стен деревянным столбом круглого или квадратного сечения, иногда оформлявшимся в виде колонны. Пенджикентские угловые столбы, как считает В. Д. Воронина, — это «генетический прототип характерной детали монументального зодчества Средней Азии — оформленных в виде колонн башенок — «гулдаста», которыми украшаются выступающие углы здания»¹³⁴. Дальнейший шаг в развитии идеи гулдаста делают аджина-тепинские колонны — они лишены баз и выполнены из того же материала, что и стены, из пахсы.

Совершенно иной характер имеют трехчетвертные колонки от сохранившейся лишь в миниатюрной ступе с алебастровой облицовкой в северо-западном углу храмового двора.

Судя по фрагментам (наиболее крупный из них имеет высоту 22,8 см) колонки первого яруса имели в основании четырехгранно-усеченную базу, значительно суживающуюся вверх. Над ним посажен шаровидный элемент («яблоко»), отделенный снизу от базы, сверху от ствола поясками, причем верхний крупнее. Отдельно сформированный фуст (он отделен от пояска сквозной прорезью) четырехгранно-вытянуто-пирамидальный. На отдельных фрагментах боковые щеки не перпендикулярны фасадной плоскости, а под углом 110—120. Имеется фрагмент граненой вытянуто-колоколовидной капители. Поверхность колонки была окрашена, а затем подновлялась и ремонтировалась.

Второй ярус также был снабжен колонками. Здесь основание составляет двухступенчатый плинт (нижняя ступенька выше, чем верхняя). Над базой, без промежуточного «яблока», граненый ствол. Это уплощенная колонка или пилястр.

Третий ярус имеет пилястры. Основания пилястра — в виде двухступенчатого плинта (нижняя ступенька выше, чем верхняя) с незначительно скошенными (наклонными внутрь) боковыми гранями. Сужающийся вверх ствол образован двумя вогнутыми кривыми. Капитель — перевернутое вверх основание со скошенными боковыми гранями. Скошенность особенно сильна у нижней ступени, боковые стороны которой имеют также некоторую вогнутость.

Трехчетвертные колонки миниатюрной ступы помещения XXXI суммарно могут быть описаны следующим образом. Основание-база у них двухчастная. Нижняя часть блоковидная, сужающаяся кверху. При этом одна боковая грань (находящаяся на самом углу) почти вертикальная, другая (на внутренней стороне) имеет резкий скос с прогибом. Очевидно, следует думать, что не в модели, а в натуре обе грани были скошены совершенно симметрично. Вертикальность одной грани в данном

¹³³ В нижней части, где стена кирпичная, ствол колонны вылеплен из пахсы. Кладка же стены велась таким образом, что и здесь ствол отделен от плоскости стены вертикальным желобом.

¹³⁴ Воронина В. Л. Архитектура Древнего Дянджикента (итоги работ 1952—1953 гг.) // МИА. № 66. С. 213.

случае была продиктована необходимостью избежать нависания (напомним, что колонки поставлены в углах выступов). Над этим блоковидным основанием — отделенный от него скоцией широкий вал, затем вновь скоция. После этого в двух случаях узкий валик-шейка, затем выкружка и переход к стволу (валик-шейка присутствует не во всех случаях). Ствол четырехгранный, резко суживающийся вверх, с вогнутыми гранями. Он увенчан валиком, на котором покоится собственно капитель. Нижняя часть ее шаровидно или грушевидно-сегментированная или же колоколовидно-округлая (узкой частью обращена вниз). Верхняя часть капители в виде плоской квадратной или прямоугольной плиты абак. С одной стороны она сильно нависает над шаровидной частью (по-видимому, в натуре должно было иметь место нависание со всех сторон).

В завале был найден фрагмент верхней части колонки второго яруса. Капитель здесь состоит из двух, разделенных скоцией, валов: нижнего маленького и верхнего более крупного как по высоте, так и по диаметру. Над капителью — абак, несколько выступающая за ее плоскость. Здесь же, в завале, найдены уже упомянутые выше три маленькие антропоморфные капители. Они небольшие, округленной формы, окрашены в ярко-красный цвет, причем краска лежит на ганчевой основе. Ганчевый грунт довольно толстый и несколько сгладил первоначальный рельеф капители. На одной из них отчетливо прослеживается человеческое лицо с выступающим округлым подбородком, толстыми губами, обобщенно переданным ухом, глазной впадиной (левый глаз). Нос и правый глаз сбиты. Лицо окрашено в красный цвет, в западинах, окаймляющих голову, — синяя краска. На двух других капителях, несомненно того же типа, отдельные части прослеживаются хуже.

Являются ли вышеописанные колонки ступы продуктом фантазии скульптора или же они воспроизводят какие-то реальные прототипы? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к реальным колоннам раннесредневековых построек Средней Азии. На колхозабадской Кафыр-Кале, то есть в полусотне километров от Аджины-Тепы, углы ниши раскопанного помещения, датируемого VI–VII вв., были фланжированы трехчетвертными глиняными колонками со слегка утончающимся стволом (диаметр средней части — 26 см), опирающимся на шар (диаметром 32–25 см), который, в свою очередь, лежал на пирамидальной базе. Кафыр-Кала дала и другие образцы глиняных колонн, известны они и на Калаи-Кафирнигане¹³⁵. Таким образом, основание кафыркалинских колонн (капители у них не сохранились) однотипно или даже идентично аджина-тепинским. На пенджикентских колонках точно такое же двухчастное основание (с высокой пирамидальной частью) и колоколовидная капитель, отделенная от стены валиком¹³⁶. Можно привести и другие аналогии¹³⁷.

Важнейшей является реально найденная деревянная колонна из Калаи-Кафирниган со сложной блоковидной капителью, «яблоком» и круглым, декорированным стволом¹³⁸.

¹³⁵ См.: Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. С. 89. Рис. 4; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Указ. соч. С. 79–81.

¹³⁶ См.: Воронина В. Л. Архитектурные памятники Древнего Пянджикента // МИА. № 37. С. 125–126. Рис. 20; *ее же*. Городище Древнего Пянджикента как источник для истории зодчества // Архитектурное наследие. М., 1957. Вып. 8. С. 135. Рис. 4, 21.

¹³⁷ См.: Дутаченкова Г. А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // Труды ТИИА АН УзССР. 1950. Т. II. С. 23–33; Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии. С. 261–276.

¹³⁸ Litvinsky B. A. Kalai-Kafimigan. Problema in the religion and art of early mediaeval Tokharistan // EW. 1981. New series. Vol. 31. N 1–4. P. 41–42. Fig. 5.

Итак, бесспорно перед нами тип реально существовавшей в То-харистане колонны. Разумеется, по ней нельзя судить о пропорциях былых колонн: скульптор изобразил капитель и базу в более крупном масштабе, чем ствол, именно это позволило нам получить ясное представление об этих важнейших элементах одного из типов раннесредневековой колонны Тохаристана. И еще. Колонки подкупольной конструкции мавзолея Саманидов¹³⁹ являются непосредственным развитием формы, отраженной в аджина-тепинских колоннах.

На Аджина-Тепе обнаружены два вида пандусных подъемов (описание — см. выше, стр.). Один из них того же типа, что обычен в согдийской архитектуре, второй представляет своеобразный тип. Эти пандусы — «первые ласточки» в тохаристанской архитектуре. До сих пор был известен лишь лестничный подъем на второй этаж в замке Джумалак-тепе¹⁴⁰. Судя по всему, в Тохаристане пандусные подъемы использовались не часто — так, на Кафыр-Кале они не были обнаружены ни разу. Поэтому нет оснований останавливаться на их типологии.

Как уже упоминалось, планировка обеих частей Аджина-Тепе осуществлена по классической четырехайванно-дворовой схеме. Это неожиданно, более того, полностью противоречит утвердившимся в истории архитектуры Средней Азии (и Ирана) взглядам.

Известно, что в средневековых общественных постройках, особенно таких, как медресе, а также караван-сарай, мечети и др., четырехайванно-дворовая композиция была чрезвычайно широко распространена. Поэтому оправдан большой интерес исследователей к вопросу о ее генезисе. Вопрос о генезисе медресе — одного из важнейших типов монументального средневекового зодчества Востока — давно привлекает внимание историков архитектуры. Этот вопрос рассматривался ими в планировочном аспекте: как возникла и сложилась четырехайванная (по терминологии некоторых исследователей, менее удачной, — крестовидная) схема планировки этого типа сооружений. Этот вопрос возник в связи с изучением египетской архитектуры; каирские медресе имели именно такой план. Уже в 1886 г. Дэн-Пуль выдвинул предположение, что крестовидная планировка каирских медресе происходит из Сирии¹⁴¹. Несколько позже Ван-Бершем, детально проанализировав историю медресе, пришел к заключению, что происхождение этой планировки следует искать в Сирии, в Месопотамии или в «Халдее», то есть на территории сельджукского государства. В более поздней работе он высказал мнение, что сложение четырехайванной планировки происходило именно в Сирии, и выводил ее из некоторых византийских и сирийских христианских церквей. Он писал, что в этой планировке априори должны были быть сплавлены сирийские и персидские элементы, в качестве последних он признавал сводчатое перекрытие айванов¹⁴².

Затем историк архитектуры К. Кресуэл в 1919 г. изучил в этом направлении сирийские медресе и не нашел подтверждения ранее высказанным точкам зрения о сирийском происхождении крестовидной планировки. Отсюда он сделал парадоксальный вывод, странно звучащий в наше время, что «крестовидный план еги-

¹³⁹ См.: Воронина В. Л. Каменная колонна // Сб.: Труды Средне азиатского индустриального института, Строительный факультет. Ташкент, 1939. Вып. 4. С. 61. Фиг. 10; Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-Ата (Искусство архитектуры Узбекиаява IX–X вв.). Ташкент, 1963 (Искусство зодчих Узбекистана. Т. Д). С. 67. Рис. 36.

¹⁴⁰ Нильсен В. А. Становление... С. 143. Рис. 52.

¹⁴¹ См.: Crosswell R. A. C. The origin of the cruciform plan of Ca-irene madrasas // Bulletin de l'Institut Français d'ar chéologie orientale. Le Cairo, 1923. T. XXI. P. 4.

¹⁴² Berchem M. van. Hateriaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum. I. Egypte (Memoirs mission archéologie Eranse au Cair. Le Caire, 1896. P. 264–265. См. также его статью: Architecture // El. 1913. Vol. 1. P. 423.

петского происхождения и практически неизвестен вне Египта», и даже сумел, как он сам сообщает, убедить в своей правоте Ван-Бершема¹⁴³.

Импульс к правильному решению вопроса был дан трудами востоковеда — им был В. В. Бартольд. В своих исследованиях он неоднократно указывал на значение буддизма в истории культуры Средней Азии, на контакты между буддизмом и мусульманством, на то, что первые медресе появились в Средней Азии и что на их сложение оказали влияние буддийские монастыри¹⁴⁴. Рассматривая эту проблему, Э. Диц указал на роль, которую сыграли в медресе, с одной стороны, хорасанский айван, с другой — инд.-буддийский монастырь, но не дал развернутого изложения своей концепции¹⁴⁵. К сожалению, эта мысль, содержащая рациональное зерно, не была замечена специалистами по истории архитектуры.

В 1943 г., публикуя вторую часть своих исследований по архитектуре и эпиграфике Дамаска, замечательный историк и археолог Э. Херцфельд посвятил специальный экскурс происхождению четырехайванной композиции¹⁴⁶. Приведя большой, полученный во время его экспедиций в Иране материал, он четко показал, что не может быть и речи о сирийском или египетском происхождении: медресе сложилось на востоке мусульманского мира. Он считал, что создание медресе происходило во времена Низам аль-мулька, то есть в XI в. Четырехайванная композиция, как показал Э. Херцфельд, встречается в Иране в караван-сараях (в частности, он описывает караван-сарай сельджукского времени Зафарани между Нишапуром и Сабзаваром)¹⁴⁷, жилых домах и других постройках, указывает некоторые случаи домусульманских построек с айванами. Его заключение: «Фактически в Иране мало типов зданий, у которых не было бы двора с четырьмя айванами. Этот план имел прообразы уже в арша-кидский и сасанидский периоды и полностью развился в омеядское время. Короче, это — иранский план»¹⁴⁸. И затем он говорит, что, когда Низам аль-мульк приказал персидским архитекторам, которые уже строили айванные дома, караван-сарай и др. постройки, соорудить медресе, они возводили его, используя уже имевшиеся планировочные решения, а именно четырехайванную композицию. Потом медресе распространилось на запад, и в Сирии, по мнению Херцфельда, четвертый айван превратился в молитвенный зал¹⁴⁹.

Французский ученый А. Годар, которому наука обязана многочисленными исследованиями в области архитектуры, искусства и археологии Ирана и Афганистана, во многом принял и повторил концепцию Э. Херцфельда, вместе с тем несколько видоизменил ее и приблизил к позициям, которые утвердил в свое время В. В. Бартольд. Заслугой А. Годара следует считать историко-архитектурное обоснование идеи не просто об иранском, а именно о восточноиранском происхождении

¹⁴³ Creswell R. A. C. The origin. P. 43, 45 and p. 45, n. 2.

¹⁴⁴ Barthold W. Die persische ^u^ubija und die moderne Wissenschaft // ZA. 1912. Bd. 26. S. 259–266; Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 53–55. См. также: Бартольд В. В. Соч. М., 1963. Т. II. С. 225–227; Barthold W. Der iranische Buddhismus und sein Verhältnis zum Islamm // Orient Studies in honour of C. K. Pavry. London, 1933. P. 29–31.

¹⁴⁵ Diez E. Architecture des mosquées (masjid, III) // El. Leyden; Paris, 1936. P. 431. Впрочем, задолго до него А. Грюнведель писал о Восточном Туркестане: «Относительно зданий, которые расположены во всем крае, мы Сможем заметить, что в них применено распланирование по образцу сасанидских или даже парфянских дворцов, но примененное к богослужению или, точнее сказать, к легенде буддизма». — Грюнведель А. Краткие заметки о буддийском искусстве в Туркестане. СПб., 1908 (отд. отт. из ЗВОРАО. Т. XVIII). С. 2.

¹⁴⁶ Herzfeld E. Danascus: studies in architecture. II // Alsl. Ann Arbor, 1943. Vol. X. P. 13–30.

¹⁴⁷ Ibid. P. 22, 23. Fig. 2.

¹⁴⁸ Ibid. P. 28.

¹⁴⁹ Ibid. P. 29–30.

типа архитектуры четырехайванного медресе. Известно, что наиболее старые медресе в Египте датируются лишь концом XII в., тогда как на Востоке Ирана сохранились медресе по крайней мере на одно-два столетия более древние¹⁵⁰. В Бамиане были обследованы жилые дома с квадратным двором и четырьмя айванами. А. Годар высказал предположение, что такие дома были широко распространены во всем Хорасане. Он считает вероятным, что в X–XI вв. именно в таких домах хорасанские теологи-юристы вели преподавание. Когда же стали возводиться специальные медресе, то они стали воспроизводить план уже существующих домов¹⁵¹. Что же касается собственно айвана, то, вновь возвращаясь к проблеме сложения типа медресе, А. Годар писал, что вообще айван, как архитектурная форма, сложился в Хорасане, а затем распространился за его пределами. Вместе с парфянами в аршакидскую эпоху идея айвана перенесена на запад Ирана и в Месопотамию, затем эта идея воплотилась и в сасанидском строительстве¹⁵². Четырехайванная же композиция, по его мнению, также происходит из Восточного Ирана. Годар упоминает в этой связи дворец Лашкари Базар. Действительно, в этом афганистанском памятнике в центре дворца, построенного в XI (или даже X) в.¹⁵³, был четырехайванный двор. Медресе Низамийе в Харджирде, датированное 1087 г., н. э., имело квадратный двор, в который входили четыре глубоких одночастных айвана (полностью сохранился лишь один)¹⁵⁴. Для XII в. известны и караван-сарай четырехайванной композиции, например, Рабати Карим с одночастными айванами и Рабати Шараф (на дороге из Нишапура в Мерв) с четырьмя двухчастными айванами (открытый вестибюль и внутреннее купольное помещение)¹⁵⁵.

Свое заключение относительно возникновения и развития четырехайванной композиции А. Годар наглядно сформулировал в виде «генеалогической» схемы¹⁵⁶.

Г. А. Пугаченкова полностью согласилась с мнением Годара, что генезис этой композиции следует искать в традициях местной жилой архитектуры. Вместе с тем она справедливо предполагает, как в свое время уже сделал Э. Херцфельд, что схема таких построек уходит «в глубину античной поры», и утверждает, что формирование типов медресе, караван-сарая и мечети происходило, вопреки мнению Годара, одновременно¹⁵⁷.

Конечно, в построении А. Годара в свете имеющихся сейчас данных видны уязвимые места и прямые ошибки. Так, например, Хорасан отнюдь не был родиной айвана. После раскопок Аджина-Тепа существование ранее домыслы о времени сложения четырехайванно-дворовой композиции потребовали пересмотра: во вполне развитом виде это композиционно-планировочное решение существовало на юге Средней Азии, во всяком случае, в VI–VII вв. н. э., причем в культовой буддийской постройке. Параллельно с четырехайванно-дворовой композицией в Вахшской долине существовал и «камерный вариант» — он зафиксирован в здании, раскопанном одним из авторов на колхоза бадской Кафыр-Кале¹⁵⁸. Говоря о композиции

¹⁵⁰ Godard A. L'origine de la madrasa, de la mosquée et du caravan-sarail a quatre iwans // *Alsl.* 1951. Vol. XV–XVI. P. 2. Список древнейших египетских медресе, см.: Creswell K. A. S. The origin. P. 32.

¹⁵¹ Godard A. L'origine de la madrasa, de la mosquée et du caravan-serail a quatre Iwāns. P. 5–6. Fig. 5.

¹⁵² Godard A. L'art de L'Iran. Paris, 1962. P. 345–346.

¹⁵³ См.: Schlumberger D. Le palais ghaznevide de Lashkari Bazar. «Syria». 1952. T. XXIX.

¹⁵⁴ Godard A. L'art de l'Iran. P. 354–355. Fig. 223.

¹⁵⁵ Ibid. P. 362. Fig. 119–230.

¹⁵⁶ Godard A. L'origine de la madrasa, de la mosquée et du caravan-sarail a quatre Iwāns. P. 9.

¹⁵⁷ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана. С. 341.

¹⁵⁸ См.: Зеймаль Т. И. Работы Вахшской группы Хутталяского отряда в 1957 г. // АРТ. V. 1957 год. Сталинабад, 1959 (Труды АН Тадж. ССР. Т. СIII). С. 69–90. Рис. 4.

памятника, следует иметь в виду, что вся система помещений северо-западной части Аджина-Тепы бесспорно является «оградой» ступы, хотя она и мало напоминает классические ограды (*vedika*) ранних буддийских памятников Индии¹⁵⁹. В буддийском санскрите встречается термин *parayana*, то есть «часть построек вихары»; в санскритско-китайском лексиконе он расшифровывается как «двор, окруженный стенами». Термин этот попал в «тохарские» и тюркские буддийские тексты. Лингвисты подозревают, что он иранского происхождения и первоначально означал «ограда»¹⁶⁰.

Упомянутые выше ранние ограды вместе с тем заслуживают самого пристального внимания: мы полагаем, что они представляют один из исходных пунктов генезиса четырехайванной дворовой композиции. Наиболее ранние сохранившиеся в Индии ступы имеют столбчатую ограду с четырьмя воротами, расположенными по диаметрам. Эти ворота доминируют над оградой, являясь осевыми точками, выделяясь высотой и украшениями. Как известно, в кушанское время вокруг ступы вместо столбчатых «оград» появляются ограды в виде сплошной стены, возникают процессиональные обходные коридоры — *pradak-sina-patha*. Одним из ранних образцов является *jahat Singh stupa* в Сарнатхе (*samath*), где круглая в плане ступа была окружена круглым же коридором, имеющим, подобно оградкам ступы в Санчи и Бхархуте, четыре прохода по взаимно перпендикулярным осям¹⁶¹.

Идея айванного помещения уже задолго до этого разрабатывалась в архитектуре Ирана и Средней Азии¹⁶². Тип двухкамерного святилища с квадратной внутренней целлой-наосом и открытым во двор айванным вестибюлем-пронаосом имел на Востоке длительную историю и во вполне развитом виде представлен в парфянской культовой архитектуре, в том числе и на территории Гандхары (храм в Джандиале). В этом плане можно, в частности, также указать на Кухи-Ходжа первого периода (по Херцфельду — I в. н. э.) — интересный пример уже двухайванно-дворовой композиции, а хорезмийский Кадалы-Гыр демонстрирует пример четырехайванной композиции уже в ахеменидское время¹⁶³.

Устройство такого рода помещений распространено и в Индии. Это нашло отражение в «Винае». Там говорится, что святилища устраиваются с четырех сторон от ступы и что они украшаются изображениями¹⁶⁴. Представляется, что постепенно

¹⁵⁹ Govinda A. B. Some aspects of stupa symbolism. Sarnath (Benares), Calcutta, 1935 (The International Buddhist University Association, Bulletin. N 2. P. 4, 7. Впрочем, Этот термин иногда трактуют как «террасы ступы». — См.: Harakawa A. The rise of Mahâyna Buddhism and its relationship to the worship of stûpaa // MDTB. Tokyo, 1963. N 2. P. 92.

¹⁶⁰ Bailey H. W. Buddhist sanskrit // JRAS. 1955. April. P. 20.

¹⁶¹ См.: Marshall J. R., Konow S. Excavations at Sarnath 1908 // ARASI. 1907–1908, Calcutta, 1911. P. 64–65. Pis. XI, XVIII. В этом отношении интересна и Dharmarajikâ stûpa в Таксиле — см.: Marshall J. Taxila. Vol. 1. P. 234–241; vol. 111. Pl. 45.

Как пишет А. Г. Лонгхурст, в Большой ступе Ngârjunikonda тропа для процессий, обходящих ступу, была оформлена стеной, окружающей ступу, которая заняла место прежней столбчатой ограды — см.: /Longhurst A. H. / Excavations at Nagârjunikonda // Annual bibliography of Indian archaeology for the year 1930. Leiden, 1932. P. 1.

¹⁶² Материал по этому вопросу собран в указанных выше работах В. Л. Ворониной, В. И. Нильсена, Г. Л. Пугаченковой и др. См. также: Ghirshmen R. Iran. Parthians and Sassanians, Thames; Hudson, 1962. P. 36, 125, 139–140, 181; Reuther O. Sâsâhian architecture. P. 534–536.

¹⁶³ Hopkins G. Ihr Parthian temple // Berytes. 1942. VII/1. Pl. 2–4; Marshall J. Taxila. Vol. 1. P. 222–224. Vol. 111. Pl. 44/a. Herzfeld E. Iran in the ancient East. P. 292. Pl. XCVIII.

¹⁶⁴ Уже в гандхарское время появляются ступы, украшенные рядами будд, а также ступа с нишами для скульптурных изображений будд. — См.: Frajnz H. G. Der Stûpa mit Kultische // Artibu Asiae. 1960. Vol. XXIII/3–4. P. 239–253.

проходы обходного коридора, которым с самого начала еще в древнейших оградах придавалось особо важное значение, на севере, то есть в Афганистане и Средней Азии, стали закрепляться не воротами-торана, а с помощью айванных помещений. Так, переплетение двух традиций — индийской и среднеазиатско-хорасанской — привело к созданию четырехайван-но-дворовой композиции.

В качестве составной части в аджина-тепинскую ограду входят небольшие целлы — вместилища скульптур и миниатюрных ступ.

Появление рядом друг с другом камер-святилищ, одни из которых содержат миниатюрную ступу, другие — скульптуры, отражает победу компромиссного решения вопроса о том, что должно олицетворять Будду. Как известно, в истории буддизма существовало течение, сторонники которого верили, что чайтья (caitya) Будды может быть лишь что-либо символическое, например ступа, и монастырское святилище со ступой называлось caitya-ghara. Другие же считали, что памятником может быть изображение — prathima святилище с изображением Будды называлось Buddhaghara. В монастырях Нагарджунаконда уже в III в. встречаются расположенные рядом святилища типа caitya-ghara и Buddha-ghara. Многочисленными изображениями украшаются сами ступы. Монахи Аджина-Тепы, как явствует из наших раскопок, отнюдь не относились к лагерю «консерваторов». Следует отметить, что со II—III вв. н. э. в Северо-Западной Индии появляются квадратные или полигональные ограды, состоящие из целл со скульптурами. Этот прием, но уже не самостоятельно, а в качестве дополняющего коридорно-айванную систему применен и на Аджина-Тепе.

В самой Индии развитие этой схемы шло отличным путем, не в некоторых отношениях не без сильного параллелизма (может быть, влияния?) со среднеазиатской архитектурной школой — имея в виду индуистскую и буддийскую религиозную архитектуру¹⁶⁵. Он напоминает нашу систему, причем в некоторых случаях имеет айваны. Очень любопытны в этом плане святилища некоторых буддийских сооружений в Индии¹⁶⁶. Они имеют вид квадратных целл с очень коротким вестибюлем, отделенным от целлы пилонами, то есть айванные помещения того же типа, что аджина-тепинские. Вполне выработанное двухкамерное айванное святилище в буддийской архитектуре встречается в Хадде, в комплексе Багх-Гаи. Здесь центральную часть вихары В.56 занимает двухчастное помещение. Квадратная целла (3,2 × 3,2 м) двумя пилонами отделяется от глубокого (2,8 м), и узкого (1,8 м) айванного помещения, открытого наружу. В центре целлы — ступа. Стены святилища снаружи и внутри украшены пилястрами, арками, скульптурой и живописью¹⁶⁷.

Перейдем к вопросу о двухчастной схеме Аджина-Тепы — характерной особенности его архитектурно-планировочного облика. Двухчастная схема может восходить к типу монастырского святилища, чрезвычайно ярко выраженному в Тахти-Бахи (или Бахти-Бахаи) в области Гандхары, примерно в 45 км к северо-востоку от Пешавера¹⁶⁸ (около II в. н. э.). Ядро сооружения состоит из расположенных на одной оси двух прямоугольников, но не соприкасающихся, а разделенных промежутком. На юге, в центре прямоугольного двора, располагается ступа. По трем сторонам

¹⁶⁵ Coomaraswamy A. K. History of Indian and Indonesian art. London; New York, 1927. P. 78—80; Brown P. Indian architecture (Buddhist and Hindu periods). Bombay, 1959. IV ed. P. 47—48, 62—63; Kramrish S. Indische Kunst. Traditionen in Sculptur, Malerei und Architectur. Köln, 1956. S.16—17; Rowland B. The art and architecture of India (Buddhist, Hindu, Jain), Penguin books, 1959. P. 123—124. Fig. 16.

¹⁶⁶ Daya Ram Sahni, Sāhōth // ARASI. 1907—1908. Calcutta, 1911. Pis. XXXIV, XXXVI.

¹⁶⁷ Barthoux J. Les fouilles de Hadda. I. Stupas et sitea. Parie, 1933 (MDAFA. Vol. IV). P. 160—167. Fig. 140.

¹⁶⁸ О местоположении и вариантах названия см.: Cunningham A. Report for the year 1872—1873, Calcutta, 1875 (Archaeological Survey of India. Vol. V). P. 24, 35.

двора чередуются ниши и маленькие, открытые во двор, камеры, где помещались votивные ступы и ниши со скульптурами Будды. Северная стена гладкая, в ней проход в промежуточную часть, где также были святилища. Севернее — второй прямоугольник (собственно, квадрат со стороной 19 м), двор, с трех сторон окруженный кельями (это собственно монастырь). Каннингэм на основании сообщения Сюань Цзяна предположил, что они были двухэтажными и что в монастыре проживало 34—38 монахов. Стены гладкие и не украшенные. За пределами этого двора находились зал для собраний и служебные помещения¹⁶⁹.

Разумеется, это лишь исходная точка для развития несравненно более компактной и во многом иной композиции, известной по Аджи-на-Тепе. Следующий шаг в развитии этой схемы представлен, как мы считаем, монастырем Багх-Гаи в Хадде. Он расположен ближе к Бакт-рии-Тохаристану; хронологически он также является промежуточным между Тахти-Бахаи и Аджина-Тепе. Как известно, памятники Хадды суммарно датируются многими последователями III—V вв. н.э. (попытки более узкого определения возраста монастыря Багх-Гаи нам не известны).

В Багх-Гаи обе части монастыря вплотную сомкнулись. Он прямоугольный по внешнему контуру (82×40 м), незначительно меньше Аджина-Тепе. Характерно также точное совпадение ориентации этих двух сооружений. Внешние углы охвачены круглыми башнями. Вход в северную (монастырскую половину) — в северо-западном углу, с одной стороны он фланкирован дополнительной башней. По периметру почти квадратного двора имеются кельи (средний размер 2,60×3 м).

В середине юго-восточной стороны вход в южную половину, в центре которой большая ступа, подъем на нее осуществлялся с юга. Вдоль стен подквадратного двора этой части сооружения располагались ниши, в которых находились статуи, а также две целлы с миниатюрными ступами — они образовывали ограду главной ступы. Вокруг главной ступы находилось множество миниатюрных. В середине юго-юго-восточной стены комплекса, напротив подъема на ступу, был еще один вход снаружи (кроме указанного выше входа в северо-западном углу)¹⁷⁰. Следует напомнить, что в Аджина-Тепе монастырская часть является южной, тогда как в Тахти-Бахаи и Багх-Гаи — северной.

Чрезвычайно близка монастырю в Багх-Гаи сангхарама в Санг-Хао (Sanghao), состоящая из двора с кельями и непосредственно примыкающего к нему меньшего по размерам двора, в центре которого — ступа. Подъем на ступу находится со стороны прохода, соединяющего дворы. Размеры около 77×35 м¹⁷¹. Такие памятники существовали и в левобережном Тохаристане. Следует указать на буддийский монастырь, обнаруженный в 1936 г. при ирригационных работах в окрестностях Кундуза и вскоре обследованный Акэном. Судя по рельефу, здесь было два квадратных двора. Один из них имеет 50 м в стороне, к нему с юго-востока примыкает второй, меньший по размерам, имеющий длину сторон 30 м — это, по мнению Акэна, маленькая sangharama. По периметру дворов шли помещения. В северном дворе, в середине, — большой холм, явно скрывающий ступу. Памятник раскопан очень незначительно — всего три помещения. Одно из них квадратное (3×3 м) с тропками в углах и рельефной полочкой, над которой начинается купол. В помещениях были ниши, частично покрытые алебастровой штукатуркой и разноцветной живописью,

¹⁶⁹ Cunningham A. Op. cit., P. 23—36. Pls. VI—X; Spooner D. S. Excavations at Takht-i-Bâhi // ARASI. 1907—1908. Calcutta, 1911. P. 132—148; Hargreaves H. Excavations at Takht-i-Bâhi // ARAS. 1910—1911. Calcutta, 1914. P. 33—39. Pls. XVII—XXII; Brown P. Op. cit., P. 33. Pl. XXXIII.

¹⁷⁰ Bartoux J. Op. cit. I. P. 13—14, 144—146, et plan.

¹⁷¹ Foucher A. L'art greco-bouddhique du Gandhara. I. Paris, 1902. P. 159—160. Fig. 62 (данных о датировке не приводится).

которая присутствовала и на стенах. Здесь была собрана великолепная коллекция скульптуры. Датировка все еще неясна, но наиболее вероятны III—IV вв. н. э.¹⁷²

Таким образом к III—V вв.¹⁷³ здесь уже существовал комплекс с вихарой и сангхарамой¹⁷⁴. Другими словами, стены и ниши сохранили тот тип буддийского сооружения, который представлен в изученной нами Аджина-Тепе. В хотано-сакской легенде о Канишке (Kanaïska) в тексте VIII—X вв. Докапала сообщают пророчество Будды, согласно которому царь должен выстроить целую сангхараму вместе с огромной ступой¹⁷⁵. По-видимому, такой комплекс в то время был вполне обычным.

Итак, Аджина-Тепе являлась буддийским сооружением, объединявшим в себе функции ступы и вихары, то есть монастырем. Помещение XII, скорее всего, было залом для религиозных собраний монахов (upasthana-sala), который рассматривался как символ санхи/буддийской монашеской конгрегации¹⁷⁶. Несколько келий открыто на юго-восточном фасаде; при полном раскрытии памятника можно ожидать, что их число достигнет полутора десятков. Количество это очень незначительно. Однако оно не должно нас смущать. В Китае в период 317—420 гг. в среднем мона-

¹⁷² Hackin J. Fouilles du Kundup. L'art bouddhique de la Bactriane // MDAFA. Paris, 1950. T. VIII. P. 19—21. Fig. 48—62; Stern Ph. Avantpropos // MDAFA. T. VIII. P. XI. (См. также: Barger E., Wright Ph. Excavations in Svat and explorations of the Oxus territories of Afghanistan. A detailed report of the 1938 expedition, Delhi, 1941 (MASI. N 64). P. 44—45.

¹⁷³ Уже в переводах, выполненных Дхармаракшей (работал с 2666 по 309 г. н. э.), а затем Кумарадживой и Фа-Сянем, санскритом термин «ступа» иногда передается его китайским эквивалентом; в других случаях эти переводчики понимали «ступу» как комп. лекс, включающий собственно ступу, а также место обитания монахов, залы-святые и др. См.: Hiraoka A. Op. cit. P. 89—91. Впрочем, такое сочетание, быть может, появилось и раньше, как явствует из одного выражения в надписи кхароити на «Львиной капители» из Матхуры, кстати, говорящей о па. мятниках, связанных с учением сарвастивадов — школы, которая господствовала и в среднеазиатском буддизме («Ступа и сангхарамы» — см.: Konow S. Kharoahthi inscriptions with the exceptions of those Aboka. Calcutta, 1929 (Corpus inscriptionum Indicarum II/I. P. 49), и из надписи на реликварии из Shāh-jī-ki Dheri, датированной первым годом Канишки, и также «в согласии с учением сарвастивадов» (см.: Konow S. Op. cit. P. 137). О первоначальном значении терминов вихара (vihara) и сангхарамы (sangharama) и последующей эволюции вкладываемого в них содержания см.: Dutt S. Op. cit. P. 58—60, 64, 93—97; Marshall J. Taxila. Vol. 1. P. 232—233.

¹⁷⁴ Общие вопросы истории ступы и вихары, возникновение комбинации ступы и оихары, объединение их в сангхараме и развитие того типа, что описан выше, были рассмотрены А. Фуше, который назвал его sangharama dea collinea то есть «склеенная (составная. — Б. Л. и Т. З.) сангхарамы». Те сооружения, где обе части сомкнуты, он называет «простым типом», описывает и осложненные варианты (Foucher A. Op. cit. P. 158—177). См. также: Govinda A. B. Op. cit.; Przyluski J. The harmika and the origin of the Buddhist atupa // IHQ. XI. 1935. Coomaraswamy A. Symbolism of the dome // IRQ. XIV. 1938; Bareau A. La construction et le culte de l'atupa d'après les Vinayapitaka // BEFEO. Paris, 1952. T. L. Faac. 2; Benisti M. Étude sur le atupa de l'Inde ancienne // BBFO. Paris, 1960. T. L/1; Hiraoka A. Op. cit.; Irwin J. The atupa and coamic axia: the archaeological evidence // South Asian Archaeology. 1977. Vol. 11. Naples, 1979 (Istituto Universitario Orientale Seminario di Studi Asiatici. Seriea Minor, VI); The atupa: its religious, historical and architectural significance. Ed. by A. L. Dellapiccola in collab. with S. Zingel—A. Lallemand. Wiesbaden, 1960 (Beiträge zur Südasiens-Institut. Universität Heidelberg, Ed. 55).

О терминах для обозначения буддийских святых и их реальном значении — см.: Dutt S. Buddhist monks and monasteries of India. London, 1962. P. 58—65, 95—96, 203.

В одной из надписей на кхароити сообщается о «сангхараме Маха сены в вихаре Канишки» (H. B. Deb — in: Annual bibliography of Indian archaeology. Vol. XI for the year 1936. Leiden, 1938. P. 7—8.

Материалы последующих археологических работ позволяют уточнить и конкретизировать пути развития этого буддийского сооружения.

¹⁷⁵ Bailey H. W. Vāsa Samgrāma // AM. 1965. N. S. Vol. XI. Pt. 2. P. 108.

¹⁷⁶ О характере этого помещения и его функциях — основных и дополнительных — см.: Foucher A. Op. cit. P. 163; Dutt S. Op. cit. P. 60, 92; Marshall J. Taxila. Vol. 1. P. 233.

стыре было 13 монахов, в столичных монастырях в начале IV в. — по 20 монахов¹⁷⁷. Разумеется, существовали и более крупные монастыри (в Индии в начале VIII в. известны монастыри с 500—600 монахов)¹⁷⁸. В Тохаристане же, если исходить из данных Сюань¹⁷⁹ Цзяна, монастыри насчитывали от 30 до 100 монахов. По-видимому, Аджина-Тепа являлась монастырем с небольшим числом монахов.

Чрезвычайно существенно, что двухчастная четырехайванно-дворовая композиция пережила среднеазиатский буддизм, утратила свою культовую принадлежность, лишившись вместе с тем, естественно, и ступы, и воплотилась уже в караван-сараях XI—XII вв., остатки которых сохранились на пути из Мерва в Амударью: это Акча-Кала и другой, расположенный у средневековой «станции» Мансаф. Г.А. Пугаченкова отмечает, что подобной планировки нет ни в Мавераннахре, ни на Ближнем Востоке, и предполагает, что здесь произошло «удвоение» дворов¹⁸⁰. Как теперь ясно, эти расположенные на пути из Тохаристана в Мерв, караван-сарай на самом деле донесли до нас позднюю и трансформированную реплику планировочной схемы, существовавшей в Тохаристане уже за полтысячелетия до того. Что же касается одинарной четырехайванно-дворовой композиции, то она выступает в памятниках X—XII вв. в Северном Хорасане и получает дальнейшее развитие и распространение в последующие века. Один из ранних ее примеров в Мавераннахре¹⁸¹ — здание (мечеть?) X в. на цитадели Варахши, другой — комплекс XI в. в селении Саят в Шаартузском районе (Южный Таджикистан). О. Грабар высказал глубокое суждение о том, что вообще характерной чертой «мусульманского» искусства является «гибкость» в следующем смысле. Рабат и караван-сарай имеют одинаковый план, одинаковые декоративные элементы и техника применяются для совершенно различных целей. «В этих случаях различия в употреблении и назначении определяются не сооружениями, но деятельностью, имевшей место в каждом из них. Это доминирование человеческой жизни и социальных нужд также объясняет, почему едва ли не все типы исламских памятников были легко приспособлены для использования по различному назначению»¹⁸². Эта «гибкость» безусловно была характерной чертой и в процессе формирования «мусульманской» архитектуры, в том числе и в Средней Азии.

Одним из древнейших сохранившихся образцов средневекового воплощения четырехайванно-дворовой композиции является медресе Низамийе в Харджирде (конец XI в.). Случайность ли, что в числе первых культово-мусульманских зданий четырехайванной композиции есть медресе? По-видимому, нет. В. В. Бартольд уже давно высказал мысль о возможной связи между буддийским монастырем и мусульманским медресе. Он писал: «Высшие мусульманские духовные училища-медресе появились на восточной окраине халифата раньше, чем в его центральных и западных областях; очень вероятно, что ислам в этом отношении находился под влиянием буддизма и что родиной медресе были местности по обе стороны Аму-Дарьи,

¹⁷⁷ Zürcher E. The Buddhist conquest of China. The spread and adaptation of Buddhism in early medieval China. Leiden, 1959. Vol. 1. P. 255.

¹⁷⁸ Fuchs W. Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726 // SPAW, Jahrg. 1938. Philoaphischhistorische Klasse. Berlin, 1938. S. 440.

¹⁷⁹ Beal S. Buddhist records of the Western world. Londo, 1906. Vol. 1. P. 39—40, 44—46.

¹⁸⁰ Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана. С. 225—230. Э. Херцфельд, к сожалению, не сообщает данных о датировке караван-сарая в области Бурджанда, в районе селения Дастирд. Он лишь приводит план этого двухчастно-четырехайванного сооружения. См.: Herzfeld B. Damascus: studies in architecture. P. 228. Fig. 7.

¹⁸¹ Нильсен В. А. Варахшская цитадель // ТИИА АН УзССР. Ташкент, 1956. Вып. VII. С. 66. Рис. 18.

¹⁸² Grabar O. The formation of Islamic art. New Haven; London, 1973. P. 209.

примыкавшие к Балху, где буддизм сохранял господство до мусульманского завоевания»¹⁸³.

Несмотря на прямое свидетельство Наршахи (под 937 г.) о наличии медресе в Бухаре, Р. Фрай полагает, что в X в. в Бухаре медресе еще не существовало, а сообщение источника рассматриваться как анахронизм¹⁸⁴. Он думает, что если медресе и появилось к самому концу саманидской династии, то являлось нововведением¹⁸⁵. Вместе с тем этот ученый считает, что в Бухаре были одни из наиболее древних, если не самые древние высшие духовные учебные заведения, и что именно Бухара, скорее чем Балх, являлась родиной медресе. По мнению Р. Фрая, когда Низам аль-мульк устраивал знаменитое Низамийе в Багдаде, он просто копировал бухарские образцы¹⁸⁶. Не все предположения Р. Фрая кажутся нам убедительными, но они заслуживают рассмотрения. Мы полагаем, что сопоставление данных Наршахи с сообщениями авторов конца X — начала XI в. ясно показывает, что медресе в Бухаре могло существовать уже в X в.

Недостаточно обоснованным вместе с тем является предположение, что именно Бухара была родиной медресе. Накопленный археологический материал, историко-архитектурные соображения и, наконец, ставшие теперь известными сообщения Хой Чао позволяют считать правильным мнение, высказанное в свое время В. В. Бартольд, о том, что медресе являлся Тохаристан, тохаристанские владения Саманидов.

В. В. Бартольд указывал, что в источниках термин «медресе» не встречается ранее X в., «притом в это время он, по-видимому, употреблялся только в восточных областях и только во второй половине XI в. был перенесен на запад». В. В. Бартольд подчеркивает, что первое упоминание о медресе связано с Бухарой (937 г. — медресе Фарджек), затем уже во второй половине X в. упоминаются «изящные» медресе Нишапура, медресе Мерва и т.д. Бейхаки в связи с событиями 1026 г. сообщает, что в области Хуттали было более чем 20 медресе. Именно на этом сообщении В. В. Бартольд особенно акцентирует внимание, видя в нем одно из доказательств возможной связи буддийского монастыря и медресе, так как область Хуттала тяготела к Балху с его буддийскими монастырями¹⁸⁷. Опубликованный уже после смерти В. В. Бартольда текст Хой Чао прямо свидетельствует, что еще в VIII в. (726 г.) на территории самого Хуттала было «много буддийских монастырей», об этом свидетельствуют и некоторые топонимические данные.

Таким образом, Аджина-Тепа с ее четырехайванно-дворовой композицией может не только рассматриваться как исходный пункт развития этой важнейшей (для последующего более чем тысячелетнего периода) архитектурно-планировочной схемы, но, что не менее, а может быть, более важно, как существенный аргумент в

¹⁸³ Бартольд В. В. Улугбек и его время // Соч. М., 1964. Т. II. Ч. 2. С. 30. В настоящее время мнение о восточном происхождении медресе является общепризнанным. См.: Frye R. N. The history of Bukhara. Cambridge; Massachusetts, 1954. P. 120. N 102. О ранней истории Медресе см.: Pedersen J. Some aspects of the history of the madrasa // Islamic Culture. The Hyderabad Quarterly Review. 1929. Vol. 111. N 4. P. 525–537; Tritton A. S. Materials on Muslim education in the Middle Ages. London, 1957; Makdisi G. The rise of colleges; institution of learning in Islam and the West. Edinburgh, 1981. P. 102 et seq.; Makdiei C. Muslim institution of learning in the eleventh-century Baghdad // BSOAS. 1961. Vol. XXIV. Pl. I. P. 156; Tibawi A. B. Origin and character of al-madrasah // BSOAS. 1962. Vol. XXV. Pl. 2. P. 225–238.

¹⁸⁴ Frye R. N. Bukhara, The medieval achievement. University of Oklahoma Press, 1965. P. 131.

¹⁸⁵ Ibid. P. 132.

¹⁸⁶ Ibid. P. 189.

¹⁸⁷ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Соч. М., 1963. Т. II, 4.1. С. 227. О хутталяньских медресе см.: Абу-л-фази Бейхаки. История Масуда 1030–1041 (пер. А. К. Арендса). Ташкент, 1962. С. 207.

пользу генетической связи мусульманской высшей богословской школы — медресе с буддийским монастырем и вероятного возникновения медресе на территории Тохаристана¹⁸⁸.

Конечно, можно выдвинуть возражение против нашего построения: оно базируется лишь на анализе нескольких десятков сохранившихся построек. В связи с этим нам хочется привести слова Э. Херцфельда: «(Археологические) исследования есть вопрос случая. Какие памятники сохранились — также вопрос случая. Здесь должно было быть много сотен медресе. Предположим, сотни дошли до нас, но и тогда было бы возможно, что те несколько сооружений, которые были необходимы, чтобы ответить на наши вопросы, как раз уничтожены. Никогда нельзя решить исторические проблемы (напомним, что Херцфельд говорит о проблемах истории архитектуры, которые рассматриваются, как правило, на единичных сохранившихся объектах — *Б. Л. и Т. З.*) статистическим методом. Здесь нет другого пути, кроме выбора из материала, который сохранился, нескольких образцов, имеющих значение. Чтобы избежать ошибок в выборе, необходимо четко очертить границы проблемы»¹⁸⁹.

Арсенал архитектурных средств и приемов, которыми владел (и владел мастерски) зодчий — строитель Аджина-Тепа, был очень велик и разнообразен. Выше мы охарактеризовали некоторые из них. Следует добавить, что в построении плана комплекса чувствуется строгая соразмерность, ритмика чередования квадратных и прямоугольных помещений. Бесспорно, в основе всего замысла плана лежал квадрат, ибо весь комплекс состоит из двух замкнутых квадратных сооружений, соединенных друг с другом. Квадратными были и осевые помещения (за исключением одного), игравшие особо важную роль в ритуальной жизни монастыря. Разбивка этих помещений произведена с особой точностью. Несомненно, здесь мы видим ранее проявление тех принципов, которые, как доказал М. С. Булатов, нашли полное развитие в средневековом зодчестве Средней Азии (см. об этом выше, стр.)¹⁹⁰. Зеркальная симметричность и удивительная точность построения плана наводят на мысль, что зодчий вначале создал проект (хотя бы эскизный) этого сооружения, лишь затем была произведена разбивка на местности.

В специальной историко-архитектурной литературе оживленно дебатировался вопрос о модуле, применявшемся в памятниках среднеазиатского зодчества в различные периоды, о строительном гязе и их соотношениях. В. Л. Воронина считает, что в доарабское время мера длины колебалась в пределах 100—110 см¹⁹¹. По мнению некоторых исследователей, в IX—XVII вв. строительный гяз и модуль увязаны между собой: модуль является кратным гязу или равен ему¹⁹².

¹⁸⁸ Следовательно, медресе в архитектурном плане представляло не просто комбинацию «индо-буддийского монастыря, с одной стороны, и хорасанского айвана — с другой» (см.: *Diez R. Architecture des mosques (masjid III)* // EI. 1936. Vol. 111. P. 431).

Генезис этого типа архитектурного сооружения в действительности был много сложнее.

¹⁸⁹ *Herzfeld E.* Op. cit. P. 15.

¹⁹⁰ *Булатов М. С.* О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии // Изв. Отд. Обществ. наук АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1953. Вып. 3. С. 1—20; *его же.* Построение архитектурной формы мавзолея Саманидов // Сб.: Искусство зодчих Узбекистана. I. Ташкент. С. 45—47; *его же.* Мавзолей султана Санджара // Архитектурное наследство. М., 1964. Вып. 17. С. 175; *его же.* Мавзолей Саманидов и основы теории зодчества Средней Азии IX—X вв. (автореф. дисс). Ташкент, 1965. С. 10—19; *он же.* Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XII вв. М., 1978. С. 62 сл.

¹⁹¹ *Воронина В. Л.* К вопросу о древней метрологии Средней Азии // КСИИМК. XXXIX. 1951. С. 66.

¹⁹² См.: *Крюков К. С.* Модуль в памятниках среднеазиатского зодчества // Архитектурное наследство. М., 1964. Вып. 17. С. 159.

Анализ размеров сырцовых построек, в том числе и Аджина-Тепы, менее благодарен в этом отношении, чем анализ построек из жженого кирпича. Дело в том, что многие размеры из-за плохой сохранности стен являются примерными и в этих условиях любые заключения не должны быть категорическими. Рассмотрение обмерных материалов Аджина-Тепы также не дает оснований для бесспорных выводов. Можно высказать предположение, что находил применение (но не универсальное) модуль, равный 1,1 м. Именно в этот модуль укладываются размеры многих квадратных и прямоугольных помещений, проемов, стен. Размер модуля складывается из величины двух кирпичей, положенных в длину, со швом между ними. С гораздо большей уверенностью можно говорить о том, что слова знаменитого среднеазиатского ученого XV в. Джемшида Гиясэддина ал-Каши о том, что здания, колонны и своды в постройках измеряли с помощью сырцового и жженого кирпича¹⁹³, могут отражать практику не только современного ему, но и раннесредневекового строительства.

В построении интерьеров большое значение имели арки проемов и ниш. Дело не только в их функциональном назначении. Будучи соразмерны человеческому росту, они создавали своеобразную масштабную мерку, подчеркивая высоту и величественность Г-образных коридоров и крупных квадратных помещений и, напротив, «человеческие» масштабы келий и целл. Вместе с тем они разбивали монотонную гладь стенной поверхности интерьеров, вписывая в нее светлые отверстия дверных проемов и темные пятна глубоких ниш. Контраст вытянутого в горизонтальном направлении прямоугольника (или квадрата) стены и вертикальных очертаний арочных ниш (и целых аркад) усиливался, таким образом, световым контрастом. Архитектурный образ этого комплекса нельзя понять, не представив себе ярко освещенный двор, открытые в него и постепенно уходящие в полумрак осевые двухчастные помещения. Со двора монастырской половины были видны залитые солнцем стены, рассеченные темными провалами арочных входов, а по осям — громадные полукружия сводов, перекрывающих вестибюли¹⁹⁴. Во дворе другой поло-

¹⁹³ Джемшид Гиясэддин ал-Каши. Ключ арифметики (пер. Б. А. Розенфельд) // В сб.: Историко-математические исследования. М., 1954. Вып. VII. С. 135.

¹⁹⁴ Твердых оснований для решения вопроса о характере перекрытия вестибюлей мы не имеем; предположение, что оно было сводчатым — одно из вероятных решений. В Восточном Туркестане известны такие крупные своды. Так, в храме Т Идикутшари зал размером 20,4×8,2 м был перекрыт сводом (*Grünwedel A. Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902–1903. München, 1905 (Abhandlungen der K. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Kl. I. Bd. XXIV. Ab. I). S. 38; Литвинский Б. А. Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело в Восточном Туркестане (в свете археологических открытий в Средней Азии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 207.*

Не менее сложен вопрос о перекрытиях крупных квадратных и прямоугольных помещений, лежащих за вестибюлями. Одно из них — помещение XII (10,25×9,5 м) имело четыре колонны. Можно высказать предположение, что они поддерживали деревянную конструкцию кровли типа памирских «рузан» как это, несомненно, было в Денджикенте, где наличие такой конструкции засвидетельствовано при раскопках. См.: Воронина В. Л. Архитектура Древнего Пянджикента (результаты раскопок 1954–1959 гг.) // МИА. М.; Л., 1964. № 124. С. 78–87. В пользу этого предположения (представляющегося нам наиболее вероятным) свидетельствует исключительно сильная обожженность стен помещения. Нельзя вместе с тем не указать и на другую возможность.) Археологические разрезы показывают исключительное обилие сырцового кирпича в завале, что можно объяснить обрушением не только стен, но и конструкции. Напомним, в этой связи, юго-восточный зал Кырк-Кыза — памятника VIII–IX вв. (или XIV–XV вв.). Его размеры (примерно 21×10,8 м; по длинной оси — три массивных столба. Подпружные арки между ними, между стенами и столбами «делили» перекрытие на восемь частей. Конструкции перекрытий остаются неизвестными,» — считает А. М. Прибыtkова (*Прибыtkова А. М. Здание Кырк-Кыз как образец строительной техники IX в. // Архитектурное наследие. М., 1961. Вып. 13. С. 179*). Однако Б. Н. Засыпкин, видевший этот памятник в

вины памятника доминировала ступа, занимавшая почти все его пространство. Наружные стены помещений выглядели здесь таким же образом, как и на монастырской половине.

Мы уже говорили о горизонтальной ритмике сооружения, упоминали о ритмике ниш и целых аркад. Следует еще сказать, что некоторые из наиболее важных внутренних помещений, например помещения I, XXXI, XXXIII, XXXV, были приподняты, причем значительно, над уровнем тех помещений, из которых в них вели проходы. Так как именно в этих частях здания находились многочисленные культовые скульптуры или миниатюрные ступы, это вполне гармонировало с функциональным назначением. При этом центральное помещение I приподнято по сравнению со своим вестибюлем и со всеми помещениями соответствующего фаса. Совершенно аналогичное по устройству помещение XXXIV, находящееся на противоположной стороне комплекса на одной оси с помещением I, напротив, находится на одном уровне со своим вестибюлем и отходящими от него коридорами. Но здесь примыкающие к центральному помещению боковые целлы имеют более высокие отметки полов. Зодчий использовал этот прием не только в интерьерах. Следует думать, что отдельные части сооружения, даже помимо ступы, были разной высоты. Общий силуэт определяли, по-видимому, более высокие осевые помещения. С бесспорностью об этом можно говорить для помещения XII, стены которого сохранились на высоту 6 м, то есть выше шельг сводов прилегающих сводчатых помещений, и в древности продолжались еще выше; очень вероятно, что так обстояло дело и с помещением I. Чередование горизонтальных и вертикальных объемов, очевидно, также подчинялось какому-то ритму. Тем самым в архитектурном облике Аджина-Тепа строгая симметричность сочеталась с отсутствием унификации и однообразия.

При рассмотрении архитектуры Аджина-Тепы мы неоднократно обращались к индийским параллелям и образцам. Естественно, что культовое буддийское сооружение, каким является Аджина-Тепы, использует некоторые архитектурные идеи и схемы, существовавшие на родине буддизма в Индии. В «Винайе», в разделе «*suññavagga*» содержались определенные предписания, которые следовало соблюдать при сооружении монастырей; монах, следящий за этим, назывался *Navakammika*. Из письменных источников известно, что далеко за пределы Индии вывозились модели культовых построек, в частности монастыря в Наланде¹⁹⁵, быть может, были они и в Средней Азии.

конец 20-х годов, когда он был гораздо лучшей сохранности, писал, что здесь было «перекрытие сомкнутыми сводами» (*Засылкин Б. Н.* Памятники архитектуры Термезского района // *Культура Востока. Сборник Музея восточных культур.* М., 1928. Т. 11. С. 32). На Аджина-Тепы могла быть какая-то аналогичная конструкция из пересекающихся сводов (или же на первом этапе деревянная конструкция, а после пожара — сводчатая?). Что касается квадратного помещения I (7×7 м), то здесь можно предположить деревянную конструкцию типа «рузан», но с опорой на стены, как это было в «Красном зале» Варахши (*Нильсен В. А.* Указ. соч., С. 51–55, 242). Но и здесь отнюдь не иск лючено купольное перекрытие. Мавзолей Шир-Кабир (IX–X вв.) имел сырцово-купольное перекрытие диаметром свыше 8 м (*Прибыткова А. М.* Материалы по зодчеству Туркмении // *Архитектурное наследство.* М., 1957. Вып. 8. С. 150; *Дутаченкова Г. А.* Своды в архитектуре Туркменистана // *Труды ЮТАКЭ.* Ашхабад, 1968. Т. VIII. С. 234). В Восточном Туркестане также из вестны крупные сырцово-купольные перекрытия. Так, в ступе О Идикушшари был купол диаметром 7,6, высотой ок. 6 м. Там же, в монастыре К имели купольное перекрытие два помещения раз мером 15,65×15,65 м (*Grünwedel A.* Op. cit. S. 29–31, 85. Fig. 22, 74–76; *Литвинский Б. А.* Древнее и раннесредневековое архитектурно-строительное дело. С. 206). Следовательно, семиметровое квадратное помещение вполне могло быть перекрыто куполом соответствующего размера.

¹⁹⁵ См. *Schäfer E. H.* The golden peaches of Samarkand, A study of T'ang exotics. Berkeley; Los Angeles, 1963. P. 265.

Некоторые из идей индо-буддийского зодчества оказались продуктивными и привились в видоизмененном виде на новой почве. Следует вместе с тем со всей определенностью сказать, что архитектура Аджина-Тепа, кроме некоторых общих планировочных схем, к тому же радикально переработанных, и культовых аксессуаров, не имеет ничего общего с индийской архитектурой. Как известно, в Индии, особенно в ее равнинно-аллювиальных областях, велось строительство и из сырцового кирпича. Однако сохранившиеся от интересующего нас времени индийские постройки из сырцового кирпича немногочисленны и в целом во многом зависят от каменной архитектуры¹⁹⁶. Тохаристан же, как и вся равнинная Средняя Азия, в эпоху раннего средневековья — страна исключительно господства сырцовой архитектуры. Помещения Аджина-Тепа полностью выдержаны в традициях среднеазиатской сырцовой архитектуры. Строительные материалы, архитектурные формы и конструкции — все, начиная от размера кирпича и кончая формой и конструкцией арок, сводов, помещений, — продукт творчества тохаристанской архитектурной школы.

В изученном нами памятнике воплотились и тесно переплелись достижения и поиски среднеазиатских зодчих с достижениями архитектурных школ соседних областей и стран. Айванные святилища и четырехайванно-дворовая планировка, двухчастная схема, сочетание камер и коридоров, свойственные кирпично-пахсовой архитектуре конструкция стен и перекрытий, строительные материалы и многое другое — все это глубоко органически слито в едином архитектурном организме. Удивительная стройность и соразмерность симметричной композиции, свободное и смелое владение архитектурными формами и элементами, которые в свете нашего анализа должны восходить к различным источникам, говорят о творческом, а не механическом усвоении разных традиций. Вместе с тем это свидетельствует о синтезе, который не мог быть проявлением гения отдельного зодчего или даже результатом деятельности целого поколения зодчих. Архитектура Аджина-Тепа — результат процесса, древность которого следует исчислять веками. Анализ архитектуры этого комплекса показывает также, сколь многим обязаны зодчие эпохи развитого средневековья своим предшественникам — творцам монументальных сооружений из сырцового кирпича.

Австрийский ученый Г.Франц проследил роль архитектурно-планировочных идей Аджина-Тепа (VII в.) в последующей истории буддийской архитектуры. Особенно его заинтересовал коридор для процессий (*die prozessioankorridore*). Он задался вопросом, являлась ли эта система, которую он считает несомненным результатом местного развития, исключительно тохаристанским решением или же — следованием ведущим идеям, распространенным в остальном буддийском мире. Его концепция сводится к следующему. «Коридоры Аджина-Тепа, несомненно, должны подражать культовым пещерам, которые имеются в буддийских монастырях, устраивавшихся в горных странах. Здесь эта идея была перенесена в кирпично-сводчатое строительство и воплощена в наземных постройках иного, более крупного масштаба. При устройстве этих процессиональных коридоров несомненно имел значение мистический элемент, который к этому времени при образовании тантрического буддизма играл большую роль».

Такие процессы в развитии буддизма отмечаются, в частности, в северо-восточной Индии. Это отразилось и на архитектурных сооружениях. В огромном храме Дахарпур (*raharpur*) в современном Бангладеш имеются расположенные ярусами сводчатые обходы. «В этом сооружении, начало возведения которого несомненно отно-

¹⁹⁶ Brown P. Op. cit. P. 39–46.

сится к концу VIII в., уже прослеживается тесная связь (собственно «сплав») между процессиональными коридорами и сердцевинной постройкой — ступой в виде многих повышающихся террас. Эти коридоры служили для почитания культовых изображений Будды, расположенных по ходу движения процессии». По образцу бенгальских храмов затем сооружались террасовидные ступы и храмы в виде террасовидной башни в Бирме. В этой связи Р. Франц указывает на постройки VIII–IX вв. древней столицы в Срикшерта. Таков, например, кирпичный обходной коридор вокруг средней части башневидной ступы — эта схема известна во многих случаях. Особенно типичны храмы Бебе и Лемйетхуа. В последнем случае, обходы снабжены фигурами Будд, и имеют отчетливо выраженные функции процессионального обхода, следующего от одного культового изображения к другому.

Заключение Г. Франца: «Это ясно указывает, что импульс и прототип для своеобразных сводчатых процессиональных коридоров происходит из Аджина-Тепы VII в. В то время как в Бенгалии и в инспирированных оттуда террасовидных сооружениях Бирмы эти коридоры связаны в одно целое со ступой, на Аджина-Тепе они отделены и обводят двор со ступой. Идея, однако, одна и та же»¹⁹⁷.

Учитывая, что эта тема проникла и в китайскую буддийскую архитектуру, можно утверждать, что Аджина-Тепа сыграл очень важную роль в развитии всего буддийского зодчества.

¹⁹⁷ *Franz H. G.* Buddhistische Kultstätten in Sowjetisch–Zentralasien. Bemerkungen zu neueren Ausgrabungen der Sowjetischen Archäologie // *Afghanistan Journal*. 1977. Jg. 4. Heft. 2. S. 69–71. См. также: *Franz H. G.* Pagode, Turmtempel, Stupa. Graz, 1978; *Franz H. G.* Von Gandhara bis Pagan. Graz, 1979 (рецензии Б. А. Литвинского на эти книги: «Народы Азии и Африки». 1981. № 1. С. 227–231).

Глава III

ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА

В процессе раскопок Аджина-Тепе было извлечено из земли большое количество памятников искусства: скульптур, рельефов, настенной живописи и их фрагментов. Степень сохранности их весьма различна: среди них имеются совершенно целые или с небольшими утратами памятники и мелкие фрагменты, историко-художественная ценность которых сравнительно невелика.

В первую очередь проводилась камеральная реставрационно-консервационная обработка малофрагментированных объектов; остальная часть материала еще ждет окончательной обработки. При этом удалось полнее осуществить обработку скульптуры, камеральная обработка настенной живописи осуществлена в меньшей степени. Все это предопределило характер нашего изложения. Мы были вынуждены отказаться от издания полного каталога найденных при раскопках памятников искусства, а дать описание лишь избранных, наиболее характерных памятников. Описание их дается по помещениям.

Живопись

а) Описание

Помещение I («святилище»).

По-видимому, первоначально росписи покрывали стены помещения I на всю их высоту, а также вертикальные плоскости постаментов для скульптуры. Однако в завале над полом встречено сравнительно небольшое количество упавших фрагментов росписей. При этом почти все они лежали в нижней части скульптурного завала, непосредственно на полу. «in situ» на стенах живопись сохранилась лишь на нескольких небольших участках (в частности, в северном углу помещения) и по высоте эти неповрежденные участки стен не выходят за верхнюю границу скульптурного завала.

Судя по небольшому количеству фрагментов живописи в завале и сохранившихся in situ на участках стен, погребенных завалом, видимо, к концу «монастырского» периода жизни здания на стенах святилища сохранилась лишь незначительная часть первоначальной живописи. В этом повинно и время, и конкретная история данного монастыря (в частности, те ремонтные работы, которые велись на последних этапах «монастырского» периода). Вероятно, когда первоначальная живопись стала портиться, у монастыря не было художников, которые могли бы переписать живо-

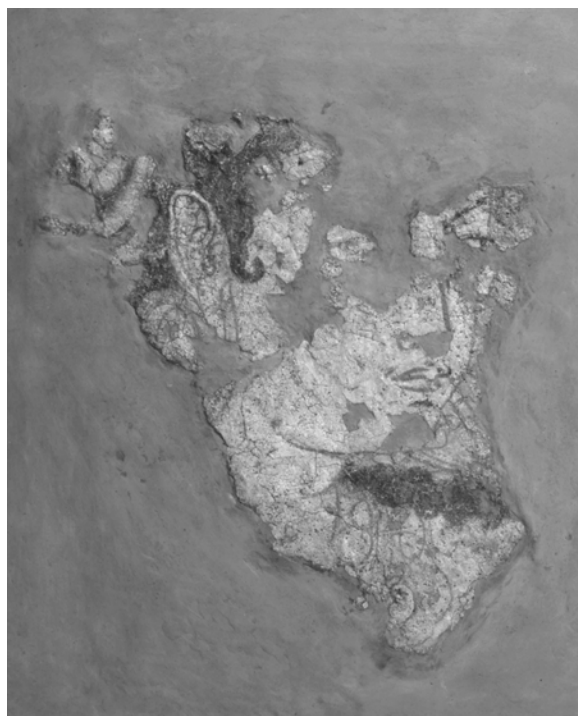

Рис. 34. Аджина-тепа. Фрагмент I/p-1

пись на стенах на том же художественном уровне, на каком она была выполнена первоначально. В результате до нас дошли совершенно разные по качеству куски, явно принадлежащие мастерам с неодинаковым профессиональным уровнем.

Бесспорным доказательством «подновления» живописи на последующих этапах является самый большой из сохранившихся на стене участков росписи (1/p I). Он расположен в северном углу помещения, непосредственно над узкой суфой и примыкает к левому от входа постаменту (рис. 34). Несмотря на плохую сохранность, контур первоначальной росписи можно проследить. Ее можно реконструировать как бордюр из кругов диаметром в 22 см, оконтуренных цепочкой белых перлов на черном фоне, которые ограничены с каждой стороны двумя тонкими черными линиями. К сожалению, рассмотреть, чем было заполнено пространство внутри круга, невозможно, так как оно замазано слоем белого ганча, по которому нанесен рисунок второго слоя росписи. Последний отличается от более раннего рисунка своей небрежностью, отсутствием четкости линий, худшим качеством краски и исполнения. Хотя участок верхнего слоя росписи сохранился на довольно большой площади (50 × 50 см), установить, что на этом фрагменте изображено, невозможно. Можно только различить отдельные детали. Возможно, мастер, производивший ремонт, пытался повторить какие-то мотивы росписей нижнего слоя: здесь тоже есть цепочки перлов, ограниченные линиями, но выполненные на более низком художественном уровне. Перлами окаймлен небольшой участок, заполненный стилизованным растительным узором. Какой-то цветок (или пучок листьев?) виден в левом нижнем углу фрагмента. В нижней части рисунка ясно видна левая рука, протягивающая вперед неясный предмет (возможно, чашу). Сохранилась кисть, запястье руки и манжет рукава. Значительно хуже видна линия профиля лица этой же фигуры — от лба до верхней губы. Таким образом, фигура (точнее — ее верхняя половина) этого рисунка на верхнем слое живописи занимала угол над маленькой суфой.

В верхней части фрагмента видны 3–4 горизонтальные полосы, каждая из которых разделена поперек короткими перемычками в форме катушек. В рядах эти «катушки» расположены в шахматном порядке.

*Рис. 35. Аджина-тепа.
Женская голова, фрагмент росписи.
Помещение I. Фрагмент 1/р-2*

Остатки росписей были расчищены на отдельных небольших участках также в восточном и западном углах помещения. Но сохранность этих росписей такова, что рисунок неразличим и можно констатировать только присутствие отдельных цветных пятен (голубая и красная краска). Выступившие на поверхности при подсыхании кристаллики соли довершили разрушение этих росписей.

Значительно менее засоленными оказались фрагменты штукатурки с росписью, лежавшие в завале над полом. Судя по технике письма, большая часть из них относится к живописи нижнего слоя и несомненно представляет собой часть сюжетной композиции. На

одном из крупных фрагментов (21 × 19 см; рис. 35) — изображение изящной женской головы (в 1/2 натуральной величины), повернутой в три четверти (1/р 2). Черты лица тонкие, правильные. Слева волосы локонами спускаются на ухо, по правому плечу змейкой вьется коса. От сложного украшения в волосах сохранилась только часть его над левым ухом. В ушах — крупные свернутые спиралью серьги. Головное украшение и серьги окрашены в желтый цвет, и, видимо, должны были восприниматься как золотые. От одеяния сохранилась только часть ворота. Видимо, оно имело глубокий круглый вырез. Край ворота оторочен рядом перлов, на ткани платья были изображены цветы.

В восточном углу, у нишки левого (от входа) постамента был найден в завале еще один фрагмент штукатурки с росписью (1/р 3). На нем было изображено в такой же графической манере другое женское лицо, выполненное в 1/4 натуральной величины (размеры фрагмента — 18 × 12 см). Голову окружал двуцветный (розово-голубой) нимб.

Худший по сохранности, но более крупный фрагмент (1/р 4) стеной росписи (48 × 33 см) был обнаружен в завале на полу в центре святилища. На нем можно различить нижнюю часть лица в натуральную величину, повернутого почти строго в фас. По-женски округлый подбородок опирается на короткую полную шею, пересеченную поперек глубокими складками. Одеяние с глубоким вырезом; поле ткани украшено крупными цветами сложного рисунка. На шее — ожерелье из крупных круглых бусин. Правая рука прижата к груди, пальцы касаются бусин ожерелья. В ушах — спиралевидные серьги.

На всех остальных фрагментах росписей, которые были встречены в завале над полом помещения № I, сохранились лишь отдельные детали фигур (части нимбов, костюма и т.п.).

Рис. 36. Аджина-тепа. Фрагмент I/р-5

Росписью были покрыты и плоскости пристенных постаментов. Торцовые стенки постаментов (как можно судить по правому от входа постаменту) покрывались орнаментальной росписью, а фасадные стенки украшались живописью сюжетного характера. К сожалению, плохая сохранность не позволяет полностью установить их содержание. На фасадной стенке правого постамента отчетливо различима сидящая с поджатыми ногами мужская фигура (фр-т I/р 5; рис. 36). Голова не сохранилась, но хорошо видны ворот одеяния и согнутые в локте правая и, частично, левая руки. Кисти слегка приподняты в каком-то жесте, белая одежда на запястьях собралась складками. На талии — пояс, с которого вниз спускается несколько коротких ремешков сероватого цвета. Возможно, один из «ремешков» спереди — это ножны короткого кинжала. Одежда на ногах собрана в густые складки между бедрами и на голени. Ноги босые. На шее заметны остатки ожерелья из бусин желтого цвета. Остальные детали в изображении фигуры различимы плохо. Рисунок выполнен четкой линией и контрастно выступает на цветном фоне фасадной плоскости постамента: фигура показана на фоне половины семилепестковой розетки (лотоса?), внутреннее пространство которой заполнено еще двумя вписанными одна в другую розетками меньшего диаметра, а также цветами, листьями. Цветы и побеги распознаются и непосредственно позади фигуры. Контур рисунка исполнен тонкой черной линией по белому фону и небрежно заполнен ярко-синей и черной краской.

Несомненные следы ремонта в «святилище» есть на самом постаменте: первоначальная поверхность ступени вдоль фасада его была заново оштукатурена.

На юго-восточном торце правого постамента — орнаментальная роспись из сетки белых «горошин» по ярко-красному фону (I/р 6). В точке пересечения вертикальных и горизонтальных рядов — по четыре дополнительных «горошины», образующие (вместе с «горошинами» рядов) восьмилепестковый цветок.

Рис. 37. Аджина-тепа. Фрагмент росписи свода (прорисовка).
Коридор XXVII. [XXII/р-1]

Похожие цветы, но только состоящие из шести «горошин»-ле-пестков и рассыпанные по ярко-синему фону, были расчищены на внутренней поверхности четверть-купольной нишки постамента. Штукатурка этой нишки оказалась двуслойной, орнаментальная роспись с шестилепестковыми цветами на синем фоне оказалась вторичной (1/р 7), нанесенной во время ремонта помещения. Первоначальную роспись удалось зафиксировать лишь на нескольких небольших участках ниши, где под ганчевой обмазкой верхнего слоя проглядывали остатки красновато-коричневой краски. Невозможно решить, была ли первоначальная роспись торца также орнаментальной, или же сюжетной.

Торец правого постамента, обращенный к входу в помещение (северо-западный), также сохранил остатки росписи времени ремонта. В основе рисунка — геометрическое переплетение синих и красных лент, оконтуренных тонкой черной линией.

Роспись на левом (от входа) постаменте сохранилась значительно хуже. Как позволяют судить ее остатки, и этот постамент подвергался ремонту.

Белая ганчевая штукатурка и нанесенная поверх нее розовая то-красная краска покрывали поверхность нижних ступеней постаментов, центральный постамент, узкие угловые суфы и, наконец, поверхность пола помещений. Для защиты пола от повреждений он был устлан, по-видимому, какими-то циновками. Их перегнившие остатки тонким коричневым слоем покрывали пол помещения, плоскости нижних ступеней крупных постаментов, а также поверхности низких угловых суф в дальних от входа углах «святылища».

Помещение XXII.

Остатки живописи были расчищены на стене коридора, примыкающей ко двору (XXII/р I; рис. 37). Поскольку сохранность ее плохая, была сделана прорисовка отдельных ее участков и снят наиболее сохранившийся фрагмент. Фон росписи — синий.

В центре композиции различима часть лица большой (несколько больше натуральной величины) фигуры Будды. Нимб, окружающий ее голову, трехцветный: желтый, голубой, розовый (последовательность полос от головы к наружному краю).

Голова чуть повернута влево, миндалевидные глаза скошены вбок. На голове — уш-ниша., волосы черные. Вокруг фигуры видны остатки мандорлы и красного плаща. Другие детали не различимы.

С описанным изображением непосредственно связана маленькая фигурка (1/2 нат.вел.), расположенная в левом верхнем углу от большого Будды. От нее сохранились голова, плечо, левая согнутая в локте рука, кисть которой опущена в сторону большой фигуры. Лицо повернуто в три четверти в сторону главной фигуры и взгляд направлен на нее. Разрез глаз и их рисунок несколько иной: они более округлые, кажутся выпуклыми. Верх прически этой фигурки не сохранился: видна только прядь, опускающаяся двумя локонами над правым виском, и длинная черная прядь, лежащая на левом плече. В ухе было какое-то украшение, нижняя часть которого опускается до плеча. Брови вразлет, переданы тонкой черной линией каждая. Одежда видна только на левом плече. Она белого цвета, складки подчеркнуты красными линиями. Голову окружает золотисто-желтый нимб.

Рядом с этой фигурой была изображена еще одна, но от нее сохранился только трехцветный нимб (розовый фон, ограниченный синим и желтым кольцами) и остатки черных волос. Судя по расположению волос, лицо этой фигуры было также обращено к большому Будде этой росписи. Различимы также остатки одеяния этой фигуры: оно имело треугольный вырез и было красного цвета, а складки изображены тонкими черными линиями.

Помещение XXVII.

Вся внутренняя поверхность свода над этим коридором некогда была расписана. Остатки росписей встречались во время раскопок по всей длине коридора, в обоих коленях его, на разной высоте от уровня пола. Последнее обстоятельство показывает, что кровля коридора рушилась постепенно и не сразу после того, как монастырь был оставлен его обитателями.

Самые крупные по площади участки росписей были найдены довольно высоко над полом. Главным элементом росписи потолка было изображение сидящего Будды, рукам которого приданы различные положения (мудра). В каждом крыле свода было не менее пяти горизонтальных рядов таких изображений, разделенных горизонтальными полосами. Фигуры каждого ряда были расположены вплотную одна к другой и одна под другой по отношению к фигурам выше- и нижележащих рядов. В шельге свода они «стыковались» головами, или же были разделены орнаментальной полосой. Фон всей росписи свода ярко-синий. В раскраске одежды фигур, нимбов и оснований, на которых фигуры сидят, соблюдается определенное чередование цветов.

Фрагмент

Найден в средней части коридора, в верхнем слое завала, лицом вниз. Состоит из двух крупных фрагментов (размером 192 x 27 см и 178 x 98 см), которые в процессе реставрации удалось состыковать по длинной оси и получить большой по площади участок потолковой росписи (альбом, № 4).

Сохранились остатки пяти рядов сидящих будд (три полных по высоте ряда из 4—5 изображений и два ряда из частично сохранившихся фигур), разделенные горизонтальными желтыми полосами шириной 1,5—2 см. Высота каждого ряда — 43 см. Внутри ряда фигуры плотно примыкают друг к другу, соприкасаясь овалами двухцветных желто-белых мандорл, а по отношению к выше и ниже находящимся изображениям располагаются друг под другом. От горизонтальных разделительных полос в промежутке между двумя соседними фигурами (максимальная ширина каждой на уровне плечей вместе с мандорлой 31—34 см) отходят вверх стебли-веточки, которые заканчиваются белым пятилепестковым цветком лотоса на прямой или свернутой в спираль ножке.

Все фигуры представлены на постаментах-подушках с одинаково поджатыми ногами, так, что подошвы остаются не покрытыми одеждой. Жесты рук (мудра) и поворот голов у каждой фигуры индивидуальны, во всяком случае в пределах этого фрагмента. Отличает их друг от друга покрой и цвет одежды (белый, желтый, розовый и темно-красный), окраска нимбов вокруг головы (белый, желтый, желто-зеленый, розовый и синий), а также цвет фона для фигур внутри мандорл (ярко-синий или желтый с чуть зеленоватым оттенком).

Большие размеры фрагмента позволили заметить определенный ритм в чередовании фасона одежды, ее цвета, а также раскраски постаментов и фона внутри мандорлы.

Так, если сравнивать между собой будд, сидящих в одном ярусе рядом, то станет видным чередование фигур одетых в дхоти и в плащ. Определенную закономерность можно проследить в рисунке и раскраске постаментов-подушек. Она двух видов: белые (иногда удаётся рассмотреть на белом фоне нарисованные коричневой краской лепестки-чешуйки) или красно-коричневые с белыми шести-лепестковыми цветами-розетками; чередуясь между собой, одинаковые «подушки» располагаются друг под другом по вертикали. Одинаковый цвет фона внутри мандорл сохраняется для изображений, расположенных по диагонали. Также поступили художники с раскраской одежд: за диагональным рядом фигур в желтых плащах следует ряд будд в розовых дхоти, с обнаженным правым плечом и видимым краем нижней одежды синего цвета. В третьем диагональном ряду чередуются по цвету красные и белые одежды.

Наибольшее разнообразие наблюдается в раскраске нимбов вокруг голов будд — пять цветов. Возможно и здесь существовала какая-то определенная последовательность, но ее не позволяет проследить размер и сохранность фрагмента.

Роспись сделана по белому ганчевому грунту. Ей предшествовала, видимо, предварительная разбивка потолка на одинаковые прямоугольники, каждый из которых должен был соответствовать одному изображению. Рисунок сделан коричнево-красной линией, с последующим затем красочным заполнением. Черты лица — веки, брови, зрачок, вторично повторены черной линией; красной или коричневой (в зависимости от цвета одежды) линией переданы складки одежды. Цветы на постаментах-подушках выполнены белой краской, положенной поверх красно-коричневого фона постамента.

XXVII/р-1 Фрагмент росписи свода (размеры 35×27). Найден около трехчетвертной колонки входящего угла коридора, «лицом» вверх, хорошей сохранности.

Часть многоярусной композиции, покрывавшей сводчатый потолок коридора. На фрагменте сохранились остатки двух ярусов изображений на синем фоне, разделенных желтой полосой не только на горизонтальные ряды, но и по вертикали.

В верхнем ярусе фрагмента — нижние части двух фигур. Левая, одетая в желтый плащ, сидит на постаменте-основании коричневого цвета, украшенном трех-семи-лепестковыми цветами. Постамент очертаниями и раскраской напоминает коврик. Правая фигура — в красном плаще и на белом постаменте. На одеянии желтой фигуры художник пытался красными линиями показать складчатость плаща.

От нижнего яруса фрагмента сохранилась только часть головы одной фигуры. Рисунок, как и в других случаях, нанесен тонкой коричневой линией. Только на отдельных участках (брови, линия верхнего века, зрачок) он был подправлен сверху (т. е. по коричневому) черной краской, что придает лицу большую живость, выразительность. Тем же приемом изображена и прическа: поверх коричневой

Рис. 38. Аджина-тепа. Фрагмент росписи свода (прорисовка).
Коридор XXVII. [XXVII/p-2]

краски, положенной вначале, нанесена черная. Красно-коричневый тон проглядывает только узкой полосой над лбом и на — ушнише. Вокруг головы — нимб голубого цвета, а всю фигуру в целом окружает двухцветная (бело-желтая) мандорла.

В правом углу фрагмента, в треугольном тимпане — белый цветок лотоса (вертикальная желтая полоса, разделяющая фигуры одного ряда — это, вероятно, стебель цветка).

XXVII/p-2 Фрагмент росписи свода (размеры 24×11 см; рис. 38). Найден в завале на полу напротив ниши № 3, у стены, смежной с двором. Сохранилась голова с ушнишей и черными волосами. Вокруг головы был нимб белого цвета, лицо немного повернуто влево. У левого уха была вытянутая мочка, правая мочка изображалась условно, в виде завитка.

XXVII/p-3 Фрагмент росписи свода (размеры 22×17 см; рис. 39). Найден в завале коленчатого коридора XXVII–XXVIII, недалеко от поворота, на высоте 10–15 см от пола. Часть многоярусной композиции. На фрагменте — голова фигуры с синим нимбом и ее плечи. Изображение выполнено на серовато-черном фоне и окружено мандорлой, остатки которой в виде яркого желтого пятна сохранились у края фрагмента. Рисунок сделан четкой красно-коричневой линией. На некоторых участках контур дублирован тонкой белой линией (например, у подбородка), не совпадающей с красно-коричневой. Для придания большей выразительности брови, зрачок и линия верхнего века подведены черной краской.

Голова фигуры в три четверти влево. Полностью видно левое ухо с длинной оттянутой мочкой. Мочка другого уха выглядывает из-за правой щеки в виде завитка. На голове — ушниша. Волосы красно-коричневого цвета. На Будде белый плащ, верхний край которого образует правильный круглый вырез вокруг шеи.

Рис. 39. Аджина-тепа. Фрагмент росписи свода (прорисовка). Коридор XXVII. [XXVII/p-3]

Специфическая особенность этого фрагмента — отсутствие ганчевого грунта: краска нанесена прямо на тонкий слой коричнево-зеленой глины, которым выравнивалась поверхность саманной штукатурки.

XXVII/p-4; Фрагмент росписи свода (размеры 16×23 см). Найден в углу коленчатого коридора, в завале, на глубине 15 см над уровнем пола. На фрагменте — изображение фигуры в розовом плаще на зеленоватом фоне, окруженное двуцветной мандорлой (розово-желтой). Вокруг головы — ярко-синий нимб.

Черты лица изображены контурной линией коричневого цвета, местами (верхнее веко, зрачок, бровь) проработанной сверху черной краской. Ухо с длинной оттянутой вниз мочкой передано очень обобщенно. Плащ оставляет открытой шею и часть груди. Его складки переданы, как и весь рисунок, коричневыми линиями, четко выделяющимися на светлом фоне плаща. Правая рука фигуры согнута в локте и приподнята. Положение руки установить невозможно, так как кисть не сохранилась.

XXVII/p-5, 6, 7, Фрагменты росписи свода. Небольшие фрагменты (рис. 40–42) были найдены в завале, непосредственно над полом коридора (так наз.

Рис. 40. Аджина-тепа. Фрагмент росписи свода (прорисовка).
Коридор XXVII. [XXVII/p-5]

VI слой), в средней его части, перед нишей № 3 и выходом во двор. Ни один из фрагментов не сохранил фигуры полностью. Однако фрагменты позволяют судить о разнообразии лиц, поз и расцветки одежды и нимбов. Для всех фрагментов характерен четкий, уверенный рисунок и одинаковая манера передачи деталей, что еще раз подтверждает заключение о едином характере росписи свода всего коридора XXVII.

Помещение XXVIII.

XXVIII/p-1 Фрагмент росписи свода (размеры 165 x 75 см). Один из наиболее крупных участков росписи свода, обнаруженный в завале этого колена коридора (рис. 43). Лежал лицом вверх, упав вместе с монолитом кладки наружной ветви свода и сохранив первоначальную кривизну поверхности. На фрагменте — остатки четырех ярусов сидящих фигур. Общий фон синий. Ярусы разделены охристо-желтыми горизонтальными полосами шириной в 1,5–2 см. На всю высоту сохранились только два средних яруса, верхний и нижний — лишь частично.

Высота каждого яруса — 43 см. В самом широком месте по ширине сохранились две фигуры полностью и части еще двух фигур, сохранившихся небольшими участками. Всего на фрагменте уместилось одиннадцать фигур (полностью или частично). Мандорла вокруг каждой фигуры имеет вид сдвоенной желто-белой полосы и отделяет одну фигуру от другой, как бы заключая их в рамку. Под каждой сидящей фигурой —

Рис. 41. Аджина-тепа. Фрагмент росписи свода (прорисовка). Коридор XXVII. [XXVII/p-6]

Рис. 42. Аджина-тепа. Фрагмент росписи свода (прорисовка). Коридор XXVII. [XXVII/p-7]

красно-коричневый постамент — основание. Треугольное пространство между фигурами в верхней части заполнено стилизованными изображениями лотоса.

Насколько позволяет судить сохранность фрагмента, ноги всех фигур показаны в одинаковой позе (падмасана). Стандартны также нимб вокруг головы, прическа (красно-коричневый цвет), ушниша, форма основания-постамента. Этим, пожалуй, и ограничиваются повторяющиеся элементы.

Индивидуальны (в пределах описываемого фрагмента) наклон и поворот головы, положения рук. Различаются также расположение плаща на верхней части фигуры и его окраска (белый и желтый цвет).

Как и в других случаях, рисунок выполнен коричнево-красным контуром, четко и уверенно. Некоторые детали (ступни ног, пальцы рук, цветы между фигурами) изображены схематично, но степень схематизации одной и той же детали в каждом конкретном случае различна и, видимо, полностью определялась художником в процессе рисования.

Рис. 43. Аджина-тепа. Четырехъярусная роспись свода (схема-прорисовка фрагмента).
Коридор XXVIII

Фрагмент был найден высоко над уровнем пола. Можно думать, что сводчатое перекрытие коридора обрушилось только во второй («немонастырский») период жизни Аджина-Тепе, когда (или после того как) помещения этого фаса монастыря были временно обжиты ремесленниками. Этим, видимо, объясняется и плохая сохранность росписи, подвергавшейся разрушению еще до падения свода.

XXVIII/р-2 Фрагмент росписи свода. Является продолжением крупного фрагмента XXVIII/р-1, был найден в завале, на уровне VIII яруса, «лицом» вверх.

Сохранилось изображение фигуры, сидящей в позе «подмасана». Видны только пальцы ступней, остальная часть ног и основание-постамент отсутствуют. Фигура изображена на синем фоне и окружена двухцветной (бело-желтой) мандорлой,

Рис. 44. Аджина-тепа. Фрагмент росписи (схема-прорисовка). Помещение XXIX

вокруг головы — розовый диск нимба. На голове — ушниша; раскраска волос — коричневато-рыжая. Удлиненная мочка левого уха передана художником так, что напоминает украшение. Вся фигура слегка повернута вправо (от зрителя). На ней светлый плащ, оставляющий открытой шею. Руки лежат на коленях, вытянуты вперед. Кисти рук на фрагменте отсутствуют. Рисунок выполнен красной линией, черты лица не имеют следов дополнительной подправки черной краской. В верхней части фрагмента сохранились остатки вышележащего яруса изображений: виден участок постамента-основания, окрашенного в красный цвет, и нижний край белой одежды фигуры, сидящей на нем.

XXVIII/р-3 Фрагмент росписи свода (размеры 45×42 см). Судя по расположению в завале, непосредственно примыкал к предыдущему фрагменту (XXVIII/р-2).

Сохранилась верхняя половина одной фигуры и часть примыкающей к ней справа другой фигуры. Обе фигуры (подобно той, что на фрагменте XXVIII/р-2) изображены на синем фоне, окружены двухцветной (бело-желтой) мандорлой. Цвет нимба вокруг головы левой фигуры серовато-голубой. Прическа не сохранилась, лишь узкая светло-коричневая полоса над лбом позволяет предполагать, что цвет волос этой фигуры был таким же, как на фрагменте XXVIII/р-2. Вся фигура несколько повернута влево, поэтому хорошо видна нижняя часть левого уха с сильно вытянутой мочкой. Видно также окончание переданной завитком мочки правого уха. Ярко-красного цвета дхоти не закрывает шею; под ним синим цветом обозначен край нижней одежды.

Правая фигура сидит на белом постаменте. Из складок ее желтого плаща выступает правая рука ладонью вверх. Пальцы сложены так, что средний и большой сомкнуты, а указательный несколько отставлен и вытянут вперед. В нижней части фрагмента видна ступня левой ноги, изображенная очень обобщенно. Верхняя часть фигуры не сохранилась. Рисунок сделан красной линией, черты лица не имеют дополнительной подправки черным цветом, складчатость одежды не показана.

Помещение XXIX.

Фрагмент росписи (рис. 44), упавшей «лицом» вниз со стены или потолка небольшого айванного помещения. Представляет собой часть многоярусной ком-

Рис. 45. Аджина-тепа. Дароносцы. Фрагмент росписи. Стена прохода в помещение XXXI

позиции, аналогичной той, что покрывала сводчатый потолок коленчатого коридора XXVII/XXVIII.

Изображения сидящих Будд выполнены на ярко-синем фоне. Горизонтальные ряды фигур отделены один от другого извилистым растительным побегом желтого цвета; между соседними в ряду фигурами были помещены розовые цветы лотоса: один цветок между коленами двух соседних фигур, другой — на уровне голов и нимбов.

На этом фрагменте сохранилось два ряда изображения с нимбами и мандорлами, причем от трех фигур верхнего ряда видны только поджатые ноги и части одежды, ниспадающие на коврики-постаменты; в нижнем ряду — головы и нимбы двух других фигур. Рисунок выполнен красно-коричневым контуром, по которому черным проработаны (усилены) брови, верхнее веко, зрачок, линия нижней губы.

Насколько позволяют судить части фигур, сохранившиеся на описываемом фрагменте, все персонажи отличались один от другого позы, а также раскраской одежды, нимба, «коврика» и расположением складок. На «ковриках»-постаментах контурным рисунком (красным) нанесены многолепестковые цветы. Их раскраска отличается от цвета самого «коврика»: на красном — цветы белые, на желтом — красные. Форма ушниц у фигур на этом фрагменте несколько необычна по сравнению с остальной живописью Аджина-Тепе: ушницы крупнее, но плосче.

XXXI/p-1 Фрагмент росписи «Верующие с дарами» (размер 75×50 см; рис. 45). Найден в завале над полом, в проходе, который вел из коленчатого коридора XXVII/XXVIII в помещение XXXI. Поверхность росписи пересекают трещины, образовавшиеся при падении со стены, и глубокие вмятины от упавших сверху обломков сводчатого перекрытия.

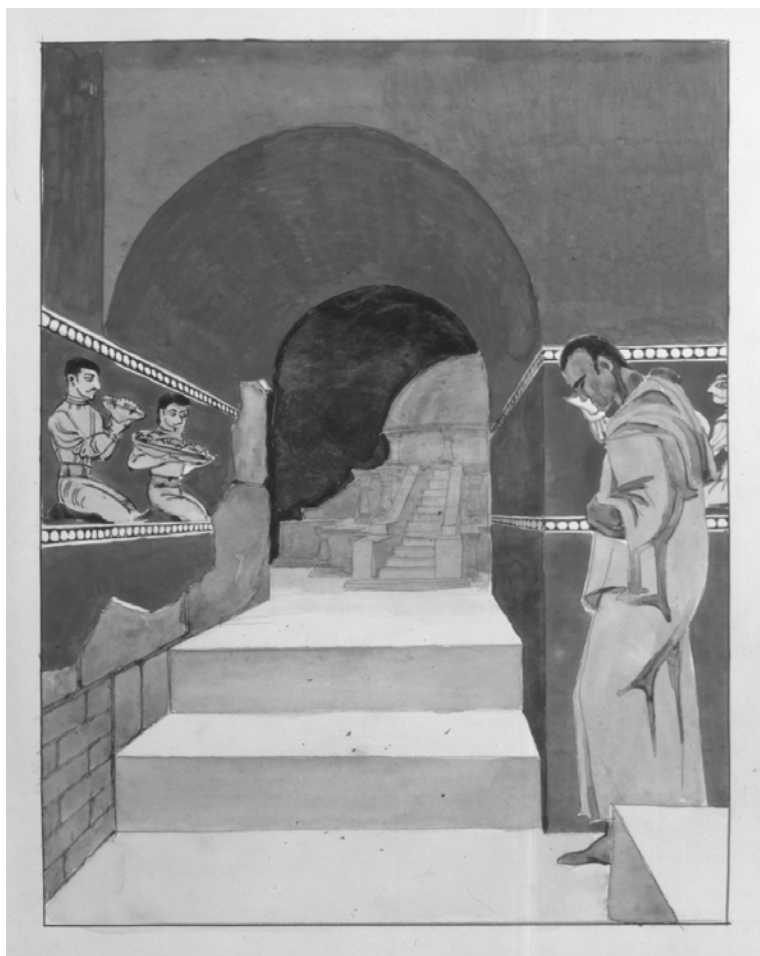

Рис. 46. Святилище XXXI. Вид из коридора XXVII. Реконструкция

На фрагменте изображены две мужских фигуры в белых одеждах, сидящие на поджатых под себя ступнях с вытянутыми носками. В руках, согнутых в локтях — дары. Фон фрагмента — красно-коричневый. По полю фона разбросано несколько лепестков (лотоса?) (рис. 46). Слева композицию ограничивает изображение пучка цветов и нераспустившихся бутонов лотоса.

По-видимому, фрагмент входил ранее в один из ярусов живописи на стене прохода. Верхнее поле композиции ограничено широким черным бордюром (3,4 см), который обрамлен сверху и снизу белыми узкими полосами; черное поле бордюра заполнено рядом близко расположенных овальных «перлов» белого цвета. Нижний край композиции не сохранился, но, судя по расположению и величине фигур, общая высота яруса изображений составляла примерно 55–60 см (т. е. была чуть больше сохранившегося участка).

Обе фигуры на описываемом фрагменте примерно одинаковы по размеру (высота около 45 см), сидят (или стоят на коленях?) друг за другом и обращены вправо

(в сторону помещения XXXI). Левая фигура почти полностью профильная; торс и голова правой фигуры несколько развернута на зрителя. Поджатые ноги обеих фигур показаны в профиль, но немного сверху, так что видна частично и левая нога. Одевание свободное, покрывающее все тело. Высокий ворот собран тремя горизонтальными полосами-складками. Ткань на груди, на руках и на бедрах лежит складками, подчеркивающими позу и положение частей тела. В талии кафтан перетянут поясом, что также подчеркивается вертикальными складками на животе. Сам пояс — довольно широкий, наборный — из чередующихся черных и желтых пластин. Справа (почти спереди) к нему прикреплен кинжал в ножнах, подвешенный почти горизонтально с помощью двух колец (у правой фигуры) или двух пластин (ременных петель?). Кинжал левой и правой фигур одинаковой формы и размеров: слегка расширяющаяся у вершины «позолоченная» (желтая) рукоять имеет чуть скругленный переход к прямому перекрестью; ножны, как и пояс, наборные, украшенные «золотом» (пластины желтого цвета).

Обувь видна только у правой фигуры — это черные облегающие сапоги — ичиги.

С левой стороны на поясе у обеих фигур подвешен меч. Система его подвески не видна; о нем можно судить только по рукояти меча, расположенной примерно посередине бедра. На росписи перекрестье изображено под углом к гладкой рукояти, но, видимо, это попытка передать прямое перекрестие в перспективе. Вдоль правого (т. е. обращенного к зрителю) бедра правой фигуры виден узкий и длинный предмет черного цвета. Изображает ли он рукоять камчи, или что-либо другое, судить трудно, так как далее фрагмент росписи обрывается.

Голова левой фигуры сохранилась более полно. Крупный, с небольшой горбинкой нос, широко раскрытые глаза, тонкие губы, над которыми узкая изогнутая полоска усов, выступающий вперед подбородок. Участок росписи с лицом второй фигуры поврежден, но в какой-то степени может дополнить представление о физическом типе этих персонажей, так как лицо правой фигуры развернуто в три четверти. Как и у левой фигуры, глаза показаны почти правильным овалом со зрачком-точкой. Брови правой фигуры соединяются над переносьем.

Прическа у обоих персонажей примерно одинаковая. Волосы низко опускаются на лоб, а их нижняя граница примерно повторяет контур бровей; височная прядь заострена «клинышком». На макушке левой фигуры волосы образуют заостренный выступ. Левая фигура украшений не имела. В правом ухе правой фигуры серьга, состоящая из двух шариков, соединенных между собой перемычкой (серьги «салтовского» типа).

Каждый из персонажей держит двумя (согнутыми в локте) руками перед собой сосуд с «дарами». В руках левой фигуры кубок конической формы с двумя треугольными вырезами у верхнего края. Контур кубка довольно сложный: узкий в придонной части, он резко расширяется в верхней трети, так что напоминает широкую чашу с загнутым внутрь краем, которая поставлена на высокую ножку. Нижняя часть кубка скрыта рукой держащего. Окрашен этот сосуд в серо-голубой цвет, которым могли передавать цвет серебра.

Правая фигура держит, прижав к груди, более крупный сосуд, по-видимому, это золотое (судя по окраске желтым) желобчатое блюдо овальных очертаний. Верхний край блюда ограничен горизонтальным узким валиком.

«Дары», которыми заполнены кубок и блюдо, переданы весьма обобщенно — крупными белыми пальметками с фестончатым (или волнистым) краем, на плоскости которых показаны «прожилки». Скорее всего, это цветы.

Фрагмент XXXII/р-1, размером 37×25 см, найден в массиве под полом I периода в восточном углу помещения лицом вниз.

Фрагмент представляет собой часть сцены, изображающей Будду с предстоящим справа светским персонажем. Будда одет в желтое сангхати в окружении желто-сине-красной мандорлы. Фон внутри мандорлы — зеленоватый. Будда сидит на постаменте-подушке красно-коричневого цвета с белыми цветами.

От светского персонажа сохранилась голова и часть фигуры, одетой в одежду палевого цвета. Фигура изображена на синем фоне, обращена лицом в четверть оборота в сторону Будды. Сохранность изображения плохая, но удастся рассмотреть выпуклый глаз, линию прямого носа, рот, ухо с длинным украшением желтого цвета, черные локоны прически на голове и у правой щеки. Рисунок сделан красной линией, после заполнения его контура цветом подтвержден снова черной линией овал лица, брови, зрачок, веки, глаз.

Фрагмент XXXII/p-2 размером 32 × 24 см. Найден в завале выше зольника II периода возле северо-восточной стены помещения.

Фрагмент представляет собой часть сцены, изображающей Будду, сидящего на красно-коричневом постаменте, украшенном белыми цветами, и окруженным трехцветной мандорлой.

Справа от Будды маленькая женская фигурка, коленопреклоненная с распущенными кудрявыми волосами. Округлое лицо повернуто в четверть оборота в сторону Будды. Фигурка стоит на коленях, руки согнуты в локте. Лицо и туловище окрашены в зеленовато-серый цвет, волосы черные.

Между Буддой и фигуркой — полоса синего фона, на котором изображены розовые стебли цветов.

От фигуры Будды сохранилось правое колено, прикрытое желтым плащом, часть центральных складок, спускающихся полукругом на постамент. В колено упирается дуга трехцветной мандорлы.

Фрагмент росписи DC/p-1 (размер 65 × 30 см). Обнаружен в северном углу двора Ступы в завале возле внешней стены коридора XXXУШ. Фрагмент лежал на верхнем полу лицом вниз и, видимо, украшал стену двора, вдоль которой шел деревянный навес. Сохранился небольшой кусок от нижней части росписи, на котором видны босые ступни ног персонажа (Будда или бодисатва), стоящего на лото-совидном постаменте, обращенного в левую сторону от зрителя. Персонаж одет в длинную красную складчатую одежду, возле правой ступни его — многолепестковый цветок (?). В левой части фрагмента просматриваются остатки как будто бы еще одной фигуры

в красной одежде. Широкая светлая полоса внизу позволяет предполагать, что это близкий к полу участок росписи.

б) Вопросы техники. Интерпретация

Как мы видим, количество сохранившихся фрагментов и особенно целых сцен настенной росписи сравнительно невелико. Однако с полной уверенностью можно говорить о том, что в свое время ею были покрыты стены и потолки почти всех помещений, составляющих ограду ступы, полностью или частично стены двора, а также некоторые помещения «монастырской» половины. Роспись была нанесена вскоре (или сразу же) после сооружения всего здания. На последующих затем ремонтно-строительных этапах I-го («монастырского») периода живопись, как правило, не подновлялась. Исключение составляет помещение № I («святилище»), где, как мы уже указывали, есть несомненные следы вторичного покрытия сюжетной росписью отдельных участков стен и плоскостей постаментов, выполненных на несравненно более низком профессиональном уровне.

В других помещениях починочные работы, связанные с живописью, сводились к тому, что вся поверхность стены или потолка заново штукатурилась и окрашива-

лась в однотонный цвет (вестибюльные помещения II и XI, потолок святилища XXXI). В тесто ремонтного слоя штукатурки часто замешивали осыпавшуюся штукатурку нижнего слоя с остатками росписи (стены помещения XX, переложенная торцовая стена коридора I и др.).

По-видимому, более всего нуждались в ремонте и подновлении айванные помещения, как подвергавшиеся прямому воздействию непогоды. Лучше всего, как мы видим, сохранились потолковые росписи коленчатых коридоров вокруг двора ступы. Залегание в завале некоторых из них показывает, что они обрушились вместе со сводом уже в конце Д-го периода (периода обживания развалин монастыря), «прожив» около двух столетий.

Под воздействием постоянного притока почвенных солей те фрагменты, что сохранились *in situ* на стене, оказались сильно попорченными. Фрагменты росписей, лежащие в завале, пострадали значительно меньше, так как процесс высадки солей из их поверхности протекал, в силу ряда причин, менее интенсивно.

Нанесению живописи на поверхность стены или потолка предшествовало предварительное выравнивание ее с помощью глино-са-манной обмазки толщиной от 2—3 см до 20 см. Сверху она была покрыта тонким (около 3 мм) слоем коричнево-зеленой обмазки, в которую добавлялось значительное количество мелкого песка. Своим составом этот поверхностный слой очень близок глиняному тесту, из которого изготовлена часть скульптуры. Поверх твердой корочки — обмазки износился тонкий слой белого ганча, который служил грунтом под краску. Его толщина была неодинакова на разных участках, а на некоторых фрагментах он вовсе отсутствовал. По мнению И. И. Кострова, возможно, здесь мы имеем случай, когда слой ганча был настолько тонким, что со временем под воздействием почвенных солей он растворился.

Проведенное Л. П. Новиковой в лаборатории Института истории им. А. Дониша микроскопическое изучение показало, что слой коричнево-зеленой обмазки представлялся из тщательно перетертой смеси песка с пластичной глиной, причем размеры зерен песка достигают сотых долей миллиметра. Тонкая белая подгрунтовка оказалась смесью растертого в порошок песка и столь же измельченного карбоната кальция.

Стены помещений Калаи-Кафирнигана, предназначенные для нанесения живописи, покрывались толстой штукатуркой, иногда и специальным слоем штукатурки-подгрунтовки. Алебастровый грунт живописи наносился на штукатурку, по-видимому, с помощью кисти, которой водили сверху вниз. При этом образовывались редкие глубокие и частые мелкие бороздки, сплошь покрывающие поле. В этой связи вспоминаются слова, сказанные в комментарии к *Samyutta Wikaaya* (ок. V в. н. э.): «Искусный живописец принимаясь за живопись, имеет дело со стеной, которая еще не готова (*aparikamma-kata*) и он должен подготовить ее с помощью глины и алебастра для нанесения живописи»¹.

В Индии в раннее средневековье в некоторых случаях на каменные стены скальных храмов накладывался всего один слой штукатурки-грунта (толщина его в Бадами 0,4—0,6 мм, в других памятниках значительно толще), поверх него наносилась живопись. В других случаях (храм Кайласанатха и Войкуптхаперумал) наносилась грубая штукатурка-подгрунтовка и затем слой тонкой грунтовки. Грубая штукатурка (слой толщиной 1,5—4,1 мм) состояла из алебастра и песка с примесью растительных волокон и глины. Примерно таким же был состав тонкой штукатурки.

¹ Coomaraswamy A. K. Further References to Painting in India // *ArAs*. 32. 2—3. Ascona, 1930. P. 128.

В Бамиане стены пещер покрывались вначале слоем (12,5–37,5мм) глиняной, с примесью растительных волокон, штукатуркой. На него наносился тонкий гипсовый слой, который служил грунтом для живописи.

В Тепа-Сардар поверхность стен перед нанесением живописи покрывалась четырех-шестисантиметровым слоем clay mixed with straw. Затем this dressing was finished with thin (2–3 mm) coat clay mixed with the fibres obtained from the inflorescences of a kind of reed. In Tun-huang the place of the mixture of clay and vegetable fibres is taken by kaolin. В Тепа-Сардар, в отличие от Аджина-Тепе, no trace of printing is usually found².

Стены сооружений в Восточном Туркестане сначала покрывались слоем грубой обмазки-штукатурки, толщина которой была различна и зависела от ровности стенной поверхности: при гладкой поверхности толщина была порядка полусантиметра или даже вообще отсутствовала. Этот слой состоял из глины с саманом. Поверх наносился тонкий слой красноватой глины с примесью растительного волокна. И, наконец, грунт — тонкий слой белой или зеленоватой глины или же алебастра³.

Добавим, что в Средней Азии такой способ подготовки стены к нанесению росписи, какой описан для Аджина-Тепе и Калаи-Кафирнигана, применялся уже в древности, например, на Фарз-тепе.

В Аджина-тепа основные цвета росписи, нанесенной по белому ганчевому фону, — красный (с оттенком от розового до коричневого), желтый (от лимонного до охристого), синий, черный, белый. Очень редко встречается зеленый. В качестве фоновое обычно используется синий цвет, реже — красный или светло-зеленый.

Результаты спектрального анализа и специального изучения под микроскопом синей краски показали, что это пылевидно-измельченный лазурит, а также красная и желтая краски приготовлены из природных высококачественных охр.

По белому ганчевому грунту художник наносил тонкой линией красновато-коричневого цвета рисунок, проработанный во всех деталях. С одной стороны, этот рисунок служил как бы контуром для дальнейшего красочного заполнения его внутреннего пространства, с другой стороны, оставаясь видимым сквозь краски, он передавал контур фигуры и некоторые детали. Для придания большей выразительности чертам лица, художник местами дублировал контурный рисунок черной, коричневой или (реже) белой линией, при этом черной, обычно, «подводились» брови, веки, глаза, губы.

После раскраски контурного рисунка художник дорисовывал отдельные детали, линиями передавал складки одежды. При этом, если одежда была желтого, белого или розового цвета, то вторичный рисунок делался красной линией, если же плащ был красным, то его складки рисовались коричневыми линиями.

² *Paramasivan S.* The Pallava Paintings at Conjeevaram — An Investigation into the Methods // *Proceedings of the Indian Academy of Sciences*. Vol. 10. 2. Section A. Bangalore, 1939. P. 79–83; *Id.* Technique of the Painting Process in the Rock-Cut Temples at Badami // *Proceedings of the Indian Academy of Sciences*. Vol. 10. 3. Section A. Bangalore, 1939. P. 146; *Gettens R.* Materials in the Wall Paintings of Bamiyan, Afghanistan // *Technical Studies*. VI, January 1938. P. 186–193; *Klimburg-Salter D.* The Kingdom of Bamiyan. Buddhist Art and Culture of the Hindu Kush // *Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di Studi Asiatici, Series Maior*, V. Naples; Rome, 1989. P. 79. По-видимому, последние исследования Археологической службы Индии ещё не опубликованы. См. также: *Gray B.* Buddhist Cave Paintings at Dunhuang. London, 1959. P. 53; *Silvi Antonini C., Taddei M.* Wall Paintings from Tapa Sardar, Ghazni // *South Asian Archaeology*, 1979. Berlin, 1981. P. 429–38.

³ *Дудин С. М.* Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая // *Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии Наук*. V. Петроград, 1928. С. 36–38.

В других случаях («дароносцы») красно-коричневая линия рисунка выглядит как предварительный набросок-разметка, который затем был повторен уверенной черной линией. При этом, в одних случаях черный обвод прорабатывал и уточнял детали первичного рисунка, а в других, наоборот, обобщал. Получался, таким образом, как бы двойной рисунок, наложенный один на другой, не всегда и не во всем совпадающий. Однако это нисколько не мешает восприятию его в целом, а наоборот, создает до некоторой степени впечатление объемности.

На Калаи-Кафирнигане общим фоном верхнего фриза служил голубой цвет, нижнего — темно-красный (охра красная, натуральная). Тот и другой наносились сверху вниз без полутонов на миллиметровый слой ганча, положенный на нижнюю штукатурку. Объединял и верхнюю и нижнюю композицию единый на обоих фризах тон изображаемых фигур, их одежды и тела переданы сочными пятнами желтой охры.

Роспись наносилась в определенной последовательности, с незначительными отступлениями. Первоначально на ганч коричневой краской наносилась контурная линия (от 1 до 2 мм толщиной). Затем фигуры закрашивались общим тоном желтой охры. Основной контур алой краской (до 3 мм толщиной) обозначал окончательные линии изображения. После этого покрывался фон каждого фриза. Заключительный контур черной краской (наиболее толстая и рельефная линия, иногда до 4–5 мм шириной) подчеркивал отдельные детали, создавая выразительность контрастного цветового сочетания (черный по алому). Несколько иначе трактовал художник детали одежды Будды на верхнем фризе росписи. Моделировка складок и орнаментальные узоры обозначены темно-коричневой краской с алым заполнением⁴.

В настенной живописи Средней Азии нанесение линейного рисунка всегда предшествовало последующей закрашке его внутреннего пространства⁵. Осуществлялось это, однако, по-разному. В халчаянской живописи «лица очерчивались черным контуром, черты нанесены также черным и красным⁶. На Файз-тепе художник вначале наносил коричнево-красной краской контурный рисунок всей композиции. Затем закрашивались определенным цветом в слабой тональности оконтуренные поверхности, причем не строго следуя натуре, затем тонкими красными штрихами уточнял рисунок и прорисовывал детали, наносил дополнительные цветовые мазки, пытаясь передать объем⁷. Черный предварительный контур имеется и на даль-верзинской живописи⁸. В Топрак-кале наряду с нанесением рисунка

⁴ Литвинский Б. А. Настенная живопись... С. 127.

⁵ Ibid. P. 127–28. (*Le Coq A. von. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, III // Die Wandmalereien. Graz, 1974 [reprint]. S. 7–8; см.: Grünwedel A. Alt-Kutscha. Berlin, 1929. S. 31–32*). Индийские письменные источники, связанные с живописью: *Siri Gunasinghe. La Technique de la peinture indienne d'après les textes du śilpa // Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études, LXII. Paris, 1957*. Здесь также поднимается вопрос об использовании определенных трафаретов. Ученые, которые обнаружили их на раскопках в Восточном Туркестане, называли их по-немецки 'die Pausen' и описывали их следующим образом: 'Die Pausen bestehen aus dünnem Papier für die kleineren und aus dickerem, pappeähnlichem Papier für die großen Gemälde. Auf diesem Papier entwarf der ausführende Künstler das zu vervielfältigende Bild in feineren oder derberen, mit schwarzer Tusche ausgeführten Umrissen. Die Umrisse wurden dann durchlocht durch zahlreiche Stiche einer Nadel oder eines spitzen Pfriems. Die so hergestellte Pause wurde fest gegen die zu bemalende Fläche gepresst; dann rieb man Kohle über die Pause oder schlug mit einem mit feinem Holzkohlensrtaube gefüllten Säckchen so lange auf die durchlochenden Linien, bis das Bild in schwachen Umrissen auf der Wandfläche sichtbar geworden' (*Le Coq A. von. Die buddhistische... S. 7*).

⁶ Пугаченкова Г. А. Халчаян... Р. 145.

⁷ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. С. 91–92; *Он же. Живопись святилища Фаяз-тепе // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990. С. 25*.

⁸ Ртвеладзе Е. В. Настенная монументальная живопись из раскопа ДТ-7 на Дальверзин-тепе // Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей, I. М., 1976.

контуром применялось и процарапывание его. Так, в помещении 19 изображение юноши с луком и колчаном было сделано красной линией, плоскость закрашена и местами была обведена черным по контуру. В других случаях контур наносился черным, делались попытки передать светотень⁹. В живописи Хадды наружный обвод фигур и некоторые детали обведены черной краской (живопись на пилястре и куполе в «Малойюпелле»)¹⁰.

Позже, в живописи Балалык-тепе, по наблюдениям Л. И. Альбаума, прорисованы преимущественно руки и головы изображенных персонажей, некоторые орнаменты и, как исключение, отдельные части одежды¹¹. В Пенджикенте контуры первоначально наносились красным, затем черным¹²; красным был первоначальный контур в Шахри-стане, тепло-красным — окончательный¹³. На Афрасиабе первичный рисунок, очень тщательный, с прорисовкой всех деталей, сделан красной линией¹⁴. На Варахше, напротив, первичный контур был черным, а окончательный — черным и красным¹⁵.

Рассмотрим имеющиеся данные по некоторым памятникам ранне-средневековой живописи зарубежного Востока.

В Дильберджине (пом. 16) в росписях южной и западной стен по грунту наносился линейный рисунок малиново-красной, а кое-где черной краской. При наложении краски подробно пририсовывался красной краской рисунок рук и ног. Завершалась работа нанесением черного контура. В верхнем ярусе северной стены по грунту был сделан подготовительный рисунок черной краской¹⁶. После нанесения цветового заполнения делался подробный рисунок красным, заверченный черными контурными линиями.

В Бамиане контуры обведены черной краской (так во всяком случае в гроте G — Музей Гиме, шифр М-17947), иногда же красной¹⁷.

Б. А. Литвинскому удалось в Кабульском музее детально изучить

живопись Какрака. В сцене большого сидящего Будды контуры у фигуры очень толсты, коричневый, в некоторых местах — двойной. В нижней части фигуры контур одинарный, коричневый, выше, ближе к голове, с ее черной прической, внутри коричневый, а снаружи черный, так, например, на правой (обнаженной) руке. Двойным является и контур подбородка. Контур (например, на внутренней части локтя левой руки) не всегда сплошной, иногда с большими разрывами. Линии плеча и предплечья состоят из отдельных не сомкнутых штрихов (мазков). Нос, губы, уши рисовались коричневым, брови черным, на месте глаз посажены сначала, при

⁹ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 177; Воробьева М. Г. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала // Труды ХАЭЭ. I. 1962. С. 68; Кошеленко Г. А., Лелеков Л. А. Живопись Хорезма позднеантичной эпохи // Сообщения ВЦНИЛКР. 28. М., 1973. С. 196; Рапопорт Ю. А. Топрак-кала. Дворец. М., 1984. С. 94–95, 98–100.

¹⁰ Парижский музей восточных искусств (Музей Гиме). Шифры М-2180 и М-21810 (наблюдения Б. А. Литвинского).

¹¹ Альбаум Л. И. Балалык-тепе // К истории материальной культуры и искусства. Ташкент, 1960. С. 100; Шишкин В. А. Варахша... С. 200. № 124.

¹² Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973. С. 40; Костров П. И. Техника живописи и консервации росписей Древнего Пенджикента. М., 1954. С. 163 сл.

¹³ Негматов Н. Н., Соколовский В. М. Два фрагмента стенной росписи с изображением многорукой богини из Шахристана. 37. 1973. С. 442.

¹⁴ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба... С. 98–100.

¹⁵ Шишкин В. А. Варахша... С. 151–152.

¹⁶ Бурый В. П. Техника росписей помещения 16 // Древняя Бактрия. II. М., 1979. С. 148–151.

¹⁷ Цветные репродукции живописи Бамиана и Каракы см.: Bamiyan. Art and Archaeological Researches on the Buddhist Cave Temples in Afghanistan 1970–1978 / ed. by T. Higuchi. I. Plates (Murals). Kyoto, 1983.

разметке, коричневые овалы, в которые затем вписаны черные глаза. На сцене с «Царем-охотником» у левой фигуры контур сделан желто-оранжевой линией на одной из фресок тепло-коричневый контур очень уверенный, тонкий. Затем, после (или во время) раскраски по линии этого контура лицо и плечи подчеркнуты черной контурной линией. После нанесения контура производилась закрашка плоскостей, причем цветное пятно иногда выходило за линию контура. Так, на левой руке первой из описанных фигур цветное заполнение вышло за первоначальный контур на 4–6 мм.

В Аджанте первоначальные контуры фигур наносились черной или чаще красной краской, затем, после раскраски фигур, контур окончательно обозначался вторично. На многих фигурах виден первоначальный красно-коричневый контур, затем по нему, иногда со значительным отступлением от края (см., например, левую руку боди-сатвы Падмапани в пещере I. В других случаях вторичный контур не наносился — так изображены другие фигуры в этой пещере¹⁸.

На Цейлоне также обычным было нанесение фигур вначале красными и черными линиями, с последующей затем раскраской и подтверждением первоначального контура. При этом не всегда точно следовали первоначальному рисунку¹⁹.

Наконец, в Восточном Туркестане на росписях Безеклика, как сообщает С. М. Дудин, в рисунках кистей рук, ступней ног, животных, где воплощены фигуры в движении, художник нередко подправлял первоначальный контурный рисунок. Помимо этого исправленного рисунка, исполненного черной «тушью», после нанесения краски, если контур его «забивался», его проводили заново, на этот раз коричневым, стараясь, чтобы повторенный контур совпадал с первоначальным, но иногда они сознательно делались рядом для создания более мягких цветовых переходов²⁰.

Эта практика нашла отражение и в древних письменных источниках. Так, в палийско-буддийском сочинении Atthasalini указывается, что процесс живописи состоит из ряда последовательных операций: первой называется искусное рисование кистью пред-вательного контура (*lekha gahana*), затем следует нанесение красочного слоя (*ganjana*), проработка светотени и др.²¹

Но вернемся к Аджина-тепа. В аджинатепинской живописи красочное заполнение внутри контурного рисунка сделано (в отличие от Калаи-Кафирнигана) равномерным слоем, без малейшей попытки с помощью оттенков передать объем. Правильней назвать эту живопись раскрашенным рисунком, ибо мастерства в ней требует только рисунок. Он должен быть точен, выразителен, лаконичен, раскраска же сводится к аккуратному заполнению определенным цветом пространства, ограниченного рисунком. Однако на художнике (или его помощнике) лежала ответственность за гармоничность в цветосочетании, оно должно было соответствовать каким-то эстетическим нормам и канону. Особенно это видно при сравнении между собой кусков потолковой росписи коленчатых коридоров ограды ступы: на

¹⁸ См.: *Yazdani Ya. G.* Ajanta. 4. Text. London; New York; Bombay, 1955. P. XXXI–XXXII; *ibid.* Plates. P. XXV–XXVI/1a; *Smith V. A.* A History of Fine Art in India and Ceylon. 3rd ed. Bombay, n. d. P. 90; *Gupte P. Sh.*, *Mahajan B. D.* Ajanta, Ellora and Aurangabad Caves. Bombay, 1962. P. 43; *Короцкая А. А.* Сокровища индийского искусства. М., 1966. С. 113.

¹⁹ *Smith V. A.* A History of Fine Art... P. 100. Подробнее см.: *De Silva R.* The Technique of Ancient Sinhalese Painting Sigiri // *Paranavitana Felicitation Volume*. Colombo, 1965.

²⁰ *Дудин С. М.* Техника стенописи... С. 45–47. Подробнее о технике живописи Восточного Туркестана см.: *Riederer J.* Technik und Farbstoffe der frühmittelalterlichen Wandmalereien // *Beiträge zur Indienforschung*. Berlin, 1977.

²¹ *Coomaraswamy A. K.* One Hundred References to Indian Painting // *ArAs*. 32, 1. Ascona, 1930. P. 45; *Id.* Further References... P. 126.

ярко-синем фоне, вплотную друг к другу рядами помещены изображения многочисленных Будд с полихромными нимбами вокруг головы и двуцветными мандорлами вокруг тела. Фигуры отличаются одна от другой не только поворотом головы и корпуса, жестами рук, но и цветом одежды и окраской постамента, на котором они сидят.

Удается заметить некоторую закономерность, своего рода ритм в раскраске изображений: фигуры на одинаковых постаментах сидят друг под другом, а изображены на одноцветном фоне и в одинаковой одежде — по диагонали.

Сравнивая между собой фрагменты потолковой росписи из разных помещений ограды, следует отметить, что при безусловном их близком сходстве, единстве сюжета и стиля, в целом для живописи каждого помещения характерны определенные особенности. Они касаются не только разницы в рисунке некоторых второстепенных деталей (например, разделительных побегов, цветов): наблюдаются различия в передаче одежды, несколько отличны в каждом помещении формы ушники и раскраска постаментов — «ковриков». Наконец, не всегда лица изображений имеют вторичную подправку отдельных черт. Все это позволяет предполагать участие нескольких мастеров в работе по росписи потолков, которые, в целом придерживаясь единых приемов изображения, сохраняли при этом свой индивидуальный «почерк».

Сравнивая между собой фрагменты потолковой росписи из разных помещений ограды, нетрудно заметить, что художник (художники) придерживался единых приемов изображения, допуская лишь незначительные отклонения (например, в форме побегов, разделяющих горизонтальные ряды изображений друг от друга, при передаче веточек с цветами, вертикально отходящих от них). Однако при кажущемся однообразии каждое изображение индивидуально и среди извлеченных нами фрагментов не было ни одного повторяющегося. Можно с полной уверенностью говорить, что художник не пользовался шаблоном.

Сюжетный репертуар живописи Аджина-Тепы был определен культовым характером этого памятника. Плохая сохранность и фрагментарность часто затрудняет интерпретацию найденных кусков. Тем не менее удается наметить уже 3 линии в росписи: 1) культовая, 2) с изображением светских персонажей и 3) орнаментальная.

Первая линия — самая многочисленная — связана с буддийской мифологией. Однако она и самая сложная при определении: слишком ничтожны фрагменты, чтобы по ним можно было судить об изображенной сцене, тем более, что мы имеем дело с остатками отдельных персонажей, вырванных из контекста сюжета.

Только в порядке осторожного предположения можно говорить о присутствии такого широко распространенного в буддийской иконографии сюжета, как «Будда среди верующих» (пом. XXII, заплетена, пом. XXXII). С большей уверенностью можно реконструировать роспись потолков в коленчатом коридоре XXVII–XXVIII: изображение Будд, очевидно, покрывали всю внутреннюю плоскость сводчатого потолка, располагаясь в 5 (?) рядов на каждом крыле свода. Исходя из размеров каждого изображения (43 × 34 см) на потолке одного колена коридора должно умещаться около 500 изображений Будды. Цифра эта довольно приблизительно, так как нет уверенности, что на повороте коридора порядок размещения фигур сохранялся таким же. При реконструкции внешнего вида всей композиции следует учитывать, что здесь, как и в Кумтура (Восточный Туркестан)²², вдоль шельги свода могла проходить свободная от живописи полоса, а в обе стороны от нее — ряды Будд (в Кумтура — по 12 рядов с каждой стороны).

²² *Waldschmidt E. Gandhara, Kutscha, Tifan. Leipzig, 1925. Pl. 46.*

С чем было связано заполнение плафонов целыми рядами сидящих Будд?

Существует следующее объяснение залам 1000 (или 10 000) Будд. Как-то Будда Шакьямуни, окруженный бесчисленной толпой учеников, бодисатв, духов и божеств, излагал содержание Сутры Лотоса. В это время послышался голос, подтверждающий справедливость сказанного Буддой. Он объяснил присутствующим, что древнейший Будда в давно прошедшие века поклялся появляться всегда и везде, где будет проповедываться Сутра Лотоса. Собрание попросило сделать этого Будду видимым, но он, оказывается, мог появиться лишь в сопровождении всех Будд, которые появились после него. И тогда Шакьямуни вызвал появление 1000 Будд, над которыми была ступа с сидящим Первым Буддой. Затем Будда Шакьямуни сел рядом с Первым Буддой и весь сонм Будд поднялся в воздух. Так повествуется в одиннадцатой главе Сутры Лотоса.

По мнению некоторых исследователей, изображение этого сюжета в монастырях должно пояснять и подчеркивать положение, что буддизм охватывает все мироздание. И монахи, и посетители монастыря оказываются окруженными мириадами Будд²³.

Своды и купола, расписанные подобным образом, воспроизводят символическое изображение неба, чудесным образом заполненное бесчисленными фигурами Будды, просвечивающими и прозрачными. Изображения такого типа имеются уже на куполах Бамиана и Какрака (V–VI вв. н. э.). Здесь они помещены в соприкасающиеся круги или шестиугольники, в свою очередь заключенные в концентрические круги²⁴.

Залы с множеством таких изображений будд имелись в восточно-туркестанских буддийских монастырях²⁵. М. Буссальи отмечает, что в «Центральной Азии» композиции этого типа «часто обогащены цветочными арабесками, окружающими фигуры, что отражает любовь к растительной орнаментике, свойственную живописи Центральной Азии, но в Бамиане такая декорация встречается редко²⁶. На аджина-тепинских росписях мы видим один из начальных этапов развития этой традиции: между фигурами будд помещены цветочные побеги.

Вторая сюжетная линия связана с изображением мирских персонажей и, в отличие от первой, может быть условно названа «светской», хотя тематикой своей она непосредственно примыкает к культовой живописи.

Эта линия представлена двумя фрагментами росписи I/p-5 и XXXI/p-1. Расшифровка изображенных сцен не вызывает особых трудностей: на фрагментах изображены сцены поклонения и подношения даров святыням. Объекты поклонения различны. В одном случае (XXXI/p-1) расположение фрагментов в завале (возле стены и «лицом» вверх) позволяют с уверенностью реконструировать его первоначальное положение на стене прохода. При этом получается, что дарители обращены лицом в сторону помещения XXXI, внутри которого находилась маленькая террасовидная ступа.

Обычай подношений святыням очень широко распространен в буддийском ритуале. Их могли делать богатые и бедные, знатные и простые люди, монахи и бодисатвы.

В качестве приношений допускались цветы, светильники, пища, украшения, одежда, земельные участки. Размеры подношений не ограничивались. Так, Сюань

²³ Prip-Miller J. Chinese Buddhist Monasteries. Copenhagen, 1937. P. 64–65.

²⁴ Bussagli M. Central Asian Painting. Geneva, 1963. P. 36–39; Bâmiyân... Pis. 64–65.

²⁵ Prip-Miller J. Chinese Buddhist Monasteries... P. 65. Там рисовали или изображали в рельефе те же предметы.

²⁶ Bussagli M. Central Asian Painting... P. 39.

Цзян сообщает, что правитель Бамиана регулярно жертвует монастырю все ему принадлежащее: от своей жены и детей до государственных сокровищ, наконец, отдает храму самого себя, после чего министры и приближенные «выкупают» своего правителя²⁷.

В Восточном Туркестане миряне жертвовали значительные деньги монастырям (в частности, для переписки священных книг), продукты питания, лошадей, ткани и изделия из них и др.²⁸

Согласно буддийской традиции, Будда и сам принимал дары. Первым крупным даром был сад царя Бимбисары, и тогда же было установлено правило, позволяющее монахам принимать такие дары²⁹.

Поэтому сцены подношения даров стали широко распространенным сюжетом в буддийском изобразительном искусстве. По всей вероятности они имели и «агитационное» значение: будучи изображенными в культовых местах, они как бы напоминали верующему о необходимости сделать вклад в пользу храма или монастырской общины.

Однако, судя по легендам, некоторым из дошедших до нас историческим источникам и по сохранившимся памятникам искусства, а также по ритуальной практике, существующей и сейчас в странах, исповедующих буддизм, наиболее распространенным даром были и есть цветы. В цейлонской хронике *Mahavamsa* (VI в. н. э.) — рассказывается о царе Бхатикабхайа (по В.Гейгеру и В.Рахуле — 38–66 гг. н. э.), что он однажды принес в жертву ступе столько цветов, что она до самого верха оказалась ими покрытой³⁰.

В индийских преданиях рассказывается о будде Дипанкаре (*Dipankara*) — наиболее раннем из 24 предшественников Будды. Когда Дипанкара объявил о своем намерении посетить один город, его правитель собрал все цветы для торжественной встречи гостя. Юный аскет Сумедха (*sumedha*), хотевший также поднести цветы, нигде не мог их найти. Наконец, он встретил девушку, у которой было несколько лотосов. Она отдала аскету 5 цветов, но с условием, что во всех будущих воплощениях она будет его женой. С цветами аскет Сумедха приблизился к Будде Дипанкаре и бросил цветы к его ногам, но цветы не упали на землю, а образовали венок вокруг головы Дипанкары. Будда предсказал аскету, что в одном из своих будущих рождений тот станет Буддой Гаутамай³¹.

Как сообщается в одном хотано-сакском документе VIII–X вв., царю Канишке было передано пророчество Будды, что если он выстроит сангхараму вместе со

²⁷ Beal S. *Buddhist Records...* Vol. 1. P. 51–52. См. также данные Хой Чао (*Fichs W. Hiei-ch'a's...* P. 445–446).

²⁸ Литвинский Б. А. Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии / ред. Б. А. Литвинский. М., 1992. С. 483, 488.

²⁹ *Chattopadhyaya J.* Lokayata Darshan, History of Indian Materialism. М., 1961. P. 502.

³⁰ *The Mahāvamsa, or the Great Chronicle of Ceylon* / transl. into English by W. Geiger. Colombo, 1950. P. 241. См. также: Минаев И. Н. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. I. СПб., 1978. С. 104; *Rahula W.* History of Buddhism in Ceylon. Colombo, 1956. P. 247–275.

³¹ Так по санскритской версии. См.: *Majumdar N. C.* A Guide to the Sculptures in the Indian Museum. Pt. II. Delhi, 1937. P. 30–33; *Hargreaves H.* The Buddha Story of Stone. 3rd ed. Calcutta, 1924. P. 4–6. См. также: *Foucher A.* Étude sur l'iconographie bouddhique de l'Inde. I. Paris, 1900. P. 77. Тексты: *Rhys Davids T. W.* Buddhist Birth-Stories (*Jātaka Tales*). 2nd ed. London; New York, 1925. P. 83–114. По палийской версии, Сумедха преподнес восемь пригоршней цветов, а четыреста тысяч архантов поднесли благовония и гирлянды, то же самое сделали дэвы и люди (*Ibid.* P. 97). В этой связи интересно изображение фигур деваты в восточнотуркестанской скульптуре — с ладонями, полными цветов. См.: *Le Coq A. von.* Die buddhistische... I. Die Plastik. Berlin, 1922. S. 26. Pis. 31/a, b, 36.

ступой, то каждый, кто бросит к этой ступе даже один цветок, в будущем возродится среди богов³².

Последние два примера наглядно свидетельствуют о том, что буддисты рассматривали подношения как благочестивое деяние, которое со временем вознаграждалось.

Таковы легенды. Обратимся теперь к историческим фактам.

По свидетельству Фа-сяна, правитель Хотана сам участвовал в буддийской церемонии, зажигая курильницы перед священными буддийскими изображениями и возлагая к ним цветы³³. Этот же паломник сообщает, что в области Таксилы царь, министры и народ соперничают друг с другом в разбрасывании ступам цветов и возжигании светильников³⁴. Сходные данные он приводит и о других местах Индии.

В биографии Сюань Цзяна содержится такое любопытное для нас описание. Когда он посетил Кучу, буддийские монахи приветствовали его, а один из них вручил Сюань Цзяну поднос, полный свежих цветов, а тот, в свою очередь, принес их в жертву изображениям Будды³⁵. Сцена подношения³⁶ верующим цветов Будде нашла отражение уже в гандхарском искусстве и была популярной и значительно позже³⁷.

Практика принятия в дар цветов была узаконена. В «Винае» (Kullavagga, v, 18, 1) содержится специальное разрешение бхикшу принимать в дар цветы, складывая их в одном месте³⁸.

Об одном из храмов в Индии Фа-сянь сообщает чрезвычайно существенную подробность. Перед воротами этого храма каждое утро сидели продавцы цветов и курильниц, а тот кто хотел сделать приношение, покупал их. «Правители многих областей также часто посылают посольства для того, чтобы принести жертвы»³⁹.

Что же подносят в качестве дара изображенные на фреске из Аджина-Тепа персонажи? Выше мы говорили, что художник передал «дары» весьма обобщенно — в виде крупных фестончатых лепестков с тонкими прожилками. Скорее всего это цветы. Обратимся к фрескам аналогичного содержания, найденным в Восточном Туркестане и на Цейлоне.

В Турфане, например, по словам А. Грюнведела, «в узких ходах, которые окружают средние кельи храмов и пещер, по бокам и на оборотной стороне, стены украшались всегда изображениями легенд, которые рассказывают о приношениях какого-нибудь бодисат-вы какому-то Будде древних веков. Этот Будда может быть Кашьяда или Динанкара, принимает милостиво подарки — цветы или светильники, платье или украшение — и в то же время отвечает предсказанием бодисатве, когда он станет буддой»⁴⁰. Эти сцены называются «пранидха», «пранидхи» или «пранидхана». В Восточном Туркестане — это сложные многочастные композиции, одним

³² Bailey H. M. Visá Samògrāma...

³³ Fa-Hsien. A Record of the Buddhist Countries. Peking, 1957. P. 19. Хотано-санскритский текст также содержит информацию о подношении правителя Будде, в котором помимо прочих сокровищ были цветы. См.: Bailey H. M. The Profession of Prince Tcūm-Thehi // Indological Studies in Honour of W. Norman Brown. New Haven, 1962. P. 19–20.

³⁴ Fa-Hsien. A Record... P. 27.

³⁵ The Life of Hsüan-Tsang Compiled by Monk Hui-li. Peking, 1959. P. 38. О подношении цветов в буддийских храмах см.: Минаев И. Н. Очерки Цейлона... I. С. 73–96.

³⁶ Foucher A. L'art gréco-bouddhique... I. Fig. 139; Ingholt H. Gandharan Art in Pakistan. New York, 1957. Fig. 101.

³⁷ Foucher A. Étude... I. P. 77 f.; The Way of the Buddha. Delhi; Bombay, figs. 55, 57, 66.

³⁸ Vinaya texts transl. from Pāli by T. W. Rhys Davis and H. Oldenberg. Part III. Oxford, 1985 (SBE, XX).

³⁹ Fa-Hsien. A Ricord... P. 30–31.

⁴⁰ Грюнведель А. Краткие заметки... С. 5.

из элементов которых часто являлось изображение подношения коленопреклоненными персонажами сосудов с дарами (в том числе и с цветами)⁴¹.

В этой связи необходимо сказать еще об одной буддийской церемонии, тесно связанной и переплетающейся с вышеописанной. Мы имеем в виду церемонию Uposadha, подробно описанную буддийским паломником И Цзином (последняя четверть VII в. н. э.). Эта церемония связана с торжественной трапезой, сопровождаемой жертвоприношениями. Участники этой церемонии садятся близ основания священного изображения и простирают к нему сложенные руки и каждый молится, иногда вслух. При этом они сидят на двух коленях таким образом, что «оба бедра поддерживают тело» (в переводе сказано, что этот способ коленопреклоненного сидения называется «монгольским» — м. б. следовало «тюркским» — Б. Л. и Т. З.). Приносятся в жертву светильники, разбрасываются цветы, зажигаются жертвенники, играет музыка, поют песни. Перед изображением Будды скапливается огромное количество цветов и светильников.

По одному из вариантов этой церемонии, на третий день перед изображением Будды стоят по 5 или по 10 девушек, и несколько юношей. «Каждый из них несет жертвенник, или держит золотой сосуд для воды, лампу или некоторое количество прекрасных цветов или белую куропатку (или утку). Народ приносит и жертвует все виды туалетных принадлежностей — зеркала, футляры зеркал и т.п. — все подносится изображению Будды». В Тухара (Тохаристан) и Сули (Кашгар) эта церемония имеет свои особенности, о которых сообщается лишь то, что глава церемонии вначале жертвует балдахин из 42 живых цветов⁴².

Чрезвычайно характерно подчеркивание источником особого положения коленопреклоненных ног — именно такое мы видим на изображении на Аджина-Тепа. Все это заставляет думать, что художник — автор росписи воссоздал один из моментов этой или аналогичной буддийской церемонии.

Довольно близка аджина-тепинской, хотя и не идентична, сцена из калаикафир-ниганской живописи⁴³. Последняя, как в известной степени и аджина-тепинская, может быть сближена с восточно-туркестанскими stifterbild — изображение церемонии, во время которой устроители монастыря (храма) подносят дары святыне. Эта сцена чрезвычайно распространена на буддийских памятниках Восточного Туркестана⁴⁴. Обычно основателей религиозного учреждения изображали в половину натуральной величины — натуральную величину, составляя полосу стенной росписи. Они шествуют один за другим, предводительствуемые монахами⁴⁵, которые

⁴¹ Grünwedel A. Bericht über... Fig. 144. Pis. 11/1, XVII; *Id.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan. Berlin, 1912. S. 43, 184, 193, 209–210, 227, 239, 241 u.a. Figs. 265–266, 544–567 u.a.; Waldschmidt E. Gandhara... S. 37. Pl. 16.

⁴² I-Tsing. A Record... P. 35–53. О такой же церемонии на Цейлоне см.: Geiger W. Culture of Ceylon in Mediaeval Times. Wiesbaden, 1960. P. 191. Упосадха — основная монастырская церемония с участием как монахов, так и мирян, «в те дни, когда соблюдались пост и особо строгий ритуал, в которой были задействованы также и светские люди, и которая проводилась на восьмой или пятнадцатый день каждого полумесяца, в зависимости от их продолжительности. В полнолуние и новолуние вслух читался монастырский кодекс (Пратимокша, от 227 до 263 правил для монахов и ещё больше для монахинь), и исповедовалась братия, начиная от требующих постоянного или временного изгнания и заканчивая нуждающимися только в акте покаяния» (*Buddhism. Art and Faith*, ed. by W. Zwalf, London 1985, p. 13).

⁴³ Лутвинский Б. А. Настенная живопись... С. 116–38.

⁴⁴ Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten... P. 5, 6, 12–14, 16, 25 ff. Иногда слуги и другие участники процессии стояли на коленях, см.: Gropp G. Archäologische Funde aus Chotan, Chinesisch Turkistan. Bremen, 1974. S. 167–71.

⁴⁵ Фон Лекок и Вальдшмидт полагают, что иногда монахи были в числе «устроителей». Le Coq A. von, Waldschmidt E. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien. 6. Graz, 1975 (reprint). S. 26.

держат лампы или же стоят на месте. В разных вариантах этой сцены изображалось три знатных персонажа, среди которых одна дама и слуга, несущий блюдо с жертвенными дарами.

В пещере объекта 2 у Кизыла по одной стороне от двери, очевидно, царь Кучи с двумя сопровождающими, несущими цветы, по другой — возглавляемая монахами процессия, где изображен правитель со своей женой (царь, правитель и его жена в ореолах). Сопровождающая надпись сообщает, что устроителем был Anantavarma, который является maharajena («великий царь») Кучи. Обычай изображать знатных покровителей — устроителей монастырей со всей их семьей сохранился и позже, в уйгурское время⁴⁶. Две хронологические группы этих сцен резко отличаются одна от другой: ранние представляют монотонное повторение фигур с очень похожими лицами, отличающихся лишь рисунком рук и деталями одежды, для поздних же характерны свобода композиции и индивидуальный («портретный») рисунок лиц⁴⁷. В этом отношении аджина-тепинская и калаикафирниганская живопись занимает промежуточное положение, скорее приближаясь к поздним восточнотуркестанским изображениям⁴⁸.

Сами цветы в живописи, связанной с буддизмом, изображаются различно: иногда реалистично, в других случаях (например, в Иди-кутшахри) очень схематично и условно, совершенно аналогично ад-жина-тепинским. Манера изображения цветов на блюдах, которые несут служанки вслед за знатными дамами на фресках Сигирии (Цейлон)⁴⁹, также чрезвычайно близки аджина-тепинской. Мы видим на фреске те же фестончатые лепестки с прожилками, только расположение их на блюде более живописное и выполнены они с большим изяществом и тщательностью, но с сохранением условности и обобщенности в передаче натуры. Очевидно, художники и не старались «выписывать» цветы, делать их похожими на какие-то конкретные образцы местной флоры (отсюда и сходство изображений цветов на фресках с весьма далеких друг от друга территорий — Цейлон, юг Таджикистана, Восточный Туркестан). Их задачей было изобразить факт подношения, его ценность и самих жертвователей. В последнем художник должен был быть особенно точен, если фреска писалась по заказу какого-то конкретного лица и от него делалось изображаемое подношение.

Тем самым мы подошли к самому ценному, что дает нам этот фрагмент росписи из Аджина-Тепы — изображению жертвователей. Если вся живопись и скульптура этого монастыря, найденная до сих пор, целиком была связана с традиционными культовыми изображениями и сюжетами и персонажи их были выполнены в соответствии с канонами и требованиями религии, то здесь художник вынужден был отойти от привычных штампов образов и показать жителей этой области. Эта задача требовала творческого подхода, и мы видим, как используя те же художественные приемы, художник оказывается довольно беспомощным, когда надо показать фигуру или отдельную деталь в непривычном повороте или перспективе, как ему изменяет уверенность и четкость линии в передаче земного, реального персонажа,

⁴⁶ Grünwedel A. Alt-Kutscha... S. 27–28. См. также: Gabain A. von. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850–1250) // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. 6. Wiesbaden, 1973. S. 197.

⁴⁷ Grünwedel A. Alt-Kutscha... S. 28–29. См. также: Yaldiz M. Archäologie und Kunstgeschichte Chinesisch-Zentralasiens (Xinjiang), Handbuch der Orientalistik. VII, III, 2. Leiden; New York; Cologne, 1987. S. 94–98.

⁴⁸ Построение сцен подношений бодисатве или Будде в живописи Аджанти, включающее только одного человека (Yazdani G. Ajanta. 2. Text. Oxford, 1933. P. 31–34; Id. Ajanta. 3. Plates. Oxford, 1946. Pis. XXX–XXXIII), отличается от тех же сцен в аджина-тепинской и калаикафирниганской живописи.

⁴⁹ Smith V. A. A History of Fine Art... P. 99–100. Pis. 90–91; Coomaraswamy A. K. History of Indian and Indonesian Art. London; Leipzig; New York. Pl. II.

деталей его одежды. Однако художник несомненно стремился точнее передать образы местных тохаристанцев в характерных для них костюмах, с тем оружием, которое они обычно носили. В какой-то степени мы можем доверять художнику и в правильности изображения физического типа тохаристанцев.

Судя по богатству оружия и дарам перед нами представители имущего класса Тохаристана — молодые воины — дихканы (чакиры?). Очень возможно, что они составляют свиту какой-то важной персоны (или персон)⁵⁰. Тогда главная фигура (или фигуры) должна находиться где-то на продолжении фрагмента справа. В качестве близкой аналогии необходимо привлечь одну сцену в «пещере меченосцев» в Минг-Ой близ Кизыла, где изображена группа из четырех стоящих, обращенных влево, знатных персонажей (А. Грюнведель называет их «изображениями основателей»). Перед ними, на коленях, обращенная вправо, меньшая по масштабу фигура слуги, держащего перед собой чашу с дарами. У слуги такой же пояс, как и у его господ, к нему подвешен кинжал. По своей позе фигура слуги росписи в Минг-Ой чрезвычайно близка правой фигуре аджина-тепинской сцены. Вполне вероятно поэтому, что на Аджина-Тепе и в Минг-Ой при решении близкого сюжета использовалась близкая (или идентичная) композиционная схема.

Помимо этого необходимо указать на росписи Бамиана. В нише 53-метрового Будды изображен коленопреклоненный (таким же образом, как на Аджина-Тепе) персонаж⁵¹, нижняя часть туловища и ноги которого обращены влево, корпус передан в фас, голова повернута вправо и вверх. На голове ложчатое блюдо с дарами. Он одет в узкий кафтан с отворотами, к поясу подвешен кинжал. Профиль безбородого лица с большим горбатым носом, тонкими усиками, прическа с височной прядью «клинышком» поразительно близки аджина-тепинским жертвова-телям.

Уместно в этой связи также вспомнить «сцену дароносцев» на Бамианской росписи (VI в. н. э.). Ее исследователи отмечали разные физические типы изображенных персонажей⁵². Л. И. Альбаум высказал мнение, что на этой сцене представлены «...народы, имеющие определенное отношение к буддизму, очевидно, исповедывающие его или признающие в какой-то мере догмы этой религии», причем некоторые из фигур он считает (на основании детального анализа костюма, украшений и т. п.) изображениями жителей Северного Тохаристана⁵³.

На наш взгляд, наблюдения Л. И. Альбаума во многом справедливы. Что же касается интерпретации этих бамианских росписей, то она становится ясной из выше-приведенного сообщения Фа-Сяна о присылке правителями многих областей посольств к одной из тамошних буддийских святынь для принесения жертвоприношений.

Интересные результаты дает сравнение персонажей аджина-тепинской росписи и росписи Балалык-тепе. Обращает на себя внимание близость этнического типа, особенно очевидная для аджино-тепинской фигуры с лицом, повернутым в $\frac{3}{4}$. Достаточно сопоставить ее, например, с фигурой 13 первой группы западной стены Балалык-тепе или с фигурами второй группы той же стены⁵⁴. Совпадают также

⁵⁰ Характерно, что на фресках из Сигирии подношения на блюдах несут служанки. Они идут позади своих патронесс, у которых в руке только один цветок, и отличаются более скромными украшениями.

⁵¹ Hackin J., Carl J. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan // MDAFA. III. Paris, 1933. P. 18. Pl. XXVIII; Пугаченкова Г. А. Искусство Афганистана. Три этюда. М., 1963. С. 75–76.

⁵² Godard A., Godard V., Hackin J. Les antiquités bouddhiques de Bâmiyân // MDAFA. II. Paris, 1928. P. 23–24. Pis. XXIII, XXIV.

⁵³ Альбаум Л. И. Балалык-тепе... Ташкент, 1960. С. 169. Буссагли подчеркивал связь между росписями в Балалык-тепе и Бамиане (Bussagli M. Central Asian Painting. P. 35–36).

⁵⁴ Альбаум Л. И. Балалык-тепе... С. 107–109.

такие признаки, как безбородость, детали прически — опущенная треугольником по средней линии лба «челка», клиновидная прядь возле уха. Одинакова форма ножен кинжалов и способ крепления их к поясу с помощью пластин, фасон обуви (ичиги). Серьга в ухе правого персонажа нашей фрески аналогична серьге в ухе слуги (фигура № 17), изображенного на западной стене Балалык-тепе⁵⁵. Наконец поза фигур — сидящие на пятках коленами вперед — также встречается у некоторых персонажей живописи Балалык-тепе (слуга на рис. 116, фиг. 24 в книге Л. И. Альбаума). Вместе с тем нельзя не отметить и ряд существенных различий. В первую очередь это относится к разнице в костюмах (здесь наглухо застегнутый кафтан, на балалыкской росписи — распахнутый, с отворотами; здесь рукава и штаны — в складках, на балалыкской росписи — гладкие). Видимо, эти различия определяют разный характер изображенных сцен (парадный пир и подношение даров) и тем, что здесь мы можем быть имеем представителей разных сословий (аристократическая верхушка со слугами и воины). Тем самым мы получаем более полное представление о внешнем облике и костюме жителей Тохари-стана (эфталитов?)⁵⁶. Следует отметить также различия в форме кубков и чаш в руках персонажей из Аджина-Тепе и Балалык-тепе.

Что касается уровня художественного исполнения аджина-тепинских «дароносцев», то он значительно уступает мастерству художника, выполнившего роспись Балалык-тепе. И дело тут не в иных приемах (они, по-видимому, очень близки) или в уровне мастерства, а в специфике сюжета. Очевидно, аджина-тепинскому мастеру-специалисту (мастерам?) по культовой иконографии, блестяще справлявшемуся (справлявшимся) с традиционными буддийскими сюжетами (и это мы видим по сохранившимся остаткам живописи на Аджина-Тепе) «мирские» среднеазиатские персонажи удавались значительно слабее.

На фрагменте № 5 фигура коленопреклоненного жертвователя изображена на фасадной стене постамента, на котором некогда восседала крупная фигура Будды. Скорее всего, она являлась объектом поклонения, в ее честь были разбросаны вокруг дарителя цветы. В данном случае интересно, что живопись и скульптура постамента составляют единое сюжетное целое. Что же касается понимания изображаемой сцены, то мы больше склоняемся к тому, чтобы видеть, здесь церемонию Uposadha

Остается сказать несколько слов о живописи орнаментального характера. Ее можно подразделить на 2 вида.

1. Ту, что покрывает собой больше плоскости и состоит из ритмично повторенных элементов рисунка, нанесенных на ровное поле фона (роспись на постаменте под Буддой в нирване, на торце и в четверть-купольных нишах правого постамента в помещении I, на потолке маленького святилища XXXI). Она тематически не связана с соседними участками сюжетной живописи.

2. Ту, что занимает сравнительно небольшие участки и входит составной частью в сюжетную роспись. Это может быть обрамление из цветов и побегов вокруг фигур или сцен (фрагменты потолковой росписи коридоров ограды), букеты цветов, ограничивающие сбоку отдельные композиции (фрагмент с «дароносцами»). В другом случае — это стилизованные изображения цветов или листьев, которыми заполня-

⁵⁵ Альбаум указал на интересную деталь для живописи Балалык-тепе: только слуги и женщины изображались с серьгами в ушах (Балалык-тепе... С. 168). Это еще один аргумент в подтверждение версии о том, что аджина-тепинские «дароносцы» были лишь слугами какой-то важной особы.

⁵⁶ Несомненно, существует определенное (этническое?) сходство с подношениями на эфталитских монетах и монетах эфталитского круга, включая группу *Napki Malka* (датируемую VII веком согласно Р. Гиришману). См.: *Ghirshman R. Les Chionites-Nephthlites // MDAFA. XIII. Cairo, 1948. P. 51–54. Pis. II, V.*

ют фон для какого-то сюжета (например, лепестки цветов по красному полю фона «дароносцев»). Растительные элементы орнаментальной живописи выполнены в довольно условной манере, обобщенно, однако не настолько, чтобы их определение вызывало какие-либо затруднения, как при интерпретации «даров». Схематизация иногда доходит до того, что лепестки цветов переданы в виде горошин (торец постамента), которые здесь же образуют сетку чисто геометрического орнамента. В других случаях рисунок довольно близко передает реальную форму цветка, бутона, побега, но в обобщенном виде (куски росписи из завала пом. XX).

Интересно проследить, как варьирует манера изображения одного и того же цветка, помещенного в верхнем тимпане между головами сидящих Будд по толковой росписи в разных помещениях. Наиболее естественно выглядят цветы на фрагменте из помещения XXIX (XXIX/p-1); у них длинная, загнутая в спираль ножка заканчивается изображением восьмилепесткового цветка (лотоса) с овальной сердцевинкой в центре. В помещении XXVII цветок на спиральной ножке имеет уже шесть лепестков и передан в более обобщенной форме. В помещении XXVIII цветок приобрел форму круглого веночка, в котором лишь с трудом угадывается прежний цветок.

В такой небрежности в передаче цветов видно, во-первых, незнание художником природы, а, во-вторых, отношение к изображаемым цветам как ко второстепенному элементу рисунка, назначение которого сводилось к тому, чтобы заполнить пустующее пространство или выполнить роль своеобразного барьера — разделителя. Наконец, в этом можно усмотреть и тот факт, что все три помещения расписывались разными мастерами, которые строго придерживались единого стиля в изображении персонажей, но позволяли себе некоторые отклонения в передаче чисто орнаментальных мотивов.

Геометрические мотивы в орнаментальной живописи Аджина-Тепы встречаются чаще. Это прежде всего горизонтальные ленты с «перлами», разделяющие на ярусы сюжетные живописные сцены. Такие же «перлы» составляют кайму у крупных кругов на постаменте Будды в нирване. Разделительным поясом являлся, по-видимому, бордюр из 3—4 рядов «катушек», расположенных в шахматном порядке по отношению друг к другу, в верхнем слое живописи помещения I.

В пределах одного и того же орнаментального сюжета геометрические и растительные мотивы могли сочетаться (клетки-ромбы с цветами в центре, ряды цветов между двумя параллельными полосами на постаменте под Буддой в Нирване). И в заключении следует отметить, пока что единственный случай использования в качестве орнаментального мотива изображения фазанов на подушке изголовья (там же).

Итак, мы видим, что орнаментальная роспись на Аджина-Тепы занимает явно второстепенное положение. Она была несложна по рисунку, и это делалось, видимо, умышленно, так как тщательно проработанный в деталях сложный узор явно пропадал в полутемных коридорах и помещениях. То же самое следует сказать о раскраске. Она нарочито контрастна (сочетания белого с черным, красным, синим, красного с белым; синего с желтым или золотым), рассчитана на то, что в условиях полумрака грубость сочетания цветов будет смягчена, и в целом орнаментальный узор, например, на постаментах будут восприниматься как красивая декоративная ткань или ковер, на котором особенно эффектно будут выделяться фигуры Будды в однотонном красном.

Таким образом, мастера, расписывавшие храмы, были искусными декораторами. Работая в одинаковых условиях в Средней Азии, на территории современного Афганистана или в Восточном Туркестане и имея одни и те же цели и задачи, они,

что вполне естественно, пользовались одинаковыми приемами для их достижения: максимально упрощали рисунок орнаментальных панно, не боялись резкого сочетания цветов. Одни и те же мотивы орнамента («перлы», ромбы-клетки, простейшие цветы из белых горошин, сетка из них и т.п.) можно встретить в живописи весьма удаленных друг от друга памятников⁵⁷.

Скульптура

а) Описание

Помещение I («святилище»).

Завал со скульптурными остатками и фрагментами настенной живописи покрывает толстым слоем (до 75 см) пол помещения (см.). Плотность завала и его насыщенность позволяют предполагать преднамеренный характер его образования: скульптуры, стоявшие на постаментах, были оброшены на пол и разбиты (при этом оказались сбитыми и верхние плоскости постаментов). От фигур, некогда расположенных на постаментах, *in situ* сохранились только части складок одежд, которые спускались на фасадные стенки. Складки выполнены в очень высоком рельефе (до 3,5 см), имеют

примерно одинаковые очертания на всех трех постаментах и спускаются по фасадным стенкам довольно низко (на правом постаменте — центральная складка заканчивается на высоте 19 см от поверхности ступени-плинты). Можно полагать, что рельефные изображения складок покрывали значительную часть фасадной плоскости постамента, оставляя свободными (т. е. для росписей), в основном, нижние углы. На левом (от входа) постаменте складки сохранились в трех местах. Складка в центре образована двумя подковообразными валами — широким внешним и более узким внутренним. Широкий внешний вал разделен, в свою очередь, на мелкие складки, образующие сложную линию. Изображение складок у юго-восточной оконечности этого же постамента напоминает вытянутый, подтреугольный формы лист, по краю которого идет зигзагообразный выпуклый бортик⁵⁸.

Рис. 47. Аджина-тепа. Фрагмент складчатых одежд сидящего Будды. Помещение I

⁵⁷ Ср. также мотивы расписных орнаментов Пенджикента: Воронина В. Л. Архитектурный орнамент Древнего Пенджикента // Труды АН Таджикской ССР. XVII. 1953. С. 55–67; она же. Архитектурный орнамент Древнего Пенджикента // Скульптура и живопись Древнего Пенджикента. М., 1959. С. 90–107.

⁵⁸ Происхождение складок прояснилось, когда мы обнаружили подножия крупных фигур Будды в нишах коридора, окружавшего ступу. Мантия Будды складывается в точно такую же форму, напоминающую лист.

От фигур, сидевших на постаментах в помещении I, сохранились только отдельные куски крупных плоскостей и складок, окрашенные в ярко-красный цвет. На некоторых фрагментах, найденных возле центрального пристенного постамента, поверх красной краски были наложены многолучевые звезды и ромбы, сделанные из тонкой золотой фольги (фр-т I/c Ia; рис. 47).

В южном углу помещения (между двумя постаментами) была найдена верхняя часть головы крупной скульптурной фигуры с налепными завитками волос в виде спиралей, окрашенными в синий цвет (I/c I; рис. 48). Отпавшие спирали-завитки встречались по всей площади зала, но особенно много их было вокруг этого фрагмента головы. Диаметр головы около 90 см. Видимо, в помещении I (на одном из постаментов) находилась громадная статуя. Судя по размерам головы, высота сидящей фигуры была около 4 м. Трудно сказать, была ли это единственная крупная статуя в помещении I. Размеры складок, сохранившиеся на боковых постаментах, и обломки фигур, найденные возле них в завале I/c-14, позволяют предположить, что они также принадлежали крупным фигурам. Однако количество таких крупных фрагментов невелико: их вряд ли наберется на одну крупную статую. Остается, поэтому, предположить, что скульптура была не только разбита, но и частично вытащена из помещения, когда происходило разрушение⁵⁹.

Помимо остатков крупной скульптуры в завале над полом помещения I были найдены фрагменты голов нескольких фигур, выполненных примерно в натуральную величину или в половину ее. Большинство из них найдено около низких пристенных суф.

Голова бодисатвы (размер II×9,5 см; 1/2 нат. вел., фр-т I/c-2; рис. 49). Найдена в восточном углу помещения, на полу, лицом вниз. Сохранилась только лицевая часть и полоска диадемы над лбом. Отсутствует нос и верхняя губа, повреждены верхнее правое веко, наружный угол правого глаза и левая бровь.

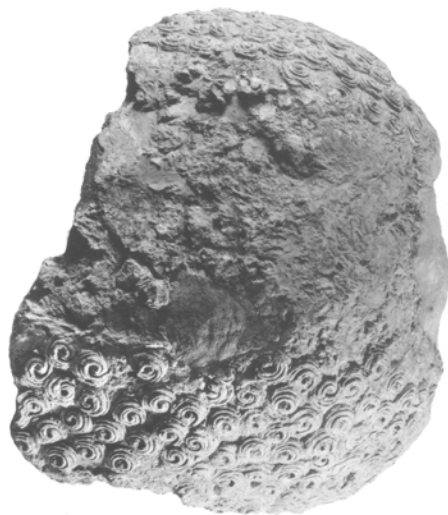

Рис. 48. Аджина-тепа. Голова Будды.
Помещение I

Рис. 49. Аджина-тепа.
Голова бодисатвы.
Фрагмент I/s-2

⁵⁹ Могло быть так, что часть крупных статуй убрали из помещения I во время одной из попыток ремонта, пока монастырь был действующим. Разрушающиеся статуи могли использоваться в качестве строительного материала. Их добавляли к штукатурке на всех этапах ремонтных работ. Самые большие фрагменты либо складывали в замурованные во время ремонта комнаты (ср. помещение XII, где были найдены два больших фрагмента ноги с красными складками платья и фрагмент головы с синими волосами), либо использовали как часть кирпичной кладки (ср. фрагменты, вмурованные в дверь, ведущую из помещения V в помещение XI и из помещения XXIX в помещение XXX).

Рис. 50. Аджина-тепа. Фрагмент головы бодисатвы. Помещение I

Лоб покатый, с выпуклой поверхностью надбровных дуг. Полукружья бровей почти сходятся у переносицы, высоко подняты. Разрез глаз миндалевидный, с приподнятым вверх наружным углом. Верхнее веко припухлое и имеет подтреугольное очертание. Линия нижнего века чуть изогнута, его прихлость меньше, снизу оно подчеркнуто глубокой врезанной линией-скобкой. Овал нижней части лица округлый. Подбородок очень маленький, слегка заостренный, с глубокой западиной под нижней губой, отчего она кажется сильно выпяченной. Переход от подбородка к шее скошенный.

Диадема представляет собой полоску шириной в 1,2 см, образованную рядом концентрических овалов. В центре диадемы (по оси лица) вставка-«перл» (диаметр 1,8 см). На диадеме сохранились остатки желтой (в выступающих частях) и черной (в углублениях) краски.

Раскраска головы сохранилась только на небольших участках. Большая часть красочного слоя (вместе с алебастровой обмазкой-грунтом и тонкой обмазкой из зеленоватой глины) этой головки, лежавшей лицом вниз во влажном грунте, отстала и была взята отдельной «маской». Таким образом, первоначальную раскраску можно только реконструировать по следам краски на самой голове и по «маске». Лицо было белым, ниточки бровей — черными, веки глаз были обведены синей полоской, глазное яблоко закрашено желтым, зрачок — черным. Красной краской были покрыты губы, внутренние уголки глаз и бороздки у крыльев носа. Красная полоса проходила также на лбу, ниже диадемы. В синий цвет была окрашена прическа (или головной убор?) выше диадемы, от которой сохранилась очень небольшая часть.

Лицевая часть головки и диадемы отштампованы в одной форме; дальнейшая подправка деталей выполнена резцом.

Голова Будды (размер $13 \times 10,5? \frac{1}{2}$ нат. вел. фр-т I/o-3; рис. 50). Сохранилась верхняя половина лица (до уровня глаз), левое ухо и теменная часть прически. Сформирована из зеленоватой (а не из желто-серой, как остальные) глины.

Линия волос, довольно низко опускающихся на лоб, образована как бы двумя дугами, место соединения которых имеет вид острого клинышка. В каждой такой дуге — от места их соединения до уха — шесть завитков, напоминающих по форме сдвоенный вопросительный знак. Тринадцатый завиток (в центре, где сходятся дуги) комбинированный, несколько иной формы. Выше линии лба завитки расположены рядами, в шахматном порядке. Завитки левой и правой сторон обращены в разные стороны (изготовлены разными штампами) и образуют «пробор» по средней линии головы над клинышком.

Волосы были покрашены ярко-синей краской, нанесенной без ганчeveго грунта, непосредственно на зеленоватую глину завитков. Ближе к макушке упорядоченность в расположении завитков нарушается. Видимо, здесь была расположена ушниша, которая не сохранилась.

Поверхность лба слегка выпуклая. Линии бровей не соединяются и переходят на нос. Глаза сохранились плохо. Можно только отметить, что верхнее веко подчеркнуто глубокой изогнутой бороздкой. Ушная раковина изображена довольно обобщенно.

Раскраска лица почти не сохранилась. На лбу видны следы тонкого слоя белого ганча, покрывавшего первоначально все лицо. Красная краска покрывала углубления ушной раковины и проходила полосой на лбу, ниже линии волос.

Лицевая часть этой головы была изготовлена в одной форме с ушами и, возможно, двумя первыми (нижними) рядами локонов (завитков) прически.

Голова с черными волосами (размер $11 \times 10,5$; $1/3$ нат. вел. фр-т 1/с-4, рис. 51). Сохранилась верхняя половина лица (ниже уровня глаз), теменная и височная часть прически. Голова сформована из желто-серой глины. Завитки волос изготовлены не с помощью штампа (как у большинства скульптурных фрагментов из Аджина-Тепы), а выполнены каждый в отдельности и значительно различаются между собой размерами и формой. Их расположение на поверхности головы не имеет строго порядка: местами завитки наложены один на другой, в других местах расположены редко, на некотором расстоянии один от другого. В целом, форма завитков напоминает спиральку-раковину.

Волосы оконтуривают полукругом очень покатый лоб, который снизу подпирают рельефные дуги бровей. Разрез глаз удлинненный, верхнее веко имеет незначительную припухлость и слегка прикрывает глаз.

На лице сохранились следы раскраски, наносившейся непосредственно на глину, без ганчевой основы. Лицо было окрашено в желтый цвет, волосы, линия бровей и зрачок — в черный цвет. Ярко-красная краска положена полосой по лбу, ниже линии волос; ее следы также обнаружены во внутренних уголках глаз и по линии верхней границы века.

Будда с ушницей (размер $14,5 \times 9$ см) прибл. $1/3$ нат. вел. (1/с-5, рис. 52). Сохранилась верхняя часть лица и прически левой половины головы, а также шиньон-ушница с третьим «глазом» Будды.

Рис. 51. Аджина-тепа. Фрагмент головы светского персонажа с черными волосами. Помещение I

Рис. 52. Аджина-тепа. Фрагмент головы Будды с ушницей. Помещение I

Головка имеет высокий лоб, убегающий назад. Линия волос проходит примерно через темя и имеет очертания в виде двух дуг, образующих острый мыс. Прическа состоит из штампованных завитков в форме «учетверенного» вопросительного знака. Завитки правой и левой сторон головы изготовлены в разных формах и обращены в разные стороны. Центральную линию пробора образуют завитки левой половины прически. Между ушными и лбом два ряда завитков, один над другим. Распределение завитков на две половины (т. е. «пробор») сохраняется и в завитках ушных.

Круто изогнутые брови сходятся у переносицы и подчеркнуты глубокой бороздкой. Глаза маленькие. Верхнее веко слегка припухлое, частично прикрывает глаз; нижнее — сильно изогнуто.

Красочное покрытие почти не сохранилось. Можно только в уверенности говорить о синем цвете волос.

Дефект на правой стороне лба головки позволил установить особенность ее формовки, объясняющую необычную (почти уродливую) величину лба. Оказалось, что первоначально головка предназначалась для изготовления какого-то иного образа и имела округлый выпуклый лоб, который уже был покрыт сверху тонким слоем ганче-вой обмазки. Однако потом, по неизвестным нам соображениям, мастер переделал ее: нарастил лоб слоем глины (от 0,1 см до 2 см с постепенным утолщением к темени), сделав его неестественно высоким. При разрушении скульптуры часть «наращенного» лба отпала и обнажилась первоначальная поверхность.

Голова Будды (?) (размер 12×7,5 см; прибл. 1/2 нат. вел.) (фр-т 1/с-6, рис. 53). Лицевая часть сохранилась на 2/3, прическа отсутствует полностью, что затрудняет уверенное определение головки. Изготовлена из зеленоватой глины, сверху покрыта тонким слоем белого ганча.

Покатый лоб образует с линией носа одну прямую. Нос тонкий, с изогнутым вырезом ноздрей, йод носом над верхней губой — ямочка. Линия бровей подчеркнута глубокой бороздкой. Глаза удлинённые, наполовину прикрытые, верхнее веко припухлое, оконтуренное сверх врезной дужкой. Губы сохранились не полностью, чуть тронуты улыбкой. Подбородок мягко очерченный, припухлый снизу.

Первоначальная раскраска прослеживается с трудом. Красными были губы, следы красной краски заметны и в верхней части лба (видимо, это остатки красной полосы под прической). Врезанный контур верхнего века также был выкрашен в красный цвет.

Правая часть лица утрачена. На сломе хорошо видны особенности формовки этой головки. Четко заметна граница между сердцевинной, изготовленной из плотной глины, с большой примесью песка, и верхним слоем (толщина 8–12 мм) тонкоотмученной глины, из которой отформована лицевая часть головки. На рассматриваемом экземпляре прилегание скульптурной массы к шероховатой поверхности сердцевинно-болванки получилось неполным, что, видимо, способствовало расслоению верхнего слоя при высыхании глины.

Голова бодисатвы (размером 6,5×12 см, 1/2 нат. вел. фр-т 1/с-7, рис. 54). Сохранилась только верхняя часть головы (выше линии бровей) вместе с прической над правым виском. Прическа состоит из прядей в форме крупных колец. На волосах диадема в виде валика овалов (ср. № 2). Нижняя граница волос не сохранилась. О ней можно судить только по изогнутому контуру красной линии, проходящей на лбу ниже диадемы.

Поверхность лба бугристая, правая надбровная дуга выступает рельефным валиком. Сохранившийся участок лба покрыт слоем белого ганча.

Рис. 53. Аджина-тепа.
Голова Будды (?).
Помещение I

Рис. 54. Аджина-тепа.
Фрагмент головы бодисатвы. Помещение I

Завитки волос окрашены в черный цвет, на лбу — остатки красной полосы, уже отмечавшиеся выше. Прическа, видимо, формовалась вместе с диадемой и верхней частью лба с последующей подправкой стекой.

«Синяя голова» (размеры 11,4×7,5 см.; прибл. 1/3 нат. вел., фр-т I/c-8, рис. 55). Найдена в южном углу помещения, возле стены, на суфе. Видимо, составляла часть горельефной композиции над суфой. Изображение выполнено в высоком рельефе, однако не все детали одинаково тщательно проработаны, сохранилось полностью все лицо, обращенное вправо, прическа (только верхняя часть); ухо отсутствует.

Рис. 55. Аджина-тепа.
Голова светского персонажа
(так называемая «Синяя голова»).
Помещение I

Рис. 56. Аджина-тепа. Голова божества.
Помещение I

Лоб низкий, с выступающими надбровными дугами, крупные нос и рот; небольшой округленный подбородок. Впадина щеки возле рта и носа передана весьма натуралистически. Глаз изображен более обобщенно — в виде небольшой глубокой ямки. Пряди волос показаны косыми глубокими насечками, идущими от лба.

Вся голова равномерно окрашена в синий цвет. Однако в отдельных местах под синей краской проступает палево-желтая, что, как будто, говорит о двух слоях раскраски (возможно, в синий цвет

горельеф был окрашен во время ремонта помещения).

Несмотря на то, что лицо головки имеет явные следы обработки стекой и, как будто бы, лишено «правильности» и законченности отштампованных лиц, первоначально оно было, тем не менее, изготовлено, видимо, с помощью формы. Четко видна граница формы, проходящая под подбородком, по краю щеки и ниже линии волос. Форма, таким образом, была предназначена для изготовления только лицевой маски.

Голова деваты (размеры 14×16 см.; прибл. 1/2 н.в.ел.; фр-т 1/с-9; рис. 56). Найдена у левого (от входа) постамента, на полу, лицом вниз. Сохранилась правая сторона лица с ухом и височной частью прически и отдельные участки левой половины лица. Полностью утрачены нижняя треть лица, нос, середина лба. Голова вылеплена из зеленоватой глины.

Последовательность ее изготовления такова: вначале была оттиснута лицевая маска, затем по наложенной глине другой формой были изготовлены уши и прическа головы. Линия шва-стыка двух форм образует уступчатое обрамление лица и хорошо видна.

Глаза, судя по сохранившейся половине правого глаза, были небольшие, открытые, с небольшими, слегка припухлыми веками. Ухо изготовлено с большим вниманием к достоверной передаче анатомических подробностей, но оно непропорционально велико для этой головы (почти в натуральную величину). Прическу составляют крупные прямые пряди, расходящиеся в стороны (к ушам) от линии «пробора». Над ухом пряди образуют выпуклый валик. Ухо и пряди волос, после того, как они были оттиснуты штампом, подверглись подправке стекой.

Краска нанесена без предварительного покрытия белым ганчем прямо на глину. Волосы покрашены черным, поверхность лица — желтым. На лбу остатки красной полосы ниже линии волос.

Торс «воина Мары» (размеры 40×25 ; фр-т 1/с-10; рис. 57). Найден в южном углу помещения лежащим в завале, на полу, вниз лицевой стороной. Фигура представляет собой часть горельефного панно, из которого она выступала только правой половиной. Сохранились грудь и живот фигуры. Талия перетянута широким крученым поясом, концы которого опускаются вниз. На грудь свешивался ремень или какая-то подвеска (украшение?), но его детали не видны из-за недостаточно хорошей сохранности.

Рис. 57. Аджина-тепа. Торс воина Мары из помещения I

На животе фигуры — изображение морды чудовища (с некоторыми чертами антропоморфности) с открытой пастью, вытаращенными глазами, приподнятой бровью и с глубокими складками у переносья, под глазом и возле уха. Морда чудовища выделена с помощью раскраски: общий фон фигуры красный; раскрытая пасть — черная, глаза подведены красным, остальная часть морды чудовища — синяя.

Возможно, к этой же горельефной группе относятся крупные фрагменты рук, ног, а также описанная выше «синяя голова», которые были найдены здесь же, в южном углу, у самой стены.

Остатки скульптурной панели были расчищены и в восточном углу помещения. Наиболее сохранившаяся деталь этой панели — часть крупной (диаметр — около 30 см) розетки-медальона (фр-т 1/с-11), внутри которой изображен семилепестковый цветок лотоса (рис. 58). Лепестки отделены один от другого прямыми лучами, идущими от сердцевины к бортику медальона. Центральная часть цветка сохранилась не полностью, но, видимо, была сложной формы. Медальон сделан из коричнево-серой глины (с примесью рубленной соломы), покрыт сверху тонким

Рис. 58. Аджина-тепа. Розетка-медальон с изображением лотоса. Помещение I

Рис. 59. Аджина-тепа. Змеевидные орнаментальные детали. Помещение I

слоем зеленоватой глины, и ганчевой обмазкой. Раскраска трехцветная: лепестки лотоса красного цвета, лучи — желтые, все остальные детали — белые, сердцевина цветка — черная.

Медальон с лотосом лежал лицом вниз на узкой суфе в восточном углу помещения. Несколько экземпляров таких же розеток найдены здесь же во фрагментах. По-видимому, медальоны образовывали бордюр над угловой суфой, являясь основным элементом этой орнаментальной композиции. Штампованные листочки, их фрагменты и части стебля, которые особенно часто встречаются в завале восточного угла помещения, могут относиться к этому же орнаментальному поясу. В этом случае змеевидные побеги с листьями соединяли бы медальоны, заполняя пространство между ними (рис. 59).

Крупные фрагменты арки (фр-ты 1/С-11а, 1/с-12; рис. 60), видимо упавшие с юго-восточной стены помещения (против входа) и обрамлявшие самую крупную в этом помещении фигуру Будды, также могут быть причислены к скульптуре орнаментального характера. Архивольт арки составляют две вписанные одна в другую и расположенные ступенькой дуги, окрашенной в желтый и красный цвета. Снаружи к ним примыкали волютообразные завитки из растительных побегов, выполненные в очень глубоком рельефе. Завитки имеют желтую окраску, а заглубленный грунт — черную (сохранилась только на отдельных участках). Не менее сложной формы были, видимо, и вертикальные участки арки, обрамлявшей фигуру Будды. Они имели несколько плоскостей-граней (фр-т 1/с-13). По одной из них (вогнутой) располагались небольшие волютообразные завитки из повторяющихся элементов растительного орнамента. Краска сохранилась только на гладких поверхностях одного из фрагментов вертикального обрамления арки. Грань, соседняя с той, что была украшена рельефной орнаментацией, была выкрашена в красный цвет. К красной грани под прямым углом примыкала грань выкрашенная в желтый цвет.

Помещение XXII (ниша № I).

Ниша № I расположена примерно посредине внутренней стены коридора XXII, почти напротив одного из выходов во двор. Ширина 1,55 м, глубина 1,75 м.

Рис. 60. Аджина-тепа. Фрагмент арки-нимба вокруг фигуры сидящего Будды. Помещение I

Внутри ниши, примыкая к задней стенке, находился прямоугольный постамент (размером 116×45 см, при высоте 35 см) с четверть-купольными нишками по углам. В завале — остатки крупной фигуры сидящего Будды (в $1\frac{1}{2}$ раза больше натуральной величины), на задней стенке четко видна нижняя часть мандорлы, концы которой упирались в постамент⁶⁰.

In situ от фигуры Будды (фр-т XXII н/с-1) сохранились сложенные в padmasana ноги и часть торса на высоту около 20 см (рис. 61). Обе руки обломаны, видны лишь остатки правой руки в месте локтевого сгиба. Облом позволяет видеть, как изготовлена скульптура: внутри стержень-болванка (диаметром 4,5 см), вокруг него концентрическими кольцами два слоя обмазки толщиной в 3,8 см — 5 см (один — с примесью самана, другой, поверхностный, с мелким песком).

Лучше всего сохранились ноги скульптуры. Они занимают почти всю плоскость постамента, расстояние между крайними точками от левого до правого колена — 110 см. Красный плащ косыми складками покрывает ноги до самых щиколоток; на коленях складки разглаживаются, ближе к ступням присобраны гуще. Концы плаща ниспадают веером складок на переднюю стенку постамента по его центру.

Голова Будды (фр-т XXII/с-1, размер 34×30 см) найдена в завале ниши в четырех крупных и нескольких мелких кусках. Полностью отсутствует нос, губы, частично подбородок.

У головы был довольно низкий лоб, высоко поднятые дуги бровей; сильно вытянутые глаза наполовину прикрыты верхним веком, сквозь которое резко проступает выпуклость глазного яблока. Весьма натуралистически изображена ушная раковина, однако сохранность уха не позволяет говорить о длине мочки.

Линия волос образует небольшой «мыс» у средней линии лба. Прическу составляют отштампованные изображения локонов (изготавливались двумя штампами — для левой и правой стороны), каждый имеет вид пучка из четырех изогнутых побегов с раздвоенными концами. Завитки обеих половин головы положены в определенном направлении на поверхность головы, плотно друг к другу в одном ряду и в шахматном порядке по отношению к завиткам следующего ряда. Волосы головы окрашены в синий цвет (причем, для придания синему цвету большей глубины под него положена черная краска), но только на видимой для зрителя части.

Поверхность лица и ушей покрыта слоем белого ганча и частично раскрашена: красная краска лежит в глубине ушной раковины, широкой полосой на лбу вдоль

⁶⁰ Овальная мандорла всего в 0.015 метрах от задней стены ниши.

Рис. 61. Аджина-тепа. Сидящий Будда. Остатки фигуры на постаменте в нише. Коридор XXII (фото после расчистки)

линии волос, в углублении над верхним веком, черной краской подведены брови, верхнее веко и окрашен зрачок; синяя краска подчеркивает линию нижнего века.

Основа головы сделана из плотной глиняной массы. Лицевая маска изготовлена из глины с примесью рубленой соломы, а самый верхний слой ее (толщиной в 4–5 мм) из глины с добавлением мелкого песка. Стык между лицевой частью головы и прической четко виден благодаря желобку.

В завале ниши были также найдены фрагменты обеих кистей рук. (Фр-т XXII/с-2; рис. 62). Расположение сохранившихся пальцев позволило Предпологать жест *dharma-*

sakra-mudra (что и подтвердилось после склеивания фрагментов в лабораторных условиях).

Голова Кашьяпы (?) (размеры 11,5×11,5 см, 1/3 натуральной величины; фр-т XXII/с-4; рис. 63). Найдена в правом углу ниши, между постаментом и стеной. Сохранилась почти целиком, несколько повреждены правый глаз, участок лба над ним и нос. Весьма натуралистично передает образ пожилого мужчины, у которого на лбу глубокие поперечные морщины, под запавшими глазами — мешки, кожа на щеках висит складками, пушистые усы спускаются концами вниз и закрывают целиком

Рис. 62. Аджина-тепа. Фрагменты рук крупной фигуры из ниши. Коридор XXII

Рис. 63. Аджина-тепа. Голова Кашьяпы.
Коридор XXII

верхнюю губу. Голову покрывает тюрбан, складки которого полукрутом спадают на виски и частично прикрывают уши. Следов раскраски не сохранилось.

В сердцевине головы имеется след от деревянного стержня, с помощью которого голова крепилась с туловом. Диаметр отверстия — 1 см, глубина около 4,5 см.

До наблюдений реставратора П. И. Кострова, складки на фигуре в нише подвергались ремонту. Оказался перестроенным и постамент, на котором сидела фигура: во время одного из ремонтов были заложены его четверть-купольные угловые нишки. После того, как была вынута вся скульптура из ниши, оказалось, что роспись на задней стенке ее уходит в толщу стены. Возможно, первоначально ниша была шире и сужение — результат ремонта ее щек. Перестройка коснулась целиком всего коридора. В результате он оказался намного уже других коридоров ограды, а его ниша — самая глубокая из всех известных на Аджина-Тепе. На последнем этапе монастырского периода ниша была заложена кирпичом (одновременно со значительной частью самого коридора). Перед закладкой в нишу были положены наиболее сохранившиеся части скульптуры; такое почтительное отношение к скульптуре безусловно говорит о том, что этот последний ремонт производился еще приверженцами буддийской религии.

В проеме коридора, ведущем в айванное помещение XX, на его полу были найдены части маленькой скульптурной фигурки (XXII/с-5; рис. 64) в плаще, со сложенными в радмасана ногами. Сохранился частично торс с согнутой в локте правой рукой и вся правая половина нижней части фигурки. Возможно ей принадлежат найденные здесь же в завале фрагмент кисти руки. Скорее всего это изображение будды, хотя не исключено, что это фигурка сидящего в традиционной позе буддийского монаха. Сохранившиеся размеры — 18 × 17 см.

Рис. 64. Аджина-тепа. Фрагмент фигуры
в монашеском одеянии. Коридор XXII

Рис. 65. Аджина-тепа. Будда в нирване (фото в процессе раскопок)

Помещение XXIII.

Будда в нирване (XXIII/с-I; рис. 65–66). Сохранившиеся размеры: длина 10,43 м, максимальная высота — 1,82 м (от поверхности постамента до верхней точки левой руки). Найден в помещении XXIII лежащим на постаменте вдоль наружной стены коридора, обращен лицом на юго-запад.

Полностью сохранилась нижняя половина фигуры — примерно от пояса до подошвы ног (с небольшими утратами), левая рука от середины предплечья до кончиков пальцев, частично правый бок и правое предплечье (локтевая часть).

В завале возле изголовья постамента лежали куски головы и части ладони правой руки.

Фигура лежала в традиционной позе на правом боку в вытянутом положении. Правая рука согнута в локте и опиралась на подушки изголовья, и ее ладонь в свое время лежала под щекой. Левая рука была вытянута вдоль тела, ладонью лежала на бедре, большой палец несколько противостоял остальным.

Первоначальная длина фигуры, судя по сохранившимся ее остаткам, должна была быть около 12 м. Приведем промеры отдельных частей фигуры.

Высота фигуры возле голени — 130 см (75 × 55 см).

Высота фигуры в бедренной части — 142 (85 × 57 см).

Диаметр предплечья правой руки — 55 см.

Диаметр предплечья левой руки — 43 см.

Диаметр запястья — 41 см.

Длина ладони (максимальная) — 132 см.

Диаметр пальцев руки — 12–14 см.

Длина ступни — от 165 до 190 см.

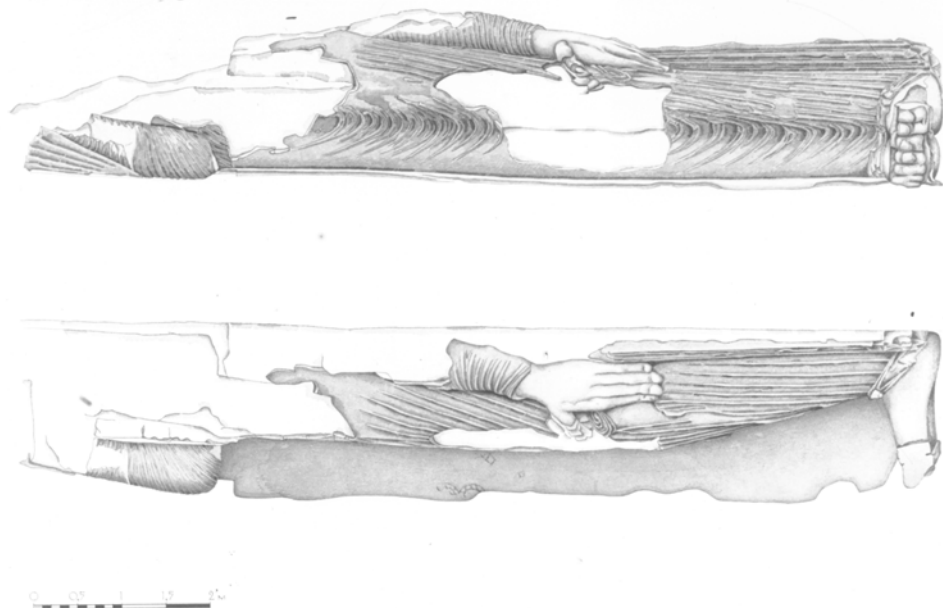

Рис. 66. Аджина-тепа. Будда в нирване (вид спереди и сверху). Коридор XXIII

Ширина ступни — 60–75 см.

Длина пальцев ноги — 37–47 см.

Диаметр пальцев ноги — 11–15 см.

Тело Будды покрыто складками *sanghati*, обнажены только кисть руки и ступни ног. Левая нога спускалась до уровня подошвы глубокими частыми складками. Они были прикреплены к стене коридора, располагаясь так, как если бы фигура находилась в вертикальном положении: ближе к пяткам фалды складок расширялись и их нижний край был передан затейливыми фестонами.

По верхней половине фигуры складки *sanghati* располагаются вдоль тела, по туловищу они идут несколько наискось, на ноге лежат ровными параллельными рядами, имеют вид треугольных в сечении ребер высотой в 2,5–2,7 см и шириной по основанию до 4 см. Возле ступней складки заканчиваются и по подъему ноги «сбегают» к поверхности постамента нижний край одежды.

Иное расположение складок на правой ноге: они лежат под углом в 45° к горизонтальной плоскости, разглаживаются у постамента, резко увеличиваются в рельефе при переходе к левой ноге, образуя как бы «скобки» между ногами («скобки» составляют поочередно двоянная и учетверенная складка), которые переходят в одинарные складки левой ноги.

Складки одежды на рукавах также лежат по-разному. На руке, вытянутой вдоль тела, они собраны в очень частые поперечные складки-ребра, которые заканчиваются возле запястья, несколько выше его.

На предплечье правой руки такие же частые складки лежат в косом направлении, разглаживаясь на локте и гуще собираясь на сгибе. Полностью сохранилась левая ладонь. Кисть руки выполнена весьма реалистично, несмотря на большие размеры,

проработаны припухлости суставов пальцев, лунки ногтей. Под ладонью на левом бедре фигуры поверх одежды изображена петля веревки, которой был подпоясан Будда. Веревоочный пояс состоял из нескольких нитей, поэтому петля разделяется на 8 вписанных друг в друга ДУТ.

На ногах Будды были надеты легкие сандалии. Они изображены рельефными вертикальными жгутами под и над пальцами ступни. Подошва их плотно прилежала к ступне, следуя ее рельефу. К ногам сандалии прикреплялись с помощью ремней (нарисованна верхней плоскости ступни)⁶¹.

И фигура и постамент с подушками изголовья хорошо сохранили два слоя окраски поверхности. Плащ Будды имел традиционный красный цвет, причем нижний слой был положен без грунта непосредственно на слой скульптурной глины. При повторной окраске поверхности фигуры была предварительно промазана слоем ганча, вероятно, этому предшествовал частичный ремонт фигуры. Рука, лицо (судя по его фрагменту из завала) и пальцы ног были белыми, ногтевые лунки были обведены красной полоской, ремни на сандалиях были красные, подошвы и жгуты на пальцах — желтые.

В два слоя нанесена окраска на поверхность постамента и его изголовье. Нижний слой представляет собой довольно сложный рисунок по белому ганчевому фону. На верхней из пяти подушек изголовья — это стоящие в ряд длинноногие фазаны с пышными хвостами, с головой, повернутой к хвосту. У птиц очень узкая, по сравнению с остальной частью тулова, грудка, небольшая голова и напоминающий утиный клюв.

Рисунок сделан черной линией с раскраской боков птиц в синий цвет, клюва — в красный. Сохранилось только два изображения, аналогичных, но не тождественных. Между ними просматривается какой-то разделяющий их орнамент. Видимо, такой рисунок покрывал только верхнюю подушку.

Плоскость постамента покрыта довольно несложным геометрическим орнаментом. Его удалось проследить на отдельных участках постамента — в середине, возле ступней ног и узкой полоской вдоль правой ноги Будды. По всей вероятности, рисунок был одинаковым по всей длине постамента. Его основу составляли круги и ромбы из сдвоенных линий с заполнением внутри белыми или черными горошинами — перлами, четырех- и пятилепестковые цветы. Орнамент располагался тремя поясами: вдоль тела фигуры на расстоянии 10–12 см друг от друга в один (?) ряд были изображены пятилепестковые цветы-розетки, ограниченные с двух сторон параллельными полосами. Вторую полосу орнамента составляли клетки-ромбы, образованные пересечением спаренных линий. От ширины постамента зависело количество ромбов в этой полосе; стороны ромба имели размер 13–15 см, расстояние между параллельными линиями, образующими ромб — 2,5 см. В середине каждого ромба — четырехлепестковый цветок-розетка.

На скате постамента, в центральной его части удалось заметить остатки третьего орнаментального пояса из кругов крупного диаметра (32–34 см), причем половина круга приходится на верхнюю плоскость постамента, а другая, опускалась на боковую грань. Каждый круг составлен из цепочки белых «перлов» (диаметром 4 см), внутреннее его заполнение не удалось рассмотреть. Верхняя окраска постамента и изголовья была нанесена на выравнивающий ремонтный слой глиняной об-

⁶¹ В 2000 г. реставратор из Эрмитажа В. А. Фоменко полностью восстановила статую Будды в нирване. В настоящий момент она выставлена в Национальном музее древностей Таджикистана в Душанбе. См.: *Besenal R. La restauration du Buddha en parinirvâna d'Adjina Tepa (Tadjikistan du Sud) // Ars Asiatiques. 50. 2001. P. 136–139.*

мазки и белый ганчевый грунт. При этом была сделана попытка в пределах одного красного цвета, но с разными оттенками «расписать» постамент: более светлый красный тон был фоновым, а по нему были нанесены прямые и изогнутые линии (шириной 2,5–3 см) какого-то несложного орнамента.

В результате консервационных работ стала ясной техника изготовления такой крупной фигуры. Ее основа сделана из горизонтально положенных рядов кирпича. Грубая поверхность выполнялась толстым слоем саманной штукатурки, которую накладывали многократно, по мере высыхания очередной обмазки. По самой верхней прослойке лепились складки одежды, причем их накладывали по заранее намеченным линиям (на оборотной стороне одной из складок отпечатались толстая черная полоса такой разметки). Сверху фигура была обмазана слоем скульптурной глины, толщиной в 4–5 мм и раскрашена.

Грунтование же ганчем во время ремонта, очевидно, имело целью сгладить «заплаты» на теле фигуры и придать красному цвету чистоту и яркость.

При расчистке завала вокруг постамента были обнаружены многочисленные фрагменты как от фигуры самого Будды в нирване, так и от персонажей, составляющих горельефную композицию на противоположной от постамента стене.

Несколько крупных скульптурных обломков позволили почти полностью восстановить верхнюю часть головы Будды (примерно 1/3 ее бывшего объема) (рис. 67). Ширина головы на уровне висков составляла 1,3 м. Сохранился лоб с четко выраженной правой надбровной дугой и верхним веком, теменная (без ушниши) и частично височные участки прически. Волнистые волосы спускаются мысом на лоб, их пряди расходятся зеркально от осевой линии пробора. Волосы окрашены в синий цвет, лоб и веко — белые.

Несколько крупных фрагментов, покрытых слоем белого ганча со следами подправки красной краской, скорее всего являлись частью лица и шеи Будды (размер фрагментов 82 × 30 × 28 см, 38 × 33 см, 20 × 16). Бесспорно опознаются как пальцы правой руки и ладони еще несколько фрагментов из завала у изголовья постамента. Диаметр одного из пальцев — 28 см. Поверхность ладони и пальцев покрыта слоем белого ганча.

Горельефная композиция напротив постамента с лежащим Буддой оказалась полностью упавшей со стены. Ее реконструкция может быть только предположительной. Судя по фрагментам, композиция состояла из ряда стоящих в похожих позах персонажей, выполненных в 3/4 натуральной величины. Среди них есть такие, расположение которых на стене было фронтальным (рис. 68), но большинство изображений было выполнено с поворотом торса вправо или влево, что дает возможность предполагать наличие центрального изображения, связывающего всю композицию воедино. Фигуры (стоящие) выполнены в одном размере. На них были короткие дхоти, обнаженный

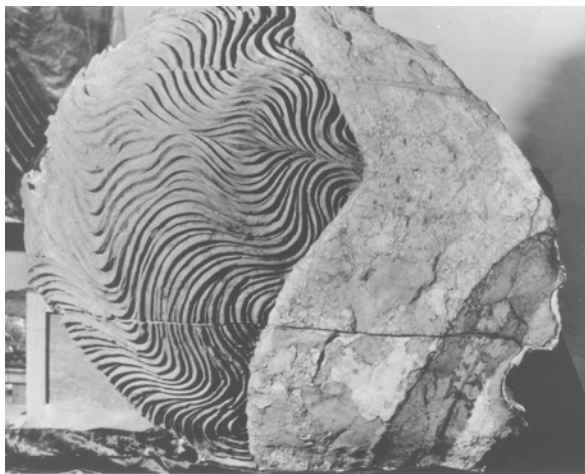

Рис. 67. Аджина-тепа. Голова Будды в нирване (фото в лаборатории)

Рис. 68. Аджина-тепа. Торс деваты. Коридор XXIII

торс украшали витые шнуры и спускающиеся шей разнообразные украшения (рис. 69).

Остатки краски на поверхности скульптур говорят о разнообразии раскраски одежды и украшений.

Фрагмент XXIII/с-4, размером $44 \times 40 \times 10$ см (рис. 70). Найден в завале вместе с еще двумя крупными фрагментами, видимо от той же фигуры, хотя куски (рука и плечо) непосредственно не соединяются друг с другом.

Фрагменты являются верхней частью торса фигуры, похожей на описанную выше. По линии груди торс перетянут рельефным шнуром, завязанным бантом на левом боку. С шеи на двойной цепочке спускается украшение-подвеска. В ее центре — прямоугольная рамка, имитирующая оправу для крупного камня, к которой с трех сторон примыкают крупные «камни» в круглой оправе и пять мелких камней. На фрагменте левого плеча видны цепочка нагрудного украшения, бусины ожерелья вокруг шеи и мелкие завитки волос, спускающиеся с шеи на грудь. Такие же кудри доходят до середины предплечья (третий фрагмент, размером $19 \times 11 \times 9,5$ см), где его перехватывает браслет с украшением, похожим на нагрудное. В глубине складок банта сохранились остатки синей краски.

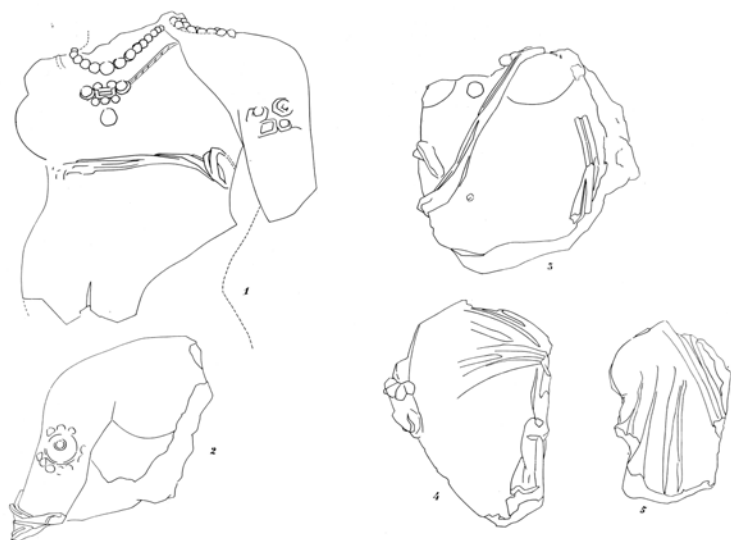

Рис. 69. Аджина-тепа. Торс деваты (прорисовка). Коридор XXIII

Рис. 70. Аджина-тепа. Торс деваты.
Коридор XXIII

Фрагмент XXIII/С-5, размером 32×26 см (рис. 71). Найден в центральной части коридора, вблизи стены. Часть обнаженного мужского торса: с левого плеча к правому боку спускается витой шнур, в верхней части груди остатки украшений в виде ожерелья из крупных бусин. Вдоль левого бока фигуры виден край складчатой одежды (или витого шнура). Окраска не сохранилась.

Частями этих или похожих на них фигур являются многочисленные фрагменты из завала в середине коридора (обломки рук, покрытых тонкой синей тканью, ладоней, придерживающих складки дхоти, фрагментов складок красной и синей одежды, украшений в виде розеток и оправленных «камней»), которые легко распознаются благодаря близкому сходству с наиболее сохранившейся фигурой XXIII/с-3. Возможно ей или похожей принадлежал фрагмент головы (левая щека, ухо и височная часть прически), найденный рядом с торсом XXIII/с-3. Хорошо сохранилась былая раскраска головы по белой ганчевой основе: синие волнистые волосы, кремовая ушная раковина с красной окраской глубоко западин.

Интересны несколько скульптурных фрагментов от фигур того же размера, что описанные выше, в похожих одеждах и украшениях, но обращенных в другую, правую сторону.

На одном из них (размером 28×13 см) сохранился веер складок синей одежды, сходящихся в нижней части живота, и узел-бант пояса. Другой фрагмент (размер 20×30 см) был правой частью обнаженного мужского торса, окрашенного в красный цвет. Предплечье охватывал браслет с круглой розеткой и перлами, возле локтя видны рельефные складки синей одежды.

Голова бодисатвы (фрагмент XXIII/с-1), размером 23×9 см (рис. 72). Найден в середине коридора XXIII, близ стены. Сохранилась левая половина лица горельефного изображения, выполненного в натуральную величину. Отсутствуют нос, большая часть лица и подбородок, ухо. Овал лица округлый, слегка припухлый, выступающий вперед подбородок имеет посередине ямочку, переход к шее скошен. Косо посаженные глаза наполовину прикрыты веками, наружные углы глаз

Рис. 71. Аджина-тепа. Торс деваты.
Коридор XXIII

Рис. 72. Аджина-тепа. Голова бодисатвы. Коридор XXIII

Рис. 73. Аджина-тепа. Голова деваты. Коридор XXIII

сильно приострены. Чуть заметна дугообразная линия бровей. Лоб высокий и прямой. Вверху его стягивает обруч диадемы, составленный из ряда вытянутых рельефных овалов-колец. Толщина обруча 1,5 см.

Лицевая часть головы, вместе с диадемой оттиснута в матрице. Судя по остаткам краски, лицо было красным, диадема окрашена в желтый цвет, синей краской были подведены веки. По-видимому, синими были волосы, т. к. следы краски есть возле диадемы. Красная краска сохранилась в складках под подбородком.

Голова деваты (23×15×18 см, чуть меньше натуральной величины, фрагмент XXIII/с-2; рис. 73). Сохранилась верхняя часть головы с прической, лоб по линии бровей, частично глаза и левая щека. Нижняя половина лица отсутствует, нос и переносье сбиты. Слегка скошенный назад лоб пересекают две параллельные морщины. Надбровные валики прорезаны глубокими почти прямыми бороздками бровей, длиной в 6 см. Сохранность глаз плохая, можно говорить лишь об их удлиненной форме с сильно приостренным внешним углом и о припухлом веке, подчеркнутым сверху складкой.

Лоб обрамляет ряд спиралевидных черных завитков, диаметром в 1,5 см. Сохранность II (из 15). Над рядом завитков, параллельно им, проходит нитка из 14 перлов-шариков (диаметр каждого шарика около 1 см), которая поддерживает откинутые назад длинные волнистые пряди волос прически.

Голова найдена в завале коридора около поворота его в помещение XXII. Своим размером, объемностью формы, фронтальным по отношению к зрителю былым

расположением эта голова деваты выделяется из ряда описанной выше горельефной скульптуры и, видимо, располагалась на другой стене помещения среди иных скорбящих персонажей, окружавших Будду в момент его Великой Кончины.

Несомненно к этому сюжету относится скульптурный фрагмент, найденный в кладке прикладной стены коридора XXII (фрагмент XXII/с-6). Сохранилась лицевая часть головы (размер фрагмента $10,5 \times 9,5 \times 3,5$ см, чуть меньше натуральной величины) с выражением скорбных эмоций, глубокие морщины на лбу, страдальчески изогнутые дуги бровей, наполовину прикрытые опухшие глаза, приоткрытый рот с обнаженным верхним рядом зубов. Лицевая маска была оттиснута в форме (возможно в той же, которой делались изображения монахов) с последующей затем подправкой деталей стекой, придавшей лицу эмоциональную выразительность. На фрагменте не сохранилось никаких следов краски и обмазки скульптурной поверхности ганчем. Видимо, это был «производственный брак», который по каким-то соображениям не устраивал мастера. Благодаря этому, как ни на одном другом скульптурном фрагменте из Аджины-Тепе, здесь четко видны следы оттискивания формы, и дальнейшей обработки поверхности лица. Фрагмент попал в закладную ремонтную стену, которую ставили скорее всего одновременно с сооружением постамента с *paṇigvaṇa*, на одном из поздних этапов жизни монастыря.

Скопление небольших скульптурных фрагментов в завале за постаментом с Буддой (обломков задрапированных в красные и синие одежды фигур небольших размеров, частей причесок, лицевых масок и т. п.) позволяет предполагать, что стена в углу помещений XXII–XXIII была тоже скульптурно оформленной.

Помещение XXV (ниша № I).

Эта ниша расположена возле выходящего угла коленчатого коридора XXIV–XXV, во внешней стене колена XXV юго-западного фаса огады. Глубина ниши 105 см, ширина 150 см.

Внутри ниши обнаружены остатки крупной сидящей фигуры Будды, торс фигуры Бодисатвы (?) и многочисленные фрагменты рельефных украшений, покрывающих внутреннюю поверхность ниши (рис. 74).

Фигура Будды сохранилась не полностью. Размер ее примерно $1\frac{1}{2}$ натуральной величины. *In situ* расчищен прямоугольный плинт-постамент и нижняя часть фигуры, сидящей на нем в позе *padmasana*. Колени нависают над постаментом. Под давлением завала правая нога в голени треснула и бедренная часть оказалась

Рис. 74. Аджина-тепе. Торс бодисатвы из ниши I. Коридор XXV

Рис. 75. Аджина-тепа. Голова Будды. Коридор XXV

сдвинутой со своего первоначального места. Вторая широкая трещина отделила правую ступню от самой ноги. Одежда косыми складками покрывает поджатые ноги. Расправляясь на коленях и собираясь частыми складками у щиколотки, она спускается по центру постамента сложной системой складок, условно передающих ниспадение края одежды. Другой конец плаща спускается возле правой пятки частой тройной складкой.

Полностью сохранилась левая ступня и правая нога. Правая ступня не имеет пальцев, поверхность пятки попорчена. Возле ступней сохранились *in situ* остатки сложенных *B dhayana-mudra* ладоней —

пальцы и часть ладони левой руки и большой палец правой руки. Рядом с ладонями — сдвинутое предплечье левой руки.

Крупный кусок торса (половина груди и живота, плечо и часть предплечья) был найден лежащим лицевой стороной внутрь ниши, перед самым постаментом, вплотную к нему. Торс фигуры был покрыт красным плащом. На плечах он собирался частыми глубокими полукруглыми складками. На руке плащ располагался косыми складками до локтевого сгиба и поперечными параллельными складками лежал на предплечье. По груди и животу складки шли вертикальными частыми полосами, выполненными в невысоком рельефе.

Голова фигуры была найдена довольно высоко в завале ниши, частично выступая за ее пределы (рис. 75). Сохранилась только нижняя часть лица, шея и участок плеча, незакрытый плащом. Особенно пострадала верхняя часть лица, именно она выступала из завала ниши. Несмотря на крупные размеры и плохую сохранность, голова производит сильное впечатление, благодаря совершенным линиям овала нижней части лица и шеи, небольшому, мягко очерченному подбородку, чуть тронутым улыбкой красиво очерченным губам. Сохранилось левое ухо с сильно вытянутой мочкой и наружный угол правого глаза. Остатков краски на поверхности головы заметить не удалось. Лицо и видимая зрителю часть шеи были покрыты тонким слоем ганчевой обмазки.

Торс бодисатвы (фр-т XXV/с-1). Фрагмент размером 60×30 см. Найден в углу ниши, справа от основной фигуры, сдвинут со своего первоначального места и стоит «спиной» к зрителю. Отсутствуют: голова, левая рука ниже локтя, полностью правая рука, ступни ног. Для торса характерны вытянутые пропорции тела, широкие плечи, узкие бедра, натуралистичная трактовка поверхности тела, не прикрытого одеждой. Фигура одета в дхоти, которое держится на бедрах с помощью пояса, завязанного впереди сложным узлом с двумя спускающимися по бокам петлями. Дхоти собрано в густые складки между ног; одна пола его перекинута поперек. На бедрах и коленях складки одежды разглажены. Дхоти имеет следы желтой и синей раскраски. Остатки одежды заметны и на левом плече фигуры в виде косых частых складок. Это продолжение (конец) той полосы ткани, что пересекает фигуру поперек бедра. За ее край может быть принята широкая лента, идущая подмышку.

Шею фигуры украшало ожерелье, состоящее из полушариков с рифленой поверхностью. Ниже на грудь спускалась двойная цепочка, на которой должно быть висело какое-то центральное нагрудное украшение (не сохранилось).

В завале ниши было найдено большое количество фрагментов рельефных украшений, покрывавших внутреннюю поверхность стен ниши (рис. 76).

Это, в первую очередь, остатки н и м б а вокруг головы Будды (фр-т XXV/с-2). Он выполнен был в обычной для Аджины-Тепы манере: по краю плоского диска располагались рельефные изображения сильно стилизованных сердечкообразных лепестков (лотоса?) с тремя перлами по обоим концам их. Возможно, что часть их обрамляла края мандорлы вокруг фигуры Будды. На «лепестках» сохранились остатки желтой краски, положенной на тонкий слой ганчевой основы.

По-видимому, часть фриза, украшавшего нишу или поверхность стен коридора между ними, составляли рельефы в виде прямоугольных к а с с е т (XXV/с-3), примыкающих одна к другой, почти тождественных между собой. Они найдены в верхней части завала ниши, в больррм количестве и в сильно фрагментированном виде. Тем не менее удалось расчистить одну почти целую «кассету» (размером 30×30 см) и начало примыкающей к ней другой. Центр ее заполнен решеткой из наложенных друг на друга под прямым углом полос, находящихся на разном уровне (двухпланный орнамент). В каждом слое 3 полосы. Образовавшиеся в результате пересечения ячейки прямоугольные или квадратные (1,7×2,5 до 2,5×4,0 см), глубина — до 3,0 см. «Решетка» упирается в прямоугольную рамку-бортик, по верхней плоскости которой наклеплены вплотную друг к другу отштампованные пятилепестковые цветы (каждый лепесток, а также центральный кружок имеют форму полушарика диаметром в 8–9 мм).

Судя по фрагментам «кассет», при их изготовлении допускалось некоторое разнообразие: в «решетке» могло быть 4 полосы, цветы-розетки по бортику имели несколько иную форму — каждый цветок был на отдельном диске, и изготовлен единым штампом. Следов раскраски почти не сохранилось. Лишь местами удается заметить остатки белой ганчевой обмазки.

«Кассеты» изготовлены из различного глиняного теста: рамка делалась из глины с примесью толченого самана и сверху обмазывалась толстым слоем глины с большой примесью песка; целиком из такой обмазочной глины делались полосы решетки; цветы штамповались из коричневой тонкоотмученной глины и в подсушенном виде были наложены на сырой обмазочный слой рамки. При расчистке обломков кассет наклепные цветы легко отпадали, оставляя на поверхности бортика ямку-гнездо.

Другим элементом украшения ниши являлись полукруглые в сечении п о л о с ы - т я г и диаметром 6–7 см, поверхность которых покрыта штампованными изображениями цветов-розеток (XXV/с-4). Ядро их сделано из обычного теста с примесью

Рис. 76. Аджина-тепа. Фрагменты рельефных украшений. Коридор XXV, ниша I

самана, внешняя поверхность из песчанистой глины, цветы-розетки штамповались также из коричневой пластичной глины и в посушенном виде наклеплялись на сырую поверхность тяг, покрывая ее сплошь, иногда даже частично заходя одна на другую. Розетки-цветы были нескольких форм и размеров, причем даже в пределах одного фрагмента наблюдается сочетание одновременно двух форм. Чаще других встречаются розетки диаметром около 16–17 мм. Это диск, на поверхности которого восьмилепестковый цветок, в центре которого две уплощенных, круглых лепешечки, положенные меньшая на большую. Каждый лепесток имеет форму полушарика диаметром 3,5–4 мм.

Розетки другой формы (диаметром 28–30 мм) тоже имеют 8 лепестков, но они удлиненные, с приостренным концом и продольной жилкой⁶². На лепестках местами сохранилась красная краска, положенная на белую ганчевую основу.

Значительно отличаются своей натуралистичностью цветы, изготовленные не с помощью штампа, а вылепленные индивидуально каждый.

У таких цветов в центре толстый высокий цилиндр, от которого отходят под разным углом поворота лепестки-сердечки. К цилиндрику они крепятся своим приостренным концом. Краска сохранилась очень плохо. Ее остатки можно заметить в углублении в центре (черная) и кое-где на лепестках (красная).

Местоположение этих тяг неясно. В завале они встречаются в глубине ниши и вместе с фрагментами «кассет».

Голова бодисатвы (?) (размеры 28 × 14 см.; натуральная величины) (XXV/с-14). Найдена в завале над полом, у северного торца помещения XXV.

Почти полностью сохранилась лицевая часть головы, частично — шея. Отсутствуют прическа, часть лба (с правой стороны), уши, нос.

Вытянутый овал лица резко выделяет это изображение. Лоб — убегающий назад, ярко выраженные надбровные валики мягко скруглены, без обычного для лицевых масок этого памятника подчеркивания бровей ступенчатой дужкой. Миндалевидной формы глаза широко открыты, смотрят вперед, верхнее веко слегка припухлое. В уголках рта, слегка раздвинутого в улыбке, — глубокие ямочки. Маленький округлый подбородок заметно выступает вперед, нижняя часть его — припухлая. Сохранившийся участок шеи позволяет говорить о прямой посадке головы.

На поверхности лица (в основном, на левой его стороне) сохранились небольшие участки, покрытые тонким слоем белого ганча; никаких следов раскраски обнаружить не удалось.

Голова Будды (размеры 12 × 13,5 см; в 3/4 нат. величины, фр-т XXV/с-15). Найдена в завале над полом возле ниши № 4. Сохранилась лишь верхняя часть головы: прическа, правый глаз и частично щека. Низкий, уплощенный лоб составляет единую прямую линию с носом. Граница волос и лба имеет очертания двух слегка изогнутых дуг, сходящихся над переносьем. Завитки волос (в виде сдвоенного «вопросительного» знака) оттиснуты двумя штампами, зеркальными по рисунку. С каждой стороны от пробора, проходящего по средней линии головы, — по 8 таких завитков-локонов, расположенных непосредственно один под другим. На завитках сохранились остатки синей краски, положенной прямо на глину, без грунта. Только по незначительным следам можно судить и о раскраске лица: оно было белым, веки наполовину прикрытых глаз были подведены синей краской, зрачок — черный. В складке над верхним веком — остатки красной краски.

Помещение XXVI и XXVI-а. Заполнение помещения XXVI-осевого святилища с айваном-веетибюлем (пом. XXVI) — составляет рухнувшее купольное пере-

⁶² Керамическое клеймо для изготовления розеток было найдено в помещении XXVI.

Рис. 77. Аджина-тепа. Голова Будды (?). Помещение XXVI-а

Рис. 78. Аджина-тепа. Голова светского (?) персонажа. Помещение XXVI-а

крытие. Обрушению купола предшествовало разрушение скульптурного убранства святилища. Многочисленные фрагменты от разрушенных пристенных постаментов и расположенной на ней скульптуры, упавших со стен кусков рельефов и фрагментов потолковой росписи образуют завал на полу святилища и прохода в него.

Среди опознаваемых скульптур — крупные (1,5 натуральной величины) фигуры сидящих Будд. Их фрагменты (ступни босых ног в позе *padmasana*, складки красных одежд на руках и ногах, рельефные нимбы) были обнаружены в центральной части святилища. Судя по размерам обнаженных ступней, таких крупных фигур в святилище было три, т. е. на каждом пристенном постаменте.

Среди меньших по размеру скульптур — фрагмент головы Будды (фрагмент XXVI-а/c1; рис. 77), найденный справа от входа в углу. Сохранилась правая часть лица (ухо с сильно оттянутой мочкой, висок и примыкающие к нему участки лба и щеки, часть правого глаза) и три ряда синих завитков волос прически. Лицо сильно деформировано, видимо, фрагмент расплющился, находясь в завале уже разбитым. Сохранились следы раскраски: белой была поверхность щеки и лба, синими были завитки волос. Размер фрагмента 16 × 13,5 × 4,5 см.

Фрагмент (XXVI-а/c2) головы (размер 15 × 10 см; рис. 78) найден в завале на полу помещения слева от входа в очень поврежденном виде: большая выбоина на месте левой брови и глаза, отсутствует нос (видны только дырочки от ноздрей), отбиты правый угол рта, нижняя часть правой щеки и подбородок. От прически осталась узкая полоска волос над лбом и подхватывающая их снизу диадема. Брови высоко подняты, припухшие веки слегка прикрывают выпуклое глазное яблоко. Рот крупный, с припухлой нижней губой, щеки слабо моделированы. Раскраска

Рис. 79. Аджина-тепа. Голова воина-брахмана. Коридор XXVII

лица почти не сохранилась, лишь в уголках глаз видна синяя краска, которой были подведены глаза, а в глубине рта — красная.

Фрагмент (XXVI-а/с4) постамента, украшенного листьями (размер $20,5 \times 9,5$ см). Найден возле прохода в святилище. Листья сделаны разными по величине штампами, наложены с заходом друг на друга. Нижняя часть постамента гладкая, окрашена в черный цвет, на листиках — остатки синей краски. Размеры листьев: 8×5 см, $7 \times 4,5$ см.

Нитка глиняных бус (XXVI-а/с3) найдена в правом ближнем к входу углу помещения. Шестнадцать круглых просверленных бусин (размером 10–14 мм) имеют следы красной краски. Вместе с ними была найдена подвеска грушевидной формы, украшенная косыми насечками, покрытая синей краской.

Значительную часть скульптурных фрагментов составляют обломки рельефных настенных украшений, обрамлявших, по-видимому: фигуры на постаментах. Это и выполненные в очень глубоком рельефе побеги каких-то растений, и диски нимбов, украшенных по краю рельефными налепками в виде сердечек с шариками на обоих концах. Интересны фрагменты рельефной полосы, прямоугольной в сечении, с ярким геометрическим рисунком на верхней плоскости в виде вписанных друг в друга квадратов.

Боковые грани таких полос окрашены однотонно.

Фрагмент XXVI-а/с-5 (размер $16,5 \times 11$ см). Голова Будды (чуть меньше натуральной величины). Найден на полу прохода из помещения XXVI-а в айван. Сохранилась правая половина всего объема головы, часть прически из улиткообразных завитков, мочка правого уха. Покатый лоб снизу подчеркнут прорезанными ниточками бровей. Выпуклое глазное яблоко наполовину прикрыто верхним веком. Нос и рот сбиты. Фрагмент интересен хорошо видимой техникой исполнения: штамповка в форме лицевой части с подправкой острой стечкой уголка

глаза и брови. Четко видна линия границы между штампованной лицевой маской и аморфной частью глины, которая послужила основой для прически из наклепанных на нее рядами штампованных завитков синих волос. Поверхность лица была покрыта тонким слоем белого ганча. Возле линии волос положена полосой красная краска. Остатки красной краски есть в глубине ушной раковины и над верхним веком.

Помещение XXVII.

Голова воина (1/3 натуральной величины, размером 19×7 см (фр-т XXVII/с-1, табл.; рис. 79). Найдена на полу коридора у стены, между нишами № 2 и № 3 (ближе к № 2). Сохранность головы хорошая, но при падении пострадали правое ухо и кончик носа. Глубокая трещина проходит вдоль левой половины лица.

Характерной особенностью головы является удлинённый овал ее лица, пропорциональность черт и некоторая несимметричность. Она допущена при передаче бровей: одна бровь круче другой и выполнена в более высоком рельефе (левая). Кроме того, правый глаз трактован более выпуклым, чем левый. И та и другая черты, возможно, явились результатом формовки и последующей затем подправки изображения.

Все детали лица проработаны очень тщательно, причем не только глаза, брови, губы, но и поверхность щек, внутренние уголки глаз. Своеобразна прическа головки. Ее составляют узкие длинные пряди, разделенные пробором и сходящиеся на макушке в небольшой шиньон, расширяющийся кверху и несколько сплюснутый спереди и сзади. Разделка на пряди сохраняется и в шиньоне. По основанию его проходит поперечный желобок. На лбу волосы стянуты узким двойным обручем. Условно-обобщенно переданы уши (сохранилось полностью только левое); длинная, оттянутая вниз, мочка доходит до нижней точки подбородка. На сохранившейся части шеи видны поперечные складки-морщины.

Следов краски совершенно не сохранилось. На левой части лица (щека, ухо) и шеи — слой белой ганчевой обмазки.

Образок глиняный с фигуркой Будды (размером 15,5×13×6 см; рис. 80). Найден в завале ниши № I (фрагмент XXVII/с-2). Представляет собой прямоугольную плитку с овальной подставкой-упором с оборотной стороны, которая позволяет плитке устойчиво стоять в слегка наклонном положении.

На лицевой стороне плитки — рельефное изображение сидящего Будды в *dhyana-mudra* на лотосовидном троне в окружении мандорлы. По обе (?) стороны от Будды — изображения ступ. Образок сделан в технике штампа, при этом искусно использована глина разного цвета: в светло-зеленой глине оттиснуто изображение Будды, все остальные детали образка сделаны из красной глины. Сохранность образка не полная, особенно пострадала верхняя его часть, многие детали смяты или отсутствуют вовсе. Так нет полной уверенности в наличии второго изображения ступы слева от Будды, нет четкого представления об оформлении верхней части образка (возможно ветви дерева), с трудом удастся распознать лотосовидный трон под сидящим Буддой. Сохранность самой фигурки довольно хорошая, хотя отсутствует голова и несколько повреждены ноги. Четко видны складки сангхати на торсе, шее, руках и частично ногах. Несмотря на мелкие размеры фигурки, тщательно проработаны кисти сложенных в *dhyana-mudra* рук, подошвы неприкрытых одеждой ступней. Складки одежды переданы врезанными линиями и только возле ворота они изображены рельефным валиком. Край сангхати спускался веером складок на постамент чуть левее его средней линии. Мандорла четко видна в виде рельефного двойного валика по обе стороны от фигурки на уровне предплечий, выше контур ее прослеживается с большим трудом.

Рис. 80. Аджина-тепа. Глиняный образок с изображением сидящего Будды.
Из монастырского двора (возле айвана XI) и из помещения XXVII

Справа от Будды — изображение террасовидной ступы с лестничным подъемом по одной стороне. Слегка сплюснутая полусфера опирается на барабан, над полусферой — зонтики, уменьшающиеся в диаметре (?). Первая и вторая ступени-террасы имеют двухчастные карнизы. Лестница для обеих террас единая в 7 ступеней, с перильцами по обеим сторонам.

Вполне вероятно, что по другую сторону от Будды была тоже ступа, во всяком случае намеки на такое предположение есть.

Образок не имеет следов окраски, видимо, он в ней и не нуждался, поскольку зеленый цвет фигурки Будды контрастно выделялся на красном фоне остальной части образа.

Фрагмент глиняного фриза (XXXI/c-1), размером 15,5 × 14 см. Найден в проходе из коридора XXVII в помещении XXXI в завале, на глубине 50 см от поверхности пола. Является частью фриза, покрывавшего какую-то выпуклую поверхность (и данный фрагмент, и менее выразительные фрагменты, найденные здесь же, имеют характерную продольную кривизну) в виде пояса, одним из элементов которого, по-видимому, была арка с фигуркой Будды внутри нее. Сверху (и, вероятно, снизу) аркаду ограничивали горизонтальные полосы-тяги, прямоугольные в сечении, шириной в 2,2 см.

Интересно, что верхняя грань сохранившейся полосы тщательно обработана и окрашена в ярко-красный цвет, что с несомненностью указывает на то, что фриз выступал за плоскость того сооружения, которое он украшал.

На фрагменте сохранилась почти целиком одна арка, выполненная в довольно высоком рельефе (от 10 до 16 мм). Она эллипсовидных очертаний, максимальная сохранившаяся высота ее дуги около 10 см, расстояние между концами дуг — 8,5 см, ширина самой арки — 2,1 см. Внутри нее помещенное рельефно изображение сидящего на прямоугольном основании Будды в позе созерцания (*dhyana-mudra*)-Фигурка сохранилась полностью. Ее высота 7,8 см, максимальная ширина 4,5 см. Трактовка очень обобщенная, без попыток проработки деталей. Сохранились остатки ее раскраски: сложенные кисти рук, лицо, открытая часть шеи были белыми; волосы на голове, ушниша, глаза — черные; плащ — ярко-красный. Фигурка выделяется на белом фоне пространства, заключенного внутри арки; по внутренней стороне арки проходит синяя полоса, а наружная ее поверхность окрашена в желтый цвет. Тем самым Будда как бы окружен двухцветной желто-синей мандорлой. Сохранность красочного слоя не позволяет говорить с уверенностью о нимбе вокруг головы, но, возможно, он был желтого цвета.

Основа рельефа делалась из глины с примесью самана, сам рельеф — из коричневой глины с примесью песка; пространство между фигуркой и дугой арки дополнительно промазано тонким слоем зеленоватой скульптурной глины. Под красочный слой везде положена ганчевая обмазка.

Помещение XXVIII

Помещение XXVIII имеет два четко выраженных периода. Оно активно обживалось во второй (не монастырский) период, что сказалось на сохранности не только его бывшего убранства, но и поверхности стен помещения и проходов в него.

В течение I (монастырского) периода в коридоре делались ремонты, во время которых попорченную временем скульптуру убирали в специально сделанные подбои в стенах помещения и его проемов или, смешивая с глиной и рубленой соломой, включали в новую обмазку пола или внутрь постаментов и платформ. В одной из таких платформ нечетких очертаний, находящейся возле торца помещения, обращенной к айвану XXIX, среди прочих мелких фрагментов, найдены завитки синих кудрей, встречаемых на голове Будд (в форме строенного вопросительного знака),

Рис. 81. Аджина-тепа. Торс светского персонажа («тохаристанец»). Замурован в стену коридора XXVIII

фрагменты лицевой части головы Будды и крупный кусок от бедренной части ноги в байтовых складках красного сангхати с остатками золотых звезд. Этот фрагмент заходил вглубь стены помещения, обращенной в сторону двора. Оказалось, что в этом месте был сделан глубокий подбой в стене у пола, в который был замурован крупный скульптурный фрагмент, оказавшийся половиной торса светского персонажа, выполненного в натуральную величину (фрагмент XXVIII/с-1; рис. 81). От фигуры сохранилась верхняя половина туловища, часть правого предплечья. На мужчине был надет тонкой ткани двубортный халат, который собирался мелкими складками подмышкой, на груди у треугольных отворотов и около талии. Правая пола халата находила на левую, йод халатом в треугольном вырезе была видна нижняя одежда, частые горизонтальные складки которой заходили высоко на шею.

Объем головы сохранился полностью, высота лицевой части 26 см, ширина на уровне висков 19 см, однако ее поверхность полностью утрачена. Прическа состояла из коротких черных кудрей, расходящихся веером от лба. Волосы на темени разделены на длинные волнистые пряди пробором и должны были быть собраны в узел на затылке. У висков волосы похвачены снизу желтой повязкой, которая завязана в пышный бант с левой стороны

головы. Раскраска одежды практически не сохранилась.

В том же подбое под торсом была обнаружена небольшая скульптурная головка (фрагмент XXVIII/с-2) ребенка в остроконечной шапочке, мягкими полями покрывающей коротко остриженные кудрявые волосы (рис. 82). Убегающий назад лоб имеет одну общую линию с небольшим носом (кончик отбит). Глаза удлинненные, миндалевидные, широко расставлены, внешние уголки слегка приподняты. Нижняя половина лица

Рис. 82. Аджина-тепа. Голова ребенка в шапочке. Была замурована в стену коридора XXVIII, рядом с торсом «тохаристанца»

по-детски округлая, пухлые губы слегка тронуты улыбкой. Ушная раковина нормальных очертаний, но в целом ухо непропорционально большое для такой головы.

Лицевая маска безусловно сделана штампом, но с последующей проработкой стекой в обычных местах: рот, очертания глаз, складки век. Завитки волос в форме улитки штампованы отдельно и наклеплены на теменную часть головы рядами (из-под шапочки видны два ряда завитков), как будто бы с сохранением пробора по середине головы и зеркальным изображением завитков для левой и правой стороны.

Несмотря на некоторую асимметричность головки, она явно была рассчитана на фронтальное положение и только слегка касалась стены задней стороной.

Окраска головки почти не сохранилась. На тулье шапочки местами видна синяя краска, кудри были черными. Веки подведены синей краской, а под подбородком, там, где он переходит к шее, видна красная полоса.

Возможно той же фигурке ребенка принадлежат два фрагмента руки — локтевой части и предплечья — с остатками браслетов, которые были найдены там же в обмазке пола у стены помещения.

Помещение XXXIV

Завал над полом помещения имеет толщину примерно около 0,5 м и, как и в помещении I, насыщен скульптурными фрагментами. В основном, это мелко дробленные куски и крошка, не поддающиеся определению. Более редки крупные фрагменты.

Фрагменты скульптуры в завале — это остатки, главным образом, статуй, располагавшихся на пристенных суфах. По-видимому, при обживании здания во второй (немонастырский) период скульптура была сброшена на пол, заполнив, в основном, центральную часть комнаты. В завалах по углам встречались преимущественно фрагменты штукатурки с росписями и обломки горельефных украшений, обвалившиеся со стен.

Расположение скульптурных фрагментов в завале до некоторой степени позволяет реконструировать расстановку отдельных фигур на суфах и «поднять» часть горельефных украшений на их первоначальное место (рис. 83).

Наиболее важная статуя (XXXIV/с-1) в помещении, вероятно, находилась на средней суфе (против входа?). На ней был ярко-красный плащ с золотыми звездами. От этой фигуры сохранилось несколько крупных фрагментов от частей тулова, покрытых складками одежды, которые были найдены на полу со всех сторон от центральной суфы. Судя по размерам фрагментов фигура эта была выполнена в натуральную величину.

Обломки фриза (XXXIV/с-2, с-2а), выполненного в очень высоком рельефе, видимо, представляет собой часть обрамления этой фигуры. О его первоначальном положении на стене можно судить только предположительно: или он был частью «рамки» вокруг центральной скульптурной композиции, или является фрагментом рельефного нимба над главной фигурой.

Мотив орнамента на фризе — волютообразные завитки, образованные растительными побегами. Размеры каждого такого завитка 12 × 17 см, высота рельефа до 5 см. Фриз имел двойную окраску: светлую кремовую на выступающих частях и черную в наиболее глубоких местах. Этим достигалось впечатление еще большей глубины рельефа, четче выступал основной рисунок.

До обе стороны суфы, у стены помещения, были найдены куски стеной штукатурки с остатками двуцветного нимба (синяя и розовая полоса) (XXXIV/с-3). Внешний контур нимба обрамлен штампованными рельефными изображениями листков лотоса, переданных весьма условно. Листок имеет форму вытянутого «сердечка» в двойной рамке, к обоим концам которого прикреплено по три перла. Каждое «сердечко» вместе с перлами представляет собой одну деталь, отштампованную

Рис. 83. Аджина-тепа. Фрагменты рельефных фриз. Помещение XXXIV

из темно-коричневой глины. Нимб «набирался» из таких отдельных элементов, которые затем втискивали в непросохшую саманную штукатурку выступающей плоскости нимба. После нанесения алебастрового грунта весь нимб раскрашивался, в том числе и листки лотоса, на котором встречаются следы желтой крае-ки.

Осыпавшиеся листки нимба были встречены по всему помещению, но особенно много их было найдено в северном и западном углах и около правой (от входа) суфы.

Такие же листки — «сердечки», но более короткие и без перлов, украшали постаменты под фигурами (XXXIV/с-4). Их также штамповали отдельно, а потом налепливали на плоскость постамента, располагая по схеме «рыбьей чешуи»: на приостренный конец каждого листка находил широкий конец листка следующего ряда. Один крупный обломок постамента, украшенного таким образом, был найден в центре комнаты, другой — возле выхода. Осыпавшиеся лепестки встречались в завале по всей площади помещения.

Фигурка божества (размер 32×18 см; фр-т XXVIV/С-5).

Видимо, с центральной фигурой среднего постамента сюжетно связана фигурка полуобнаженного мужчины, которая была найдена лежащей около суфы на полу, лицом вниз.

Поза фигурки ясно указывает на подчиненное положение по отношению к какому-то главному персонажу композиции: коленопреклоненная, с лицом, повернутым в поборота и несущим выражение почтительной внимательности и сосредоточенности.

Хотя некоторые детали фигурки утрачены или пострадали при ее падении, в целом ее можно считать, пожалуй, одним из наиболее сохранившихся экземпляров скульптуры из помещения XXXIV.

Расчистка фигурки со «спины» показала, что ее задняя сторона примыкала непосредственно к стене. Только голова фигурки была обработана со всех сторон. Лицо персонажа сравнительно молодое, с правильными чертами, слегка покатым лбом и четко выраженными надбровными дугами. Форма глаз миндалевидная, с припухшим верхним веком. Тонкий, прямо очерченный нос имеет фигурный вырез ноздрей. Губы пухлые, с ямочками в уголках. Подбородок округлый, несколько выступающий вперед.

Левая сторона фигурки (в том числе и голова) деформирована. Деформация привела и к некоторому искажению первоначального выражения лица.

Прическа, сохранившаяся не полностью, состоит из рядов мелких крутых спиралек, обрамляющих полукругом лоб и спускающихся к вискам. Волосы выкрашены в черный цвет. Уши отсутствуют. Короткую шею пересекают две глубокие поперечные складки. Четко моделированы обнаженная грудь с выступающими сосками и мышцы живота. Нижняя часть туловища и ноги закрывает дхота ярко-синего цвета, собравшееся в складки на сгибах ног. Одевание на животе поддерживалось с помощью витого пояса, изображенного косыми насечками. ^ (Правая нога была поджата, на левую, согнутую в колене, опиралась левая рука. Кисть правой руки лежала на бедре поджатой ноги.

Выше уже упоминалось, что левая сторона фигурки деформирована. От падения пострадала, главным образом, левая рука: плечевая часть сдвинута со своего места, а предплечье и кисть отсутствуют. Сдвинута, хотя и не намного, и левая нога в коленной части.

Торс фигурки был украшен перевязью из двух переплетающихся шнуров, спускающейся с левого плеча через грудь и живот. На шее висело ожерелье из крупных горошин-перлов с фигурной подвеской в центре. Подвеска была окрашена в синий цвет, а само ожерелье — в желтый. Желтыми были и браслеты на плечевых частях рук. Каждый браслет состоял из широкого плоского кольца, охватывающего руку, и прикрепленного к нему щитка треугольных очертаний. В середине щитка были расположены вертикальным рядом четыре пирамидные выпуклости, одна меньше другой. Большая пирамидка была выкрашена в синий цвет, остальные — в желтый. Остальное пространство треугольного щитка заполнено изображениями завитков и стилизованных листков, также окрашенных в желтый цвет. Щиток ожерелья и браслеты, судя по цвету окраски, изображены как золотые. Синим цветом, видимо, обозначены вставки из драгоценных камней. Запястье было украшено простым браслетом в виде гладкого кольца (сохранился только на правой руке).

Раскраска фигуры сохранилась только на небольших участках. Почти всюду проступает светло-коричневый цвет скульптурной глины. В ряде случаев на поверхности фигурки обнаруживаются кусочки краски, прилипшие за время лежания фигурки в зайле рядом с другими фрагментами скульптуры и кусками штукатурки с росписью. Несмотря на это первоначальную раскраску фигурки можно реконструировать с достаточной уверенностью.

Раскрашенной была вся ее поверхность. Обнаженные части тела и лицо были выкрашены в светло-желтый цвет, одежда — в ярко-синий, украшения — в желтый и синий цвета. Выше уже упоминалось, что волосы были черными, глаза — синими, губы — красными. Местами на поверхности фигурки, поверх других красок, присутствует красная краска, которой подчеркивалась рельефность некоторых деталей и частей тела. Красная краска, например, положена в уголках рта и глаз, а также у

Рис. 84. Аджина-тепа. Торс в красном плаще. Помещение XXXIV

крыльев носа, что придает большую резкость чертам лица. Красной полосой оттенили и границу между волосами и лбом, проведя ее у самого основания завитков. Подкрашены красным соски на груди, пупковая впадина, складки кожи на шее и на сгибе у локтя. Для придания рельефной выразительности красным заполнены и углубленные места светлой перевязи.

Такого рода «грим» был рассчитан на осмотр скульптуры в полутемных помещениях, при плохом освещении и на некотором расстоянии. Подкраска делала скульптуру грубее, но выразительней и объемней.

Крупные скульптурные фрагменты были обнаружены и в завале у правой (от входа) суфы. Возможно, здесь представлены остатки нескольких сюжетных композиций.

Фрагмент торса в красном плаще (30×28 см; 3/4 натуральной величины, фр-т XXXIV/с-6; рис. 84). Обломок верхней части торса фигуры в красном (монашеском) плаще, плотно прилегающем к телу. Остатки краски сохранились только в углублениях складок. Сквозь плащ отчетливо проступают округлости груди, живота и пупковая впадина. Скульптор, очевидно, стремился показать, что плащ сделан из тонкой ткани. Воротник на шее собран частыми складками, которые разгладились на груди, и частыми байтовыми складками опускались на поверхность живота, слегка наискось. Распределение складок на торсе довольно равномерное, хотя и не симметричное для обеих половин. В завале вплотную рядом с торсом лежало предплечье левой руки, которое, судя по размеру и характеру складок, вполне могло относиться к той же фигуре. В полураскрытой ладони руки лежал какой-то предмет, окрашенный в черный цвет. Расположение складок на фрагменте позво-

ляет предположить, что первоначальное положение этой руки было на сложенных в padmasana ногах, ладонью вверх. Видимо, этой же фигуре принадлежали еще два скульптурных фрагмента — обломок запястья со складками одежды и раскрытая правая ладонь в жесте abhaya-mudra.

Голова Будды (размеры 19×16 см, фр-т XXXIV/ с-7). Сохранилась почти полностью: отсутствуют лишь часть левой щеки, ухо и левая половина прически. При падении несколько пострадала поверхность носа. Попорчена также нижняя часть лица с правой стороны — от уха до подбородка имеется значительный вылом, чем создается ошибочное впечатление резко сужающегося книзу лица. Высокий гладкий покатый лоб подпирается дугами бровей и образует одну прямую с линией носа. Глаза наполовину прикрыты слегка припухлым верхним веком. Красиво очерченный рот сложен в легкой улыбке. Нос небольшой, тонкий, с глубокими отверстиями ноздрей. Подбородок округлен, слегка выступает вперед.

Нижняя линия волос четко отделена от лба, ее контур имеет вид двух равных дуг, сходящихся над носом. Пряди волос переданы отштампованными наклепными сдвоенными спиральками-завитками, которые расположены в шахматном порядке по отношению друг к другу и окрашены в ярко-синий цвет. Ухо приостроено вверх, но в целом выполнено анатомически достоверно.

На лице сохранились следы раскраски. Глаза были подведены синей краской, линия бровей — черной. Губы окрашены в красный цвет с обводкой контура черным.

Если говорить о художественном впечатлении от этой головки, то она выполнена с тонким изяществом; лицо выражает живую мягкость и добрую снисходительность.

Голова Будды (18×11 см, фр-т XXXIV/с-8). Тяжестью завала эта голова была сплющена с боков. Тем самым оказалось несколько искаженным первоначальное выражение лица, получившее в результате деформации выражение жесткости и холодности. Но сохранность деталей лучше, чем у головы XXXIV/с-7: отсутствуют только уши и затылочная часть прически.

Локоны волос, из которых состоит прическа, имеют форму мелких крутых спиралек и окрашены в темно-синий цвет. Граница волос над лбом имеет такой же изгиб, как и у головы XXXIV/с-7, но ниже спускается на лоб.

Надбровные дуги расположены высоко и, сходясь на переносице, переходят в линию носа. Нос тонкий, прямой, с изящным выразом ноздрей, под носом маленькая ямочка. Разрез глаз очень удлиненный, глазное яблоко выпуклое, припухлое, верхнее веко закрывает его наполовину. Рот красиво очерчен, губы сложены в полуулыбке. Подбородок небольшой, округлый, чуть выступающий вперед. Низ подбородка припухлый, возможно, вследствие деформации головы. За счет сплюсненности следует отнести и асимметрию лица. Создается впечатление, что голова рассчитана на восприятие в профиль или в четвертном повороте, хотя первоначально, до деформации, положение головы (судя по равномерности ее обработки со всех сторон) бесспорно было фасовым.

Поверхность лица была окрашена в белый цвет, надбровные дуги — в черный, веки подведены синей краской, глазное яблоко желтое. Желтым были выкрашены и губы, с обводкой контура черной краской (у головы с-8 губы красные). Синяя раскраска волос положена на черный грунт, чем создается большая глубина синего цвета (у головы с-8 — грунт светлый).

У правой суфы помещения XXXIU были найдены и другие скульптурные остатки. Многочисленны обломки рельефного нимба, состоявшие из стилизованных листков лотоса.

Рис. 85. Аджина-тепа. Фрагмент двух слипшихся голов разных персонажей. Помещение XXXIV

Рис. 86. Аджина-тепа. Женская голова. Помещение XXXIV

Здесь же были обнаружены два слипшихся фрагмента от двух разных голов, небольшого размера, расположенных одна по отношению к другой под прямым углом. Одна из голов (фр-т XXXIV/с-9; рис. 85) сохранилась только правой стороной — правая щека, часть носа и уголок рта — и не имеет достаточно характерных отличительных признаков.

От второй головы (фр-т XXXIV/с-9а) сохранились верхняя часть лица и участок прически, а также лежавший рядом фрагмент боковой стороны этой же головы с правым ухом и височной частью лица со спускающимися прядями волос. Чертам лица придана нарочитая грубость: низкий лоб с сильно выступающими надбровьями пересекают глубокие поперечные и вертикальные морщины. Круглые вытаращенные глаза с ямочками зрачков смотрят прямо. На лбу, над вдальным переносием, выступает треугольный желвак. Волосы низко нависают на лоб, их пряди переданы глубокими прочерченными бороздками. Первоначальная раскраска лица была очень яркой. Сохранились остатки желтой краски на волосах, лице, ушах. Поверх нее в углублениях была положена красная краска (возле глаз, у основания прически). Веки были подведены синей краской, брови и зрачки — черной.

В этом же помещении были найдены две скульптурные головки, выполненные примерно в 1/2 натуральной величины и обнаруживающие много общего между собой.

Одна из них (фр-т XXXIV/с-10; рис. 86) была найдена слева от входа в помещение, другая (с-11) — в углу, между левой и центральной суфами. Степень сохранности обеих головок примерно одинаковая; полностью сохранились только лицевые маски этих головок. Мягкость овала и тонкость черт лица позволяет думать, что эти могли принадлежать и женским изображениям.

Раскраска лиц одинакова: лицо желтовато-белое, брови и зрачки черные, губы красные. «Подкрашены» красным ямочки возле носа и пространство между глазами и ниточками бровей (что не характерно для других голов).

В завале, занимающем центральную часть помещения, были обнаружены обломки совсем маленьких фигурок — фрагменты ног в позе падмасана, кистей

Рис. 87. Аджина-тепа.
Фрагменты двух головок
(светских персонажей).
Помещение XXXIV

рук, частей торса и складок одежды. Здесь же были найдены три головки (6–6,5 см высоты), близкие между собой, с остатками раскраски на поверхности (XXXIV/с-12, 13, 14).

Наиболее сохранившаяся из этих головок была обнаружена в завале рядом с горельефным изображением растительных побегов, чешуйками-лепестками от постаментов и другими (менее понятными) фрагментами, не имеющими непосредственного отношения к данной скульптурной головке. От головки (размером 6×5 см) сохранилось только лицо и начало шеи (XXXIV/с-12). Черты лица несколько необычны: покатый лоб, мощные надбровные дуги, глаза широко расставлены, нос крупный и широкий, с приплюснутым кончиком, слегка одутловатые в нижней части щеки, толстые губы. Раскраска реконструируется хорошо. Цвет глаз, бровей и губ обычный. Как и у головок № 34 и 35, над верхним веком проведена ярко-красная полоса. Красная краска была положена в уголки рта, вокруг крыльев носа и под нижней губой, а также на складках шеи.

Две другие головки (фр-ты XXXIV/с-13, с-14; рис. 87) сохранились хуже. Обе они очень похожи на головку с-12. В целом все они могут быть (в том числе, по выражению лица) сопоставлены с головой фигурки XXXIV/с-5, хотя и уступают ей в тонкости черт лица и выглядят значительно грубее.

Возможно, к фигуркам, которым принадлежали эти миниатюрные головки, относятся и обломки кистей рук, сжатых в кулак. Запястье одной из рук украшено кольцевым браслетом, напоминающим браслеты на руках деваты (фр-т XXXIV/с-5).

Голова монаха (высота 14 см; 1/3 натуральной величины) (фр-т XXXIV/с-15; рис. 88). Была найдена на полу, в восточном углу помещения, лицом вниз. Голова показана в трехчетвертном повороте влево.

Это не идеальное по красоте и правильности лицо божественной особы, а очень живое — изможденное и некрасивое — лицо

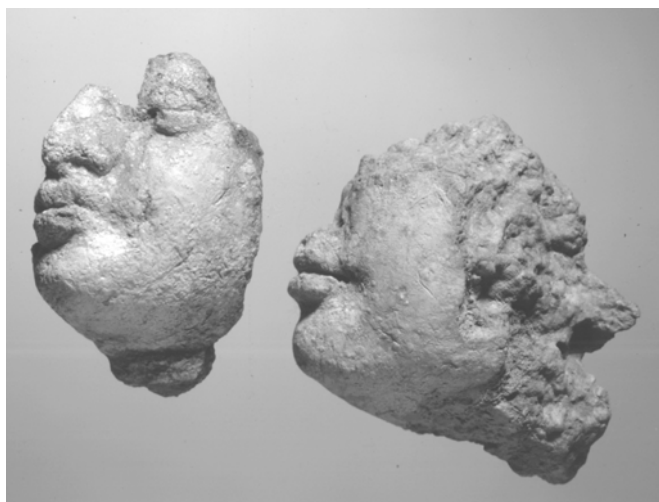

Рис. 88. Аджина-тепа. Голова монаха.
Помещение XXXIV

Рис. 89. Аджина-тепа.
Голова божественного (?) персонажа.
Помещение XXXIV

земного человека. Кожа складками свисает с резко выступающих скул, собираясь в продольные и поперечные морщины на лбу, у переносья и вокруг рта. Глаза чуть приподняты вверх и широко раскрыты. Губы не оомкнуты, уголки рта несколько подняты вверх. Ухо вытянутое, но рисунок ушной раковины анатомически правилен. В середине несколько выступающего вперед подбородка — глубокая ямочка.

От головного убора сохранилась лишь на- лобная часть в виде плоской шапочки, спус- кающейся фестонами к ушам. На теменной части следы каких-то рельефных выступов. Скорее всего, «фестоны» на висках и «плоская шапочка» — это изображение сбритых волос, граница которых очерчена желобком и красной линией вдоль него.

Лицо было желтым. Веки глаз обведены го- лубой краской, брови черные. Красная краска положена в уголки глаз, в складку над верхним веком и возле рта, в ямочки ноздрей и в углуб- ления ушной раковины.

Голова божества (размеры 10,2×8 см; фр-т XXXIV/с-16; рис. 89). Найдена в завале над полом, в западном углу помещения. Сохранилась только лицевая часть. Утрачена подбородочная часть, обломан кончик носа и поврежден левый глаз. Овал лица удлиненный, лоб покатый. Высоко поднятые дуги бровей, смыкаясь у переносья, переходят в линию носа. Слегка раскосые глаза наполовину прикрыты верхними веками. Нос тонкий, с четко выраженными крыльями ноздрей, под носом — глу- бокая ямочка. Хорошо сохранилась верхняя губа с резко изогнутой линией. Кра- сочный слой и ганчевая основа над ним полностью отсутствуют, что позволяет видеть первоначальную (и более резкую) модели- ровку черт лица.

Рис. 90. Аджина-тепа.
Скульптурное изображение черепа.
Помещение XXXIV

Чере п (размеры 5×4,5 см; фр-т XXXIV/с-17; рис. 90). Найден в завале помещения, в западном его углу, возле левого (от входа) постамента. Нижняя челюсть отсутствует.

Несмотря на небольшие размеры, череп выполнен анатомически грамотно; преувеличенно крупные скулы и зубы, придающие большую вырази- тельность, — единственное отклонение от правильных пропорций. Прочерчены даже черепные швы. Глу- бина пустых глазниц и носовых впадин подчеркнута черной краской, зубы окрашены в синий цвет, по- верхность черепа — желтая.

Голова божества (размеры 10,5×10,5 см; фр-т XXXIV/с-18; рис. 91). Найдена в северном углу помещения, на полу, лицом вниз. Сохрани- лась лицевая маска, левое ухо и часть прически возле него.

Рис. 91. Аджина-тепа. Голова божества.
Помещение XXXIV

Специфическая особенность этой головы — равномерная округленность нижней и верхней половин лица, что делает его очертания в целом почти строго круглыми. Покатый лоб подпирают высоко поднятые прочерченные брови. Чуть прикрывающие глаза верхние веки припухлые, сверху и снизу их подчеркивают врезанные дуги. Нос маленький, с глубокими дырочками ноздрей, по бокам крыльев носа — скобки. Рот небольшой, с глубокими ямочками в уголках. Подбородок округлый, чуть выступающий вперед, так что на фоне полной нижней части лица он почти не заметен. Ухо сохранилось не полностью — отсутствует мочка; ушная раковина изображена анатомически правильно.

Прическа была «набрана» из штампованных локонов в виде строенного вопросительного знака и была уложена так, что значительно выступала над плоскостью лица. Волосы окрашены в черный цвет, краска положена на глиняную поверхность завитка. Также без ганчевой основы произведена раскраска остальных частей головы: желтовато-розовой была поверхность лица, красной краской подведены дуги над верхними веками глаз и возле крыльев носа, полоса на лбу вдоль прически, окрашены губы и углубления ушной раковины; синяя краска сохранилась в уголках глаз (видимо, ею были подведены веки); черными были брови.

Лицевая маска была изготовлена в форме; уши сделаны отдельно. Головка несколько деформировалась от падения или давления вышележащего завала: правая щека более припухлая, несколько искривлен рот, приподнят левый глаз.

В углах помещения XXXIV скульптурный завал состоял, в основном, из обломков горельефных украшений, упавших со стен, а также из остатков скульптуры, стоявшей на суфах или непосредственно на полу.

Среди горельефных настенных украшений — остатки н и м б о в, состоявших из штампованных удлиненных листков лотоса (сильно стилизованных) с перлами-горошинами на обоих концах листка.

У северо-восточной стены (в северном и восточном углах) были найдены куски стеной штукатурки с рельефными изображениями птиц (фазан, утка; рис. 92). Такие фигурки украшали поверхность рельефного фриза (рис. 93).

На одном фрагменте (XXXIV/с-20) размеры 21,5×9 см) изображен фазан с вытянутой шеей и распушенным хвостом. Перья на крыле изображены довольно обобщенно — несколькими неглубокими желобками, а на хвосте — тремя рельефными дугобразными валиками разной длины. Тело птицы окрашено в желтый цвет, хвост в синий, «бородка» — красная, глаз черный с красной обводкой вокруг. Фон, на котором изображена птица — палево-желтый.

В восточном углу помещения был найден фрагмент с изображением утки. Зеленовато-желтое тело птицы окружает розоватый фон, оконтуренный синей рамкой.

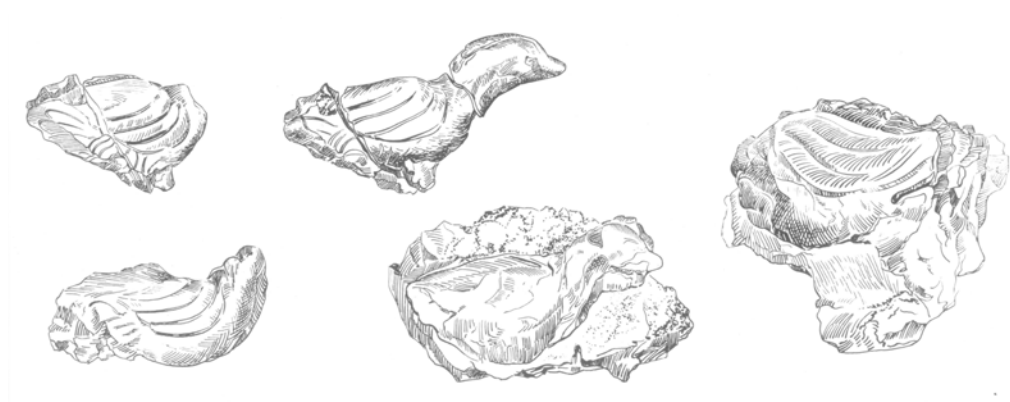

Рис. 92. Аджина-тепа. Утки (часть горельефной композиции). Помещение XXXIV

Несколько лепных птиц такого же рода были найдены у левой (от входа) суфы. Видимо, они принадлежали первоначально такому же фризу. Их длина от 8 до 12 см. Выполнены они в той же манере, что и только что описанные, хотя и отличаются между собой деталями (овал крыла, разделка перьев, высота рельефа).

Дошедшие до нас в завале помещения XXXIV скульптурные фрагменты — лишь незначительная часть скульптуры, которая когда-то здесь была. В этом небольшом помещении находилось когда-то не менее чем пятнадцать статуй разного масштаба.

Помещение XXXVI (святилище)

Скульптурное убранство помещения не поддается достоверной реконструкции. Завал их скульптурных обломков (в основном мелких) равномерно покрывает пол святилища и развал его трех пристенных постаментов. Разборка завала, анализ и изучение скульптурных фрагментов дали ценный материал, позволивший прийти к определенным выводам в отношении данного святилища и изменить некоторые прежние представления о скульптуре Аджина-Тепе в целом.

Во-первых, оказалось, что первоначальный пол помещения был на 45 см ниже (на том же уровне, что и в соседнем коридоре XXX) и помещение первоначально не имело пристенных постаментов. Возможно, в центре помещения была ступа (?). Во время ремонта на одном из ранних этапов первого монастырского периода уровень пола подняли, предварительно подсыпав его слоем песка, вдоль стен соорудили постаменты со скульптурой, поверхность стен украсили рельефами.

Во-вторых, скульптура в святилище неоднородна по технике своего исполнения: более высокого качества (с использованием разных по составу скульптурных масс для изготовления одной фигуры) и сделанной из зеленоватой глины с добавлением песка. Такой же глиной были отремонтированы постаменты в святилище. Поскольку скульптура из «зеленой» глины встречается во многих местах на Аджина-Тепе и эту глину использовали в качестве починочного материала при ремонтах постаментов и малых ступ, есть основания говорить о каком-то большом единовременном ремонте и подновлении скульптуры монастыря на последнем этапе его существования.

Фрагмент XXXVI/с-1 (размер 23 × 14 см) найден в середине завала помещения, лицом вниз. Часть рельефного фриза от нимба вокруг крупной скульптуры состоит из повторяющихся спиралевидных завитков, на концах которых трехлепестково-вые цветы. Цветы меньших размеров отделяют один завиток от другого. По-

Рис. 93. Аджина-тепа. Головки бычка и джейрана. Помещение XXXIV

беги с крупными цветами окрашены в синий цвет, мелкие — в желтый, фон — светлый; но в наиболее глубоких его местах положена черная краска.

Несколько крупных кусков скульптуры, сделанной из зеленой глины, принадлежали крупной (в 1,5 раза больше натуральной величины) фигуре или фигурам Будды: кусок торса со следами окраски в красный цвет по белому ганчевому грунту, часть ладони правой руки с прочерченными по ней красными бороздками-складками, пальцы рук (диаметром 2–2,5 см), часть запястья руки, покрытой белым ганчем, складки красных одежд от той части сангхати, которая ниспадает вертикальными фалдами по средней части постамента; крупные завитки кудрей.

Судя по найденным фрагментам эта более поздняя скульптура из зеленой глины была не только хуже по качеству исполнения, но и отличалась стилистически. Так иной была трактовка складок сангхати, они изображались неглубокими параллельными бороздками или расходящимися веером желобками. Вместе с тем, форма отдельных складок (центральный у сидящей фигуры, которыми передан свисающий на фасад постамента край плаща), — традиционная, хотя сделаны они довольно грубо, по сравнению с ранними.

Ремонту и замене подверглись не все скульптуры в этом святилище. Среди обломков возле среднего постамента найден фрагмент синих складчатых одежд от крупной фигуры, сделанных многослойным способом из коричневой глины; фрагмент красной складчатой одежды (складки байтовые) со сгиба руки или ноги; темная часть головки с синими кудрями в виде строенного вопросительного знака и фрагменты мелких красных складок, возможно от той же фигурки.

К ранним скульптурным образцам следует отнести также фрагменты резного орнамента в виде изогнутых стилизованных растительных побегов, выполненных в глубоком рельефе из сильно запесоченного коричневого скульптурного теста. На поверхности следы синей и желтой краски, в глубоких местах — черная.

Рис. 94. Аджина-тепа. Голова Будды. Помещение XXXIX. Была вмурована в правый постамент

Помещение XXXIX.

Айванное помещение перед осевым святилищем в северо-восточном фасе ограды Ступы. В I (монастырский) период по обе стороны от прохода в святилище в углах находились постаменты со скульптурой, которые не раз чинились и перестраивались. В правый от входа постамент во время последней переделки его был заложен крупный скульптурный фрагмент (XXXIX/с-1), оказавшийся Головой Будды, выполненный в 1,5 натуральной величины. Размер фрагмента 53 × 30 см (рис. 94). Голова сильно деформирована (правое ухо, переход от щеки к шее), отсутствует левая половина лица, красочный слой и ганчевая обмазка под ним. Бесспорно поверхность лица фиксируется лишь на отдельных участках: правая щека, глаз и лоб над ним, правая часть подбородка, завитки волос. Ухо имеет реалистичное очертание только в верхней части, мочка его сильно деформирована (возможно в результате

закладки в постамент) и длинным двойным жгутом тянется вдоль подбородка.

Несмотря на такие существенные утраты и искажения, голова производит в целом эффективное впечатление. Прическа из удвоенных завитков разделена пробормом на две половины, на теменной части головы — ушниша. Волосы спускаются мысом на неширокий лоб. Круто изогнутые брови сходятся у переносья, лоб и нос составляют одну линию. На переносье — остатки третьего глаза Будды. Глаза почти прикрыты верхним веком, губы сложены в мягкой улыбке.

Первоначальное положение фигуры определить трудно. Возможно она стояла на одном из угловых постаментов помещения, но может быть, некогда находилась внутри святилища или в коридоре XXIII до того, как там установили постамент с Буддой в Нирване.

К концу истории монастыря в помещении оставалось только одна фигура — на левом постаменте. Ее остатки были расчищены в углу за стенкой танура II периода и под ним. Это были складки красной одежды в виде почти параллельных неглубоких бороздок, которые переходили на стену. Под тануром на поверхности постаментугадывалась левая ступня ноги в виде довольно аморфной лепешки. В зеленую глину скульптурного теста были замешаны мелкие обломки от ранней скульптуры. Очевидно, что это скульптурное изображение было сделано на последнем этапе монастырского периода.

Монастырский двор

При расчистке заполнения монастырского двора в его юго-западной части возле внешней стены коридора V было обнаружено и расчищено большое скопление обломков различной скульптуры. Фрагменты лежали компактной массой на площади примерно 2 × 3 м, высотой в 30–50 см на уровне бывлой дневной поверхности двора.

Расположение обломков позволяет говорить о намеренном образовании этого завала. По всей вероятности, эти обломки пришедшей в негодность скульптуры были собраны в одно место и спрятаны во время какого-то из ремонтов.

В этом скоплении попадают куски от крупных фигур, выполненных в натуральную величину (складки красных и синих одежд самых различных очертаний, ступня ноги), части фигур меньшего размера; кусочки от настенных рельефов, изображающих растительные побеги с бутонами, листьями и цветами; обломки образков с изображением сидящего Будды, маленькие ступы-модельки.

Торс светского персонажа, в двух фрагментах (фрагменты ДМ/с-1, 1а, размер $41 \times 20 \times 12$ см и $17 \times 10 \times 10$ см; рис. 95). Сохранилась левая верхняя часть торса (большой фрагмент) и часть плеча левой руки. Видимо являлся частью рельефной композиции, в которой персонаж был обращен к зрителю левой стороной. Тело мужчины покрыто одеждой из тонкой синей ткани, свободно облегающей грудь и собирающейся ниже линии талии частыми глубокими складками. Вдоль левого бока и с плеча ткань спадала фалдами. Поверх одежды на плечи был накинут красный шарф, завязанный в пышный бант на левой стороне груди. Верхний край одежды обрамляло рельефное украшение в виде двойной желтой гривны-обруча с перлами и трехлепестковыми цветками-подвесками синего цвета. На розовато-желтой шее — короткое ожерелье из крупных белых бусин. Аналогичные складки одежды были обнаружены в завале помещения XXIII.

Часть торса (фрагмент ДМ/с-2, размером $19 \times 17 \times 13$ см, $1/2$ натуральной величины). От торса сохранилась левая половина обнаженной груди и часть плеча. На груди — украшение, подвешенное на двойной шнур в виде округлого «камня» в прямоугольной оправе, к которой снизу крепится листовидная трехлопастная подвеска. Ближе к горлу — остатки ожерелья из крупных круглых бусин, которые сделаны отдельными шариками и вдавлены в тело фигуры на $1/3$ своего диаметра. Поверхность торса имеет следы ремонта белым ганчем и зеленой глиной.

Часть лица мирского персонажа (фрагмент ДМ/с-3, размер $8 \times 5 \times 4$ см, $1/2$ натуральной величины). Сохранилась правая сторона лица — от линии надбровных дуг до округлой подбородочной части. Судя по несколько преувеличенному размеру щеки, изображение было частью горельефа, где персонаж был обращен в правую от зрителя сторону.

Лицевая маска выполнена в колыбе — форме из зеленоватой глины с последующей затем подправкой. Так, веки глаз были утолщены дополнительно валиком, а затем

Рис. 95. Аджина-тепа. Торс светского персонажа (2 фрагмента). Монастырский двор, возле айвана XI

Рис. 96. Аджина-тепа.
Рука с колокольчиком.
Монастырский двор,
возле айвана XI

линия глаза была очерчена острой стекой. Местами сохранился толстый слой ганчевой обмазки, которая должна была скрыть дефекты формовки. Возле крыльев носа и у рта сохранились остатки красной краски. В целом фрагмент производит впечатление изделия невысокого качества изготовления, а судя по зеленой глине, из которой он сделан, видимо, относится к поздним скульптурам Аджина-Тепе.

Рука с колокольчиком (фрагмент ДМ/с-5, / чуть меньше натуральной величины; рис. 96). Сохранилась почти полностью кисть правой руки (отсутствует указательный палец). Тонкие изогнутые пальцы сжимают колокольчик полусферической формы с подвесным цилиндрическим язычком. На теле колокольчика глубокая бороздка-уступ, в верхней части корпуса — тройная петелька для подвешивания и как будто бы шнурок, зажатые в ладонь. Очень натуралистично и живо передан жест руки, трактованы пальцы, сжимающие колокольчик. Фрагмент окрашен в белый цвет, в ногтевых лунках следы красной краски. На линии запястья в обломе руки хорошо виден след от деревянного штыря (1×1,2 см), с помощью которого кисть руки крепилась к предплечью.

Рис. 97. Аджина-тепа. Голова Будды (фрагмент образка). Монастырский двор, возле айвана XI

Головка Будды, часть образка (?) (фрагмент ДМ/с-6 размером 3,5×2,8×1,6 см; рис. 97). Сохранилось лицо, прическа волнистых волос с ушными, хорошо видны уши с оттянутыми вниз мочками. Голова сделана из красной и зеленой (поверхностный слой) глины без следов раскраски. По всей вероятности является частью образка, аналогичного найденному в нише № I помещения XXVII, но несколько большего по размеру, и трем другим образкам (их фрагментам), что найдены в этом же завале монастырского двора.

Фрагменты образков (фрагменты ДМ/с-7, 8, 9). Фрагмент ДМ/с-7, размером 7,8×8 см (рис. 98). Сохранилась нижняя часть образка, на котором изображен постамент и часть фигуры сидящего Будды (сложенные в падмасана ноги, часть туловища и руки в дхьяна-мудра), нижние концы арочного обрамления вокруг Будды. С задней стороны образка имел округлую «пятку» для упора. Постамент

Рис. 98. Аджина-тепа. Глиняные образки с изображением сидящего Будды. Из монастырского двора (возле айвана XI) и из помещения XXVII

имел несколько ярусов: верхний — в виде двойной подушки, под ним фриз из рядов выпуклых перлов, ниже — прогнутая вовнутрь поверхность основания постамента.

Образок был сделан из зеленой (фигура Будды) и красной глины путем оттискивания в форме. По фрагменту можно довольно точно представить технику изготовления образка: изображение Будды в форме заполнялось зеленой глиной, остальные места — красной. Полученный двухцветный оттиск вынимали из формы и обводили выступающей в рельефе овальной нишей-аркой. Между оттиснутым изображением и аркой на оборотной стороне фрагмента был четко виден шов. Этим образок (и аналогичные ему фрагменты с-8 и с-9 от двух других) отличаются от образка из ниши № I помещения XXVII, что позволяет предполагать на Аджина-Тепе нескольких форм для их оттискивания.

Модели ступ⁶³

Всего на Аджина-Тепе найдено четыре экземпляра миниатюрных моделей ступ (в том числе один мелкий фрагмент). Сделаны они из сырой глины, разного цвета и состава, скорее всего оттиснуты в форме с небольшой последующей подправкой. (Описание археологически целых экземпляров и их исследование включены в главу II (стр.)

⁶³ Зеймаль Т. И., Литвинский Б. А. Первые глиняные модели *stūpa* в Средней Азии (Аджина-тепе) // Санскрит и древнерусская культура. I. М., 1979. С. 186–199; Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии и семантики *stūpa* в Средней Азии и Индии // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 164–186.

Рис. 99. Аджина-тепа. Персонаж со скорбным выражением лица (часть головы). Был замурован под полом двора Главной Ступы, у айвана XX

Рис. 100. Аджина-тепа. Голова Будды (?). Западный угол двора Главной Ступы. Была вмурована в приставной постамент

Почтительное отношение обитателей монастыря к глиняной скульптуре, пришедшей в неудовлетворительное состояние по тем или иным причинам — факт, с которым неоднократно пришлось сталкиваться в процессе раскопочных работ. Как правило, встреча с такими «заполнениями» бывала неожиданной.

Выше мы уже рассказывали о случайном обнаружении большого куска торса мирского персонажа («тохаристанца») в подбое стены коридора XXVIII. А в щеку сводчатого проема из этого помещения в айван XXIX был вмурован крупный кусок скульптуры (ноги или рука в красных складчатых одеждах) и сверху замазан слоем саманной штукатурки.

В айване XX по другую сторону двора Ступы во время одного из ремонтов заложили проход в коридор XXII. Внутри кирпичной кладки оказались обломки небольшой скульптуры сидящего в падмасане Будды (?) (фрагмент XXII/с-5) и голова (точнее ее остов) какого-то персонажа с сильно обитой лицевой частью и утраченной прической.

А когда понадобилось укрепить приставными стенами боковые стороны этого айвана так, что они со двора образовывали широкие пилоны по обе стороны, то под левый пилон в подбой основной стены положили несколько кусков скульптуры. Среди них часть головы персонажа со скорбным выражением лица (опущенные вниз уголки рта), выполненного в половину натуральной величины (фрагмент ДС/с-1; рис. 99). Рядом — крупный скульптурный фрагмент (ДС/с-2, 56 × 38 см), который может быть понят как часть торса коня, украшенного богатой сбруей. На

фрагменте видны основание шеи и спускающиеся на нее завитки черной гривы, нашейная часть сбруи из выпуклых прямоугольных пластин желтого цвета, край чепрака, украшенного пятилепестковыми фестонами. На фрагменте сохранились остатки синей краски. Она покрывала основную поверхность былой фигуры. Местами из-под нее проступал белый ганчевый грунт. По-видимому, какие-то детали имели позолоту, т.к. при расчистке этого фрагмента в завале попадались кусочки золотой фольги.

Как в этом, так и почти во всех других случаях обнаружения намеренно убранных скульптур, затруднительно реконструировать ее бывшее местонахождение. В одних случаях разрушенную скульптуру могли заложить внутрь постамента, на котором (возле которого) она находилась, как в помещениях XXIX или XXXIX. В другом, наоборот, собрать из разных помещений и сложить компактно в одном месте, как, вероятно, произошло во дворе монастырской половины.

Такие заложения были связаны с ремонтными работами в монастыре, большими и текущими, которых, судя по раскопкам, было много. Особенно частых ремонтов требовали низы стен, подъедаемые почвенными солями, Большая Ступа и пространство двора вокруг нее. И наверное потому именно здесь найдено наибольшее количество разнообразных обломков глиняной скульптуры, особенно при вскрытии поздних уровней «полов» вокруг Ступы (рис. 100).

Несомненно, с большим ремонтом связано заложение скульптурных обломков крупных фигур, которые были обнаружены в 1965 году в южном углу двора Ступы: части торсов в красных складчатых одеждах, обломки рук и ног фигур, исполненных в 1,5 натуральной величины, отпавшие бйралевидные завитки синих волос. Все они были включены в толщу поздних полов двора; для более крупных фрагментов пришлось делать ямки, прорезавшие первоначальный уровень двора и подстилавший его слой мелкой гальки. Здесь же были найдены крупные прямоугольные глиняные «подушки», покрытые красной краской по белой ганчевой основе, разнообразные детали украшений фигур и ниш, куски рельефных нимбов с сердечкообразными лепестками-налепами по краю.

В 1971 году при разборе поздних полов в восточной части двора Ступы был найден в кусках еще один торс крупной фигуры Будды в складчатом сангхати (фрагмент ДС/с-3).

Кажется весьма вероятным связывать все эти заложения с крупным ремонтом в коридоре XXIV, когда разрезанная нишами внутренняя стена его не выдержала давления перекрытия и стала оползать. Скульптура (точнее остатки) из ниш были убраны (на задних стенах ниш видны остатки нимбов и мандорл), ниши были заложены кирпичом и по всей длине коридора поставили подпорную кирпичную стену.

Иного происхождения — скульптурный завал, обнаруженный в западной части двора возле большого выступа первой террасы Ступы. Скульптурные фрагменты лежали довольно компактной кучей на площади примерно 3 × 2 м поверх пола двора и, скорее всего, снесены сюда из какого-то помещения ограды. По стратиграфическим наблюдениям — это могло произойти в самом конце I периода. Скульптурный завал перекрывали слои, содержащие остатки рухнувшего деревянного навеса, обломки жженных плит облицовки Ступы, фрагменты от небольшой ганчевой ступы, стоявшей под навесом в западном углу двора. На высоте 70–80 см от пола I периода (в его последнем варианте) четко фиксировался уровень Л. периода.

Из наиболее сохранившихся в этом завале скульптурных фрагментов — голова монаха (фрагмент ДС/с-4), 3/4 натуральной величины (размер фрагмента 9,5 × 10 см; рис. 101, справа). Сохранилась верхняя часть бритой головы, лоб, частично глаза и

Рис. 101. Аджина-тепа. Головы монахов.
Из завала в западной части двора Главной Ступы и из коридора XXIII

нос. Нижняя часть лица сильно деформирована; отсутствуют правая щека и подбородок. Бугристый лоб с сильно развитыми надбровными дугами пересекают две продольные глубокие морщины. Глаза глубоко посажены, смотрят прямо из-под низко опущенных надбровий. Остатки черной краски видны на темени, красная полоса окаймляла линию сбритых волос. Красная краска видна над веками и у крыльев носа, остатки синей краски — в центре глаза.

Ушн и ши (фрагмент ДС/с-5, 6, 7; рис. 102), от трех скульптурных голов Будды, почти одинакового размера (6 × 7 × 8 см). Сделаны из комьев глины, покрытых сверху отштампованными завитками волос. В двух случаях — один штамп в виде улиткообразного завитка. На третьем — завитки в виде многолепесткового веерообразного пучка. На одной из ушниш сохранился «третий глаз» Будды. Остатки синей краски видны на всех трех ушнишах.

Рис. 102. Аджина-тепа. Ушниши. Завал в западной части двора Главной Ступы

Рис. 103. Аджина-тепа. Ухо Будды (?) и голова Нага. Завал в западной части двора Главной Ступы

Ухо Будды и змеиная голова (фрагмент ДС/с-8), размер фрагмента $8 \times 7 \times 5,5$ см (рис. 103). По-видимому, часть горельефной композиции, изображающей Будду во время проповеди и Нага, который слушает эту проповедь. Сохранилось правое ухо Будды, к которому сверху головой прижался Нага. В глубине ушной раковины Будды — красная краска. Голова змеи была окрашена в синий цвет, тело — в черный, глубокими бороздками передан изгиб ее тела, четко очерчен округлый глаз с точкой зрачка, глубокой ямкой изображена поздря. Еще одна почти такая же синяя головка змеи найдена в этом завале рядом с фрагментом маленькой желтой змейки, которая крепилась левой стороной брюшка к какому-то предмету (или поверхности стены), а правой обращена на зрителя. Соответственно только с правой стороны прочерчены глаз, ноздря и щель приоткрытой пасти. Если первые два фрагмента сделаны из сильно запесоченной глины, то маленькая змейка вылеплена из тонко отмученной пластичной глины коричневого цвета.

Насыщенность завала фрагментами скульптуры, их небольшие размеры не позволяют более или менее точно подсчитать количество персонажей. Так большое число фрагментов черных прядей прямых и волнистых волос может быть от одной и от нескольких голов. Судя по размеру уха на одном из таких фрагментов, эти головы (голова) были близки натуральной величине. Похожие пряди волос были у деваты из храма в монастырской половине (помещение I) (фрагмент I/с-9). Они сделаны в той же технике из сильно запесоченного теста.

Возможно прическам этих персонажей принадлежали сделанные из такого же глиняного теста украшения типа эгретов (фрагменты ДС/с-10, II), по форме напоминающие фигурные листья, иногда с цветком-розеткой в центре. Более уверенно можно говорить как о головном украшении про круглые желтые розетки с шестилепестковым цветком по середине и цепочкой из перлов по краю. В центре розетки — сильно выступающий в рельефе «камень» голубого цвета (рис. 104).

Довольно много фрагментов являются частями

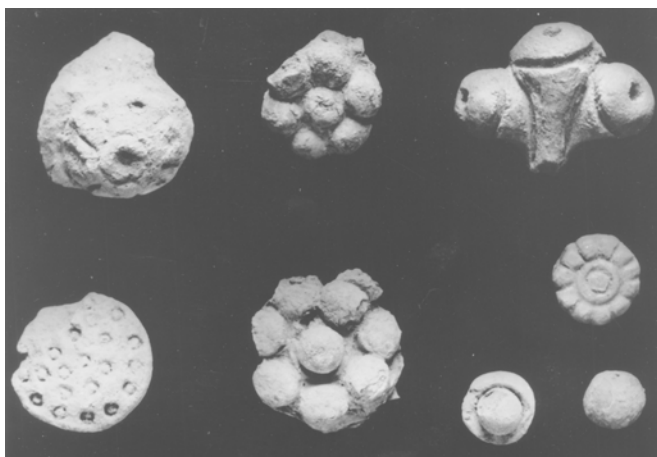

Рис. 104. Аджина-тепа.
Рельефные украшения
(принадлежали скульптур-
ным фигурам бодисатв
или светских персонажей).
Западная часть двора
Главной Ступы

Рис. 105. Аджина-тепа.
Головы светских
персонажей (2 фрагмента).
Из заполнения в западной
части двора Главной
Ступы

лицевых масок мирских персонажей. Это были небольшие скульптурные изображения, скорее всего составлявшие горельефные композиции, изображавшие раз-

личные варианты сцены проповедей Будды. Очень выразительна была, по-видимому, голова усатого мужчины (фрагмент ДС/с-9), от которой сохранился небольшой фрагмент (размером $6,5 \times 4 \times 3,5$ см; рис. 105, справа) скуластого лица с широким приплюснутым носом, пушистыми черными усами, концы которых опущены вниз. На фрагменте видны остатки былой раскраски: розовато-палевый цвет щек с подкраской красным углублений возле носа и рта, в глубине у дырочек ноздрей. Судя по ассиметрии выступающих скул лица, голова персонажа была повернута влево от зрителя.

Обломки голов еще, по крайней мере, 6 светских персонажей, выполненных в том же масштабе (примерно $1/2$ натуральной величины) были обнаружены и извлечены из этого завала. Их различает разный поворот головы и, насколько можно судить по фрагментам, головные уборы и прически.

Рис. 106. Аджина-тепа. Голова светского персонажа. Из завала в западной части двора Главной Ступы

Среди обломков голов меньшего размера наиболее сохранившимся является фрагмент ДС/с-12 (размер $6 \times 4,5 \times 3$ см; рис. 106). Почти полностью сохранилось лицо и теменная часть прически из зачесанных назад прядей волос черного цвета. Высокий прямой лоб подпирают снизу изогнутые надбровные дуги. Полуприкрытые веками бесстрастные глаза контрастируют с чуть улыбающимся ртом и иронически изогнутыми бровями. Вытянутые пропорции лица, его выражение заметно выделяют эту головку как необычную, из уже известных на Аджина-Тепе скульптур. Лицевая часть головки отштампована и подправлена стекой (брови, утолчки рта, скобочки у крыльев носа). Пряди волос прочерчены после формовки лица. Головка окрашена, волосы черные, лицо желтоватое, красная краска полосой лежит у линии волос на лбу, вокруг глаз, у/филъев носа и вокруг рта. В уголках глаз — следы синей краски.

Значительную часть завала в западной части двора Ступы составляли фрагменты складчатых одежд, окрашенных в красный, желтый

и синий цвета и принадлежавших разным персонажам; обломки ступней ног стоящих фигур (1/2 натуральной величины), части обнаженных рук (плеча и предплечья) и прикрытых складками одежды, пальцы, зажатые в кулак.

Все эти фрагменты дают богатый материал для изучения техники изготовления скульптуры.

В сходных стратиграфических условиях было обнаружено небольшое скопление скульптурных обломков в северном углу двора, вблизи Ступы, в завале над полом.

Из наиболее целых фрагментов — голова Будды (?) (фрагмент ДС/с-30, размер 14×10×8,4 см; рис. 107). Сохранилась почти полностью лицевая часть головы, несколько поврежден кончик носа, левый глаз, и участок лба возле него. Полностью отсутствует прическа. Лицо округлое с мягко очерченным подбородком, губы чуть тронуты улыбкой. Над верхней губой — ямочка. Нос прямой, широкий внизу, слегка приплюснутый. Лоб покатый со слабо выраженными надбровными валиками. Глаза чуть прикрыты припухшими веками.

Лицевая маска бесспорно оттиснута в форме с последующей подправкой (рот, глаза, дырочки ноздрей). Интересная деталь была обнаружена с обратной стороны головы — гнездо от деревянного штыря, с помощью которого осуществлялось крепление головы с туловищем.

На поверхности головы имеются следы ремонта (над правым глазом, в с правой стороны подбородка, возле носа и рта) и остатки красной краски.

Женская голова (фрагмент ДС/с-21, размер 18×16,5 см, чуть меньше натуральной величины; рис. 108). Найдена в завале на полу двора возле правого пилона лестницы северо-западного фаса Ступы. Полностью сохранилась лицевая часть, есть утраты на прическе и отсутствует (?) правое ухо. Первоначальное местоположение ее определить трудно, возможно, она происходит из святилища XXXIV.

Голова принадлежала скульптурному изображению знатной молодой женщины. У нее длинные черные волосы, разделенные прямым пробором, собранные в шиньон на темени, так, что оставляют открытым ухо с оттянутой вниз мочкой. Прямой лоб украшен над переносьем урной. Узкие вразлет брови, чуть приподнятый

Рис. 107. Аджина-тепа.
Голова Будды (?). Была вмурована
под обмазку пола в северном углу
Главной Ступы

Рис. 108. Аджина-тепа.
Женская голова.
Из завала во дворе Главной Ступы

вверх изящный нос, маленький рот с неплотно сомкнутыми губами, прямо смотрящие глаза передают выражение сосредоточенного почтительного внимания. Хорошо сохранилась раскраска: лицо было белым, ниточки бровей и волосы зерные. Глаза подведены синей краской. Заметен темный зрачок. В глубине ушной раковины и на губах — красная краска. Посередине лба — красная точка урны, диаметром 5 мм. Краска положена в чуть заметное углубление. Техника изготовления головки обычная для скульптуры Аджина-Тепе: лицевая маска сделана в матрице с последующей доработкой стеклой. Ухо отштамповано отдельно и присоединено (хорошо видно место стыка). Чуть заметная асимметрия головы позволяет предположить что Фигура женщины была, прислонена к стене правым боком.

«Захоронение» или «погребение» скульптур или их частей в толще стен, замурованных помещений или под полами, повторенное многократно, показывает, что за этим лежит устойчивый комплекс представлений и обычаев. Для буддиста скульптуры монастыря являлись не произведениями искусства, а в первую очередь в высшей степени сакрализованными объектами, органической составной частью сакральной системы монастыря. Поэтому выбросить их, даже в разрушенном виде, за пределы сакрального пространства (= с территории монастыря) было абсолютно невозможно. Это и явилось причиной их помещения в толщу стен или под полы. Находясь там, они сохраняли или даже усиливали сакральное могущество монастыря.

6. Вопросы техники

Степень сохранности скульптуры Аджина-Тепе не позволяет дать исчерпывающую характеристику техники ее изготовления. Имея дело с частями фигуры, а не с целыми ее экземплярами, мы, в частности, не всегда можем определенно судить о сочленении частей между собой. Не всегда удается восстановить и цвет былой раскраски поверхности. Тем не менее, можно говорить о тесте скульптуры, о некоторых приемах ее формовки, об изготовлении отдельных деталей и фигур и даже выявить отдельные характерные для Аджина-Тепе особенности. Поскольку скульптура Аджина-Тепе весьма разнообразна и по внешнему своему виду и по размерам, то для ее изготовления применялись различные способы и приемы. Общим является материал, из которого она сделана — глина, почти полное отсутствие специальной арматуры для внутреннего скрепления отдельных частей между собой и тот факт, что скульптура была рассчитана на то, чтобы стоять прислоненной вплотную к стене.

Для крупных фигур (Будда в нирване, сидящие в нишах ограды и на постаментах храмового помещения Будды) остовом служила кладва из горизонтальных рядов сырцового кирпича, которая примыкала к стене помещения (или задней стенке ниши). Снаружи ее покрывал толстый слой глины с примесью рубленой соломы. С его помощью создавалась основная форма скульптуры. Толщина слоя могла быть различной в зависимости от того, насколько было необходимо «нарастить» остов для придания формы соответствующему участку тела. По всей вероятности, он накладывался не сразу на всю нужную толщину, а пластами, с тем, чтобы дать подсохнуть каждому и тем самым избежать растрескивания. В этом грубом обмозочном слое делались только крупные складки фигуры (те, что ниспадают полукругом на постаменты, или те, что покрывают тело лежащего Будды).

Сверху производилась обмазка слоем так называемой скульптурной глины желто-коричневого или зеленого цветов, в составе которой присутствовал мелкий песок, придававший этому поверхностному слою твердость корки. Толщина его в среднем была 3–4 мм. В этой же скульптурной глине делались мелкие складки, покрывавшие торс фигур из ниш ограды. Расположение их соответствовало определенному порядку и лепились они от руки.

Руки и ноги крупных фигур, насколько позволяют говорить об этом фрагменты из завала, делались следующим образом: в качестве стержня — основы изготовлялась специальная болванка из плотной глины, диаметром 4–5 см, вокруг которой слоями намазывалась глина, смешанная с саманом (рубленая солома), причем, тот слой, что был ближе к поверхности, содержал меньшее количество примесей соломы в тесте⁶⁴. В поверхностном слое скульптурной глины изготовлялись складки одежды.

Ступни ног делались из обычной глины без примеси самана (или в очень незначительном количестве), затем шел обмазочный слой из скульптурной глины и поверхностная обмазка белым ганчем. Тем же способом делались кисти рук. В завале помещения 26-а найдены фрагменты пальцев рук. В свежем обломе хорошо видна внутренняя структура: в середине, в качестве основы был использован тонкий деревянный прут, диаметром 3–4 мм. Вокруг него намазывался слой глины, толщиной в 5–6 мм, сверху — слой скульптурной глины в 3 мм. Прутик сгнил и в центре осталось отверстие. Правильней прутик называть стержнем, так как его задача — скорее не скреплять палец с остальной частью ладони, а облегчить скатывание глиняной основы пальца.

В целом по тому же принципу изготовлялись и головы крупных фигур: глиняный гувалек (овальной формы ком глины) являлся ядром ее, вокруг него слоями накладывалась глина с рубленой соломой. Соединение головы и туловища производилось еще в процессе формования головы в грубом виде: на примере головы из ниши № I пом. 25 мы видим, что верхний слой глиняно-саманной обмазки один и тот же для головы и шеи. Слой скульптурной глины покрывает только видимую часть головы (лицо) и шею⁶⁵. Черты лица у крупных фигур создавались лепкой от руки: грубая поверхность образовывалась в верхнем наслоении глиняно-саманной обмазки, а обмазка из скульптурной глины придавала лицу законченную форму.

Таким образом, крупномасштабные фигуры Аджина-Тепы в целом были изготовлены по одному принципу, леплены от руки, за исключением завитков волос, которые были выполнены с помощью штампа.

Значительно меньше мы можем сказать о том, как изготовлялись фигуры в натуральную величину, в 3/4 и в 1/2 ее. Практически мы располагаем одним хорошо сохранившимся торсом (фр-т XXXIV/с-6/ размером в 3/4 натуральной величины и торсом из закладки в коридоре XXVIII. Видимо, и здесь остов фигуры составлял кирпич. Что же касается конечностей и головы, то они делались так же, как у крупных фигур⁶⁶. Зато при изготовлении лица мастер использовал специальные формы. По всей вероятности, почти все лицевые маски мелких и средних по величине скульптур были отштампованы в формах, наподобие тех, которые были найдены в Шикшине⁶⁷ и Тум-шук⁶⁸. Эта техника была известна и в Тава-Сардар близ Газни

⁶⁴ Особенно отчетливо структура видна на руке Будды, в том месте, где она отломана. Будда был найден в нише в помещении XXII.

⁶⁵ Вероятно, чтобы прочнее прикрепить голову к туловищу, использовали небольшой деревянный стержень.

⁶⁶ На голове XXII/с-4 (Kâûyara) отчетливо видны следы на месте, где она присоединялась к туловищу при помощи небольшого деревянного стержня.

⁶⁷ См.: Дудин С. М. Техника стенописи... С. 76.

⁶⁸ Paul-David M., Hallade M., Hambis L. Toumshouq. II // *Manière et technique*. Paris, 1962. P. 142–143. О технике скульптуры Восточного Туркестана см. также: Douldour-Aqour et Soubachi // *Mission Paul Pelliot*. IV. Paris. 1982. P. 223–224; Sites divers de la region de Koutcha. *Épigraphie koutcheenne* // *Mission Paul Pelliot*. VIII. Paris, 1987. P. 33–34. Pis. XXIV/1-2, XXV/1-2. Иногда небольшие рельефы выполнялись при помощи трафаретов, например, рельеф со стоящей фигурой, см.: Douldour-Aqour et Soubachi. *Planches* // *Mission Paul Pelliot*. III. Paris, 1967. Pl. XXIX/52, 53bis.

(Афганистан), Фундукистане (Афганистан), а также в Ушкаре (Пакистан) и др. Показательно, что в Восточном Туркестане лица скульптур, происходящих из разных центров, демонстрируют удивительную близость⁶⁹. Одна из причин этого кроется в технике изготовления.

Судя по тому, что лица найденных скульптур весьма отличны друг от друга, можно предполагать, что мастера располагали значительным ассортиментом форм-штампов. Среди них были такие, в которых изготавливались не только лицевая маска, но и одновременно с ней первые два ряда завитков (фр-т 1/с-3) или диадемы (фрт-1/с-7).

Интересна в этом отношении голова божества из храмового помещения (фр-т 1/с-9). При ее изготовлении были использованы две формы: одна для лица, другая для части прически возле лба и ушей. В результате осталось заметным место стыка двух форм в виде уступа на лбу.

Две головки, выполненные в 1/2 натуральной величины, из того же помещения дают возможность в какой-то степени реконструировать способ их формовки. Судя по одной из них (1/с-6), форма плотно заполнялась изнутри скульптурным тестом, в которое была вставлена сердцевина-болванка. Часть головы, соответствующая объему прически, передана грубой массой: на ее сырую поверхность накладывались отштампованные заранее и слегка подсушенные завитки волос.

Во втором (1/с-5) случае облом на головке позволяет говорить о том, что в процессе формовки мастер мог по тем или иным причинам легко переделывать головки, используя первый вариант в качестве болванки.

Изготовление лица скульптурной головы в форме не исключает, а подразумевает дальнейшую обработку ее с помощью стеки. Сами стеки, судя по находкам А. Стейна, должны были быть деревянными, с острым краем. Стекой подправлялись веки глаз, брови, уголки возле крыльев носа и рта, раковины ушей. Острым концом наносились дырочки ноздрей. Лицо приобретало большую законченность и выразительность.

Нередко высказывается мнение, что глиняные буддийские скульптуры, изготовленные с помощью форм-штампов, являются не художественными, а ремесленными произведениями, что они стереотипны. С этим мы не можем согласиться. Прежде всего, нельзя забывать о том, что сами формы-штампы были сделаны первоклассными скульпторами. Напомним также, что в храме I Тумшука из одной и той же формы вышли головы с совершенно различными лицами. По-разному производя процесс оттискивания, мастефкульптор получал голову с более мягкими или жесткими чертами лица. Затем перед ним открывалось большое поле деятельности: он мог с помощью стеки производить любые подправки и изменения, а используя накладные детали — штампованные или вылепленные, дополнять оттиснутое, и в результате получались совершенно различные изображения. В том же Тумшуке головы, вышедшие из одной формы, после дополнительной работы над ними, дали изображения брахманов и демонов, персонажей светских и военных⁷⁰.

Изучение аджинатепинской скульптуры показывает, что все это имело место и в Средней Азии.

В разделе, посвященном изображениям Будд, мы будем говорить о прическах и форме отштампованных завитков. Здесь следует только отметить, что они, как

⁶⁹ *Taddei M., Verardi G.* Tapa Sardar. Second Preliminary Report // EW. 28. 1—4. 1978. P. 33—135; *Yaldiz M.* Archäologie und... S. 143—147.

⁷⁰ *Toumshouq.* II. P. 146.

правило, делались из специальной, очень тонкой отмученной глины темно-коричневого цвета, мягкой и пластичной, реже — из так называемого скульптурного теста. Для двух вариантов таких завитков были найдены формы, сделанные из обожженной глины.

Прически других персонажей более разнообразны, так как их форма не была ограничена правилами канона. Это были маленькие, круто свернутые спиральки, разбросанные довольно свободно по поверхности головы, крупные завитки сложной прически бодисатв, гладкие пряди волос, собранные в пучок на макушке или просто откинутае назад, прямо расходящиеся от пробора пряди прически каких-то божественных или светских персонажей и, наконец, низко свисающие на лоб или торчащие в разные стороны пряди демонических существ. Все разновидности этих причесок сделаны в массе скульптурного теста с помощью стеки, и, несмотря на обобщенный характер передачи, очень выразительны.

Мелкие фигурки — в 1/4 и меньше натуральной величины — встречаются на Аджина-Тепа довольно часто. Среди них есть изображения сидящих Будд, бодисатв (в том числе стоящее изображение), деват, монахов и др. Наиболее сохранившиеся из них указывают на то, что фигурки стояли вплотную к стене и отделке со всех сторон подвергалась только голова. Большинство же являлись частями многофигурных горельефных композиций. Торс бодисатвы из ниши № I пом. XXV является тоже стоящим изображением. Складки дхоти спускаются донизу, полностью скрывают ноги и тем самым образуют надежную опору всей фигуре. Очень возможно, что поверхность левого бедра испорчена именно потому, что фигура этим боком примыкала к фигуре сидящего Будды.

Торсы бодисатвы и деваты не имеют следов изготовления их в форме. Сделаны они в обычной для Аджина-Тепа технике: остовом является глиняная болванка, обмазанная слоями глины с саманом и сверху покрытая скульптурной глиной. Складки дхоти полностью сделаны в этой глине. Ожерелье на шее деваты (XXXIV/c-5) состоит из отдельно изготовленных бусин и прикрепленных затем на торс фигуры. Цепь на груди бодисатвы изготовлялась прямо на фигуре.

Что касается мелких изображений Будд, сидящих в традиционной позе с поджатыми ногами, то и здесь мы имеем дело с лепкой фигуры и только отдельные детали (например, лепестки лотосовидного трона) были изготовлены с помощью штампа.

Несколько слов о раскраске фигур. В свое время вся скульптура была раскрашенной. Под воздействием почвенных солей и в результате краски «исчезла», остались лишь незначительные следы ее, которые, однако, позволяют с достаточной уверенностью реконструировать цвет. Краска наносилась непосредственно на скульптурную поверхность или (чаще) предварительно производилось грунтование ее с помощью тонкого слоя белого ганча.

При этом, те участки фигуры, которые оставались невидимыми посетителю, краской не покрывались (например, затылок, верхняя часть спины).

Для фигур будд раскраска была традиционной: красное руки, ступни ног — белые, волосы черные или синие. Поверхность лица и уши также покрывались слоем белого ганча и раскрашивалась: синей краской подводились веки глаз, черной — ниточки бровей, зрачок глаза, красной полосой подчеркивалась граница лба и волос, красную краску клали во внутренние уголки глаз, (а) углубления воз-

ле крыльев носа, внутри ушной раковины, в складку над верхним веком, складки кожи на лице, шее. Губы, как правило, окрашивались в красный цвет, иногда с обводкой тонкой черной линией (фр-ты XXXIV/C-7 и c-8), реже — в желтый (фр-т XXXIV/c-8).

Цвет лица других персонажей обычно был желтым, раскраска отдельных черт была той же, что и на изображениях Будды. Одежда окрашивалась в белый, ярко-синий и желтый цвета. Эти же цвета использовались для раскраски украшений.

Раскрашивали также и обнаженное тело. На телесно-желтой его поверхности красной краской подчеркивались складки тела (на шее, на сгибе рук), пупочная впадина, окрашивались также соски. Для придания большей выразительности кистям рук и ног красной краской оконтуривались лунки ногтей, углубления между пальцами.

Вообще следует подчеркнуть, что живопись и скульптура на Ад-жина-Тепе тесным образом связаны между собой не только тематически, как мы видим это на примере с дароносцами, которые несут свои подношения скульптурному изображению (миниатюрной ступы) или при изображении коленопреклоненной фигуры на фасаде постамента храмового помещения (№ I) перед крупными скульптурами Будды. Живописный рисунок может украшать поверхность рельефов, а рельеф входить составной частью в живописное оформление стены помещения (стена, обращенная в сторону двора в коридоре № 3). С помощью цвета скульптор пытается усилить игру светотени (подкраска черным углубленных мест рельефов), придать одноцветной скульптурной поверхности выпуклость и выразительность.

Как можно было заметить при расчистке скульптуры и особенно при консервационных работах, в свое время она подвергалась неоднократным ремонтам. В разделе, посвященном живописи, мы говорили о том, что ремонты и подновления сводились, как правило, к закраске однотонным цветом (чаще всего красным) пострадавших участков стен и потолков или целиком всего помещения (например, стены пом. II, XI, потолок пом. XXXI). И лишь в отдельных случаях делалась попытка переписать заново пострадавший участок росписи. Делалось это довольно грубо, и с точки зрения профессионального мастерства несравнимо хуже.

Скульптурные изображения, по-видимому, нуждались в «текущем» ремонте. Для небольших починочных работ не требовалось особенного умения, однако и здесь те, кто производил ремонт, шли по наиболее легкому пути: расписанные узором постаменты под скульптуру закрашивались одноцветной краской (постамент под Буддой в нирване), четвертькупольные нишки постамента под Буддой в dharmasakramudra из пом. XXII до того, как были заложены кирпичом и наглухо заштукатурены, были закрашены. Более тщательно ремонтировались сами фигуры. На примере Будды в нирване можно видеть, что отпавшие куски складок делались заново и чтобы под новым слоем краски не были заметны починенные места, вся поверхность скульптуры была покрыта слоем ганча и уже по нему была нанесена повторная красная краска (первичная окраска была сделана без ганчевого грунтования)⁷¹. Следы повторной окраски можно видеть и на других фигурах.

В этой связи интересны сведения письменных источников. Монах Chihchou (556–622 гг.) был известен как строитель буддийских храмов, много занимавшийся и их украшением. Как рассказывается в его биографии, в одном храме имелись скульптуры, изготовленные в прежние времена. С течением времени, — говорится в биографии, — их священные формы пришли в ветхость. Chih-chou покрыл их вновь лаком, вновь раскрасил и снабдил богатыми украшениями. После этого они вновь стали открывать путь к вере и сделались проявлением Dharma (Буддийский Закон)⁷².

⁷¹ Стоит отметить, что разрушенные скульптуры не выбрасывались: они добавлялись в штукатурку при ремонте. Вероятно, то же самое происходило и при «захоронении» скульптуры (см. выше).

⁷² Soper A. C. Literary Evidence for Early Buddhist Art in China // *ArAs*, suppl. XIX. 1959. P. 13.

В заключении раздела следует остановиться на технике изготовления барельефных изображений. Здесь в равной степени мастера использовали штамп и стеку. В тех случаях, когда сюжет требовал монотонного повторения какого-то одного элемента (цветка-розетки, листика, завитка, изображения сидящего в арке-нише будды) применялось штампование его или в так называемом «скульптурном» тесте или в мягкой пластичной глине темно-коричневого цвета⁷³.

Штампом оттиснуты гримасничающие маски со свирепым и добродушным выражением, украшения на щитках браслетов и т. п. Сложные розетки и спиралевидные завитки фризов, составляющих обрамление вокруг центральных фигур, выполнялись в скульптурном тесте с помощью стеки. В тех случаях, когда рельеф был не высоким, а мотив орнамента несложным, видимо, пользовались штампом.

Набор штампов был весьма большим. Для изготовления даже одной и той же детали (например, листья с ветвей дерева «бодхи» или лепестки-листочки лотосовидных тронов, детали наборных рельефных нимбов и пр.) использовались разные штампы. Иногда это выглядело как стремление выйти из сковывающих естественность рамок штампа, в других — как небрежность или результат починки.

Суммируя наши наблюдения по технике аджинатепинской скульптуры можно сказать следующее: характерным приемом ее изготовления являлась лепка. Штампование допускалось только для мелких деталей, украшений, а также для передачи лицевых масок божественных персонажей небольших размеров. В остальных случаях мастер в соответствии с канонизированными образцами, пользуясь определенными заученными приемами, изготавливал различные персонажи буддийского пантеона.

Техника изготовления скульптуры позволяет выявить характерные особенности тохаристанской буддийской школы, черты сходства и различия с буддийской (и не только буддийской) скульптурной традицией сопредельных территорий.

Тот факт, что лепка, а не штампование является основным приемом ее изготовления, уже делает ее отличной от буддийской скульптуры Восточного Туркестана, хотя и там этот прием не является исключительным. Это еще раз свидетельствует о сильной местной художественной традиции, позволявшей скульпторам отказаться от быстрого, но в определенной степени ограничивающего возможности скульптора, способа изготовления скульптур. Если, по свидетельству М. С. Дудина⁷⁴, лепенная от руки скульптура Шикшина поражает беспомощностью и непониманием формы, то скульптура Аджина-Тепы, наоборот, характеризуется четкостью линий, уверенной моделировкой, ощущением формы и точностью ее передачи.

Другая черта, отличающая скульптуру Аджина-Тепы от Восточного Туркестана, Кувы, Ак-Бешима — это отсутствие специально изготовленной скрепляющей и поддерживающей арматуры, сделанной из брусьев дерева, обмайных пучками соломой или камыша, которые крепились с помощью веревок с центральным осевым колом⁷⁵. Известно, что помимо Восточного Туркестана деревянная арматура была в глиняных скульптурах Тепе-Маранджан и Фундукистана (Афганистана)⁷⁶. Сред-

⁷³ Клеймо для изготовления розеток со множеством лепестков было найдено в помещении XXV.

⁷⁴ Дудин С. М. Техника стенописи... С. 79.

⁷⁵ Там же. С. 72–73; Зяблин Л. П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961. С. 57; Булатова-Левина В. А. Буддийский храм в Куве // СА. 3. 1961. С. 244; *Le Coq A. von. Die buddhistische...* I. S. 12–13; Tournshouq. II. P. 143.

⁷⁶ Hackin J., Carl J., Meunier J. Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933–1940) // MDAFA. VIII. Paris, 1959. P. 10–11, 49. Тем не менее, в Тапа-Сардар позднего периода (VII–VIII вв.) для скульптур применялась другая техника. «Основа сделана из обычной глины, смешанной с соломой; деревянные стержни использовались для прикрепления изображений к стенам, а также конечностей и головы к туло-

неазиатская скульптурная традиция, правда, в этом отношении достаточно противоречива. Так, в древнем Хорезме основной скульптуры и горельефов служила в одних случаях глиняная болванка, а в других — они делались без всякой болванки⁷⁷. Не знала деревянного каркаса скульптура Согда — судя по раннесредневековому Педжикенту⁷⁸. Вместе с тем голова гигантского Будды из древнего Мерва изготовлена без каркаса, хотя и с применением ка-мыша⁷⁹. Что же касается Бактрии, то в Халчаяне камышовые жгуты и отдельные тростинки служили скорее не для скрепления частей тела скульптур, а для удобства и облегчения формовки⁸⁰. Применяли арматуру в виде жгутов соломы и палок-опор при изготовлении некоторых скульптур на Кара-тепе.

На Дальверзин-тепе объемные части глиняной скульптуры имели внутренний каркас из тростника и древесных прутьев. Глино-гипсо-вая же скульптура включала внутреннюю армированную глиняную болванку⁸¹. На нее накладывалась ткань крупного плетения, затем наносился гипс (от одного до четырех слоев). Мелкие детали оттискивались с помощью формы. Близкая техника была на Фаяз-тепе, Тепаи-шах и др.

Таким образом, перед нами скорее не одна, а две традиции изготовления скульптуры с инородным каркасом (Парфия) и без него (Хорезм, Согд), причем Бактрия занимает промежуточное положение. Не была ли занесена парфянская техника изготовления глиняных скульптур на каркасе в Восточный Туркестан одновременно с распространением там парфянскими выходцами буддизма (см. о их деятельности в гл. IV, стр. ...). Заимствованная от парфян идея могла в Восточном Туркестане получить дальнейшее развитие. Под воздействием этой традиции оказались также Фергана и Семиречье. Аджина-тепинская скульптура, напротив, следовала в этом отношении той технике, что имела распространение в Хорезме, Согде, унаследовав также и некоторые черты бактрийской скульптурной техники.

Сказанное выше о возможном парфянском влиянии не снимает вопроса о первоначальном индийском импульсе.

Индийские письменные источники повествуют о применении для создания глиняных скульптур сложного наборного деревянного каркаса. Его обматывали шнуром, затем обмазывали, грубо моделируя фигуру глиной, вновь обматывали шнуром, накладывали слой скульптурной глины, окончательно моделируя фигуру. Археологических подтверждений этому в индийских материалах пока нет, высказано предположение о применении в Индии на практике как этой техники, так и техники бескаркасной лепки скульптур⁸².

вишам и т. д.»: 'для отделки поверхности изображений [...] использовали особую красную глину' (*Taddei M., Verardi G. Buddhist Sculptures from Tapa Sardar, Ghazni (Afghanistan) // La parola del passato. Rivista di studi antichi. CXIX. Naples, 1981 [1982]. P. 260*).

⁷⁷ Воробьева М. Г. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-Кала // Труды ХАЭЭ. I. М., 1952. С. 76–83.

⁷⁸ Костров П. И. Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. С. 170.

⁷⁹ Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // Труды ЮТАКЭ. I. Ашхабад, 1949. С. 357; Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского царства // Труды ЮТАКЭ. V. Ашхабад, 1955. С. 64; *Košelenko G. The Beginning of Buddhism in Margiana // AA. XIV. 1–2. 1966. P. 178.*

⁸⁰ Пугаченкова Г. А. Халчаян... С. 153–54.

⁸¹ Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Е. В. и др. Далверзин-тепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 124.

⁸² *Varma K. M. The Indian Technique of Clay Modelling. 1970. Подробности об индийской скульптуре и живописи, основанные на данных письменных источников, см.: Bhattacharyya T. The Canons of Indian Art. Calcutta, 1963.*

Не обнаружено и бесспорных свидетельств того, что пристенная скульптура на Аджина-тепа крепилась к стене с помощью специальных деревянных штырей.

Вместе с тем, характер глиняного теста и техника лепки скульптуры Аджина-тепа, Кувы, Ак-Бешима и Восточного Туркестана имеет много общего: многослойное накладывание глиняного теста, смешанного с рубленой соломой⁸³, обмазка поверхности слоем пластичной глины и проработка в нем деталей, складок одежды, некоторых украшений, применение отштампованных отдельно деталей, раскраска фигур и лиц.

Сходство во многом объясняется единым исходным материалом для изготовления скульптуры, общими канонами и правилами для изображения и, наконец, тесными культурными, торговыми и экономическими связями народов Средней Азии и Восточного Туркестана.

в) *Вопросы иконографии и историко-культурной интерпретации*

Раскопки Аджина-Тепа впервые в Средней Азии привели к открытию целой серии буддийских скульптур времени раннего средневековья. Комплекс этот велик количественно и имеет особое значение, благодаря тому, что в его составе много подлинных шедевров среднеазиатско-буддийского искусства.

Следует вместе с тем отметить, что исследование и интерпретация коллекции скульптуры на Аджина-Тепа — дело очень сложное. Это связано, в частности, с тем, что целых или практически целых фигур очень немного, в большинстве случаев это головы (значительная часть их также в той или иной степени фрагментирована) или иные менее благодарные для определения скульптурные фрагменты. С трудностью такого рода сталкивались исследователи многих буддийских памятников и коллекций. Тонкий знаток буддийской иконографии С. Ф. Ольденбург как-то писал: «Если произошла ошибка в изображении атрибутов (что бывает нередко), или атрибуты потерялись (у статуэток), или стерлись (на писаных образах), то становится почти невозможным правильно установить изображенного боди-сатву»⁸⁴. Французские ученые, изучавшие скульптуру из Тумшука, столкнулись с тем же самым. «Иногда трудно решить, — говорят они, — к какой категории отнести какую-либо голову, так как фигуры редко бывают целыми, а одеяние (важный элемент при определении) отсутствует. Этой неясности обязано то, что многие скульптурные головы идеализированного типа были отнесены (и нами тоже) к девам или второстепенным божествам. А на самом деле, этот неопределенный термин маскирует наше невежество.... Тот же тип лица, та же диадема могут безусловно подходить как бодисатве, так и божественному существу (gandharva), или какому-то великому принцу». Даже наличие нимба не является дифференциальным признаком⁸⁵.

Не менее существенно и то обстоятельство, что мы лишены возможности с уверенностью судить о взаиморасположении фигур в помещениях I, XXIII, XXXIV и др., ничего не знаем о скульптурных композициях и лишь в предположительной форме можем в отдельных случаях их реконструировать.

Не лучше обстоит дело с истолкованием скульптурного оформления ниш ограды. Из 12 расчищенных ниш только две позволяют с уверенностью говорить о

⁸³ М. С. Дудин указывал на тонкий слой особой красно-коричневой глины на некоторых скульптурах исключительно из Кучи и Идикутшари. В целом это было не типично для скульптуры Восточного Туркестана. К тому же это нельзя отнести к определенному периоду (Дудин М. С. Техника стенописи... С. 79). В большинстве случаев в Восточном Туркестане литые скульптуры покрывали более или менее толстым слоем белой глины, в составе которой было клеящее вещество (*ibid.*).

⁸⁴ Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. IV. СПб., 1903. С. 8; II. С. 140.

⁸⁵ Tournshouq. II. С. 140.

позах сидящих в них фигур Будды. В остальных случаях мы можем лишь констатировать их былое присутствие и говорить о примерных размерах главной фигуры (по остаткам нимбов на задних стенках ниш). По-видимому, все они были примерно одинаковыми (в полтора раза больше нормальной величины человеческого роста), все сидели со скрещенными ногами, на всех были красные одежды, покрывавшие тело густыми складками. Фигуры разных ниш отличали не только мудры, но и сопровождающие их персонажи, декоративное оформление внутри, нимбы.

Изображение Будды

Центральное место в скульптуре Аджина-Тепа несомненно занимает образ Будды. Однако до сих пор нет бесспорных свидетельств того, что среди изображений Будды встречается вариант стоящей фигуры. Зато многие скульптурные фрагменты, отождествляемые с Буддой, определенно могут быть отнесены к типу сидящих изображений.

Выполнены они в разном размере, различной технике и даже материале. Самой крупной из обнаруженных до сих пор на Аджина-Тепа сидящих фигур была та, что некогда располагалась на постаменте напротив входа в пом. I. Судя по величине головы (диаметр — ок. 90 см), высота фигуры в сидячем положении должна была быть около 4 м.

Несколько меньшие размеры имели, видимо, фигуры, располагавшиеся на двух боковых постаментах этого же помещения. Остатки их настолько незначительны, что позволяют лишь говорить о том, что фигуры сидели с поджатыми ногами и их покрывали красные складчатые одежды. Мы уже говорили выше, что вполне вероятным будет считать крупные фрагменты, лежащие на полу аудиторного зала (пом. № 12) и замурованный в щеку проема (из пом. 5 в пом. II) фрагмент ноги частями вынесенных из пом. № I фигур на постаментах.

В 1,5–2 раза больше натуральной величины были фигуры в ни — шах коридоров ограды вокруг ступы. Сохранность двух из них позволяет не только говорить о размерах, но и уверенно реконструировать позу фигур, а также жесты рук (мудра).

В центральных (осевых) помещениях оград ступа и в храме монастырской половины были найдены части фигур Будды меньших размеров (натуральной величины или чуть больше, 3/4 ее, в половину и меньше). Не исключено, что некоторые из них могли быть стоящими изображениями. Все они представляют собой почти объемную скульптуру, рассчитанную на то, чтобы стоять вплотную к стене и быть обозреваемой с 3-х сторон.

Мотив сидящего Будды использовался и в барельефных украшениях Аджина-Тепа, являясь одним из звеньев сложной композиции из рядов фигур. При этом каждое изображение было заключено в округлую арку, которая отделяла его от соседнего. Что украшали собой ряды Будд, сидящих в арках, сказать трудно, так как фрагменты были найдены в завале (в одном случае — в проеме, ведущем из коридора в маленькое угловое святилище северо-западного фаса).

Маленькие изображения сидящего Будды в арках делались не только в глине: при расчистке уровня двора вокруг большой ступы были найдены алебастровые фрагменты аркатуры и фигурки Будд в них, выполненные в невысоком рельефе.

Все вышеупомянутые варианты фигур сидящего Будды, даже при той неудовлетворительной сохранности, которой мы располагаем, свидетельствуют о большом разнообразии художественного исполнения одного и того же персонажа — Будды — в пределах памятника, существовавшего около полутора веков, и в то же время позволяют говорить о едином стиле его изображения, будь то огромная фигура или маленькая скульптура. Безусловно, все это было продиктовано определен-

ными правилами и канонами, позволяющими при внешнем разнообразии придерживаться строго определенных форм и традиций.

Возникновению и эволюции образа Будды посвящены сотни специальных исследований⁸⁶, в которых эта проблема изложена с исчерпывающей детальностью. Отметим лишь, что в буддийской культовой архитектуре Гандхары одиночные и групповые изображения сидящих Будд в разных мудрах чрезвычайно широко распространены. Скульптурная декорация буддийских сооружений Халды наибольшее предпочтение отдает изображениям Будды с жестом *dhyana mudra* меньшее — *dharmasakra mudra* и реже всего встречается *abhaya mudra*⁸⁷. Взаиморасположение фигур с разными мудрами на ступах Хадцы весьма свободное, друг от друга их отделяют пилястры, создавая тем самым для каждой фигуры как бы индивидуальное обрамление. В Тепе-Маранджан (IV в. н. э.) в Афганистане крупные фигуры Будд и бодисатв помещены в сводчатые ниши⁸⁸.

Тема сидящего Будды продолжает разрабатываться индийскими скульпторами и в гуптское время. Прекрасным образцом трактовки этого образа гуптскими ваятелями является знаменитая скульптура из Сарнатха — «Будда, читающий первую проповедь»⁸⁹.

В камне, штукатурке, глине, терракоте и металле образ сидящего Будды, размышляющего, поучающего, проповедывающего распространился по всему Востоку — от Индии и Цейлона до Японии и Юго-Восточной Азии.

В период раннего средневековья, как мы видим на примере Аджина-Тепы, эта тема занимает одно из главных мест в скульптурном оформлении всякого рода помещений — будь то храм монастырской половины или обходные коридоры ограды ступа, осевые целлы — святилище или декор ступа.

Остановимся подробнее на наиболее сохранившихся изображениях с тем, чтобы попытаться наметить особенности стиля аджина-тепинских Будд и рассмотреть их на фоне буддийского изобразительного искусства сопредельных территорий.

Будда из ниши № I пом. XXV сидит в позе *padmasana*, руки его в жесте *dhyana mudra* — такое положение рук, находящихся одна на другой ладонями вверх, символизирует созерцание.

Этот тип сидящего будды в *dhyana mudra* сложился уже в гандхарском искусстве, по Г. Ингольту, на III фазе развития гандхарского искусства, которую он датирует IV в. н. э.⁹⁰ Не исключена и более ранняя дата (так считает и Г. Ингольт), так как такое изображение имеется уже на реликварии Канишки⁹¹ (Канишка I или Канишка II — мнения расходятся). Единодушия в вопросе точной датировки времени сложения этого образа пока еще нет, для нашей темы существенно, впрочем, лишь то, что практически все детали этого канонического типа, как он представлен в скульптуре Аджина-Тепы, были разработаны уже в гандхарском искусстве: общая поза, пропорция несколько укороченной фигуры, форма одеяния, характер и рас-

⁸⁶ Полное издание: *The Image of the Buddha* / ed. by D. Snellgrove. London, 1978.

⁸⁷ *Barthoux J.* Les fouilles de Hadòdò... I.

⁸⁸ *Carl J., Hackin J.* Le monastère bouddhique de Tepe Maranjan // MDAFA. VIII. Paris, 1959. P. 11. Figs. 8, 12.

⁸⁹ *Rowland B.* The Art and Architecture of India... P. 133–134. Pl. 83.

⁹⁰ *Ingholt H.* Gandharan Art... Pl. 30.

⁹¹ *Franz H. G.* Buddhistische Kunst Indiens... Fig. 103. Обоснованное доказательство, опровергающее традиционную точку зрения, привел Г. Фуссман: *Fussman G.* Numismatic and Epigraphic Evidence for the Chronology of Early Gandharan Art // *Investigating Indian Art* / ed. by W. Lobo, M. Yaldiz. Berlino, 1986. P. 67–88, особенно с. 77–82.

положение складок, ниспадающих широким полукругом впереди⁹². На небольшой статуэтке из Пешаварского музея имеется даже нимб и мандорла⁹³.

Характерно также, что спускающиеся вниз на постамент складки *sanghati* имеют у аджина-тепинских скульптур только полукруглое очертание; в гандхарской каменной скульптуре полукруглое очертание ниспадающие вниз складки имеют в тех случаях, когда ладони не покрыты одеждой, в противном случае — очертание делалось трапецеидальным⁹⁴. Следовательно, и в этом отношении аджина-тепинская глиняная скульптура следовала канону, зародившемуся в Гандхаре для каменной скульптуры.

Однако, следует отметить некоторое отклонение от гандхар-ских традиций. Прежде всего, это касается одежды фигур. Для Будд Аджина-Тепа характерен плащ — *sanghati*, закрывающий оба плеча и образующий у ворота складчатый воротник или кайму из мелких частых складок. Расположение складок по телу — различное: они или ниспадают бантами или обращены в одну сторону или, наконец, складки первого и второго типа ритмично чередуют друг с другом. У гандхарских Будд *sanghati* с глухим воротом закрывает ступни ног почти целиком (видными остаются только кончики пальцев левой ноги). У аджина-тепинских Будд перекрещенные ноги одежды проходит у щиколоток, из-под ступни правой ноги ниспадает на постамент свободный край.

Почти аналогичное положение ног и распределение складок мы встречаем и в гандхарской скульптуре, однако оно характерно для Будд в одежде с открытым правым плечом и, как отмечает Г. Ингольт, только с жестом *dharmasakra-mudra*.

Зато в скульптуре гуптского периода встречается сочетание *sanghati* с глухим воротом, жеста *dhyana-mudra*⁹⁵ и непокрытых одеждой ступней сложенных в *padmasana* ног, т. е. именно тот случай, который мы имеем на Аджина-Тепа в нише № I пом. XXV. Однако пропорции тела (особенно массивность торса), характер одежды и расположение складок на ней сохраняют несомненные следы гандхарской традиции.

Другим примером гуптского влияния, наложенного на гандхар-скую традицию, является торс из пом. XXXIV: явно гандхарская форма складок и их расположение сочетается с типично гуптской манерой передачи объема тела, скрытого тонкой тканью одежды.

Будда из ниши помещения XXII сидел в той же позе со скрещенными перед собой ногами и обнаженными ступнями. Судя по крупным фрагментам торса, его тело было целиком покрыто *sanghati*, расположение складок было несколько отличным от того, что мы имеем в нише № I пом. XXV (особенно изгибы свободного конца одежды, спускающегося с левой ноги на постамент), иным было и положение рук — *dharmasakra mudra*.

Если в отношении предыдущей позы можно предполагать, что ее возникновение относится ко времени, несколько более раннему, чем IV в. н. э., то *dharmasakra mudra* в скульптуре признается «нововведением» именно IV в.⁹⁶

⁹² *Ingholt H.* Gandharan Art... Figs. 130–131, 232–244; *Marshall J.* The Buddhist Art of Gandhara // *Memoires of the Department of Archaeology in Pakistan*. I. Cambridge, 1960. Figs. 74, 118, 120. На основе находок в Шотораке этот канонический тип, как в камне, так и в глине, получил распространение в Афганистане во времена Кушан (*Meunier J.* Shotorak // *MDAFA*. X. Paris, 1942. Pis. VI/8, VII, X/35, XVII/56, 57, XVIII/58 ff.).

⁹³ *Ingholt H.* Gandharan Art... Fig. 242.

⁹⁴ *Ibid.* P. 186.

⁹⁵ *Ibid.* P. 118.

⁹⁶ *Smith V. A.* A History of Fine Art... P. 78. Pl. 59/B.

Здесь мы опять сталкиваемся с сочетанием гандхарской и гуптской традиций в одежде — *sanghati* чрезвычайно напоминает собой одеяние гандхарских Будд, сидящих в той же позе и с такой же мудрой⁹⁷, оно покрывает оба плеча, но оставляет открытыми ступни ног, как на фигуре сарнатхского Будды гуптского периода⁹⁸.

Однако, самые близкие (иконографически, территориально и хронологически) аналогии изображениям аджина-тепинских Будд в *dharmasakra mudra* дает нам глиняная скульптура из Северного Афганистана (Фундукистан)⁹⁹: тот же покрой одежды, расположение складок, обнаженные ступни ног. Несколько отличны формы складок — нет тщательности в их проработке.

Большое разнообразие дает аджина-тепинская скульптура в части причесок Будды. Согласно традиции, Будда во время Великого Отречения срезал свои длинные локоны принца, а оставшиеся на голове волосы имели длину двойной ширины пальца и закручивались крутой спиралью в правую сторону¹⁰⁰. По-видимому, эта традиция сложилась позже, так как в гандхарской скульптуре преобладает изображение волос в виде коротких волнистых прядей. Напротив, как отмечает Б.Роулэнд¹⁰¹, на головах гуптских изображений волосы неизменно имеют форму мелких змейкообразных завитков, которые покрывают голову, подобно шапке.

Аджина-Тепа дает различные варианты завитков волос (рис. 109, 110). Они покрывали плотной массой поверхность головы, располагаясь по ней правильными рядами, с соблюдением «пробора». Завитки для левой и правой сторон прически были изготовлены разными (зеркальными) штампами¹⁰². Особенно аккуратно они лежали в первом ряду, несколько нарушался порядок их расположения ближе к макушке (где должна быть ушниша) и совсем небрежно они накладывались на затылок. Их покрывала синяя или черная краска, положенная на белую ганчевую основу или непосредственно на завитки (подробно об этом см. в разделе о технике изготовления скульптуры).

Наиболее распространенная форма завитков причесок аджина-тепинских Будд имеет вид сдвоенного, строенного или даже учетверенного вопросительного знака (фр-ты 1/с-3, с-5; XXXIV/с-7 и др.). Среди них выделяется особо головка с ушнишей (фр-т 1/с-5), так как она единственная, у которой сохранился этот один из важнейших отличительных признаков (*laksana*) Будды¹⁰³. Необычен и «пробор» прически: его составляет ряд завитков левой половины головы, и он сохраняется даже на ушнише. Вариант этого типа завитка, но значительно более сложный, составляет прическу Будды из ниши помещения ХХІІ; крупные завитки напоминают пучки из четырех изогнутых побегов с раздвоением на каждом конце. Другая распространенная форма завитков — спиралевидная. Она также дает несколько вариантов: мелкие, туго скрученные спиральки, крупные сдвоенные спирали на голове большого Буд-

⁹⁷ Ingholt H. Gandharan Art... Pl. 30.

⁹⁸ Smith V. A. A History of Fine Art... Pl. 60. Как отмечал Роулэнд (Rowland B. The Evolution. P. 14), статуи Матхуры гуптского периода позаимствовали некоторые особенности у гандхарского типа Будды (см. изображение Будды из Сакет-Махета: Franz H. G. Buddhistische Kunst Indiens... Pl. 219).

⁹⁹ Hackin J. Le monastère bouddhique de Fondukistan // MDFAA. VIII. Paris, 1959. P. 5. Pis. 163–164.

¹⁰⁰ Zimmer S. Myths and Symbols in Indian Art and Civilisation // The Bollingen series. VI. 2nd ed. New York, 1947. P. 164.

¹⁰¹ Rowland B. The Evolution... P. 14.

¹⁰² Среди развалин в помещениях XXVI и XXXI были маленькие клейма для изготовления похожих завитков.

¹⁰³ Coomaraswamy A. K. The Buddha's Cudà Hair, Usònisò and Crown // JRAS. IV. 1928. P. 817–818, 829–835.

Рис. 109. Аджина-тепа. Типы причесок и завитков на головах Будд

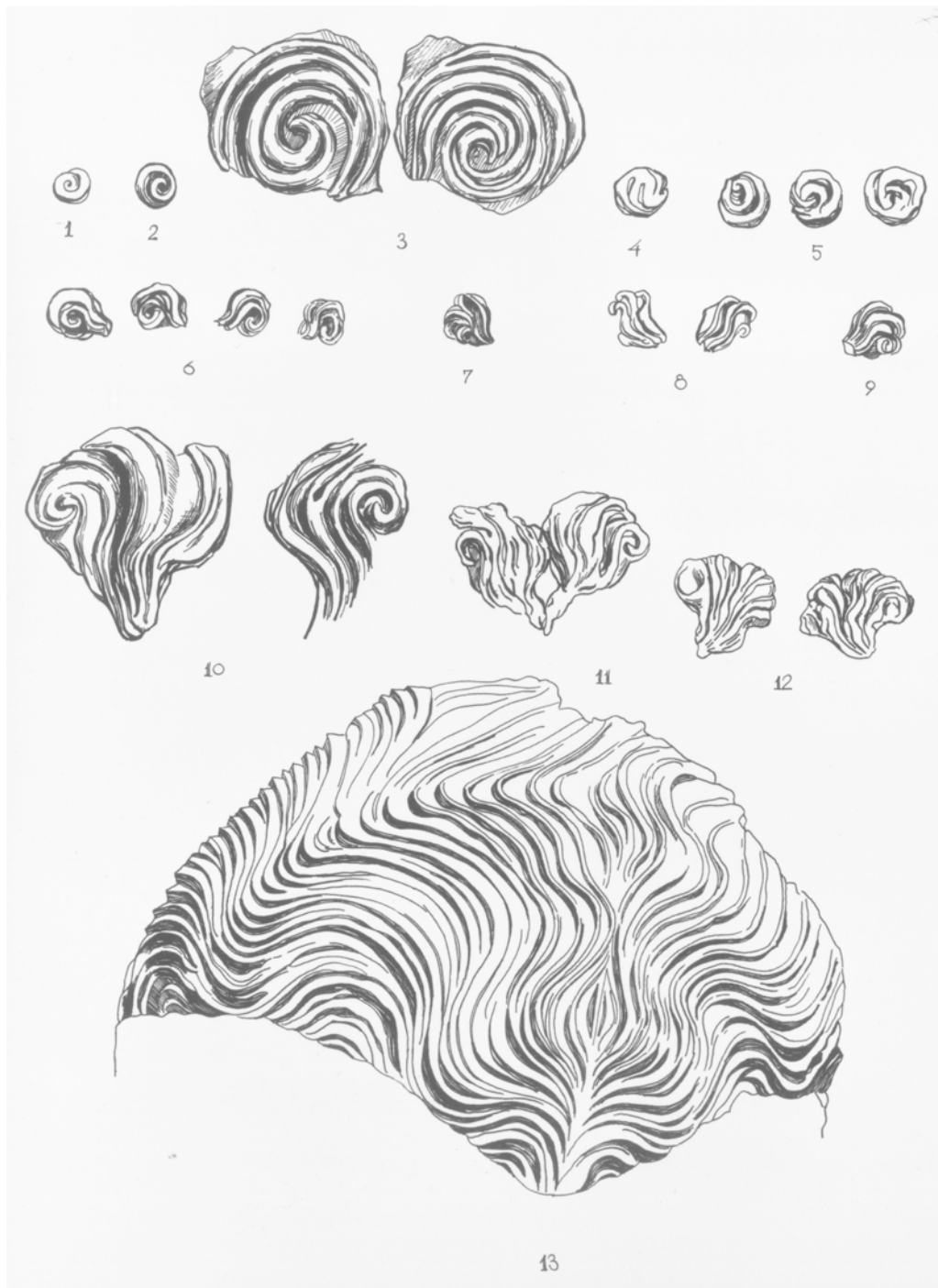

Рис. 110. Аджина-тепа. Схематическое изображение локонов и прядей волос на головах Будд

ды из помещения I (табл. 3–4), толстые короткие на голове, найденной в проходе пом. XXVI-а (табл. № 5).

Заметно выпадают из общего стиля завитков крупные волнистые пряди, найденные на полу зала XII (табл. № 19). Они несомненно принадлежали голове очень крупной фигуры (м. б. одной из тех, что сидела на боковом постаменте помещения I). Несмотря на то, что каждый завиток-прядь также сделан штампом, в целом создавалось впечатление вполне реалистичной передачи волос. Наконец, волосы на голове Будды в нирване изображены длинными волнами, расходящимися веером от верхней точки лба.

При всем видимом разнообразии причесок аджинатепинских Будд их объединяет общая черта — условность и схематизм в передаче натуры, которым еще в большей степени способствовала техника исполнения завитков в глине с помощью штампа.

В прическах лишь с трудом угадываются отголоски гандхар-ской традиции с ее стремлением к натуралистической трактовке. Строгий канон в изображении Будды рано выделил его из окружения других персонажей божественного и земного круга. И если реалистическая струя в гандхарском искусстве надолго сохраняется при изображении учеников и сподвижников Будды, знатных людей и простолюдинов и даже небожителей и злых гениев, то образ Будды в искусстве приобретает строго определенную иконографическую форму. В частности, это касается и прически Будды: общий облик ее остается неизменным на протяжении длительного времени и почти все варианты завитков прически, которые встречались до сих пор на Аджина-Тепе, мы находим уже в гандхарской каменной и штукатурной скульптуре¹⁰⁴.

Принято считать, что каноны буддийского искусства в Индии сложились к IV–V вв., установив надолго и определенно правила и нормы исполнения персонажей буддийского пантеона. Согласно канону, понятие о прекрасном совсем не обязательно должно точно следовать человеческой натуре с ее несовершенными пропорциями и анатомией. Изображение Будды — это абстрактно-прекрасный образ. Черты лица его «взяты с неких форм в мире природы, рассматривавшихся как более прекрасные и законченные, чем все, что могло быть найдено в случайной и несовершенной красоте смертного лица. Поэтому лицо имеет совершенный овал яйца, глаза очерчены как почка лотоса или его лепесток; губы имеют полноту плода манго, а брови — изгиб лука Кришны¹⁰⁵.

Таков канон красоты гуптского Будды. По-видимому, на его сложение оказали влияние каноны, существовавшие в предшествующее время, в которых изложены правила изображения тела Будды в скульптуре, например, соответствующие разделы «Махавьюпатти» (нач. I тыс. н. э.), а также древнеиндийский трактат «Читралакшана» (первые века н. э.), в котором изложена точная система изображения человеческого тела в живописи¹⁰⁶.

К сожалению, на Аджина-Тепе нет полностью сохранившихся фигур сидящего Будды, по которым можно было установить модуль фигуры и вычислить сколько раз он укладывался в той или иной части тела. Правда, мы имеем два маленьких почти целых изображения Будды на фризах, промеры которых могут в некоторой

¹⁰⁴ *Ingholt H. Gandharan Art... Figs. 233, 249, 272, 274, 275; Barthoux J. Les fouilles de Hadòdò, III. Figures et figurines. Album photographique // MDAFA. VI. Paris, 1935. Pl. 9.*

¹⁰⁵ *Rowland B. The Evolution... P. 14.*

¹⁰⁶ Читралакшана (характерные черты живописи) / Пер. и примеч. М. И. Воробьевой-Десятковской // Мастера искусства об искусстве. Т. I. М., 1965. С. 19–41.

степени установить пропорции фигур. Однако действительны ли были эти пропорции для крупных фигур, сказать трудно. К тому же промеры, сделанные на таких мелких изображениях, могут быть не точны из-за слоя ганча и краеки, которые их покрывают. Тем не менее более сохранившаяся фигурка из прохода в помещение XXXI (XXX с-1) позволяет сказать, что высота лицевой части ее четыре раза укладывается в высоте тулова от подбородка до низа скрещенных ног, дважды повторена в расстоянии от одного плеча до другого и четыре раза между коленями. Более точные промеры (но не все) дает фигурка Будды на образке из ниши № I помещения XXVII (XXVII/с-2э), так как она не имеет окраски и ганчевого грунта, но вместе с тем промеры не полные, потому что отсутствует голова.

Сохранившаяся высота ее (от поверхности плеча до основания, на котором сидит фигурка) — 6 см, причем расстояние до талии 3,5 см и от нее до основания — 2,5 см, толщина шеи — 1,5 см, ширина плеч — 4,5 см, ширина талии — 2 см, расстояние между коленями — 7 см, расстояние между локтями — 5,5 см.

Как видно из цифровых обозначений, каждая величина кратна Q5 и, видимо, для данного изображения является модулем.

Несмотря на плохую сохранность, эта фигурка представляет значительный интерес в том отношении, что в ней в большей степени, чем мы могли проследить на других аджина-тепинских скульптурных изображениях сидящего Будды проявляются черты стиля гуптского времени: широкие плечи сочетаются с узкой талией, сложенные в *dhyāna-mudra* руки с покрытыми одеждой ступнями ног, *sanghati* плотно окутывает торс и руки, не скрывая их формы.

В заключении этого раздела остановимся на самом крупном изображении Будды. Это фигура Будды в нирване.

Нирвана — один из наиболее сложных элементов буддийской религии¹⁰⁷. В иконографическом же плане — это просто лежащая на правом боку скульптура, причем, как указывает А. Грюнведель, она часто ни что иное, как *п о л о ж е н н а я с т о я щ а я ф и г у р а*¹⁰⁸. Во многих случаях направление складок соответствует не лежащей, а именно стоящей фигуре и вся трактовка тела приходит в явное противоречие с представлением о лежащей фигуре. Именно к этому разряду скульптур относится и аджина-тепинская скульптура.

Как известно, образ Будды в нирване (*parinirvāna*) стал разрабатываться в гандхарском искусстве, причем уже для гандхарских статуй характерна вышеупомянутая особенность: неестественное для лежащей фигуры направление и характер складок¹⁰⁹.

Из всего этого следует, что аджина-тепинская фигура Будды в Нирване в части трактовки лежащего тела следовала общей линии буддийского искусства. Поражающая взгляд несообразность такой трактовки отнюдь не вытекала из неспособности скульпторов передать реалистическими средствами особенности лежащей фигуры, здесь иное: это было связано с подчеркиванием «сверхъестественности» изображаемого персонажа.

¹⁰⁷ *Shcherbatsky Th. The Conception...; Ebert J. The Parinirvāna. Stuttgart, 1985.*

¹⁰⁸ *Grünwedel A. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin, 1900. S. 11, 115.*

¹⁰⁹ *Ingholt H. Gandharan Art... P. 92.* Также существовали статуи с более естественным распределением складок (*ibid.* Fig. 138. P. 93). Согласно Дж. Маршаллу, одна из скульптур в Музее Пешавара, изображающая Будду, лежащего в нирване, должна быть отнесена к более ранним скульптурам, датированным I в. н. э. (*Marshall J. The Buddhist Art of Gandhāra... P. 49–50. Fig. 68.*) С другой стороны, Г. Ингольт считает, что она относится к более поздней группе, датированной IV в. (*Gandharan Art... P. 92–93.*) Разрыв составляет 300 лет.

Согласно буддийским текстам, Будда в Нирване должен был быть обращен лицом на запад¹¹⁰. Как мы видим, аджина-тепинский Будда следует этой традиции лишь с небольшим отклонением, что может быть объяснено общим направлением стен монастыря, при котором Будда оказался повернутым несколько к югу. Что касается краснореченского Будды в Нирване, то он лежал строго по правилам — головой на север.

Сам сюжет является одним из центральных сюжетов буддийского искусства: Будда в Нирване бесконечное число раз изображается в скульптуре и живописи. Не составляет в этом отношении исключения и Центральная Азия, в частности, Восточный Туркестан. Здесь этот сюжет, по словам С. Ф. Ольденбурга, встречается «чрезвычайно часто»¹¹¹.

Сюжет этот эволюционировал. Однако уже во II—III вв., как показывает сцена пари-нирваны из Шотарака, был выработан тип, очень близкий к аджинатепинским¹¹². Не останавливаясь на всем эволюционном ряде, отметим, что менялась в частности, относительная, по сравнению с другими персонажами, входящими в сцену, величина фигуры Будды.

Уже в гандхарское время скульптурная фигура умершего Будды делается подчеркнута большой по сравнению с другими фигурами, присутствующими в сцене Нирваны. Так, на рельефе (IV в.?) из Лорийан Тангал в Калькутском музее фигура Будды выглядит необычайно крупной. На рельефном панно на ступе монастыря Бхамала (V в. н.э.?) в Таксиле в традиционной гандхарской передаче сцены пари-нирваны фигура Будды пропорционально еще более увеличилась. А. Сопер говорит, что эта фигура передана как «миниатюрный колосс». Наконец, в Касиа (древняя Kusinagara, где, как считают, умер Будда) на сохранившейся ступе V в. находится лепная панель с изображением Будды в нирване длиной ок. 6 м¹¹³.

Этот процесс следует рассматривать не изолированно, а в связи с общей трансформацией гуптского стиля в VII—VIII вв., когда в пещерных храмах появляются грандиозные фигуры индуистских богов, а в буддийских сооружениях — еще более

¹¹⁰ Стоит отметить, что это правило соблюдалось не всегда, особенно в поздний период. Так, например, колосс в Перу (Бурма) был обращен лицом на восток (*Sastri H. Excavations at Kasia // ARASI. 1970–1911. Calcutta, 1914. P. 65*). Северный фасад ступы ТК. 73 на Тепе-Калан в Хадде был разделен пилястрами на три секции. В центральной, самой широкой, был помещен «Будда в нирване», в боковых — по два сидящих Будды (*Barthoux J. Lex fouilles de Hadoddā... P. 90–91. Fig. 71*).

¹¹¹ *Ольденбург С. Ф.* Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914. С. 6 (там же есть описание крупной скульптуры, изображающей «Будду в нирване». Р. 6. Pl. III). См. также многочисленные рисунки (*Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten... Figs. 201, 386, 384*). См. также: *Gaulier S., Jera-Bezard R., Maillard M. Buddhism in Afghanistan and Central Asia. I. Leiden, 1976. S. 7, 19.*

¹¹² Б. А. Литвинский исследовал этот сланцевый блок в Музее Кабула. См. репродукцию: *Auboyer J. Afghanistan und seine Kunst. Prague, 1968. Pl. 48.*

¹¹³ *Soper A. C. Literary Evidence... P. 192–93.* Увеличение размеров Будды в сюжете с нирваной прошло через несколько стадий: он был приблизительно одного размера с другими фигурами (*Hargreaves H. The Buddha Story in Stone... P. 40–41. Pl. XXXII; Ackermann H. C. Narrative Stone Reliefs from Gandhāra in the Victoria and Albert Museum in London // IsMEO. Reports and Memoirs. Series Maior. XVII. Rome, 1975. P. 102, 107–109, 114–115. Pis. XXVII/b, XLI, XLIV/b*); фигура Будды стала немного больше остальных (*Coomaraswamy A. K. Catalogue of the Indian Collections in the Museum of Fine Arts. Boston. 2. Boston, 1922. P. 58–59. Pl. XVII; Majumdar N. G. A Guide to the Sculptures in the Indian Museum. II // The Graeco-Buddhist School of Gandhara. Delhi, 1937. P. 71–72. Pl. X/b; Hallade M. Gandharan Art of North India and the Graeco-Buddhist Tradition in India, Persia, and Central Asia. New York, 1968. Pl. 102; Tissot F. Gandhāra, La vie publique et privée dans l'Inde ancienne. 2e série. Paris, 1985. Fig. 75; Russek R. Buddha zwischen Ost und West. Skulpturen aus Gandhara [Pakistan]. Zurich, 1987. Pl. 56*); Будда стал во много раз больше остальных фигур (*Indian Art // Victoria and Albert Museum. London, 1969. Pl. 5*).

гигантские фигуры Будды, вроде колоссов из Yun Kang (беверный Китай) или еще более крупных колоссов Бамиана.

Как писал Б. Роулэнд, «there are a number of reasons, both st; stilistic and iconographic, for these more than life-size representations of the Great Teacher. We have of course, the precedent of the famous colossi of the Greek world, and more nearly contemporary, the later Roman fashion of erecting colossal images of the aefied Caesars. The purpose of a colossal image is twofold: to attrait attention and command respect by its gigantic dimensions and, by same token, to suggest the superhuman nature of the personage portrayed. If the giant statues of Constantine were intended to represent that Emperor's role as K'osmokrator, the Bamiyan statues, no less, vere meant to indicate the status of the Buidha as Rahapurusa, or as Brahma comprising all worlds within himself. The iconography of the paintings decorate! the niches of two colossi at Bamiyan leaves no doubt that both were conceptions of Sakyamuni as Lokattara or Lord of The World. The influence of these first colossi of Hahayana Buddhism on the Buddhist art of the entire Far Bast is inestimable: one has only to think of the rock-cut colossi at Yiin Kang and Lung Men in China; and even the gpeat bronze Vacrocana dedicated at Nara in Japan of the Tempyo Period (720–310) is an ultimate descendant of the giants of Bamiyan»¹¹⁴.

В отношении Бамиана Сюань Цзан сообщал, что в 12 или 13 ли к востоку от него, имеется монастырь, достопримечательность которого — лежащий и как бы спящий Будда в Нирване. Размер — го был очень велик¹¹⁵. Из других крупных фигур Будды в Нирване следует упомянуть изображение, выполненное в очень вивоком рельефе в Аджанте, в пещере № 26 (VII в.)¹¹⁶.

Будда в Нирване из Гал Вихара (Gal Vihare, Поллона-рува, Шри-Ланка) имеет длину 14 м, а фигуры Будд в Нирване из Тантрималаи (Tantrimalai) и Атарagalлева (Ataragalleva) по 12 м¹¹⁷.

Однако наиболее близкой аналогией — стилистически и технически — является Будда в Нирване из Тепе-Сардара (близ Разни, Афганистан), имеющий в длину около 17 м. Считается, что он относится к VIII в. Здесь также ядро фигуры образуют горизонтально положенные сырцовые кирпичи. Впрочем, идентичности и здесь нет¹¹⁸.

Судя по Аджина-Тепе и Красной Речке, в Средней Азии также имелись очень крупные скульптуры Будды в Нирване длиной порядка 12 м.

Другие изображения Будды. Бодисатвы. Деваты

Выше уже говорилось о трудностях, с которыми приходится сталкиваться при определении фрагментированных скульптур. В силу этого из большого количества скульптурных голов, входящих в эту группу, мы можем с уверенностью назвать головами Будд лишь немногие.

¹¹⁴ Rowland B. The Art and Architecture of India. Buddhist, Hindu, Jain. 3rd ed. Baltimore, 1967. P. 104.

¹¹⁵ Beal S. Buddhist Records... P. 51. В тексте говорится: «Тысяча футов или около того». Бил считает, что текст мог быть поврежден в этом месте (p. 51–52, s.n., 177). Некоторые исследователи полагают, что Сюань Цзан преувеличил размеры буддийских памятников, по крайней мере в данном отрывке своего сообщения. По-видимому, в действительности Будду из Бамиана можно сравнить с Буддами из Тапа-Сардар и Аджина-тепа (около 30–40 футов), размеры которых были описаны (Carter M. L. Xuanzang and the Colossal Buddhas at Bâmiyân // Studies in Buddhist Art of South Asia / ed. by K. Narain. New Delhi, 1985. P. 119).

¹¹⁶ Yazdani Ya. G. Ajanta. IV. Tact, cit. Pl. LXXX; Gupta P. Sh., Mahajan B. D. Ajanta, Ellora... P. 42, 105. Pl. XLXX; Hallade M. Gandharan Art of North India... P. 103.

¹¹⁷ Mode H. Die buddhistische Plastik auf Ceylon. Leipzig, 1963. P. 93–95. Figs. 143–146.

¹¹⁸ Taddei M. A Note on the Parinirvâna Buddha at Tapa Sardar // South Asian Archaeology / ed. by J. E. von Lohuizen-de Leeuw, J. M. M. Ubaghs. Leiden, 1974. S. 111–115; The Image of the Buddha... P. 194–95. Fig. 144.

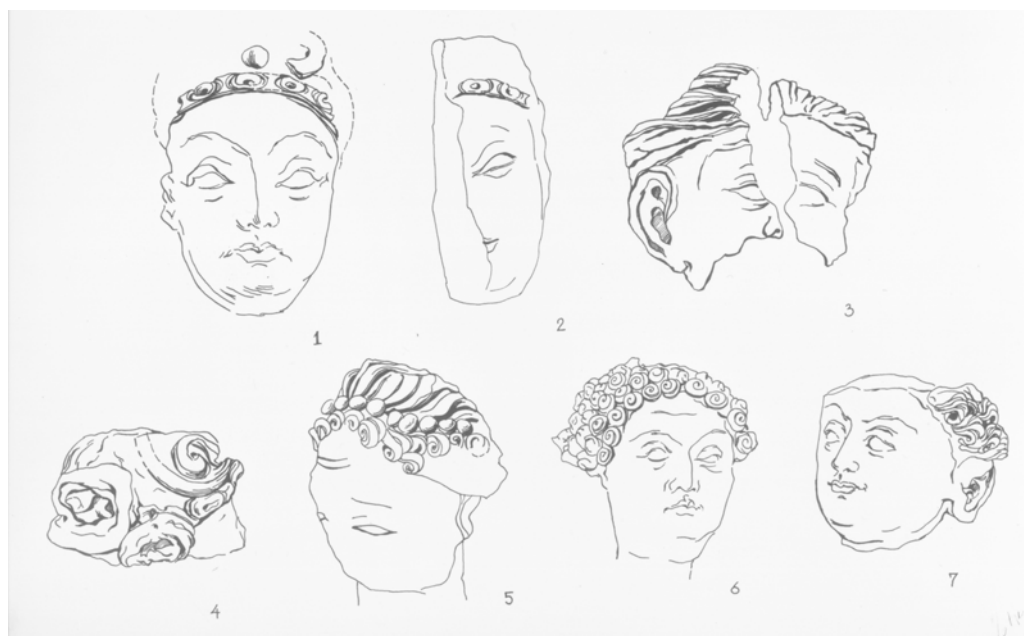

Рис. 111. Аджина-тепа. Прически и украшения на головах бодисатв и деват

Трудно сказать, были ли среди крупных изображений сидящих в нишах ограды и в осевых ее помещениях иные Будды, чем Гаутама Сакьямуни.

Не можем мы уверенно говорить о том, насколько был развит культ бодисатв на Аджина-Тепе. Фрагментарность фигур, отсутствие целого ряда характерных атрибутов определяет осторожный подход при опознании изображений.

С большей или меньшей уверенностью можно причислить к боди-сатвам голову с отставшей красочно-алебастровой маской из помещения I и, по аналогии с ней, фрагменты головы с такой же диадемой, найденной там же, фрагмент головы (XXIII/с-1). По-видимому, бодисатве принадлежит торс из ниши № I коридора XXV (№ 16). Мы склонны считать бодисатвой скульптурную голову, найденную на полу коридора XXV возле ниши № 4 (рис. 111). Близкие по типу изображения бодисатв есть в скульптуре Калаи-Кафирнигана.

Вместе с тем сходство, хотя и не очень значительное, имеется и со скульптурой Субаши, особенно это сходство прослеживается в характере позы¹¹⁹.

Малые размеры изображений, по сравнению с рядом находящимися крупными фигурами Будд, как будто бы свидетельствуют в пользу того, что главным объектом поклонения был Будда, а считающиеся бодисатвами изображения занимали явно подчиненное положение. Находясь в нишах, где центральное место занимали крупные фигуры Будд, они или принимали участие в сценах поклонения или выступали в качестве сопровождающих Будду персонажей.

Наличие диадемы на голове, нашейных и наружных украшений и браслетов, традиционное индийское dhoti — все это в сочетании с совершенной красотой лица

¹¹⁹ Парижский музей восточных искусств (Музей Гиме), шифр М-23751 и архив фотографий Музея Гиме, шифр 0-4231/11 (наблюдения Б. А. Литвинского).

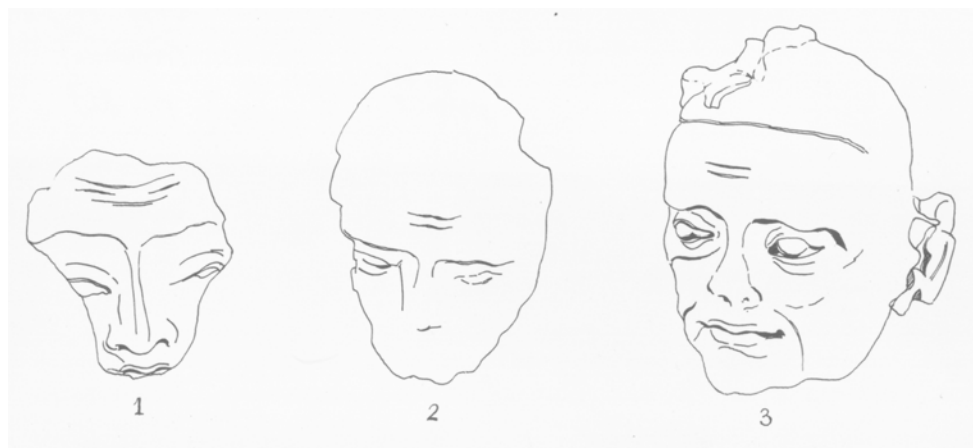

Рис. 112. Аджина-тепа. Монахи и аскеты (лицевые маски)

и бесстрастно-спокойным его выражением свидетельствует в пользу правильности предложенной интерпретации этих изображений. Аналогии снова уводят в Фундукистан¹²⁰, дают некоторые параллели с Восточным Туркестаном, перекликаются с Хаддой¹²¹.

В изображении бодисатв довольно четко сохраняется чисто индийская традиция; это *dhoti*, завязанное на поясе узлом и ниспадающее складками до самого пола; его свободный конец переброшен через левое плечо.

К персонажам высшего ранга следует отнести, по-видимому, почти полностью сохранившуюся фигурку из помещения XXXIV. В композиционном отношении она явно составляла единое целое с центральной фигурой этого помещения (Буддой). Своей позой и целым рядом деталей эта фигурка чрезвычайно напоминает девату из ниши Д монастыря в Фундукистане¹²².

Монахи и аскеты

К этой категории можно отнести несколько голов (рис. 112): из ниши помещения XXII (голова Кашьяпы, фр-т XXII/с-4), из помещения XXXIK (голова монаха), из завала возле Ступы (голова монаха, фр-т ДС/с-4, часть лицевой маски, заложенной в стену коридора XXII (фр-т XXIII/с-6). Эти головы резко отличаются от всех других голов аджина-тепинской серии реалистическим характером трактовки черт лица, эволюционной выразительностью.

В буддийском изобразительном искусстве аскеты и брахманы являются весьма распространенными персонажами. Объясняется это тем, что в легендарной истории жизни Будды они занимали значительное место. Чаще всего встречается изображение знаменитого аскета Кашьяпы — вначале оппонента и противника Будды, а потом его верного ученика и последователя¹²³.

¹²⁰ Hackin J. Le monastère bouddhique... Fig. 170.

¹²¹ Barthoux J. Les fouilles de Hadôdâ... Pl. 35a.

¹²² Hackin J. Le monastère bouddhique... Figs. 168–169. Поза и ракурс скульптуры XXXIV/65 очень похожи на те же параметры глиняной статуэтки адоранта из Тумшука (VII–VIII вв.?), у которой, к сожалению, отсутствует голова. См.: Le Coq A. von. Die Buddhistische... V. P. 7. Pl. I (у статуэтки адоранта ладони сложены вместе in front of the chest).

¹²³ Ingholt H. Gandharan Art... Figs. 434–437.

Головы аскетов часто покрывают тюрбаны-чалмы или сложные прически, у них бородатые лица и усы. Такой сложившийся образ характерен для гандхарского времени¹²⁴ и распространился за пределами Северной Индии вместе с буддизмом. Эта индийская традиция в целом продолжается и позднее, в искусстве раннего средневековья. Однако изображение этих второстепенных персонажей не было строго канонизированным и потому художник, следуя в общем первоначальным образцам, мог вносить свои локальные коррективы в деталях, например, изменить расположение складок на тюрбане-чалме или волос на лбу.

Выражение сосредоточенного внимания и серьезности на сухощавом лице характерно для всех аскетических персонажей буддийского крута, но в трактовке отдельных черт лица скульптор мог передавать местный этнический тип.

Как нам кажется, некоторое сходство можно усмотреть между профильной фигурой дароносца из живописной сцены *granidhi* и скульптурной головой брахмана-аскета (разрез глаз, линия профиля, безбородость). Но если художник старался возможно точнее изобразить знатного тохаристанца с его дарами, то у скульптора, изготовлявшего фигуру Кашьяпы, привнесение местных черт было произвольным. И оно тесно переплеталось с представлением о традиционном образе аскета-брахмана. Именно эта модель-прообраз позволяет выделять аскета-брахмана из множества других персонажей буддийского культа, сравнивать отдельные изображения с разных территорий между собой. Так, аджина-тепинский Кашьяпа безусловно иконографически близок фигурке брахмана из Хадды¹²⁵, а его головной убор сильно напоминает (хотя и не идентичен) «тюрбану» на голове шутового персонажа из Карашара (Восточный Туркестан)¹²⁶.

Головка была найдена в углу ниши, где сидела крупная фигура Будды в *dharmasakra mudra*. Скорее всего, скульптура Кашьяпы и раньше здесь стояла, составляя пару фигуре другого любимого ученика и последователя Будды — Ананды.

Что касается других (XXXIV/c-15, ДС/c-4) голов, то это, как указывалось, скорее всего голова монаха. В этом убеждает характер прически, вернее ее отсутствие — голова гладкая, четко видна линия сбритых волос¹²⁷. В буддийской живописи и скульптуре монах — один из распространенных персонажей. Нет смысла останавливаться здесь на характере изображений монахов в разных областях буддийского искусства. Разумеется и здесь могут быть указаны различные аналогии, и прежде всего из Хадды, где есть довольно близкие изображения. Для голов буддийских монахов в гандхароком искусстве характерны многочисленные глубокие горизонтальные морщины на лбу, иногда — на нижней половине лица¹²⁸. Указывалось (Г. В. Хауссиг), что аджина-тепинская голова лежит в русле греко-бактрийской традиции. Можно также сравнить эти головы с головой монаха из одной пещеры в Шорчук'е (VII–VIII вв.)¹²⁹.

¹²⁴ *Hargreaves H.* The Buddha Story... P. 30–31; *Ingholt H.* Gandharan Art... P. 70–73.

¹²⁵ *Barthoux J.* Les fouilles de Hadôdôa... Pl. 95a.

¹²⁶ *Foucher A.* L'art gréco-bouddhique... II. Paris, 1922. P. 653. Fig. 532. О головных уборах скульптурных групп аскетов и брахманов из Тумшук см.: *Toumshouq*. II. P. 265; *Douldour-Aqour et Soubachi*... IV. P. 189–90. О Тумшук см. также: *Along the Ancient Silk Routes. Central Asian Art from the West Berlin State Museums*. New York, 1982. P. 11. № 45.

¹²⁷ Тем не менее, рекомендации для таких случаев были далеко не единогласны. Согласно *Gautama Dharmauâstra*, III, 22, монах мог сбрить, но мог и носить пучок волос на темени. См.: *Coomaraswamy A. K.* The Buddha's Cudôa Hair... P. 825.

¹²⁸ *Barthoux J.* Les fouilles de Hadôdôa... III. Pis. 59a, 60b, c; см. также: *Czuma S. J.* Kushan Sculpture: Image from Early India. Cleveland; Ohio, 1985. P. 226. Pl. 130; *Hallade M.* Gandharan Art of North India... Pl. 111.

¹²⁹ *Le Coq A. von.* Die buddhistische... I. P. 22. Pl. 23/b.

Рис. 113. Аджина-тепа.
Демонические существа

Демонические существа и чудовища. Орнаментальные сюжеты.

К этой группе можно отнести очень немногие из скульптурных фрагментов Аджина-Тепы (рис. 113). В первую очередь, это торс из горельефного панно помещения (фр-т 1/с-10), на животе которого изображено чудовище с разинутой пастью и вытаращенными глазами. По всей вероятности, это торс одного из воинов армии Мары из известной легендарной сцены искушения Будды. Этот сюжет довольно часто встречается в живописи и скульптуре и его персонажи имеют подчеркнуто устрашающий вид¹³⁰.

Наличие такой сцены в помещении I косвенным образом свидетельствует о том, что одна из крупных фигур, сидящих на постаменте, принадлежит Будде Гаутаме.

Другой фрагмент скульптуры устрашающего вида был найден в завале помещения XXXIV (фр-т XXXIV/с-9а). Ее фрагментарность затрудняет определение персонажа, однако несомненное желание скульптора придать лицу отпугивающее выражение позволяет условно считать эту голову за одного из демонических гениев (*Loka-pala?*), присутствие которого должно отпугивать противников веры.

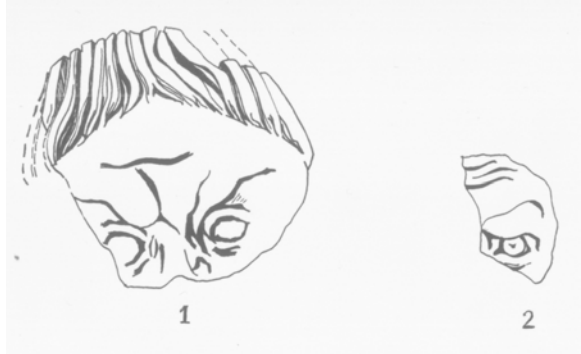
Такой же цели, по-видимому, служили небольшие шталованные медальоны, диаметром 4–5 см, помещавшиеся вуотрь небольшой аркатуры, которая образовывала фриз над входом в помещение или внутри него (налепы были найдены в завале прохода помещения XXXI и внутри него вместе с обломками маленьких рельефных арок).

Маски имеют бугристые щеки и лоб, расплюснутый нос с вывернутыми ноздрями, глубоко западающую переносицу и косо посаженные глаза. Раскраска дополняет скульптурную выразительность лица: оно было желтым, брови и глаза окрашены в черный цвет, этой же краской нарисованы торчащие вверх клыки в уголках рта. Кирти-мукха?

Среди скульптурных фрагментов Аджина-Тепы очень часто встречаются растительные и геометрические орнаменты, роль и назначение которых в оформлении интерьера помещений ясна: из них составлялись орнаментальные полосы — разделители в сюжетных композициях, обрамления вокруг крупных фигур, отдельные элементы, многократно повторенные, украшали ту или иную скульптурную поверхность¹³¹.

Следует отметить, что растительным мотивам в орнаментике Аджина-Тепы отдавалось предпочтение. Это могли быть очень натуралистично изображенные цветы и лепестки. Листья и побеги составляли, по-видимому, такие же причудливые гирлянды над головами скульптурных фигур, какие можно видеть в хорошо сохранившемся декоре ниши Д в буддийском монастыре Фундукистана.

Значительное разнообразие дают отдельные изображения цветов. Среди них есть оттиснутые единым штампом и «наборные» (т. е. составленные) из 6 полу-

¹³⁰ Ingholt H. Gandharan Art... Pis. 61–64; Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten... P. 18–19. Figs. 57–59.

¹³¹ Hackin J. Le monastère bouddhique... Figs. 157–161, 189.

шариков пятилепестковые цветы, а также весьма натуралистичного вида цветы, вылепленные каждый индивидуально, с очень своеобразно изогнутыми лепестками. Размер изображений цветов тоже различен — от величины двухкопеечной монеты до 30-сантиметровой розетки лотоса, украшавшей стену над маленьким постаментом в западном углу помещения I. Мелкие штампованные цветы-розетки покрывали собой, подобно чешуе, округлые трехчетвертные тяги (фр-т XXV/C4, C4a, C8) или цепочкой налеплялись по краям фриза, составлявшегося из прямоугольных кассет с решетчатым заполнением внутри. В последнем случае мы имеем сочетание геометрического и растительного мотивов в орнаментике одного сюжета. И это не единичный случай. В сложных меандрах завитков рельефов из помещений I, XXXIV, XXIII угадываются растительные элементы — цветы, побеги, но они настолько схематичны, что целиком подчинены геометрическому стилю рельефа¹³².

Из чисто геометрических сюжетов в аджино-тепинской орнаментальной скульптуре следует в первую очередь отметить решетчатые кассеты, из которых составлялись фризы, украшавшие ниши коридора XXV. Как известно, это очень распространенный мотив декора в ранней индийской буддийской архитектуре. Он встречается как элемент фриза над входами в пещерные монастыри (Бхаджа, Насик, Беде, Карли и др.), составляет полосы бордюров интерьера, украшает ступы. Широкое распространение этот мотив приобретает в памятниках гандхарского искусства¹³³, сохраняется он и позже. И, как мы видим на примере Аджина-Тепы, он распространяется за пределы Индии вместе с буддизмом¹³⁴.

Довольно часто в завалах разных помещений встречаются семечкообразные налепы, сплошь покрывающие постаменты под маленькие фигурки Будды. Это лотосовидные троны, известные в гандхарской скульптуре и в раннесредневековой скульптуре Фундукистана. Из близких им по форме налепов (но с добавлением по обеим сторонам горошин группами по три) составлялись нимбы и мандалы вокруг голов и фигур будд. И снова ближайшие аналогии приводят в Фундукистан. Все налепы делались с помощью штампов, таких штампов было несколько. Форма некоторых из них приобрела очертания вытянутого треугольника, тем самым как бы завершая процесс геометризации чисто растительных элементов.

Помимо геометрических и растительных мотивов в скульптурной орнаментике Аджина-Тепы встречаются зооморфные и антропоморфные изображения. Часть из них (уточки, фазаны) образовывали фризы, фрагменты которого были найдены в завале помещения XXXIV. В буддийской мифологии птицам отводилось определенное место, например, в рассказах о рае Сукховати. В Сутре об Амитабе Будда говорит, обращаясь к ученику: « — в той стране есть много чудесных птиц разных цветов — гордицы, павлины, попугаи, сорокопуты-^ шьярия, калавинки — кукушки, друхоловые птицы гун мин, и все эти птицы во все часы дня и ночи сладостно поют». В другой сутре говорится: «...в стране совершенного блаженства, в чистой земле будды есть всевозможные чудесные красивые птицы

¹³² Похожие орнаменты были найдены в храме Токуз-Сарай в Восточном Туркестане (Toumshouq. I. *Planches* / ed. by L. Hambis. Paris, 1961. Fig. 115). Интересно, что авторы считают, что эти похожие орнаменты были местной особенностью. В том же Токуз-Серае, но в храме В (Toumshouq. I. Figs. 220–221) и в Шикшине имеются колонки, облицованные листьями. Согласно С. М. Дудину, они могли украшать проходы из одного помещения в другое или обрамлять ниши.

¹³³ *Foucher A. L'art gréco-bouddhique...* I. P. 223–224. Figs. 99–100, 157, 165.

¹³⁴ Стоит отметить, что в Восточном Туркестане редко встречаются рельефные решетки, несмотря на обилие буддийских культовых сооружений (Shikshin, Temple C-4. См.: *Дудин С. М. Техника стенописи...* С. 87).

разных цветов — домашние и дикие гуси, цапли, аисты, журавли, павлины, попугаи, калавинки, двухголовые птицы гун-мин и другие. Во все часы дня и ночи общим хором стройно поют»¹³⁵.

В качестве аналогии можно, например, указать на живописный фриз с утками из грота У в Бамиане¹³⁶, изображение летящих уток в Туяк-Мазаре¹³⁷, живописи Аджанти¹³⁸, рельефах Тепа Сардара¹³⁹.

Намного трудней определить первоначальное местоположение скульптурных головок бычка и джайрана (?), которые были найдены в завале того же помещения XXXIV (с-19, с-19а). Их присутствие также может быть связано с буддийской мифологией. Существует целый класс буддийских божеств с головой быка. Эти божества связаны со смертью человека, они присутствуют на судилище мертвых, сама смерть человека называется ими¹⁴⁰. Вместе с тем в живописи Дунь-Хуана и Хара-Хото божество Сатурна имеет эмблему на темени — голову быка. Эта эмблема зафиксирована в буддийском каноне «Трипитака»¹⁴¹. Изображения быков встречаются также и в живописи Аджанти¹⁴². На одной из росписей (в пещере 17) Будда восседает в богато декорированном кресле, углы спинок которого украшены головками быка¹⁴³. Не служили ли скульптурные головки быков из Аджина-Тепы для аналогичной цели?

В качестве украшений использовались также и антропоморфные изображения в виде штампованных небольших медальонов, диаметром в 4 см; в центре медальона — круглое, слегка улыбающееся лицо доброжелательного персонажа в обрамлении из ряда перлов. Таких штампованных масок было найдено несколько, сравнение их между собой показывает, что изготовлены они были одним и тем же штампом. Аналогичные изображения украшают нагрудные доспехи скульптур воинов из храмов Восточного Туркестана¹⁴⁴, что позволяет и нам рассматривать их как своего рода обереги, украшавшие некогда костюмы несохранившихся скульптур.

В заключении этого раздела следует остановиться на украшениях из глины, которые были найдены на обломках фигур. Это ожерелья из бус и подвесок, цепи, браслеты, головные украшения.

Бусы и подвески, как правило, делались отдельно и потом наклепывались на туловище фигуры. А иногда применялся другой способ: лепились настоящие бусины и подвеска, которые просверливались и нанизывались на нить. Изготовленное таким

¹³⁵ Зубер С. М. Музыкальные инструменты иконографии Хара-Хото // ТОВЭ. III. Л., 1960. С. 327–328. Pis. I–II; Ольденбург С. Ф. Материалы... Fig. 17.

¹³⁶ Hackin J., Carl J. Nouvelles recherches archéologiques à Bâmiyân // MDAFA. III. Paris, 1933. Pl. LXXIX. Fig. 95. В Музее Гиме в Париже представлены рельефы, на которых рядами изображены утки, одни с поднятыми, другие — с опущенными головами. Крылья и перья детально прорисованы. Их задние части с подогнутыми лапами образуют фон.

¹³⁷ Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция... С. 51. Fig. 51. О других скульптурах птиц в Восточном Туркестане см.: Toumshouq. II. P. 270. См. также рисунки: Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten... S. 186. Figs. 424–25.

¹³⁸ Gupta P. Sh., Mahajan B. D. Ajanta, Ellora... Pis. XV, XVI.

¹³⁹ Taddei M., Verardi G. Tapa Sardâr... P. 86. Fig. 28.

¹⁴⁰ Гамбояев Г. Объяснения семипалатинских древностей // Известия Археологического общества. II. СПб., 1861. С. 211–212.

¹⁴¹ Кречетова С. М. Божества светил в живописи Хара-Хото. Синкретизм астрологического пантеона в иконографии // ТОВЭ. IV. Л., 1949. С. 478–80.

¹⁴² Gupta P. Sh., Mahajan B. D. Ajanta, Ellora... Pl. IX.

¹⁴³ Вероятно, это были подношения прихожан.

¹⁴⁴ Ольденбург С. Ф. Русская Туркестанская экспедиция... С. 69. Figs. 60, 62.

образом ожерелье, по-видимому, вешалось на шею скульптурному изображению. Торсы фигур украшали витые шнуры, пересекающие грудь слева направо, крученые пояса, завязанные на животе сложным узлом. На плече и запястье бодисатв и деват иногда сохраняются браслеты. Обычно это гладкий обруч с украшением в виде многолепестковой розетки или треугольной формы щитком со сложным выпуклым рисунком и гранеными вставками, которые должны были изображать драгоценные камни в золотой оправе.

Очень немного можно сказать о головных украшениях скульптур. От них в лучшем случае сохраняются только налобные обручи-диадемы. Это цепочка из очень рельефных овалов с выпуклым налепом — украшением в центре или гладкий тонкий обруч.

Деталью нагрудного или скорее головного украшения являются маленькие скульптурные изображения черепов (размером 4,5 × 5 см), выполненные в очень реалистической манере: четко показаны глазницы и надбровные валики, швы черепных костей, зубы. И лишь в одной детали скульптор отступил от действительности, изобразив вместо носовой впадины выступающий вперед нос. Черепа были окрашены в беловато-желтый цвет, зубы и глазницы были синими, ноздри черными.

Определить первоначальное положение черепа очень трудно, так как он являлся элементом украшения на головах многих устрашающих божеств буддийского пантеона: у божества-хранителя — sam-vaṇa и его женского двойника — sakti, у хранителя закона Aśala и у женских божеств Vajravārghī, Шри-деви и у dakini. Пять-семь черепов составляли венец на головах этих божеств¹⁴⁵. Однако черепа были атрибутом не только устрашающих божеств — защитников веры: две скульптурные фигуры из Хадды держат в руках по человеческому черепу¹⁴⁶.

В иконографии буддизма череп занимал значительную роль. Так, в гандхарских рельефах в окружении Будды находится брахман Вангиса с черепом в руке. Как полагает М. Таддеи, лишь позже, причем в Центральной Азии, изобразительное искусство свидетельствует о превращении черепа в объект чтения, вызывающий личную медитацию и способствующий ей, хотя раскопки в Хадде показали, что предвестники этого появляются уже в гандхарское время. Наиболее яркое отражение этого назначения черепа в искусстве Центральной Азии — сцена в настенной живописи «Пещеры морехода» в Кизыле (V в. н. э.). Монах сидит в состоянии медитации, перед ним — человеческий череп. Черепа включены и в растительные композиции, покрывающие эти стены. В Бактрии-Тохаристане, судя по находкам на Фаяз-тепе и Хирман-тепе, уже во II–III вв. н. э. в местном буддизме существовала практика почитания черепа, причем она и местные корни¹⁴⁷.

* * *

Распространение в Бактрии буддизма и индийского (в частности, буддийского) искусства — процессы взаимосвязанные, но не параллельные и явно не идентичные. Наличие в Бактрии мощной и чрезвычайно жизнеспособной школы местного бактрийского искусства (блестящий образец ее — Халчаян), видимо, внача-

¹⁴⁵ Он же. Материалы... С. 49–53, 58, 59.

¹⁴⁶ Bartheux J. Les fouilles de Haddôa. III. Pl. 39.

¹⁴⁷ Taddei M. The Story of the Buddha and the Skull-Tapper. A Note in Gandharan Iconography // Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. 39. 3. 1979. P. 395–420; Id. Addenda to *The Story of the Buddha and the Skull-Tapper* // Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. 43. 1983. P. 333–39; Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983. С. 98–100.

ле служило своего рода «барьером». Позже, наряду с распространившимся буддийским искусством, продолжало существовать местное бактрийское. Так, о скульптуре Сурх Котала Д. Шлюмберже пишет, что все, что связывает ее с памятниками Гандхары или Матхуры — все это греческое или иранское, но не индийское. «Индийское влияние, навеянное буддизмом (и имевшее позже в Центральной Азии и на Дальнем Востоке такой необычайный успех), не затронуло еще этот памятник»¹⁴⁸. Однако всего в двух километрах от акрополя Сурх Котал обнаружен буддийский памятник, вероятно синхронный ему. Архитектурная декорация, капители, базы идентичны с акрополем, но здесь находились явно буддийские изображения¹⁴⁹.

Территориальная близость символична. Именно на территории Бактрии происходило слияние гандхарского и более поздних индо-буддийских школ искусства с местным бактрийским. Процесс этот необычайно сложен и противоречив, имеет много аспектов. Отметим лишь, что само по себе гандхарское искусство, как блестяще показал Д. Шлюмберже, было бы немыслимо без греко-бактрийского или шире — греко-иранского вклада¹⁵⁰. При этом Д. Шлюмберже считает, что буддийское искусство этого же времени в Гандхаре и небуддийское искусство Бактрии были братьями-близнецами¹⁵¹.

Новейшие открытия еще более подчеркнули значение бактрийского и греко-бактрийского элемента в гандхарском искусстве, Раскопки французской археологической миссии в Ай-Ханум и Южнотаджикской экспедиции — на Тахти Сангин пролили свет на характер и степень влияния эллинистической культуры в Бактрии¹⁵². Халчаян¹⁵³ показал облик бактрийского искусства на рубеже н.э. (Г. А. Путаченко-ва считает — во второй-третьей четверти I в. до н.э.¹⁵⁴) или, что на наш взгляд значительно вероятнее, в первом-втором веках н.э.¹⁵⁵

Как развивалось бактрийское, собственно тохаристанское, искусство в эпоху, последующую за Сурх-Коталом? Можно лишь догадываться, что процессы взаимодействия бактрийского искусства и школ искусства, связанных с буддизмом, а также искусства кочевых народов, в состав владений которых входил в IV–VI вв. Тохаристан, были очень сложными. Широкое распространение в ранне-средневековом Тохаристане буддийского вероучения должно было способствовать еще более глубокому, чем прежде, внедрению буддийского искусства. Вместе с тем следует, по-видимому, предполагать, что небуддийское направление продолжало сохраняться, хотя сфера его применения должна была сузиться. Балалык-тепе разворачивает перед нами яркую картину высочайшего подъема светского небуддийского искусства¹⁵⁶, уходящего своими корнями в местное бактрийское искусство.

¹⁴⁸ Schlumberger D. Descendants non-méditerranéens de Tart grec. XXXVII. 1960. P. 146–147, 159–160.

¹⁴⁹ Ibid. P. 148–49; Id. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India // Proceedings of the British Academy. XCVII. 1961. P. 77–95, см. в частности p. 90–91.

¹⁵⁰ Id. Descendants... P. 160–64.

¹⁵¹ Id. The Excavations... P. 91.

¹⁵² Bernard P., ed. Fouilles d'Aï Khanoum. Vols. I–VIII // MDAFA. XXI–XXXVIII. Paris, 1973–1992. Список работ П. Бернара см.: Bibliographie de Paul Bernand // Bulletin of the Asia Institute. 12. 1998 (2001). P. 3–11.

¹⁵³ Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаян // Искусство. 6. 1964; Она же. Халчаян...

¹⁵⁴ Она же. Халчаян... С. 190.

¹⁵⁵ Эта датировка кажется убедительнее в совокупности с материалами раскопок. Детальное обоснование см: Литвинский Б. А., Седов А. В. С. 29–33.

¹⁵⁶ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История... С. 137–38; ср.: Альбаум Л. И. Балалык-тепе... P. 916–204; Silvi-Antonini C. Le pitture murali di Balalyk Tepe // Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. Suppl., 32. 1972.

Аджина-Тепа дает представление о буддийском искусстве Тоха-ристана, причем представление комплексное, ибо обнаружено, как памятники живописи, так и скульптуры.

После открытия Балалык-тепе с ее живописью, А. М. Беленицкий писал: «Не говоря о том, что благодаря этому открытию, общая картина истории развития изобразительного искусства в Средней Азии становится полнее, живопись Балалык-тепе имеет громадное значение и в другом отношении: она является тем важным звеном, которое соединяет с особой наглядностью среднеазиатское искусство с искусством сопредельных стран, в первую очередь Афганистана и Восточного Туркестана»¹⁵⁷. Ныне это определение, в связи с открытием Аджина-Тепы, следует пополнить: нам сейчас стала известна не только живопись, но и скульптура Тохаристана. Высказывавшееся в литературе мнение (Л. И. Ремпель), что в VII в. «творческая мысль художника в культовом (буддийском) искусстве угаса-ла»¹⁵⁸, является, как показали раскопки Аджина-Тепы, абсолютно беспочвенными, — именно в VII — начале VIII вв. буддийское художественное творчество достигло в Тохаристане и вообще в Средней Азии максимального развития; аджина-тепинская скульптура занимает почетное место в галерее шедевров буддийского искусства.

Рассматривая скульптурные произведения Аджина-Тепы, мы привели ряд аналогий со скульптурами из других областей распространения буддийского искусства. Выявляется, что некоторые, причем существенные, черты аджина-тепинского искусства в значительной мере ведут свое начало из гандхарского искусства. Прослеживаются связи с позднегандхарскими скульптурами Хадды. Кое в чем, несомненно, можно усмотреть воздействие гуптской традиции. Безусловно, имеются параллели с восточно-туркестанской скульптурой. Вместе с тем, особое место занимают связи с Тгна Сардар и с Фундукистаном.

Раскопки Тепы Сардар не завершены, но тем не менее получен богатейший материал, характеризующий последовательные этапы эволюции комплекса — от гандхарского периода (эпоха Великих Кушан) до VII—VIII вв. То же самое относится и к скульптуре. Поздний период Тепы Сардар и Аджина-Тепы дают очень близкие иконографически и стилистически произведения искусства, некоторые скульптурные головы из обоих памятников почти идентичны. Близкой является и техника их изготовления. Как пишут раскапывавшие Тепы Сардар итальянские исследователи, «глиняная скульптура Аджина-Тепы в целом показывает бесчисленные точки контактов со скульптурой Тепы Сардар, особенно в отношении стиля, но также в типологии скульптурных произведений»¹⁵⁹. Тепы-сардарская скульптура позднего периода очень близка фундукистанской, но уступает ей по уровню своего художественного стандарта¹⁶⁰.

Б. Роуленд отмечает в искусстве Фундукистана очень сильную индийскую струю, причем восходящую не к гуптским образцам, а значительно более ранним. Некоторые из фундукистанских изображений являются, как он говорит, «скульптурными двойниками» изображений «индийского стиля» из Бамиана¹⁶¹.

¹⁵⁷ Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. С. 23—24.

¹⁵⁸ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История... Р. 161.

¹⁵⁹ Taddei M., Verardi G. Tapa Sardâr... Р. 134.

¹⁶⁰ Ibid. Р. 132.

¹⁶¹ Rowland B. The Art and Architecture of India... Р. 109.

М. Буссалли подчеркивает большое влияние на искусство Фундукистана среднеазиатского искусства, а именно, живописи и скульптуры Пенджикента, живописи Балалык-тепе. Вместе с тем, как и Б. Роулэнд, он обращает внимание на наличие в Фундукистане произведений явно индийского облика, хотя и на них отразилось среднеазиатское влияние. Он считает, что в Фундукистане представлен «полный сплав» индийских и среднеазиатских элементов¹⁶². В скульптуре Аджина-Тепе именно эта, «индийская» струя выражена менее ярко¹⁶³, быть может, это результат сильного воздействия местных, бактрийско-тохаристанских традиций, о чем мы уже писали выше.

Эти традиции местного светского искусства не только оказывали влияние и как-то преломлялись в буддийском искусстве Аджина-Тепе, но, в некоторых случаях, выступали не в качестве замаскированного фона, а в значительно более обнаженном виде. Мы имеем в виду сцену дароносцев в живописи — о ней говорилось выше, и головы «брахмана» и монахов в скульптуре. Тот факт, что именно изображения монахов и брахманов выделяются из общей массы скульптуры, не случаен. Сошлемся на материалы из Восточного Туркестана.

А. Грюнведель считал, что искусство Турфана имеет исходной точкой Гандхару. Но, как он сам отмечал, в каждом храме можно отметить попытки соединить этот стиль с «...неумелыми наблюдениями с натуры. Среди них замечаются часто вещи прекрасной работы, может быть, иногда по-нашему неправильной, но всегда красивой и изящной. Меньше всего переменился тип будд и бодисатв, больше изменились божества и еще больше низшие и т.п. князья демонов, которые нередко очень реальны в выражении»¹⁶⁴.

Характерно также, что в Тумшуке головы брахманов, как отмечают исследователи, чрезвычайно естественны и даже реалистичны. Высказано предположение, что при изображении брахманов скульптуры Тумшука воспроизводили тип местных жителей¹⁶⁵. Это наблюдение можно перенести и на вышеупомянутые головы из Аджина-Тепе. Здесь в удивительно реалистической манере воспроизведены две головы пожилых людей.

Хотя они отличаются друг от друга и, очевидно, воспроизводят разные этнические типы, но это — местные жители Тохаристана. Художественный образ, представленный этими скульпторами, несмотря на некоторый отпечаток индо-буддийской традиционности, несомненно в значительно большей мере, если говорить о существе дела, связан с бактрийской школой реалистической скульптуры.

Итак, даже незначительная часть бывшего живописного и скульптурного убранства Аджина-Тепе, дошедшая до нас, позволяет представить облик могучей тохаристанско-буддийской школы искусства. Истоки этой школы и ее развитие лежат как в искусстве Индии, так и в искусстве Бактрии; синтез художественных достижений этих стран объясняет своеобразный характер тохаристанско-буддийского искусства. В свою очередь, оно оказало большое влияние на искусство других об-

¹⁶² Bussagli M. Central Asian Painting... P. 40, 48. О гандарской традиции в скульптуре Фундукистана см.: Franz H. G. Buddhistische Kunst Indien... P. 110–11. См. также: Hallade M. Gandharan Art of North India... P. 158, 161; Rowland B. Art in Afghanistan. Objects from the Kabul Museum. London, 1971. P. 43–47.

¹⁶³ У Б. А. Литвинского была возможность изучить фундукистанские коллекции в Национальном музее Афганистана в Кабуле. Фундукистанские скульптуры намного выразительнее, с более замысловатыми ракурсами, намного элегантнее и выполнены в светлых тонах (Национальный музей Афганистана, шифры 65–92, 65–94, 65–95, 65–98 и др.).

¹⁶⁴ Грюнведель А. Краткие заметки... С. 4.

¹⁶⁵ Tournshouq. II. P. 267.

ластей Средней Азии и прилегающих стран. М. Буссальи писал о влиянии среднеазиатских, а не иранских центров искусства, на раннесредневековое искусство Афганистана и Восточного Туркестана, ибо именно в среднеазиатском искусстве имеются «такие типы и тенденции», которые «в сасанидском искусстве или не представлены, или все еще не документированы». И далее он пишет: «Мы должны, следовательно, признать, что определенные тенденции, которые развивались в центрах Сериндии, были в действительности эхом восточноиранских (т. е. среднеазиатских — *Б. Л. и Т. З.*) творений»¹⁶⁶.

Таким образом, это положение, впервые высказанное в трудах отечественных ученых, все шире признается нашими зарубежными коллегами. Однако лишь с раскопками Аджина-Тепа, а затем и Калаи-Кафирнигана мы смогли получить развернутое представление о среднеазиатском буддийском искусстве в лице его тохаристанской школы. Шедевры искусства Аджина-Тепа позволяют глубже и многостороннее понять развитие искусства не только Средней, но и всей Центральной Азии; вклад народов Средней Азии в развитие культуры Востока.

¹⁶⁶ *Bussagli M. Central Asian Painting. P. 36.*

Глава IV

АДЖИНА-ТЕПА И ИСТОРИЯ БУДДИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аджина-Тепа — это буддийский монастырь VII — начала VIII в. н. э. Такое заключение следует из исследования архитектурно-планировочной схемы памятника и найденных в нем произведений искусства. В предшествующих главах изложена наша интерпретация Аджины-Тепы в искусствоведческом и историко-архитектурном аспектах. Однако рассматриваемый комплекс не может быть полностью понят вне более широкого историко-культурного контекста, в отрыве от истории появления и распространения в Средней Азии буддизма и связанных с ним элементов культуры.

Первым, кто попытался охарактеризовать историю буддизма в Средней Азии и на Ближнем Востоке, был Абурейхан Бируни. Почти тысячу лет назад он писал: «В древние времена в Хорасане, Фарсе, Иране и Мосуле вплоть до границ Сирии придерживались буддийской религии до той поры, пока Заратуштра не выступил из Азербайджана и не стал проповедовать маздеизм в Балхе. Его учение понравилось Гуштаспу, и его сын Исфандийад стал распространять это учение в странах Востока и Запада силой и мирным путем. Он воздвиг храмы огня от Китая до границ ар-Рума. Последующие цари отдали этой религии исключительное господство в Иране и Ираке, а буддисты были изгнаны из этих стран и были вынуждены переселиться из них в страны восточнее Балха»¹ «Они поклонялись идолам, остатки их теперь в Индии, в Китае и среди тузгузов; жители Хорасана называют их «шаманан», единственное число — «шаман». Их памятники — «вихары» их идолов и «фархары» — (еще) видны в пограничных областях Хорасана, прилегающих к Индии»².

Так думал ученый хорезмиец. В его словах фактическая история буддизма получила очень слабое отражение³. Однако и до недавнего времени считается, что «реальная история распространения буддизма на территории Средней Азии изучена крайне слабо»⁴. Ниже делается попытка проанализировать в плане истории

¹ Alberuni's India / transl. E. C. Sachau. London, 1888. Vol. I. P. 21; *Абурейхан Бируни. Индия* / пер. А. Б. Халидов, Ю. Н. Завадовский // Избранные произведения. II. Ташкент, 1963. С. 66–67.

² *Абурейхан Бируни. Памятники минувших поколений* / пер. М. А. Салье // Избранные произведения. I. Ташкент, 1957. С. 204.

³ Как отмечает Захау, аль-Бируни не располагал относительно буддизма сведениями из первоисточников. См.: Alberuni's India... Vol. VI. II. P. 237. № 40.

⁴ См.: *Беленицкий А. М.* Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье // КСИА. 98. М., 1964. С. 34.

буддизма в Средней Азии сообщения письменных источников, данные лингвистического характера и археологические материалы⁵. При этом буддизм рассматривается не изолированно, а в связи с другими религиями, имевшими распространение в Средней Азии, прежде всего с манихейством. Следует также оговорить, что общие положения по истории буддизма и его школ, а также по истории других распространенных в Средней Азии религий в нашей работе не освещаются, их изложение можно найти в соответствующих трудах по буддизму, манихейству, христианству и др.

По-видимому, историю буддизма в Средней Азии следует начинать со времен Греко-бактрийского царства, хотя сведения об учении Будды, а может быть, и отдельные приверженцы буддизма могли проникать сюда и много раньше, в ахеменидскую эпоху⁶. В литературе многократно указывалось на изображение ступы на монетах Агафокла, на возможное буддийское происхождение одного из титулов на монетах Менандра и на то, что колесо на его монетах — буддийский символ, и, наконец, на буддийскую традицию о том, что он стал приверженцем учения Будды⁷. В. В. Тарн попытался дать совсем иную трактовку данным греко-бактрийских монет, отрицая отражение в них буддизма⁸, однако его соображения нельзя признать убедительными⁹.

В районе Кандагара, на территории современного Южного Афганистана, буддизм был распространен по крайней мере уже в середине III в. до н. э.¹⁰ Кандагарскую

⁵ См. также отдельное исследование одного из авторов: *Litvinskij B. A. Outline History...*

См. также следующие статьи: *Литвинский Б. А.* Махадева и Дуттхатамани (о начале буддизма в Парфии) // ВДИ. 1967. 3. С. 88–91; *он же.* Среднеазиатские народы и распространение буддизма // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 128–35; *Id.* India and Soviet Central Asia // *India's Contribution to World Thought and Culture*. Madras, 1970. P. 263–274; *он же.* Буддизм и среднеазиатская цивилизация // Индийская культура и буддизм. М., 1972. С. 148–69; *он же.* Распространение буддизма в Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975. С. 191–98; *он же.* Древние связи Индии и Средней Азии (до VII–VIII вв. н. э.) // Россия и Индия. М., 1986. С. 10–25; *он же.* Буддизм... С. 427–507; *он же.* Индийский фактор в цивилизации Центральной Азии // Азия — Диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 153–93; *он же.* Буддизм и буддийская культура Центральной Азии (древность) // Московское Востоковедение. Очерки, исследования, разработки. М., 1997. С. 57–78; *он же.* Буддизм в Центральной Азии (проблемы изучения) // ВДИ. 2001. 4. С. 188–99.

Много отличных исследований по истории буддизма в Центральной Азии изданы Г. А. Кошеленко.

Многочисленные работы Б. Я. Ставиского выходили и в русских, и в иностранных изданиях (см.: *Ставиский Б. Я.* Библиографический указатель. М., 2001), в особенности, Судьбы буддизма в Средней Азии по данным археологии. М., 1998. Многие критики считают эту работу поверхностной. См.: *Сердитых З. В.* Рецензия на книгу Б. Я. Ставиского «Судьбы буддизма в Средней Азии по данным археологии» // Проблемы истории, филологии, культуры. VII. М.; Магнитогорск. С. 358–61; *Кошеленко Г. А.* О новейшей работе относительно судеб буддизма в Средней Азии // ВДИ. 2001. 4. С. 200–211; *Литвинский Б. А.* Буддизм в Центральной Азии... С. 188–199.

См. также: *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.

⁶ Относительно Ирана такое мнение уже высказывалось, см.: *Herzfeld E.* Zoroaster and His World. Princeton, 1947. Vol. II. P. 629.

⁷ Подробно об этом см.: *Lévi S.* Le bouddhisme et les grecs // *Revue de l'histoire des religions*. XXIII. 1. Paris, 1891. P. 40–45; *Droin M. E.* The Nimbus and Signs of Deification on the Coins of the Indo-Scythian Kings // *The Indian Antiquary*. XXXII. Bombay, 1903. P. 429–431.

См. также: *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1950. С. 24; *Smith V. A.* The Early History of India. 4th ed. 1957. P. 239.

⁸ *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. 2nd ed. Cambridge, 1951. P. 160–161, 262–265.

⁹ *Altheim F.* Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter. I. Halle (Saale), 1947. P. 335–337.

¹⁰ Un editto bilingue greco-aramaico di Aśoka / transl. and notes by G. Pugliese Carratelli, G. Levi della Vida, foreword by G. Tucci, introduction by U. Scerrato // *IsMEO. Serie Orientale Roma*. XXI. Roma, 1958; *Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E.* Une bilingue gréco-araméenne d'Aśoka // *JA*. 246. 1958.

билингву Ашоки по праву называют «красноречивым памятником распространения буддизма в направлении Средней Азии»¹¹. О дальнейшем продвижении буддизма на север свидетельствует надпись на глиняном объекте из слоя Беграм I (III–II вв. до н. э.), выполненная кхарошти. В ней Я. Харматта видит буддийское имя. Известно, что в Южной Бактрии вплоть до раннего средневековья существовало среди местных буддистов убеждение о большой древности буддизма, распространителями которого считались два местных жителя, получивших посвящение от самого Будды¹². При всей фантастичности рассказа Сюан Цзяна, повествующего об этом, эту традицию нельзя не учитывать¹³.

Принимая во внимание все имеющиеся в нашем распоряжении материалы, можно высказать предположение, что по крайней мере во второй половине и к концу существования Греко-бактрийского царства, сам факт возникновения которого должен был способствовать (в силу объединения в этом государстве североиндийских областей, территории Афганистана и ряда среднеазиатских земель) распространению буддизма; в Северном Афганистане, а затем и на юге Средней Азии появились буддийские миссионеры и местные адепты учения Будды¹⁴.

Чрезвычайно соблазнительно привлечь при рассмотрении древнейших следов буддизма в Средней Азии данные Авесты — в «Видевдате» трижды (XIX, I, 2, 43) фигурирует Buiti (Buti). В нем Г. Бэйли считает возможным видеть иностранное, заимствованное слово: а именно «Будда» — индийское Buddha, причем конечное *i* он объясняет как результат восточно-иранской адаптации этого слова¹⁵. Эта трактовка опирается на датировку «Видевдата» II в. до н. э., предложенную Э. Херцфельдом. Последний пытается связать с буддизмом эпитет, даваемый Балху в «Видевдате», — *эгэво. драфса* — «с поднятыми знаменами», на основании сопоставления с описанием балхского Наубехара арабскими авторами, которые также подчеркивают обилие и величину знамен¹⁶.

По мнению ряда исследователей, сведения относительно *Σαρμανοι* (санскр. *śramaṇa*) бактрийцев у Александра Полигистора указывают, что в Бактрии уже в I в. до н. э. был широко распространен буддизм¹⁷. Остается неясным, имелась ли в виду собственно Бактрия или речь шла о всей территории Греко-бактрийского царства. Г. А. Кошеленко справедливо подчеркнул, что Маргиана наряду с Бактрией являлась одним из центров раннего среднеазиатского буддизма¹⁸. При этом он считает, что

P. 1–48; A Bilingual Graeco-Aramaic Edict by Aśoka / text, transl. and notes by G. Pugliese Carratelli, G. Garbini, foreword by G. Tucci, introduction by U. Scerrato // *IsMEO. Serie Orientale Roma*. XXIX. Roma, 1964. См. также: Schlumberger D. Une nouvelle inscription grecque d'Aśoka // *Academie des inscriptions et belles-lettres. Comptes Rendus*, 1964, mai. P. 126–40.

¹¹ Harmatta J. Sino-Indica // *AA*. XII. 1–2. 1964. P. 4.

¹² Ibid. P. 4–5.

¹³ The Life... P. 51.

¹⁴ Ср.: Минаев И. П. Несколько рассказов из перерождений Будды // *Избранные труды русских индологов-филологов*. М., 1962. С. 70–71.

¹⁵ Таким образом, хотя мнение Багчи (*Prabodh Chandra Bagchi*. *India and Central Asia*. Calcutta, 1955. P. 32), что уже во времена Ашоки буддизм проник в Бактрию, ещё не может быть доказано, оно представляется вполне вероятным. Напротив, мнение А. Фуше (*Foucher A*. *La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila*. I–II // *MDAFA*. I. Paris, 1942–1947. P. 280–281), что появление буддизма в Бактрии следует относить лишь к концу I в. н. э. или II в. н. э., представляется совершенно неправильным.

¹⁶ Bailey H. W. The Word "But" in Iranian // *BAOAS*. VI. 2. 1931. P. 282–283. Ср.: Herzfeld E. *Zoroaster*... II. P. 755–756.

¹⁷ Herzfeld E. *Zoroaster*... II. P. 754–756.

¹⁸ Lévi S. Le bouddhisme... P. 36–40 (здесь уравнение *Sarmanes* у Мерастена и санскр. *śrâmana* и *Boutta* у Климента Александрийского — *Будда*, и т. д.); Asmussen J. P. *Xuastvânift*. *Studies in Manichaeism* // *Acta*

первое знакомство парфян с буддизмом имело место не позже начала н.э., а появление буддизма в Маргиане относит к I в. н. э.¹⁹ Не исключена, однако, возможность, что и эти даты, во всяком случае первую, следует несколько заглубить. Нам в этой связи хочется обратить внимание на факт, ускользавший от внимания исследователей истории буддизма в Средней Азии.

Согласно цейлонской исторической хронике Mahavamsa, цейлонский царь Дуттхагамани (Dutthagamani), правивший по наиболее убедительным расчетам в 101–77 гг. до н.э.²⁰, после закладки «Великой Ступы» организовал грандиозное празднество, на которое «прибыли многие бхикшу (буддийские монахи. — Б. Л. и Т. З.) из различных зарубежных стран» (Mahavamsa, XXIX, 29). В частности, на Цейлон прибыли «мудрый Mahadeva из Pallavabhogga с 260 тысячами бхикшу, а из Alasanda, города Топаз, пришел сюда Yonamhadham-marakkhita с тридцатью тысячами бхикшу» (Mahavamsa, XXIX, 38, 39)²¹. Здесь, как и в других разделах перечня собравшихся на празднество, число участников явно фантастическое. Для нас существенно другое: можно ли доверять сообщению о самом факте приезда на Цейлон представителей буддийской сангхи из Pallavabhogga и Alasanda. в науке имелись различные точки зрения на степень достоверности этой хроники. Последний (и наиболее авторитетный) ее исследователь, В.Гейгер, полагает, что составленная около начала VI в. н. э. Mahavamsa базировалась на более старых материалах, прежде всего на недошедших до нас работах типа исторических хроник. Важно, что в тех случаях, когда возможна проверка сведений, сообщаемых хроникой Mahavamsa, они, как указывает В. Гейгер, оказываются достоверными²².

Разбирая приведенный выше текст, известный исследователь истории и филологии Индии и прилегающих стран С. Леви считал возможным интерпретировать его в том смысле, что Pallavas — это Pahlavas, то есть парфяне. Alasanda, по его мнению, это Александрия — «Александрия на Кавказе» или «Александрия в Египте»²³. В. Гейгер в примечании к переводу этого текста пишет: Pallava — имя персов (санскрит. Pallava или Pahlava); Bhoggam — может быть «ленивое владение, поместье». И далее: «Александрия в стране греков, вероятно, город, основанный македонским царем в Парапамисадах вблизи Кабула»²⁴. Откуда же прибыл «мудрый Махадева»? Историческая ситуация не оставляет сомнений на этот счет. Очень мало вероятно, что он и его спутники прибыли из внутренних парфянских владений. Речь, скорее всего, может идти о юго-восточных территориях, входивших в состав парфянского государства²⁵. Как известно, эти территории, в частности Сакастан, являлись полунезависимыми уделами. Термин Pañjavabhogga, о значении которого сказано выше,

Theologia Danica. VII. Copenhagen, 1956. P. 135–37. См. также: Marquart J. Grøndahrs nach der Geographie der Ps. Moses Xorenac'i. Berlin, 1901. P. 90; Foucher A. L'art gréco-bouddhique... II. P. 639.

¹⁹ Кошеленко Г. А. [Рец. на:] Грек Т. В., Пчелина Е. Г., Ставиский Б. Я. Кара-тепе — буддийский монастырь в Старом Термезе // ВДИ. 1966. 2. С. 192–193.

²⁰ Kośelenko G. A. The Beginning of Buddhism... P. 180.

²¹ См.: The Mahāvamsa... P. XXXVII. Эту дату также принимает В. Пахула (Rahula W. History of Buddhism in Ceylon. Colombo, 1956. P. 80). Ср.: History of Ceylon. Vol. I. Pt. I / ed. by H. C. Ray. Colombo, 1959. P. 255 (датирует 161–132 до н. э.) и Bechert H. The Date of the Buddha Reconsidered // Indologica Taurinensia. X. 1982. P. 32. № 17; Id. Die Lebenszeit des Buddha — das älteste feststehende Datum der indischen Geschichte? // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse. 1986. 4. Göttingen, 1986. S. 176 (датирует 161–137 до н. э.).

²² The Mahāvamsa... P. 193–194.

²³ Ibid. P. IX–XX. Этой же точки зрения на цейлонскую хронику придерживается Е. С. Семека, у которой мы получили ценные консультации по этому вопросу.

²⁴ Lévi S. Le bouddhisme... P. 45; Asmussen J. P. Xuastvânift... P. 135–136.

²⁵ The Mahāvamsa... P. 194. № 2–3.

как нельзя больше соответствует одной из этих областей. К этому следует добавить, что парфяне, по-видимому, участвовали в торговле, ведущейся в странах, расположенных вдоль Индийского океана, и, следовательно могли попадать на Цейлон²⁶.

Второе из вышеупомянутых посольств действительно, скорее всего, прибыло именно из Александрии на Кавказе, то есть из района современного Кабула²⁷. Это вполне соответствует и другим данным об очень раннем распространении здесь буддизма, с одной стороны, и представлению о том, что здесь продолжало существовать небольшое греко-бактрийское владение — с другой²⁸.

Итак, «цейлонский эпизод» парфянского буддизма указывает на то, что буддизм в юго-восточных территориях Парфянского государства был распространен по крайней мере уже с I в. до н.э. Возможно, что вскоре после этого он проник и в Маргиану. Все это позволяет утверждать, что ко II в. н.э., ко времени Ань Ши-гао, буддизм в Парфии имел длительную традицию. Говоря о дальнейших судьбах буддизма в Восточной Парфии, следует отметить, что, вопреки мнению автора интереснейшего исследования по истории буддизма в Центральной Азии, роль Кушанского царства в распространении буддизма в Парфии и Центральной Азии была неодинаковой²⁹. Лишь в Центральной Азии политические цели Кушанского государства сыграли решающую роль в широком потоке буддийской пропаганды; в Парфии же причины и ход этой пропаганды были совсем другими.

Наиболее древним на территории Таджикистана памятником распространения индийских религиозных учений является надпись, открытая экспедицией А. Н. Бернштама в 1956 г. на Западном Памире, в местности Даршай. Я. Харматта, опубликовавший эту надпись, считает ее древнейшей надписью на кхарошти во «Внутренней Азии» и расшифровывает: «Нарайяна, побеждай!»; на основании палеографического анализа издатель датирует надпись концом II — началом I в. до н.э., при этом палеографические данные, которые могли бы свидетельствовать о более поздней дате (кушанское время)³⁰, в расчет не принимаются. Хронологическое определение этой надписи, свидетельствующей о появлении культа Нарайяны в Средней Азии, нельзя считать, как нам представляется, окончательным. Тем не менее ее можно рассматривать как одна из ранних свидетельств проникновения индийских религиозных учений. Нарайяна — один из центральных персонажей индуизма. Вместе с тем из более поздних хотано-сакских документов из Восточного Туркестана, где встречается «Нарайана Будда», и из согдийско-буддийских, где фигурирует «Нарайана деви»³¹, явствует, что он был включен и в буддийский пантеон. Когда это произошло — неизвестно, поэтому мы не знаем, в какой ипостаси выступает в дар-

²⁶ Об истории этих территорий см.: *Gardner P.* The Coins of the Greek and Scythic King of Bactria and India in the British Museum in London. London, 1886. P. XL–XLVI, 68 f.; *Smith V. A.* Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta. Vol. I. Oxford, 1906. P. 35 ff.; *Id.* The Indo-Parthian Dynasties // ZDMG. 60. 1. 1906. P. 49–72; *Whitehead R. B.* Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahore. I // Indo-Greek Coins. Oxford, 1914. P. 91 ff.; *Hertzfeld E.* Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Vol. IV. Pt. 2. Berlin, 1932. P. 70–85; *Narain A. K.* The Indo-Greeks. Oxford, 1962. P. 140–142; *Массон В. М., Ремондин В. А.* История Афганистана. М., 1964. Т. I. С. 135–139 (там же подробные указания на литературу).

²⁷ *Otto W.* Hippalos (3). Vol. VIII. Stuttgart, 1913. S. 1660–1661; *Debevoise N. G.* A Political History of Parthia. Chicago; Illinois, 1938. P. 45–46. Купцу по имени Гиппалос (ок. 100 г. до н. э.) приписывают открытие возможности использования муссонов в навигации по Индийскому океану; см.: *Шеркова Т. А.* Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). М., 1991. С. 30–34.

²⁸ *Tarn W. W.* The Greeks... P. 421 (№ 4), 460–462 (Excursus: 'Alexandria of the Caucasus and Kapisa').

²⁹ Эта точка зрения была высказана уже П. Гарднером: *Gardner P.* The Coins... P. XL.

³⁰ См.: *Brough J.* Comments on the Third-Century Shan-Shan and the History of Buddhism // BSOAS. 28. 3. 1965. P. 582–612, в особенности p. 586.

³¹ *Harmatta J.* The Oldest *kharosôthî* Inscription in Inner Asia // AOr. XIX. 1. 1966. P. 1–12.

шайской надписи Нарайана — индуистской или буддийской, но вслед за Я. Харматтой склоняемся к последней версии³².

Во всех случаях, распространение буддизма в Средней Азии безусловно усиливается с образованием Кушанского государства, которое в эпоху расцвета значительно превзошло по своей территории Греко-бактрийское царство. Правители Кушанского царства не только благожелательно относились к буддизму, но некоторых из них³³, например, знаменитого Канишку, традиция прочно связала с буддизмом. Исследователи отмечают, что имя Канишки не встречается ни в палийском каноне, ни в официальных китайских историях, ни в «Дуранах», ни в исторических циклах типа *Asokavadaṇa*. Упоминания о нем, сообщения о его тесной связи с буддизмом сохранили отчеты китайских буддийских паломников в Индию, а также тибетские, хотанские, тохарские, согдийские и уйгурские тексты, а также в еще более поздних мусульманских сочинениях. Так, рассказывается о паломничестве Канишки в Кашмир с целью выразить почтение знаменитому буддийскому архату. Согласно знаменитому Сюаньцзану, кушанский царь был глубоко религиозным и набожным человеком, ежедневно читал буддийские сутры и часто консультировался со своим советником Паршва (или Даршвика). Так как монахи разных школ соперничали и ссорились друг с другом, он решил собрать собор, чтобы примирить их. Собравшиеся в конце концов выработали комментарии к учению. Этот и другие рассказы о соборе, как считают многие специалисты, являются скорее поздним вымыслом, другие же считают, что ядро этой истории является историческим. Сохранилась также серия рассказов о тесных связях Канишки с выдающимися буддийскими учеными своего времени. Другая серия рассказов — о постройке им ступы и вихары в Пуришапуре (современный Пешавар), которые были обнаружены и раскопаны — Шах-и-кидхери³⁴.

На золотых и бронзовых монетах Канишки встречается стоящая и сидящая фигура Будды, эти изображения демонстрируют несколько иконографических типов. Надписи: BODDO, SAKAMANO BOUDO и METRAGO BOUDO. Эти надписи являются бактрийской транскрипцией (греческими буквами) пракритско-санскритских имен и титулов: Будда, Будда Шакьямуни и будущего Будды Майтреи.

Количество этих монет невелико и далеко перекрывается монетами с другими изображениями. Как известно, на монетах Канишки есть изображения и ряда других индийских и неиндийских божеств. Было высказано множество гипотез по этому поводу. Некоторые ученые выражают мнение, что помещение изображений Будды на некоторых монетах Канишки отражает его личные религиозные верования (или устремления); другие ученые полагают, что это сделано с целью пропаганды буддийского учения; третьи полагают, что изображения различных божеств поме-

³² Ibid. P. 5—7. О Нарайане см.: *Griegson G. A. The Nārāyaṇōiya and the Bhāgavatas*. Bombay, 1909; *Otto R. Vischnu-Narayana*. Jena, 1923; *Gonda J. Die Religionen Indiens, I // Veda und alteren Hinduismus*. Stuttgart, 1960. P. 246 f.

Нарайана как известно, связан с культом солнца (*Deo S. K. Bhagavatism and Sun-worship // BSOAS*. VI. 3. 1931). Этот культ восходит на Памире к сакским временам и сохранился, разумеется пережиточно, до недавнего прошлого. Не этим ли аспектом культа Нарайаны объясняется его популярность на Памире и в Припамирье?

³³ Другая точка зрения у Б. Я. Ставиского: *Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия...* С. 170. №. 28.

³⁴ В литературе встречается мнение, что уже на монетах Куджулы Кадфиза появляется изображение Будды. Это мнение было выдвинуто В. Смитом и поддержано Р. Уэйтхейдом (*Catalogue of Coins...* I. P. 181—182. Pl. XVII/29). Сидящая фигура на аверсе в какой-то степени действительно отражает раннюю иконографию образа Будды, но некоторые детали заставляют усомниться в правильности ее идентификации как Будды.

шались на монетах с учетом того, с какими странами велась торговля; четвертые — разнообразие божеств отражает многообразие культурно-религиозных разноразличных общин внутри Кушанской империи; пятые — пантеон кушанских монет не имеет ничего общего с религией кушан. Есть и другие объяснения. Так, Д. Розенфилд полагает, что «Канишку» — подобно Константину, привлекали разные религии, и он руководствовался как политическими задачами, так и своими личными духовными потребностями». Он, в соответствии со своей общей концепцией, полагает, что божества на кушанских монетах были кушанскими *comes augusti* — божественными спутниками, поддерживающими и помогающими монархии. Монеты функционировали как инструмент и проводник царской пропаганды, прямое выражение идеологии господствующего класса. Все это очень логично, но все же, если учитывать буддийскую традицию, пусть не совсем достоверную, можно понять заключение С. Конова, что на основании разноразличных источников Канишка скорее всего был буддистом³⁵. Открытие рабатакской надписи имеет важное значение для изучения истории и религиозных взглядов кушан. В надписи упоминаются имена божеств, которым поклонялся Канишка. Это боги зороастризма и индуизма³⁶. В тексте нет ни одного буддийского божества. Можно сказать, что когда была сделана надпись, Канишка не был буддистом. Возможно, он стал им позднее?

Вероятно, стоит провести границу между личными убеждениями Канишки и его религиозной политикой. Необходимо учесть идею К. Танабе, которая кажется мне правильной. Он писал: «Канишка и Хувишка ни в коем случае не были сектантами. Их великодушие и толерантность, возможно, обусловлены тем, что изначально они верили в Шесть Элементов, как древние иранцы. Впоследствии они были готовы принимать новые религии и культы, которые в их понимании были благотворными и стоящими веры»³⁷.

Письменные источники повествуют о большой роли выходцев из Тохаристана в разработке и пропаганде буддийского учения в кушанское время. Знаменитым буддийским богословом был Гхошака, уроженец Тохаристана. Он являлся одним из ведущих участников собора в Цурушапуре и автором составленного там комментария на буддийские канонические тексты Абидхарма Вибхаша. После завершения работы собора Гхошака вернулся в Тохаристан. Этот богослов был, таким образом,

³⁵ См. также: *Konow S.* A Note on the Sakas and Zoroastrianism // *Oriental Studies in Honour of C. E. Pavry*. London, 1933; *Lohuizen-de Leeuw J. E. van.* The 'Scythian' Period. Leiden, 1949. P. 100, 105–106; *Зеймаль Е. В.* Кушанское царство по нумизматическим данным (автореф. дисс.). Л., 1965. С. 14–15; *Droin M. E.* The Nimbus... P. 428–429; *Agrawala V. S.* A Coin of Kanishka with the Figure of the Buddha // *The Journal of the Numismatic Society of India*. VIII/1. 1946. P. 61–62; *Göbl R.* Zwei neue Termini für ein Zentrales Datum der alten Geschichte Mittelasiens, das Jahr I des Kudânkönigs Kanidka // *Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. 7. 1964. S. 140; *Rosenfield J.* The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 29–31, 69–77; *Zürcher E.* The Yüeh-chih and Kanishka in Chinese Sources // *Papers on the Date of Kanishka* / ed. by A. L. Basham. Leiden, 1968. S. 340–350; *Tanabe K.* Kanishka I's Coins with the Buddha Image on the Reverse and Some References to the Art of Gandhâra // *Orient*. X. Tokyo, 1974; *Göbl R.* System und Chronologie der Münzprägung des Kudânreiches. Wien, 1984. Pis. 8/66, 9/73; *Narain A. K.* First Images of the Buddha and Bodhisattvas: Ideology and Chronology // *Studies in Buddhist Art of South Asia* / ed. by A. K. Narain. New Delhi, 1985; *Cribb J.* A Re-examination of the Buddha Images on the Coins of King Kanishka: New Light on the Origins of the Buddha Image in Gandhâran Art // *Studies...* New Delhi, 1985. P. 59–86; *Fussman G.* Monnaie d'or de Kanishka inédite au type du Buddha // *Revue numismatique*. 6e série. XXIV. 1982.

³⁶ *Sims-Williams N., Cribb J.* A New Bactrian Inscription // *Silk Road Art and Archeology*. 4. 1996 (1995/96). P. 77–142; *Sims-Williams N.* A Bactrian God // *BSOAS*. LX. 2. 1997. P. 136–143.

³⁷ *Tanabe K.* Earliest Aspect of Kanishka I's Religious Ideology. A Numismatic Approach // *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity* / ed. by A. Invernizzi. Firenze, 1995. P. 213.

последователем школы Вайбхашика, которая впоследствии разбилась на подшколы, одна из которых называлась западная Вайбхашика; она была связана со «страной Балхика» (Балхом), возможно, ее традиции восходят именно к Гхошака. О важности этой школы для Тохаристана свидетельствует и тот факт, что первый переводчик ее трактатов на тохарский язык был тохаристанцем — известны прямые данные о богослове Дхармамитра, уроженце (Термеза)³⁸.

Итак, в Средней Азии, во всяком случае на юге ее, была распространена школа Вайбхашика — ветвь школы Сарвастивада. Следует отметить, что она относилась к «Малой колеснице». Однако именно учение вайбхашиков характеризовалось рядом существенных моментов, сближающих его с крутом Махаяны. Этому, в частности, способствовала важность, которую «Виная» школы Сарвастивада играла также в круге Махаяны. Считается, что в Хотане Вайбхашика в какой-то степени «вымостила путь» распространению Махаяны³⁹.

В чем сущность доктрины школы вайбхашиков? Если подходить к этому в общем плане, то Махаяна, скорее, развивала субъективно-идеалистическую философию, школы же Хинаяны стояла на позициях объективного идеализма. Такой знаток буддийской философии, как академик Ф. И. Щербатской, подчеркивал материалистические элементы в учении вайбхашиков и указывал, что в некоторых отношениях оно «напоминает современный материализм»⁴⁰.

В своей теории познания вайбхашики исходили из объективности внешнего мира, познание которого осуществляется с помощью восприятия органами чувств. Субстанцией вещей являются пять постоянных элементов. Все объекты в конечном счете сводятся к атомам. В теории познания вайбхашиков имеется сильная материалистическая тенденция, процесс познания содержит элементы диалектики⁴¹.

Будда, считали вайбхашики, был обыкновенным человеком, и после достижения окончательной нирваны он перестал существовать. Но наряду с этим они признавали за ним способность интуитивного постижения истины⁴².

Имеются вместе с тем предположения о распространении и других школ. Анализируя надписи на черепках из Кара-Тепе, Я. Харматта высказал идею, что надписи на кхарошти отражают учение школы Махасангхика, и сделал предположение, что именно эта школа являлась пионером распространения буддизма в Средней Азии⁴³. Другая же часть каратепинских надписей, на брахми, свидетельствует, по его мнению, о распространении учения буддийской школы Сарвастивада⁴⁴, которое проникло в Среднюю Азию позже, при Канишке. Однако при последующей

³⁸ Bailey H. W. Indo-Iranica. III. 5. Tarmita // BSOAS. XIII. 2. 1950. P. 400—403; Prabodh Chandra Bagchi. India and... P. 32—33.

³⁹ Asmussen J. P. Xuastvânift... P. 144. Сопоставление в теологическом плане доктрин учения Сарвастивада и Махаяны проведено японским ученым А. Хиракава, пришедшим к заключению, что на сложение Махаяны оказали влияние, в частности, и учения Сарвастивада. См.: Hirakawa A. The Rise... P. 59—69.

О доктринах учения Сарвастивада и школы вайбхашиков см.: Bareau A. Les sectes bouddhiques du Petit Véhicule // Publications de l'École Française d'Extrême-Orient. XXXVIII. Paris, 1955. P. 131—152.

⁴⁰ Shcherbatsky Th. The Conception of Buddhist Nirvāṇa. Leningrad, 1929. P. 27—29.

⁴¹ Чаттерджи С., Дамма Д. Введение в индийскую философию. М., 1955. С. 189—190; Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1956. Т. I. С. 524—529, 615—617; Bapat P. V., Dutt N. Schools and Sects of Buddhism // The Cultural Heritage of India. Calcutta, 1958. Vol. I. С. 468—471.

⁴² Радхакришнан С. Индийская... С. 530.

⁴³ Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 32—39.

⁴⁴ Ветровградова В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в старом Термезе. Проблемы дешифровки и интерпретации. М., 1995. С. 41—43.

работе над этими надписями стало ясно, что системы индийской письменности в этих надписях не связаны с различными школами буддизма⁴⁵.

Но школа махасангхика, действительно, отражена в термезских надписях. Исчезла ли впоследствии в Средней Азии школа Махасангхика? В Северной Индии, как сообщает И Цзин, в VII в., хотя господствовала школа Сарваствивада, иногда встречались еще и приверженцы школы Махасангхика. Было ли в Средней Азии положение аналогичным — неизвестно. Обратимся к другим, помимо Тохаристана, областям Средней Азии. Так, в «*Sutralamkara*» (IV, 21) содержится рассказ о набожности некоего художника из *Puskalavati*, который посетил страну *Asmaka* (букв. «Каменистая»), где украшал буддийский монастырь. Согласно традиции, «*Sutralamkara*» — труд знаменитого Ашвагхоши, современника Канишки. Другие приписывают этот труд *Kumārāśīla*, основателю школы *Santrāntika*, датируемой II в. н. э. Таким образом, сообщение относится скорее всего ко II–III вв. н. э. Топоним *Asmaka* в сочинении *Brhatsamhita* (14, 22), написанном *Varahamihira* (ум. в 587 г. н. э.), обозначает наименование какой-то северо-западной страны. С. Леви, А. Фуше, а затем сравнительно недавно Д. Аалто, идентифицировали *Asmaka* с Ташкентом⁴⁶. Хотя их аргументация не является бесспорной и оставляет место для сомнений, отнесение этой местности к Средней Азии вполне вероятно.

В первые века н. э. буддизм укрепляет свои позиции и в Маргиане⁴⁷. Через Среднюю Азию буддизм проникает на восток.

Появление буддизма в Китае окутано легендами, пробраться через которые к реальным фактам очень трудно.

«В позднейшее время, — пишет Э. Цюрхер, — введение буддизма в Китае и его ранняя история сделались излюбленной темой буддийской апокрифической литературы. Многие из этих рассказов имели, очевидно, пропагандистское назначение; своими повествованиями о триумфальной встрече этой религии императорским двором и немедленном обращении в буддизм китайского императора или же демонстрацией раннего существования буддизма на китайской почве они были предназначены для усиления престижа буддийской церкви⁴⁸.

Уже в IV–V вв. н. э. буддисты, полемизируя со своими оппонентами, начали утверждать, основываясь на легендах, неправильно интерпретированных (или поддельных) текстах, спекуляциях с хронологией жизни Будды, непонятных древних предметах, что буддизм был известен в Китае в очень древние времена. Один из вариантов гласил, что буддизм был известен в Китае уже в эпоху раннего и среднего Чжоу (XI в. — 256 г. до н. э.), т. е. до фактического появления буддизма⁴⁹. Другая версия состояла в том, что китайцы были обращены в буддизм при Ашоке, причем назывались места, где, якобы, были обнаружены ступы, статуи или другие священ-

⁴⁵ *Fussman G. Documents epigraphiques Kushans // BEFEO. LXI. 1974. P. 59–61.*

⁴⁶ *Foucher A. L'art gréco-bouddhique... II. P. 644.* На важность этого сообщения в нашей литературе впервые обратила должное внимание М. И. Вязьмитина: *Вязьмитина М. И. Раскопки на городище Айртан // Труды Термизской археологической экспедиции. Т. II. Ташкент, 1945. С. 34. № 35. См. также: Aalto P. The Name of Tashkent // CAJ. 21. 2–3. 1977. P. 193 ff.; Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепаи-шах... С. 129.*

⁴⁷ *Кошленко Г. А. Культура Маргианы в античное и ранне-средневековое время // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР, тезисы докладов. Баку, 1965. С. 109; Он же. Культура Парфии. М., 1966. С. 95–97; Id. The Beginning of Buddhism... P. 175–83.*

⁴⁸ *Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 19.* Другим источником была Северная Индия, особенно Кашмир. См. также: *Ibid. P. 269–280; Васильев Л. С. Культы, религия, традиции в Китае. М., 1970. С. 302–304.* См. также: *Меншиков Л. Н. Китайские рукописи // Востоковедные фонды крупнейшей библиотеки Советского Союза. Статьи и сообщения. М., 1963. С. 15. № 23.*

⁴⁹ Текст Вэй Шу см.: *Ware J. Wei Shou on Buddhism // TP. 30. 1953. С. 111–112.*

ные сооружения, воздвигнутые Ашокой. Наконец, Конфуций и Лао-цзы некоторыми буддийскими авторами рассматривались как ученики или проявления (манифестации) Будды (Хоуханьшу, гл. 118).

К числу легендарных относится и сообщение об официальном введении буддизма в Китай при императоре Мин (58–76 гг. н.э.). Это сообщение содержится в «Хоуханьшу»⁵⁰, а также в «Предисловии к сутре из сорока двух глав» и, по мнению современных ученых, восходит к середине III в. н.э. Суть сообщения в следующем: император, побуждаемый сном, в котором он увидел золотого идола, посылает посольство в страну юэчжей (другой вариант — в Индию) для того, чтобы достать священные тексты. Отправление посольства, по разным версиям, состоялось в 60, 61, 64 или 68 гг. н.э., причем, согласно старейшей версии, его возглавлял Чжан Цянь (на самом деле живший во II в. до н.э.). Через три (или двенадцать) лет посольство вернулось с текстом (или переводом) «Сутры из сорока двух глав» и в сопровождении индийских миссионеров. Для них император выстроил первый монастырь Лояне — Баймасы («Храм белой лошади»)⁵¹.

Эта история послужила предметом изучения французского синолог А. Маспéro и китайского ученого Тан Юн-туна. Они, как и позднее Э. Цюрхер и японский исследователь С. Вада, отрицают аутентичность этой истории, считая ее благочестивой легендой, но китайский ученый не исключает возможности, что в этой традиции все же есть какое-то историческое ядро⁵², другие полагают, что посольство имело место, но в части введения буддизма в Китай оказалось безуспешным⁵³, третьи предлагают внести исправление в текст и признать, что посольство прибыло не от Великих юэчжи, а из Гибини⁵⁴. Э. Цюрхер же не считает это сообщение надежным, а С. Вада вообще отрицает его историческую достоверность⁵⁵. Действительно, во 2 в. н.э. кушанский правитель (при любой системе кушанской хронологии) не являлся приверженцем буддизма и буддизм не являлся в кушанском государстве ведущей религией. Нам представляется, что учитывая весь исторический контекст, этот отрывок, подлинность которого действительно не бесспорна, может свидетельствовать с несомненностью лишь о том, какая роль в сино-буддийской традиции отводилась выходцам из страны юэчжей в деле пропаганды буддизма в Китае⁵⁶.

В то же время необходимо согласиться с мнениями таких компетентных специалистов, как Дз. Цукамото и Е. Цюрхер, что на самом деле, как пишет Цукамото, уже в I в. до н. э. «определенное число китайцев, должно быть, приобрели некоторые знания о буддизме. Однако приверженность значительного количества китайских верующих иноземной религии фиксировались в дошедших до нас документах только с началом христианской эры»⁵⁷.

⁵⁰ Hou Hanshu. Chap. 118; текст Вэй Шы см.: Ware J. Wei Shou... P. 111–112.

⁵¹ См.: Rhie M. M. Early Buddhist Art of China and Central Asia, Handbuch der Orientalistik. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 13–19.

⁵² Maspéro H. Communautés et moines bouddhistes chinois au II et III siècles // BEFEO. 101. 1910. P. 95–130; Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 298; Ch'en K. K. Buddhism in China. Princeton, 1964. P. 31–32.

⁵³ Gabain A. Der Buddhismus in Zentralasien // HO. 1. VIII. 2. 1961. S. 498.

⁵⁴ Wada S. On the Date of the Spread of Buddhism to the East // MDTB. 36. 1978. P. 34 ff. (со ссылками на другие работы японских ученых).

⁵⁵ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 24; Wada S. On the Date... P. 34–35.

⁵⁶ Litvinskij B. A. Outline History... P. 10–11.

⁵⁷ Tsukamoto Zenryu. A History of Early Chinese Buddhism. Vol. I. Tokyo; New York; San Francisco, 1985. P. 51, см. также: p. 55–58.

Е. Цюрхер сделал похожий вывод: он считает, что проникновение буддизма в Китай происходило в промежутке с середины I в. до н. э. до середины I в. н. э.⁵⁸

Другое раннее упоминание о буддизме связано с Лю Ином.

Лю Ин, правитель княжества Чу (он был братом императора Мин), как сообщает под 65 г. н. э. «Хоуханыну», глубоко интересовался «учением Хуан-Лао» (т. е. религиозным даосизмом) и вместе с тем выполнял предписания учения Будды и приносил ему жертвы⁵⁹.

Но и это сообщение некоторые современные последователи считают не основанным на реальных фактах⁶⁰. Правление Лю Ина было связано с городом Пэнчэнь. В 193–194 гг. в Нэнчэне одним знатным лицом был воздвигнут большой буддийский храм с позолоченной бронзовой статуей Будды.

По мнению Г. Масперо, именно Пэнчэнь являлся наиболее ранним центром буддизма в Китае, но, возможно (так считает Э. Цюрхер), параллельно с Нэнчэнем развивался и другой буддийский центр — в Лояне.

Много данных о первых буддийских проповедниках содержится в историко-биографических сочинениях о жизни буддийских монахов, но древнейшие из них составлены в начале VI в. и ранние жизнеописания носят легендарный характер⁶¹.

Первое бесспорное упоминание, связанное с распространением буддизма в Китае датируется 65 г. н. э., когда был провозглашен императорский указ, в котором правитель династии Чу удостоен хвалы за то, что он участвует в ритуалах даосизма и буддизма. Текст документа содержит буддийские термины и названия ритуалов. Это говорит о том, что в императорской канцелярии знали буддийскую терминологию. Цюрхер предполагает, что это первое настоящее доказательство распространения буддизма в Китае⁶². Еще одним ранним свидетельством распространения буддизма в Китае является появление образа шрамана в одном из произведений поэта Чжан Хэна (78–139 гг. н.э.), законченном около 100 г. н.э. в Лояне. Шраман у этого поэта — образец аскетической стойкости и неподверженности соблазнам. Однако поэт упоминает шрамана мимоходом. Первая попытка изложить на китайском языке основы буддийского учения относится к началу II в. н.э. (известная «Сутра 42 статей»)⁶³.

К середине II в. н.э. относятся исторические свидетельства о наличии среди населения приверженцев буддизма и росте их влияния; есть прямые указания, что в это время буддийские святилища имелись и в императорском дворце⁶⁴.

⁵⁸ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 24.

⁵⁹ Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Heou Han Chou // TP. 2. 3. 1907. P. 450; Maspéro A. Mélanges posthumes. Vol. 2. Paris, 1934. P. 88–89; Maspéro A. Les origines de la communauté bouddhique de Lo-yang // Journal Asiatique. CCXXV. 1934. P. 87–107; Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 26–27; Wright A. E. The Buddhism in Chinese History. Stanford; London, 1959. P. 20; Rhie M. M. Early Buddhist Art... P. 19–20.

⁶⁰ Wada S. On the Date... P. 34–35; Brough J. Comments on the Third-Century... P. 584.

⁶¹ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 10–11, 27–29.

⁶² Zürcher E. Han Buddhism and Western Region // Thought and Law in Chin and Han Studies Presented to A. Hulswé on the Occasion of His Eightieth Birthday / ed. by L. Idema & E. Zürcher. Sinica Leidensca. 24. Leiden, 1990. P. 159–60. См. также: Литвинский Б. А. Буддизм и буддийская... P. 57.

⁶³ Крюков М. В., Малякин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979. С. 179; Бахтин Б. В. Буддизм и китайская поэзия // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в Средние века. М., 1982. С. 98; Wright A. E. Buddhism in Chinese History... P. 21; Ch'en K. K. Buddhism in China... P. 40–42; Wada S. On the Date... P. 36; Rhie M. M. Early Buddhist Art... P. 20–22.

⁶⁴ Wada S. On the Date... P. 36–37.

Во дворце императора Хуань-ди (147–167 гг.) наряду со святилищами Дао-цзы в 166 г. были и святилища, посвященные Будде⁶⁵.

В китайских исторических сочинениях встречается всего несколько упоминаний о раннем буддизме, причем они носят случайный характер⁶⁶.

Так, в составленном в середине III в. н.э. «Вэйлию» был пассаж об Индии, дошедший до нас в крайне испорченном виде. В нем говорится, что в древности, при ханьском императоре Айди во 2 г. до н. э., некий студент императорской академии, получил от И-цуня, посланника царя Великих юэчжей, устное наставление по буддийской сутре (или сутрам)⁶⁷.

Основываясь на двух поздних параллельных версиях, Э. Шаванн предложил свой вариант, согласно которому студент императорской академии был назначен в посольство к Великим юэчжам. «Царь (юэчжей) приказал своему наследнику устно проинструктировать его в буддийских сочинениях». Тан Юн-тун и Э. Цюрхер, после сличения всех текстов и сопоставления с историческими событиями, пришли к заключению, что более древней является та версия текста, где сценой этого события был Китай.

Некоторые ученые относятся к этому сообщению с доверием. Буддизм в то время уже завоевал определенные позиции среди высшей знати и среди более широких слоев населения.

К концу II — началу III вв. относится подпись на кхароштки из Лояна, в которой упоминается вихара и сангха четырех сторон света⁶⁸.

Подчеркивая легендарный характер многих из вышеприведенных сообщений, следует вместе с тем отметить, что в совокупности они указывают на сравнительно ранние контакты буддизма и Китая.

Эта фрагментарность и неясность источников делает ясным, почему среди синологов до настоящего времени существуют различные гипотезы по поводу того, когда и как буддизм попал в Китай.

Как явствует из сделанного выше обзора источников, «в действительности, остается неизвестным, когда именно буддизм проник в Китай. Он должен был медленно инфильтрироваться с северо-запада /из Средней Азии — Б. Л. и Т. З./, через две ветви континентального Шелкового пути, входящего на китайскую территорию в Дунхуане и через коридор Гансу — к северокитайской долине, где в эпоху ранней Хань располагалась столица город Лоян. Эта инфильтрация должна была иметь место между первой половиной первого века до н.э. (периода консолидации китайского могущества в Центральной Азии) и серединой I в. н.э., когда существование буддизма впервые засвидетельствовано в синхронных китайских источниках⁶⁹.

Это заключение Э. Цюрхера представляется нам вполне убедительным, достаточно осторожным и вместе с тем основывающимся на всей совокупности фактов.

Но следует сделать два серьезных дополнения. В разных по характеру китайских источниках распространение буддизма в Китае так или иначе связывается с юэчжами, с государством юэчжей. Дело в том, что из Средней Азии на восток, в оазисы

⁶⁵ *Ibid.* P. 31–32. Дж. Бро считает, что этот рассказ «слишком похож на сказку» (*Brough J. Comments on the Third-Century... P. 586*). Камата называет его «легендарным» (*Kamata S. Cultural Exchange between India, China and Japan // Indian Contribution Volume. Madras, 1970. P. 315*).

⁶⁶ *Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 18–19.*

⁶⁷ *Franke O. Zur Frage der Einführung des Buddhismus in China // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. 13. 1. Berlin, 1910. S. 295–305.*

⁶⁸ *Brough J. A Kharosṭhī Inscription from China // BSOAS. 24. 3. 1962. P. 520–30.*

⁶⁹ *Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 22–23.*

Восточного Туркестана, и далее, в Китай, во II—III вв. двинулся целый поток буддийских миссионеров. Почему именно в это время они столь настойчиво проповедуют буддизм в указанных регионах?

Кажется, здесь за религиозным рвением кроются вполне земные побудительные причины, а именно те политические цели, которые ставило себе в части Восточного Туркестана кушанское государство⁷⁰.

Второе дополнение касается характера распространения буддизма в Китае — первоначально его распространение происходило с помощью устной проповеди.

Среди наиболее ранних проповедников буддизма в Китае, в Лояне, была большая группа выходцев из Средней Азии. Это двое парфян — Ань Ши-гао и Ань Сюань, трое юэчжийцев — Чжи Лоуцзя-чань (Локакшема?), Чжи Яо и Чжи Лян, двое согдийцев — Кан Мэн-ся и Кан Цзюй (кангюец) (последний, собственно, скорее кангюец).

Наиболее знаменитым являлся парфянин Ань Ши-гао⁷¹. Согласно очень ранней традиции он был парфянским наследным принцем, но отказался от престола (в пользу дяди) и посвятил себя религиозной жизни. Вполне вероятно, что он происходил из Маргианы⁷². О его дальнейшем жизненном пути известно лишь, что он отправился на восток, а в 148 г. поселился в Лояне, где работал над переводами буддийских сочинений на китайский язык вплоть до 170 г.

Разные библиографии приписывают ему от 34 до 176 сочинений и переводов. Наиболее ранняя библиография (374 г. н.э.) содержит 34 названия его сочинений, причем 4 названы с сомнением. Из этого перечня сохранилось 19 трудов, причем лишь 4 из них, на основании данных колофонов или предисловий, бесспорно могут быть отнесены к его сочинениям. В них, как и во всех 19 трудах, нет никаких влияний доктрины Махаяны. Хотя в позднейших буддийских трудах переводы, выполненные Ань Ши-гао, почитались как образцовые, как шедевры, но на самом деле они (по словам В.Меньшиков^{7а}) не более, чем парафразы и извлечения из оригинальных текстов.

И, тем не менее, значение деятельности Ань Ши-гао исключительно велико. Дело не только в том, что он был первой, бесспорно исторической, личностью в области центральноазиатского и китайского буддизма. Именно он начал систематический перевод буддийских текстов, организовав первую переводческую группу. И хотя его переводы были достаточно примитивными, они отмечают начало деятельности, которая должна рассматриваться как важный вклад в китайскую культуру.

Таким образом, Ань Ши-гао явился родоначальником китайского буддизма. Вместе с тем, согласно китайской традиции, он был крупным ученым своей страны

⁷⁰ См. об этом: *Brough J.* A Kharosthî Inscription... P. 586—590, 596—599; *Daffina P.* Sulla più antica diffusione... P. 190—191. Still earlier, Lévi приравнял «обращение Юэчжи в индийский буддизм» «индийской экспансии в Центральную Азию» (*Lévi S.* Notes chinoises sur l'Inde. 4. Le pays de Kharosthra et l'écriture kharosthî // BEFEO. 3. 3. Hanoi, 1904. P. 558).

⁷¹ Его биографию можно найти в труде Хой Чао «Ань Ши-гао» (497—554 гг.), см.: *Shih R.* Biographies des moines éminents (Kao sang tchouan) de Huei-Kiao // Bibliothèque du Muséon. 54. 1. Louvain (Leuven), 1968. P. 4—16; *Хой Чао.* Жизнеописание достойных монахов. (Ань Ши-гао) / пер. М. Е. Ермакова. М., 1991. Т. 1. С. 102—107, 128. Предварительную реконструкцию подлинной иранской формы его имени см.: *Harmatta J.* Sino-Indica... P. 2.

⁷² Попытки идентификации его с каким-либо из членов парфянского правящего дома, например, с сыном Митридата IV или с сыном Пакора II, оказались безуспешными. По правдоподобию предположению исследователей, он мог быть членом правящей семьи в одном из небольших владений. В связи с этим Масперо упоминает область Парфии на границе с Афганистаном: *Debevoise N.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 245; *Maspéro H.* Communautés... P. 189; *Zürcher E.* The Buddhist Conquest... I. P. 32—33.

(т. е. Дарфии), знатоком «семи планет» (солнце, луна и пять планет), «пяти элементов» (металл, дерево, огонь, вода и земля) и, особенно, врачебного дела⁷³. Следовательно, он являлся универсальным ученым. Из всего этого следует, что наряду с распространением буддизма из Средней Азии в Китай с самого начала происходил процесс передачи культурных и научных ценностей, выработанных среднеазиатскими народами.

Второй парфянин Ань Сюань прибыл в 181 г. в Лоян в качестве купца. Он был упасакон и учеником Ань Ши-гао. Вместе с китайцем Янь Фо-те — первым известным по имени китайцем-буддийским монахом Ань Сюань перевел на китайский язык «Уградаттапариприччха». Эта сутра — сводный рассказ о деятельности бодисатвы, она относится к Махаяне. Следует при этом иметь в виду, что Янь Фо-те также считал себя учеником Ань Ши-гао.

По заключению Э.Цюрхера, «сосуществование Хинаяны и Махаяны, характерное для всего раннего китайского буддизма, нашло свое отражение уже во II в. в деятельности «Трех Неподражаемых» — двух парфян и их сотрудника — китайца⁷⁴.

В еще большей степени Махаяна отразилась в деятельности второго поколения переводчиков. Наиболее выдающейся фигурой среди них был юэчжиец Чжи Лоуцзя-чань — вероятно, китайская транскрипция имени Локакшема-юэчжиец. Он работал в Лояне, вместе со своими помощниками, среди которых были индус и три китайца, в 166—168 гг. Локакшеме приписывается более двух десятков переводов. Бесспорно им были выполнены три перевода (два из которых сохранились) — это те сутры, которые рассматриваются в числе важнейших махаянских сочинений. Одно из них — «Аштасахасрика-праджнапарамита» сыграло особо важную роль в последующем распространении Махаяны в Китае. Вообще считается, что Локакшема — распространитель Махаяны в Китае.

Параллельно с Локакшей работал согдиец Кан Цзюй.

Локакшема оставил после себя целую школу переводчиков. Среди них известны его ученики юэчжиец Чжи Лян и ученик последнего Чжи Чань, внук выходца из страны юэчжей, поселявшегося в Лояни. Следует еще упомянуть индийцев Тань-го (Dharmaphala?) и Чжу Да-ли (Mahabala?) и согдийцев Кан Мэн-сян и Кан Сэн-хуй.

К числу переводчиков, родившихся и воспитанных за пределами своей этнической родины, относится знаменитый Дхармаракша. Юэчжиец Фа-ху — Дхармаракша родился ок. 230 г. н.э. в Дуньхуане. Его предки жили там на протяжении поколений. Его семья, вероятно, относилась к числу богатых купеческих семейств. Поэтому он получил хорошее образование, в совершенстве знал китайский язык и литературу. В Дуньхуане он получил посвящение в буддизм, его учителем

был монах-индеец. Затем в поисках священных сочинений, он совершил путешествие на запад через Центральную Азию, и, возможно, достиг Индии. Сообщается, что он был полиглотом и знал различные языки Центральной Азии (называется число — 36 языков). Вернувшись в Дуньхуан, а затем — в собственно Китай с огромным собранием буддийских текстов, он начал энергичную переводческую деятельность. За время с примерно 266 до 308 г. он перевел свыше полутора сот

⁷³ О жизни и переводах Ань Ши-гао см.: Крюков М. В., Малякин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос... С. 180; Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translations of the Buddhist Tripitaka. Oxford, 1883. P. 381—384; Bagchi Ch. Le canon bouddhique en Chine. Les traducteurs et les traductions. I. Paris, 1927. P. 11—37; Waley A. Notes on Chinese Alchemy // BSOAS. 6. 1. 1930. P. 23; Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 32—34; Shih R. Biographies... P. 33—37.

⁷⁴ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 34.

чинений (приписывается ему свыше 210 переводов), семьдесят два его перевода сохранились.

Дхармаракша заново перевел на китайский уже переводившиеся ранее четыре фундаментальных махаянских сочинения: Праджнапарамита-та, Шурангамасамадхи-сутра, Вималакиртинирдеша-сутра, Сукхава-тивьюха-сутра. Кроме того, он перевел пятое сочинение — Саддхар-мапундарика-сутра — «Сутра Лотоса Верной Доктрины», которая заняла особое место среди махаянских сочинений, почитаемых китайскими буддистами. Его прозвали «дуньхуанский бодхисаттва».

Дхармаракша сохранял тесную связь с Дуньхуаном и центрами буддизма в Центральной Азии. Среди его сотрудников были индийцы, один или два кучинца, юэчжиец, хотанец и согдиец. Посольство из Кучи снабдило его в 284 г. рукописью Авай-вартикачкара-сутра. Хотанец Гитамитра привез ему экземпляр Праджняпарамита.

Разумеется, деятельность Дхармаракши, создавшая китайскую махаянскую классику, отражала и те процессы, которые протекали и в центральноазиатском буддизме⁷⁵. Характерно, что среди продолжателей деятельности Дхармаракши называется согдиец Кан Сэн-юань, который ок. 326 г. работал в Южном Китае над переводом праджня-парамитских сочинений.

Среди учеников Дхармаракши упоминаются юамжиец, и, кажется, согдиец. В 281—306 гг. работал над переводами и парфянин Ань Фа-цинъ. Не был связан со своей родиной и родился на чужбине упоминавшийся выше знаменитый переводчик IV в. согдиец Кан Сэн-юань. Но в самом конце IV в. в Китае появляется выходец из Ту-хо-ло (Тохаристана), известный под именем Дхармапандин. После путешествия по различным странам, он прибыл в Китай в 384 г., пробыл там до 391 г., перевел за это время 5 трудов, а затем вновь уехал на запад. Существенно, что он перевел очень важные разделы хинаянских священных книг⁷⁶.

По одному из подсчетов, примерно до конца существования династии Западная Цзинь, до 316 г., среди переводчиков буддийских сочинений на китайский язык было 6 или 7 китайцев, 6 — индийского происхождения и 16, принадлежавших к разным центральноазиатским народностям (6 юэчжийцев, 4 парфянина, 3 согдийца, 2 кучинца и 1 хотанец). Разумеется, это очень примерные цифры, но их можно рассматривать как отражающие общую тенденцию⁷⁷.

Таким образом, среди миссионеров буддийского учения и переводчиков буддийских сочинений имеются выходцы из ряда среднеазиатских областей⁷⁸, что само по себе недвусмысленно свидетельствует, с одной стороны, о степени распространения буддизма и на родине переводчиков — в Средней Азии, с другой — о решающей роли Средней (Центральной) Азии в распространении буддизма в Китае⁷⁹.

⁷⁵ Hui Qiao. Gao Seng zhuan... P. 108. *Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translations...* P. 388—393; *Bagchi Ch. Le canon...* P. 39—44, 47—48, 83—114, 404—405; *Zürcher E. The Buddhist Conquest...* I. P. 34—36, 65—79, 102—103, 202—204, 246; *Tsukamoto Zenryu. Historical Outlines of Buddhism in Tun Huang // Monumenta Serindica.* I. Kyoto, 1958. P. 6.

⁷⁶ *Nanjio B. A Catalogue of the Chinese Translations...* P. 388—393, 404—405; *Bagchi Ch. Le canon...* P. 116—117, 157—160; *Zürcher E. The Buddhist Conquest...* I. P. 46—55, 65—70, 202—204, 246.

⁷⁷ *Brough Ch. A Kharosòthi Inscription...* P. 587.

⁷⁸ Однако нам не встретились указания на выходцев из Ферганы, о которых говорит А. Габэн (*Gabain A. Buddhistische Türkenmission // Asiatica. Festschrift Fr. Weller. Leipzig, 1954. P. 166*). Нет их и в каталоге Нанджио, на который он ссылается.

⁷⁹ В течение первой половины IV в. миссионеры из Индии и Центральной Азии продолжали оказывать влияние на Китай. Среди них упоминаются уроженцы Тохаристана и Согда (*Zürcher E. The Buddhist Conquest...* I. P. 182, 202; II. P. 385).

В результате непрерывной и весьма напряженной переводческой деятельности, к первой четверти IV в. было переведено на китайский язык свыше 1150 буддийских сочинений. С начала IV в. буддизм в Китае вступил в полосу взлета и стал одним из важнейших элементов идеологической и социально-экономической жизни.

Но буддисты — выходцы из Средней Азии были не только в Китае, но и в Индии. В этой связи интересен и следующий факт. Яри раскопках в Таксиле в 1914 г. был найден серебряный сосуд, в котором содержалась маленькая золотая шкатулка с фрагментами костей и серебряный свиток с надписью кхарошти. Помещение, где была сделана находка, могло быть сооружено в середине I — середине II в. н.э.⁸⁰ Надпись выполнена в 136 г. неизвестной эры, в ней содержится пожелание здоровья «великому царю, царю царей, сыну небес, кушану». Надпись касается помещения реликтов Будды в «часовню» бодисатвы в Таксиле, владельцем которой является некий бактриец (*bahlikena*), резидент города Noacha (или Noachaa), который точно не локализуется (где-то в округе Таксилы или Бактр)⁸¹. Содержание надписи показывает, что этот бактриец был представителем кушанской администрации. Таким образом, бактрийцы выступали в роли ревнителей буддийской религии и на ее родине — в Индии.

К чрезвычайно интересным результатам приводит лингвистический анализ манихейско-парфянских и манихейско-согдийских, а также тюркских буддийских текстов. Как известно, основным языком «священного писания» восточноманихейской церкви являлся среднеперсидский. Наряду с этим были и парфянско-манихейские тексты. Согдийцы переписывали их, сопровождая версией на согдийском языке. Большинство манихейских текстов на среднеазиатских языках, открытых в Восточном Туркестане, переписывалось в среде согдийских манихейских общин. Это относится и к парфянско-манихейским текстам. Парфянский язык довольно рано (видимо, уже к V в. н. э.) был вытеснен и сохранился в восточноманихейской церкви как язык мертвый. Поэтому для подавляющей части дошедших до нас парфянско-манихейских текстов характерны бедность лексики, однообразие синтаксических конструкций и стилистических средств. Однако один из парфянско-манихейских магических текстов, найденный в Восточном Туркестане, представляет в этом отношении исключение. Он, как считает В. Б. Хеннинг, издатель и интерпретатор этого текста, был составлен тогда и в том месте, где парфянский был живым языком манихейских общин, то есть в самой Парфии или в областях, непосредственно с ней граничащих, где влияние парфянского языка было очень сильным и где манихейство быстро распространялось проповедниками. В этой связи В. Б. Хеннинг рассматривает вопросы распространения манихейства в Средней Азии.

Основатель среднеазиатского манихейства Мар Аммо (*Mar Ammo*) сделал парфянский язык официальным языком восточного манихейства. Известно также, что он успешно проповедовал в Нишапуре и Мерве, а затем проследовал за Мерв, во владения кушан, и достиг области вблизи Балха, а может быть, даже самого Балха. Позже, в связи с распространением манихейства в среднеазиатском междуречье, парфянский язык в манихейской церкви был заменен согдийским; по предположению В. Б. Хеннинга, это могло произойти во второй половине VI в. н.э., но, по его словам, «в самой Парфии, как в Мерве и Балхе, парфянский (речь идет, как указывалось выше, лишь о языке манихейской церкви. — *Б. Л. и Т. З.*) продолжал употребляться. Об истории манихейской церкви в Мерве и Балхе мы знаем мало, но без сомнения там несколько столетий существовали сильные манихейские общины».

⁸⁰ См.: *Konow S. Kharosòtòhī Inscription...* P. 70–71.

⁸¹ *Ibid.* P. 74–75, 77.

Эти данные о манихействе весьма важны для понимания обстановки, в которой происходило и распространение буддизма в Средней Азии. Однако есть и другая сторона дела. Сам по себе этот магический текст является манихейским, но он обнаруживает сильное влияние литературы северного буддизма. В. Б. Хеннинг показал, что уже древнейшие парфянские манихейские тексты — поэмы, которые можно приписать самому Мар Аммо, содержат некоторые индийские буддийские термины. В парфянских текстах, написанных в IV в., число таких терминов постепенно увеличивается. Магический текст, проанализированный В. Б. Хеннингом, указывает на очень тесный контакт манихеев с буддистами в областях на границе Ирана и Индии. Этот текст должен был быть составлен, скорее всего, в VI в. в Балхе или вблизи от него⁸². Известно, что в парфяно-манихейских текстах встречаются такие чисто буддийские заимствованные термины, как S'qmn bwt — Будда Сакьямуни, smn — шрамана, puyr'n — нирвана, buxs — бикшу, mytrg — Майтрея и др. В свою очередь, в манихейско-согдийских текстах также имеются заимствованные буддийские термины и представления, связанные с буддийской традицией⁸³. О том, что именно согдийцы сыграли важную роль в проповеди буддийского учения как в Средней, так и в Центральной Азии, свидетельствует хотя бы тот факт, что именно из согдийского языка слово «бодисатва» (индийское Bodhisattva, согдийское pwtystß) проникло в среднеперсидский, уйгурский, китайский, через среднеперсидское посредство (bwt'sp) стало источником арабского Budasaf и Joasaph, западной формы легенды о Варлааме и Иоасафе⁸⁴. Роль согдийцев видна и из анализа тюркских буддийских текстов, найденных в Восточном Туркестане. Исследовавшая их А. Габэн отмечает: «Многие основные термины в буддизме тюрков — зороастрийского происхождения, тюрки должны были позаимствовать их на западе (то есть в Средней Азии. — Б. Л. и Т. З.) при посредничестве согдийцев». Она отрицает возможность, что этот процесс произошел на востоке, и полагает, что он — результат контакта западных тюрков с согдийцами в Средней Азии, хотя, разумеется, нельзя исключить и роль согдийской диаспоры⁸⁵. Выше уже приводились факты, свидетельствующие, что на восточный манихеизм наложил сильный отпечаток среднеазиатский буддийский «субстрат». Дополнительным доказательством распространения буддизма в Средней Азии служит то, что и в западном манихействе также имелись определенные, хотя и рудиментарные, отражения концепций буддизма и Будды⁸⁶ — они могли возникнуть, хотя бы отчасти, при парфянском посредничестве. Таким образом, лингвистические данные свидетельствуют о глубоко укоренившейся традиции буддийской религии и древности «буддийского фона» у таких среднеазиатских народов, как согдийцы и парфяне⁸⁷. Лингвисты считают также бесспорным, что

⁸² Henning W. B. Two Manichaean Magical Texts // BSOAS. XII. 1. 1947. P. 49–50; *Id.* Waručân-Īdāh // The Journal of the Greater India Society. XI. 2. Calcutta, 1944. P. 87–90.

⁸³ Asmussen J. P. Xuastvânift... P. 136–147. В этой связи В. Б. Хеннинг писал: «Следует иметь в виду, что согдийцы (или по крайней мере большая часть этого народа), перед тем, как к ним пришли манихейские проповедники, были буддистами» (Henning W. B. Neue Materialien zur Geschichte des Manichaismus // ZDMG. 90. 1. 1936. S. 5). Подробнее см.: Sims-Williams N. Indian Elements in Parthian and Sogdian // Sprachen der Buddhismus in Zentralasien. Wiesbaden, 1983. P. 132–141.

⁸⁴ Bailey H. W. The Word... P. 281–282. Cp.: Henning W. B. Sogdian Tales // BSOAS. XI. 3. 1945. P. 487. Детальное исследование этого сюжета см. в кн.: Lang D. M. The Wisdom of Balahvar... P. 11–64.

⁸⁵ Gabain A. Buddhistische... S. 167–168; см. также: *Id.* Der Buddhismus... S. 501.

⁸⁶ Asmussen J. P. Xuastvânift... P. 136.

⁸⁷ Вообще считается, что идеи буддизма в какой-то степени повлияли на философов-гностикиков, были восприняты ими, а через них самим Мани. См.: Lang D. M. The Wisdom of Balahvar. A Christian Legend of the Buddha // Ethical and Religious Classics of East and West. London; New York, 1957. P. 24.

эти факты могут связываться не только со среднеазиатскими этническими общностями, но и с территорией Средней Азии, хотя проанализированные ими тексты найдены на территории Восточного Туркестана. Все это представляется достаточно убедительным, ибо, как уже отметил Я. Д. Асмуссен, совпадает и с историческими фактами и является достаточно логичным. Так, путь манихейства в Восточный Туркестан пролегал через Среднюю Азию⁸⁸. Средняя Азия оставалась «цитаделью» манихейства и позже⁸⁹.

Сообщения письменных источников и лингвистические данные о распространении буддизма подтверждаются изученными теперь археологическими памятниками, особенно из правобережной Бактрии. Необычайно богат ими район Термеза. В литературе имеются подробные сводки буддийских памятников, это избавляет нас от необходимости перечисления всех объектов и отдельных находок, а тем более их описания. Укажем лишь на некоторые важнейшие памятники.

В самом Термезе Б. Я. Ставиский проводит систематические раскопочные работы на пещерном буддийском монастыре кушанского времени. Это единственный в Средней Азии пещерно-наземный комплекс явно буддийского характера. В толще горы вырублены камеры, состоящие из центрального каменного устоя и обходного коридора. Устой обычно не монолитный — внутри его также имеется помещение. Снаружи, на примыкающей площадке, располагались наземные части монастыря, состоявшие из дворов, ступ, ниш с культовыми изображениями. Сооружения эти находились на разных уровнях⁹⁰.

Опубликована лишь часть раскопок. Согласно Б. Я. Ставискому, «первая группа помещений, вытянувшаяся с юга на север почти на 60 м, включала три больших двора. Посреди одного из них — «северного» — располагалась ступа. Два других, окруженные по периметру портиками с колоннами, были связаны с храмами и святилищами: «средний» двор — с пещерным храмом II—II и наземным святилищем, которое первоначально соединяло его с «южным» двором (позднее этот проход был заложен, а само святилище замуровано); «южный» двор — с пещерным храмом II—I и небольшим наземным храмиком. Стены южных айванов «среднего» и «южного» дворов, обращенные соответственно к наземному святилищу и храму, украшала многоцветная монументальная живопись с изображением знатных донаторов (мужчин и женщин) и сцен из жизни Будды. В западном айване «среднего» двора,

⁸⁸ Asmussen J. P. Xuastvânift... P. 136.

⁸⁹ Adam A. Manichäismus, Handbuch der Orientalistik. I. VIII. 2. Leiden; Köln, 1961. S. 118. Об истории манихейства на Востоке см.: Boyce M. The Manichaean Literature in Middle Iranian, Handbuch der Orientalistik. I. 4. 4. 1. Leiden; Köln, 1968; Ead. Manichaean Middle Persian Writings // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (2). 1983. P. 1151—1165; Klimkeit H.-J. Die manichäische Königtum in Zentralasien // Documenta Barbarorum. Festschrift für Walter Heissig zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1983. S. 225—241; Der Manichäismus in Iran und Zentralasien // Japanische Studien zum östlichen Manichäismus. Wiesbaden, 1986. S. 3—15; Lieu S. Manichaeism in the Later Roman Empire and Medieval China. A Historical Survey. Manchester, 1985; Sundermann W. Mitteliranische manichäische Texte Kirchengeschichtlichen Inhalts // Schriften Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berliner Turfantexte. Berlin, 1981; Id. Studien zur kirchengeschichtlichen Literatur iranischen Manichäer, III // Altorientalische Forschungen. 14. 1. 1987. S. 41—107; Литвинский Б. А., Смагина Е. Б. Манихейство // Восточный Туркестан в древности и средневековье. Этнос. Языки. Религии. С. 508—532.

⁹⁰ Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М., 1964; Буддийские пещеры в старом Термезе. М., 1969; Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972; Новые находки Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975; Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982; Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1996 (все эти работы вышли в серии «Материалы совместной археологической экспедиции» под ред. Б. Я. Ставиского). См.: Ветроградова В. Индийская эпиграфика... Список работ Ставиского см.: Био-библиографический указатель...

между проходами в пещерный храм II—II, в большой нише помещалась первоначально крупная буддийская статуя.

Каждый из храмов имел по замкнутой центральной комнате, служившей, очевидно, святилищем, где располагались статуи и рельефы; эти помещения окружали обходные коридоры: четыре в пещерных храмах и три в наземном... Внутри наземного святилища (между «средним» и «южным» дворами) находилась вотивная ступа, вероятно, уменьшенный вариант ступы «северного» двора. В святилище-шах, очевидно, совершалось поклонение буддийским святыням, а обходные коридоры храмов предназначались для ритуала *п р а д а к ш и н а* — обхода этих святынь.

Как храмы, так и наземное святилище имели по небольшой комнате-келье, где жил, по-видимому, монах, обслуживавший этот или иной храм. Кроме того, над пещерным храмом II—II, образуя как бы второй этаж, но изолировано от этого храма и его двора, размещалась небольшая постройка, состоявшая из 6 или 7 комнат. Одна из этих комнат в последний период существования буддийского культового комплекса служила жильем для монаха более высокого ранга. В комнате, располагавшейся у входа в постройку, находился большой керамический сосуд, вкопанный по венчик в пол, и водоотводное устройство. Здесь, очевидно, входящие совершали омовение. Третье, самое большое помещение этой постройки — сильно вытянутая комната с высоким глинобитным возвышением у торцевой стены. Представляется вполне вероятным, что оно могло использоваться как *к а т х и к а с а л а* — помещение для бесед⁹¹.

В процессе раскопок было открыто значительное число произведений раннебуддийского искусства (живопись, скульптура, коропластик), архитектурных деталей и фрагментов и т.д. Особенно важны обнаруженные здесь многочисленные надписи — индийские, бактрийские, бактрийско-индийские билингвы⁹².

Монастырь Кара-тепе возник в I в. н. э. и существовал до III в. н. э.

Менее чем в 1 км к северо-западу от Кара-тепе открыт другой буддийский комплекс — Фаяз-тепе. Раскопки, проведенные в 1968–1976 гг. Л. И. Альбаумом, вскрыли прямоугольный комплекс (34 × 113 м), вытянутый с северо-запада на юго-восток, а также находящаяся вне сооружения ступа. Комплекс трехчастный. Центральную часть занимает квадратная храмовая часть. Она имеет прямоугольный двор, по сторонам которого находятся двадцать помещений с выходом во двор. Двор окружен колонным айваном вдоль всех четырех сторон, колонны стояла на базах аттического профиля. Стены двора, защищенные айваном, были покрыты монументальной живописью. Во дворе находился водоем с каменным сливом в форме льва. Святилище располагалось в центре дальней части двора. Это квадратное помещение (6 × 6,1 м). Его стены были покрыты росписями. Главная сцена — на южной стене, где имелось две стоящие фигуры Будды. Имелось еще три персонажа. Фигуры Будд переданы почти в натуральный рост. На противоположной стене — фигуры семи мужских персонажей, где главным является центральный персонаж. У всех персонажей ноги широко расставлены, носки опушены вниз. Изображения верхней части фигур, особенно голов, не сохранились. Все персонажи одеты в кафтаны, перетянутые поясами с накладными золотыми бляшками. У фигур с левой стороны

⁹¹ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия... Р. 187.

⁹² Пидавев Ш. Р., Като К. О работах узбекско-японской экспедиции на Кара-тепе в 1998 году // ОНУ. 9–10. 1999. С. 82–85; Пидавев Ш. Р., Като К. Nihon Uzubekisutan kyodo Karatepe kokugaku tyōren syūhyōsu (Jap.). Токуо, 2000. Р. 1–52; Пидавев Ш. Р., Като К. Новое о буддизме кушанской Бактрии // Место города Термеза в истории мировой цивилизации. Ташкент; Термез, 2001. С. 106–108; *они же*. Археологические исследования на буддийском центре Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане — 2000 год. Самарканд, 2001. С. 114–122.

от главной в руках дары. На входной стене, в интерьере, по сторонам от входа по две фигуры, над головой одной — надпись «Фаро». Это имя иранского божества, имевшегося в бакт-рийско-кушанском пантеоне. Доказательно, что это божество изображено на стенах буддийского святилища. На полу обнаружены раскрашенные со следами позолоты скульптуры из глины и алебаstra. В монастыре была и каменная скульптура, в частности с фигурой Будды, сидящего под деревом бодхи, а также блок с изображением головы грифона. Произведения искусства, особенно живопись, характеризуются ярко выраженными эллинистическими чертами, они сходны, в частности, с живописью Мирана.

Отдельный вход имела прямоугольная монастырская часть, у которой был свой двор, вокруг которого комплектовались помещения. Третья составная комплекса — прямоугольная хозяйственная часть, где находилась трапезная, кухня, хранилища и др. В составе буддийского комплекса имелся и храм священного огня.

Круглая в плане ступа, позже заключенная в квадратный футляр, находилась на одной оси со святилищем, но вне сооружения.

С Фаяз-тепе связано много произведений искусства, отсюда происходят многочисленные индийские надписи.

Датировка определяется находками на полах и в обмозке монет «Безымянного царя» и Вимы Кадфиза, т. е. монастырь был возведен скорее всего в I–II вв. н.э. и прекратил существование в III–IV вв. н.э.⁹³

В Термезе выявлены еще некоторые буддийские памятники, в частности, огромная ступа кушанского времени, известная сейчас как «башня Зермала». Она сооружена из пахсы и сырцового кирпича и была облицована жженым кирпичом и камнем⁹⁴.

Другой, не столь крупный буддийский центр, располагался к востоку от Термеза, в Айртаме, также расположенном на берегу Аму-Дарьи. Здесь еще в 30-е гг. был раскопан буддийский монастырский комплекс I–II вв. н.э., который включал помимо ступы, «группу жилых келий, подсобно-хозяйственных помещений, род антового вестибюля и квадратную кумирню за ним, в которой располагались реликварий и вотивная скульптура Будды. Входное помещение имело гладкие стены, завершенные лентой скульптурного горельефного фриза» — знаменитого айртамского фриза⁹⁵. Как установил Б. Я. Ставиский, это был не единый фриз: каждый

⁹³ Альбаум Л. И. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968–1972 гг.) // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 53–58; *он же*. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 44–45; *он же*. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. С. 90–93; *он же*. Грифон из Фаяз-тепе // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С. 60–67; *он же*. О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаяз-тепе) // Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982. С. 56–63; *он же*. Живопись святилища Фаяз-тепе // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990. С. 18–27; *он же*. Буддийская вихара — Фаяз-тепе // Средняя Азия и мировая цивилизация, тезисы докладов. Ташкент, 1992. С. 11–13.

⁹⁴ Стрелков А. Зурмала или Катта-түпе около Термеза // Культура Востока. (1). М., 1927. С. 27–30; Пугаченкова Г. А. Две ступы на юге Узбекистана // СА. 3. 1967. С. 257–261.

⁹⁵ Массон М. Е. Находка фрагментов скульптурного камиза первых веков н. э. // Материалы узбекского Комитета по охране памятников археологии, искусства и природы. I. Ташкент, 1933. С. 1–15; *он же*. Скульптура Айртама // Искусство. 2. 1935. С. 129–34; Вязьмитина М. И. Раскопки на городище Айртам // Термезская археологическая экспедиция. Труды АН Узбекистана. С. 1. История, археология. Т. 2. Ташкент, 1945. С. 23–34; Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940. С. 143–157; Тургунов Б. А. К изучению Айртама...; *он же*. Айртам (к проблеме античной культуры юга Узбекистана) // АКД. Ташкент, 1974; Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии в эпоху кушан. М., 1979. С. 67–68; Ставиский Б. Я. Еще раз об айртамских рельефах // Мировая культура. Традиции и современность. М., 1991. С. 167–171; Pugačenkova G. A. 'The Buddhist Monuments of Airtam // Silk Road Art and Archaeology. II. 1991/92.

из пилонов по сторонам прохода был-украшен рядом из трех блоков фриза по внутренней стороне и одним, повернутым под прямым углом, со стороны фасада. Всего было восемь плит с горельефными изображениями. В комплекс входила также ступа. Монастырь был охвачен оборонительной стеной. На восток от этого памятника располагался второй. Здесь также имелась ступа с подквадратным постаментом и здание с фрагментами наклепных архитектурных деталей. Кроме того, в Айртаме была найдена надпись на каменном блоке, выполненная на бактрийском языке. В ней говорится о действиях важного кушанского чиновника по имени Шудйа, который решил восстановить *bagolaggo*, т. е. «дом богов» — храм, возможно, речь велась о каком-либо из буддийских храмов Айртама⁹⁶.

Буддийское святилище было воздвигнуто на руинах городской стены Зар-тепе, причем оно было «врезано» в городскую фортификацию. Святилище вскрыто лишь частично, так что общая его планировка неясна, сохранность очень плохая. Здесь был открыт алтарь, сложенный из каменных плит, по сторонам которого в каменных подставках были укреплены алебастровым раствором бронзовые чаши. Здесь, очевидно, возжигался огонь. Рядом обнаружены фрагменты глиняной скульптуры Будды, в том числе головы. Поверхность скульптуры была позолочена. Это буддийское святилище относится к позднекушанскому, может быть к посткушанскому времени, к III–IV вв. н.э.⁹⁷

На кушанском городище Дальверзин-тепе, в центре города, к северу от главной городской магистрали Б. А. Тургунов обнаружил и проводит раскопки буддийского храма. О его структуре и архитектурных особенностях по опубликованным материалам судить еще невозможно. Центральным является помещение или скорее двор № 3 размером 11 × 9,5 м. На его юго-восточной стене — ниша, в которой остатки крупной сидящей скульптуры и множество скульптурных фрагментов. Вдоль стен, очевидно, на суфах или постаментах находилась скульптурная композиция и отдельные фигуры (около 30 скульптур). Видимо, были навесы, предохранявшие скульптуры от осадков, это подтверждается наличием в стенах гнезд от деревянных балочек. В нескольких помещениях большое количество фрагментов скульптур. Это целая серия глиняных, глиняно-гипсовых и гипсовых скульптур: Будды, бодисатвы, индуистские божества, деваты, воины и др. Есть крупные скульптуры высотой до 2,5 человеческого роста и менее крупные. Все скульптуры пристенные. Часть скульптур на позднем этапе была обновлена с помощью плотного слоя гипса, который моделировал черты лица, были нанесены новые пластические детали. Стены покрывала полихромная живопись. Датировка — III–IV вв. н.э.

Характерно, что храм построен на развалинах жилого дома, датированного монетами Канишки. Следовательно, в конце его правления или сразу после него позиции буддизма в этом городе упрочились, община расширилась, потребовался новый храм. Его датировка — II–III вв. н.э.⁹⁸

Р. 23–41 (с полной библиографией); *Lo Muzio C.* On the Musicians of the Airtam Capitals // *In the Land of the Gryphons...* Р. 239–257.

⁹⁶ Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Е. В. Открытие бактрийской монументальной живописи в Айртаме // ОНУ. 3. 1981. Фотографию лучше всего сохранившейся плиты с надписью см. в кн.: Древности Южного Узбекистана.

⁹⁷ Пилипко В. Н. Раскопки святилища позднекушанского времени на городище Зар-тепе // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 59–68; Абдуллаев К. А., Завьялов В. А. Буддийские мотивы в городской культуре...

⁹⁸ Тургунов Б. А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзин-тепе (предварительное сообщение) // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989. С. 81–95; Пугаченкова Г. А. В поисках культурных ценностей прошлого // Античные... С. 14–15; Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А. Новый буддийский памятник в Южном Узбекистане // Памятники культуры. Новые открытия.

В 400 м к северу от городской стены Дальверзин-тепе расположено загородное буддийское святилище. Оно находится на месте естественного холма. Здесь в 1967–68 гг. Г. А. Нугаченкова и Б. А. Тургунов произвели раскопки. Святилище было частью врыто в холм, так что возвышались лессовые останцы, которые служили как бы фундаментом. В центре находился подквадратный (8×7,7 м) лессовый останец — постамент ступы. К нему примыкали и его обводили помещения, связанные друг с другом. В северном прямоугольном помещении (5,5×1,8 м) обнаружена крупная скульптура Будды и целая серия скульптур с фигурами буддийского пантеона. Здесь же, судя по прокаленному участку пола, возжигался огонь. В западном помещении (9,9×2,35 м) были обнаружены скульптуры, изображавшие Будду, монахов и правителей и приближенных. И здесь возжигался огонь (в углах зала). В комплексе также имелись служебные помещения. Скульптуры выполнены в глино-гипсовой технике с тканевой прокладкой. Святилище существовало в I–III вв. н.э., затем было разрушено⁹⁹.

Прекрасный образец буддийского кушанского монастыря — это Уштур — мулло, расположенный в Кобадияне, в оазисе Шах, на берегу Аму-Дарьи (примерно в 80 км на восток от Термеза). Раскопки осуществлены Т. И. Зеймаль в 1979–1981 гг., возглавлявшей специальный отряд в составе Южнотаджикской археологической экспедиции (начальник — Б. А. Литвинский). Монастырь — сангхарама состоял из 26 помещений, расположенных по периметру большого квадратного (20,5×21 м) двора. В середине северного фаса, на оси здания, находилось квадратное святилище, храм с П-образным обводным коридором, обращенный широким, дверным проемом и нишей айваном во двор. В комплексе имелся большой, площадью около 100 м зал для собраний монастырской общины (uposathagara). В северо-восточной части монастыря были хозяйственные помещения. Западный, восточный и южный фаса образовывали ряды малых келий. По периметру двора шел колонный навес. Защищенные им стены двора были покрыты сюжетной живописью. Живопись покрывала и стены святилища.

Имелась скульптура. Квадратная ступа находилась на оси со святилищем, но вне здания (о ней см. выше с.)¹⁰⁰.

Помимо этого на территории Северной Бактрии сделано немало отдельных находок произведений буддийского искусства, в том числе фрагментов скульптур, много терракотовых статуэток буддийских персонажей и изображений, связанных с буддизмом¹⁰¹.

Ежегодник. (1988). М., 1989. С. 519–530; *Тургунов Б. А.* К вопросу об иконографии Будды и других буддийских персонажей в искусстве Северной Бактрии поры античности // Средняя Азия и мировая цивилизация, тезисы докладов. Ташкент, 1992. С. 141–142; *Id.* Excavations of a Buddhist Centre at Dal'verzin-tepe // EW. 42. 1. 1992. P. 131–153; *Mkrtyčev T. K., Turgunov B. A.* Dal'verzin-tepe // Culture and Art of Ancient Uzbekistan, exhibition catalogue. Moscow, 1991. P. 123–140; *Мкртычев Т. К., Русанов Д. В.* Второй буддийский храм на Дальверзин-тепе // VI чтения памяти В. Д. Блаватского, тезисы докладов. М., 1999. С. 75–77; *Silvi Antonini C.* The Dal'verzin Temple // In the Land of the Gryphons... P. 259–268.

⁹⁹ *Нугаченкова Г. А., Ртвеладзе Е. В. и др.* Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 90–97.

¹⁰⁰ *Зеймаль Т. И.* Буддийский комплекс Уштур-мулло // АРТ. XIX (1979). Душанбе, 1986. С. 186–202; *она же.* Буддийская ступа у Верблюжьей горки (к типологии ступ правобережного Тохаристана) // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 70–78; *она же.* Раскопки буддийского комплекса Уштур-мулло в 1981 г. // АРТ. XXI (1981). Душанбе, 1988. С. 325–326; *она же.* Буддийский монастырь Уштур-мулло (работы 1982 г.) // АРТ. 1982 (1990). С. 255–261.

¹⁰¹ *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах... С. 22–23, 145–146. Pis. XIX, XX/1; *Пилипко В. Н., Масимов И. С.* Буддийская статуэтка из Ак-калы (средняя Аму-Дарья) // СА. 1969. 3. С. 247–251; *Пидяев Ш. Р.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. С. 73–74. Fig. 3; *Мешкерис В. А.* Отраже-

Среди них особого внимания заслуживают произведения каменной скульптуры. В Термезе, близ упоминавшейся выше башни — ступа Зурмала был обнаружен каменный барельеф с изображением бодхисаттвы. В Термезе были найдены и другие произведения каменной скульптуры буддийского круга. Так, А. С. Стрелков опубликовал крупный фрагмент небольшой статуи сидящего Будды (высота фрагмента 29 см) и часть фигурки бодхисаттвы с согнутой правой рукой, держащей цветок лотоса. А. С. Стрелков в конце 20-х гг. писал о том, что статуя Будды могла быть создана под влиянием гандхарского искусства. Судя по фотографиям, А. С. Стрелков был абсолютно прав. Будда, сидящий в позе padmasana на гладком невысоком постаменте, сверху отграниченном несколькими желобками, был в abhya mudra — Сама поза, расположение рук, характер постаumenta и, особенно, складок платья, прикрывающих ноги, находят полные аналогии в гандхарской скульптуре¹⁰². Надо отметить, что такого рода изображения Будды выступали и как центральная часть больших скульптурных или горельефных композиций.

Б. Я. Ставиский и Г. А. Пугаченкова издали замечательный тер-мезский каменный горельеф с двухъярусной композицией буддийского содержания: крупные фигуры Будд, сидящих в позе padmasana с руками, сложенными в adhya mudra и сзади — коленопреклоненные и стоящие фигуры, выполненные в меньшем масштабе. Б. Я. Ставиский называет этот памятник «рельефом со сценами из жизни Будды». По Г. А. Пугаченковой, крупные фигуры — это бодхисаттвы, а вся сцена трактуется, как воспроизведение обращения аскетов в Бенаресском лесу. Такая трактовка по ряду соображений представляется нам неприемлемой. Скорее всего, на этом горельефе отражен излюбленный в гандхарской скульптуре сюжет: визит к Будде, после его «просветления», божеств, причем слева коленопреклоненный Индра, справа Брахма, имеются также божества низшего ранга. Сцена с некоторыми видоизменениями дважды. Мы не исключаем также и другое предположение, а именно, что на верхней сцене — изображено посещение Индрой и его флейтистом Будды в пещере Индрасала¹⁰³.

Выше упоминалось о находках индийских надписей. Больше всего их найдено на Кара-тепе, по данным 1987 г. — около 140 фрагментов керамики, на некоторых имеется 90 отдельных (целых и фрагментарных) надписей. Кроме того обнаружено 12 настенных надписей и три многоязычных. Индийские надписи выполнены на кхароштии и брахми. Свыше 30 индийских надписей принесли раскопки Фаяз-тепе. Расшифровка и публикация надписей были начаты Т. В. Грек, продолжены М. И. Воробьевой-Десятковской, В. В. Вертоградовой, а также Я. Харматтой, Х. Хумбахом, О. фон Хинюбером, В. А. Лившицем.

Значительная часть надписей — вотивная, есть надписи о личной принадлежности, иногда надписи с сентенциями — поучениями.

ние буддийского культового синкретизма в коропластике кушанской Бактрии // Информационный бюллетень. П. М., 1986. С. 19–30.

¹⁰² Стрелков А. Доисламские памятники Древнего Термеза // Культура Востока (Сборник Музея восточных культур). П. М., 1928. С. 41–44. Figs. 22–23. О гандхарских аналогах см.: Ingholt H. Gandharan... Pis. XI/3–4, XII/3–4.

¹⁰³ Ставиский Б. Я. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961–1962 гг. // Кара-тепе... С. 60–61. Fig. 21; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История... С. 74–76. О гандхарских аналогах см.: Ingholt H. Gandharan Art... С. 68, 87–91 (с дополнительными библиографическими ссылками). Figs. 70–73, 129–136. Индра фигуры 134 и коленопреклоненная фигура слева, изображенные на термезском роскошном рельефе, практически идентичны. Пугаченкова Г. А., Усманова З. И. Буддийский комплекс в Гяур-кале Старого Мерва // ВДИ. 1994. № 1.

Надписи проливают свет на внутреннюю жизнь буддийской сангхи в Бактрии. В двух надписях упоминается *hadevaka-vihara* — «государева вихара», что, очевидно, являлось названием каратепинского буддийского сооружения, в другой надписи говорится о «вихаре сына Гулавхары (Гондофара)» — скорее всего, это имя правителя, может быть не названного в других надписях. Была, как будто, и *oka-vihara* — «Вихара-прибежище».

Судя по наличию бактрийских надписей и билингв, среди монахов были местные жители — бактрийцы. Бактрийцами, безусловно, являлись местные буддисты-миряне. Монастыри получали много посвященных даяний, в качестве таковых в надписях упоминаются различные сосуды. В качестве донаторов выступают буддийские монастырские наставники, например «превосходный проповедник дхармы».

Буддхашира и другие, а также миряне, прежде всего местный государь, представляли знати¹⁰⁴.

В Термезе, судя по надписям, была распространена школа маха-сангхиков. Это одна из ранних буддийских школ, которая сыграла значительную роль в развитии положений, способствовавших возникновению доктрины махаяны. В одной из надписей содержится выражение: «в страданиях всех живых существ пусть же будет сожжено сердце!» Как считает В. В. Вертоградова, «этот призыв, впервые встречающийся в эпиграфике, определенно указывает на концепцию *mahakaruṇa* — «великое сострадание», засвидетельствованную уже в школе махасангхиков и развитую в махаяне¹⁰⁵.

Благодаря работам Н. Симс-Уильямса, мы получили новые данные о распространении буддизма в пост-кушанское время. Среди иранских надписей Шаттала (Пакистан) есть бактрийская надпись «Почтение Будде». Стоит также упомянуть бактрийские буддийские рукописи, датированные примерно V в. Эти тексты относятся к Буддизму Чистой Земли¹⁰⁶.

Распространение буддизма в Согде отмечено таким памятником, как культовое сооружение в долине Санзара. Судя по устным сообщениям, в этом сооружении были крупные бронзовые статуи Будды, вокруг которых стояли бронзовые же фигуры сидящих львов. Сохранившаяся фигурка льва и китайское зеркало восьмиарочного типа позволяют считать вполне вероятной датировку этого сооружения временем I–II вв. н.э. (как предлагал Л. И. Альбаум)¹⁰⁷.

¹⁰⁴ См. публикации Т. В. Грека, В. В. Вертоградовой, В. А. Лившица, Я. Харматты, Х. Хумбаха в серии, посвященной Кара-тепе, и следующие работы: *Vertogradova, V. V. Indian Inscriptions and Inscriptions in Unknown Lettering from Kara-tepe in Old Termez* // The 31st International Congress of Human Sciences. Tokyo; Kyoto, 1983. М., 1983; *Ead. Notes on Indian Inscriptions from Kara-tepe* // Summaries of Papers Presented by Soviet Scholars to the VIth World Sanskrit Conference, October 13–20, 1984. Philadelphia; Moscow, 1984. P. 160–171; *Воробьева-Десятовская М. И.* Новые памятники письмом кхароштки из Термеза // ВДИ. 1974. 1. С. 116–126; *она же.* Памятники письмом кхароштки и брахми из Советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 22–96; *Hinüber O. von.* A Brāhmī Inscription from Kara-tepe // Studies in Indo-Asian Art and Culture. 1980. P. 123–125; *Вертоградова В. В.* Некоторые проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Кара-тепе // Информационный бюллетень МАИКЦА. 13. М., 1987. С. 20–40; *она же.* Индийская эпиграфика...

¹⁰⁵ *Вертоградова В. В.* Некоторые... С. 24. О школе Махасамгика см.: *Bureau A.* Les sects bouddhiques... P. 55–74.

¹⁰⁶ *Sims-Williams N.* A Bactrian Buddhist Manuscript // *Buddhist Manuscripts* / ed. by J. Braarvig. Vol. 1. Oslo, 2000. P. 527, 536; *Id.* The Indian Inscriptions of Shatial // *Indologica Taurensia*. Vols. XXIII–XXIV. Torino, 2000. P. 275–77.

¹⁰⁷ *Альбаум Л. И.* Буддийский храм в долине Санзара // ДАН УзССР. 8. 1955. С. 57–60. Figs. 1–3. Сомнения Б. Я. Ставиского в этой датировке (*Ставиский Б. Я.* Средняя Азия, Индия, Рим. С. 175–176) неосно-

Судя по археологическим памятникам, буддизм достиг и Хорезма. В первые века н.э., как писал С. П. Толстов, «индо-буддийское влияние (в Хорезме) отражено в появлении миниатюрных изображений индийских санктuariев — «ступ», в чуждых хорезмийской традиции изображениях обезьян...сидячие обнаженные мужские статуэтки также вводят нас в круг буддийских образов»¹⁰⁸. Но в целом воздействие буддизма на хорезмийскую культуру было, по-видимому, незначительным¹⁰⁹.

Буддийские памятники открыты и на юго-западе Средней Азии, в Маргиаве, в Мерве. В юго-восточном углу древнейшего мервского городища Гяуркала расположен буддийский памятник, состоящий из ступы и сангхарамы. Ступа представляет монолитную цилиндрическую башню диаметром ок. 10 м. Она стояла на квадратном постаменте-платформе (13, 3 × 13 м), имевшей высоту 3,5 м. Главным фасадом был северный. С севера на платформу вела декоративно-парадная Асе: лестница длиной 6,3 м. Предпалагастоя также наличие пандусного подъема с двух сторон (у основания и на уровне платформы). Лестница была фланкирована колоннами. Верхние имели диаметр 2,6 и 1,6 м и находились на расстоянии 5,6 м друг от друга. На колоннах сохранились остатки резного штука. Боковая стенка лестницы и стенки платформы сохранили остатки полихромной живописи. Перед лестницей на специальном постаменте находилась огромная статуя Будды.

Сооружение пережило четыре периода. Первоначально ступа была сравнительно небольшой — диаметром около 4 высотой 3,4 м. В кладке применялся жженный и сырцовый кирпич (42–45 × 42–45 × 10–12 см). Платформа впоследствии дала просадку и в трещине найдены монеты Шапура II (309–379 гг.), керамика из кладок, попавшая, очевидно, при замесе глины из окружающего культурного слоя, относится ко II в. до н.э. — II в.н.э. Строительство ступы, следовательно, началось не ранее второй пол. III в.н.э. Позже был сооружен контрфорс из сырца 40 × 40 × 10 м. Во втором периоде барабан ступы был взят в футляр, увеличился в диаметре, но не в высоте. Во втором периоде расширяется и повышается платформа, башня ступы была взята в футляр и ее диаметр достиг 6,8 м, вокруг башни был сооружен коридор.

Во II периоде ремонтировался западный фас пандуса, был возведен контрфорс. Перестраивается купольная часть первоначальной ступы. Купол становится овальным, его высота 6 м от уровня первоначальной платформы.

В III периоде на северном фасе сооружается декоративная лестница с огромной фигурой Будды на постаменте перед основанием лестницы. Платформа была повышена на 1,5 м, основание первоначальной ступы оказалось замурованным. Башня ступы была взята в новый футляр, ее размеры увеличились. Купол ее стал полусферическим, облицованным алебастровой штукатуркой. В основании лестницы были поставлены 2 колонны.

В IV период на ручках старой ступы производится капитальная перестройка. Поднимается платформа, перестраивается ступа. Перестройку датируют монеты Шапура II (309–379) и Кавада (488–531). У основания лестницы была замурована ваза с уникальными живописными сценами. В вазе находились буддийские рукописи (о них ниже). Рядом также была замурована голова глиняной статуи, разру-

вательны, а предложенная им альтернативная датировка — VII–VIII вв. (*Ставиский Б. Я.* Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии. Из итогов раскопок Кара-тепе — буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе // Доклады по этнографии. Географическое общество СССР, отделение этнографии. I (4). Л., 1965. С. 28) — совершенно невероятна.

¹⁰⁸ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 160; *Ставиский Б. Я.* Средняя... С. 176. Fig. 24.

¹⁰⁹ Массон В. М. Хорезм и Кушаны // ЕВ. XVII. М.; Л., 1966. С. 83.

шенной в то время. Здесь же был замурован керамический реликварий-урна. Она была установлена на площадке из жженных кирпичей. Над урной, в специальной нише, находились 7 глиняных табличек с изображениями сидящего Будды и других персонажей, в также индийские надписи. Этот период, как и гибель ступы, относится к VI в.

Как писал изучавший статую Будды (от которой сохранилась лишь голова) Г. А. Кошеленко, она (высота 0,75, ширина 0,35–0,50 м) также пострадала. «Имеются свидетельства нескольких подновлений скульптуры, первоначально она была окрашена в розовый, затем в желтый и, наконец, красный цвет. При всех перекрасках глаза всегда оставались голубыми, брови коричневыми, губы ярко-красными, волосы — синими. Хотя пропорции головы довольно вытянутые, в целом она производит впечатление тяжеловесности (из-за широкой нижней части)». По мнению Г. А. Кошеленко, голова может датироваться временем около 300 г. н. э. Г. А. Пугаченкова относит голову ко времени сооружения комплекса. Она предполагает, что стоящая или лежащая фигура Будды с этой головой находилась в одном из помещений сангхарамы.

В 4–5 м к югу от ступы расположено здание сангхарамы. Она занимала площадь около 140 м с несколькими десятками помещений (вскрыто 32 помещения). Прослежено членение на монастырскую и храмовую части. Найдены сасанидские монеты V–VI вв. Первоначальное ядро было небольшим. Во второй период возводится по единому плану с центральным двором, вокруг которого группировались помещения: к западу — храмовая часть, к востоку — монастырская часть, в юго-западном углу — хозяйственная часть. В монастырской части было восемь помещений с нишами. Частая находка — светильники. Центром храмовой части было помещение XVII (5,8 × 5,8 м) с входом, обращенным к ступе. С трех сторон помещение имеет обводные коридоры, их стены были первоначально покрыты живописью. Храмовая часть была ограждена мощными стенами. Помещения были украшены лепниной, живописью и скульптурой.

Проблема датировки комплекса вызвала большие колебания у изучавших ее ученых. Первоначально считалось, что возведение комплекса относится ко второй половине I–II в.н.э. Б. А. Литвинский вскоре обратил внимание, что скульптура должна быть более поздней. Затем специалистами, изучавшими ступу, было высказано мнение, что возведение комплекса датируется IV–V или V в. н. э. Комплекс перестал функционировать в VI в. н. э.¹¹⁰

Именно в это время была возведена другая ступа. Она однотипна с первой, но сохранилась значительно хуже. Она состоит из квадратной платформы 15,4 × 16,6 м, высота ее меньше, чем у первой. Платформа сложена из квадратных кирпичей 40 × 40 × 12 см. На ней возвышалась цилиндрическая башня диаметром ок. II м. Здесь же был найден глиняный сосуд, в котором находились 4 каменные статуэтки и одна

¹¹⁰ *Массон М. Е.* Из работ Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. С. 51–56; *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. С. 95–96; *он же.* Уникальная ваза из Мерва // ВДИ. 1966. 1. С. 92–105; *Id.* The Beginning of Buddhism... Р. 175–178; *он же.* Родина Парфии. М., 1977; *Усманова З. И.* Буддийский памятник в Мерве // Сборник научных трудов Ташкентского гос. университета. 533. Ташкент, 1977. С. 12–22; *Кошеленко Г. А.* Исследование буддийских памятников в Мерве // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984. С. 137–141; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / ред. Г. А. Кошеленко. М., 1985. С. 234–235. *Пугаченкова Г. А., Усманова З. И.* Буддийский комплекс в Гяур-кале Старого Мерва // ВДИ. 1994. 1. С. 142–171; *Eaead.* Buddhist Monuments in Merv // In the Land of the Gryphons... Р. 51–81; *Callieri P.* Nephthalites in Margiana? New Evidence from the Buddhist Relics in Merv // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Atti del convegno dell'Accademia dei Lincei. Roma, 1996. Р. 391–421; *Кошеленко Г. А.* О новейшей работе... С. 206–208.

фигурка из слоновой кости, а также несколько монет Хосрова I Ануширвана (531–539) и листы буддийской рукописи¹¹¹.

В ходе раскопок в Старом Мерве было обнаружено множество произведений искусства, включая гандхарские каменные скульптуры, памятники, буддийские рукописи и др. Итальянский ученый П. Кальери высказал свои ценные наблюдения по поводу них; памятники письменности изучала М. И. Воробьева-Десятовская¹¹².

Недавно проблеме буддийской общины в Мерве посвятил специальную работу Б. Я. Ставиский. Дав обзор уже известных буддийских археологических материалов из Древнего Мерва, Б. Я. Ставиский сосредоточивает свое внимание на вопросе о проникновении буддизма в Мерв, Маргиану, Иран. Он почему-то полагает, что высказанные М. Е. Массоном, Г. А. Кошеленко и Б. А. Литвинским соображения на этот счет целиком зависели от высказанной первоначально, довольно ранней, датировки первой буддийской ступы в Мерве, и перенос этой даты на более позднее время, по его мнению, заставляет пересмотреть всю историю буддийской общины в Мерве. Он думает, что появление «буддийской общины в Мерве следует относить к кушано-сасанидскому времени, когда власть сасанидского Ирана распространилась на Бактрию-Тохаристан, где буддизм пустил крепкие корни еще одним-полтора столетиями раньше — во время расцвета Кушанской державы. Скорее всего, буддисты в сасанидском Мерве появились именно из Тохаристана¹¹³. Все это заключение выглядит абсолютно неубедительным. Сведения письменных источников (китайских и цейлонских) остаются. Что же касается археологических памятников, то может ли Б. Я. Ставиский заверить, что в самое ближайшее время или в будущем более ранние памятники в Мерве и в его округе не будут найдены? Лишь после вскрытия всей территории памятников (а до этого нужны гигантские работы!) можно будет что-либо утверждать, опираясь на «отсутствие». Сейчас же это абсолютно некорректно.

Чем объясняется столь широкое распространение буддизма в Средней Азии в первые века н.э.? Это очень сложная проблема, для решения которой мы еще не располагаем достаточными данными. Нам уже приходилось отмечать, что южные области Средней Азии и Северная Индия начиная с эпохи Ахеменидов нередко и на длительное время входили в одни и те же государственные образования, между этими областями устанавливались довольно тесные экономические, культурные и религиозные связи¹¹⁴. Именно в таком контексте, а не как изолированный феномен следует рассматривать и проникновение буддизма. Однако широкое распространение его в Средней Азии могло иметь место лишь в том случае, если он по своему характеру соответствовал определенным потребностям среднеазиатского общества. Как известно, вопросы истории и эволюции раннего буддизма разработаны еще недостаточно. В советской и зарубежной литературе существуют противоречивые определения характера раннего буддизма, оценки его социальной роли в индийском обществе.

Чрезвычайно интересен, хотя и не во всем бесспорен, анализ раннего буддизма, проведенный индийским историком Д. Чаттападхья. Он считает, что Будда (и

¹¹¹ Ртвеладзе Е. В. Новый буддийский памятник в Старом Мерве // Труды ЮТАКЕ. XV. Ашхабад, 1974. С. 231–235; Кошеленко Г. А. Родина парфян... С. 110–112.

¹¹² Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмом кхароштии... С. 69–85; Callieri P. Nephthalites in Margiana?...

¹¹³ Ставиский Б. Я. О буддийской общине в Мерве // Культура Востока: проблемы и памятники. Краткие тезисы. СПб., 1992. С. 73–76.

¹¹⁴ См.: Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов // Индия в древности. М., 1964. С. 158; он же. Древние связи Индии...; он же. Индийский фактор...

ранний буддизм) предлагал народу «иллюзию свободы, равенства и братства, которые, как неизбежный результат законов социального прогресса, попирались и подрывались в действительности. Именно в этом величие и в то же время ограниченность раннего буддизма»¹¹⁵. Анализируя известные данные, Д. Чаттопадхья и немецкий индолог В. Рубен пришли к выводу, что древнейшие буддийские общины стремились воспроизвести многие черты родоплеменной организации. Разумеется, сходство было иллюзорным. Сангха могла стремиться к изоляции от наполненного социальными противоречиями общества, но создание этого искусственного изолированного «микросоциума» отнюдь не меняло существа общества в целом¹¹⁶. Известное буддийское положение, сравнивающее сангху, в которой уничтожены все кастовые различия, с океаном, в котором теряется всякое различие между водой каждой из пяти великих рек, в него впадающих, как показывают конкретные факты из истории индийского буддизма¹¹⁷, было лишь декорацией, но оно свидетельствовало о демократической струе в буддизме. Эта струя продолжала существовать и в раннем буддизме первых веков н.э. Учителю Ка-нишки, известному Ашвагхоше, приписываются слова о равенстве всех человеческих существ¹¹⁸.

Не исключено, что именно в этом следует видеть одну из главных причин широкого распространения буддизма в Средней и Центральной Азии. Здесь были очень сильны родоплеменные традиции, а во многих местах — и родоплеменной быт и именно «уравнительные» стороны буддийской сангхи, умело маскировавшие ее подлинную сущность, привлекали широкие массы населения Средней Азии. Разумеется, здесь никак не следует преувеличивать. С самого возникновения и особенно в первые века н.э. верхушка буддийской сангхи вполне сознательно и целеустремленно адресовалась к правящему классу, к центральным и местным властям, убеждая их помогать, контролировать сангхи и способствовать распространению буддийского учения или хотя бы проявлять веротерпимость. На Цейлоне, например, со II—III вв. буддийским общинам дарились водоемы, каналы, поля и даже права на сбор налогов с полей. В Китае же с конца III в. многие представители аристократии «становились патронами (буддийской церкви), основывая монастыри и храмы, снабжали сангхи деньгами, пищей, строительными материалами, статуями и различными объектами культа; иногда они оплачивали переводы священных текстов»¹¹⁹. Однако сами представители господствующих классов не часто становились монахами, а довольствовались ролью благочестивых мирян. Иногда правители и высшие чиновники использовали буддийских монахов в качестве советников в светских делах¹²⁰. В Средней Азии этот процесс мог иметь место уже в кушанскую эпоху¹²¹.

¹¹⁵ Чаттопадхья Д. Локаята Даршана. М., 1961. С. 506.

¹¹⁶ Там же. С. 523 сл.; Ruben W. Die Philosophie Buddhas // История и культура древней Индии (к XXVI Международному конгрессу востоковедов). М., 1963. С. 245—246. Несмотря на оговорки, по существу, к этой точке зрения примыкают и некоторые другие авторы. См., например: Dutt S. Buddhist Monks... P. 86—87.

¹¹⁷ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 9.

¹¹⁸ См.: Krishna K. Political and Social Thought of the Buddhist Writers of the Early Christian Era. Vijâyawada. P. 12, 16, 17.

¹¹⁹ Г. Ольденберг пишет: «...фактический состав кружка учеников Будды и вообще состав древней общины отнюдь не соответствует теории о равноправии всех»; в буддизме «оставалась решительная склонность к аристократии» (Ольденберг Г. Будда. Его жизнь, учение и община. М., 1898. С. 150).

¹²⁰ Семека Е. С. Система управления древних монастырей Цейлона по материалам сингальской эпиграфики // Индия в древности... С. 248.

¹²¹ Семека Е. С. Система управления древних монастырей Цейлона по материалам сингальской эпиграфики // Индия в древности... С. 248.

Разумеется, в деле распространения буддизма в Средней Азии могли сыграть положительную роль и многие другие факторы. Серьезное значение имела удивительная приспособляемость буддизма к местным условиям и включение в него некоторых среднеазиатских культов — свойства, в отношении которых в Средней Азии с буддизмом могло соперничать лишь манихейство¹²².

Выше мы уже писали, что распространение буддизма в Средней Азии повлекло за собой распространение буддийского учения и за ее пределами — в Восточном Туркестане и в Китае¹²³. В разных по характеру китайских источниках распространение буддизма в Китае связывается с государством юэчжи, т. е. с Кушанской империей. Из Средней Азии на восток, в оазисы Восточного Туркестана и Китая, шел поток буддийских идей, вероучения, философии, который сопровождался распространением многих светских элементов, даже пластов индийской и среднеазиатской духовной и материальной культуры. В этом процессе свое место занимает и буддийская культовая архитектура¹²⁴. Учитывая даты проникновения буддизма в Восточный Туркестан и Китай, следует полагать, что буддийские культовые сооружения могли реально появиться там не ранее второй половины II в. н.э. или уже в III в.

В непосредственной близости к Восточному Туркестану, к востоку от него, находится буддийский пещерный комплекс Дуньхуана, где по подсчету 1951 г. было 469, а по подсчету 1957 г. — 480 пещер, по данным Дуньхуанского института культурных памятников, относящихся к началу 80-х гг., было выявлено 492 пещерных комплекса¹²⁵.

В датированной 698 г. надписи на стене перед одной из пещер Дунь-хуана сообщается, что в 366 г. шамана Ло-Цзунь, пройдя леса и долины, «достиг этой горы. Внезапно ему явилось видение в вспышке сверкающего золота, что здесь — тысяча будд....И /Ло-Цзунь/ построил пещеру. Затем сюда с востока пришел знаток дхьяни по имени Fa-liang. Он, в свою очередь, построил рядом с пещерой Ло-Цзуня другое

¹²² См.: *Asmussen J. P.* Xuastvânift... P. 11; *Henning W. B.* The Murder of the Magi // *JRAS.* October 1994. P. 136–137; *Id.* Two Manichaeans... P. 39.

¹²³ *Zürcher E.* The Buddhist Conquest.... I. P. 22–23; см. также: *Литвинский Б. А.* Буддизм // Восточный Туркестан... С. 441–442; *Brough J.* Comments on the Third-Century... P. 63, 586–590; *Daffinà P.* Sulla più antica diffusione... P. 190–191. Существовал еще один путь распространения буддизма: из Северной Индии в южные оазисы Центральной Азии, в частности Хотан. Именно там была обнаружена копия классического буддийского текста Дхармапады, датируемая I или II в. Следовательно, буддийские общины должны были существовать в то время на юге Центральной Азии: *Brough H.* The Gāndhārī Dharmapāda. London Oriental Series. 7. London; New York; Toronto, 1962; *Литвинский Б. А.* Буддизм... С. 445–446, 451–452.

¹²⁴ *Sickman L., Soper A.* The Art and Architecture of China. 2nd ed. London, 1980. P. 228.

¹²⁵ Дуньхуану посвящена обширная литература. Его описывали Мизуно и Нагахиро (*Mizuno S., Nagahiro T.* Yun-kang: The Buddhist Cave-Temples of the Fifth Century A.D. in North China. Detailed Report of the Archaeological Survey Carried out by the Mission of the Tōhō Bunko Kenkyūsho 1938–45. 6. Kyoto, 1951. P. 110–112). См. работы, относящиеся к данной теме, на русском языке: *Дьяконова Н. В.* Буддийские памятники Дуньхуана // ТОВЭ. 4. 1949. С. 445–470. Старые японские, китайские и западные (мене подробные) работы разбирают Акияма и Матсубара: *Akiyama T., Matsubara S.* Arts of China. Buddhist Cave-Temples. New Researches. Tokyo, 1969. Существуют серии, которые издает Институт изучения искусства Дуньхуана, см., например: *Art Treasures of Dunhuang* (compiled by Dunhuang Institute of Cultural Relics). Hong Kong, 1983. P. 1–254. Японские и западные издания кажутся более подробными (в том числе многотомные издания). См., например: *Whitfield R.* Dunhuang. London, 1995; *Whitfield R., Whitfield S., Agnew N.* Cave Temple of Mogao. Art and History on the Silk Road. Los Angeles, 2000. Об истории Дуньхуана см., например: *Čuguevskij L. T.* Touen-Houang du VIII-e au X-e siècle // *Hautes etudes orientales.* 17. Genève, 1981. P. 1–56. См. также: *Меньшиков Л. Н.* К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. // Петербургское востоковедение. 4. 1993. С. 322–324; *Литвинский Б. А.* Архитектура и строительное дело... С. 70–74; *Juliano A. L.* Buddhist Art in North China // *Monks and Merchants. Silk Road Treasures from Northwest China. Gansu and Ningsia, 4th–7th century* / ed. by A. L. Juliano, J. A. Lemer. New York, 2001. P. 119–122.

сооружение. Устройство сангхарамы связано с этими двумя монахами». Далее говорится о должностном лице, которое продолжило эту работу, о некоем Wang, дуньхуанском уроженце, также занимавшемся этим. «В последующее время все жители этой области, один за другим, устраивали сооружения» — «Если оценивать время, — сообщается в надписи, — с тех пор прошло примерно четыре столетия, и, если пересчитать жилища в пещерах, их наберется там более тысячи¹²⁶. Нет причин, пишет А.Стейн¹²⁷, сомневаться в этом. В источниках приводятся и другие даты начала сооружения пещер в Дуньхуане: 353 и 362 гг. н.э. Есть данные, что аристократы, в том числе и очень крупные, в эпоху Северных Вэй устраивали в Дуньхуане пещерные буддийские монастыри¹²⁸.

Возникновение и функционирование буддийского культового комплекса в Дуньхуане не было изолированным явлением. Как показали археологические исследования, на севере Китая был целый пояс пещерных буддийских монастырей. Они обнаружены в провинциях Ганьсу, Шэньси, Сычуань, Хэнань, Шаньси, Хэбэй, Шаньдун, Ляонин. На крайнем западе располагалась «Пещера тысячи будд» в Дуньхуане (Ганьсу), на крайнем востоке пещеры Тошань и Юнь-мэньшань (Шаньдун), на севере — пещеры Ваньфотан. Эпоха строительства пещерных монастырей начинается комплексом Дуньхуана (середина — третья четверть IV в.). Однако наиболее ранние из обнаруженных пещер датируются лишь серединой — третьей четвертью V в. н.э. Затем следует Майцзишань (Ганьсу), где пещерный монастырь существовал по крайней мере уже в начале V в., Иинлиншу (Ганьсу), где для наиболее ранней пещеры (169), датированной надписью 420 г., была использована огромная естественная каверна. Пещеры I–XX Юнгана (рис. 13, 1–3) были сооружены в период между 460–494 гг. В Лунмэне (Хэнань) первые пещеры и ниши были вырыты в 495 г. В VI в. культовое пещерное строительство приобретает широкий размах на всем пространстве Северного Китая и ведется, хотя и с перерывами, очень интенсивно. Основываются новые монастыри, расширяются старые. Эта деятельность продолжается и в первую половину танского периода. С середины VIII в. пещерное строительство, за исключением Дуньхуана, резко сокращается и даже прекращается. Есть некоторые данные и о динамике строительства пещерных комплексов. Так, в Дуньхуане из 469 пещер 22 принадлежат эпохе вэйских династий (386–556), 96 — суйской династии (581–618), 202 — танской (618–121 907), остальные — более поздние¹²⁹.

Учитывая сказанное, следует, как нам кажется, определить время возникновения первых пещерных монастырей в Восточном Туркестане промежутком от второй половины II в. н.э. (время основательного распространения буддизма в Китае) до середины IV в. (дата сооружения первой пещеры в Дуньхуане), скорее всего III — серединой IV в. н.э. Однако конкретно датировать наиболее ранние пещеры мы пока не в состоянии. Для установления хронологии полезно попытаться суммировать имеющиеся эпиграфические материалы и иконографические соображения относительно настенной живописи в пещерах Восточного Туркестана.

На живописи иногда есть синхронные ей надписи. Так, в «Пещере художника» (Мингой у Кизыла) есть подпись, выполненная письмом брахми: citrakara tutukasya —

¹²⁶ *Chavannes E.* Dix inscriptions chinoises de l'Asie Centrale d'après les estampages de M. Ch.-E. Bonin // *Extraits des mémoires présentés à l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1re série. 12. 2.* Paris, 1902. P. 59.

¹²⁷ *Stein A.* Serindia... Vol. III. P. 789.

¹²⁸ *Mizuno S., Nagahiro T.* Yun-kang... P. 111–112; *Pelliot P., Haneda T.* Tonkô-isha (Manuscrits de Touen-houang conservés à la Bibliothèque Nationale de Paris). Kyoto, 1926. P. 1.

¹²⁹ *Mizuno S., Nagahiro T.* Yun-kang... P. 109–140.

«/картина/ художника Тутука». Палеография надписи указывает на время — около 500 г. н.э. Другая надпись происходит из «Пещеры с красным куполом» и связана с изображением правителя Кучи и его супруги. Читаются титулы обоих, имя же сохранилось лишь женское — Swayamprabha. Из письменных источников устанавливается, что она жила скорее всего около 600 г. н.э.¹³⁰ Это дает отправные точки для датировки стиля I и II (по классификации А. Грюнведела) настенной живописи из пещер. Живопись из «Пещеры художника» относится к стилю I, а Э. Вальдшмидт датирует живопись этого стиля временем около 500 г. Живопись «Пещеры с красным куполом» относится к стилю II, причем ранней группы. Э. Вальдшмидт датирует эту группу живописи временем около 600 г., среднюю группу стиля II — 600–650 гг., третью — временем после 650 г. Еще позже датируется стиль III.

Э. Вальдшмидт свел в таблицу данные о местонахождении памятников настенной живописи стиля I и II¹³¹. Эти данные, с определенной осторожностью, можно использовать для выделения наиболее ранних пещер. К их числу должны относиться: «Пещера художника», «Пещера с изображением гиппокампа», «Пещера с изображением павлинов», «Пещера с подновленной живописью», «Пещера статуй», «Пещера моряков», «Пещера сокровища» (все — в Мингой у Кызыла) и вторая пещера с куполом (второе ущелье у Кумтуры). Они должны были быть сооружены самое позднее в V–VI вв.¹³² Сопоставление восточнотуркестанской живописи с хронологической шкалой согдийской живописи (разработанной весьма детально) привело А. М. Беленицкого и Б. И. Маршака к заключению, что росписи «Пещеры художника» и пещеры 15 Кумтуры должны относиться к V — началу VI в.¹³³

К числу пещер с живописью стиля II относятся такие, как «Пещера с красным куполом», «Чертова пещера», «Пещера с лестницей», «Пещера с изображением музыкантов», «Пещера с изображением шестнадцати меченосцев», «Пещера с камином», «Пещера с изображением Кашьяпы», «Пещера с изображением несущих венки голубей», «Третья с краю пещера» и др. (все — в Мингой у Кызыла); пещеры 19, 22, 23 и др. (Кумтура); «Пещера с изображением всадников» (Кириш) и др. Они могли быть сооружены в конце VI–VII вв. (не позже). К VIII–IX вв., судя по живописи, относятся некоторые пещеры Кумтуры («Пещера с изображением апсар» и др.) и Шорчука (пещеры VII, XIII и др.); к VIII–X вв. — пещеры Безеклика¹³⁴.

Китайский ученый Янь Вэньжу предложил четырехчленную схему хронологического деления пещерных комплексов и происходящей из них живописи, причем наиболее ранние датировал III–IV вв. Однако известные сейчас памятники искусства из восточнотуркестанских комплексов не могут на самом деле относиться к столь раннему времени.

С проблемами хронологии тесно связан вопрос о генезисе восточнотуркестанских пещерных монастырей. Вопрос о происхождении и распространении в сфере буд-

¹³⁰ Luders H. Weitere Beiträge zur Geschichte und Geographie Ostturkestans // SPAW. 1930. S. 28–29.

¹³¹ Waldschmidt E. Beschreibender Text // von Le Coq, ed. Die buddhistische... VII. Graz, 1975 (reprint). S. 29.

¹³² Выдвинута точка зрения (основанная на анализе постоения частей орнамента), согласно которой «Пещера с изображением обезьян» (в Мингой около Кызыла) должна быть включена в эту группу, см.: Soper A. Literary Evidence... P. 229. Считается, что «Пещера с изображением павлинов» тоже относится к группе, о которой идет речь. Роуланд предполагает, что эти пещеры могут относиться к более позднему времени — VI–VII вв., хотя датирует их 500–600 гг. н. э. (Rowland B. The Art of Central Asia. New York, 1974. P. 155 ff.).

¹³³ Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда // УСА. 4. 1979. С. 36.

¹³⁴ Bussagli M. Die Malerei in Zentralasien. Geneva, 1963. S. 90–94, 101–107.

дийского населения Восточного Туркестана идеи пещерных монастырей уже ставились исследователями. «Происхождение идеи высекать буддийский храм в камне необходимо искать в Индии. Оттуда она, вместе с необходимым для этого, принесенным с запада искусством обработки хрупкого материала, проникла в Бактрию (Афганистан). Мы убеждены, что непосредственные прототипы пещерных монастырских комплексов Восточного Туркестана следует искать главным образом в Бактрии (меньше — в самой Индии)», — писал А. Лекок¹³⁵.

К этому вопросу обращались практически все ученые, занимавшиеся пещерными монастырями Восточного Туркестана и Северного Китая. Так, например, японские ученые С. Мизуно и Т. Нагарихо в пещерах Юнгана находят следы опосредованного влияния индийского искусства, пути которого простирались через Афганистан — Туркестан — Дуньхуан, а также прямое воздействие индийского искусства¹³⁶. Их поддерживает А. Л. Джулиано: «Подобно самому буддизму, идея вырубать пещеры в наземных скалах пришла в Китай из Индии. Длинная цепь пещерных памятников простирается от Индии через пустынные оазисы Бамиана, Кучи и Турфана до северо-западного Китая, где первым был сооружен пещерный монастырь в Дуньхуане...»¹³⁷.

Об индийских прототипах пещерных монастырей Центральной Азии пишет и А. Габайн¹³⁸.

Нельзя, однако, не заметить, что все эти утверждения носят слитком общий характер. Попытаемся привлечь более конкретный материал. «Традиция пещерной архитектуры развилась в Индии в период Маурья, в Магадхе и вблизи от нее, т. е. в современном Бихаре. В последующие столетия (традиция высекать сооружения в скалах) распространилась по трем главным направлениям: южнее (Магадхи), через Ориссу до побережья современной Андры; с буддийскими миссионерами, но в сильно ослабленной форме — на юг полуострова и на Цейлон; сквозь Декан, на западе до Саураштры. Эта третья группа количественно и стилистически наиболее важная. Таким образом, пещерные монастыри появляются уже в середине III в. до н.э. при Ашоке. Ранний период их истории — период окончательного сложения принципов пещерной архитектуры — падает на время, примерно от 120 г. до н.э. до 200 г. н.э. Ранние буддийские монастыри простираются от Карадха на юге до Аджанты и Питалкхоры на севере, вплоть до Саураштры на западе. Выявлено 12 ранних пещерных монастырей, в отдельных монастырях от 4 до 12 пещер, общее количество обнаруженных пещер — около тысячи. Они вырублены в базальтовых породах горных цепей Декана. Это породы, в которых чередуются твердые и мягкие слои, поэтому они очень удобны для устройства пещер. Важно также отметить, что ранние пещерные монастыри расположены вдоль древних торговых путей, связывающих порты с крупными материковыми городами.

Ранние пещерные сооружения Западной Индии были буддийскими монастырями. Каждый монастырь состоял из одной или нескольких чайтья — святилищ и нескольких вихара — помещений для проживания монахов. Наиболее ранние чайтья (ок. 250 г. до н.э.) — это пещерные монастыри Судама и Ломаса Риши в Барабарских холмах в Бихаре. Они состояли из прямоугольной камеры, в которой могли собираться верующие, и маленькой круглой купольной камеры, вход в которую

¹³⁵ *Le Coq A. von.* Die buddhistische... III. Graz, 1974 (reprint). S. 10.

¹³⁶ *Mizuno S., Nagahiro T.* Yun-kang... P. 88–89.

¹³⁷ *Juliano A. L.* Buddhism in China // *Archaeology*. 3. 1980. P. 24.

¹³⁸ *Gabain A. von.* Das Leben im uigurischen Königreich von Qoço (850–1250). Textband // *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*. 6. Wiesbaden, 1973. S. 76.

был в одном из торцов. Предполагают, что там, как и в поздних сооружениях такого типа, помещалась круглая в плане ступа¹³⁹. В дальнейшем главное помещение чайтья приобрело вытянуто-апсидальную форму с круглой ступой и округлым торцом на противоположной входу стороне. Вдоль периметра зала, исключая входную сторону, шел ряд колонн, огиравших ступу. План в результате стал трехнефным, образовался своего рода обходной коридор для выполнения церемоний — *pradaKsina*. Вокруг центрального зала иногда группировались связанные с ним проемами небольшие целы¹⁴⁰.

Затем, уже во II в. н.э. появляются прямоугольные чайтья в пещере XLVIII в Шивнери у Джуннара. Прямоугольная пещера 6×9,5 м состоит из вестибюля, отделенного двумя колоннами и двумя пристенными полуколоннами от святилища, у задней стены которого — круглая ступа. Чатра ступы рельефно вырезана на плоской крыше; ступа как бы подпирает ее¹⁴¹. Чайтья пещеры IX Аджанти — прямоугольная, но с колоннами по периметру и вокруг ступы¹⁴². Пещера VI в Куде также прямоугольная, но более сложная в своей планировочной схеме. Веранда открывается в большой квадратный зал 8,8×8,8 м, затем следует узкий, перпендикулярный главной оси вестибюль и прямоугольное святилище 4,6×4,6 м с такой же, как в Шивнери, ступой. Из вестибюля — вход в малую целлу.

Различные варианты этих двух типов прямоугольных чайтья представлены в пещерах I, IV, IX в Куде, в пещере XV в Ленъярди у Джуннара, в пещере XVII в Насике, в пещере в Шелар-вади, в пещере XLVIII в Карадхе и др. Исключительный интерес представляет одна из пещер близ Джуннара. Она имеет узкий вестибюль, перпендикулярный оси сооружения, который снаружи ограничен двумя колоннами в центре и двумя примыкающими к стенам полуколоннами. Из него вход в вытянутое вдоль продольной оси прямоугольное (3,7×10,1 м) святилище, несколько расширяющееся в задней части. Там близ задней стены оставлена масса скалы в виде прямоугольного устоя 1,7×2,4 м перед которым грубо высеченная скульптура. Судя по надписи, расположенной рядом с пещерой, и архитектурным деталям пещера относится к I (II?) в. н.э.¹⁴³. Это показывает, что восточнотуркестанские пещеры III и IV типов являются не просто «упрощенным вариантом» индийских пещер со ступой, а находят прямые прототипы в некоторых ранних индийских буддийских пещерах, во всяком случае, именно в Индии находятся истоки пещер этих двух типов и типов I и II. Последнее подкрепляется материалами по ранним индийским пещерным сооружениям типа вихары.

Стандартная вихара ранних индийских буддийских монастырей — квадратная. Типичный пример — вихара XIX в. в Насике. Она состоит из квадратного зала (4,2×4,2 м), на одной стороне которого — вход, по трем другим сторонам — по две целлы. Та же схема в Аджанте XII, где с каждой стороны по четыре целлы, в Насике III — по шесть целл и т.д. Есть и другие схемы: длинный вестибюль-коридор, в задней стороне которого входы в целлы, другие. Вихары постепенно увеличиваются в размере и становятся двухэтажными. В более позднее время в задней стенке

¹³⁹ Dehejia V. Early Indian Rock Temples. A Chronology. London, 1972. P. 12–13, 30–31, 71; Sarkar H. Studies in Early Buddhist Architecture of India. Delhi, 1966. P. 12, 15–16, 18, 22. См. также: Gupta S. P. The Roots of Indian Art. Delhi, 1980. P. 187–225.

¹⁴⁰ Список пещерных монастырей с ступами см.: Dehejia V. Early Indian... P. 72–74; Fergusson J., Burgess J. The Cave Temples... Delhi, 1969 (reprint). P. 175–176; Rowland B. The Art and Architecture... Baltimore, 1967. P. 67–68. Fig. 6.

¹⁴¹ Dehejia V. Early Indian... P. 89. Fig. on p. 72, pl. 67.

¹⁴² Fergusson J., Burgess J. The Cave Temples... P. 289–290. Pl. XXVIII.

¹⁴³ Ibid. P. 204–209, 261–262; Dehejia V. Early Indian... P. 89–90.

вихары устраивается пещера-чайтья¹⁴⁴. Все это показывает, что сходство с пещерами Восточного Туркестана прослеживается на уровне типологии не только элементарных схем, но и композиционных.

Из Западной Индии обычай высекать пещерные буддийские храмы распространяется и на север, на территорию древней Гандхары (современный Западный Пакистан и Юго-Восточный Афганистан), а затем далее на север — вплоть до Бактрии. В восточной части Гандхары известен лишь один пещерный монастырь — Кашмир-Смаст (в 75 км к северо-востоку от Пешавара). Здесь открыты две пещеры: одна огромная, естественного происхождения, с выстроенным внутри святилищем, другая — искусственная, трапециевидная в плане (глубина — 3,4 м, ширина — 2,5–3,4 м). На верхней площадке холма — буддийские святилища. Предполагают, что весь комплекс относится к V–VII вв. н.э., но мог использоваться и позже — в VII–VIII вв.¹⁴⁵

Остановимся на буддийских пещерных комплексах, находящихся в западной Гандхаре (Афганистан). Пещерный комплекс Фил-хона находится в холмах, возвышающихся над р. Кабул, рядом с современным г. Джелалабадом. В песчанике вырублены прямоугольные и прямоугольно-вытянутые пещеры. Пещера 16 подквадратная (15,5 × 12,8 м); в центре ее — квадратный устой (4 × 4 м), обходная часть — сводчатая. По трем сторонам — проходы в десять крошечных целл. На верхней площадке холма находились по крайней мере две буддийские ступы. Пещера 6, полагает С. Мизуно, происходит из пещерных сооружений типа вихара в Индии. Датировка комплекса Фил-хона (по эпиграфике и находкам) — около 200 г. н.э. Вблизи Фил-хона несколько групп пещер, особенно в Сиякухе. Каждая группа состоит из крупной квадратной пещеры с устоем в центре и нескольких прямоугольных пещер — жилищ монахов. На верхней площадке холма — одна или несколько ступ¹⁴⁶.

Буддийский комплекс Лалма входит в группу буддийских памятников Хадды и находится в 10 км к югу от Джелалабада. Здесь, на поверхности холмов, образованных конгломератами, руины ступ. Пещеры главным образом прямоугольные, со сводчатым перекрытием. В некоторых случаях пещера состоит из двух священных прямоугольных помещений, находящихся на одной оси. Иногда пещеры имеют большие ниши на скалах. Раскопки ступ дали материал и монеты, которые датируют монастырь 300–400 гг. н.э.¹⁴⁷

Обширный пещерный комплекс з Бесавале (50 км юго-восточнее Джелалабада, по дороге к Хайберскому перевалу) устроен в сланцевых холмах на берегу р. Кабул. Наряду с пещерными здесь есть и каменные постройки, но их взаимоотношение не выяснено. Пещеры и постройки распадаются на восемь групп (в одной из них пещеры не обнаружены). Пещеры можно разделить на три типа: 1) квадратные, наиболее декорированные, культовые; 2) прямоугольные, менее украшенные (большая часть их — жилища монахов); 3) подквадратные или прямоугольные с центральным столбом-устоем в центре и обходным коридором одинаковой ширины со всех сторон. Это дальнейшее развитие типа, представленного в Фил-хона. Здесь уже нет целл для монахов вдоль стен, но в конечном счете и этот тип восходит к индийским

¹⁴⁴ Dehejia V. Early Indian... P. 93–94, 113.

¹⁴⁵ Haibak and Kashmir-Smast. Buddhist Cave-Temples in Afghanistan and Pakistan Surveyed in 1960 / ed. by S. Mizuno. Kyoto, 1960. P. 95–103. Pis. 11–13.

¹⁴⁶ Basawal and Jalalabad-Kabul. Buddhist Cave-Temples and Topes in South-East Afghanistan Surveyed Mainly in 1965. Vols. I–II. Kyoto, 1971. P. 123–124. Fig. 45. Pl. 32. Plan 19.

¹⁴⁷ Durman Tepe and Lalma. Buddhist Sites in Afghanistan Surveyed in 1913–1965 / ed. by S. Mizuno. Kyoto, 1968. Pis. 4–5.

пешерам типа вихара. В Басавале пещеры типа 3 служили для собраний сангхи и ритуальных обрядов, в частности прадакшины. Интересно, что пещеры типа 3 доминируют в каждой группе.

Датировка пещерных комплексов Гандхары очень неопределенная: на основании остатков скульптуры гандхарского типа — конец IV — начало V в.¹⁴⁸

Таким образом, в Гандхаре уже вполне сложились многие из тех принципов устройства пещерных буддийских монастырей, которые свойственны восточнотуркестанским пещерным монастырям, в частности наличие подпорного устоя, вокруг которого совершалась церемония обхода. Полную аналогию именно им обнаруживает схема планировки восточнотуркестанских пещер типа III.

В Бамиане преобладают квадратные и прямоугольные целлы с нишей на противоположащей входу стороне. Встречаются также круглые и полигональные в плане целлы, иногда с множеством ниш по окружности (периметру). В трех случаях — целлы с устоем-столбом, на передней стороне которого постамент для скульптуры, а с боковых и задней сторон — сводчатый обводной коридор¹⁴⁹. Бамианский комплекс обычно датируют V–VIII вв.

Имеются буддийские пещеры и в Бактрии. Так, в южной части Бактрии (Афганистан) в Хайбаке, расположенном в оазисе Хульм, открыта группа пещер. Одна из них (!) имеет прямоугольный вестибюль, из которого вход в круглую целлу (диаметр 10,5 м), свод которой украшен изображениями лотосов. В нишах располагались скульптуры (не сохранились). Большинство пещер прямоугольные или подквадратные, иногда объединены в группы. Выделяется расположенная на вершине пещера 6. Она состоит из входного туннеля длиной 17 м, приводившего к коридору (шириной 2 м), который окружал массив круглой в плане ступы (диаметр 28). Ступа и коридор были врезаны в скалу, но не имели перекрытия, а находились на открытом воздухе. Вход в пещеру 2 ремонтировался сырцовым кирпичом. Наряду с пещерами культового характера были и жилые пещеры. Датировка очень сложна, скорее всего временем «после V в. н.э.»¹⁵⁰.

В 15 км к северо-западу от Хайбака расположены пещеры Хазар-Сум, каждая из которых состоит из трех связанных прямоугольно-вытянутых помещений, «нанизанных» на продольную ось. Предположительная датировка — «раннеисламский период» или несколько раньше¹⁵¹. Данных для буддийских атрибуций нет (или не сохранились).

В Северной Бактрии имеется прекрасный образец пещерно-наземного буддийского монастыря Кара-Тепе в Термезе (II–IV вв. н.э.). В результате многолетних раскопок Б. Я. Ставиского здесь вскрыта большая площадь с пещерами различных типов и примыкающими к ним наземными постройками. В каратепинском комплексе пещерные части являются органической составляющей всего комплекса (как в смысловом, так и в архитектурно-планировочном отношении), в который входят и наземные пахсово-сырцовые постройки¹⁵². В этой связи следует привести и данные древних текстов. В одной из надписей, найденных на Кара-Тепе, есть, как установила В. В. Вертоградова, выражение: o-ka-vi-ha-ra-mi. Ока в санскрите встре-

¹⁴⁸ Basawal... P. 101–105. Pis. 1–13. Plans 1–20.

¹⁴⁹ Tarzi Z. L'architecture et le décor rupestre des Grottes de Bâmiyân. Paris, 1977. Vol. I. P. 34–35; vol. II. Pl. D-14.

¹⁵⁰ Foucher A. Notes sur les antiquités bouddhiques de Haibak (Turkestan Afghan) // JA. 205. 1924. P. 139–154; Haibak... P. 85–92.

¹⁵¹ Puglisi S. M. Italian Archaeological Mission in Afghanistan, Preliminary Report on the Researches at Hazâr Sum (Samangan) // EW. 14. 1–2. 1963. P. 3–12.

¹⁵² См. сноску 84.

чается редко и означает «пристанище, прибежище, жилище». Палийские комментаторы передают этот термин как *siaya*. В буддийских санскритских текстах термин *alaya* (*laya*, *layaka*, *layana*) и соответствующее палийское *lepa* имеют основное значение «прибежище, приют, место отдыха», а в палийских — «пещера, горная пещера, употребляемая отшельниками или буддийскими монахами». Виная (IV, 48) описывает устройство такой «лены»: «Или взрыв гору, или в том месте, где не хватает места для сидения и лежания». Вместе с тем в надписи на «Львиной капители» *oka-vihara* — синоним *guha-vihara*. «Термин *guha* означает подземное сооружение различных типов. Буддхагхоша, например, описывает такую пещеру, сделанную из кирпича, камня, дерева и песка. На основании этого можно заключить, что слово *oka* в сочетании *oka-vihara* указывает на определенный тип пещерного помещения, предназначенного для буддийских монахов». Можно думать, что слово *oka*, синонимичное *lepa*, могло употребляться и как *lepa* в специальном значении — «пещерное помещение, отчасти вырытое, отчасти построенное в склоне горы». Об этом свидетельствует и сама ситуация применения этого термина на Кара-Тепе¹⁵³. Таким образом, Кара-Тепе дает нам не только представление о бактрийском пещерно-наземном буддийском храме, но и о термине, применявшемся для обозначения такого рода сооружений как в Бактрии, так и, вероятно, в Восточном Туркестане.

Включение в состав вихары как подземных (пещерных), так и наземных частей, органическое объединение их в единый комплекс с устройством наземных частей из сырцового кирпича и пахсы, на наш взгляд, произошло на почве Бактрии, а затем распространилось на северо-восток — в Восточный Туркестан. На территории Бактрии и Маргианы открыты и другие пещерные комплексы, но ни один из них не может уверенно атрибутироваться как буддийский. Нет никаких сомнений, что в дальнейшем такие комплексы будут обнаружены как в этих, так и в других областях Средней Азии.

Таким образом, имеющийся сейчас материал позволяет не в виде догадки или гипотезы, а с полной определенностью обнаружить конкретные прототипы восточнотуркестанских сооружений в индийской пещерной буддийской архитектуре, выявить пути распространения буддийских пещерных сооружений в Северо-Западную Индию, Юго-Восточный и Центральный Афганистан, а затем на север — вплоть до среднеазиатской территории. На этом пути, в частности в Бактрии, пещерная буддийская архитектура приобрела многие специфические черты, свойственные восточнотуркестанской пещерной архитектуре, а затем получила дальнейшее развитие уже на почве Восточного Туркестана. Практика сооружения пещерных буддийских монастырей из Восточного Туркестана распространилась затем по всему Северному Китаю, что сыграло огромную роль в развитии китайского искусства и архитектуры IV–X вв.

Можно столь же детально рассмотреть распространение других типов буддийской культовой архитектуры и роль Средней Азии как посредника в этом процессе. Частично это будет сделано позже.

Сведений о распространении буддизма в Средней Азии в III–IV вв. н.э. у нас значительно меньше. Ан-Недим пишет в «Фихристе»: «Первый, кто помимо саманийцев (то есть буддистов), переселился в Мавераннахр, принадлежал к манихейцам¹⁵⁴. Как известно, «Фи-христ» был составлен в 987–988 гг., и, хотя его автор в

¹⁵³ Vertogradova V. V. Indian Inscriptions... P. 62–63.

¹⁵⁴ Flügel G. Mani, seine Lehre und seine Schriften. Ein Beitrag zur Geschichte der Manichäismus. Leipzig, 1862. P. 76, 105; Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов. Когда по материалам пенджикентских храмов // Живопись Древнего Пенджикента. М., 1954. С. 38.

истории манихейства опирался на арабские источники, он использовал старые манихейские сочинения¹⁵⁵, поэтому достоверность сообщений ан-На-дима очень велика. Из вышеприведенного известия вытекает, что, в то время когда в Средней Азии появились манихейцы, то есть во второй половине III в., здесь уже был распространен буддизм — это подтверждают данные других источников.

Ко времени религиозной нетерпимости при Варахране II, около 275 г. н. э., относится надпись Картира, главного мобеда Варахрана II, на Каба-йи Зардушт: «... и учение Ахримана и демонов из страны исчезло и было изгнано; и евреи, буддисты, брахманы, назареи и христиане, мугтаги и манихейцы внутри страны были уничтожены и кумиры были разбиты и убежища демонов были опустошены и превращены в места культов и обитель богов¹⁵⁶. Однако нельзя, как это делают некоторые исследователи, принимать слова этой надписи как описание полностью совершившихся деяний, в определенной мере это лишь программа; реальность, как отмечает на основании ряда фактов И. Асмуссен, значительно отличалась от нее. По словам этого ученого: «Остается неясным, в какой степени великий царь и правительство (Ирана. — Б. Л. и Т. З.) были вовлечены в проект, запланированный Картиром»¹⁵⁷.

Буддизм был распространен в восточных областях сасанидского государства, в частности в Мерве (в надписи подчеркнуто: «внутри страны»)¹⁵⁸. Что же касается Бактрии, здесь проведение такой политики должно было привести к столкновению с широкими кругами населения. В части Бактрии все это имеет значение, если исходить из принимаемой большинством ученых «малой» кушанской хронологии.

Существуют, как известно, и идеи о «поздней» хронологии кушан и кушано-сасанидов. Рассмотрение этих хронологических систем выходит за рамки нашего труда. Отметим лишь, что если исходить из «поздней» хронологии, Термез во времена деятельности Картира должен был находиться в пределах Кушанского государства, и мероприятия, описанные в надписи, не могли на него распространяться.

На Кара-тепе Б. Я. Ставиский обнаружил интереснейшие данные о запустении и даже, как он считает, может быть, о разрушении храмовых комплексов. Это посетительские надписи — граффити. Судя по содержащейся в одной из среднеперсидских надписей дат, это 264—265 гг. (время Шапура I) или 369—370 гг. (время Шапура II). Б. Я. Стависким высказано предположение, что «...запустение Кара-тепе связано с восточным походом одного из Шапуров, непосредственно затронувшим кушанский Термез. Теперь, когда помимо средне-персидских надписей — граффити на Кара-тепе открыт алтарь огня, сооруженный вместо выброшенной буддийской статуи, мы вправе объяснять упадок, а возможно, и разрушение буддийских храмовых комплексов Кара-тепе «деятельностью» отряда сасанидских войск». Согласно отчету о раскопках, речь идет о большой нише с геометрической росписью. Говорится, что эта ниша «предназначалась, безусловно, для крупной буддийской статуи, статуя эта, однако не сохранилась: в какой-то период (вероятно, при разгроме Кара-тепе) на ее месте, в нише, был сооружен (из кирпича-сырца размером 30 × 30 × 11—12 см) круглый в плане очаг, диаметром 67—75 см и высотой 50 см. Очаг внутри обожжен и заполнен чистой светлой золой без угольков, что

¹⁵⁵ Kessler K. Mani, Forschungen über die manichäische Religion. Berlin, 1889. Vol. I. P. 331—338; Taqizade S. H., Henning W. B. The Dates of Mani's Life // AM. VI. I. 1957.

¹⁵⁶ Henning W. B. Mittelliranisch, Handbuch der Orientalistik. I. IV. I. Linguistik. Leiden; Köln, 1958. S. 102; Луконин В. Г. Картир и Мани // ВДИ. 1966. 3.

¹⁵⁷ Asmussen J. P. Xuastvânift... P. 28.

¹⁵⁸ Кстати, эти события не учитываются М. Е. Массоном при рассмотрении истории буддизма в Маргиане.

свидетельствует об его культовом характере. Перед нами, таким образом, алтарь огня, возведенный на том месте, где раньше стояла буддийская статуя. Позднее ниша с очагом... была аккуратно заложена сырцовой стенкой¹⁵⁹.

Вся эта конструкция выглядит очень стройной. Однако исключить другие возможности также нельзя. Трудно считать неоспоримым предположение, что ниша и з н а ч а л ь н о была предназначена для статуи. Геометрическая роспись на ее стенах не может служить доводом в пользу этого. Возможно и другое: в нише, действительно, стояла статуя, она пришла в полную ветхость и, как обычно, ее убрали, «захоронив» где-то в монастыре. Руководители сангхи решили на ее место поставить очаг. В этой связи упомянем один текст из «Винайи», где говорится о том, что первоначально огонь жгли в разных местах вихары. Будда велел сделать «отдельное помещение на одной из сторон — для огня». Возможны и иные интерпретации¹⁶⁰.

Высказывая эти альтернативные объяснения, мы вместе с тем считаем, что какой-то упадок буддийских святынь в III—IV вв. в северной Бактрии несомненно происходил, об этом свидетельствует история многих кушанских сооружений.

Однако, буддизм не был полностью сокрушен. Как показывают данные новейших археологических раскопок на Кара-тепе и новые эпиграфические исследования, «даже если главные каратепинские святилища были покинуты или разрушены, монастырская община могла продолжать существовать где-то в этом большом буддийском центре во время Кушано-Сасанидов, вплоть до конца IV — начала V в. Полное разрушение буддийского культового центра сасанидскими отрядами и трансформация в зороастрийский храм, как предполагал Я. Харматта, трудно признать» (Б. Я. Ставиский)¹⁶¹. Как уже указывалось, именно в это время сооружается на месте разрушенного городского вала святилище на Зар-Тепе, вблизи него воздвигается маленькая буддийская ступа. Показательно также, что буддийские изображения и мотивы сохраняются в среде городского и может быть сельского населения¹⁶².

Сошлемся также на авторитетное указание Э. Ламотта, что в источнике есть косвенные указания, что учение школы *sarvam.vadin-Vaibhasika* было распространено в Средней Азии на рубеже IV—V вв.¹⁶³ Для IV в. мы также располагаем сообщением китайского религиозного (буддийского) текста, датированным 383 г. н.э.

В нем говорится, что Будда знал язык Тохаристана гораздо лучше, чем коренные жители этой страны¹⁶⁴.

В научной литературе высказывались различные мнения по поводу положения буддизма в Средней Азии в послекушанскую эпоху. Так, А. М. Беленицкий писал: «Положение государственной религии, которое занимал буддизм в Кушанском

¹⁵⁹ Ставиский Б. Я. Итоги раскопок в Кара-тепе... С. 27, 51. В. Г. Луконин, опубликовавший среднеперсидские надписи, о которых идет речь, склонялся к версии (на основе данных палеографии и общей политической ситуации), что их можно отнести ко времени правления Шапура II (Луконин В. Г. Среднеперсидские надписи из Кара-тепе // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 45—46).

¹⁶⁰ Cullavagga, VI, 3, 10, Vmaya / transl. T. W. Rhys Davis, H. Oldenberg. SBE. XX. Oxford, 1885. P. 177—178.

¹⁶¹ Staviskij B. Ja. Buddhist Monuments of Central Asia and the Sasanians // Bulletin of the Asia Institute. 4. In Honor of Richard Nelson Frye. Aspects of Iranian Culture. Michigan, 1992. P. 168. Статья, посвященная вопросу: Harmatta J. The Bactrian Wall-Inscriptions from Kara-tepe // Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969. С. 124—125.

¹⁶² Абдуллаев К. А., Завьялов В. А. Буддийские мотивы... С. 121. См также: Пидяев Ш. Р. Раскопки буддийской ступы у городища Зартепа // ОНУ. 4. 1986. С. 49—52.

¹⁶³ Lamotte E. Sur la formation du Mahayana // Asiatica. Festschrift Fr. Weller zum 65. Geburtstag gewidmet von seinen Freunden, Kollegen und Schülern. Leipzig, 1954. P. 390—391.

¹⁶⁴ Müller F. W. K. Toxri und Kuisan (Kūsān). 1918. XXVII. S. 575.

государстве, должно было способствовать по крайней мере его внешнему преобразованию. Но, вероятно, это же обстоятельство привело к тому, что, когда государственная поддержка прекратилась в связи с изменением политической обстановки в Средней Азии, обусловленным возникновением сперва эфталитской, а затем тюркской держав, буддизм быстро пришел в упадок». Итак, упадок буддизма связан с приходом к власти эфталитов и тюрков¹⁶⁵. Напротив, А. Габэн находит возможным говорить в этом плане только о Согде, где, по ее словам, «лишь к началу VII в. буддизм был сильно потеснен манихейством и возродившимся культом огня»¹⁶⁶. Наконец, М.Е.Массой ищется объяснение положения буддизма в Самарканде: «В связи с усилением уже в конце V в. торговой деятельности персидских и согдийских купцов-зороастрийцев; их борьба на почве рыночной конкуренции с индийскими купцами, торговавшими с Китаем, способствовала постепенному, но далеко не мирному вытеснению буддизма в некоторых областях Согда и прилежащих странах» — и высказывает предположение, что подобная же ситуация сложилась в Мерве и мервцы организовали «погром тамошней ступы». Подтверждение своей точки зрения М. Е. Массой видит в том, что в кишлаке Тайляк, под Самаркандом, была обнаружена «в древнем бадрабе» заброшенная туда отбитая от мраморной статуи Будды голова, совершенно изуродованная¹⁶⁷. Датировка бадраба при этом не сообщается, так же как не приводятся сведения о возрасте мраморной статуи, что совершенно обесценивает этот аргумент. Уязвимым местом этой концепции является также ее центральный постулат: в V—VII вв. среднеазиатские буддисты отнюдь не были в своем большинстве выходцами из Индии — это были местные жители¹⁶⁸. И еще: отнюдь нельзя ставить знак равенства между религиозно-политической ситуацией в Мерве и Самарканде.

Какими фактическими материалами мы располагаем для суждения по этому вопросу? В середине V в. и до 60-х гг. VI в. значительная часть Средней Азии входит в состав эфталитского государства, которое включало ряд соседних стран. Сэн Ю (519 г. н. э.) писал об эфталитах Бадахшана: «(Большинство из них) не признают буддизма», об эфталитах Гандхары он сообщал, что те вообще «не верят в буддизм». Сопоставляя эти сведения Сэн Ю с приводимыми им и другими источниками данными о религиозных верованиях в Средней Азии, японский исследователь К.Эноки приходит к заключению, что сами эфталиты не были последователями учения Будды. Сообщения же, например в Суй-шу и Бэй-ши, о многих буддийских монастырях и ступах в столице эфталитов рассматриваются им в этом же плане, как отражение верований определенной части местного населения¹⁶⁹. Более сложную концепцию об отношении эфталитов к буддизму развил А. Херрманн. Он считает, что первоначально эфталиты не были буддистами, но терпимо относились к исповеданию этой религии. Позже, после разгрома эфталитского государства тюрками, возникло небольшое эфталитское владение, центр которого был перенесен в Хи-

¹⁶⁵ Беленицкий А. М. Вопросы идеологии... С. 38.

¹⁶⁶ Gabain A. Der Buddhismus... S. 501.

¹⁶⁷ Массон М. Е. Из работ... С. 56.

¹⁶⁸ Впрочем, уже по крайней мере в кушанское время, как показывают вышеприведенные сведения, буддийская религия обрела в Средней Азии adeptов. Об этом свидетельствуют также памятники письменности с Кара-тепе, см.: Ставиский Б. Я. Некоторые вопросы... С. 38.

¹⁶⁹ The Mission of Sung Yun and Hwei Sang to Obtain Buddhist Books in the West (518 A.D.) // Beal S. Buddhist Records... P. XCII; Yang Hsuan-chih. A Record of Buddhist Monasteries in Lo-Yang / transl. Yi-t'ung Wang. Princeton, 1984. P. 227, 235; Enoki K. On the Nationality of the Ephthalites // MDTB. 18. Tokyo, 1959. P. 45—48. Сообщения Сэн Ю и основанные на них сведения Бэй-ши см.: Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... VI. P. 225. Pl. 3. Cp.: Ghirshman R. Les Chionites-Hephthalites // MDFA. XIII. Le Caire, 1948. P. 120.

мота-ла, и правители его приняли буддизм — с целью укрепить свои позиции в борьбе с тюрками. Собственно такой же точки зрения придерживается и А.Га-бэн¹⁷⁰.

Нельзя пройти мимо сообщений о религиозной политике тех эфталитов, что завоевали часть Северной Индии. Сэн Ю сообщает, что за два поколения до него Гандхара была опустошена эфталитами¹⁷¹. Отсюда следует, что это произошло где-то во второй половине V в.¹⁷² Но мнению Д. Маршалла, разгром можно датировать более точно: временем около 460 г. н. э. Очевидно, именно тогда монастыри в районе Таксилы были сожжены, причем они стояли разрушенными еще полтора столетия спустя¹⁷³. Вместе с тем некоторые надписи на эфталитских монетах, согласно расшифровке В. А. Лившица, явно связаны с буддизмом¹⁷⁴.

По-видимому, эфталитские правители отдельных областей в разное время проводили неодинаковую политику по отношению к буддизму. Во время военных действий кое-где буддийские религиозные учреждения разрушались и грабились. В целом же, судя по всему, в Средней Азии при эфталитах буддизм не подвергался гонениям, некоторые эфталитские правители поддерживали буддизм.

Есть некоторые сообщения, интересные в этой связи. В «*San-dragarbha-sutra*» (VI в. н.э.) говорится о Кубере и Харити, как божествах-хранителях Персии. Исследователи полагают, что речь идет не о Иране самом, а о находящейся под контролем Сасанидов области вдоль Аму-Дарьи¹⁷⁵.

Как относились к буддизму сменившие эфталитов тюрки? Во всяком случае, в пределах Средней Азии они отнюдь не ущемляли эту религию. Восточные тюрки уже с середины VI в. испытывают сильное влияние буддийской пропаганды¹⁷⁶. Распространялась она, очевидно, и на западных тюрков. Однако известно, что те племена их, которые располагались близ Иссык-Куля, продолжали почитать огонь и духов¹⁷⁷. Вместе с тем каган западных тюрков Тун-Шеху, находившийся в этой области, очень дружелюбно встретил Сюань Цзяна (около 630 г.) и слушал его проповедь¹⁷⁸. Было бы рискованно считать, что именно знаменитый путешественник посеял ростки буддизма в Семиречье; скорее всего, и до него и после него были там буддийские проповедники, сумевшие обратить в буддизм часть населения Семиречья.

¹⁷⁰ Hermann A. Die Hephtaliten und ihre Beziehungen zu China // AM. II. 3–4. 1925. S. 577–578; Gabain A. Der Buddhismus... S. 500–501. Ср. мнение И. Маркварта: Marquart J. Çrāndāhr... P. 240.

¹⁷¹ См.: The Mission of Sung Yun... P. XCIX–C; Yang Hsuan-chih. A Record of Buddhist Monasteries... P. 235.

¹⁷² Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... P. 226.

¹⁷³ Marshall J. Taxila. Vol. I. P. 77. См. также: Goshal U. N. Ancient Indian Culture in Afghanistan. Calcutta, 1928. P. 25–26.

¹⁷⁴ Данные предоставлены В. А. Лившицем.

¹⁷⁵ Lévi S. Notes chinoises sur l'Inde // BEFEO. 5. 1905. P. 267. № 33; Carter M. L. Dionysiac Aspects of Kushan Art // ArOr. VII. 1968. P. 134–35.

¹⁷⁶ Lévi S., Chavannes E. L'itinéraire d'Ou-K'ong // JA. VI. 1895. P. 354–55. №2; Gabain A. Buddhistische... P. 162–164; Id. Der Buddhismus... S. 506. Как пишет одна из исследователей истории древних тюрков, «следует признать, что с буддизмом должен был быть рано знаком, во всяком случае, господствующий слой тюрков»; буддийские проповедники в начале VI в. были уже у предшественников тюрков — жуаньжуаней (Liu Mau-tsai. Kulturelle Beziehungen zwischen den Ost-Türken [T'u-küe] und China // CAJ. III. 3. Wiesbaden, 1958. S. 194–195). Вместе с тем даже в начале VIII в. основная масса тюрков «не была знакома с законом Будды, не имела ни монастырей, ни монахов» (слова Хой Чао). См.: Fuchs W. Huei-Ch'ao's... P. 453. Подробный анализ тюркского буддизма проведен в другой работе одного из авторов: Литвинский Б. А. Буддизм... С. 489–493.

¹⁷⁷ Gabain A. Der Buddhismus... S. 506.

¹⁷⁸ The Life... P. 43–45.

чья. Очевидно, нельзя исключить возможность, что буддийские миссионеры в Семиречье (и Фергану) направлялись из центральной и южной части Средней Азии вместе с очередной волной согдийского колонизационного потока. Именно это предположение согласуется с архитектурным обликом семиреченских буддийских храмов, представляющих одну из наземных вариаций планировочной схемы, представленной в Кара-Тепе и Хадде, отразившейся в храмах Пенджикента и проникшей дальше на Восток — в Центральную Азию, а также со скульптурными объектами и т.д.¹⁷⁹ Б. Я. Ставиский высказал заключение, что памятники буддизма в Семиречье и Фергане обязаны религиозной деятельности восточнотуркестанских или китайских миссионеров¹⁸⁰. Б. И. Маршак и В. И. Распопова пишут «о прямом воздействии, связанном с распространением буддизма среди согдийских колонистов», что нашло отражение в искусстве и архитектуре¹⁸¹.

Обнаружены эпиграфические свидетельства (не опубликованы), подкрепляющие второе направление связей. Вопрос окончательно решить пока нельзя, не исключено, что имели место два направления взаимосвязей.

Китайский путешественник значительно более позднего, чем Сюань Цзянь, времени — У-кун (ou-k'ong), которому довелось между 759–764 гг. бывать в Кашмире и Гандхаре, видел среди тамошних буддийских святынь несколько храмов, основанных тюркскими правителями или членами их семей — эти сооружения стояли уже столетие. Так, в Кашмире имелся «храм хатун», основанный при тюрках, и храм *Ve-li-t'e-le*, то есть *Ve-li-tegin*, сына царя тюрков. Это, по мнению Э. Шаванна, может быть тот же самый персонаж, который фигурирует у Динавери как *vel-tegin*, в других источниках — Бармуда (или Пармуда), принц из области Бухары, который появляется в исторических источниках при описании событий конца VI в. В Гандхаре же существовали, по V-куну, храм *Tegin cha*, (или *T'e-k'in-li*), основание которого приписывалось сыну царя тюрков, и другой, который будто бы основала хатун, «жена царя тюрков». Как предполагает Э. Шаванн, возможна идентификация этого *Tegin cha* с *Ou-san tegih cha*, который был правителем Каписы в 739 г.¹⁸²

Нет основания сомневаться в справедливости местной традиции, связывавшей эти буддийские святыни с тюрками, предложенные же учеными идентификации и вытекающие из них хронологические определения отнюдь нельзя считать бесспорными. Вместе с тем ясно, что если не в конце VI в., то в первой половине VII в. некоторые правители западных тюрков или становятся буддистами, или покровительствуют этой религии. В начале VIII в. западнотюркские правители и знать предстают из сообщений Хой Чао ревностными буддистами, основывающими монастыри и приносящими им дары. Об одной из северозападных областей Индии сообщается: «Хотя царь здесь *T'u-kueh* (тюрк), но почитают веру триратны (триратна или «три драгоценности» — наименование буддистами своей религии. — Б. Л. и Т. З.). Царь, царские жены, принцы и знать — все воздвигают монастыри и делают буддийские жертвоприношения»¹⁸³. О тюркских правителях, покровителях буддиз-

¹⁷⁹ Л. П. Зяблин сопоставил скульптуру бодисатвы из второго храма в Ак-Бешиме (Зяблин Л. П. Второй буддийский... С. 52 Fig. 3) с одной из голов из Хадды (Barthoux J. Les fouilles de Hadòdò. III. Pl. 67c). Можно добавить, что еще более близко его сходство с другой головой из Хадды (Barthoux J. Les fouilles de Hadòdò... Pl. 70a).

¹⁸⁰ Ставиский Б. Я. Некоторые... С. 29.

¹⁸¹ Маршак Б. И., Распопова В. И. Связи искусства Средней Азии с искусством стран Дальнего Востока // Средняя Азия и мировая цивилизация, тезисы докладов. Ташкент, 1992. С. 86.

¹⁸² Lévi S., Chavannes E. L'itinéraire... P. 334–355, 357; Chavannes E. Documentes sur les Tou-kiue... P. 198, 242–245. Ср.: Gabain A. Buddhistische... S. 166.

¹⁸³ Fuchs W. Huei-ch'ao's... P. 445; The Hye-ch'o Diary... P. 48–49.

ма, этот путешественник сообщает очень много сведений¹⁸⁴. По-видимому, права А. Габэн, связывающая распространение буддизма у западных тюрков с переходом их к оседлой, особенно городской, жизни в окружении местного буддийского населения¹⁸⁵. Нам представляется, что большое значение имели и политические обстоятельства, связанные с необходимостью наладить управление населением, в среде которого буддийская религия была сильно распространена.

Во всяком случае, для Тохаристана первой половины VII в. вырисовывается из сообщений Сюань Цзяна следующая ситуация. Наместником был старший сын кагана, в стране процветал буддизм. Сменивший в это время умершего наместника сын его главной жены пригласил Сюань Цзяна посетить Балх и осмотреть его буддийские святыни¹⁸⁶. Вместе с тем Сюань Цзян сообщает о попытках одного из тюркских наместников (видимо, старшего сына кагана) захватить богатства главного балхского монастыря, о постигшей его каре и о его запоздалом раскаянии¹⁸⁷.

Для истории буддизма в Тохаристане очень важно одно не привлекавшееся до сих пор в этой связи сообщение И-Цзина. В одном из своих сочинений И-Цзин, проживавший в Индии с 671 по 695 г., сообщает о некоем буддийском монахе, что тот «недавно» останавливался в монастыре, который некогда был выстроен жителями Тухоло (Тохаристана) для отправления «религии их страны». Монастырь обладает большими сокровищами, владеет значительной недвижимостью и чрезвычайно пышен. Пожертвования, которыми он пользуется, и культовый инвентарь превосходят то, что есть в других монастырях. Название этого монастыря — Kien-t'ouo-louo-chan-tch'a. В это название входит слово «Гандхара», что вызывает сложности в толковании этого трудного текста. Не исключено, что этот буддийский храм был выстроен в Гандхаре выходцами из Тохаристана. Э. Шавани, учитывающий эту возможность, предлагает другой вариант решения: храм был выстроен в Тохаристане в то время, когда он и Гандхара в V в. н.э., при кидаритах, входили в одно и то же государственное объединение¹⁸⁸. Нам также представляется более вероятным, что речь идет о каком-то тохаристанском монастыре (балхском Наубехаре?). Чрезвычайно существенно сообщение о больших богатствах, которыми владеет монастырь, — это единственное сообщение такого рода, так или иначе связанное со Средней Азией.

О том, что буддизм в Тохаристане сделал во второй половине VII — начале VIII в. значительный прогресс, свидетельствует следующее замечание Хой Чао: «(в Тохаристане) царь, знать и народ очень почитают триратну; имеется множество монастырей и монахов; исповедуют учение Хинаяны»¹⁸⁹. Обилие буддийских святынь, степень распространенности буддизма в Тохаристане произвели столь большое впечатление на Хой Чао, что он записал, что здесь «нет никаких еретических (с точки зрения буддиста. — Б. Л. и Т. З.) учения», или, по новейшему переводу, «они

¹⁸⁴ Fuchs W. Huei-ch'ao's... P. 446–449; The Hye-ch'o Diary... P. 50–52.

¹⁸⁵ Gabain A. Buddhistische... P. 166; *Id.* Der Buddhismus... S. 506.

¹⁸⁶ The Life... P. 48–49.

¹⁸⁷ Beal S. Buddhist Records... P. 45.

¹⁸⁸ I-Tsing. Mémoire compose à l'époque de la grande dynastie T'ang sur les religieux éminents qui allerent chercher la loi dans les pais d'Occident, traduit en Français par E. Chavannes. Paris, 1894. P. 80. Cp.: I-Tsing. Account of Fifty-one Monks / transl. by Latika Lahiri // Dutt S. Buddhist Monks... P. 312.

¹⁸⁹ Fuchs W. Huei-ch'ao's... P. 449; The Hye-ch'o Diary... P. 52. Господство Хинаяны в ранне-средневековой Средней Азии подтверждается и другими сообщениями. Так, например, среднеазиатский (может быть, даже тохаристанский) выходец, носивший имя Буддадхарма, во второй половине VII в. изучил в Наланде учение «Малой колесницы» (I-Tsing. Mémoire... P. 37–38).

не исповедуют никакой другой религии»¹⁹⁰. Однако буддист-путешественник всего лишь принял желаемое за действительное.

В Северном Тохаристане (и в других областях Средней Азии), как уже указывалось выше, буддизм не был единственной религией. Начиная со второй половины III в. здесь большую (и все возрастающую) роль играло и манихейство¹⁹¹. В начале VII в., судя по сообщению Сюань Цзяна, манихейство в его восточной разновидности было очень сильным в областях Персии, граничащих с Тохаристаном¹⁹².

В 694 г. ко двору китайского императора прибыл манихейский проповедник — «человек из персидского государства, по имени Fou-to-tan»¹⁹³. Как показал В. Б. Хеннинг, это на самом деле не имя, а китайская передача согдийского 'ft'd'n — aftādan — обозначения одного из высших представителей манихейской иерархии. Этот исследователь не без основания полагает, что проповедник был согдийцем. По мнению В. Б. Хеннинга, «согдийцы были главными носителями манихейства в Центральной Азии»¹⁹⁴. В начале VIII в. верховный глава манихеев имел резиденцию в Тохаристане¹⁹⁵, позже — в Самарканде¹⁹⁶. В декрете китайского императора в 732 г. «Учение Мани» было названо «туземной религией западных ху»¹⁹⁷, причем имелись в виду, как считают исследователи, не вообще жители Средней Азии, а именно согдийцы¹⁹⁸.

В 719 г., как сообщается в китайских источниках, среди стран, направивших в Китай послов, была и Тухоло (Тохаристан), причем в качестве отправителя посла называется «царь Че-хал-на» (Чагания-на). Досол именуется «великий мо-джо» — так назывались крупные деятели манихейской церкви (мо-джо — передача среднеазиатского тосак «буквально «учитель»»). При этом он рекомендуется как человек глубокой мудрости, прекрасно разбирающийся в астрономии. Чаганиянский царь просил китайского императора осведомиться у этого посла, в частности о состоянии государства и относительно наших религиозных учений¹⁹⁹. Сведения об этом посольстве были детально исследованы А. М. Беленицким, который справедливо подчеркнул, что здесь четко проступает связь манихеев с властями с местными правителями²⁰⁰. Можно добавить еще следующее. Этот текст, по-видимому, рисует обстановку не в одном Чаганияне. Дело в том, что в китайском тексте приведено имя чаганиянского царя Ti-cho — *T'e-s'a. И. Маркварт идентифицировал его имя с упоминаемым Табари именем чаганхудата — Тиш, который являлся также ябгу Тохаристана²⁰¹. Вероятно, как считает В. А. Лившиц, именно он упоминался в одном

¹⁹⁰ Fuchs W. Huei-ch'ao's... P. 449; The Hye-ch'o Diary... P. 52.

¹⁹¹ Об этом, как и о большой роли среднеазиатских манихейских общин по сравнению с иранскими, см.: Henning W. B. Neue Materialien... P. 10–11. Более подробное описание среднеазиатского манихейства см. в кн.: Литвинский Б. А., Смагина Е. Б. Манихейство... С. 521–523.

¹⁹² Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen retrouvé en Chine // JA. XI. 1913. 1. P. 150 ff. А. М. Беленицкий отнес это сообщение к Средней Азии (Беленицкий А. М. Вопросы... С. 44).

¹⁹³ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 150–151.

¹⁹⁴ Henning W. B. Neue Materialien... P. 13–14.

¹⁹⁵ Id. Two Manichaeans... P. 49; ср.: Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 197.

¹⁹⁶ Flügel G. Mani... P. 97–98, 105–106, 318–319; Adam A. Manichaeism... P. 118.

¹⁹⁷ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 154–155.

¹⁹⁸ Maenchen-Helfen O. Manichaeans in Siberia // Semitic and Oriental Studies. University of California Publications in Semitic Philology. XI. 1951. P. 321. № 51.

¹⁹⁹ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 152–53. См. также: Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... P. 157. № 5, 292, 303; Shafer E. H. The Golden Peaches... P. 50.

²⁰⁰ Беленицкий А. М. Вопросы... С. 44–45.

²⁰¹ Marquart J. Çrândahr... P. 70, 226–227.

мугском документе, где фигурирует безымянный «тохарский царь»²⁰². Характерно также, что имя этого правителя бесспорно иранское — так в бактрийском языке называлась звезда Сириус.

Таким образом, посольство 719 г. характеризует, очевидно, положение во всем Тохаристане, наличие здесь, как можно заключить из сообщений письменных источников, нескольких религиозных учений. В одном из тюркских текстов также фигурирует «великий мо-джо тохаристанский (или тохаристанец)», вопрос об идентичности которого с тем мо-джо, о котором говорилось выше, нельзя считать решенным²⁰³. Вместе с тем, как мы узнаем из одной надписи на Афрасиабе²⁰⁴, в последней трети VII в. правители Согда и Чаганиана были приверженцами различных религий: первые, вероятно, были маздеистами, вторые — скорее всего, манихеями или буддистами. Манихейство сосуществовало с буддизмом не только в Чаганиане, но и во всем Тохаристане, оно было распространено также в Согде и Семиречье.

Как указывалось выше, из Средней Азии через Восточный Туркестан манихейство проникло в Китай. В 732 г. вышел указ императора Сюаньцзуна, в котором учение Мани было названо «туземной религией западных ху», под которыми имелись в виду не жители Средней Азии вообще, а скорее конкретно согдийцы. По этому указу проживающим в Китае чужестранцам, в том числе согдийцам-манихеям, разрешалось исповедывать свою религию. Указы 786 и 771 гг. дали им право строить храмы в пределах империи²⁰⁵. Из Китая манихейство распространилось во владениях Уйгурского каганата. Это связано с именем Бёгё-кагана. В 762–763 гг. он встретился в Лояне с манихейскими проповедниками, среди которых были высшие иерархи манихейской церкви. В течение двух суток без перерыва длилось его «обращение», после чего он вернулся в каганат с манихейскими проповедниками. Указом Бёгю-Кагана манихейство было объявлено государственной религией, и этот статус оно сохраняло до 840 г.²⁰⁶ Все это способствовало распространению манихейства в Семиречье.

Вообще буддизм и манихейство в Средней (и Центральной) Азии сосуществовали на протяжении длительного времени, причем, как отмечалось, буддизм оказал значительное влияние на пантеон, терминологию и даже концепции восточного манихейства (в меньшей степени и несторианства), а также на его религиозную практику²⁰⁷. Достаточно сказать, что одна из центральных идей восточного манихейства — концепция признания грехов — была заимствована из буддизма (в буддизме эта концепция развивалась и усиливалась в «Хинаяне», и особенно в «Махаяне», причем и для мирян). Под влиянием буддийских на востоке появляются манихейские монастыри (они распространяются и на западе). Манихейские сочи-

²⁰² Juridičeskie... P. 40. № 75.

²⁰³ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 197.

²⁰⁴ Лившиц В. А. Согдиана // Ленинский путь. Самарканд, 1965, 6 июля; он же. Надписи на фресках Афрасиаба // Тезисы докладов сессии, посвященной истории живописи стран Азии. (Гос. Эрмитаж, Ленинградское отделение Института археологии АН СССР). Л., 1965. С. 6. Помимо этих предварительных изданий, теперь доступен новый, исправленный перевод В. А. Лившица, см.: Альбаум Л. И. Живопись... С. 54–56. Но стоял ли во главе самаркандского посольства также мо-джо?

²⁰⁵ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 150, 154–155; Maenchen-Helfen O. Manichaeans... P. 321.

²⁰⁶ Chavannes E., Pelliot P. Traité manichéen... P. 186–197; Литвинский Б. А., Смагина Е. Б. Манихейство... С. 523–525.

²⁰⁷ Изучение проблемы сосуществования манихейства и буддизма берет начало в работах первых исследователей восточного манихейства. Подробную библиографию см. в кн.: Литвинский Б. А., Смагина Е. Б. Манихейство... С. 538. № 34. Серии глубоких исследований этого вопроса проведены профессором Х.-И. Климкайтом и профессором В. Зундерманом.

нения имитируют буддийские сутры. Мани снабжается в среднеиранских текстах титулом «бодисатва». Смерть Мани называется нирваной. Более того, в одном манихейско-парфянском тексте, там, где говорится о прибытии Мани в Туран (имеется в виду территория современного Белуджистана), к нему обращаются: «Вы — Будда, и мы — греховные человеческие существа». Один манихейский гимн на тюркском языке адресован «Моему отцу, Мани — Будда!»²⁰⁸ и т.д. Никаких попыток полемики с буддизмом в манихейской литературе нет. До остроумному замечанию Я.Асмуссена, манихейство атаковало буддизм единственным способом: заимствуя его положения и внося их в собственное учение²⁰⁹. Но это, так сказать, в идеологическом, точнее — в богословском, плане. В реальной же жизни каждая из религий неизбежно вступала в борьбу с другой. Одним из обычных приемов была вербовка адептов из числа правителей и вообще представителей господствующего класса. Так, уже первый миссионер манихейства на Востоке Мар Аммо, как рассказывается в согдийской верМи «миссионерской истории», в областях Абаршахра (Нишапура) и Мерва обратил в манихейство «бесчисленное количество царей и правителей, вельмож и благородных, цариц и знатных дам, принцев и принцесс», выполнив тем самым «все приказания и распоряжения, которые (были даны) ему (Мани)»²¹⁰. Существенно также, что, дойдя до конечной точки всего путешествия — warusan (к югу или юго-западу от Балха), как повествуется в сохранившемся отрывке среднеперсидской версии этой истории, Мар Аммо «победил учения других религий», так что на него обратил внимание некий Warusan-sah²¹¹. Картина достаточно красноречивая: никакой идиллии не было, шла напряженная религиозная борьба. Она осложнялась еще и тем, что в Тохаристане пустила корни и третья пришлая религия — христианство (точнее несторианство), отнюдь не отличавшаяся миролюбием.

Чрезвычайно сложен вопрос о взаимоотношениях буддизма и зороастризма. В иконографическом плане можно сказать суверенностью, что взаимовлияния имели место, и в результате создавались такие синкретические произведения, как фрески Бамиана и Духтари-Нуширвана; образ Рустама переплетался с образом бодисатвы и т.д. Вопрос же о влиянии буддизма на зороастризм в теологическом плане изучен очень мало. Тем не менее можно отметить следующее. По мнению такого авторитетного исследователя, как Р. Цэнер, зороастризм в сасанидскую эпоху явно испытывал влияние индийской религиозно-философской мысли²¹². В пехлевийско-зороастрийских книгах фигурирует злокозненный демон Az. По своему характеру он перекликается с буддийскими avidya — невежество и его проявлением trsna — «сильное желание», которое связано со стремлением продолжать существование; по существу Az — перенос в поздний зороастрийский мир вышеуказанных буддийских представлений, причем в зороастризме они значительно видоизменялись. «Если

²⁰⁸ Asmussen J. P. Xuastvânift... P. 253–261; Gabain A., Winter W. Türkische Turfantexte, IX. Ein Hymnus an den Vater Mani auf 'Tocharisch' B mit alttürkischen Übersetzung // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, 1956, 2. Berlin, 1958. S. 11. Связь манихейства с буддизмом отмечена и арабо-персидскими источниками (Flügel G. Mani... P. 85; Kessler K. Mani, Forschungen... P. 317, 372), а также западными источниками.

²⁰⁹ Asmussen J. P. Xuastvânift... P. 254. Важные замечания об отношении манихейства к другим религиям см.: Boyce M. On Mithra in the Manichaean Pantheon // A Locust's Leg. Studies in Honour of S. H. Taqizadeh. London, 1962. P. 44–45.

²¹⁰ Henning W. B. Waručân-Āh... P. 82; Id. Mittelliranisch... P. 94.

²¹¹ Id. Waručân-Āh... P. 86, 88. Согласно среднеиранской версии миссионерской истории, в Хорасан Мар Аммо был послан вместе с принцем Артабаном, парфянином, чем, очевидно, Мани хотел облегчить вербовку адептов из старой парфянской знати. См.: Andreas F. C., Henning W. B. Mittelliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan, II // SPAW. Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1933. 7–9. S. 303.

²¹² Zaehner R. C. The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. New York, 1961. P. 195–198.

идея по своему происхождению буддийская, — пишет Р. Цэнер, — то оформление ее полностью зороастрийское²¹³.

Более ясна картина влияния зороастризма и дозороастрийских иранских верований на буддизм. Проиллюстрируем это примерами из хотано-сакского и тумшукско-сакского. Так, хотано-сакское, *gyas, gyasna, gyasta*. И тумшукско-сакское *jezda* («дух», «почитание») восходят к авестийскому *yaz*, древнеперсидскому *yad*. Напротив, демон в хотано-сакском назывался *dyuva*, что следует сопоставить с древнеперсидским *daiva*, авестийским *daeua*. Буддийское божество судьбы *Sṛi* именуется в хотано-сакском *Ssandramata* — в «Авесте» это *spənta armaitis*, что было эпитетом земли. Термин для установления закона, именно *data*, стал употребляться в значении буддийской *dharma*. Как заключает из этого Г. Бэйли, «старая терминология стала частично применяться для новых буддийских идей»²¹⁴. Именно так обстояло дело и в других областях Средней и Центральной Азии.

Следует сказать несколько слов о христианстве. Как и манихейство, христианство попало в Бактрию — Тохаристан из Парфии²¹⁵. По Бируни, христианство проникло в Мерв примерно через двести лет после Христа. В Мерве, Мерверуде, Бадгисе, Герате упоминаются с начала IV—V в. христианские епископы, а во второй половине VI в. в Герате учреждается митрополия²¹⁶. Возможно к этому времени митрополии были и в других городах, есть, в частности, сведения о митрополии в Мерве²¹⁷.

Имеются археологические данные, подтверждающие распространение христианства в Мерве. Это некрополь (III—VI вв.), содержащий христианские погребения; небольшой монастырь (IV — сер. VI в.), очевидно связанный с христианами-мелькитами. Другое христианское сооружение находилось на Хароба Кошук в 18 км от Мерва. В других районах современной Туркмении найден клад раннехристианских золотых медальонов и бляшек (Геок-тепе), буллы с несторианским крестом²¹⁸.

Сведения о христианстве в Бактрии-Тохаристане, как указывает Э. Захау, очень скудные²¹⁹; до сих пор остается спорным вопрос, был ли в Балхе несторианский епископ²²⁰. Из сирийской «Книги законов стран», происходящей из школы Bardaican'a (умер в 222 г. н. э.), мы узнаем о христианах в Кушане. Это сообщение И. Маркварт с основанием относит к Бактрии. Сам Бардесан упоминает о христианах в Дарфии. Евсевий Кесарийский (263—340 гг.) приписывает Бардесану такие слова: «Христиане не многоженствуют в Парфии, подобно парфянам... и /они/ среди бактрийцев и гелов не оскверняют брачные узы». «Страна Кушан» также упоминается в гностическом «Гимне души», написанном, по-видимому, в 180—190 гг. н.э.

²¹³ Ibid. P. 229—230. См. также: *Id. Zurvan. A Zoroastrian Dilemma. Oxford, 1955. P. 166—183.*

²¹⁴ *Bailey H. W. Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts. Vol. IV. Cambridge, 1961. P. 12—13.*

²¹⁵ Карту распространения христианства в Иране и Средней Азии см.: *Meer F. van der, Mohrmann Ch. Bildatlas der frühchristlichen Welt. 1959. Pl. 36. О христианстве в Иране см.: Asmussen J. P. Christians in Iran // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (2). Cambridge, 1983.*

²¹⁶ *Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. II. 2. М., 1964. С. 275; Sachau E. Zur Ausbreitung des Christentums in Asien. Berlin, 1919. S. 64—66.*

²¹⁷ *Spuler B. Der nestorianische Kirche // Handbuch der Orientalistik. I. VIII. 2. 1961. S. 140.*

²¹⁸ *Дресвянская Г. Я. Христианский некрополь древнего Мерва // Материалы научной конференции аспирантов Ташкентского Гос. Университета. Ташкент, 1966; она же. Раннехристианские памятники Мерва до арабского завоевания // АДД. Ташкент, 1968. С. 1—22; Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. Истоки. Культура. Связи / под ред. Б. А. Литвинского. М., 1984. С. 123 (с библиографическими ссылками). См. основательный труд: Koşelenko G. A., Bader A., Gaibov V. The Beginnings of Christianity in Merv // *Iranica Antiqua*. XXX. 1995. P. 56—70.*

²¹⁹ *Sachau E. Zur Ausbreitung des Christentums... S. 67.*

²²⁰ См.: *Spuler B. Die nestorianische Kirche... S. 140.*

Ко времени Шапура II (IV в. н. э.) относится сообщение армянского автора Егише о том, что христианство распространялось до страны K'usank и оттуда на юг, до Индии. Козьма Индикоп-лев в своей «Христианской топографии» (середина VI в.) писал, что у бактрийцев, «хуннов», персов и «остальных индусов» церкви многочисленны²²¹. В 549 г., по просьбе эфталитов, несторианский патриарх Аба послал епископа для всех христиан в их владениях. В «Истории Мар Аба» сообщается: «Через короткое время haptran (сирийское название эфталитов) Kudai послал священника в качестве посла к царю царей (Хосрову Ануширвану). Эфталиты, которые были христианами (krestyane haptraye), написали также письмо святому патриарху (Аба I), прося его назначить священника, который был посланником, в качестве епископа всего царства эфталитов. Когда священник повидал царя царей и последний узнал о характере миссии, с которой он был послан, царь царей удивился этому». Просьба эфталитов была выполнена, и этот священник был назначен епископом страны эфталитов²²².

Христианство было распространено и у тохаристанских тюрков. Под 644 г. есть сообщение, что митрополит Мерва Elijah обратился за рекой Оксус (то есть в Тохаристане. — Б. Л. и Т. З.) большое количество тюрков — тюркского царя со всей армией, причем для этого ему пришлось вступить в состязание по части устройства чу-дес с тюркским «жрецом демонов»²²³. В 719 г. в Китай прибыло несколько посольств из Тохаристана. Одно из них, появившееся в первом месяце, возглавлял, по переводу Н. Я. Бичурина, «главный тухолоский старейшина»²²⁴ (по К. Эноки — «big chief Tukharestan»), причем в Китае он выступал в качестве представителя царя Фулинь, то есть Восточного Средиземноморья. До мнению К. Эноки, это может свидетельствовать о том, что несторианская церковь в Тохаристане находилась под западным контролем²²⁵. Не менее существенен содержащийся в этом сообщении намек на связь несторианской церкви с правящей верхушкой Тохаристана²²⁶. В надписи в Сияньфу (781 г.) упоминается пресвитер Miles — уроженец Балха²²⁷. К этому можно добавить, что о внутренней истории христианства в Бактрии-Тохаристане, как и вообще в Средней Азии, мы практически ничего не знаем. Высказано предположение, что в Средней Азии, как и на западе, христианство, в противоположность манихейству, адресовалось, по крайней мере вначале, нижним слоям населения²²⁸.

²²¹ См.: Бартольд В. В. О христианстве... С. 278. № 88; Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. 2nd ed. Darmstadt, 1961. S. 283; Mingana A. The Early Spread of Christianity in Central Asia and the Far East: A New Document // Bulletin of the John Rylands Library. IX. 2. Manchester, 1925; Никитин А. Б. Христианство в... С. 123—124. О Бардесане и его трудах см.: Drijver H. J. Bardeisan at Edessa // Studia Semitica Nederlandica. 6. Assen, 1966.

²²² См.: Mingana A. The Early Spread... P. 304—305; Altheim F. Geschichte der Hunnen. Vol. III. Berlin, 1961. S. 104—105.

²²³ См.: Mingana A. The Early Spread... P. 305—306.

²²⁴ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л., 1950. С. 331.

²²⁵ Enoki K. The Nestorian Christianity in China in Mediaeval Time, According to Recent Historical and Archaeological Researches // Accademia Nazionale dei Lincei. 62. Roma, 1964. P. 72. № 114.

²²⁶ Некоторые данные о христианстве у эфталитов см.: Altheim F. Entwicklungshilfe im Altertum. Die grossen Reiche und ihre Nachbarn. Hamburg, 1962. S. 120—121.

²²⁷ См.: Sachau E. Zur Ausbreitung des Christentums... S. 68.

²²⁸ См.: Spuler B. Die nestorianische Kirche... S. 140. Об отличиях в догматике и богослужении в восточных, в том числе среднеазиатских, областях см.: Mingana A. The Early Spread... P. 321. Есть и другие работы по истории христианства.

Наконец, помимо этих трех религий (буддизм, манихейство, христианство) в Тохаристане существовала и, представляется нам, была широко распространена среди масс городского и особенно сельского населения местная религия. Наши знания в области этой религии еще совершенно недостаточны, однако ясно, что во многих отношениях она имела точки соприкосновения и параллели в местной религии согдийцев²²⁹. Итак, в Тохаристиане и в той или в иной степени в других среднеазиатских областях в VI — начале VII в. мы находим подлинный конгломерат религий, сражающихся за умы и «души» населения, влияющих друг на друга и нередко взаимно переплетающихся. При этом удельный вес буддизма, как явствует из приводимых ниже сведений письменных источников и данных об археологических памятниках, был весьма велик. В целях удобства мы ниже располагаем этот материал по областям Средней Азии.

Согд. В Бэй-ши и Суй-шу говорится, что жители Кана (самаркандского Согда) «поклоняются Будде»²³⁰. В конце VII в. пользовался известностью буддийский паломник, носивший имя Самгхаварма (Sanghavarma) — он был уроженцем Кан²³¹, то есть самаркандского Согда. Тан-шу сообщает, что жители Кана почитают буддийскую религию и приносят жертвы небу (в последнем Э. Шаванн видел проявление маздеизма)²³². Однако эти сведения не совпадают с теми, что сообщает Сюань Цзян. В биографии Сюань Цзяна сказано, что в «стране» Кан-Самарканд «царь и народ не верят в буддизм, но почитают огонь. Здесь есть здания двух монастырей, но в них нет монахов. Если приезжающие монахи пытались останавливаться в них, местные жители выгоняли их горящими головнями». Именно это случилось с двумя монахами, сопровождавшими Сюань Цзяна. Вместе с тем сообщается, что в результате бесед Сюань Цзяна «царь и народ поверили в буддизм и было проведено большое собрание, для того чтобы посвятить некоторое число людей, которые после этого жили в монастырях»²³³. В описании же путешествия Сюань Цзяна никаких данных о буддизме в Самарканде нет²³⁴. Вполне вероятно, что успешные благочестивых «подвигов» буддийского монаха была преувеличена в его апологетической биографии. Можно предполагать, что с той же целью было подчеркнуто «неверие» жителей Кана. Во всяком случае, принимать полностью на веру эти слова Сюань Цзяна, совершенно противоречащие данным китайских хроник, на наш взгляд, по крайней мере рискованно. Сюань Цзян, по мнению Габэн, в городах со смешанным населением прежде всего разыскивал и интересовался буддистами-китайцами и индусами²³⁵. Контраст в этом отношении между Самаркандом и Тохаристаном должен был быть очень большим. Может быть, и в этом направлении следует искать объяснение столь резкого расхождения между сообщениями хроник и Сюань Цзяном.

²²⁹ *Henning W. B.* A Sogdian God // BSOAS. XXVIII. 2. 1965. P. 252–253; *Harmatta J.* Cusanica // AOr. XI. P. 196–209; *Humbach H.* Kušan und Hephtaliten // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. C. München, 1961. P. 18–25; *Widengren G.* Die Religionen Irans // Die Religionen der Menschheit, 14. Stuttgart, 1965. P. 333–343 (о религии согдийцев — с. 320–332).

²³⁰ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений... Т. II. С. 272, 281.

²³¹ *I-Tsing.* Memoire... P. 73–76.

²³² *Chavannes E.* Documentes sur les Tou-kiue... P. 136. № 1. По мнению некоторых ученых, китайский термин *Hsien*, которым китайцы обозначали религию населения Запада, в танское время означал зороастризм, но раньше, возможно, им обозначались буддийские божества (*Dien A. E.* A Note on hsien “Zoroastrianism” // *Oriens*. X. 2. Leiden, 1957. P. 284–288). Однако Г. Бэйли высказал предположение, что китайское *Hsien* происходит от иранского (*âθrya* — названия, связанного с огнем божества зороастрийского круга, см.: *Bailey H. W.* Indo-Scythian... Vol. IV. P. II. № 2.

²³³ *The Life...* P. 46–47.

²³⁴ *Beal S.* Buddhist Records... P. 32–33.

²³⁵ *Gabain A.* Buddhistische... P. 167.

Вместе с тем ясно и другое: буддизм в первой половине VII в. занимал в Согде значительно менее видное место, чем в Тохаристане. В дальнейшем его роль продолжала уменьшаться. В конце первой четверти VIII в. в Самарканде был единственный буддийский монастырь с одним монахом²³⁶. В одном из мугских документов упоминается *sr' mñ* «буддийский монах», а также *krph* — это, по мнению В. А. Лившица, по-видимому, санскритское *kalpa* — «установление, предписание», — термин, встречающийся в буддийских памятниках. Как пишет этот исследователь, «на территории Самаркандского Согда, как можно судить по мугским документам, в начале VIII в. буддизм сколько-нибудь заметной роли не играл». В. А. Лившиц предполагает, что этот документ адресован «лицу, находящемуся за пределами Самаркандского Согда, возможно, в одном из согдийских селений Семиречья...»²³⁷. Это предположение едва ли пока можно обосновать, хотя его нельзя считать и исключенным. Отметим также, что индийское *Buddha* — Будда через согдийское посредство (*bwty, rwty*)²³⁸ перешло в таджикский язык в значении «идол»²³⁹, иногда — «Будда»²⁴⁰. Вошедшее в таджикский и ряд других языков слово «шаман» — «идолопоклонник» происходит из согдийского *smñ* — «монах» (от пракритской формы санскритского *śramaṇa*)²⁴¹. Логичнее всего было бы предположить, что включение этих (и других аналогичных) согдийских слов в таджикский произошло именно там, где ареалы этих языков накладывались друг на друга, то есть в Средней Азии, скорее всего, в Согде или в соседних районах²⁴². Вместе с тем, как указал нам В. А. Лившиц, нельзя исключить и возможность «книжного» заимствования: из согдийской письменности (не обязательно, разумеется, среднеазиатского происхождения) в таджикско-персидскую литературу.

О буддийских культовых сооружениях в Согде свидетельствует древняя топонимика. В. В. Бартольд не без основания связывал название селения и сельского округа Санджарфаган (позже Зенджирбаг, к юго-востоку от Самарканда) с обозначением буддийского монастыря — сангхарамы. Он также считал, что Наубехарские ворота Самарканда и Бухары были первоначально связаны с вихарой²⁴³. Лингвисты подтверждают, что санскритское *vihara* могло отразиться в более позднем *bihar*²⁴⁴. Часто же встречающееся в литературе сопоставление²⁴⁵ с вихарой названия самого города Бухары с лингвистической точки зрения несостоятельно²⁴⁶.

²³⁶ Fuchs W. Huei-ch'ao's... P. 452.

²³⁷ Juridičeskie... P. 165–166.

²³⁸ Gershevich I. A Grammar of Manichaean Sogdian. Oxford, 1954. P. 4, 5, 179.

²³⁹ Henning W. B. Sogdian Loan-Words in New Persian // BSOAS. X. I. 1939. P. 94. Cp.: Herzfeld E. Zoroaster... II. P. 756.

²⁴⁰ Bailey H. W. The Word... VI. 2. P. 279–280. Обозначения Будды в разных языках Средней и Центральной Азии см.: Bailey H. W. Madu, A Contribution to the History of Wine // Silber Jubilee Volume of the Zinbun-Kagaki-Kenkyusho. Kyoto University. Kyoto, 1954. P. 7–9.

²⁴¹ Лившиц В. А. Согдийские слова в таджикском языке. I. P. 35; Абурейхан Бируни. Избранные произведения... II. С. 544–545. О термине *śrātana* в арабо-персидских источниках см.: Flügel G. Mani... P. 385–386; Alberuni's India... Vol. II. P. 261. № 21; о термине *śrātana* в индийской литературе см.: Śastri A. Śrāmāna or Non-Brahmanical Sects // The Cultural Heritage of India. Vol. I. Calcutta, 1958. P. 389.

²⁴² Henning W. B. The Inscriptions of Tang-i Azao // BSOAS. XX. 1957. P. 338; Lazard G. The Rise of the New Persian Language // The Cambridge History of Iran. Vol. 4. Cambridge, 1975. P. 607; Залеман К. По поводу еврейско-персидского отрывка из Хотана // ЗВОРАО. XVI. СПб., 1904. С. 046–045.

²⁴³ Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. II. I. 1963. С. 215–216.

²⁴⁴ Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М. О древней согдийской письменности Бухары // ВДИ. 1954. I. С. 155. № 1.

²⁴⁵ Frye R. N. Bukhara... P. 8–9; Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 80.

²⁴⁶ Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М. О древней согдийской... С. 155.

Учитывая все вышеизложенное, мы не можем согласиться с обычно высказываемым в литературе мнением, что буддизма к арабскому завоеванию в Согде не было. Правильной является более осторожная формулировка А. М. Беленицкого, знатока идеологии Согда: «...к периоду существования пенджикентских храмов VII в. буддизм был основательно оттеснен другими верованиями»²⁴⁷. Трудно при этом представить, что лишь в Согде буддизм не выдержал «конкуренции» других религий, а во многих иных областях Средней Азии выдержал. Возможно, здесь сыграли роль другие факты. Выскажем в этой связи одну догадку.

В какие отношения вступала сангха — буддийская община с государством, каков был ее юридический статус в Средней Азии, мы не знаем. Нет ничего невероятного в предположении, что в разные периоды эти отношения складывались по-разному. История китайской буддийской церкви показывает, что, усилившись, сангха пыталась обеспечить себе автономию от государственной власти (340—403 гг.)²⁴⁸, тибетская церковь слилась с государственной властью²⁴⁹. Вполне вероятно, что такие тенденции имели место в Средней Азии в VI—VIII вв.

На территории Согда проводились обширные и многолетние археологические раскопки. Пока они не привели к открытию каких-либо памятников VI—VIII вв., связанных с буддизмом. Произведения монументального искусства, открытые в Пенджикенте и Варахше, как считает А. М. Беленицкий, «не дают материал, который бы указывал на непосредственные связи этих памятников с буддизмом как с религиозной системой. Между тем понимать их, разобраться в их истоках без привлечения художественного наследия Индии, в первую очередь именно буддийского, мы также не в состоянии»²⁵⁰. С этим перекликается заключение другого исследователя среднеазиатской живописи — В. А. Шишкина. Он пишет: «Ни в Варахше, ни в Пенджикенте, ни в Балалык-Тепе нет и намеков на хорошо известную буддийскую иконографию. Отличаются эти росписи от синхронных росписей Индии и по стилю»²⁵¹. Ход дальнейших рассуждений А. М. Беленицкого и В. А. Шишкина, когда они пытаются объяснить бесспорные корреспонденции между искусством Пенджикента и Варахши, с одной стороны, и искусством Индии — с другой (количество их для Пенджикента в процессе раскопок за последние годы резко увеличилось), примерно одинаков: они ищут посредствующие хронологически и территориально звенья на юге Средней Азии, в Бактрии — Тохаристане. Мы в основном присоединяемся к этому, хотя между Согдом и Индией существовали и прямые контакты²⁵². Вместе с тем мы считаем необходимым обратить внимание на несомненный параллелизм, который возникает при исследо-

²⁴⁷ Беленицкий А. М. Вопросы... С. 39.

²⁴⁸ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 106—107, 231, 255 ff.

²⁴⁹ Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии. Пг., 1919.

²⁵⁰ Беленицкий А. М. К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье // Индия в древности. М., 1964. С. 189. Ср. попытку Йеттмара рассматривать сцену «Оплакивания Сиявуша» как сцену сожжения умершего Будды: Jettmar K. Zur "Beweinungsszene" aus Pendžikent // CAJ. VI. 4. S. 262—267. См. также: Bussagli M. Central Asian Painting... P. 47—48.

²⁵¹ Шишкин В. А. Варахша...

²⁵² Там же. С. 205—208. Они отчетливо отразились и на живописи, памятники которой недавно найдены на Афрасиабе, см.: Шишкин В. А. Афрасиаб — сокровищница древней культуры. Ташкент, 1966. С. 12—22; Альбаум Л. И. Живопись...; Silvi Antonini C. The Paintings in the Palace of Afrasiab // Rivista degli studi orientali. LXIII. 1—3 (1989). 1990. P. 109—144. Связи Согда с Индией были очень интенсивными. «Согдийцы, — пишет современный индийский исследователь, — глубоко проникли в индийскую историю и культуру». О распространении согдийцев в Северной, а может быть, и в Средней Индии, в частности, четко свидетельствуют индийские лингвистические материалы (*Buddha Prakash. Thakura* // CAJ. III. 3. 1958. P. 234).

вании манихейских и буддийских текстов из Восточного Туркестана, с одной стороны, и искусства Пенджикента и Варахши, с другой — за тем и другим маячит среднеазиатский буддийский фон²⁵³. Трудно отделаться от мысли, что во втором случае он был лишь тохаристанским; вероятнее наличие и согдийского субстратного элемента.

Но возвратимся к согдийской религии. Анализируя тексты, Г. Хумбах показал, что в пантеон согдийцев благодаря буддизму вошли пять индийских божеств: Брахма, Индра, Махадева (Шива), Нараяна и Вайшравана²⁵⁴. Трех первых из этих божеств они идентифицировали со своими, согдийскими божествами. Так, они идентифицировали Брахму со Зрваном, Индру с Адбагом, Махадеву с Вешпаркар, причем были восприняты важнейшие черты индийской иконографии этих божеств. Так, например, Брахма-Зрван имел, согласно Вессан-тара-джатака, бороду; Индра-Адбаг имел третий глаз, а Махадева (Шива)-Вишпаркар — три головы. Действительно, в живописи Пенджикента и Шахристана есть изображения трехголового мужского божества. Под одним из его пенджикентских изображений В. А. Лившиц прочел — *wspr(kr)* — Вешпаркар. Имеются и изображения Адбага, так согдийцы обозначали Ахура Мазду, имя которого называть избегали. А. М. Беленицкий и Б. И. Маршак считают, что «буддийское наследие» лежит в основе иконографии и некоторых других согдийских божеств, например, согдийская четырехрукая богиня на льве восходит к образу Парвати, жены Шивы. Есть и другие примеры²⁵⁵.

Известно, что во второй половине VI в. н.э. на развитие китайского искусства большое влияние оказала школа, основанная величайшим буддийским художником своего времени Цао Чжун-да — судя по его имени, выходцем из Средней Азии, из области Цао, причем неясно, из какой — восточной (Уструшана) или западной (в Самаркандском Согде)²⁵⁶. Имеются и другие аналогичные данные письменных источников. Еще более убедительными являются богатейшие фонды среднеазиатской раннесредневековой живописи. Сопоставление ее с восточнотуркестанской показывает, какой существенный вклад в развитие живописи в Восточном Туркестане внесла среднеазиатская живопись²⁵⁷. После наших открытий на Аджина-Тепе то же самое можно утверждать и в отношении скульптуры. Прошло время, когда среднеазиатское искусство считалось производным от иранского, однако до недавнего времени даже в капитальных трудах некоторых крупнейших западных исследователей преувеличивалась роль сасанидского искусства в сложении живописи Восточного Туркестана, а среднеазиатский вклад рассматривается как второстепенный²⁵⁸. Подлинно научный анализ всей совокупности имеющихся среднеазиатских материалов и сопоставление их с восточнотуркестанскими позволит заменить субъективные хронологические определения восточнотуркестанских фресок научными, а

²⁵³ Maršak I., Raspopova V. I. Buddha Icon from Penjikent // *Silk Road Art and Archaeology* (1997/98). 1998. P. 297–307; Abdullaev K. Une image bouddhique découverte à Samarkand // *Arts Asiatiques*. 55. Paris, 2000. P. 173–175.

²⁵⁴ Humbach H. Vayu, Śiva und der Spiritus Vivens im ostiranischen Synkretismus // *Acta Iranica*. 12e serie. 4. Leiden; Téhéran; Liège, 1975. S. 397–408.

²⁵⁵ Belenickij A. M., Maršak B. I. The Paintings of Sogdiana // *Sogdian Painting* / ed. by G. Azarpay. Berkeley; Los Angeles; London, 1981. P. 28–35.

²⁵⁶ См.: Hirth F. Biographical Notes on Some Chinese Ancient Painters // *TP*. II. VI. 1905. P. 434–435; Waley A. An Introduction to the Study of Chinese Painting. New York, 1961. P. 86–87; Bussagli M. *Central Asian Painting*... P. 53.

²⁵⁷ См.: Дьяконов М. М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // *Живопись Пенджикента*. М., 1954. С. 147–154.

²⁵⁸ См., например: Ghirshman R. *Iran, Parthians and Sasanians* // *Thames and Hudson*, 1962. P. 317–324.

также пересмотреть идеи о происхождении и развитии восточнотуркестанской живописи²⁵⁹. Но вернемся к Средней Азии. В раннем средневековье буддизм, судя по археологическим памятникам, был распространен также в Семиречье и в Фергане.

Семиречье. Д. Р. Кызлаев полностью раскопал один буддийский храм на Ак-бешиаоком городище (8 км к юго-западу от города Токмак); Л. П. Зяблин — второй (см. план на стр. и илл. Первый храм²⁶⁰ оказался замкнутым прямоугольным сооружением (76×22 м), вытянутым строго с востока на запад. Вход в узкой восточной стороне вел в подквадратный вестибюль, из которого можно было попасть в расположенные по бокам от входа привратные помещения (первоначально их было шесть) и проход в большой двор (32×18 м). Этот двор имел, очевидно, вдоль боковых сторон айваны — навесы. В противоположной входу узкой стороне двора был проход в восьмиколонный узкий зал, в глубине которого находилось квадратное святилище (с входом на стороне, обращенной к залу), окруженное обходным сводчатым коридором, который двумя проемами связан с колонным залом. Стены массивные, толщиной 2–3 м, кладка из пахеры и сырцового кирпича. Б западной стороне зала, по сторонам входа в святилище, имеются два узких ступенчатых постамента. Около одного из них на лотосовидных возвышениях расчищены ступни и ноги ниже колен крупной скульптуры Будды (длина ступни — 0,8 м). У другого пьедестала — фрагменты крупной скульптуры. По предположению Л. Р. Кызласова, на первом постаменте была крупная скульптура сидящего Будды с опущенными на пол ногами, на втором — скульптура сидящего Будды. Здесь имеется еще два пьедестала — суфы.

В святилище (площадь его 40 кв. м), как считает Л. Р. Кызлаев, находилась бронзовая статуя Будды — от нее сохранились мелкие фрагменты. Кроме того, были найдены бронзовые позолоченные бляхи с изображением буддийских сюжетов. В центре святилища — квадратное углубление.

Второй храм²⁶¹ имеет вид замкнутого квадрата со стороной 38 м, с главным входом, фланкированным пилонами с северной стороны и двумя узкими входами по бокам. Из центрального прохода попадали в прямоугольный дворик, с двух сторон оконтуренный дополнительными стенами — здесь логично предположить (вопреки Л. П. Зяблину) айванную конструкцию. В этот дворик выходили проход из центрального святилища и два прохода из опоясывавшего его с трех сторон внутреннего обходного коридора. Внешний коридор обходил и боковины предполагаемого айвана, заканчиваясь у фронтальной стены.

Центральное святилище имело внутренние размеры 10,5×10 м. План крестовидный, причем выступы-заполнения углов не перевязаны с основными стенами. Пол алтарного помещения приподнят на 0,9 м, вход в помещение по пандусу. В каждой из трех ниш — трехступенчатый постамент высотой 27–29 см, по сторонам которого сферические постаменты с изображением цветков лотоса. По углам

помещения располагались узкие еуфы. Во внутреннем и внешнем обходных коридорах также имелись постаменты для скульптур. Коридоры были сводчатыми (высота стен — 2,8 м). Стены в основном сложены комбинированной пахево-кирпичной кладкой. Их толщина 2,1 — 4 м. Стены были покрыты росписью (сохранился один небольшой фрагмент).

²⁵⁹ Ср.: *Andrews F. H. Wall Paintings from Ancient Shrines in Central Asia Recovered by Sir Aurel Stein. London, 1948. P. XVI.*

²⁶⁰ *Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды КААЭ. II. М., 1959. С. 155–227; Хмельницкий С. Г. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим // там же. С. 243–265; он же. Между кушанами и арабами... С. 226–231.*

²⁶¹ *Зяблин Л. П. Второй буддийский...*

Многочисленные скульптуры, по мнению Л. П. Зяблина, были стоящими. Из сохранившихся можно упомянуть голову бодиеатвы с пышным головным убором, фрагменты других голов: Будды (?), докшита (?), фрагменты скульптур (в том числе части прически очень крупной скульптуры центральной фигуры Будды) и лепнину.

Наконец, в Ак-Бешиме же А. Н. Вернштам в 1940 г. частично раскопал еще один буддийский монастырь, Здесь также имелось святилище с обходным коридором; найдены постаменты фигур; кровельная черепица, санскритская и уйгурские надписи.

С акбешимскими буддийскими монастырями связано одно сообщение китайских источников. Мы имеем в виду заметку в Суге (Суя-бе) у китайского путешественника VIII в. Ду Хуаня. Его путевой отчет не сохранился, но отрывок о Суге процитирован другого автора — Ду Ю (735—812). Отчет Ду Хуаня был закончен после 762 г., но само посещение Суге состоялось раньше, где-то около 750 г.

Синологи неоднократно обращались к этому тексту. Как недавно показал А. Форте, возможны два варианта его чтения.

Первый вариант перевода А. Форте: «Здесь есть также окруженный стенами город Суге. В 7-ой год Тяньбао (748) Вам Чжэицзянь, военный наместник Бейтииа (Вешбалык), атаковал Суге, /поэтому/ стены города были разрушены и строения деревни (деревень) превратились в руины. На месте, где раньше жила принцесса Цзяохэ, был построен монастырь Даюнь, который все еще существует».

При изменении пунктуации возможен иной вариант заключительной части отрывка:

«Это место, где в прошлом жили принцесса Цзяохэ. Монастырь Даюнь, который был воздвигнут / в Суге/? еще существует».

А. Форте отмечает несообразность, возникающую в связи с термином *уи* — «строения деревни (деревень)» — ведь Суге был большим городом. Примененный в тексте термин, как считает этот ученый, может быть применен для обозначения пригорода или какой-либо части города.

Синолог К. А. Фоменко любезно обратила наше внимание на то, что начальная фраза отрывка может быть истолкована и переведена иначе, но это совершенно не меняет значимой для нашей темы информации о монастыре Даюнь.

Э. Шаванн, со ссылкой на Ф. Хирта, понимал этот текст в соответствии с первым вариантом перевода, а именно в том смысле, что буддийский монастырь Даюнь был сооружен в 748 г. китайским генералом Зан Чжэнцзянем, причем в том месте, где жила принцесса Цзяохэ, дочь ашина Хуйдао. Вслед за ним этой интерпретации последовал Г. Клаусон, один из крупнейших авторитетов в области тюркологии, ныне покойный, который также сопоставил монастырь Даюнь с акбешимским монастырем, раскопанным Л. Р. Кызласовым. Однако Л. Р. Кызласов датировал раскопанный монастырь самым концом VII — началом VIII вв. Г. Клаусон предложил эту датировку «омолодить», чтобы совместить со своим и шаванновским пониманием китайского источника, т. е. середина и вторая половина VIII в. Разумеется, это предложение не имеет археологических обоснований и должно быть отвергнуто как произвольное и ошибочное. Нет также никаких доказательств и того, что монастырь Даюнь — это именно тот монастырь, который в Ак-Бешиме — Суябе раскопал Л. Р. Кызласов. К тому же, А. Форте показал, что эдикт об учреждении монастыря был выпущен 5 декабря 690 г., а сам монастырь мог быть построен между 693—705 гг. Косвенно эта ранняя дата подтверждается тем, что в тексте сказано, что когда Ду Хуань около 750 г. посетил Суге монастырь «еще существовал». Так не стали бы писать, если бы монастырь был воздвигнут

недавно, год-два. назад (в 748 г.). Поэтому надо исходить из второго перевода конца фрагмента китайского текста²⁶².

В Чуйской долине, близ поселка Краснореченского, произведены раскопки крупных буддийских сооружений.

Первый храм имеет квадратное в плане святилище с целлой размером 3,2 × 3,2 м. Стены его были хорошо оштукатурены, на них были полихромные росписи. С трех сторон святилище окружено обходным коридором шириной 2,3–2,7 м. Выходы из коридоров и целы ведут в открытый зал айваинового типа. Перед Т-образными выступами стен на фасаде целлы были небольшие постаменты, на которых, по-видимому, находились скульптуры. Стены целлы и коридора покрывала двухслойная штукатурка, которая была покрыта живописью. Среди сюжетов: Будда в арочной нише, цветы и др. Все это выполнено красной, синей и желтой красками и обведено черным контуром. Выказывалось мнение (А. Н. Бернштам), что эта живопись близка и живописи манихейского «храма К» в Кочо, но собственно манихейских сюжетов и реальных иконографических совпадений нет.

Имеется западная пристройка, функции которой не ясны. Стратиграфические данные и находки как будто указывают на время не ранее VIII–IX в., но вопрос о точной дате остается открытым.

В 0,5 км от первого расположен второй храм. Раскопки показали, что он пережил два периода. В первом периоде храм включал квадратную в плане цайду (6 × 6 м). Целла была окружена четырех-голенниши коридором, который был шире в задней части (3,15 м). Практически раскопан лишь один — западный коридор. Он сохранился на длину 10,4 м. Вдоль его восточной стены тянется высокий (1,4 м) хорошо оштукатуренный постамент (ширина 1,7 м), на штукатурке видны следы росписей. На постаменте на правом боку, головой к северу, находилась скульптура Будды з Нирване. Голова, верхняя часть туловища до середины груди отсутствует, сохранившаяся часть имеет длину 8 м. Из стены был сделан кирпичный выступ, который затем был моделирован в скульптуру двумя слоями штукатурки. Видны складки оденды. Скульптура и постамент окрашены в красный цвет. В завале встречены фрагменты наетинной живописи. Кроме того, на специальных постаментах внутри целлы располагались скульптуры²⁶³.

Во втором периоде произошли серьезные изменения. Входная стена переднего отрезка коридора была убрана. Пол в оставшейся части коридора был поднят; еще выше (на 80 см) был поднят пол внутри целлы. Вход в целлу был акцентирован с помощью двух устоев, образовался пештак с нишей и ступенчатой лестницей. По бокам входа были установлены стоящие фигуры бодхисаттв.

С этим храмом связаны находки двух позолоченный статуэток, изображающих Авалокитешвару, они являются индийским импортом. Кроме того, отсюда происходит каменная стела. На ее лицевой стороне в рельефе — буддийская композиция. Вверху внутри арки изображен Будда на лотосе; по сторонам от него — бодхисаттвы; ниже ступа и охраняющие ее львы; еще ниже — коленопреклоненные донаторы. Вудда и буддийские божества изображены на тыльной и боковых сторонах стелы. Иконография стелы остается неизученной.

²⁶² Литвинский Б. А. Еще о буддийских памятниках Семиречья (Киргизия) // ВДИ. 1996. 2. С. 190–193. См. также: *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue...; *Clauson G.* Ak Bešim-Suyab // JRAS. 1961. 1–2. P. 1–13; *Forté A.* An Ancient Chinese Monastery Excavated in Kirgizia // CAJ. 38. 1. 1994. P. 41–57.

²⁶³ Голованов Я. Чуйский колосс // Комсомольская Правда. 1962, July 7. С. 3; *Gorjačeva V. D.* The Early Medieval Monuments in Northern Kirgizia // *Buddhists for Peace*. 1. 1980. P. 49; *Кожемяко П. Н.* Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная Речка и Бурана (Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе, 1989. С. 18–23.

При этих раскопках, во втором храме археолог В. Горячева в 1984 г. обнаружила на полу помещения с Буддой в Нирване фрагменты (около 100) рукописи на бересте. Листы были склеены из листьев берестяной кожицы. Это, как нам любезно сообщила М. И. Воробьева-Десятовская, изучившая остатки рукописи, написанной брахми. Связный текст не восстанавливается. Можно прочесть лишь обрывки слов. До авторитетному заключению М. И. Воробьевой-Десятовской, рукопись была написана в VII в. и затем, в VII или VIII вв. привезена в Среднюю Азию. Монеты, иконографические аналоги и палеография позволяют датировать второй краснореченский храм и его скульптуру VII–VIII вв.

Кроме того; на территории Семиречья найдено несколько бронзовых буддийских статуэток VIII–X вв., в том числе изображающие Будду, бодхисатву и др.* Это импорт из Индии, в том числе из Кашмира²⁶⁴. Здесь же был найден каменный горельеф, выполненный в гандхарской традиции.

На скалах вокруг озера Иссык-куль есть множество буддийских тибетских надписей, особенно е формулой «Ом мане падме хум», изображения Будды и др.

Фергана. В 1958–1959, 1968–1969 гг. В. А. Булатова раскопала в Куве буддийский храм²⁶⁵. Он состоит из двух частей. Западная часть — собственно святилище. Оно подквадратной формы (11,9 × 11,2 м) с проходом; обращенным на юг, 3 центре помещения — квадратный кирпичный постамент (6,3 × 6,4, высота — 1 м), на который ведет лестница, расположенная по оси входа, Стенки постамента были украшены барельефными изображениями. В углах постамента — четверть-нишки.

Вдоль одной из сторон помещения — узкая суфа (постамент?). В северо-западном углу — возвышение (0,9 × 0,85, высота 0,9 м), южная его сторона снабжена декоративными ступенями. Кирпичные стены святилища покрыты многослойной штукатуркой, затертой алебастром, есть следы настенных росписей, в завале много фрагментов архитектурной лепнины. Перекрытие святилища было деревянным.

С востока к святилищу примыкает прямоугольное помещение (21 × 14 м), условно названное храмом. Фасады святилища и храма расположены на одной линии, но задний фасад храма значительно выступает. В северней половине храма расположена квадратная платформа — постамент (6 × 6 м), на углах которой — квадратные выступы. В середине сторон платформы — постамента — декоративные лесенки. Эта платформа-постамент является вариантом такого же постамента в центре святилища Калаикафирниганского храма (см. выше). Стены кувинского храма, видимо, были рассечены нишами, где стояли скульптуры. Вдоль двух стен тянулись ниши. Деревянное перекрытие поддерживалось деревянными же колоннами.

Фасадная стена имела ниши, стенки которых были расписаны. Перед частью стены был деревянный айван, здесь были установлены многочисленные глиняные статуи. Так, возле входа, лежала глиняная статуя божества в 2,5 раза больше чело-

²⁶⁴ Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и Средневековье. Л., 1983. С. 62–65. Figs. 249, 251–252; Горячева В. Д., Перегудова С. Я. Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. С. 167–189; Higuchi T. Studies on the Buddhist Sites of Northern Central Asia // Bulletin of the Research Center for Silk Road. 4. Tokyo, 1997. P. 121–184; Goryacheva V. New Findings on the Indo-Buddhist Culture in Kyrgyzstan // India and Central Asia (Pre-Islamic Period). Taškent, 2000. P. 99–106.

²⁶⁵ Булатова-Левина В. А. Буддийский храм в Куве // СА. 3. 1961. С. 241–250; Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972. С. 51–93. О кувинской скульптуре см.: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История... С. 34. По-видимому, в Фергане были и другие, помимо кувинского храма, буддийские сооружения, см.: Горбунова Н. Г. Раскопки поселений в зоне затопления Керкидонского водохранилища (Фергана) в 1964–1965 гг. // Секция археологии Средней Азии, тезисы докладов (АН СССР, Институт археологии, Пленум Института археологии 1966 г.). М., 1966. С. 17.

веческого роста, крупные и мелкие остатки двух крупных конных статуй и статуй воинов находились у стены.

При раскопках был обнаружен большой комплекс скульптуры. Среди находок, помимо вышеназванных, крупная, в два раза больше натуральной величины, скульптура Будды, найденная на постаменте в храме (сохранились голова, плечи и правая рука), торс бодисатвы, нижняя часть статуи, голова женского божества с венцом из черепов, отдельно — несколько глиняных черепов, голова льва и львиная маска, голова «воина Мары», статуи деват и др. (одна из голов — илл. 78).

Добавим, что перед храмом находился прямоугольный огороженный двор, вдоль входной его стороны располагались вспомогательные помещения²⁶⁶.

Открытие буддийского храма в Куве опровергает сообщение Хой Чао: в «/Фергане/ учение Будды неизвестно, нет никаких монастырей, ни монахов, ни монахинь²⁶⁷. Выяснилось, что все это в Фергане было. Вместе с тем Хой Чао, быть может, в данном случае не так уж недостоверен. Кува с ее храмом находилась в Южной Фергане, тогда уже завоеванной арабами, которые, вероятно, и разрушили кувинский храм.

Уструшана. Во многом неясным остается пока вопрос и о культовой принадлежности населения раннесредневековой Уструшаны. Разумеется, очень заманчиво привлечь с этой целью материалы процесса

уструшанца афшина Хайдара, который в 841—842 гг. был обвинен, в частности, в тайном отправлении религии своих предков и в том, что он разрешил жителям Согда продолжать исповедовать их религию. Подробное изложение хода и материалов процесса имеется в ряде работ²⁶⁸, поэтому мы остановимся лишь на тех пунктах, что связаны с нашей темой.

Средневековые источники сообщают, что афшин наказал двух мусульман, совершивших нападение на храм, где находились идолы, которых почитали жители Уструшаны. Приводя это место, Э. Херцфельд добавляет, что этот храм был буддийским²⁶⁹. При проведенном обыске во дворце афшина в Самарре был найден идол в виде деревянной фигуры, изображающей стоящего человека, богато украшенного, в частности, золотыми серьгами с драгоценными камнями. Там были найдены еще другие «непристойные» изображения, идолы. Все они были преданы огню.

Переводя и комментируя этот отрывок, Э. Херцфельд вспоминает об идолах, посланных в 864—865 гг. из Кабула в Самарру, и отмечает, что все это были, очевидно, буддийские статуи²⁷⁰. Казалось бы, в пользу этого предположения свидетельствует и следующее обстоятельство, известное из Табари. Один из хуттальских владетелей бежал от арабов сначала в Фергану, а из последней — в Уструшану, причем сообщается, что он привез «множество изображений» и установил их в Уструшане²⁷¹. «Бегство в Уструшану и то, что он там установил идолов, по-видимому, были не случайными», — пишет А. М. Беленицкий. Следует добавить, что правители Хутталя — об этом есть прямое сообщение источников (см. ниже) — исповедовали буддизм. И тем не менее даже все это не дает, вопреки мнению Э. Херц-

²⁶⁶ Мкртычев Т. К. Кувинский храм. Проблема интерпретации // Вера и культы домусульманской Средней Азии. М., 1997. С. 39—41.

²⁶⁷ Fuchs W. Huei-ch'ao's... P. 452; The Hye-Ch'o Diary... P. 54.

²⁶⁸ Herzfeld E. Geschichte der Stadt Samarra. Hamburg, 1948; Негматов Н. Уструшана в древности и раннем средневековье // Труды АН Тадж.ССР. LV. Сталинабад, 1957.

²⁶⁹ Herzfeld E. Geschichte... S. 148.

²⁷⁰ Ibid. S. 152.

²⁷¹ Ibid. S. 149. № 2.

фельда, оснований утверждать, что афшину инкриминировалось именно исповедование буддизма. Против этого, в частности, свидетельствует следующее обстоятельство. У главной, очевидно, статуи были золотые серьги, следовательно, она не могла быть фигурой Будды, а лишь фигурой бодисатвы. Маловероятно, учитывая хинаянистский характер среднеазиатского буддизма, чтобы в центре почитания был бодисатва.

Решение вопроса об удельном весе буддизма в Уструшане, который, как и в Согде, должен был играть определенную роль, зависит от дальнейшего наращивания археологических материалов. Они, несомненно, дадут ответ на этот вопрос.

Во время процесса афшина Хайдара всплыло и другое обстоятельство. Испахбад Табаристана Мазьяр показал, что в письмах, отправленных братом афшина к брату испахабада, говорилось: «Никто не может помочь победить этой «белой религии» (кроме меня, тебя и Бабека», и в заключение: «И религия вновь станет такой, какой она была в дни персов». Основываясь, видимо, на последней фразе, Э. Херцфельд полагает, что «белая религия» — это персидская, противопоставление исламу, но тут же сообщает, что ему неясно, почему именно «белая»²⁷². Как доказывает А. М. Беленицкий, «одетыми в белое» назывались в Средней Азии еще до восстания Муканны манихеи, ибо у них «избранные» должны были носить белую одежду; одетыми именно в белое они изображаются в манихейской живописи. Согласно китайскому изложению доктрины манихейского учения, сделанному в 731 г. н. э., одним из внешних признаков самого Мани считалось то, что он был одет в белые одежды — это символизировало чистоту «божества, света, могущества, мудрости, он восседал на белом троне»²⁷³.

Контекст вышеприведенного сообщения Табари не дает оснований для категорических заключений. Содержится ли в нем намек на возможность того, что манихейство было в какой-то степени распространено и в Уструшане? Ответить на этот вопрос трудно, ибо семья уструшанских афшинов продолжала придерживаться маздеизма, а тождественность понятий «белая религия» и «одетые в белое» весьма сомнительна.

В Уструшане, как и в Согде, главную роль продолжала играть местная религия. Подданные называли афшина Хайдара «богом богов» (так они обращались к нему, как он говорил в свое оправдание, по обычаю предков). На процессе это инкриминировалось Хайдару — и напрасно. Судя по документам с горы Муг, это выражение, как показал В. А. Лившиц, имело значение вежливого обращения и отнюдь не было связано с понятием о боге²⁷⁴. Хотя мусульмане, пишет В. Б. Хеннинг, знали это, они все же относились к этому идиоматическому согдийскому выражению с неодобрением. В результате стало возможным ложное обвинение Хайдара в самообожествлении²⁷⁵.

Вместе с тем в правящей семье Уструшаны были имена Divdad и Divdast (Divdast), в составе которых было слово div (ew), причем оно выступает здесь, по мнению В. Б. Хеннинга, в своем пер-воначальном значении — «бог»²⁷⁶. Перефразируя сло-

²⁷² Ibid.

²⁷³ Беленицкий А. М. Вопросы... С. 47.

²⁷⁴ Haloun G., Henning W. B. The Compendium of the Doctrines and Styles of the Teaching of Mani, the Buddha of Light // AM. III. 2. 1952. P. 194 ff. Cp.: Asmussen J. P. Xuastvânift... P. 162; Юридические... С. 41, 92–93.

²⁷⁵ Henning W. B. A Sogdian... P. 249. Здесь же — о семантическом ряде развития значения этих терминов.

²⁷⁶ Ibid. P. 253–254. И. М. Оранский считает, что в этих именах слово *dçw* связано с теми его значениями в современном таджикском и персидском, где оно перекликается с представлением «... обо всем сверхъес-

ва Хеннинга²⁷⁷, можно предположить, что на древнее язычество уструшанцев (очевидно, весьма близкое к согдийскому) оказала влияние также религия Зороастра. И это было тем религиозным учением, которого придерживались правители Уструшаны, что, в частности, вменялось в вину афшину Хайдару. Характерно, что, как показали последние археологические находки, в погребальном культе Уструшаны находили применение оссуарии. Вместе с тем мы можем предполагать, что в Уструшане к моменту арабского завоевания нашли распространение и другие религии.

Тохаристан. Судя по сообщениям буддийских паломников, в столице Тохаристана — Балхе, в VII — начале VIII в. функционировали многочисленные (около ста) монастыри, в которых было около трех тысяч монахов; здесь имелись разнообразные буддийские святыни; значительная часть населения исповедовала хиньянистское учение²⁷⁸.

Сюань Цзянь упоминает, что в Тами (Термез) в его время было с десятков монастырей, в которых жило около тысячи монахов, имелись ступы и изображения Будды. Он же сообщает, что в Чаганиане было пять монастырей с некоторым количеством монахов; в Шумане — два монастыря и небольшое число монахов; в Кубадане — три монастыря и около сотни монахов²⁷⁹.

Китайские источники сообщают, что в начале VIII в., в 719 г., правитель Цзюйми, то есть Кумеда, по имени No-lo-uep, отправил посольство в Китай. Э. Шаванн распознал в этом имени китайскую передачу индийской формы Naraṇa (или каких-либо ее местных вариантов). Я. Харматта считает, что этот факт с несомненностью указывает, что божество Naraṇa было популярным на этой территории в начале VIII в. н. э.²⁸⁰

Сюань Цзянь, перечисляя и кратко характеризуя области Тохаристана, называет области Nu-sha (Вахш) и Kho-to-lo (Хуттал), но в предельно лаконичных заметках об этих областях ничего не сообщается о распространении здесь буддизма²⁸¹. Напротив, Хой Чао сообщает, что в Хуттале «царь, знать и народ верит в триратну, имеются монастыри и монахи, исповедуют учение Хиньяны». То же самое сообщается и о Вахане, в то время как в Шуттане, по словам Хой Чао, буддийская религия не была распространена²⁸².

Блестящим подтверждением сведений Сюань Цзяня и Хой Чао о распространении буддизма в северной части Тохаристана является обнаружение Л. И. Альбаумом при раскопках на Занг-Тепе (в 30 км от Термеза) в слоях VII–VIII вв. рукописей на бересте. Наиболее сохранившийся лист написан центрально-азиатским брахми, язык рукописи — буддийский санскрит. Честь расшифровки первого из найденных на Занг-Тепе документов принадлежит М. И. Воробьевой-Десятовской. Как пишет этот исследователь, «по содержанию текст относится к той части буддийского канона, которая известна как Винайпитака (Vinayapitaka),

тестенном, необычайном по могуществу, силе, величине, ловкости, искусству и т. д.». См.: *Оранский И. М.* Этимологические заметки // ИООН. 12. Душанбе, 1957. С. 79–82.

²⁷⁷ *Henning W. B.* A Sogdian... P. 250. Сообщение источников о том, что афшин Хайдар раз в неделю убивал овцу, разрубив ее пополам (*Негматов Н.* Уструшана... С. 145), быть может, указывает, что в круг божеств уструшанского пантеона входил Фари, который в это время олицетворялся в образе барана.

²⁷⁸ *Beal S.* Buddhist Records... I. P. 44–46; *The Life...* P. 49–52; *The Hye-ch'o Diary...* P. 52; *Fuchs W.* Huei-ch'ao's... P. 449. См. также: *Foucher A.* La vieille route... P. 84.

²⁷⁹ *Beal S.* Buddhist Records... I. P. 39–40.

²⁸⁰ *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue... P. 164–204; *Harmatta J.* The Oldest kharosṭhī... P. 6.

²⁸¹ *Buddhist Records...* I. P. 41.

²⁸² *Fuchs W.* Huei-ch'ao's... P. 452–453; *The Hye-Ch'o Diary...* P. 54–55.

или просто как Виная. Это — правила поведения для монахов, монахинь и мирян, принявших буддизм, регламентирующие все стороны жизни, а также монастырский устав».

Другие документы на Занг-Тепе (всего здесь найдено, вместе с вышеназванным, 12 фрагментов, поддающихся чтению, и множество мелких) также написаны вариантами брахми и принадлежат к числу буддийских; на Занг-Тепе было, по-видимому, собрание буддийских текстов²⁸³. Уместно в этой связи отметить, что переводческая деятельность выходцев из Тохаристана продолжалась и в это время — так, в 705 г. буддийский монах из Тохаристана Ми-то-шань (Mi-tho-shan — Mitrosanta?) перевел на китайский язык одно буддийское сочинение²⁸⁴.

В современной и исторической топонимике Южного Таджикистана важное место занимает термин Пархар (Фархар) — наименование населенного пункта в Хуттале (сейчас это районный центр Пархар) и одноименной речки (низовья Кизыл Су). В X в., согласно «Худуд-ад-Алам», это слово произносилось Barghar²⁸⁵. Слово «п(ф)архар», как указывает В. Е. Хеннинг, происходит из согдийского βγr̥, которое, в свою очередь, восходит к vihara²⁸⁶.

Важнейшим памятником буддизма в Северном Тохаристане является Аджина Тепа. Не повторяя того, что сказано во второй главе относительно генезиса и специфики архитектурных форм этого замечательного памятника, отметим лишь, что в его планировочном решении, в особенностях архитектурного облика удается четко проследить влияние индо-буддийских принципов, синтез с местными приемами — одним словом, Аджина-Тепа зримо демонстрирует не только распространение буддизма, как религии, но и многих составных частей индо-буддийской материальной культуры. Чрезвычайно интересно в этом отношении и обнаружение замечательной аджина-тепинской скульптуры. Конечно, эта скульптура выдержана в духе буддийского канона, снабжена буддийскими аксессуарами — и вместе с тем она сильно отличается от индо-буддийской скульптуры. В результате раскопок Аджина-Тепа выявляется также наличие тохаристанско-буддийской школы архитектуры.

Вслед за открытием Аджина-Тепа последовали открытия других раннесредневековых буддийских памятников на территории Южного Таджикистана.

В дворцовом комплексе раннесредневекового центра Вахшской долины — городища Кафыр-кала Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция (начальник Б. А. Литвинский, раскопщик Е. И. Денисов) обнаружила небольшой буддийский храм — своеобразная дворцовая капелла. Она находится в юго-восточном углу комплекса и была возведена во II периоде, в VI в. и продолжала существовать и позже, в VII — нач. VIII вв.

²⁸³ Альбаум Л. И. Письменность из замка Занг-тепе // ОНУ. 2. 1963. С. 58—61; *он же*. Новые раскопки в Занг-тепе и индийские документы // Индия в древности. М., 1964. С. 199—209; *Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Е. Н.* Фрагменты санскритских рукописей из Занг-тепе (предварительное сообщение) // ВДИ. 1965. I. С. 154—162; *Воробьева-Десятовская М. И.* Памятники индийских письменностей из Средней Азии // Индия в древности. М., 1964. С. 210—217; *она же*. Памятники. 1983. С. 65—69.

²⁸⁴ См.: *Nanjio B.* A Catalogue of the Chinese Translations... Col. 440 (№ 147).

²⁸⁵ См.: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Гл. 2: Исследование // Сочинения. I. С. 118—119; *Беленицкий А. М.* Историко-географический очерк... С. 120—123; *Hudūd al-'Alam. The Regions of the World // A Persian Geography 372 A.H. — 982 A.D. / transl. and explained by V. Minorsky. GMS. XI. Oxford, 1937. P. 71, 119, 208, 360—361.* «Великим Фархаром», то есть «Великой Вихарой», называлась в средневековых персоязычных источниках Лхаса (*Hudūd al-'Alam...* P. 94, 262—63).

²⁸⁶ *Henning W. B.* Sogdian Loan-Words... P. 94. № 4. Этим была снята ранее предлагавшаяся Бенвенистом этимология. См.: *Hudūd al-'Alam...* P. 263. № 2.

Храм состоит из центрального святилища в виде квадратного помещения (3,4×3,4 м). В помещении было два прохода, один из них заложен. Вдоль двух стен шли суфы. Стены были покрыты живописью с изображением Будд и других буддийских персонажей. С четырех сторон центральное святилище было окружено четырехколенным обводным коридором. В середине западного отрезка коридора был проход, ведущий в айван. На входе в тронный зал были найдены фрагменты рукописей на бересте, с текстом, выполненным на брахми²⁸⁷.

На городище Кала-Кафирниган, расположенном в 80 км юго-западнее г. Душанбе, в 1975–1977 гг. раскопан Южно-Таджикистанской экспедицией (начальник Б. А. Литвинский, раскопщики А. А. Седов и В. С. Соловьев) буддийский храм²⁸⁸. Общая его схема следующая. Центральное помещение — квадратное святилище с двумя входами на одной оси, с трех сторон охвачено П-образным коридором, а с четвертой стороны, у одного из входов — четырехколенный портик. Из противоположного портику отрезка коридора один проем вел в маленькое квадратное помещение, располагавшееся вблизи продолжения оси святилища (проведенной через проходы), другой проход — в помещения внешнего пояса (два помещения, соединенные длинными узким коридором). К портику примыкает огороженный двор.

Святилище имеет почти квадратные очертания (4,65×4,95 м) — и, как указывалось, два прохода — на западной и восточных сторонах. В центре помещения — большой двухступенчатый звездчатый постамент. Первоначально он был крестовидный, позже он был перестроен и усложнен. В восточной части, обращенной к проему, ведущему к портику, был устроен блоковидный постамент, примкнутый к основному с четверть-куполами в углах. Можно думать, что здесь была скульптурная фигура сидящего Будды, на остальных трех сторонах — стоящие скульптурные фигуры. Углы помещения заполнены постаментами пятиугольной формы. На постаментах — следы ступней ног стоявших скульптур²⁸⁹.

В середине южной стены — крупная и глубокая арочная ниша с постаментом. На постаменте — сидящая скульптура Будды (сохранилось основание фигуры и голова). В левой доле ниши был тайник, где обнаружено 37 замурованных глиняных светильников — чирагов.

В этом святилище было по крайней мере девять крупных статуй: четыре на угловых постаментах, четыре на центральном постаменте, одна в нише, и, как показывают обломки, множество мелких. В этом отношении описанное помещение можно сопоставить с *ratimageha* «домом образа» цейлонских храмов²⁹⁰.

П-образный обходной коридор имел ширину 2,1–2,2 м. В его южном колене во внешней стене святилища была устроена ниша на том же месте, что и ниша внутри помещения. В ней на постаменте — фигура сидящего Будды, от которого сохрани-

²⁸⁷ Литвинский Б. А., Денисов Е. Р. Буддийская часовня в Кафыр-кале // АРТ. X (1970). Душанбе, 1973; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана... С. 22–23, 109–123; Воробьева-Дестовская М. И. ... С. 85–86.

²⁸⁸ Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 558–559; он же. Средневековый центрический мавзолей...; он же. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М., 1981. С. 116–138; он же. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории и культуры Центральной Азии. М., 1983; он же. Калаи-Кафирниган...

²⁸⁹ Постаменты, расставленные по углам комнаты 36 в Тапа Сардар, аналогичны, см.: IsMEO Activities // EW. 19. 3–4. 1969. P. 545–546. Pl. 9.

²⁹⁰ Geiger W. Culture of Ceylon in Medieval Times. Wiesbaden, 1960. P. 191.

лось лишь основание. Стены коридора были полностью расписаны, часть настенной росписи сохранилась.

Квадратное помещение, в которое попадали из западного отрезка коридора — расположенное (со значительным смещением) вблизи оси, проведенной через оси святилища, было очень небольшим (2,55×2,6 м). Его пол значительно выше полов остальных помещений. По углам помещения — перспективно-арочные трюмпы. Ярус трюмпов дополняется глубокими арочными нишами на высоте 0,4–0,6 м над полом. Помещения внешнего пояса носили вспомогательный характер.

Святилище пережило три периода. На основании находок монет и других данных третий период относится к началу VII — сер. VIII вв. Первый и второй периоды, вероятно, следует относить к концу V — началу VII в. На последнем периоде это был, несомненно, буддийский храм — *vihara*.

Раскопки Калаи-Кафирнигана привели к открытию серии поли-хромных буддийских скульптур и великолепной настенной живописи с изображением сцены пранидхи.

Наконец, недавно в Ховалингском районе Кулябской области Таджикистана М. Муллокандов раскопал буддийский монастырь Хишт-тепа. Это замкнутая постройка с входом, обращенным на восток. Из входа попадали в центральное крестообразное помещение с проемами посреди четырех сторон. Вдоль стен помещения и проходов тянулись суфы. На одной оси с проемом и проемами центрального помещения, в западной части комплекса находилось святилище — подквадратное помещение, окруженное с четырех сторон обводным коридором. Внутри святилища — ритуальная прямоугольная П-образная в плане платформа. На фасадной стороне ее пилонов — аркады. Из южного колена коридора можно было попасть в квадратную клетку, центр которой занимала крестовидно-звездчатая в плане ступа. Углы помещения были заполнены постаментами, на которых, очевидно, стояли статуи. Вдоль западного фаса располагались три кельи, восточного — служебные помещения. Здание было украшено живописью и скульптурой, которые сохранились в минимальной степени. Найдено большое количество глиняных моделей ступы²⁹¹.

При разведывательных раскопках на городище Калаи-Шадмон (в восточных окрестностях Душанбе) была обнаружена живопись. Несмотря на сильную разрушенность, можно предполагать, что она принадлежит к буддийскому кругу²⁹².

Из отдельных находок буддийского характера упомянем каменную голову Будды из Вахшской долины, найденную недалеко от Кафыр-калы²⁹³. Она скорее всего относится к V–VI вв.

Как указывалось выше, были обнаружены также памятники письменности. Наиболее важная находка была сделана в Сурхандарьинской области на Занг-тепе, где Л. И. Альбаум обнаружил 12 крупных и множество мелких фрагментов рукописей, написанных на бересте, письменностью брахми, теми его разновидностями, которые засвидетельствованы в гильгитских рукописях; язык — буддийский санскрит. На одном листе был написан текст из «Винаи» — свода правил поведения для монахов, монахинь и мирян, принявших буддизм, монастырский устав. Издавшая

²⁹¹ Муллокандов М. Раннесредневековый буддийский монастырь Хишт-тепа в Ховалингском районе Таджикистана // Информационный бюллетень МАИКЦА, 17. М., 1990. С. 12–20.

²⁹² Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Раскопки на Калаи-Шадмон в 1979 г. // АПТ. XIX (1979). Душанбе, 1986. С. 227–234. Fig. 4.

²⁹³ Litvinskij B. A., Solov'ev V. S. The Architecture and Art of Kafyr-Kala (Early Mediaeval Tokharestan) // Bulletin of the Asia Institute, 4, In Honor of Richard Nelson Frye. Aspects of Iranian Culture. Michigan, 1992. P. 63. Fig. 6.

этот текст М. И. Воробьева-Десятовская установила, что это раздел «Винаи», посвященный тем, кто отказался от принципов буддийского учения²⁹⁴.

В связи со всем этим есть смысл обратиться к рассмотрению двух проблем: 1) степени распространенности буддизма в Тохаристане; 2) характеру среднеазиатского буддизма.

Являлось ли сообщение Хой Чао о том, что в Тохаристане, в частности в Хуттале, не только царь и знать, но и народ причастны к буддизму, преувеличением? Нам представляется, что элементы преувеличения в нем, безусловно, есть. Но поставим вопрос иным образом: насколько глубоко буддизм вошел в жизнь населения Тохаристана или же он являлся в основном религией горожан, как, например, считает А. Габэн²⁹⁵. Действительно, в Восточном Туркестане и Китае буддизм распространялся в среде городского населения²⁹⁶. Возможно, вначале так было и в Средней Азии. Но в VII — начале VIII в. в Средней Азии существовали не только «городские островки» буддизма, но он в какой-то степени захватил и сельское население; об этом, помимо слов Хой Чао, непреложно свидетельствуют археологические памятники, прежде всего Аджина-Тепа, Хишт-Тепе и Занг-Тепе — памятники «негородского» буддизма.

Перейдем ко второй проблеме. Исследователи раннего китайского буддизма отмечают как его характерную черту «сосуществование» Хинаяны и Махаяны. Следует, однако, заметить, что заметных следов Махаяны не прослеживается в переводческой деятельности Ань-Ши-гао и его ближайших помощников, этот патриарх переводчиков сам являлся здесь основоположником одной из хинаянистских школ. Вместе с тем уже во II в. появляются и сочинения махаянистского толка. Но и в IV в. проповедники, приходившие в Китай из Тохаристана, были эрудитами в отношении составных частей Хинаяны²⁹⁷ — направления, которое преобладало в среднеазиатском буддизме вплоть до конца его существования. Судя по перечням переведенных сочинений²⁹⁸, многие из среднеазиатских выходцев были не только хорошо знакомы с трудами, отражающими учение Махаяны, но и занимались их переводами. Быть может, в этом следует видеть намек на какие-то совершенно неизвестные нам явления, связанные с возможными попытками распространения в Средней Азии и учения Махаяны и даже борьбы между представителями Малой и Большой Колесницы, как это было, например, в Хотане во второй половине III в. н.э.²⁹⁹

Как писал в VII в. упоминавшийся уже И Цзин, «те, что почитают бодисатв и читают сутры Махаяны, — приверженцы Махаяны, те же, кто не делает этого, — называются хинаянистами». Однако и он признавался в трудности отнесения отдельных школ к Хинаяне или Махаяне³⁰⁰. Монахи монастырей юга Средней Азии, судя по находкам письменных памятников, держали в руках сочинения хинаянистско-

²⁹⁴ См. № 283.

²⁹⁵ *Gabain A.* Buddhistische... P. 166.

²⁹⁶ *Zürcher E.* The Buddhist Conquest... I. P. 59.

²⁹⁷ *Ibid.* P. 33–34, 54, 72, 202–204.

²⁹⁸ *Nanjio B.* A Catalogue of the Chinese Translations... Cols. 38 ff.

²⁹⁹ *Zürcher E.* The Buddhist Conquest... I. P. 62–63.

³⁰⁰ *I-Tsing.* A Record... P. 13–15; *Franke O.* Zur Frage der... P. 216. По И Цзину (A Record... P. 14), «в Северной Индии и на островах Южного моря, они в основном принадлежат к Хинаяне, тогда как в Китае — к Махаяне». Подробный анализ этого утверждения И Цзина см.: *Hirakawa A.* The Rise... P. 75–84. О размещении и отношении монастырей и численности приверженцев Хинаяны и Махаяны, по данным Фа Сяна, Сюан Цзяна и Хой Чао см.: *Lamotte E.* Sur la formation du Mahâyâna // *Asiatica.* Leipzig, 1954. P. 392–396.

го характера, за пределами Средней Азии они проповедовали Хинаяну и переводили ее основополагающие труды, хинаянистами их называют проезжавшие здесь паломники-буддисты. Но это не значит, что в среднеазиатских монастырях не почитались бодисатвы. Как показывает иконография аджина-тепинской скульптуры, здесь изготовлялись и ставились в монастырях наряду с изображениями Будды и персонажей, связанных с его жизнью, также и бодисатвы. Однако здесь бодисатвы еще не выдвигаются на передний план, культ бодисатв не становится самодовлеющим.

И последнее. По-видимому, и в вероисповедном и церемониальном отношении среднеазиатский буддизм имел определенную специфику. Об этом свидетельствует прямое указание И Цзина, что церемония *uravasatha*, как она совершается в таких странах, как Тухара (Тохаристан) и Сули (Кашгар), отличается от этой церемонии в других странах³⁰¹.

Мерв. Для истории буддизма в Мерве в период раннего средневековья мы также располагаем интереснейшими археологическими данными. В древнем Мерве во втором буддийском святилище был найден сосуд с сасанидскими монетами V в. н. э. В сосуде, где были эти монеты, находились также каменные статуэтки Будды и спрессованные пальмовые листья. Это были, как установила М. И. Воробьева-Десятовская, листы буддийской рукописи — всего 150 листов, текст на которых написан черной «тушью» с двух сторон. Это конспект различных буддийских сочинений, названия которых в тексте отсутствуют. В первой половине рукописи изложены сюжеты притч, причем изложены очень кратко: основной смысл сюжета, имена действующих лиц — вот и все. Анализируя содержание рукописи, М. И. Воробьева-Десятовская пришла к важному заключению: «Краткая конспективная форма изложения, при которой записаны только те детали, которые необходимо было запомнить точно, свидетельствует о том, что мы имеем дело с заготовками для устных проповедей. Причем зафиксированы именно в том виде, в котором автору конспекта это было необходимо, чтобы оживить их в памяти в нужный момент. Перебирая листы, перекладывая их, монах в популярной форме излагал учение Будды непосвященным».

Вторая половина, написанная более тщательно и другим почерком, является компиляцией на основе главных текстов канона Сарвастивадинов. Имеется колофон, где, в частности, сказано: «Заказавшему /это/ написать с помощью лучшего друга, знатока «Винаи», /представителя школы/ Сарвастивадинов...» Здесь впервые происходящий из Средней Азии буддийский текст связан со школой Сарвастивадинов, что окончательно удостоверяет ее распространение на среднеазиатской почве³⁰².

Находки в Мерве, все то, что известно о распространении там буддизма, христианства и манихейства, в корне подрывают конструкцию Э.Херцфельда, в одной из своих работ противопоставлявшего Мерв, как центр и оплот зороастризма, Балху, как центру буддизма³⁰³.

³⁰¹ *I-Tsing. A Record... P. 49.*

³⁰² *Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Е. Индийские рукописи в Туркмении // Наука и жизнь. 1. 1966. С. 26; Воробьева-Десятовская М. И. Памятники... С. 69–85; она же. Памятники индийской и тибетской письменности I тыс. н. э. из Восточного Туркестана и Средней Азии как источники по истории и культуре // АДД. М., 1988. С. 10, 31–32. В расписной вазе из первого буддийского храма в Мерве была обнаружена еще одна рукопись (блок берестяных листов, не склеенных друг с другом). Однако эта рукопись еще не исследована. В свете новых открытий представляется вероятным, что известные мургабские пещеры, вопреки не раз высказывавшимся точкам зрения, все же имеют непосредственное отношение к буддизму.*

³⁰³ *Herzfeld E. Kushano-Sasanian Coins // MASI. 38. Calcutta, 1930. P. 13–14 (речь идет о длительном времени от аршакидского до конца сасанидского периодов).*

Таким образом, накануне арабского завоевания буддизм все еще занимал прочные позиции во многих областях Средней Азии. Это было хорошо известно арабским авторам, занимавшимся историей религии. Ан-Недим писал: «Этой веры /буддийской/ придерживалось большинство жителей Мавераннахра до ислама и в древности»³⁰⁴. «Весь восток Ирана был обращен в буддизм» — хотя в этих словах Э. Херцфельда³⁰⁵ (сказанных позже, в другой его работе) и наличествует элемент преувеличения, все же основная мысль бесспорна. В источниках, повествующих об арабском завоевании, неоднократно сообщается о разрушении или захвате идолов или «домов идолов»³⁰⁶. Вопрос о том, к какой религии относились те или иные из этих идолов, не может быть решен с достоверностью, но представляется вероятным, что среди них были и буддийские идола.

Знаменитый исследователь буддизма, буддийской археологии и искусства А. Фуше в свое время утверждал, что буддизм никогда не расцветал к западу от линии, соединяющей Кандагар и Балх. Она получила название «линии Фуше»³⁰⁷. Открытие буддийских памятников в Мерве, в четырех сотнях километров к западу от этой линии, опровергло эту гипотезу. Однако остался открытым вопрос о степени распространения буддизма во внутренних областях Ирана. Один из современных ориенталистов, Р. В. Булье, посвятил этому вопросу специальное исследование³⁰⁸. Он исходит из того, что название «Наубехар» в Балхе — иранизированная форма санскритского *nava vihara* — «новый монастырь». Он отмечает, что топоним «Наубехар» был распространен в раннеисламское время в Средней Азии и Иране. Он указывает на «Наубехарские ворота» в Самарканде и Бухаре, а также селение с таким названием около Бейхака (в Хорасане) и также на западе Ирана — у города Рей. Это название сохранилось в Афганистане и Иране (в том числе и на самом западе), но наиболее часто оно встречается в восточном Хорасане, от Сабзавера и Нишапура до Герата.

Буквальное значение слова «Наубехар» в современном фарси — «новый источник», но Р. В. Булье стремится доказать, что это слово применялось как топоним не в буквальном смысле. Более того, он склоняется к идее о том, что распространение этого топонима отмечает ареал некоей школы (или секты) иранского буддизма. Один из крупнейших современных иранистов — лингвистов Р. Э. Эммерик, скептически отнесся к этому построению. «До тех пор, пока точно не определено, что означает этот термин («наубехар») только из факта его засвидетельствованного присутствия было бы неразумным делать заключение, что связанные с ним поселения являлись важными центрами буддизма»³⁰⁹.

С арабским завоеванием Средней Азии обычно связывают прекращение существования буддизма в этой стране. Такое утверждение неточно. Ниже приводятся данные относительно долины Бамиана. Следует сказать, что и на севере Средней Азии, в Семиречье, за пределами основного ядра покоренных арабами территорий, продолжают существовать и воздвигаться новые буддийские культовые сооружения. Они были открыты и исследованы А. Н. Бернштамом, который их датировал IX—

³⁰⁴ Бартольд В. В. О христианстве... С. 269. См. также: Flügel G. Mani... P. 386; Navdi S. The Origin of the Barmakids // Islamic Culture. The Hyderabad Quarterly. VI. 1. 1932. P. 5.

³⁰⁵ Herzfeld E. Zoroaster... II. P. 755.

³⁰⁶ Детальные сведения по этому вопросу приведены в трудах В. В. Бартольда.

³⁰⁷ Foucher A. La vieille route... P. 280—283.

³⁰⁸ Boulliet R. W. Naw Bahâr and the Survival of Iranian Buddhism // Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies. XIV. London, 1976. P. 140—143.

³⁰⁹ Emmerick R. E. Buddhism in Pre-Islamic Times // Encyclopedia Iranica. Vol. IV. Fasc. 5. London; New York, 1990. P. 493.

XII вв.³¹⁰ Характерно при этом продолжение традиции — буддийские культовые постройки имелись в IX—X вв., в частности, на том самом Ак-бешимском городище, о храмах которого подробно говорилось выше³¹¹.

В истории буддизма в Семиречье много неясного. Известно, что у уйгуров в 762—845 гг. манихейство становится государственной религией, причем были сожжены почитавшиеся до этого изображения Будды. В самом Семиречье манихейство также распространяется — хакан западных тюрок в VIII в. считался могущественным покровителем всех манихеев Востока, вплоть до Китая³¹². Возможно, именно с этим периодом связано запустение первого и второго ак-бешимских храмов. В 766 г. каган западных тюрок-тюргешей был разгромлен карлуками, которые заняли Суяб и Талас³¹³, причем, по-видимому, к этому событию относятся слова Джахиза (умершего около 868 г.), видящего причину этого поражения в «изнеживающем» влиянии, оказанном на тюрок манихейством³¹⁴. В IX в., после падения Уйгурского государства, уйгуры вынуждены были продвинуться с переменным успехом с карлуками в области между Или и Иссык-Кулем³¹⁵. Приход сюда уйгуров, возможно, усилил позиции манихейства. По словам ан-Недима, манихеи жили в Самарканде и преимущественно в цукате³¹⁶ (в другом случае в «Фихристе» — Навекат), то есть в области Таш-кента в Семиречье³¹⁷. По мнению В. Минорского, «Фихрист» в данном случае освещает главным образом ситуацию начала X в. и вместе с тем включает также данные о более ранних переселениях манихеев в области, занятые тюрками. Характерно, что Навекат вместе с тем является резиденцией несторианского епископа³¹⁸.

Однако постепенно, как показывают источники, значение буддизма возрастает. К X в. он вновь приобретает очень большое число сторонников среди тюрок, согдийцев, саков, тохарцев и китайцев Восточного Туркестана; можно говорить не только о возрождении, но и о расцвете буддизма в это время³¹⁹. По-видимому, аналогичные процессы происходили в Семиречье, где сохранению буддизма способствовало ослабление саманидского государства к середине X в.

С монгольским завоеванием связывается кратковременное возрождение буддизма в Средней Азии. Памятником этого процесса является буддийская кумирня в Мерве, которая датируется второй половиной XIII в. Судя по остаткам декорации, она была оформлена в духе дальневосточных традиций, в целом же архитектура ее

³¹⁰ Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. 14. М.; Л., 1951. С. 18—55, 131—133, 139—140; он же. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 295,

³¹¹ Кыласов Л. Р. Археологические исследования... С. 236. № 10.

³¹² Gabain A. Der Buddhismus... S. 506—7.

³¹³ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue... P. 286.

³¹⁴ Marquart J. Osteuropäische... P. 91—93; Hudūd al-'Ālam... P. 267—268, 287.

³¹⁵ Hudūd al-'Ālam... P. 287.

³¹⁶ Flügel G. Mani... P. 106.

³¹⁷ Hudūd al-'Ālam... P. 89—90; Юридические... С. 27—28.

³¹⁸ Hudūd al-'Ālam... P. 290. № 2.

³¹⁹ Gabain A. Der Buddhismus... S. 507. В тибетских письменных источниках, говорящих о распространении буддизма в X в., фигурирует река, которую иногда сопоставляют с Яксартом — Сыр-Дарьей (*Das S. Ch. On the Kāla Cakra System of Buddhism which Originated in Orissa* // Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. 3. 1907. Calcutta, 1908. P. 225—227). Однако такая локализация покоится, как указала М. И. Воробьева-Десятовская, на очень шатких основаниях, по-видимому, в тексте фигурирует мифическая, а не реальная река.

эkleктична³²⁰. Последняя волна буддизма, уже в ламаистской форме, связана с эпохой развитого средневековья. Вещественные следы — в частности, в виде знаменитой формулы «ом мани падме хум» — встречаются во многих точках на севере Средней Азии.

Чрезвычайно важна в научном отношении проблема роли буддизма и связанных с ним элементов светской культуры, а также искусства в дальнейшем развитии среднеазиатской культуры — после арабского завоевания и введения ислама. По существу, это часть более общей проблемы о «домусульманском» наследии цивилизации народов Средней Азии. В этом плане научные исследования почти не проводились, и многое еще остается неясным. Не считая в настоящей работе возможным освещать ее во всех аспектах, остановимся лишь на нескольких моментах этой интереснейшей проблемы.

В средневековых сочинениях по суфизму список суфиев начинается именем Ибрахима ибн Адхама, балхского принца, умершего в 777 г. н. э. История его «обращения» в мусульманство во многом напоминает историю «обращения» Будды. Вместе с тем он имел контакты с христианскими отшельниками. Балхцем же был еще один из самых ранних суфиев — ученик Ибрахима по имени Шакик, умерший в 810 г. Ибн ал-Мубарак (умер в 797 г.) происходил из Мерва; известен еще целый ряд суфиев из «Хорасаиской группы», которая занимала ведущее место в раннем суфизме³²¹. Уже Бируни указал на точки соприкосновения учения ранних суфиев, в том числе Абу Бахра аш-Шибли (861–945 гг.) и Абу Йазид ал-Бистами (умер в 878 или 879 г. н.э.) а также не названного им по имени суфия ал-Хаддаджа (умер в 922 г.), с одной стороны, и индийских религиозно-философских учений — с другой³²². Первый из этих суфиев был уроженец Мавераннахра, второй — города, расположенного в Северном Иране, у Каспийского моря, третий много лет провел в Хорасане, Средней Азии и Индии. Один из этих суфиев, а именно Абу Йазид ал-Бистами, впервые выдвинул положение о фана — буквально — небытие», состояние, когда человек исчезает, слившись с божеством. Вскоре это положение было воспринято большинством школ суфизма, причем фана рассматривался конечной целью путника тариката («суфийского пути»)³²³.

Ряд специалистов по истории суфизма, в том числе такие крупные, как М. Хортен³²⁴, сопоставляют фана с буддийской нирваной, другие, в том числе Е. Э. Бертельс, отрицают возможность такого сопоставления³²⁵. А. Кремер, И. Гольдциер, Р. Никольсон, М. Хортен и другие вообще выдвинули идею, что в учении ранних суфиев

³²⁰ Пугаченкова Г. А. Буддийская кумиря в Мерве // КСИИМК. 54. 1954; она же. Пути развития архитектуры... С. 351–357.

³²¹ Nicholson R. A. A Literary History of Arabs. Cambridge, 1950. P. 232–233; Arberry A. J. Sufism. An Account of the Mystics of Islam. London, 1950. P. 35–41; Id. Sufism, Handbuch der Orientalistik. I. VIII. 2. Leiden; Köln, 1961. S. 451–452.

³²² Абурейхан Бируни. Индия... С. 114.

³²³ Бертельс Е. Е. Происхождение суфизма и зарождение суфийской литературы // Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965. С. 32. Подробнее об этом см.: Massignon L. Essai sur les origines du lexique technique de la mystique musulmane. Paris, 1922. P. 38–39, 75, 96; Goldzieher J. Vorlesungen über den Islam. 2nd ed. Heidelberg, 1925. S. 162–342 (№ 122); Ali Abdel Karim. Al-Junayd's Theory of Fanâ // The Islamic Quarterly. I. 4. 1954. P. 219–228.

³²⁴ Norten M. Die indische Strömungen in der islamischen Mystik, I // Zur Geschichte und Kritik. Materialien zur Kunde des Buddhismus. 12. Heidelberg, 1927. S. 17–24.

³²⁵ Бертельс Е. Е. Происхождение суфизма... С. 32.

имеются признаки влияния индийских философских школ³²⁶, однако, по мнению Е. Э. Бертельса, вопрос во многом остается нерешенным³²⁷.

Что касается именно буддизма, И. Гольдциер привел ряд данных о том, что буддизм и суфизм имеют точки соприкосновения. Он указал, в частности, что в аскетической мусульманской литературе весьма обильно разрабатывался сюжет о могущественном правителе, отказывающемся от своего земного царства и становившемся сторонником отрицания мирской жизни. Именно в этой связи он подробно разбирает биографию Ибрахима ибн Адхама, вопрос о соотношении буддийского и мусульманского странствующего монашества и др. Вывод И. Гольдциера: собранные им факты следует рассматривать как признаки влияния буддизма, хотя он не отрицает и других влияний³²⁸.

Против признания роли буддизма в развитии суфизма выступал, в частности, Д. Масиньон. Полемизируя с другими исследователями (Гольдциер, Никольсон), он утверждал, что буддизм в этом процессе не следует принимать во внимание. В системе его возражений значительное место занимают следующие соображения: 1) в самой Индии к VIII в. буддизм пришел в упадок; 2) от гипотезы о так называемом «наубехаре» в Балхе теперь отказались³²⁹. Нетрудно видеть, что оба эти довода бьют мимо цели: буддизм действительно к VIII в. утратил свое бывшее значение в Индии, но вместе с тем играл важнейшую роль на юге Средней Азии и Афганистане, то есть на территории, выходцы с которой сыграли важную роль в сложении суфизма. Не входя в дальнейшее обсуждение этой специальной проблемы, отметим еще лишь следующее. В свете имеющихся сейчас и непрерывно увеличивающихся данных о распространенности и влиянии буддизма на этой территории, при проецировании и «наложении» на эти известные науке сведения о развитии и характере раннего суфизма, вероятность влияния на него идеологии и практики буддизма становится, как нам представляется, все более очевидной.

Выше мы приводили сведения о переводчиках буддийских сочинений — выходцах из Средней Азии. Было бы совершенно невероятно, если бы они переводили громадное число сочинений на китайский язык и не занимались бы переводами на свои родные языки — согдийский, бактрийский и др. В самом деле, согдийские переводы буддийских сочинений, хорошо известные по Восточному Туркестану³³⁰, ясно свидетельствуют, что дело обстояло именно так. Следовательно, в Средней

³²⁶ *Nicholson R. A. A Literary History...* P. 289–391; *Norten M. Die indische Strömungen...* См. также соображения В. А. Жуковского, что Иран стал местом встречи идей неоплатонизма и индийского пантеизма (*Žukovskij V. The Idea of Man and Knowledge in the Conception of Persian Mystics* // BSOAS. VI. I. 1930. P. 153).

³²⁷ *Бертельс Е. Е. Нур-ал'улум* // Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. С. 226.

³²⁸ *Goldzieher J. Vorlesungen über...* S. 159–164 (Русский перевод: *Гольдциер И. Лекции об исламе*. СПб., 1912. С. 147–152). Изложение специальной работы И. Гольдциера «О влиянии буддизма на ислам» на венгерском языке см.: *Duka T. The Influence of Buddhism upon Islam* // JRAS. 1904. P. 125–41.

³²⁹ *Massignon L. Essai sur les origines...* P. 63.

³³⁰ Считается, что большинство ныне сохранившихся согдийских буддийских текстов было переведено с китайского на согдийский. Однако были переводы и с других языков, в том числе с санскрита, см.: *Henning W. B. Sogdica* // J. G. Forlong Fund. XXI. London, 1940. Ср.: *Klíma O. Dějiny aveské, staroperské a středoperské literatury* // *Dějiny perské a tadžické literatury* / ed. by J. Rypka. Prague, 1963. P. 50. (Мы пользовались рукописным русским переводом, выполненным В. А. Лившицем, за предоставление которого приносим ему свою благодарность). Сохранились также переводы индийских буддийских оригиналов на тюркский, «тохарский» язык и языки саков Хотана и Тумшука, см.: *Bailey H. W. An Indo-Scythian Version of the Kuśa Jātaka* // *Sarūpa-Bhārati of the Homage of Indology. Vishveshvaranand Indological Paper Series*. 13. Hoshiarpur, 1954. P. 2.

Азии должны были существовать многочисленные переводы буддийских трудов, а также других индийских сочинений (переводы художественной литературы существовали бесспорно, очевидно, переводились и научные сочинения). Логично поэтому предположить, что в доисламской Средней Азии буддизм являлся одним из важных компонентов идеологической жизни. Не только в крохотные монастырские кельи и в обширные дворцовые палаты, но и в дом бедняка-ремесленника и лачугу крестьянина — всюду проникала эта религия, во всяком случае, в Тохаристане (вспомним слова Хой Чао).

Говоря об истории буддизма, В. Н. Топоров справедливо отмечает, что было бы неправильно «ограничиться лишь указанием основных направлений в развитии буддизма как религии и не упомянуть о замечательных достижениях в области построения неаристотелевой логики, по-настоящему понятой и оцененной лишь в XX в., психологии, философии, художественной литературы и искусства»³³¹. Для Средней Азии буддизм, кроме того, явился своеобразным «мостиком» к индийской культуре в целом. С распространением буддизма резко усилился культурный взаимообмен Средней Азии и Индии.

К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...религия разворачивается во всей своей практической универсальности лишь там, где нет никакой привилегированной религии...»³³². Эта характеристика, на наш взгляд, вполне приложима и к положению буддизма в древней и ран-несредневековой Средней Азии, где не было единой государственной религии. Необходимо отметить, что в буддийских монастырях новички изучали не только священные тексты и предписания, но и светские науки³³³. Среди документов III в. на кхарошти из Нийа имеется один (№ 514), в котором излагается своего рода «программа обучения». Она включала, в частности, изучение медицины и грамматики, музыки, земли, ветров и звезд, поэзии и живописи³³⁴. В индийских монастырях наряду с буддийским богословием изучалась светская литература, грамматика, филология, медицина, искусство и др.³³⁵

Следует сказать несколько слов о распространении индийской литературы. В последнее столетие сасанидского правления были обработаны занимательные индийские сюжеты, в частности тот, что впоследствии в арабской передаче стал известен в качестве «Тысячи и одной ночи»³³⁶. Уроженец Нишапура Бурзое перевел индийский сборник рассказов и басен «Данчатантру», перевод назывался «Калилак и Димнак». Много известных литературных произведений пришло в среднеазиатскую литературу из Индии, такие, как «Калила и Димна», две книги о Синдбаде, чрезвычайно популярная позднее легенда о Будасафе (Йудасафе) и Билаухаре, достигшая Европы и известная в европейских литературах под названием «Варлаам и Иосаф»³³⁷. Вариант этой легенды о Варлааме известен из манихейско-уйгурских фрагментов³³⁸; несомненно, она была распространена и в Средней Азии — указания

³³¹ Топоров В. Н. Дхаммапада и буддийская литература // Дхаммапада, пер. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова. М., 1960. С. 11.

³³² Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Сочинения. II. М., 1955. С. 129.

³³³ Zürcher E. The Buddhist Conquest... I. P. 9, 141; Schwarz P. Bemerkungen zu den arabischen Nachrichten über Balkh // Oriental Studies in Honour of C. E. Pavry. London, 1933. P. 439.

³³⁴ Bailey H. W. Romantic Literature in Early Khotan // Mélanges Massé. Teheran, 1963. P. I.

³³⁵ Dutt S. Buddhist Monks... P. 319–327.

³³⁶ Klíma O. Dějiny avestské... P. 41.

³³⁷ Ibid. P. 43–44. См. также: Rhys-Davids T. W. Buddhist... P. XXVII–XXIX, XXXIII–XXXVIII.

³³⁸ Klíma O. Dějiny avestské... P. 49.

на это можно извлечь из согдийских и парфянских манихейских сочинений³³⁹. Известно, что в Восточном Туркестане найдены фрагменты индийских драм на санскрите и пракритах. Вместе с тем имелись переводы (переделки?) индийских драм на хотано-сакский язык³⁴⁰.

Говоря о распространении в Средней Азии индийской литературы, надо иметь в виду и следующее. В самой Индии огромное число литературных и фольклорных произведений было снабжено религиозным обрамлением или даже включено в религиозно-буддийские труды. Так, например, в одном из важнейших трудов преобладавшей в среднеазиатском буддизме школы сарваствивадов, в «Винае» (кстати, уже найденной и в Сурхан-Дарье и в Марыйской области), имеется большое число беллетризованных новелл, в частности романтического характера. Одна из них — история любви принца Судхана и волшебницы Монохара — была переведена с санскрита на хотано-сакский и сохранилась в свободной стихотворной обработке, сделанной безымянным поэтом-саксом. На хотано-сакском языке сохранилась в стихотворной передаче также история о Раме и Сите и др.³⁴¹

Сами по себе эти переводы отнюдь не всегда были буквальными. Переводчики делали изменения и вставки, проецируя свои представления, почерпнутые из окружающей их жизни. Так, например, переводя индийскую Vessantara jataka на согдийский язык, переводчик-согдиец, как установил В. А. Лившиц³⁴², внес в перевод текст принятой в его время клятвы, той самой, что применялась в тогдашней юридической практике.

В Среднюю Азию проникали идеи индийской астрономии³⁴³. По словам Бэйли, распространение вместе с буддизмом также индийской медицины из Индии в страны, лежащие к северу, — «отличительная черта индийской культуры». С 200 г. н. э. до 1000 г. н.э. индийские медицинские трактаты изучались и переводились на языки Центральной Азии. Сохранились переводы индийских медицинских сочинений на хотано-сакский, согдийский, тохарские, уйгурский, тибетский и другие языки. Вместе с тем индийская медицина и фармакология распространились и в Иране³⁴⁴. Несомненно индийская медицина должна была иметь какое-то распространение и в Средней Азии. Исследование источников позволяет извлечь данные и о других разделах индийской науки, оказавшей влияние на среднеазиатскую. Разумеется, среднеазиатская наука оказала, в свою очередь, влияние на индийскую. Приведем один пример. Среднеазиатские хи-

³³⁹ Lang D. M. The Wisdom of Balahvar... P. 28. В X в. существовали персидско-таджикские версии этой легенды, известны фрагменты манихейско-персидских рукописей. См.: Henning W. B. Persian Poetical Manuscripts from the Time of Rudaki // A Locust's Leg. Studies in Honour of Taqizadeh. London, 1962. P. 89–98.

³⁴⁰ Bailey H. W. Ma'hyara // Bulletin of the Deccan College Research Institute, S. K. The Felicitation Volume. P. 1–2.

³⁴¹ Id. Romantic... P. 1–4; Id. Lyrical Poems of the Sakas // Dr. J. M. Unvala Memorial Volume. Bombay, 1964. P. 1; Id. Râma // BSOAS. X. 2. 1941. P. 365; Id. Râma, II // BSOAS. X. 3. 1941. P. 559–589.

³⁴² Юридические... С. 42.

³⁴³ Как это следует, в частности, из использования их в восточном манихействе, см.: Haloun G., Henning W. B. The Compendium... P. 202. Об индийской астрономии в сасанидском Иране см.: Henning W. B. Zoroastrian Problems in the Ninth Century Books. Oxford, 1943. P. 86–87. Литература по индийской астрономии весьма обширна. См.: Basham A. L. The Wonder that Was India. A Survey of the Culture of the Indian Subcontinent before the Coming of the Muslims. London, 1956. P. 489–491, 538.

³⁴⁴ Bailey H. W. Zoroastrian... P. 81–82; Id. Medicinal Plant Names in Uigur Turkish // Mélanges Fuad Köprülü. Istanbul, 1953. P. 51; Id. The Preface to the Siddhasâra-Ūâstra // A Locust's Leg. Studies in Honour of S. H. Taqizadeh. London, 1962. P. 31. Об индийской медицине см.: Basham A. L. The Wonder that... P. 498–500, 538 (перечень важнейших трудов).

рурги передали в Индию свой успешный опыт проведения трепанации черепа — сложнейшей операции, как показал один череп, извлеченный при наших раскопках из сакского могильника Може-Таш, применявшейся в Средней Азии уже в середине I тысячелетия до н. э.

Распространение ислама в Средней Азии, как показывает предшествующее изложение, отнюдь не происходило на девственно-иррелигиозной почве. Именно поэтому при рассмотрении дальнейшей эволюции ислама было бы неправильно недоучитывать домусульманский, в том числе буддийский, фон. Это тем более необходимо, что многие из представителей домусульманского жречества достигли высокого положения в халифате. В этом отношении интересна карьера и деятельность Яхьи ибн Халида, предок которого Бармак был верховным служителем буддийского монастыря в Балхе (как указал Э.Захау, Бармак происходит от *ragamaka*, — настоятель монастыря)³⁴⁵. Как известно, его потомок, названный выше, стал всесильным визирем Харуна ар-Рашида. И вместе с тем именно этот деятель (что специально отмечено ан-Недимом)³⁴⁶ явился инициатором планомерной работы по переводу на арабский язык индийских трудов. Как показал В. Минорский, Нхья ибн Халид, кроме того, направил в Индию посланца для того, чтобы привезти лекарственные растения и собрать сведения об индийских религиях. Труд этого посланца послужил важным источником об Индии для ученых халифата³⁴⁷. Далеко не все буддийские учреждения были уничтожены или прекратили существование сразу же после арабского завоевания. В этом отношении показателен Бамиан, где во время Сюань Цзяна процветал буддизм³⁴⁸. О Бамиане И. Маркварт и В. В. Бартольд приводят следующий факт: бамианский правитель принял ислам лишь при халифе Мансуре (754—775 гг.), но еще целое столетие, вплоть до захвата области Якубом ибн-Ляйсом, в Бамиане существовал буддийский монастырь — он был разгромлен в 870 г. н.э.³⁴⁹ История афшина Хайдара подсказывает, что аналогичные явления были возможны и в Средней Азии, во всяком случае до 30-х гг. IX в.

Все это не могло не сказаться в тот период, когда в государстве Саманидов возникла необходимость в создании специальных богословских учебных заведений. Они возникли в виде медресе, причем вначале имели «родимые пятна» — наследие своей генетической близости к буддийским монастырям. Во второй главе была подробно рассмотрена эта проблема в историко-архитектурном плане. Здесь же необходимо добавить следующее. Центрами буддийского образования, как духовного, так и светского, являлись монастыри. Процесс обучения был очень длительным и достигал десяти лет. В буддийских монастырях к эпохе раннего средневековья усиливается обучение мирян. «Программа» включала как буддийское богословие, так и различные светские науки. При этом существовало две категории обучающихся: *Manava* и *Brahmacarin*. Как сообщает И Цзин, *Manava* изучали

³⁴⁵ *Sachau E. C. Preface // Alberuni's India... I. P. XXXI—XXXII*; см. также: *Крачковский И. Ю. Фрагмент индийской реторики в арабской передаче // Избранные произведения. II. М.; Л., 1956. С. 315; Халидов А. Б., Эрман В. Г. Предисловие к кн.: Абурейхан Бируни. Избранные произведения... II. С. 10—11; Barthold W. Barmakiden // EI. Vol. I. 1913. P. 663—666; Navdi S. The Origin of the Barmakids // Islamic Culture. Vol. 6. 1932. P. 19—28; Id. Literary Relations between Arabia and India // Islamic Culture. Vol. 6. 1932. P. 624—641; vol. 7, 1933. P. 83—94.*

³⁴⁶ *Navdi S. The Origin... P. 26. См. также: Sachau E. C. Preface... P. XXXI.*

³⁴⁷ *Халидов А. Б., Эрман В. Г. Предисловие... С. 12.*

³⁴⁸ *Barthold W. Der iranische... S. 30—31.*

³⁴⁹ *Marquart J. Çrândahr... P. 92; Бартольд В. В. Рецензия на MDAFA. Т. II // Иран. III. Л., 1929. С. 244—245.*

главным образом буддийские сочинения, намереваясь затем уйти из «мира» и стать буддийскими монахами, тогда как Brahmacarin («студенты») занимались только светскими науками и отнюдь не собирались менять образ жизни, причем эта категория обучающихся была очень многочисленна³⁵⁰. Сангха, как сообщает тот же источник, не обязана была давать пропитание «студентам», исключение делалось в тех случаях, когда они выполняли необходимую для монастыря работу³⁵¹. Особо оговаривалось, что специально предназначенные для этого пожертвования можно расходовать для содержания этих «студентов»³⁵².

По мнению ряда ученых, в V–VII вв. эти «учебные семинарии» при некоторых монастырях превратились в своеобразные «университеты» с очень длительным сроком обучения. Особенной известностью в этом плане пользовался монастырь в Наланде³⁵³. Пытающийся начать здесь занятия должен был выдержать вступительный экзамен. Занятия проводились в отдельных группах, по несколько десятков человек. Основным методом обучения было усвоение содержания текстов на память; процесс чтения играл вспомогательную роль; главный метод — устный; обучение включало дискуссии. Особенно ценилось умение наизусть цитировать тексты, толковать их, а также вести диспут³⁵⁴. В Наланде было большое количество рукописей, которые планомерно переписывались³⁵⁵.

Даже из этого, чрезвычайно неполного, описания видно, как много точек соприкосновения у буддийской вихары — сангхарамы и мусульманского медресе: в статусе, функциях, организации обучения и характере учебного процесса. Эта связь значительно более тесная и специфическая, чем это представлялось в свое время В. В. Бартольд³⁵⁶. Показательно, что эту функциональную близость прекрасно осознавали средневековые авторы. Так, Джузджани в 1243 г. записал от очевидца и участника событий рассказ о том, как Ихтийар ад-дин Мухаммед Бахтийяр Халладж захватил в Северной Индии укрепленное поселение и перебил его жителей. Здесь было найдено множество книг. Лишь после этого «выяснилось, что та крепость и город были медресе; на языке индусов слово «бихар» (то есть *viṇaya*) означает «медресе»³⁵⁷.

Рассказывая об этом эпизоде, Хафиз Аbru сообщает, что было призвано несколько индусов, которые познакомились с этими книгами и рассказали, что в них «крепость и город называются медресе, точнее — буддийским монастырем». По мнению Раверти, это сообщение восходит к тексту Джузджани.

Мы далеки от мысли ставить знак равенства между буддийским монастырем и мусульманским медресе. Вместе с тем историко-архитектурный анализ, сопоставление учебных функций этих учреждений, а также свидетельства письменных ис-

³⁵⁰ Mookerji R. K. *Ancient Indian Education (Brahmanical and Buddhist)*. 2nd ed. London, 1951. P. 402.

³⁵¹ I-Tsing. *A Record...* P. 105–6.

³⁵² Mookerji R. K. *Ancient Indian...* P. 541–547; Dutt S. *Buddhist Monks...* P. 326–327.

³⁵³ Обо всем этом чрезвычайно подробно пишет в указанном сочинении Р. К. Мукерджи. См. также: Dutt S. *Buddhist Monks...* P. 327; Lalmani Joshi. *Studies in the Buddhistic Culture of India (During the 7th and 8th A.D.)*. Delhi; Varanasi, 1967. P. 168–174.

³⁵⁴ I-Tsing. *A Record...* P. 177–178; Mookerji R. K. *Ancient Indian...* P. 450–451, 497–499, 530–531; Dutt S. *Buddhist Monks...* P. 332–336.

³⁵⁵ Dutt S. *Buddhist Monks...* P. 342–343.

³⁵⁶ Бартольд В. В. *История культурной...* С. 227.

³⁵⁷ Текст — The *Tabaqât-i Nâsiri* / ed. by W. Nassau Lees, Mawlawis Khadim Hosain, 'Abd al-Hai. Calcutta, 1864. P. 148 (речь, по-видимому идет о монастыре Одантапура); перевод см.: Elliot H. M. *History of India as Told by Its Own Historians*. Vol. II / ed. by J. Dowson. London, 1869. P. 306; *Tabaqât-i Nâsiri* / transl. H. G. Raverty. Vol. I. London, 1881. P. 552 and notes.

точников как о времени и месте появления первых медресе, так и о том, что в глазах мусульман буддийские монастыри являлись не чем иным, как медресе, — все это приводит нас к заключению о большой роли, которую сыграл буддийский монастырь в генезисе мусульманского медресе.

Как считал Э. Захау, влияние индийской науки и литературы достигало Багдада двумя путями: некоторые сочинения прямо переводились с санскрита, другие же предварительно прошли через Иран и были первоначально переведены с санскрита на персидский, а затем уже с персидского на арабский³⁵⁸. В свете новейших открытий и исследований выясняется особо важная роль, которую сыграла в этом культурном общении с Индией Средняя Азия (и Хорасан).

В средневековом искусстве Средней Азии, Ирана и Афганистана сохранились определенные следы буддийского наследия. Мы имеем в виду иконографию живописи, например, настенные росписи газневидского дворца Дашкари — Базар³⁵⁹. В прикладном искусстве варьируется образ ступа³⁶⁰. В литературе на дари-фарси, шире — в средневековой иранской культуре и науке, буддизм оставил заметные следы³⁶¹.

Итак, в халифате тесно переплелись два потока индийской культуры: один, прошедший через Среднюю Азию и Хорасан, где сохранилась прямая традиция связей с индийской культурой и буддизмом, усвоенный и переработанный в горниле местной цивилизации, и новый поток, идущий непосредственно из Индии. Уместно в этой связи привести высказывание И. Ю. Крачковского: «Конец VIII в. можно считать периодом, когда в различных областях арабской культуры сказывается влияние Индии. Если в истории духовных течений ислама, особенно в суфизме, трудно еще найти для этого опорные пункты и хронологические рамки могут значительно колебаться в ту или другую сторону, то, несомненно, к этому периоду относится появление целого ряда литературных произведений, как «Калила и Димна» или «Варлаам и Иоасаф», которые своим отраженным от Индии светом составят славу и арабской литературе. Еще более твердой оказывается почва при выяснении этого влияния в области точных наук»³⁶². В. В. Бартольд принадлежат слова: «...ни сасанидское государство, ни его государственная религия — зороастризм никогда не включали всего иранского мира. Для позднейшей культурной жизни иранского мира буддийский Иран сыграл не менее значительную роль, чем зороастрийский»³⁶³. В свете позднейших археологических открытий в Средней Азии эти слова оказались поистине пророческими.

В соответствии с темой своей работы мы проследили одно из направлений связей между Средней Азией и Индией, связей по линии буддизма, и рассмотрели некоторые аспекты взаимоотношений индо-буддийской и среднеазиатской культуры. Мы сознательно исключили из рассмотрения проблему влияния среднеази-

³⁵⁸ Sachau E. C. Preface... P. XXX–XXXI.

³⁵⁹ Schlumberger D. Lashkari bazaar. Une residence royale ghaznévide et ghoride // MDAFA. XVIII. Paris, 1976. Vol. Ia. P. 63. Pis. 121–126.

³⁶⁰ Melikian-Chirvani A. S. The Buddhist Heritage in the Art of Iran // Mahayanist Art after A.D. 900 / ed. by W. Watson. Colloques on Art and Archaeology in Asia. 2. London, 1972.

³⁶¹ Gimaret D. Bouddha et les bouddhistes dans la tradition musulmane // JA. 257. 3–4. 1969. Paris, 1970. P. 273–316; Melikian-Chirvani A. S. L'évocation littéraire du bouddhisme dans l'Iran musulman // Le monde Iranien et l'Islam. 2. Genève; Paris, 1974. P. 1–7; Id. Buddhism in the Islamic Times // Encyclopaedia Iranica. Vol. IV. Fasc. 5. London; New York, 1990. P. 496–499.

³⁶² Крачковский И. Ю. Фрагмент индийской реторики... С. 309; он же. Калила и Димна, Введение // Избранные произведения. Т. II. М.; Л., 1956. С. 435–438; Massignon L. Essai sur les origines... P. 64–66.

³⁶³ Barthold W. Der iranische... S. 29.

атской культуры на индийскую. Если считать буддизм «мостиком» между двумя культурами, то движение по нему отнюдь не было односторонним. Однако встречный поток — среднеазиатские влияния на Индию в области науки, материальной культуры, искусства, этногенеза, военного дела и так далее — это огромная самостоятельная проблема, исследование которой проводится отечественными учеными. Следует лишь отметить, что связи и контакты между Средней Азией и Индостаном возникли еще в эпоху палеолита, получив дальнейшее развитие в эпоху энеолита и бронзы. Передвижение арийских племен или, скорее, части их в Северную Индию происходило через территорию Средней Азии³⁶⁴. Обнаруживаются специфические связи между дардо-язычными племенами и древним и современным населением Таджикистана. Племена среднеазиатских кочевников саков — хаомаварга жили на границах Северной Индии. Сакский этнический пласт сыграл существенную роль в этногенезе Индии.

Примеры можно было бы умножать бесконечно. Но ограничимся вышеприведенными, ибо свои взгляды на ряд аспектов этой проблемы мы предполагаем изложить в отдельной работе.

³⁶⁴ См., в частности, статьи А. М. Беленицкого, В. М. Массона, Б. Я. Ставиского и Б. А. Литвинского в сб. «Индия в древности». М., 1963. См. также: *Литвинский Б. А.* Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности // Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. Т. III. М., 1963. С. 35–36; *Id.* Recent Archaeological Discoveries in South Tajikistan and Problems of Cultural Contacts between the Peoples of Central Asia and Hindustan in Antiquity. Moscow, 1967. С 1970-х до конца 1990-х гг. появилось много работ, посвященных этому вопросу. См., например: *он же.* Древние связи... С. 10–25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствующих главах и разделах было проведено описание и анализ архитектуры, живописи и скульптуры Аджина-Тепе, которые рассматривались изолированно друг от друга. Попытаемся мысленно представить, как некоторые части изученного нами комплекса могли выглядеть двенадцать или тринадцать столетий назад, когда здание и его скульптурно-живописное убранство составляли единое целое. Основой для нашей реконструкции являются данные, полученные при раскопках Аджина-Тепе и приведенные в тексте; в некоторых случаях мы дополняем их деталями, известными в других синхронных памятниках или почерпнутыми из письменных источников.

Во дворе храмовой половины высился мощный массив ступы. С четырех сторон двухмаршевые лестницы с перилами круто поднимались вверх — к подножию полусферы. А если поднять глаза выше, то можно было увидеть семь зонтиков навешенных на ступы. Монахи и верующие миряне совершали вокруг Главной ступы ритуальные обходы, различные пожертвования. Ступа — самая священная часть монастыря, поэтому она и украшалась богаче. Сложное сочетание горизонтальных и вертикальных членений, контраст между прямыми линиями основания и криволинейными поверхностями полусферы и зонтиков, крупные членения ярусов и мелкий ритм ступенек — все это создавало чрезвычайно усложненный, хотя и вполне рациональный архитектурный силуэт. Дробность членений его нижней части была усилена контрастом между гладью крупных поверхностей и рельефным выступом трехчетвертных колонн и сложнопрофилированных горизонтальных тяг, а также полихромией цветных штукатурок. Судя по некоторым находкам, отдельные части ступы были украшены рельефами или скульптурами. Но углам двора, словно подчеркивая гигантскую величину Главной ступы, покоились такие же по форме, но миниатюрные по размерам ступы.

Как писал китайский буддийский пилигрим конца VII в. И Цзин, он наблюдал в Западном крае церемонию, связанную со священными гимнами. Повседневная служба выполнялась следующим образом. Жрецы собирались у ворот монастыря после обеда или на закате. Они трижды обходили ступу, при этом один из них, хорошо певший, чистым и звонким голосом распевал гимны, прославляющие добродетели Великого Учителя.

Затем, продолжая обряд *pradaksina*, процессия совершала обход помещения ограды. Мы писали об архитектуре их интерьеров. Но их облик складывался из архитектуры, скульптуры и живописи. Помещения были освещены слабо; узкие снопы света, проникающие из проемов, рассеивались, и верхние части Г-образных коридоров, как и их стыки, утопали в полумраке. Группы молящихся несли светильники — много светильников, — и их колеблющееся пламя создавало причудливую подсветку, выхватывая из глубины детали росписей, которые сверху донизу покрывали стены коридоров. Это были крупные медальоны с изображениями Будды, их окружали другие, меньшие изображения. А на стене, противоположной двору, перед ними проходила история духовной жизни Будды, но не в виде после-

довательной картины, а словно вереница отдельных кадров: это скульптурные изображения сидящих будд в нишах.

Сейчас знакомые лишь специалистам детали позы сидящей фигуры — мудры — были с детства хорошо известны каждому буддисту — мирянину и монаху. Они вызывали определенные воспоминания, связанные с рассказами о духовных подвигах основателя религии. Вот он в позе размышления, вот в позе поучения и так далее — едва ли не полтора десятка фигур, символизирующих все основные этапы его деятельности. Канонизированные позы, одежда, раскраска, своеобразное, свойственное лишь изображениям Будды выражение лица — все это настойчиво вызывало у верующих ассоциации, связанные с основателем религии. Большое впечатление производил и размер статуи — в полторы человеческих фигуры, — что вновь подчеркивало «сверхъестественный» характер изображенных персонажей. Нелзя забывать и в том чисто эстетическом впечатлении, которое производили на посетителей эти замечательные изображения Будды, а также стоявшие в некоторых нишах изображения бодисатв.

Слышались звуки музыки и пения — ими сопровождалась перемещение *pradaksina*, и на совершающих обход взирали со сводчатого потолка слабо видные, но тем не менее внушавшие благоговейное уважение, изображения сидящих рядами, один над другим, сотен будд. Они сопровождали процессию все время, парили над ней, исчезая во мраке бесконечности в верхней части свода. Наконец процессия достигала помещения, где лежал «Будда в нирване». Между стеной и постаментом оставалось узкое пространство. Здесь проходили по одному. Свет светильника ярко освещал небольшие части гигантской скульптуры. Нетрудно представить, что она производила глубокое впечатление на верующих. Не только в буддийском искусстве, но и в искусстве разных народов древности мы встречаемся с гигантскими изображениями божеств, героев, царственных персонажей. Одна из целей этой «гигантомании» всегда была одинаковой: внушать чувства трепета, преклонения.

Как сказано в буддийском тексте: «Изображения Будды почитают путем принесения цветов и пожертвований, и кладут их вблизи, под взглядами изображения Будды — ушедшему в нирвану Учителя, и его превозносят, как будто он в своей телесной форме здесь присутствует». Один из гимнов: «Хотя Будда погрузился в нирвану, я восхваляю его так, как будто он здесь находится перед моими глазами».

Шествуя по коридору XXVIII, посетители видели вместо ниш с буддами проходы, ведущие в купольные комнатки, с полом, значительно приподнятым над уровнем коридора. В комнатках были поставлены маленькие, искусно выполненные ступы. Купола этих комнаток, как, по-видимому, и стены, были покрыты росписями. На стене прохода, ведущего в одну из таких комнаток, находилась сцена подношения даров святыне. Сейчас мы назвали бы это наглядной агитацией; в древности это изображение называлось *пранидхй*. Оно зывало к посетителям: монастырь нуждается в приношениях...

Затем посетители попадали в вестибюльное помещение. Отсюда можно было войти в святилище храмовой части. Это небольшая квадратная комнатка с прямоугольными постаментами у трех стен. Постаменты были буквально заставлены скульптурами. Здесь находились лучшие скульптуры монастыря. Они не поражали размерами, ни одна не достигала величины человеческой фигуры, многие из них совсем крошечные. Среди этих скульптур больше всего было изображений будд и бодисатв, на стенах или постаментах имелись рельефы: процессия птиц, растительные завитки, геометрические фигуры. Росписи или скульптуры (или то и другое) украшали и другие помещения храмовой части.

Но вот посетитель проходил анфиладу помещений и оказывался в монастырской части комплекса. Дорожка из жженого кирпича вела его в центральное святилище. Перед ним открывался глубокий вестибюль — айван, за ним ступенчатый подъем и собственно святилище. Благодаря ширине и высоте арочного проема оно освещалось гораздо лучше коридорообразных помещений, но и здесь, даже в яркий, солнечный день, были словно сумерки. В этом крупном зале имелось три пристенных постамента сложной ступенчатой формы. На центральном постаменте, напротив входа, сидел, поджав ноги, Будда. Это вторая по величине скульптура монастыря — она достигала четырех метров. На двух других постаментах были также большие фигуры сидящих будд. Имелось много других скульптурных изображений. Стенки постаментов были расписаны. На одном также нарисована сцена подношения — видимо, этот сюжет считался очень актуальным. Стены же были покрыты различными изображениями, среди которых, судя по фрагментам, немало первоклассных в художественном отношении.

Живопись покрывала и стены вестибюля, а проемы, ведущие из него в коридоры, и один из коридоров сохранили кусочки рельефов.

Но этим, пожалуй, и ограничивалось художественное убранство культовых помещений. Остальные помещения монастырской половины, вскрытые в процесс раскопок, слабо украшены. Таким образом, существовал резкий контраст в этом отношении между двумя половинами комплекса. Аскетическая строгость монастырской половины должна была гармонировать с древними предписаниями буддийской религии о бхикшу — нищих монахах. Практика же буддийских монастырей, потребность воздействия не только на умы, но и на души мирян всеми возможными средствами порождала необходимость использования скульптуры и живописи в оформлении помещений храмовой половины.

Как показывает вышеприведенное описание, скульптура, живопись и архитектура Аджина-Тепы составляют одно неразрывное целое. Каждый из его элементов нес свою идейно-художественную нагрузку, но они создавались в свое время как единое целое и сейчас должны быть рассматриваемы как неразрывный художественный комплекс. Так, живопись и скульптура обходных коридоров храмовой части дополняли друг друга, архитектура этих помещений как нельзя больше соответствовала тем памятникам искусства, которые в них находились, и церемонии, которая в них происходила. Здесь мы имеем пример подлинного синтеза архитектуры, скульптуры и живописи — один из наиболее совершенных для всего ранне-средневекового зодчества Средней Азии.

Разумеется, этот синтез нельзя рассматривать и понять, вырывая его из контекста функционально-религиозного назначения памятника. Но аналогичные явления происходили и в светском монументальном зодчестве, так что процесс синтеза искусства в зодчестве Средней Азии эпохи раннего средневековья носил универсальный характер. Нельзя забывать и о другом. Плод такого синтеза может быть высокохудожественным лишь в том случае, если гармонически совершенны и соотноствуют друг другу все его составляющие. Развитие живописи и, как показали раскопки Аджина-Тепы, скульптуры к рассматриваемому периоду достигли в Средней Азии столь высокого уровня, что появились предпосылки для создания таких комплексных сооружений, каким является изученный монастырь.

Разумеется, архитектура, живопись и скульптура Аджина-Тепы представляют интерес прежде всего как свидетельство уровня развития соответствующих искусств в Средней Азии, на юге теперешнего Таджикистана, в эпоху раннего средневековья. Идеал красоты тохаристанцев-буддистов VII в. не адекватен нашему, нам чужды идеи буддийской религии, и тем не менее столь велико совершенство этих скульп-

тур, они с такой глубиной отражают общечеловеческие эстетические ценности, что эти скульптуры продолжают восхищать и ныне, через двенадцать столетий после своего создания.

Религиозные идеи, которые принес с собой буддизм, каноны религиозных изображений, традиции гандхарского и гуптского искусства — все это играло значительную роль в возникновении того феномена, которому мы дали имя «тохаристанско-буддийское искусство». Его сущность и его форма неотделимы от местного бактрийско-тохаристанского фона, который явился одним из важнейших компонентов, определивших его создание и его стилистические особенности. Другие буддийские центры Средней и Центральной Азии многое почерпнули из сокровищницы тохаристанско-буддийского искусства.

Аджина-Тепа занимает особое место среди творений раннесредневековых зодчих Средней Азии. Она является ключевым памятником, в котором содержатся, причем уже не в виде зашифрованной генной информации или даже эмбриона, а уже ясно сформировавшиеся архитектурные идеи, которые лежат в основе дальнейшего развития некоторых типов и форм среднеазиатского средневекового зодчества. Значение архитектуры Аджина-Тепа, следовательно, состоит в том, что это сооружение — итог и одно из ярчайших проявлений предыдущего развития раннесредневековой тохаристанской ветви среднеазиатской архитектуры — самобытной по своей природе и вместе с тем неизолированной, творчески усваивающей и перерабатывающей достижения соседних архитектурных школ. Не менее существенно и другое: архитектура Аджина-Тепа обращена не только в прошлое, но является во многом предвозвестником и последующего развития архитектуры Средней Азии.

Мы детально рассмотрели вопросы распространения буддизма в Средней Азии и некоторые аспекты его роли в истории и культуре ее народов. Однако этот раздел среднеазиатской истории — неразрывный и очень важный элемент всемирной истории. Общеизвестна важная роль, которую сыграл буддизм как одна из мировых религий в судьбе очень многих народов Востока, и эту роль нельзя считать исчерпанной даже в настоящее время: ведь и сейчас буддизм — религия с сотнями миллионов приверженцев.

В нашем повествовании показано вместе с тем и место Средней Азии в общей истории буддизма. Ибо, как уже было отмечено полстолетия назад, Средняя Азия явилась основным посредником и трамплином для распространения буддизма в ряде стран Центральной Азии — только перешагнув границы Индии, достиг буддизм своего всемирно-исторического значения, получил свою цивилизующую силу и превратился в сильный фактор политического могущества.

Вместе с религиозными идеями буддизма в Среднюю Азию попадали из Индии и многообразные элементы индийской науки, литературы и искусства. Переработанные и видоизмененные, они стали составной частью среднеазиатской культуры, которая, в свою очередь, передала немало своих лучших достижений в Индию. Из Средней Азии — гигантского ретранслятора буддизма — учение Будды, а вместе с ним идеи и произведения индийских и среднеазиатских ученых, художников, мастеров распространились дальше на Восток, обогащая материальную и духовную культуру народов Центральной Азии, Китая, Кореи и Японии. Именно поэтому среднеазиатский эпизод истории буддизма и связанной с ним местной культуры, столь ярко и многогранно воплощенной в Аджина-Тепе, — важная глава истории культуры Востока.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Реконструкция монументальной глиняной скульптуры Будды в нирване из Аджина-тепа

Небольшой продолговатый холм, возвышающийся среди хлопковых полей Вахшской долины (Южный Таджикистан), в 12 км от г. Курган-тюбе, местное население называет Аджина-тепа — «холм нечистой силы». Этот холм расположен на окраине центральной усадьбы совхоза, с трех сторон он окружен сбросовыми арыками и, как писали Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль, руководившие в конце 50—60-х гг. прошлого века раскопками памятника, «выглядит с дороги местом мало привлекательным — бесформенные бугры, какие-то ямы, густо заросшие колючками ... только поднявшись на поверхность холма можно понять, что Аджина-тепа — это остатки сложного комплекса построек. То, что с дороги выглядит как бесформенное нагромождение земли, при взгляде сверху приобретает довольно правильные очертания прямоугольника (50 × 100 м), состоящего из двух равных по величине квадратов, разделенных перемышечкой-валом»¹.

Впервые памятник был осмотрен археологами в 1959 г., в следующем году были заложены два пробных шурфа, а с 1961 г. южно-таджикистанский отряд Таджикской археологической экспедиции под руководством Б. А. Литвинского начал вести раскопки. Архитектура и планировка вскрытого здания, а также находки фрагментов настенной живописи и глиняной скульптуры позволили установить, что Аджина-тепа представляет собой комплекс жилых и культовых помещений буддийского монастыря. Монеты, найденные в ходе раскопок, позволяют достаточно уверенно относить функционирование монастыря к периоду от середины VII до середины VIII вв.² (рис. 1)

В 1966 г. в помещении 23 — обходном коридоре вокруг центральной ступы — была открыта глиняная статуя Будды в нирване³. Сохранившиеся ее части составляли в длину 10,43 м при максимальной высоте (от поверхности постамента до верхней точки левой руки) 1,82 м. Статуя, лежащая на постаменте, располагалась вдоль наружной стены коридора, лицо Будды обращено на юго-запад. Сохранилась почти полностью нижняя половина фигуры — от пояса до подошвы ног (в этой части утраты незначительны), левая рука от середины предплечья до кончиков пальцев, частично сохранились правый бок и локтевая часть правого предплечья. В завале возле изголовья постамента были найдены куски головы и части ладоней правой руки⁴. (рис. 2, 3)

¹ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971. С. 14.

² Там же. С. 15.

³ В инвентаре находок статуя обозначена как «фрагмент XXIII/с 1».

⁴ Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Ук. соч. С. 181. Приводимые ниже описание и размеры ее отдельных частей также заимствованы из этой монографии.

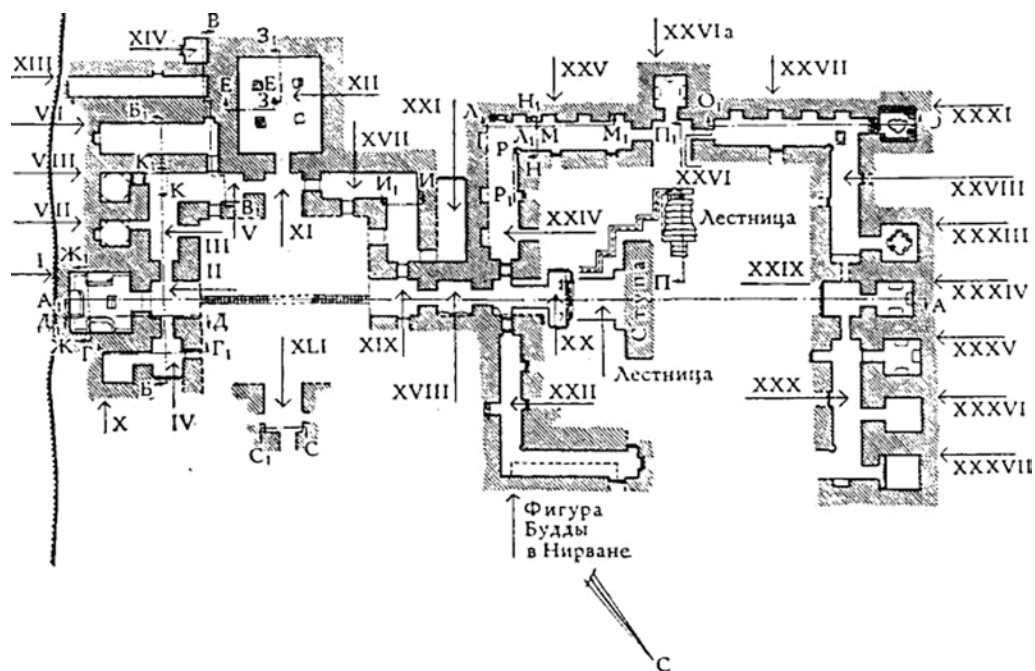

Рис. 1. План буддийского монастыря Аджина-Тепы, — схема разрезов (обмеры археологов Б. А. Литвинского, Т. И. Зеймаль)

Рис. 2. Статуя Будды в нирване (вид сверху).
Процесс полевой консервации группой П. И. Кострова

Постамент, оставшийся в 1966 г. еще не до конца обнаженным, имел наибольшую ширину (около 2 м) возле ступней, далее его вертикальная поверхность делала плавный прогиб и постамент суживался до 1,65 м.

Сохранившаяся часть изголовья состоит из 5 валиков (подушек), различных по толщине (от 9 до 13 см), их торцевая сторона утрачена.

Фигура лежит на правом боку в вытянутом положении — традиционная поза, известная и по каменным статуям Будды в нирване. Правая рука согнута в локте, она опирается на валики изголовья, ладонь ее должна была лежать под щекой. Левая рука вытянута вдоль тела, ладонь покоится на бедре. Судя по сохранившимся

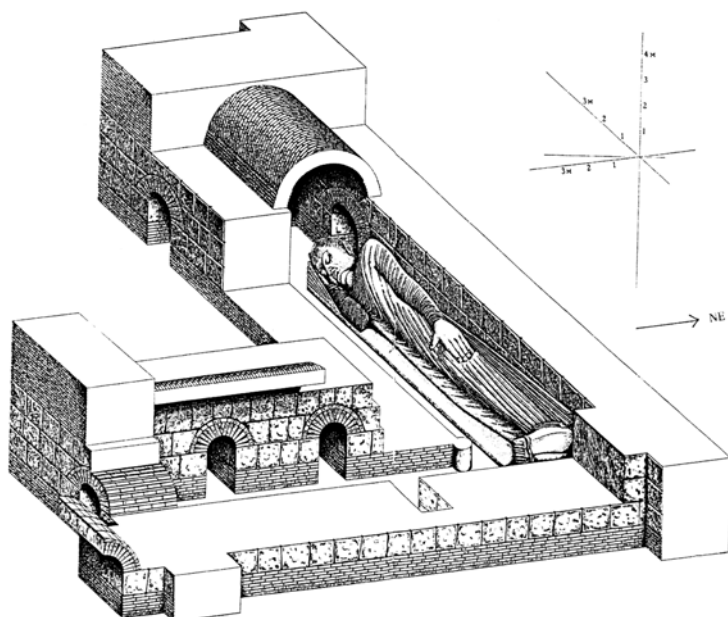

Рис. 3. Аксонометрическая реконструкция помещений XXII–XXIII

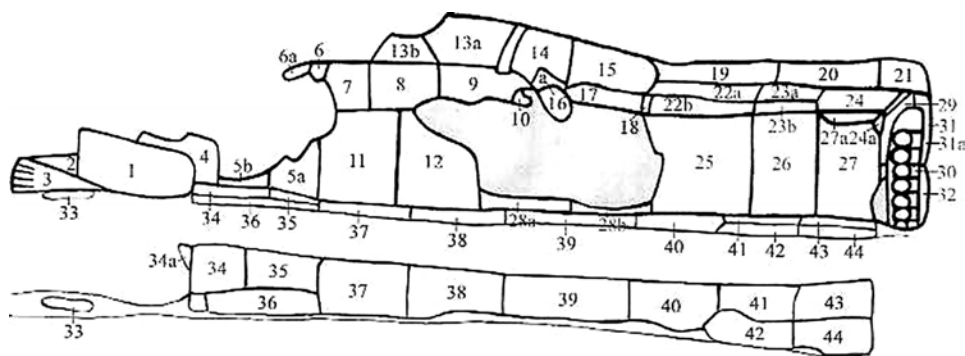

Рис. 4. Схема вынутых частей Будды в нирване

фрагментам, первоначальная длина фигуры должна была достигать 12 м. Размеры отдельных ее частей, приводимые Б. А. Литвинским и Т. И. Зеймаль⁵: высота фигуры возле голени — 130 см, в бедренной части — 142 см, диаметр предплечья правой руки — 55 см, левой — 43 см, диаметр запястья — 41 см, максимальная длина ладони — 132 см, диаметр пальцев рук — 12–14 см, длина ступни — 165–190 см, ширина ступни — 60–75 см, длина пальцев ноги — 37–47 см, диаметр пальцев ноги — 11–15 см. Тело Будды покрыто складками, обнажены лишь кисть руки и ступни. Скульптор искусно передал одежду, складки ее на рукавах, петлю веревки, которой был подпоясан Будда (она изображена под ладонью на левом бедре фигуры), легкие сандалии на его ногах. (рис. 4)

Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль отметили⁶, что фигура и постамент сохранили 2 слоя окраски. Плащ Будды — красный (традиционный цвет его изображений) и пальцы ног белые. Работы, проведенные для первичной консервации статуи, проявили технику ее изготовления. Основа статуи сделана из горизонтальных рядов сырцовых кирпичей. «Грубая поверхность выполнялась толстым слоем саманной штукатурки, которую накладывали многократно по мере высыхания очередной обмазки. По самой верхней прослойке лепились складки одежды, причем их накладывали по заранее намеченным линиям ... сверху фигура была обмазана слоем скульптурной глины, толщиной в 4–5 мм и раскрашена»⁷. Таких слоев очевидно было несколько, поскольку при первичной консервации П. И. Костров снял облочку скульптуры толщиной от 1 до 6 см.

В том же 1966 г. статуя была извлечена из раскопа и перевезена в реставрационно-технологическую лабораторию Института истории Академии наук Таджикской ССР. Выемку скульптуры из раскопа и ее первичную консервацию осуществили реставраторы мастерской реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа М. П. Винокурова, Р. М. Беляева, Г. И. Тер-Оганьян, В. М. Соколовский и реставраторы-практиканты Института истории АН Таджикской ССР Л. П. Новикова и М. П. Страдомская. Работами руководил ведущий реставратор Государственного Эрмитажа, заслуженный деятель искусств П. И. Костров (1905–1983 гг.).

Первичное закрепление фрагментов заняло много времени, учитывая, что при выемке статуя — фигура, голова и постамент — была разделена на 72 фрагмента, из которых 30 — крупных (130 × 120 × 40 см, 145 × 50 × 55 см и т.п.), со сложной конфигурацией. Консервация фрагментов велась по методике, разрабатывавшейся с 1949 г. П. И. Костровым и его помощниками применительно к стенным росписям и глиняной скульптуре, открытым на городище древнего Пенджикента⁸. Основной элемент этой методики — использование для консервации и реставрации стенных росписей и глиняной скульптуры полибутилметакрилата (ПБМА), превосходящего по своим характеристикам клеи, применявшиеся ранее для этих же целей. Приступая в 1949 г. к консервации пенджикентских росписей (в самом начале работы опыты велись на нескольких небольших фрагментах штукатурки,

⁵ Там же.

⁶ Ук. соч. С. 82.

⁷ Ук. соч. С. 83.

⁸ См.: Костров П. И. Техника и консервация росписей древнего Пенджикента // Живопись древнего Пенджикента. М., 1954. С. 191–197; он же. Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пенджикента // Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959. С. 139–183; Шейнина Е. Г. Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пенджикента // Материалы и исследования по археологии СССР. № 37. М.; Л., 1953. С. 146–157; она же. Применение синтетических смол в реставрации монументальной живописи и некоторых других музейных экспонатов // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации. М., 1960.

доставленных в Гос. Эрмитаж в 1948 г.), П. И. Костров учел уроки закрепления нескольких подобных памятников, работы С. М. Дудина по снятию и консервации буддийских храмовых росписей из китайского Туркестана, привезенных экспедициями С. Ф. Ольденбурга 1909–1914 гг.⁹ и находящихся в Эрмитаже, и аналогичные работы, проведенные А. Грюнведем с буддийскими и манихейскими храмовыми росписями, доставленными в Берлин также из Китайского Туркестана (главным образом из Турфанского оазиса — материалы раскопок, проведенных четырьмя немецкими экспедициями 1902–1914 гг.)¹⁰ С. М. Дудин применял слабое поверхностное проклеивание живописи растительными водными клеями («губным клеем», вишневым, гуммиарабиком, декстрином), некоторые фрагменты с обратной стороны пропитывались спиртовым лаком, после чего росписи были загипсованы¹¹. Сходные операции проводил и А. Грюнведель, отличий их от методики Дудина сводились лишь к покрытию живописи (перед снятием ее) спиртовым лаком, затем фрагменты загипсовывались и помещались в герметические металлические коробки со стеклом. Главные недостатки этой методики заключались в том, что применение спиртовых лаков вскоре вызывало сильное потемнение живописи вследствие чрезвычайной гигроскопичности клеевой живописи, лесса и гипса, активно впитывающих влагу (особенно в сыром воздухе севера); лессовая глина, приклеенная к волокну, и гипс вспухали и рассыпались, на поверхности живописи выступали кристаллы соли, содержащиеся в лессе¹². «Практика реставрации в Эрмитаже восточно-туркестанских росписей, а также лессовой скульптуры показала полную непригодность водных растительных и животных клеев для закрепления подобного материала и привела нас к пробам применения синтетических смол и клеев на неводных растворителях, не размывающих лесс и клеевую живопись»¹³.

П. И. Костров провел серию проб, подыскивая наиболее эффективные синтетические закрепители. Он вел работы с поливинилацетатом (ПВА), затем заменил его поливинилбутиратом (ПВБ) и после длительных испытаний остановился на полибутилметакрилате (ПБМА) — чрезвычайно прочной синтетической смоле, раствор которой на ксилоле оказался эффективным закрепителем. Он обладает наибольшей растяжимостью и эластичностью пленки, глубоко проникает в закрепляемый материал и легко растворяется после затвердения. Из многих растворителей ПБМА Костров остановился на ксилоле, обеспечивающим максимальное проникновение смолы в толщу плотного лесса. Однажды затвердевший ПБМА может быть вновь растворен тем же или другим растворителем¹⁴. Раствор ПБМА на ксилоле многократно наносится кистью на поверхность как лицевой, так и тыльной стороны обрабатываемого фрагмента, и, по мере испарения растворителя, закрепляет его. После лабораторной обработки росписям и глиняной скульптуре возвращается прежняя фактура. Цветовая гамма при этой методике в первоначальном виде не может быть восстановлена — яркий, брызжущий из земли цвет, ошеломляющий

⁹ О работах этой экспедиции см.: *Литвинский Б. А., Терентьев-Катанский А. П.* История изучения. Путешествия. Экспедиции. Археологические раскопки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. (I). М., 1988. С. 38–42.

¹⁰ Об этих экспедициях см. там же. С. 48–55.

¹¹ См. рукопись С. М. Дудина. Архив Гос. Эрмитажа. Материалы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, фонд № 31.

¹² *Костров П. И.* Техника и консервация росписей древнего Панджикента. С. 191–192.

¹³ Ук.соч. С. 192.

¹⁴ Ук.соч. С. 193

каждого, кто присутствовал при открытии стенных росписей древнего Пенджикента, уже через секунду-другую тускнеет под воздействием кислорода.

Другой способ закрепления археологических предметов из необожженной глины и пористых материалов предложил сотрудник лаборатории научно-художественной реставрации Института искусствознания Министерства культуры Узбекской ССР, химик Е. Ф. Федорович. Он заключается в использовании концентрированного раствора одного из мономеров в органических растворителях, с воздействием катализатора, и последующей полимеризацией мономера в археологическом предмете (в сушильном шкафу при t от +70–80 до 100–120 °C)¹⁵.

Следует учитывать, что при извлечении скульптуры П. И. Костров снял ее оболочку. К сожалению, данные о численности слоев штукатурки в оболочке были утрачены, Кострову пришлось снимать оболочку по самому нижнему слою. Пустотелые части оболочки в полевых условиях помещались в ящике с плотно утрамбованными опилками. Между выемкой скульптуры и началом ее консервации в лаборатории Института истории АН Таджикской ССР прошло более трех лет. За это время произошло высыхание фрагментов статуи, что повлекло за собой их деформацию. Л. П. Новикова, руководившая в течение многих лет (1969–1978 гг.) обработкой фрагментов, провела несколько экспериментов по закреплению их различными способами, в том числе и с помощью мономера, с последующей полимеризацией его в сушильном шкафу (так обрабатывался, в частности, большой фрагмент пальцев руки, $19 \times 105 \times 62$ см, толщина фрагмента $1,5 \times 2,5$ см)¹⁶. Однако от этой методики пришлось отказаться, поскольку испытуемый фрагмент потрескался, произошли внутренние разрывы на всю глубину и во всех направлениях. «Больше всего пострадали пальцы: они вспухли, увеличились в объеме почти в два раза. Произошло расслоение, растрескивание красочного слоя (ганча) и полное отслоение его от поверхности скульптуры»¹⁷. В дальнейшем в лаборатории пользовались только методикой П. И. Кострова — применялся полимер ПБМА.

Фрагменты статуи обрабатывались в упаковочных ящиках, где каркасом для них служили плотно утрамбованные опилки. После снятия дна ящика, в котором находился фрагмент, извлекались опилки, затем ацетоновыми компрессами с поверхности тыльной стороны фрагмента снималась марля и в парах ксилола пленка ПБМА внедрялась внутрь фрагмента. Операции эти осложнялись тем, что с лицевой стороны многих фрагментов марля отделялась с большим трудом, особенно с наиболее засоленных частей статуи — со складок рукава, кисти левой руки, ступни левой ноги, с верхних складок плаща¹⁸. После снятия марли с поверхности фрагментов удалялись остатки поливинилацетата и начиналось закрепление раствором ПБМА на ксилоле. Пропитку лицевой стороны фрагментов «вели до полного насыщения толщи скульптуры. Иногда разрыхленные расслоившиеся фрагменты покрывались раствором 30–35 раз»¹⁹. После закрепления проводились обессоливание посредством пульпирования и расчистка фрагментов. Длительный и трудоемкий

¹⁵ Федорович Е. Ф., Хуснитдинходжаев Х., Рузубаев Д. Новый способ закрепления археологических предметов из необожженной глины и других пористых материалов // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации. №№ 17–18. М., 1966. С. 116. Ср. также: Новикова Л. П. Проблемы реставрации Будды в нирване // Материальная культура Таджикистана. Выпуск 3. Душанбе, 1978. С. 222.

¹⁶ Новикова Л. П. Ук. соч. С. 222.

¹⁷ Ук. соч. С. 223.

¹⁸ Ук. соч. С. 227.

¹⁹ Там же.

процесс обработки приводил, в большинстве случаев, к восстановлению первоначальной фактуры фрагментов.

Подготовка к монтажу фрагментов осложнялась тем, что лаборатория Института истории не располагала необходимыми условиями для стыковки обрабатываемых фрагментов. «Поиски монтировочных материалов, пригодных для скульптуры больших размеров, были долгими. Сотрудниками нашей лаборатории предприняты попытки использовать для временных каркасов такие материалы, как гипс, этакрил, папье-маше, однако это не дало положительных результатов»²⁰. В конце концов выбор пал на каркас из деревянной конструкции на воско-канифольной мастике, выдержавшей испытание при монтаже скульптурного глиняного фриза из Пенджикента²¹. Монтировке статуи Будды в нирване предшествовала еще одна процедура — напенивание фрагментов пенополиуретаном-305.

К 1978 году была произведена полная обработка 27 фрагментов (из 72). Лаборатория Института истории готовилась к сборке статуи, однако этой операции суждено было осуществиться лишь через 22 года. (рис. 5, 6)

В 2000 году по просьбе дирекции Института истории Академии наук Республики Таджикистан, в рамках творческого сотрудничества Государственного Эрмитажа и этого Института, в Душанбе был командирован автор данной статьи для подготовки скульптуры к музейной экспозиции. Несмотря на трудности экономики Таджикистана, сложную внутривластную обстановку и постоянное напряжение, связанное с многолетней гражданской войной в соседнем Афганистане, правительство Республики с помощью международных гуманитарных фондов сумело изыскать средства для строительства национального музея древностей Таджикистана. В этом музее должна была экспонироваться скульптура Будда в нирване.

Мне предстояло вновь обработать имеющиеся фрагменты, реконструировать утраченные части и смонтировать статую. Прежде всего пришлось удалить густой слой пыли, накопившийся на всех фрагментах за без малого четверть века, прошедших со времени первичной консервации. Фрагменты были расположены по схеме, составленной в 1966 г. при извлечении скульптуры из раскопа с каждого фрагмента необходимо было убрать фольгу, припаявшуюся при напенивании к пенополиуретану и удалить с лицевой поверхности некоторых фрагментов натеки пенополиуретана. Необходимо было также спилить излишки пенопласта в ряде фрагментов и, напротив, добавить там, где его не доставало. Четыре фрагмента, прошедшие ранее лабораторную обработку; не были напены, их пришлось полностью монтировать на пенополиуретан (фрагменты №№ 7, 8, 17, 17а от складок плаща). После этого резы каждого фрагмента предстояло замазывать для будущей стыковки. (рис. 7, 7а)

Следовало учитывать, что фрагменты, обработанные в разное время, значительно различались между собой по тону. Одни были очень темные, перенасыщенные акрилатом (верхние складки плаща, №№ 19–24), другие слишком светлые (№№ 12, 17, 26 и др.), они отличались от фрагментов, сохранивших свой подлинный вид. Поэтому темные фрагменты пришлось высветлять, светлые делать темнее с помощью растворителей.

Параллельно велась подготовка к монтажу скульптуры. Значительный вес фрагментов, а также почти постоянная напряженная сейсмическая ситуация в Душанбе диктовали монтаж блоками по вертикальным полевым резам.

²⁰ Ук. соч. С. 232.

²¹ Костров П. И. Исследование, опыт реконструкции и консервация живописи и скульптуры древнего Пенджикента. С. 176.

Рис. 5, 6. Процесс реставрационной реконструкции скульптуры Будды в нирване
в Национальном музее древностей Таджикистана в Душанбе

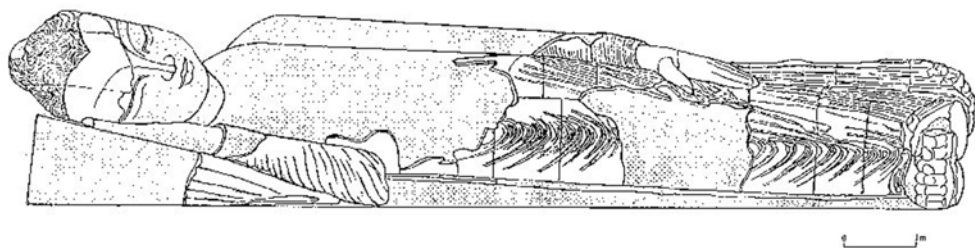

Рис. 7. Схема проведенных реконструктивно-реставрационных работ (художник-реставратор В. А. Фоминых)

Большие трудности возникли при монтажке 5 фрагментов (№№ 29, 30, 31, 31а, 32 — первый блок), образующих ступни. На некоторых участках края этих фрагментов были деформированы, что осложняло их стыковку. Приходилось выправлять деформации, чтобы край одного фрагмента совпадал по рельефу с краем другого и чтобы эти соединения были незаметными. Затем зазоры между фрагментами заполнялись пенополиуретаном, закреплялись раствором ПБМА-НВ в ацетоне и замастиковывались. Трудности обработки и монтажа были сопряжены не в последнюю очередь с большим весом и величиной фрагментов. После подгонки по резам фрагменты скреплялись между собой рейками по вертикали, противоположные части фрагментов стягивались с помощью шурупов рейками по горизонтали.

После этого монтировались три блока — ноги Будды, состоящие из 10 фрагментов (№№ 27, 27а, 24, 24а — второй блок, №№ 26, 23б, 23а — третий блок, №№ 25, 22б, 22а — четвертый блок). К нижним устойчивым большим фрагментам (№№ 25—27) с помощью кронштейнов крепились верхние горизонтальные, соединенные попарно: №№ 22а, 22б, №№ 23а, 23б и №№ 24, 27а. На соединениях швы, как и на ступнях, обрабатывались и замастиковывались.

Для дальнейшего монтажа скульптуры — сохранившихся частей левой руки (№№ 13б, 13а, 14, 15, 16, 16а) и прилежащих к ней фрагментов (№№ 6а, 6, 7, 8, 9, 10, 17) были сделаны мощные деревянные конструкции с наклонным верхом, на которые эти фрагменты были установлены и закреплены. Реконструировать предстояло также еще одну большую утраченную часть скульптуры — под рукой Будды. Для этого на деревянный каркас, изготовленный из реек по форме скульптуры, крепился пенополиуретан, пропитанный раствором ПБМА-НВ в ацетоне. Посредством мастиковки лессом была восстановлена поверхность, имитирующая форму утраченной части ног.

Верхняя часть скульптуры была сильно разрушена, сохранились лишь разрозненные фрагменты: нижняя часть груди (№№ 5б, 5а, 4), предплечье (№№ 1, 2), часть валиков-подушек (№ 3), верхняя часть головы (часть прически и лоб), фрагмент щеки. Важную роль в соединении этих кусков играл небольшой фрагмент

Рис. 7а. Схема реконструктивно-реставрационных работ головы Будды в нирване

треугольной формы (без номера, на схеме снятия скульптуры он не представлен), соединяющий грудь (№ 4) с предплечьем (№ 1). После установки этих фрагментов выяснилось место валиков-подушек. Для определения положения головы необходимо было прежде всего осуществить реконструкцию недостающей части валиков-подушек, от которых сохранился лишь один фрагмент (№ 3) под предплечьем. (рис. 8).

По размеру сохранившейся передней части прически и фрагмента щеки были реконструированы голова и ушниша: фрагменты головы были скреплены деревянной конструкцией, на нее крепились пенополиуретановые бруски, при обработке которых создавалась форма лица Будды. После пропитки ПБМА-НВ в ацетоне реконструированная часть головы была замастикована лессом в тон подлинных сохранившихся фрагментов. Голова была установлена и закреплена на реконструированной части подушек. От прически был отделен фрагмент ушниши (30 × 40 см), который при первичной реставрации был неправильно смонтирован. Была изготовлена форма ушниши (диаметром 64 см, высотой 25 см), установлена и закреплена в надлежащем месте.

Самые крупные утраты частей скульптуры связаны с верхней частью туловища — плечо и предплечье левой руки, грудь, кисть правой руки. На месте этих утраченных частей была изготовлена деревянная основа, оббитая асбестовыми плитами, пропитанная ПБМА-НВ в ацетоне и замастикованная лессом. (рис. 8а).

Таким образом была завершена реконструкция глиняной скульптуры Будда в нирване — одного из наиболее замечательных памятников Южного Таджикистана (края, в котором буддизм господствовал на протяжении нескольких столетий), занимающего почетное место в истории буддийского искусства. Скульптура была установлена для экспонирования в Национальном музее древностей в дни, когда Республика Таджикистан отмечала десятилетие независимости и за несколько месяцев до тех печальных дней, когда афганские талибы взорвали знаменитые статуи Будд в Бамиане²².

В. А. Фоминых

*Рис. 8, 8а Будда в нирване
после реконструктивно-реставрационных работ (реставратор В. А. Фоминых)*

²² В реконструкции скульптуры принимали участие сотрудники Национального музея древностей, прежде всего я должна поблагодарить С. Г. Габель и Р. Абдуразыкову.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А.-А. — Алма-Ата
АДД — Автореферат докторской диссертации
АО — Археологические открытия
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
ВДИ — Вестник древней истории
ДАН — Доклады Академии наук
Душ. — Душанбе
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
Изв. — Известия
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИТН — История таджикского народа
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (АН СССР)
Л. — Ленинград
М. — Москва
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
ПВ — Проблемы востоковедения
СА — Советская археология
СКВ — Страны и народы Востока
СПб. — Санкт-Петербург
Тат. — Ташкент
ТГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
ТИИА — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа
ТЮТАКЭ — Труды ЮТАКЭ
УЗФАН — Узбекский филиал АН СССР
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AA — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
AIsL — Ars Islamica
AKGWG — Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Asia Major
AM — Asia Major
AO — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae
ARASI — Annual Report of the Archaeological Survey of India
BEFEO — Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême Orient
BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)
EI — Encyclopedie of Islam; Encyclopaedia de l'Islam
EW — East and West
GMS — E. J. W. Gibb Memorial New Series
JA — Journal Asiatique
JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
MASI — Memoirs of the Archaeological Survey of India
MDTB — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (Oriental Library)
P. — Paris

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аалто П. 239
Аба 277
Абдуллаев А. 22
Абу Бахр Аш-Шибли 296
Абу Йазид Ал-Бистами 296
Абурейхан Бируни 231
Агафокл 232
Адбаг 281
Ай-Ди 242
Акэн 113
Ал-Хаддадж 296
Александр Полигистор 233
Альбаум Л. И. 83, 86, 141, 149, 150, 249, 254, 288, 291
Амитаба 224
Ан-Недим 266, 294
Антонова Е. В. 28
Ань Сюань 243, 244
Ань Фа-Цинь 245
Ань Ши-Гао 235, 243, 244, 292
Асмуссен И. 267
Асмуссен Я. П. 248, 275
Атаханов Т. 28
Ахриман 267
Ахура Мазда 281
Ашвагхоша 239, 258
Ашока 82, 83, 233, 239, 240, 262

Б

Бабаев А. 28
Бабек 287
Бардесан 276
Бармак 300
Бармуда 271
Бартольд В. В. 19, 109, 115, 116, 279, 300–302
Бёгё-Каган 274
Бейхаки 116, 294
Беленицкий А. М. 19, 23, 228, 261, 268, 273, 280, 281, 286, 287
Белецкий С. В.
Бернштам А. Н. 235, 284, 294
Бертельс Е. Э. 296, 297
Билаухар 298
Бимбисара 145
Бичурин Н. Я. 277
Борисевич Г. В.
Брахма 80, 253, 281

Бубнова М. А. 28

Будасаф /Йудасаф 298

Будда, Будды 26, 48, 50–53, 55, 70, 71, 79–81, 83, 84, 104, 112–114, 121, 126, 127, 129, 134, 137, 140, 141, 143–147, 149–151, 154–156, 160, 161, 164–167, 171, 173–177, 179, 180, 185, 191–202, 204–206, 208, 210–213, 216–226, 232, 233, 235, 236, 238–242, 246–257, 268, 269, 275, 278, 279, 282–291, 293, 295, 296, 304–307

Будда-Анандабудда Гаутама 145, 220, 223

Будда Дипанкара, Дипанкара 145

Будда Майтрея 236, 247

Будда Нарайана 235

Буддхагхоша 266

Буддхашира 254

Булатов М. С. 89, 117

Булатова В. А. 285

Булье Р. В. 294

Бурзос 298

Буссалы М. 144, 230

Бхатикабхайа 145

Бэй-Ши 269, 278

Бэйли Г. 233, 276, 299

В

Вада С. 240

Вайшравана 281

Вальдшмидт Э. 261

Ван-Бершем 108, 109

Вангиса 226

Варахран II 267

Варлаам 247, 298, 302

Вертоградова В. В. 73, 74, 87, 253, 254, 265

Вешпаркар 281

Вима Кадфиз 250

Винниченко Н. А. 28

Винокуров М. П. 29

Воробьева-Десятовская М. И. 292, 293

Воронина В. Л. 93, 106, 117

Г

Габайн А. 262

Габэн А. 247, 269, 270, 272, 278, 292

Гаевский П. И. 19

Гаутама Шакьямуни 220

Гейгер В. 145, 234

Гитамитра 245

Годар А. 109, 110

Буддийский монастырь Аджина-Тепа

Гольдциер И. 296, 297

Гончаров В. К.

Гопали 83, 84

Грабар О. 115

Грек Т. В. 253

Гремяченская Ю. П. 28

Грюнведель А. 149, 217, 229

Гулавхара /Гондофара/ 254

Гуштгасп 231

Гхошака 237, 238

Д

Давидович Е. А. 20, 21, 23, 28, 36

Даркевич В. П.

Дас Е. 80

Девата 158, 170, 171, 187, 199, 205, 209, 221, 226, 251, 286

Деви Нарайана 235

Денисов Е. П. 289

Джаваликар М. К. 87

Джахиз 295

Джемшид Гияс Эддин Ал-Каши 118

Джуджани 301

Джулиано А. Л. 262

Димна 298, 302

Динавери 271

Диц Э. 103, 109

Дониш А. 28, 29, 138

Дудин М. С. 207

Дудин С. М. 142

Дуттхагамани 234

Дхармамитра 238

Дхармаракша 244, 245

Е

Евсевий Кесарийский 276

Егише 277

З

Заратуштра /Зороастр/ 231, 288

Захау Э. 276, 300, 302

Зеймаль Е. В. 28

Зеймаль Т. И. 20, 23, 26, 27, 28, 29, 252

Золи Зард 23

Зрван 281

Зяблин Л. П. 282, 283

Ибн Ал-Мубарак 296

Ибрахим Ибн Адхам 296, 297

Иванов В. В. 84

Ингольт Г. 211

Индра 253, 281

Иосаф 298

Исфандийад 231

Ихтийар Ад-Дин Мухаммед Бахтийяр Халладж 301

И Цзин 81, 147, 239, 245, 272, 292, 293, 300, 304

К

Калила 298, 302

Канишка 75, 85, 114, 145, 211, 236–239, 251

Канишка I 211

Канишка II 211

Кан Мэн-Ся 243

Кан Мэн-Сян 244

Каннингэм А. 75, 85, 113

Кан Сэн-Хуй 244

Кан Сэн-Юань 245

Кан Цзюй 243, 244

Картир 267

Кашьяпа 80, 81, 162, 221, 222, 261

Кирпичников А. Н.

Козьма Индикоплев 277

Конов С. 237

Константин 237

Конфуций 240

Костров П. И. 29, 138, 163

Косяков П. Е. 19

Кошеленко Г. А. 233, 256, 257

Крачковский И. Ю. 302

Кремер А. 296

Кресуэл К. 108

Кришна 216

Кубер 270

Кумарасвами А. К. 79

Кызласов Л. Р. 282, 283

Л

Ламотта Э. 268

Лао-Цзы 240

Леви С. 234, 239

Лекко А. 262

Лившиц В. А. 27, 253, 270, 273, 279, 281, 287, 299

Лиминин А. К. 28

Литвинский Б. А. 20–24, 27–29, 141, 252, 256, 257, 289, 290

Ло-Цзунь 259

Локакшема 243, 244

Лэн-Пуль 108

Лю Ин 241

М

Маев Н. А. 19

Мазьяр 287

Мани 273–275, 287

Мансур 300

Мара 158, 223, 286

Маркварт И. 19, 273, 276, 300

Маркс К. 298

Маршак Б. И. 271, 281

Маршалл Д. 78, 81, 82, 270
 Масиньон Л. 297
 Масперо А. 240
 Масперо Г. 241
 Массон М. Е. 257
 Махадева 234, 281
 Медведская И. Н. 28
 Менандр 232
 Меньшиков В. 243
 Ми-То-Шань 289
 Мизуно С. 262, 264
 Минорский В. 295, 300
 Монгайт А. Л.
 Монохара 299
 Муканна 287
 Муллокандов М. 291
 Мухитдинов Х. 28

Н

Набиуллин А. 28
 Нага 199
 Нагарихо Т. 262
 Нараяна 281
 Наршахи 116
 Неумывакин С. Б. 28
 Низам Аль-Мульк 109, 116
 Никольсон Р. 296, 297
 Нильсен В. А. 86
 Новикова Л. П. 29
 Носов Е. Н.

О

Окладников А. П. 21
 Ольденбург С. Ф. 209, 218
 Очарья П. К. 87

П

Парвати 281
 Пармуда 271
 Паршва 236
 Пугаченкова Г. А. 110, 253, 256

Р

Раверти 301
 Рама 299
 Ранов В. А. 21
 Раппопорт П. А.
 Распопова В. И. 271
 Рахула В. 145
 Регель А. Э. 19
 Розенфильд Д. 237
 Ростовцева Н. 29
 Роулэнд Б. 213, 219, 228, 229
 Рубен В. 258
 Рустам 275

С

Саманиды 103–105, 108, 116, 300
 Самгхаварма 278
 Сарабьянов В. Д.
 Сарвастивад 238, 239, 293
 Седов А. А. 290
 Синдбад 298
 Сита 299
 Снодграс А. 74
 Соколовский В. М. 29
 Соловьев В. С. 24, 28, 290
 Сопер А. 218
 Ставиский Б. Я. 248, 250, 253, 257, 265, 267, 268, 271
 Стейн А. 77, 82, 204, 260
 Судхана 299
 Сумедха 145
 Сэн Ю 269, 270
 Сюань-Цзан 26, 27
 Сюаньцзун 274

Т

Табари 35, 273, 286, 287
 Таддеи М. 71, 76, 77, 80, 81, 226
 Тань-Го 244
 Тан Юн-Тун 240, 242
 Тарн В. В. 232
 Тер-Оганьян Г. И. 29
 Тиш 273
 Толстов С. П. 255
 Топоров В. Н. 84, 298
 Тун-Шеху 270
 Тургунов Б. А. 251, 252
 Тутук 261
 Туччи Д. 80

У

У-Кун 271
 Ушаков Г. Ф. 28

Ф

Фа-Сян 146, 149
 Фа-Ху 244
 Фаро 250
 Февралев Н. 19
 Фрай Р. 116
 Франке А. Г. 79
 Франц Г. 80, 85, 120, 121
 Фуше А. 239, 294

Х

Хайдар 286, 287, 288, 300
 Харитии 270
 Харматта Я. 233, 235, 236, 238, 253, 268, 288
 Харун Ар-Рашид 300

Буддийский монастырь Аджина-Тепе

Хауссиг Г. В. 222
Хафизи Абри 301
Хеннинг В. Б. 246, 247, 273, 287–289
Херцфельд 287
Херцфельд Э. 109–111, 117, 233, 286, 287, 293, 294
Хмельницкий С. Г. 103
Хой-Чао 116, 271, 272, 286, 288, 292, 298
Хортен М. 296
Хосров I 257, 277
Хосров Ануширван 257, 277
Христос 276
Хуань-Ди 242
Хумбах Г. 281
Хуэй-Чао 26

Ц

Цао Чжун-Да 281
Цхонхава 81
Цыпина Р. М. 29

Ч

Чаттападхья Яжан Хэн 257
Чжан Цянь 240
Чжи Лоуцзя-Чань 243, 244
Чжи Лян 243, 244
Чжи Чань 244
Чжи Яо 243
Чжу Да-Ли 244

Ш

Шаванн Э. 242, 271, 272, 278, 283, 288
Шакик 296

Шапур I 267
Шапур II 255, 267, 277
Шива 281
Шишкин В. А. 280
Шри-Девы 226
Шуази О. 101
Шудйа 251

Щ

Щербатской Ф. И. 238

Э

Эммерик Р. Э. 294
Энгельс Ф. 298
Эноки К. 269, 277

Ю

Юсупов А. 28

Я

Якуб Ибн Ляйс 300
Янин В. Л.
Янь Вэньжу 261
Янь Фо-Те 244
Ясаков Н. 28
Яхья Ибн Халид 300

Мар Аммо 246, 247, 275
Мар Аба 277

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие научного редактора	5
Введение	18
Глава I	
АДЖИНА-ТЕПА. РАСКОПКИ. ХРОНОЛОГИЯ.	31
Монастырская половина	36
Храмовая половина.	47
Большая Ступа и ее двор	60
Глава II	
АРХИТЕКТУРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ. КОНСТРУКЦИИ. СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПРИЕМЫ. . . .	69
Глава III	
ЖИВОПИСЬ И СКУЛЬПТУРА	122
Живопись	122
Скульптура	152
Глава IV	
АДЖИНА-ТЕПА И ИСТОРИЯ БУДДИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ	231
Заключение	304
Приложение	
Реконструкция монументальной глиняной скульптуры Будды в нирване из Аджина-тепа	308
Список сокращений	318
Именной Указатель	319

Научное издание

Литвинский Борис Анатольевич, **Зеймаль** Тамара Ивановна

**БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ
АДЖИНА-ТЕПА**

(Таджикистан)

Раскопки. Архитектура. Искусство

3-е изд., испр. и доп.

Под редакцией Т. К. Мкртычева

Редактор *Л. А. Соловьева*

Корректор *Е. П. Чебучева*

Технические редакторы *Е. М. Денисова, Д. В. Лаптухина*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

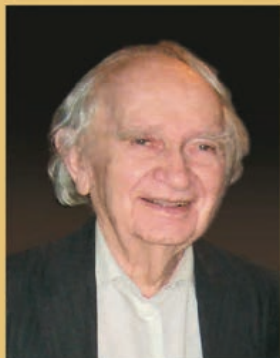
Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99. Подписано в печать 30.10.2010.
Формат 70 × 100¹/₁₆. Тираж 800 (300 — РГНФ) экз. Усл. печ. 20,25 л. Заказ №1925.

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7, лит. «А».
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia.list.ru
www.rossica.su

Отпечатано в типографии «Нестор-История».
197110 Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21, тел. (812) 622-01-23

Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль

БУДДИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ АДЖИНА-ТЕПА (ТАДЖИКИСТАН) РАСКОПКИ. АРХИТЕКТУРА. ИСКУССТВО

Борис Анатольевич Литвинский (1923–2010) — выдающийся советский и российский археолог, основатель научной школы археологии в Таджикистане, доктор исторических наук, академик Академии наук Республики Таджикистан, академик Российской академии естественных наук, иностранный член Национальной Академии деи Линчеи (Рим), иностранный член-корреспондент итальянского Института Африки и Востока (Рим) и Германского археологического института (Берлин). Автор более 500 работ по археологии, истории и культуре древней и средневековой Центральной Азии, включающих монографии, статьи, заметки и рецензии на русском, таджикском, английском, французском, немецком, итальянском, японском языках. Читал лекции в Гарвардском, Нью-Йоркском, Калифорнийском университетах и в Метрополитен-музее (США); в Британском музее (Англия); в Сорбонне, Страсбургском университете и Музее Гиме (Франция); в Боннском, Гейдельбергском, Мюнхенском и Берлинском университетах (Германия); в Римском и Неаполитанском университетах, Итальянском институте Африки и Востока и др. Являлся членом редколлегий и редакционных советов журналов «Bulletin of the Asia Institute» (США), а также многотомной «Encyclopaedia Iranica» (США). Французская Академия надписей и изящной словесности в 2002 г. присудила Б. А. Литвинскому премию имени Романа Гиршмана, а Президиум Российской академии наук в 2006 г. — премию имени С. Ф. Ольденбурга.

Тамара Ивановна Зеймаль (1929–2009) — замечательный советский и российский археолог, крупнейший специалист в области древней и раннесредневековой истории и культуры Бактрии-Тохаристана. Внесла большой вклад в изучение истории буддизма на территории западной части Центральной Азии, раскапывала такие важные буддийские комплексы, как Аджина-тепа и Уштур-мулло в Южном Таджикистане и Кара-тепа в Южном Узбекистане.